СОБРАНІЕ
ТРАКТАТОВЪ И КОНВЕНЦІЙ,

ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

ПО ПОРУЧЕНІЮ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

СОСТАВИЛЪ

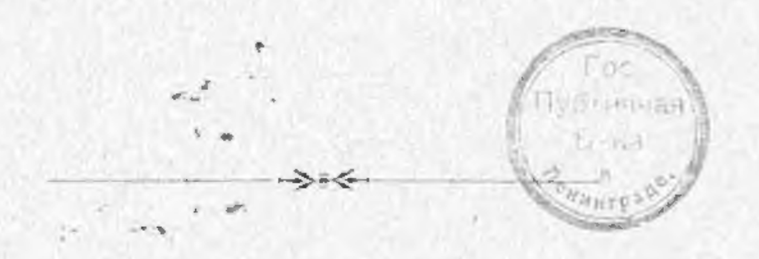
Ф. Мартенсъ,

Непремѣнный членъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,
членъ Institut de France.

Томъ XIII.

ТРАКТАТЫ СЪ ФРАНЦІЕЮ

1717—1807.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.
1902.

СОБРАНІЕ

ТРАКТАТОВЪ и КОНВЕНЦІЙ,

заключенныхъ

РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

RECUEIL

DES

TRAITÉS ET CONVENTIONS,

CONCLUS PAR

LA RUSSIE AVEC LES PUISSANCES ÉTRANGÈRES,

PUBLIÉ

D'ORDRE DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES

PAR

F. de Martens,

MEMBRE PERMANENT DU CONSEIL DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES,
MEMBRE DE L'INSTITUT DE FRANCE.

Tome XIII.

TRAITÉS AVEC LA FRANCE.

1717 — 1807.

ST. PÉTERSBOURG.

Imprimerie A. Böhnke, Nowy Péréoulok № 2.

1902.

СОБРАНІЕ
ТРАКТАТОВЪ и КОНВЕНЦІЙ,

ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

По порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

СОСТАВИЛЪ

Ф. Мартенсъ,

Непремѣнный членъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,
членъ Institut de France.

Томъ XIII.

ТРАКТАТЫ СЪ ФРАНЦІЕЮ

1717—1807.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

1902.

Печатается съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія.

PRÉFACE.

En livrant à la publicité le présent XIII-e volume qui forme le commencement de la *quatrième* série des traités et conventions, conclus par la Russie avec les Puissances étrangères, je ne puis m'empêcher de constater avec satisfaction que cette publication a été accueillie avec sympathie par les critiques sérieux et compétents, dans tous les pays civilisés. Elle s'est acquis une place marquée parmi les publications, consacrées à l'histoire des relations diplomatiques et basées sur l'étude des documents authentiques, conservés dans les archives d'Etat des nations civilisées.

Ce qui en rehausse spécialement l'intérêt scientifique, ce sont les esquisses historiques, précédant le texte des transactions internationales et rédigées, presqu'exclusivement, d'après des documents, puisés directement aux archives du Ministère des Affaires Etrangères.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ настоящій XIII-й томъ, которымъ начинается *четвертая* серія международныхъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, я не могу не констатировать того отраднаго факта, что настоящее изданіе удостоилось полнаго сочувствія со стороны серьезной и авторитетной критики во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Оно завоевало себѣ совершенно опредѣленное мѣсто въ средѣ трудовъ, посвященныхъ исторіи международныхъ отношеній и основанныхъ на изученіи первоисточниковъ, хранимыхъ въ государственныхъ архивахъ цивилизованныхъ народовъ.

Исключительная особенность настоящаго изданія заключается въ историческихъ очеркахъ, предпосланныхъ тексту отпечатанныхъ международныхъ актовъ и составленныхъ, почти исключительно, на основаніи источниковъ, непосредственно почерпнутыхъ въ архи-

Prenant en considération que les critiques les plus compétents ont trouvé que ces esquisses historiques constituaient précisément la particularité caractéristique „la plus intéressante", „la plus documentée" et „la plus instructive" de cette œuvre, j'ai cru de mon devoir de faire usage dans une large mesure des sources des archives, très abondants, que j'avais à exploiter. C'est ce qui explique en quelque sorte la raison pour laquelle la publication de ces volumes a subi quelque retard. Si je ne m'efforçais pas de tirer largement profit de la correspondance diplomatique et des actes des archives, ces esquisses historiques eussent été considérablement plus courtes, mais je me permets de croire que dans ce cas tout l'intérêt et toute la portée scientifique de cette publication eussent été compromis.

En vue de ces considérations, on comprend l'importance du présent volume ayant pour objet les relations internationales entre la Russie et la France depuis leur origine jusqu'aux fameux traités de paix et d'alliance, conclus à Tilsit en 1807. Le volume suivant (XIVe) comprendra les transactions conclues entre la Russie et la France depuis 1807 jusqu'à l'époque actuelle.

D'après le système, adopté dans la présente publication, c'est le traité d'alliance d'Amsterdam de 1717 qui figure comme premier document, inséré dans ce volume (№ 471); il ouvre une série de traités d'alliance et d'actes franco-russes, conclus après le traité de Westphalie. L'histoire du développe-

вахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Имѣя въ виду, что наиболѣе компетентные критики находятъ именно въ этихъ историческихъ очеркахъ „наиболѣе интересную, наиболѣе документальную и наиболѣе поучительную" характеристическую особенность настоящаго изданія, я не считалъ себя въ правѣ не воспользоваться, въ широкихъ размѣрахъ, предоставленными въ мое распоряженіе богатѣйшими архивными матеріалами. Этимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется нѣкоторая медленность въ появленіи въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ. Еслибъ я не старался широко воспользоваться дипломатическою перепискою и актами архивовъ, историческіе очерки были бы значительно короче. Но, смѣю думать, что въ такомъ случаѣ весь жизненный интересъ и научное значеніе настоящаго изданія были бы подрѣзаны въ самомъ корнѣ.

Этими соображеніями объясняются значеніе и интересъ настоящаго тома, имѣющаго своимъ предметомъ международныя отношенія между Россіей и Франціей съ самаго ихъ начала до заключенія въ 1807 году знаменитыхъ Тильзитскихъ трактатовъ мира и союза. Въ слѣдующемъ XIV-мъ томѣ будутъ отпечатаны заключенные между Россіей и Франціей международные акты съ 1807 года по настоящее время.

По принятой для всего настоящаго изданія системѣ изложенія, первымъ международнымъ актомъ, подлежавшимъ напечатанію, явился Амстердамскій союзный трактатъ 1717 года (№ 471), которымъ открывается рядъ франко-русскихъ союзовъ и актовъ послѣ Вестфальскаго мирнаго трактата.

ment des relations diplomatiques entre la Russie et la France, antérieurement à l'année 1717, se trouve exposée en détail dans „*l'Introduction*“ (p. I—LXXXVI). Dans les commencements, les conditions physiques et les aspirations politiques des deux Etats ne semblaient pas de nature à favoriser l'établissement de relations diplomatiques régulières. Lorsque des rapports directs surgirent entre eux, dans le cours du XVI siècle, ce fut le Tsar de Moscou qui en prît l'initiative et non le Roi de France. Dans toutes les relations de l'Etat moscovite avec les autres nations de l'Europe, l'initiave appartenait généralement à ces dernières et non au gouvernement de Moscou. Ce fait curieux peut s'expliquer par l'action prépondérante, que la France exerçait dans le conseil des ennemis les plus dangereux de la Russie Moscovite: la Turquie, la Pologne et la Suède.

Mais jusqu'à la fin du XVIII siècle les relations entre la Russie et la France étaient loin d'être sincèrement-amicales: la France monarchique de l'ancien régime ne pouvait pas se résoudre à répudier ses traditions politiques qui ne lui permettaient pas de refouler au second plan, dans le système politique de l'Europe, ses alliés séculaires. Les ouvertures faites avec insistance par Pierre-le-Grand, lors de sa fameuse visite à Versailles en 1717 (№ 471) au sujet d'une alliance définitive avec la Russie, aussi bien que les sympathies de l'Impératrice Elisabeth pour le Roi, la nation, les mœurs et les usages français, à l'époque de Louis XV, furent impuissantes à améliorer notablement les relations mutuelles des deux Puissances.

Исторія возникновенія и развитія дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей до 1717 года подробно изложена въ „*Введеніи*“ (стр. I—LXXXVI). Ни естественныя условія, ни политическія стремленія обоихъ государствъ первоначально не могли содѣйствовать развитію между ними правильно организованныхъ международныхъ отношеній. Когда же въ XVI столѣтіи возникли между ними непосредственныя сношенія, починъ принялъ на себя московскій Царь, а не французскій король. Между тѣмъ въ сношеніяхъ московскаго государства со всѣми остальными западно-европейскими народами починъ обыкновенно принадлежалъ послѣднимъ, но не московскому правительству. Эта любопытная особенность объясняется тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, которое имѣла Франція въ совѣтѣ всѣхъ опаснѣйшихъ враговъ московской Россіи: Турціи, Польши и Швеціи.

Но до конца XVIII вѣка отношенія между Россіей и Франціей были далеко не искренне-дружескими: монархическая Франція временъ Ancien régime не могла отречься отъ своихъ политическихъ традицій, недопускавшихъ удаленія на задній планъ въ европейской политической системѣ вѣковыхъ своихъ союзниковъ. Ни настоятельныя предложенія Петра В., во время его знаменитаго визита въ Версалѣ въ 1717 году (№ 471), вступить въ постоянный союзъ съ Россіей, ни искренняя привязанность Императрицы Елизаветы Петровны къ королю, народу, нравамъ и обычаямъ Франціи временъ Людовика XV не въ состояніи были существеннымъ образомъ улучшить взаимныя отношенія обѣихъ державъ.

L'incident fâcheux de l'expulsion du marquis de la Chetardie, de ce brillant représentant diplomatique de Louis XV, d'après les ordres de l'Impératrice Elisabeth, n'était pas de nature à favoriser un rapprochement entre la Russie et la France. L'esquisse historique sub № 473 contient l'exposé détaillé de la mission diplomatique du marquis de la Chetardie et présente de l'intérêt comme un tableau des mœurs diplomatiques au XVIII-me siècle.

L'esquisse historique sub № 479—485 résume les détails sur la part qu'a prise la Russie à la conclusion des traités de paix de Versailles de 1783, ayant pour objet la reconnaissance de l'indépendance politique des Etats-Unis de l'Amérique du Nord. Le rôle de la Russie, en qualité de médiatrice, dans cette circonstance, était généralement si peu connu jusqu'à ce moment, qu'on ne se doutait pas qu'elle eut pris part à ces transactions internationales. Elle n'a pas moins participé à la demande de tous les belligérants aux pourparlers qui ont amené la paix.

L'avénement au trône de l'Empereur Alexandre I marque une nouvelle phase dans l'histoire des relations internationales entre la Russie et la France qui se concentrèrent dans la personnalité éminente de Napoléon I. L'histoire du traité de paix de 1806 (№ 492), signé par m-r Oubril en contravention avec ses pleins pouvoirs, se trouve exposée d'après les documents des archives, qui attestent sans laisser le moindre doute cette bévue regrettable du diplomate russe. Comme ce traité ne fut point ratifié par l'Empereur Alexandre I, il

Прискорбная исторія удаленія изъ Россіи маркиза де ла Шетарди, блестящаго дипломатическаго представителя Людовика XV, по распоряженію Императрицы Елизаветы Петровны, не могла содѣйствовать улучшенію взаимныхъ отношеній Франціи и Россіи. Въ историческомъ очеркѣ № 473 весьма подробно изложена исторія дипломатической миссіи маркиза Шетарди, заслуживающей особеннаго вниманія съ точки зрѣнія правовъ и обычаевъ дипломатовъ XVIII вѣка.

Въ историческомъ очеркѣ № 479—485 наброшена исторія участія Россіи въ заключеніи Версальскихъ мирныхъ трактатовъ 1783 года, которыми была признана политическая независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Роль Россіи, въ качествѣ посредницы при заключеніи этихъ трактатовъ, была по настоящее время такъ мало извѣстна, что она обыкновенно не считалась участницею въ этихъ международныхъ актахъ. Между тѣмъ Россія участвовала въ переговорахъ, приведшихъ къ миру, по просьбѣ всѣхъ воюющихъ державъ.

Съ воцареніемъ Императора Александра I начинается новый фазисъ въ исторіи международныхъ сношеній Россіи и Франціи, центромъ которыхъ сдѣлалась геніальная личность Наполеона I. Исторія мирнаго трактата 1806 года (№ 492), подписаннаго Убри въ явное превышеніе своихъ полномочій, изложена на основаніи архивныхъ источниковъ, вполнѣ обнаруживающихъ несомнѣнную оплошность этого русскаго дипломата. И такъ какъ этотъ трактатъ не былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ I, то онъ отпечатанъ

est inséré sous forme d'*Annexe*, d'après le mode adopté pour cette publication.

Enfin, les traités, signés à Tilsit en 1807, forment la clôture du présent volume.

Le rôle assumé par Alexandre I dans le cours des entrevues personnelles avec Napoléon à Tilsit a été jusqu'à présent l'objet de discussions parmi les historiens. La plupart affirment qu'il se laissa tellement séduire par le charme, exercé sur lui par l'Empereur des Français à Tilsit, qu'il perdit toute faculté de résister. à son action et qu'il s'y soumit d'une manière absolue. Cette soumission aurait encore gagné d'intensité à l'entrevue d'Erfurt.

Toutefois cette manière de voir n'est pas corroborée par les faits ci-dessous signalés (pag. 305 et suiv.), puisés à des sources authentiques.

Je ne puis m'empêcher de constater en terminant que les volumes du Recueil de la Société Impériale historique russe, contenant la correspondance diplomatique, puisée aux archives du Ministère des Affaires Etrangères de France, m'ont été d'une grande utilité. Je puis en dire autant de la publication capitale de ce même Ministère: „Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France.—Russie". (Paris 1890, 2 vols). Les rémarquables commentaires historiques, émanant de la plume de M. Alfred Rambaud, rehaussent considérablement la valeur de cet ouvrage.

Enfin, il me reste encore à remplir un agréable devoir: celui d'exprimer ma reconnaissance la plus sincère à mes

въ видѣ „*Приложенія*", по принятому для этого изданія порядку.

Наконецъ, трактатами, подписанными въ 1807 году въ Тильзитѣ, оканчивается настоящій томъ.

Роль Императора Александра I во время личныхъ свиданій съ Наполеономъ I въ Тильзитѣ составляетъ, до сихъ поръ, предметъ спора между историками. Большинство изъ нихъ утверждаетъ, что Александръ I настолько подпалъ въ Тильзитѣ подъ обаяніе императора Французовъ, что совершенно потерялъ способность сопротивляться личному вліянію Наполеона I и безпрекословно ему подчинялся. Такое подчиненіе было, будто бы, закрѣплено на Эрфуртскомъ свиданіи.

Однако, такое мнѣніе не подтверждается нижеприведенными (стр. 350 и слѣд.) документальными фактами.

Въ заключеніе, не могу не признать, что при составленіи настоящаго тома оказывали мнѣ большую пользу томы „Сборника *Императорскаго* Русскаго Историческаго Общества", въ которыхъ отпечатана дипломатическая переписка, извлеченная изъ архивовъ французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Равнымъ образомъ чрезвычайно полезно было капитальное изданіе того же Министерства: „Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. — Russie". (Paris 1890, 2 тома). Цѣнность этого изданія удесятирилась, благодаря превосходнымъ историческимъ комментаріямъ изъ-подъ пера Альфреда Рамбо.

Наконецъ, остается исполнить еще одинъ пріятный долгъ, а именно: выразить мою искреннѣйшую признатель-

fidèles collaborateurs de longue date: le comte N. de Sancé et M. Mouromtsew, toujours empressés à me prêter leur aimable et désintéressé concours dans l'accomplissement du travail immense que j'ai entrepris.

Plus de 500 transactions internationales ont été imprimées dans les treize volumes déjà parus; des dizaines de milliers de dépêches diplomatiques, de lettres particulières et de mémoires ont été compulsés par moi seul pour livrer matière à des citations textuelles dans les exquisses historiques.

Tel est le bilan de cette oeuvre de trente ans.

F. M.

Avril 1902.

ность моимъ многолѣтнимъ вѣрнымъ сотрудникамъ: графу Н. Э. Сансе и М. И. Муромцеву, за ихъ всегдашнюю готовность оказывать мнѣ свое безкорыстное и любезное содѣйствіе при продолженіи предпринятаго мною громаднаго труда.

Больше 500 международныхъ актовъ напечатано въ вышедшихъ 13 томахъ и изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ дипломатическихъ депешъ, частныхъ писемъ и мемуаровъ, хранящихся въ архивахъ, сдѣланы мною лично выписки для историческихъ очерковъ и въ нихъ разработаны.

Таковъ активъ настоящаго тридцатилѣтняго труда.

Ф. М.

Апрѣль 1902 г.

INDEX.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

INTRODUCTION.

Louis Deshayes Courmenin fut envoyé en 1629 par le roi Louis XIII en qualité d'ambassadeur à Moscou avec la mission de régler les relations de commerce entre la France et l'Etat moscovite pendant le régne du Tsar Michel Féodorovitch. A l'audience solennelle chez le Tsar l'ambassadeur prononça le discours suivant:

„S. M. Tsarienne est la tête et le chef dans les pays d'Orient et de religion grecque; Louis, roi de France est la tête et le chef dans les pays du Midi. Quand le Tsar et le roi de France sont en bonne amitié et parfaite correspondance, alors leurs ennemis perdront de leur force. L'Empereur Romain et le roi de Pologne sont unis: pourquoi le Tsar et le roi de France ne seraient-ils pas amis et étroitement unis contre leurs adversaires?"

„Le roi de France est l'ami du sultan des Turcs; or sachant que S. M. Tsarienne a le sultan des Turcs pour ami et qu'elle

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1629 году находился въ Москвѣ французскій посолъ Луи Дегэ (Deshayes) Курмененъ, отправленный королемъ Людовикомъ XIII въ Москву для упорядоченія правильныхъ торговыхъ оборотовъ между Франціею и московскимъ государствомъ въ царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича. На торжественной аудіенціи у Царя французскій посолъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Его Царское Величество глава и Государь восточныхъ странъ и греческой религіи. Людовикъ, король французскій, глава и Государь южныхъ странъ. Когда Царь и король Франціи находятся въ доброй дружбѣ и постоянныхъ сношеніяхъ, Государи, ихъ враги, въ значительной степени лишатся своей силы. Императоръ римскій и король польскій союзники. Почему Царь и король французскій не могли бы находиться въ дружбѣ и въ тѣсномъ союзѣ противъ своихъ враговъ?"

„Король французскій другъ турецкаго султана. Зная, что Его Царское Величество другъ турецкаго султана

est le chef de la religion orthodoxe grecque, le roi a ordonné à ses ambassadeurs à Constantinople d'aider en toutes leurs affaires les Russes et les Grecs qui s'y trouvent. D'aussi grands souverains que le roi de France et S. M. Tsarienne sont partout renommés glorieusement; il n'existe pas d'autres souverains aussi grands et aussi puissants, car tous leurs sujets leur obéissent en tout, à la différence des Anglais et des Brabançons qui n'en font qu'à leur caprice. Et ceux-ci achètent bon marché en Espagne des marchandises qu'ils vendent très cher aux Russes, tandis que les Français vendraient à ceux-ci tout à bon marché".

и глава православной греческой религіи, король приказалъ своимъ посланникамъ въ Константинополѣ помогать, во всѣхъ дѣлахъ, Русскимъ и Грекамъ, тамъ пребывающимъ. Такіе великіе Государи,—заключилъ свою рѣчь французскій посолъ,—какъ король Франціи и Его Царское Величество, повсюду достославно извѣстны. Нѣтъ на свѣтѣ другихъ Государей, столь же великихъ и могущественныхъ, ибо всѣ ихъ подданные во всемъ имъ послушны, въ отличіе отъ Англичанъ и Брабанцевъ, которые повинуются только по своему капризу. И послѣдніе покупаютъ въ Испаніи всѣ товары дешево и продаютъ ихъ Русскимъ дорого, между тѣмъ, какъ Французы все продавали бы Русскимъ дешево".

Ce discours du diplomate français du XVII siècle sert à caractériser d'une manière remarquable les relations mutuelles entre l'Etat moscovite et la France. Malheureusement ce tableau pêche par un côté essentiel en ce qu'il ne s'accorde pas avec l'état réel des choses. Le Tsar de Moscou étant chef de l'église orthodoxe, ne pouvait pas être l'ami du souverain de la France, du roi très-chrétien et du fils ainé de l'église catholique. Depuis le commencement du XVI siècle le roi de France était l'allié et l'ami le plus intime du sultan, tandis que le Tsar de Moscou était de tout temps un ennemi déclaré de la Porte. Le roi de France se plaisait à voir dans la Pologne un appui pour son système politique en Europe et pour la lutte séculaire qu'il poursuivait avec l'Empire romain et la dynastie des Habsbourg, tandis que le Tsar de Moscou devait nécessairement considérer les

Эта рѣчь французскаго дипломата XVII-го вѣка весьма замѣчательно характеризуетъ условія взаимныхъ отношеній между московскимъ государствомъ и Франціей. Характеристика эта страдаетъ только однимъ недостаткомъ: она совершенно несогласна была съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Царь московскій, будучи главою православной церкви, не могъ быть другомъ наихристіаннѣйшаго французскаго короля и первороднаго сына католической церкви. Король Франціи былъ съ начала XVI вѣка наиболѣе близкимъ другомъ и союзникомъ турецкаго султана, между тѣмъ какъ Царь московскій былъ испоконъ вѣка его непримиримымъ врагомъ. Король французскій усматривалъ въ Польшѣ твердую опору для своей европейской политики и вѣковой борьбы съ Римскою имперіей и династіею Габсбурговъ, между тѣмъ какъ московскій Царь

rois de Pologne et la nation polonaise comme des ennemis jurés de la Russie.

Enfin, si les Anglais et les Brabançons vendaient leurs marchandises cher aux Russes, il n'y avait aucune garantie que les Français ne le fissent également.

Ainsi de tout ce discours très habile de l'ambassadeur de France, il ne restait qu'une seule assertion vraie savoir que les Anglais et les Brabançons sont toujours dans un état de révolte et n'en font „qu'à leur caprice", tandi sque les Français de l'ancien régime et les Russes se soumettent à leur gouvernement et respectent leurs souverains. Ce trait était en effet judicieusement saisi par le diplomate français du XVII siècle et pouvait, en quelque sorte, servir de base à un rapprochement entre la Russie et la France.

En effet, au XVI siècle, lorsque quelques relations commencèrent à s'établir entre ces deux pays aucun motif réel ne semblait devoir les justifier. C'est ici que l'on peut se convaincre de cette vérité que les relations entre les nations sont la conséquence fatale et inéluctable des conditions naturelles dans lesquelles elles se trouvent à un moment donné de leur existence. Si ces conditions sont de nature à favoriser ce rapprochement, il surgira de lui-même et gagnera du développement par la force des choses; si par contre leurs aspirations en matière de politique et de culture s'y opposent, il est certain que ces nations resteront étrangères et même hostiles l'une à l'autre pendant des siècles entiers.

принужденъ былъ считать польскихъ королей и народъ самыми заклятыми врагами Россіи и русскаго народа.

Наконецъ, если Англичане и Брабанцы дорого продавали свои товары Русскимъ, то не было никакихъ ручательствъ въ томъ, что Французы будутъ продавать имъ свои товары дешевле.

Такимъ образомъ изъ ловкой рѣчи французскаго посла осталось неопровержимымъ только одно положеніе: что Англичане и Брабанцы постоянно бунтуютъ и „по капризу" слушаются своихъ Государей, между тѣмъ какъ Французы временъ ancien régime и Русскіе всегда покорно подчиняются своимъ правительствамъ и почитаютъ своихъ Государей. Эта черта дѣйствительно была вѣрно подмѣчена французскимъ дипломатомъ XVII вѣка и могла служить, въ извѣстной степени, основаніемъ для сближенія между Россіей и Франціей.

Въ самомъ дѣлѣ, когда въ XVI вѣкѣ начались первыя сношенія между московскимъ государствомъ и Франціей, не было положительно никакихъ причинъ для дѣйствительнаго сближенія обоихъ государствъ. На исторіи ихъ первоначальныхъ сношеній вполнѣ можно убѣдиться въ неопровержимости той истины, что международныя сношенія являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ естественныхъ условій, въ которыхъ находятся народы въ данную эпоху ихъ жизни. Если естественныя условія благопріятствуютъ обоюднымъ сношеніямъ и сближенію данныхъ народовъ, то сношенія между ними возникнутъ и будутъ развиваться силою вещей и сами собою. Напротивъ, если эти условія и зависящія отъ нихъ политико-культурныя стремленія народовъ

не содѣйствуютъ сближенію народовъ, то послѣдніе останутся незнакомыми и даже враждебными другъ другу въ продолженіе вѣковъ.

Ces vérités irréfutables peuvent être appliquées avec fruit à l'histoire des relations mutuelles entre la Russie et la France.

Эти безспорныя положенія вполнѣ примѣнимы къ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи.

Ni les conditions naturelles, ni les aspirations politiques de ces Etats ne pouvaient contribuer à établir entre eux des relations internationales quelque peu durables et régulières. Au point de vue géographique ils se trouvaient séparés l'un de l'autre par un certain nombre de pays qui constituaient un obstacle à leur contact direct. L'Etat moscovite, privé de tout accès à la mer et frappé d'isolement, pouvait difficilement entretenir des relations commerciales et politiques avec la France. Pour celle-ci la Russie était encore toujours cette Moscovie lointaine, dont le régime politique, les lois et les mœurs avaient une empreinte asiatique. Les ambassadeurs du Tsar qui arrivaient de temps en temps en France justifiaient entièrement cette manière dédaigneuse de juger la Moscovie et son gouvernement. D'ailleurs leur aspect extérieur et leurs mœurs donnaient souvent lieu à des mocqueries à la Cour de Versailles si brillante et dans les salons elégants de la société française au XVII siècle.

Ни естественныя условія, ни политическія стремленія обоихъ государствъ не могли содѣйствовать развитію между ними правильно организованныхъ международныхъ сношеній. По географическому своему положенію оба государства были отдѣлены другъ отъ друга многими странами, препятствовавшими всякимъ непосредственнымъ между ними сношеніямъ. Для отрѣзаннаго отъ моря и замкнутаго московскаго государства Франція являлась страною, съ которою почти невозможно было поддерживать постоянные торговые обороты и политическія сношенія. Для Франціи московское государство являлось дальнею „Московіею", имѣющею азіятскіе государственные порядки, законы и нравы. Пріѣзжавшія изрѣдка во Францію посольства московскаго Царя вполнѣ оправдывали, въ глазахъ Французовъ, ихъ пренебрежительное отношеніе къ „Московіи" и къ ея правительству. Какъ внѣшній видъ, такъ и нравы московскихъ пословъ вызывали насмѣшки и неудовольствіе блестящаго Версальскаго двора и изящнаго французскаго общества XVII вѣка.

En dehors de cela, les intérêts politiques de la Russie et de la France étaient loin d'être identiques au XVI et XVII siècle. Les amis de la France étaient les ennemis jurés de la Russie et vice-versa.

Сверхъ того политическіе интересы Россіи и Франціи совершенно не сходились между собою въ XVI и XVII вѣкахъ: друзья Франціи были заклятыми врагами Россіи, и наоборотъ, естествен-

En effet, depuis François, I les rois de France cherchaient un appui à leur politique dans des rapports d'intimité avec l'Empire Ottoman, la Suède et la Pologne. L'alliance avec ces trois Etats constituait tout un système politique connu sous le nom de „barrière de l'Est".

Dans sa lutte avec Charles Quint, François I contracta une alliance avec le sultan Soliman II. Depuis lors la France et la Turquie luttèrent en commun avec l'Autriche et la dynastie des Habsbourg. Depuis cette époque ce n'est que sous la protection de la France que les étrangers pouvaient s'établir en Turquie et se livrer librement au commerce dans ce pays. Cette amitié intime du fils ainé de l'église avec le sultan, cet ennemi du monde chrétien, soulevait de vives protestations même au sein de la nation française. Mais la Cour de Versailles y ajoutait un grand prix en vue de ses combinaisons politiques.

La Suède était un autre allié de la France dans le cours de plusieurs siècles. Le cardinal de Richelieu voyait dans cet accord avec ce pays un appui solide pour sa lutte avec l'Empire Romain et la dynastie des Habsbourg. C'est plus particulièrement depuis la guerre de Trente ans que la France s'est habituée à compter sur la Suède pour l'exécution de ses plans politiques contre l'Autriche, et le gouvernement suèdois n'hésitait pas à immoler généreusement la vie de ses sujets pour

ные враги Франціи были ближайшими друзьями московскаго государства.

Въ самомъ дѣлѣ, опорою политики французскихъ королей, со временъ Франциска I, были союзныя и дружескія отношенія Франціи къ Оттоманской имперіи, Швеціи и Польшѣ. Союзъ съ этими тремя государствами составлялъ цѣлую политическую систему, извѣстную подъ названіемъ „восточной барьеры" (barrière de l'Est).

Для борьбы съ Карломъ V король Францискъ I вступилъ въ союзъ и дружбу съ султаномъ Солиманомъ II. Съ этого времени Франція и Турція вмѣстѣ сражаются противъ Габсбургской династіи и Австріи. Съ этого времени только подъ защитою французскаго флага иностранцы могли свободно жить въ Турціи и заниматься тамъ льготною торговлею. Эта тѣсная дружба между „перворогднымъ сыномъ церкви" и турецкимъ султаномъ — врагомъ всего христіанскаго міра — вызывала даже въ средѣ самого французскаго народа оживленные протесты. Но этою дружбою съ Портою очень дорожилъ Версальскій дворъ въ виду своихъ положительныхъ политическихъ интересовъ.

Другимъ союзникомъ Франціи была въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Швеція. Въ союзѣ съ Швеціею кардиналъ Ришелье усмотрѣлъ твердую точку опоры въ борьбѣ противъ Римской Имперіи и династіи Габсбурговъ. Со временъ, въ особенности, Тридцатилѣтней войны Франція всегда разсчитывала на Швецію для исполненія своихъ политическихъ плановъ противъ Австріи, и шведское правительство великодушно жертвовало кровью своихъ подданныхъ для поддержки видовъ

appuyer les visées du gouvernement français au centre de l'Europe.

Enfin, en ce qui regarde la Pologne, elle était au XVI et XVII siècle un instrument docile entre les mains du Cabinet français qui s'appliquait à entretenir avec elle les relations les plus intimes. A ce point de vue on comprend que la Pologne devait servir à la France de point d'appui au Nord de l'Europe pour des agressions contre l'Autriche et de foyer d'agitation pour contrecarrer les visées de la Cour de Vienne et ensuite celles de la Cour de Berlin. Malgré les difficultés auxquelles la politique française se heurtait en Pologne à cause de son état d'anarchie, la Cour de Versailles ajoutait un grand prix à ses relations d'amitié avec le gouvernement de Varsovie.

En attendant, la Turquie, la Suède et la Pologne étaient dans le cours de plusieurs siècles les ennemis les plus irréconciliables de la nation russe. C'est dans cette lutte continuelle avec la Porte qu'elle est arrivée à la conscience d'elle-même et que se sont consolidées les bases de l'accroissement historique de la Russie; c'est la guerre séculaire avec la Suède qui a créé les conditions du développement de la Russie comme grande puissance et lui a fixé ses limites à l'Occident; enfin, c'est par les conflits incessants avec la Pologne que s'est constitué l'Etat moscovite et que la Russie orthodoxe s'est trouvée unifiée.

En présence de ces faits, on arrive nécessairement à la conclusion que les amis de la France étaient les ennemis jurés de la Russie. Il ne pouvait exister

французской политики въ центральной Европѣ.

Наконецъ, что касается Польши, то она была, въ XVI и XVII вѣкахъ, покорнымъ орудіемъ въ рукахъ французскаго правительства, которое всѣми средствами старалось поддерживать съ нею самыя близкія сношенія. Польша должна была служить на сѣверѣ Европы опорнымъ пунктомъ для нападеній на австрійскія земли и для постоянной агитаціи противъ политическихъ стремленій Вѣнскаго и, впослѣдствіи, Берлинскаго дворовъ. Несмотря на трудности французской политики въ Польшѣ, въ виду ея постояннаго анархическаго внутренняго состоянія, Версальскій дворъ все-таки чрезвычайно дорожилъ своими дружескими отношеніями съ Варшавскимъ правительствомъ.

Между тѣмъ, и Турція, и Швеція, и Польша были, въ продолженіе многихъ вѣковъ, заклятыми и непримиримыми врагами русскаго народа. Въ постоянной борьбѣ съ Турками окрѣпло національное самосознаніе русскаго народа и укрѣпились устои историческаго роста Россіи; многовѣковою борьбою съ Швеціей были созданы условія развитія Россіи, какъ великой европейской державы, и были установлены ея западныя границы; наконецъ, въ непрестанныхъ войнахъ съ Польшею выработалось московское государство и сложилась православная единая Россія.

Въ виду такихъ обстоятельствъ нельзя не заключить, что друзья Франціи были естественными врагами Россіи. Между обоими государствами

aucune communauté d'intérêts politiques entre ces deux Etats, tout comme il n'y avait pas entre eux de frontières géographiques communes. Tandis que l'Etat moscovite était toujours en guerre avec la Porte, la France ne cessait d'entretenir avec elle des relations d'amitié. Aussi le gouvernement français devait-il naturellement applaudir à toute victoire des Turcs sur les Russes et s'émouvoir de tout échec qui leur était infligé.

On peut en dire autant de l'attitude de la France dans la lutte séculaire de la Russie avec la Suède et la Pologne. Les intérêts de ces deux puissances étaient toujours incompatibles avec ceux de la Russie. Aussi ne pouvait-il exister entre elles ni amitié sincère, ni alliance solide. La France, en sa qualité d'allié intime de la Suède et de la Pologne devait nécessairement se trouver en collision avec leur ennemi—l'Etat moscovite.

Dans cet état de choses la Cour de Versailles devait être étonnée de l'arrivée de la première ambassade du Tsar en 1615. Le roi Louis XIII la reçut à Bordeaux et pouvait difficilement s'expliquer la nature de sa mission et semblait ignorer le nom du souverain qu'elle était appelée à représenter. Le roi avait en général des notions très vagues au sujet de l'Etat moscovite.

Aussi ne pouvait-il être question d'intérêts politiques communs quelconques entre la Russie et la France. Le gouvernement français ne pouvait se rendre compte que des intérêts de cette nature puissent exister et que la nécessité de les protéger dût le porter à un rapprochement avec la Moscovie.

не могло быть никакихъ общихъ политическихъ интересовъ, подобно тому, какъ не было между ними никакихъ общихъ географическихъ границъ. Если московское государство неустанно воевало съ Турціей, то, напротивъ, Франція постоянно дружила съ нею. Каждой побѣдѣ Турокъ надъ Русскими должно было радоваться французское правительство, и каждое пораженіе Турокъ должно было его печалить.

Тоже самое должно сказать объ отношеніи Франціи къ перипетіямъ многовѣковой борьбы между Россіей, Швеціей и Польшею. Интересы и стремленія послѣднихъ двухъ государствъ были непримиримы съ интересами и стремленіями Россіи. Поэтому между ними не могло быть ни искренней дружбы, ни прочнаго союза. Франція же, какъ ближайшая союзница Швеціи и Польши, постоянно должна была сталкиваться съ ихъ врагомъ—московскимъ государствомъ.

Такимъ образомъ понятно будетъ невыразимое удивленіе Версальскаго двора, когда къ нему явилось, въ 1615 году, первое посольство московскаго Царя. Король Людовикъ XIII принялъ это посольство въ Бордо и не могъ себѣ объяснить, для чего оно прибыло, и кто его отправилъ. О московскомъ государствѣ король имѣлъ самыя неясныя представленія.

О какихъ-либо общихъ между Россіей и Франціей политическихъ интересахъ не могло быть и рѣчи. Французское правительство не могло дать себѣ отчета о такихъ общихъ интересахъ, для охраненія которыхъ оно должно было сблизиться съ Московіею. Но, съ другой стороны, когда москов-

D'autre part le gouvernement moscovite, dans sa lutte pour sa sécurité, eut connaissance de l'existence des rois de France, si puissants, et de l'action qu'ils exerçaient sur les ennemis jurés de la Russie tels que le sultan et les rois de Suède et de Pologne; aussi est-il naturel qu'il cherchât à obtenir leur assistance et leur protection.

C'est ce qui explique ce fait curieux que, pour l'établissement de ces relations plus intimes, les premières démarches émanèrent non pas de la France, mais du gouvernement moscovite, tandis que lorsqu'il s'agissait des autres Etats de l'Occident, celui-ci avait coutume de leur abandonner toute initiative sur ce terrain. Il accueillait généralement avec peu d'empressement leurs ouvertures d'entretenir avec lui des relations diplomatiques régulières et d'accréditer à Moscou des représentants diplomatiques à poste fixe. (V. t. V du présent „Recueil de traités", Introduction).

En attendant, le Tsar Vasili Ivanovitch adressa une lettre à François I en 1518, et ainsi c'est à la Russie qu' appartient l'initiative de ces rapports diplomatiques avec la France. Dans sa lettre du 16 avril 1518, le Tsar communiquait au roi de France qu'il venait de conclure une alliance avec l'Electeur de Brandenbourg Albert contre la Pologne et que les deux alliés comptaient sur l'appui du roi en cas d'agression de la part de cette puissance.

Tel fut le premier acte diplomatique qui atteste un commencement de rela-

ское правительство, въ продолженіе борьбы за свое существованіе, узнало о блестящихъ и могущественныхъ французскихъ короляхъ, имѣющихъ огромное вліяніе на исконныхъ враговъ Россіи: турецкаго султана, шведскаго и польскаго королей, оно естественно должно было желать ихъ помощи и покровительства.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ любопытный фактъ, что въ сношеніяхъ Россіи съ Франціею починъ въ болѣе близкихъ взаимныхъ отношеніяхъ исходилъ не отъ французскаго, но отъ московскаго правительства. Въ международныхъ сношеніяхъ Москвы со всѣми остальными западно-европейскими государствами починъ обыкновенно принадлежалъ послѣднимъ. Весьма не дружелюбно относилось московское правительство къ намѣреніямъ европейскихъ государствъ поддерживать съ нимъ правильныя дипломатическія сношенія и содержать въ Москвѣ своихъ постоянныхъ дипломатическихъ представителей. (См. т. V настоящаго „Собранія трактатовъ", Введеніе).

Между тѣмъ къ французскому королю Франциску I писалъ уже царь Василій Ивановичъ, въ 1518 году, и такимъ образомъ, честь начала дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей принадлежитъ первой державѣ. Въ письмѣ своемъ, отъ 16-го апрѣля 1518 года, Царь сообщаетъ французскому королю, что онъ заключилъ союзъ съ Бранденбургскимъ курфюрстомъ Албрехтомъ противъ Польши и что оба союзника надѣются на помощь короля, въ случаѣ нападенія на нихъ со стороны Польши.

Таковъ самый первый дипломатическій актъ, свидѣтельствующій о началѣ

tions mutuelles entre la Russie et la France *).

Il est certain que le Tsar Vassili Ivanovitch ne vint pas de lui-même à l'idée d'adresser une lettre au roi de France sur l'existence duquel il avait aussi bien que ses boyars les notions les plus vagues. L'idée de ce recours au roi de France émanait de l'Electeur de Brandenbourg qui pria le Tsar d'écrire cette lettre, qui fut rédigée en russe et en allemand. Elle ne fut pas expédiée par une ambassade moscovite spéciale, mais confiée à l'agent diplomatique de l'Electeur qui se trouvait à Moscou et qui fut chargé de la remettre à destination.

Un an plus tard, en mars 1619, sollicité encore une fois par l'Electeur de Brandenbourg, le Tsar Vassili Ivanovitch écrivit une seconde lettre au roi de France dans laquelle il demandait avec insistance son appui contre la Pologne.

Malheureusement, aucune trace de ces deux lettres de 1518 et 1519 ne s'est conservée dans nos archives. La réponse du roi de France est également restée inconnue. Il est fort probable qu'elle n'ait jamais été expédiée, car le souverain n'avait aucune notion précise au sujet des domaines du Tsar.

D'ailleurs au XVI siècle quelques commerçants français s'aventurèrent en

*) Ce serait évidemment une erreur que de faire remonter ce commencement de relations entre les deux pays à l'année 1050 — date du mariage contracté par le roi Henri-I avec la fille de Iaroslaw, Grand-Duc de Kiew.

взаимныхъ отношенiй между Россiей и Францiей *).

Нѣтъ сомнѣнiя, что не самъ Царь Василiй Ивановичъ пришелъ къ мысли обратиться съ такимъ письмомъ къ французскому королю, о существованiи котораго онъ и его бояре имѣли весьма смутныя понятiя. Мысль объ обращенiи Царя къ королю французскому исходила отъ бранденбургскаго курфюрста, который просилъ Царя написать это письмо, изложенное на двухъ языкахъ: на русскомъ и нѣмецкомъ. Это письмо было отправлено къ французскому королю не съ особеннымъ московскимъ посольствомъ, но было передано бранденбургскому послу, бывшему въ Москвѣ, съ порученiемъ доставить его по назначенiю.

Почти черезъ годъ, въ мартѣ 1519 года, по новой просьбѣ того же бранденбургскаго курфюрста, Царь Василiй Ивановичъ написалъ второе письмо къ французскому королю, въ которомъ еще разъ настоятельнымъ образомъ просилъ его оказать защиту противъ Польши.

Къ сожалѣнiю, въ нашихъ архивахъ не сохранилось списковъ съ обоихъ писемъ 1518 и 1519 годовъ. Равнымъ образомъ неизвѣстно, какой отвѣтъ далъ король французскiй. Есть полное основанiе думать, что онъ не удостоилъ отвѣтомъ московскаго Царя, о государствѣ котораго онъ не имѣлъ никакихъ точныхъ свѣдѣнiй.

Впрочемъ, въ продолженiе XVI вѣка нѣкоторые французскiе коммерсанты и

*) Едва ли было бы правильно считать бракосочетанiе дочери Кiевскаго Великаго Князя Ярослава съ французскимъ королемъ Генрихомъ I, въ 1050 году, началомъ международныхъ отношенiй между Россiей и Францiей.

Moscovie pour y chercher fortune. Ainsi les nommés Danzay et Sauvage s'appliquèrent à demontrer à leurs compatriotes tout l'avantage qu'on pouvait tirer des opérations commerciales entre la France et l'Etat moscovite. Le capitaine français Margeret, qui avait servi dans l'armée du Tsar, donnait, dans son ouvrage sur la Moscovie, des renseignements très intéressants sur ce pays „si grand, puissant, populeux et abondant". Il affirmait en outre qu'un grand nombre de Français s'y trouvaient établis, et qu'ils étaient très satisfaits de leur sort en se livrant au commerce et aux arts libéraux. L'ouvrage de Margeret paru en 1607 sous le titre: „L'Estat de l'Empire de Russie et Grand-duché de Moscovie".

искатели приключеній уже отважились побывать въ Московіи и искать тамъ счастія. Такъ, въ эту эпоху нѣкіе Дансэ (Danzay) и Соважъ (Sauvage) доказывали своимъ соотечественникамъ всю выгоду торговыхъ оборотовъ между Франціей и московскимъ государствомъ. Французскій капитанъ Маржере, служившій въ войскахъ московскаго Царя, сообщилъ, въ сочиненіи о Московіи, весьма интересныя свѣдѣнія объ этомъ „весьма большомъ, могущественномъ, населенномъ и богатомъ" государствѣ. Мало того, онъ утверждалъ, что въ московскомъ государствѣ поселилось довольно значительное число Французовъ, которые были очень довольны своею судьбою, занимаясь торговлею или разными художествами. Трудъ Маржере появился въ 1607 году, подъ заглавіемъ: „L'Estat de l'Empire de Russie et grand-duché de Moscovie".

D'après les renseignements puisés aux sources françaises c'est un certain François de Carle qui se serait présenté à Moscou en 1586 en qualité de premier ambassadeur de France *). Cette ambassade aurait été provoquée par une lettre que le Tsar Féodor Ioannovitch aurait adressée, en octobre 1856, à Henri III pour l'informer de son avénement au trône de Moscou et lui exprimer ses dispositions d'entretenir des relations d'amitié et de commerce entre les deux Etats.

Если вѣрить французскимъ источникамъ, первымъ французскимъ посломъ въ Москвѣ явился въ 1586 году нѣкій Франсуа де Карль *). Это посольство было, будто бы, вызвано письмомъ царя Ѳеодора Іоанновича къ королю Генриху III отъ октября 1586 года, въ которомъ Царь извѣщаетъ о своемъ вступленіи на московскій престолъ и высказываетъ готовность поддерживать дружескія и торговыя сношенія между обоими государствами.

Toutefois, les archives russes aussi bien que les archives françaises n'ont

Однако, ни въ русскихъ, ни французскихъ архивахъ не сохранилось ни-

*) Voir l'ouvrage capital publié par le Ministère des Affaires étrangères de France: „Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France". Russie.—Paris 1890, 2 vol., avec une introduction historique très remarquable par Alfred Rambaud.

*) См. капитальное изданіе французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: „Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France".—„Russie". Paris 1890, 2 тома. Съ превосходнымъ историческимъ введеніемъ Альфреда Рамбо.

conservé aucune trace de cette mission de Carle. Les instructions et les lettres de créance dont il était muni sont restées inconnues. On cite, il est vrai, une lettre responsive du Tsar Féodor Ioannovitch, et même le texte d'un traité de commerce qui aurait été conclu par lui „avec des commerçants de Paris" en 1587 *). Toutefois ces deux documents n'ont pas été retrouvés aux archives du Ministère des affaires étrangéres. Il suffit d'examiner les clauses du traité susmentionné pour se convaincre de son caractère apocryphe. En effet, il est difficile de croire qu'un acte international de cette nature ait pu être conclu entre le Tsar de Moscou d'une part et des commerçants de Paris — de l'autre. La situation intérieure de la France à la fin du XVI siècle, ainsi que les vues et les coutumes du gouvernement moscovite à cette époque devaient rendre impossible la conclusion d'un semblable traité. Enfin l'Etat moscovite offrait si peu d'intérêt pour Henri IV, que dans son grand projet de réorganisation de l'Europe, sous forme d'une ligue de 15 Etats, il a passé sous silence la Russie. Toutefois l'existence de ce pays ne lui était pas inconnue, car il adressa en 1595 trois lettres au Tsar Féodor Ioannovitch dans lesquelles il demandait à ce souverain pour le docteur Paul la permission de rentrer dans son pays, et pour le marchand néerlandais Michel Moucheron—celle de s'occuper librement de commerce en Russie.

Par contre, l'ambassade envoyée par le Tsar Michel Féodorovitch en mai 1615 pour informer le roi de France

*) Voir Recueil des instructions, t. I, p. 14—16.

какихъ точныхъ данныхъ относительно посольства де Карль. Ни данныя ему инструкціи, ни его вѣрительная грамота неизвѣстны. Приводятся отвѣтное письмо царя Өеодора Іоанновича и даже текстъ „коммерческаго трактата между царемъ и парижскими торговцами", заключеннаго въ 1587 году *). Но въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ нѣтъ обоихъ этихъ документовъ. Если разсматривать, въ частности, упомянутый коммерческій трактатъ, то легко убѣдиться въ его подложности. Трудно себѣ представить возможность заключенія такого международнаго акта между московскимъ Царемъ, съ одной стороны, и парижскими купцами, съ другой. Ни внутреннее положеніе Франціи въ концѣ XIV вѣка, ни взгляды и обычаи московскаго правительства того времени не могутъ объяснить происхожденія подобнаго коммерческаго трактата. Наконецъ, московское государство такъ мало интересовало короля Генриха IV, что онъ, въ своемъ великомъ проектѣ устройства всей Европы, въ видѣ союза 15 государствъ, совершенно пропустилъ Россію. Между тѣмъ Генрихъ IV зналъ о существованіи этого государства, ибо въ 1595 году написалъ царю Өеодору Іоанновичу три письма, въ которыхъ просилъ объ отпускѣ въ свое отечество доктора Поль и о разрѣшеніи нидерландскому купцу Мишелю Мушерону свободно торговать въ Россіи.

Напротивъ, совершенно достовѣрно посольство, отправленное въ маѣ 1615 г. Царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ во

*) См. Recueil des instructions, t. I, p. 14—16.

de son élection au trône de Russie est parfaitement authentique. C'est Jean Gavrilovitch Kondyrew qui s'est trouvé placé à la tête de cette première ambassade russe en France; il était assisté d'un secrétaire Michel Nevérow et d'autres fonctionnaires.

Kondyrew avait la mission de remettre entre les mains du roi de France une lettre de Cabinet dans laquelle le Tsar l'informait de son avénement au trône et „s'étendait sur ses griefs contre les Suédois et les Polonais qui, en commun avec le faux Dmetrius Otrepiew, avaient amené la désolation dans tout le pays". Le Tsar proposa en même temps au roi de France d'entretenir entre les deux pays des relations régulières, mais seulement par correspondance et non pas au moyen d'ambassades permanentes.

L'ambassade russe s'embarqua le 30 août 1615 à Kolmogori sur un navire hollandais pour se rendre directement en Hollande où elle avait à s'acquitter d'une mission analogue à celle qu'elle était appelée à remplir en France. C'est à la fin de l'année qu'elle parvint au terme de son voyage, et ayant appris que le roi Louis XIII se trouvait à Bordeaux, elle s'empressa aussitôt de s'y rendre. C'est en décembre que le roi reçut l'ambassade du Tsar et la lettre qu'elle avait la mission de lui remettre, mais il refusa de la recevoir en audience de congé, parcequ'il était pressé de quitter Bordeaux à cause des opérations militaires. Il ne donna pas moins des ordres pour faire remettre à l'ambassadeur moscovite sa lettre responsive au Tsar du 16 décembre 1615.

Францію, съ порученіемъ извѣстить французскаго короля объ избраніи Михаила Θеодоровича на Россійскій престолъ. Во главѣ этого перваго русскаго посольства во Францію находился Иванъ Гавриловичъ Кондыревъ и при немъ состояли подъячій Михаилъ Невѣровъ и другіе.

Кондыреву была дана грамота для личнаго врученія французскому королю. Въ этой грамотѣ Царь, увѣдомивъ короля о своемъ воцареніи, „пространнѣйше жаловался на Поляковъ и Шведовъ, причинившихъ купно съ Лжедимитріемъ Отрепьевымъ сильное всему Россійскому государству разореніе". Вмѣстѣ съ тѣмъ Царь предложилъ французскому королю имѣть съ нимъ взаимную „братскую дружбу и любовь" и поддерживать постоянныя сношенія, но только письменныя, а не посредствомъ постоянныхъ посольствъ.

Русское посольство сѣло, 30-го августа 1615 года, въ Холмогорахъ, на голландское судно и отправилось, прежде всего, въ Голландію, куда оно имѣло такое же порученіе, какъ и во Францію. Въ концѣ года посольство прибыло во Францію и, узнавъ, что король Людовикъ XIII находится въ Бордо, немедленно отправилось туда. Король принялъ посольство московскаго Царя и царскую грамоту, имъ привезенную, въ декабрѣ 1615 года. Но король отказалъ посольству въ отпускной аудіенціи, потому что спѣшилъ уѣхать изъ Бордо по случаю военныхъ дѣйствій. Однако, онъ приказалъ вручить московскому послу свое отвѣтное письмо Царю, отъ 16-го декабря 1615 года.

Kondyrew refusa de la recevoir parce que le nom du Tsar n'y était pas inscrit dans les conditions requises. Les ministres français refusèrent pour leur part de reprendre la lettre du roi en affirmant qu'il n'y a jamais eu de relations diplomatiques entre les deux pays et que, par conséquent, les formules y relatives n'ont pu être élaborées. Mais Kondyrew insista sur ses reclamations et obtint en fin de compte que la lettre du roi fût modifiée. Non seulement que le nom du Tsar y fut inscrit, mais ce souverain fut élevé au rang d'Empereur des Russes. Il n'en coûta rien aux ministres français au commencement du XVII siècle de donner cette preuve de courtoisie.

Но Кондыревъ отказался принять это письмо по той причинѣ, что въ немъ не было прописано царское имя. Французскіе министры отказались взять письмо короля назадъ, утверждая, что между московскимъ государствомъ и Франціей никогда не было никакихъ дипломатическихъ сношеній и потому не выработалось никакихъ опредѣленныхъ формъ для взаимныхъ сношеній. Но Кондыревъ настаивалъ на своемъ требованіи и, въ концѣ концовъ, добился измѣненія королевскаго письма. Не только имя Царя было вписано, но московскій Царь былъ даже произведенъ въ „Императора Русскихъ“. Такая любезность ничего не стоила французскимъ министрамъ начала XVII вѣка.

La lettre du roi Louis XIII, rédigée en français, commence en ces termes:

„Très haut et très puissant Prince Migala Feudorowitz (sic!), notre très cher frère et bon ami, Empereur des Russes etc“.

Kondyrew avait tout lieu d'être satisfait du titre honorifique donné à son souverain et le Tsar approuva sans doute la conduite de son représentant qui ne fit aucune concession en ces matières. En général, l'inscription correcte du titre du Tsar constituait une question très importante à l'époque des premières relations diplomatiques de l'Etat moscovite avec les puissances étrangères.

Enfin le Tsar devait être également content de la teneur de la lettre royale, car le roi promettait non seulement de renouveler l'ancienne „alliance“, mais encore de défendre à ses sujets de s'enrôler dans les rangs de l'armée

Письмо Людовика XIII, на французскомъ языкѣ, начинается такъ:

„Très haut et très puissant Prince Migala Feudorowitz (sic!), notre très cher frère et bon ami, Empereur des Russes, etc.“

Кондыревъ могъ быть доволенъ такимъ почетнымъ титуломъ своего Царя, который навѣрное одобрилъ поведеніе посла, не дѣлавшаго ни малѣйшей уступки насчетъ царскаго титула. Вопросъ о правильномъ писаніи царскаго титула занималъ первѣйшее мѣсто во время первоначальныхъ дипломатическихъ сношеній между московскимъ государствомъ и иностранными державами.

Наконецъ, также и содержаніемъ грамоты французскаго короля Царь долженъ былъ остаться доволенъ, ибо король не только обѣщалъ возобновить съ нимъ прежній „союзъ“, но, кромѣ того, запретить своимъ подданнымъ служить въ

suédoise ou polonaise pour combattre la Russie.

Bientôt après le départ de cette ambassade moscovite, le gouvernement français se rendit compte de la nécessité pour lui de faire une démonstration analogue. L'insistance des commerçants français le confirmait dans cette pensée —ils s'appliquaient à lui démontrer les avantages sérieux que pouvait offrir le commerce avec l'Etat moscovite. Ils ne cessaient de se plaindre des lenteurs et des difficultés auxquelles ils se heurtaient dans leurs opérations commerciales,—plus particulièrement de la part du Danemarc et de la Suède, qui se considéraient maîtres absolus sur la Baltique. D'autre part, la situation des sujets français sur le territoire moscovite, privés de toute protection légale, paralysait complètement l'essor des relations commerciales entre les deux pays.

En présence de ces faits, le gouvernement français se crut obligé de faire une tentative sérieuse pour modifier cet état de choses, et c'est en 1629 que Louis XIII confia à Deshayes de Courmenin, dont nous avons parlé plus haut, la mission de se rendre à Moscou, en qualité d'ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de France.

Deshayes arriva en Russie en septembre 1629 et fut très gracieusement reçu par le voyevode (gouverneur) de Pskow, D. P. Pojarsky qui, sur l'ordre du Posolsky Prikaz (chancellerie des affaires étrangères), s'empressa de dépêcher un commissaire à la rencontre de l'ambassadeur de France pour l'accompagner jusqu'à Moscou. Dans le cours du voyage une discussion sérieuse surgit

шведской и польской арміяхъ противъ московскаго Царя.

Вскорѣ послѣ отбытія московскаго посольства французское правительство пришло къ убѣжденію, что оно должно отправить въ Москву отвѣтное посольство. Въ этомъ убѣжденіи оно укрѣплялось настояніями французскихъ коммерсантовъ, доказывавшихъ своему правительству огромныя выгоды торговли съ московскимъ государствомъ. Французскіе купцы не переставали жаловаться на мытарства и затрудненія, которымъ подвергается ихъ торговля съ Москвою. Эти мытарства исходили, прежде всего, отъ Даніи и Швеціи, считавшихъ себя полными хозяевами на Балтійскомъ морѣ. Но затѣмъ безправное положеніе французскихъ подданныхъ на московской территоріи окончательно подрывало развитіе торговыхъ оборотовъ между Россіей и Франціей.

Французское правительство признало себя обязаннымъ сдѣлать серьезную попытку для измѣненія такого положенія вещей, и на вышеупомянутаго Дегэ де Курмененъ король Людовикъ XIII возложилъ, въ 1629 году, порученіе отправиться въ Москву въ званіи чрезвычайнаго и полномочнаго французскаго посла.

Дегэ прибылъ въ Россію въ сентябрѣ 1629 года и былъ принятъ весьма любезно псковскимъ воеводою Д. П. Пожарскимъ, который, по приказанію Посольскаго Приказа, послалъ на встрѣчу французскому послу пристава для сопровожденія его до Москвы. По дорогѣ между посломъ и приставомъ Окуневымъ возникъ серьезный споръ вслѣдствіе того, что при-

entre le diplomate et le commissaire Okounew, qui insistait à se tenir à la droite de l'ambassadeur. Celui-ci refusa catégoriquement de poursuivre la route, si le commissaire ne renonçait pas à ses prétentions. Okounew s'évertuait inutilement à lui expliquer que les ambassadeurs de Turquie, de Perse et autres, en se rendant à Moscou, avaient soin de se conformer strictement à cet usage, en abandonnant la droite au commissaire. Deshayes répondit que la conduite des autres diplomates n'était nullement obligatoire pour lui et, qu'en sa qualité de représentant du roi très-chrétien, il n'avait pas à prendre exemple des Turcs, des Persans et des autres mécréants.

ставъ непремѣнно хотѣлъ идти по правой рукѣ отъ посла, а не по лѣвой. Посолъ на отрѣзъ отказался продолжать путь, если приставъ будетъ настаивать на томъ, чтобы идти по правой рукѣ отъ него. Но Окуневъ доказывалъ послу, что всѣ турецкіе, персидскіе и другіе иностранные послы, пріѣзжавшіе въ Москву, соблюдали этотъ обычай, что приставъ идетъ по правой рукѣ. Дегэ отвѣчалъ, что поведеніе другихъ пословъ ему не указъ, и что онъ, какъ посолъ наихристіаннѣйшаго французскаго короля, не можетъ руководствоваться примѣромъ турецкихъ, персидскихъ и другихъ бусурманскихъ пословъ.

Comme Okounew ne voulait pas démordre de son idée, l'ambassadeur refusa péremptoirement de poursuivre sa route: il descendit du cheval que lui avait envoyé le voyevode, il abandonna les voitures qui l'avaient amené, se mit sur un chariot de paysan et déclara qu'il retournerait en France ou qu'il mourrait sur place à la suite de l'affront qu'il venait de subir. L'inexorable commissaire lui signifia, avec le plus grand sang-froid, que, sans un oukaze du Tsar, il ne lui serait pas permis de franchir les frontières de l'Etat moscovite.

Однако Окуневъ стоялъ на своемъ. Тогда французскій посолъ рѣшительно отказался продолжать путь: онъ сошелъ съ лошади, посланной ему воеводою, бросилъ воеводскіе экипажи, сѣлъ на крестьянскую телѣгу и объявилъ, что онъ вернется обратно, или умретъ на мѣстѣ отъ нанесеннаго ему оскорбленія. Неумолимый приставъ хладнокровно объявилъ послу, что безъ царскаго указа онъ его не выпуститъ изъ предѣловъ московскаго государства.

Cette importante contestation diplomatique prit fin grâce à un expédient habilement inventé par l'ambassadeur: il proposa de lui adjoindre un second commissaire pour l'accompagner à Moscou. Okounew, après s'être préalablement concerté sur cette importante question avec l'archevêque de Pskow, y consentit et un fils de boyar (noblesse de second

Этотъ серьезный международный споръ былъ, наконецъ, разрѣшенъ слѣдующимъ хитроумнымъ способомъ, придуманнымъ самимъ посломъ: онъ предложилъ, чтобъ былъ назначенъ еще второй приставъ для сопровожденія его до Москвы. Окуневъ, спросивъ предварительно по этому важному вопросу мнѣніе архіепископа псковскаго,

rang) fut désigné comme second commissaire. La marche du cortège à Moscou fut reglée de la manière suivante: l'ambassadeur se trouvait au milieu, il avait Okounew à sa droite et l'autre commissaire à sa gauche. Dans son rapport au Posolsky Prikaz Okounew s'est plaint de la conduite des Français, qui dans le cours du voyage auraient usé de violence et d'injure envers les gens du pays *).

A son arrivée à Moscou, l'ambassadeur et sa suite furent logés aux frais du gouvernement, en vertu des dispositions faites par le Posolsky Prikaz, et des vivres leur furent alloués. Les provisions ne convenaient pas à l'ambassadeur qui insista particulièrement à faire remplacer l'hydromel par des vins français et allemands, ce que lui fut catégoriquement refusé.

Il demanda en outre un équipage,—ce qu'il ne réussit également pas à obtenir.

Enfin, se référant à la réception de Kondyrew par Louis XIII, il demanda la permission de se présenter au Tsar la tête couverte et de n'ôter le chapeau qu'en prononçant le nom et le titre du Tsar, et de garder son épée à l'audience. Toutes ces demandes furent catégoriquement déclinées par les boyars.

D'autre part, le gouvernement moscovite fut très mécontent de l'ommission de certains titres du Tsar dans la lettre du roi. L'ambassadeur chercha à excuser son gouvernement, en insistant sur le fait combien il était difficile pour lui de se rappeler tous les titres du

*) Soloview. Histoire de Russie, vol. IX, p. 195 et suiv.

согласился на предложеніе посла, и одинъ изъ боярскихъ дѣтей былъ назначенъ вторымъ приставомъ. Тогда шествіе французскаго посла въ Москву состоялось въ слѣдующемъ порядкѣ: въ серединѣ посолъ, по правой рукѣ отъ него Окуневъ и по лѣвой рукѣ другой приставъ. По донесенію Окунева въ Посольскій Приказъ, поведеніе Французовъ по пути въ Москву было весьма предосудительно: они, будто бы, постоянно грабили и обижали народъ *).

По прибытіи въ Москву, послу были отведены дома, по назначенію Посольскаго Приказа, и, по положенію, онъ и люди его свиты стали получать съѣстные припасы и медъ. Но послу не понравились отпускаемые ему припасы, и вмѣсто меду онъ сталъ просить французскихъ и германскихъ винъ. Онъ получилъ категорическій отказъ.

Далѣе, онъ просилъ дать ему экипажъ. Ему тоже отказали.

Наконецъ, ссылаясь на пріемъ Кондырева Людовикомъ XIII, онъ требовалъ разрѣшенія явиться предъ Царемъ съ покрытою головою, снимать шляпу только при произнесеніи имени и титула Царя, и быть на аудіенціи со шпагою. Всѣ эти требованія были рѣшительно отклонены боярами.

Съ другой стороны, московское правительство было чрезвычайно недовольно пропускомъ въ письмѣ французскаго короля нѣкоторыхъ титуловъ Царя. Французскій посолъ извинялъ свое правительство тѣмъ обстоятельствомъ, что оно не могло припомнить всѣ царскіе титулы.

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IX, стр. 195 и слѣд.

Tsar et donna en même temps l'assurance formelle qu'à l'avenir cette nomenclature se ferait de la manière la plus scrupuleuse.

Toutes ces difficultés une fois réglées, l'ambassadeur de France Deshayes de Courmenin fut reçu en audience solennelle le 1 novembre 1629, et c'est à cette occasion qu'il prononça le discours intéressant, signalé plus haut. Il remit en même temps au Tsar ses lettres de créance du 27 avril, qui soulevèrent de violentes objections de la part des boyars. Ceux-ci furent en outre très indignés de ce que l'ambassadeur de France se soit présenté les mains vides, c. a. d. sans cadeaux. Interpellé à ce sujet, il s'est excusé en affirmant „que ce n'était pas l'usage en France".

Cette violation des coutumes moscovites ne devait nécessairement pas disposer les boyars en faveur de l'ambassadeur de France et des voeux de son gouvernement. Ces dispositions hostiles se manifestèrent dès la première conférence à laquelle il fut convié le 5 novembre.

Deshayes commença par donner l'assurance au nom du roi que la France désirait entretenir avec la Russie des relations d'amitié et d'alliance et que le roi, son maître, est pénétré des sentiments d'une sincère affection pour le Tsar. Après cette profession de sentiments l'ambassadeur fit aux boyars les propositions suivantes:

1) Si quelques marchandises françaises pouvaient convenir au Tsar, elles seraient aussitôt mises à sa disposition. 2) Il serait désirable de conclure un accord com-

Наконецъ, онъ долженъ дать клятву въ томъ, что на будущее время, во всѣхъ грамотахъ короля къ Царю, всѣ имена и званія послѣдняго будутъ прописываться самымъ тщательнымъ образомъ.

Послѣ разрѣшенія всѣхъ этихъ затрудненій французскій посолъ Дегэ де Курмененъ, 1-го ноября 1629 года, удостоился Высочайшей торжественной аудіенціи, на которой онъ произнесъ вышеприведенную интересную рѣчь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вручилъ Царю вѣрющую о себѣ грамоту отъ 27-го апрѣля, вызвавшую ожесточенныя возраженія бояръ. Послѣдніе были также возмущены тѣмъ обстоятельствомъ, что французскій посолъ явился съ пустыми руками, т. е. безъ всякихъ подарковъ. На вопросъ бояръ, почему онъ прибылъ безъ подарковъ, посолъ, извиняясь, сказалъ, „что-де у нихъ нѣтъ того обыкновенія".

Такое нарушеніе московскихъ обычаевъ не могло расположить бояръ въ пользу французскаго посла и желаній его правительства. Это весьма скоро обнаружилось на первомъ же совѣщаніи, которое посолъ имѣлъ съ боярами 5-го ноября.

Дегэ открылъ засѣданіе увѣреніемъ, отъ имени своего короля, что Франція желаетъ поддерживать съ Россіей самыя дружескія и союзныя отношенія, ибо король питаетъ къ Царю чувства крѣпкой дружбы и искренней любви. Вслѣдъ за этимъ французскій посолъ сдѣлалъ боярамъ слѣдующія предложенія:

Во-первыхъ, если какіе-либо товары во Франціи полюбятся Царю, все то будетъ для него готово; во-вторыхъ, слѣдуетъ учинить между обоими государ-

mercial entre les deux Etats. 3) Les commerçants français en Russie, aussi bien que les commerçants russes en France pourront se livrer au commerce sans payer de droit de douane. 4) Un consulat français sera créé à Moscou. 5) Les français auront la permission de passer par la Russie pour se rendre en Perse. 6) Les prêtres catholiques et les pères jesuites pourront librement exercer le culte catholique-romain à Moscou.

Les représentants du gouvernement moscovite furent presque indignés des exigences exhorbitantes de l'ambassadeur de France et déclinèrent toutes ses propositions sans les soumettre à aucun débat. Lorsque Deshayes revint à la charge pour obtenir la permission de se rendre en Perse avec les commerçants français, cette faveur lui fut également refusée. Quelques jours après, notamment le 11 novembre, il fut reçu par le Tsar en audience de congé et quitta la Russie aussitôt.

En présence des faits que nous venons d'exposer, il ne saurait subsister le moindre doute sur l'insuccès complet de la mission de Deshayes de Courmenin. Aucune de ces ouvertures ne furent acceptées par le gouvernement de Moscou et les relations entre ce diplomate et les boyars influents étaient très tendues.

Aussi, dans ces conditions ne pouvait-il être question de la conclusion d'un traité international entre la Russie et la France, par suite de la position de ce négociateur. Quelques historiens français n'affirment pas moins avec certitude que le premier traité de commerce avait été conclu entre les deux

ствами „союзъ торговли"; въ-третьихъ, какъ французскимъ купцамъ въ Россіи, такъ и русскимъ во Франціи дозволить торговать безпошлинно; въ-четвертыхъ, учредить въ Москвѣ французское консульство; въ-пятыхъ, не запрещать ѣздить черезъ Россію въ Персію и, наконецъ, въ-шестыхъ, дозволить свободное въ Москвѣ отправленіе римско-католической вѣры патерами и іезуитами.

Представители московскаго правительства были возмущены такими чрезмѣрными требованіями французскаго посла и потому, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отвергли всѣ его предложенія. Когда, наконецъ, Дегэ все-таки просилъ разрѣшить ему съ французскими купцами отправиться въ Персію, онъ опять получилъ категорическій отказъ. Черезъ нѣсколько дней, а именно 11-го ноября, посолъ былъ принятъ въ прощальной аудіенціи Царемъ и немедленно отправился въ обратный путь.

Изложенныя обстоятельства не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что посольство Дегэ де Курменена кончилось полною неудачею. Ни одно изъ его предложеній не было принято московскимъ правительствомъ, и отношенія между посломъ и вліятельными боярами были весьма натянутыя.

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о заключеніи какого-либо международнаго договора между Россіей и Франціей, при посредствѣ Дегэ. Между тѣмъ во французской исторической литературѣ крѣпко держится мнѣніе, что въ 1629 году былъ заключенъ между Россіей и Франціей пер-

pays en 1629, grâce à l'habileté diplomatique de Deshayes de Courmenin *). On signale à l'appui de cette opinion la lettre du Tsar Michel Feodorovitch au roi de France en date du 12 novembre (ou décembre?) 1629.

En attendant on n'a trouvé aucune trace de ce premier traité international franco-russe dans les archives du Ministère des affaires étrangères. Cei fait en lui-même suffirait pour mettre en doute l'existence de ce pacte. En ce qui concerne la lettre susmentionnée du Tsar, il est impossible de lui attribuer le caractère juridique d'un traité international. Enfin, prenant en considération que cette lettre reconnait aux commerçants français des droits qui leur avaient été refusés par les boyars dans leur conférence avec Deshayes, on serait parfaitement fondé d'avoir des doutes au sujet de son authenticité. Quoi qu'il en soit l'échec de la mission de Deshayes de Courmenin ne saurait être contesté; mais d'autre part il est certain que depuis cette date la correspondance et les relations diplomatiques entre la Russie et la France ont pris un certain développement.

Ainsi en 1631 le capitaine Bonnefoy arriva à Moscou, porteur d'une lettre de Louis XIII dans laquelle le roi demandait l'autorisation d'acheter en Russie 6.000 lasts de seigle; le Tsar s'est

*) Voir Flassan. Histoire générale de la diplomatie française, t. I, p. 423.—Recueil des instructions, t. I, p. 27 et suiv. Recueil de la Société Impériale historique Russe, vol. XXXIV, pag. II.

вый коммерческій трактатъ, благодаря дипломатическому искусству Дегэ де Курменена*). Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится письмо Царя Михаила Θеодоровича къ королю французскому отъ 12 ноября (или декабря?) 1629 года.

Между тѣмъ, въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этого перваго франко-русскаго международнаго трактата. Этого факта совершенно достаточно для сомнѣнія въ существованіи такого трактата. Что же касается вышеупомянутаго письма Царя, то никоимъ образомъ нельзя признать за нимъ юридическаго характера международнаго договора. Наконецъ, если имѣть въ виду, что въ письмѣ Царя признаются за французскими купцами въ Россіи права, въ которыхъ имъ было отказано на совѣщаніи бояръ съ посломъ Дегэ, можно имѣть нѣкоторыя сомнѣнія и на счетъ подлинности этого самаго письма. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ неудачный исходъ посольства Дегэ де Курменена не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но, съ другой стороны, не менѣе несомнѣнно, что со времени этого посольства дипломатическая переписка и сношенія между Франціей и Россіей постоянно развиваются.

Такъ, въ 1631 году прибылъ въ Москву французскій капитанъ Бонфоа съ письмомъ короля Людовика XIII, въ которомъ просилось разрѣшеніе купить въ Россіи 6.000 ластовъ хлѣба. Царь

*) Срав. Flassan. Histoire générale de la diplomatie française, t. I, p. 423.—Recueil des instructions, t. I, p. 27 et suiv. Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XXXIV, стр. II.

vu dans la nécessité de refuser cette demande à cause d'une concession analogue, très considérable, faite dans le cours de la même année à l'Angleterre, la Hollande, le Danemark et la Suède; mais il promit d'autoriser pour l'année prochaine l'exportation en France de 50.000 tchetverts de blé. Par une lettre en date de Metz le 26 décembre 1631 le roi adressa des remerciments au Tsar pour cette faveur et le pria de la prolonger encore pendant six ans, en accordant à la France le droit d'acheter, dans les villes russes, annuellement 50.000 tchetverts de seigle, de froment et d'orge.

En 1634 le gouvernement moscovite envoya un translateur Jean Angler en France, en Angleterre et en Hollande avec la mission d'y notifier la conclusion de la paix entre la Russie et la Pologne. D'autre part, Louis XIII adressa une lettre au Tsar Michel Féodorovitch pour faire rappeler de l'exil le sujet français Charles Talleyrand, marquis d'Exideuil, arrivé à Moscou en qualité d'ambassadeur de Bethlen-Gabor, prince de Transylvanie. Son collègue Roussel s'est appliqué à le noircir aux yeux du patriarche Philaret, assurant qu'il est arrivé à Moscou seulement avec le dessein criminel de reconnaître les ports, les passages et les forces de l'Etat moscovite pour après en avertir le roi de Pologne. Aussi Talleyrand fut-il arrêté et exilé en Sibérie, où il resta trois ans. Le roi Louis XIII demanda son élargissement, assurant que son innocence ne pouvait faire l'object d'un doute.

отказалъ по причинѣ уже обѣщаннаго въ томъ году большого отпуска хлѣба въ Англію, Голландію, Данію и Швецію. Но Царь обѣщалъ въ будущемъ году разрѣшить вывозъ во Францію до 50.000 четвертей хлѣба. Французскій король, письмомъ отъ 26-го декабря 1631 года, изъ Меца, благодарилъ Царя за оказанную милость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ разрѣшенный только на одинъ годъ отпускъ хлѣба продолжить на шесть лѣтъ, дозволяя ежегодно покупать въ русскихъ городахъ по 50.000 четвертей ржи, жита и ячменя.

Затѣмъ, въ 1634 году московское правительство отправило переводчика Ивана Англера во Францію, Англію и Голландію съ извѣстіемъ о заключеніи мира между Россіей и Польшею. Съ другой стороны, король Людовикъ XIII написалъ, въ 1635 г., письмо Царю Михаилу Θеодоровичу прося его освободить изъ ссылки французскаго подданнаго Шарля Тальерана, маркиза Дексидёль, который прибылъ въ Москву въ качествѣ посла отъ семиградскаго князя Бетленъ Габора. Тальерана оклеветалъ его товарищъ по посольству, Руссель, который донесъ патріарху Филарету, что Тальеранъ прибылъ въ Москву съ преступнымъ умысломъ разузнать о гаваняхъ, проходахъ и силахъ московскаго государства и сообщить обо всемъ польскому королю. За такой злой умыселъ Тальеранъ былъ задержанъ и отправленъ въ ссылку въ Сибирь, гдѣ провелъ болѣе 3 лѣтъ. Король Людовикъ XIII просилъ объ освобожденіи Тальерана, невиновность котораго, въ его глазахъ, стояла выше всякаго сомнѣнія.

Il est curieux que dans cette lettre, aussi bien que dans celle de 1631 au sujet des céréales, le roi de France donne au Tsar le titre d'Empereur. Talleyrand obtint sa liberté et retourna en France. Il est certain qu'il n'était pas arrivé à Moscou en qualité d'ambassadeur de France.

Tous les faits ci-dessus mentionnés semblent devoir confirmer que des relations diplomatiques ont pris naissance entre la France et la Russie, mais ils témoignent en même temps qu'elles avaient un caractère purement accidentel et qu'il ne pouvait encore être question de pourparlers concernant les intérêts politiques des deux Etats.

Cet état de choses se modifia subitement à l'avénement au trône du Tsar Alexis Mikhailovitch, dont les vastes projets au sujet de la Suède et de la Pologne devaient nécessairement amener un échange d'idées entre la Russie et la France. D'autre part, Louis XIV établit sur une base solide son système politique de la barrière de l'Est et devait désirer le maintien de la paix au Nord-Est de l'Europe. Aussi était-il toujours disposé de servir de médiateur entre le Tsar de Moscou et les rois de Suède et de Pologne, dont l'hostilité mutuelle pouvait déranger le roi de France dans les visées ambitieuses qu'il poursuivait à l'égard de ses voisins plus rapprochés.

C'est le Tsar Alexis Mikhailovitch qui prit l'initiative de ces relations directes avec Louis XIV. Il envoya en 1653 une ambassade à la tête de la quelle se trouvait placé Constantin Gué-

Любопытно, что французскій король, какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ письмѣ 1631 года насчетъ хлѣба, называетъ Царя московскаго—Императоромъ. Тальеранъ былъ освобожденъ и вернулся во Францію. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ явился въ Москву, не въ качествѣ посла французскаго короля.

Всѣ вышеприведенные факты подтверждаютъ возникновеніе дипломатическихъ сношеній и переписки между Россіей и Франціей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они свидѣтельствуютъ о крайней случайности этихъ сношеній. О дипломатическихъ переговорахъ касательно политическихъ интересовъ обоихъ государствъ почти не было рѣчи.

Это положеніе вещей совершенно измѣняется со вступленіемъ на престолъ Царя Алексѣя Михаиловича, обширные планы котораго насчетъ Польши и Швеціи неминуемымъ образомъ должны были привести къ обмѣну мыслей между Россіей и Франціей. Въ тоже время, Людовикъ XIV положилъ прочное основаніе политической системѣ „восточной барьеры" и потому не могъ не желать сохраненія мира въ сѣверо-восточной Европѣ. Въ виду этой цѣли онъ всегда былъ готовъ служить посредникомъ между московскимъ Царемъ и королями польскимъ и шведскимъ, вражда которыхъ была чрезвычайно неудобна французскому королю, преслѣдовавшему самые честолюбивые и воинственные замыслы въ отношеніи своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Починъ непосредственныхъ сношеній съ королемъ Людовикомъ XIV принялъ Царь Алексѣй Михаиловичъ. Въ 1653 г. онъ отправилъ во Францію посольство, во главѣ котораго находился Констан-

rassimovitch Matchekhine, assisté du translateur Boldvinow et du secrétaire Bogdanow. Matchekhine était plutôt un courrier (гонецъ) qu'un ambassadeur. Il eut la mission de se rendre en France et de remettre au roi la lettre du Tsar concernant la déclaration de guerre au roi de Pologne, Jean Kasimir. Ce courrier quitta la Russie le 6 décembre 1853 et arriva à Paris seulement le 24 octobre 1654.

тинъ Герасимовичъ Мачехинъ. При немъ состояли толмачъ Болдвиновъ и подъячій Богдановъ. Мачехинъ былъ скорѣе гонцомъ, а не посломъ. На него было возложено порученіе отправиться во Францію и вручить французскому королю грамоту Царя о начатіи войны противъ польскаго короля Яна Казиміра. Гонецъ выѣхалъ изъ Россіи 6-го декабря 1653 года и прибылъ въ Парижъ не ранѣе 24-го октября 1654 года.

La lettre du Tsar exposait en détail les griefs du gouvernement moscovite contre la manière d'agir du roi de Pologne et exprimait le voeu que le roi de France exerçât une pression pour mettre un terme à ses injustices à l'égard de la Russie. Pour justifier ces récriminations le Tsar crut devoir transmettre au roi différents ouvrages polonais dans le but de le mettre au courant de l'état réel des relations entre l'Etat moscovite et la Pologne.

Грамота Царя къ французскому королю весьма пространна: въ ней излагаются всѣ причины жалобъ московскаго правительства на образъ дѣйствія польскаго короля и, въ концѣ концовъ, выражается желаніе, чтобы король французскій остановилъ польскаго короля во всѣхъ его неправдахъ противъ Россіи. Въ подтвержденіе справедливости этихъ жалобъ были препровождены разныя польскія книги, которыя Людовикъ XIV приглашался прочесть для лучшаго ознакомленія съ взаимными отношеніями между Москвою и Польшею.

Arrivés à Paris par la voie de la Hollande et du Havre, Matchekhine et sa suite furent logés et nourris au frais du trésor. Leur séjour à Paris donna lieu à des plaintes sérieuses de la part du gouvernement et de la population à cause des désordres auxquels ils se livraient. Ils étaient toujours ivres et ne se faisaient aucun scrupule d'entraîner dans leur débauche les gardes suisses, préposées au service de la maison.

По прибытіи Мачехина, черезъ Голландію и Гавръ, въ Парижъ, французское правительство отвело ему и его свитѣ домъ и содержало ихъ на свой счетъ. Пребываніе Мачехина въ Парижѣ вызывало серьезныя неудовольствія французскаго правительства и парижскаго населенія: до такой степени онъ и лица его свиты постоянно безчинствовали. Они были постоянно въ нетрезвомъ видѣ и соблазняли даже поставленную изъ швейцарцевъ къ ихъ дому стражу пьянствовать вмѣстѣ съ ними.

Ce n'est que le 30 octobre que le roi reçut cette ambassade en audience

Только 30-го октября французскій король принялъ это посольство въ

solennelle. En se rendant au palais ces hôtes moscovites, avec leurs costumes asiatiques, firent l'ebahissement du public français qui les prit pour des Turcs *). A l'audience Matchekhine prononça un discours qui fut traduit en flamand par un translateur d'occasion et ensuite du flamand en français par un autre translateur.

En somme le courrier moscovite fut satisfait de cette réception sauf quelques moments de colère lorsqu'il y avait omission des titres du Tsar. Il se plaisait si bien à Paris qu'il ne voulait pas quitter cette ville. Finalement on s'est vu obligé de lui dire qu'on ne le retenait plus et qu'il pouvait partir. Le 17 novembre 1654 Matchekhine fut reçu en audience de congé par le roi qui lui remit personnellement sa réponse à la lettre du Tsar. On voulait lui remettre cette pièce par l'entremise d'un secrétaire, mais il refusa catégoriquement de la recevoir dans ces conditions disant „que son maitre lui ferait couper la tête s'il recevait la lettre d'autres mains que des mains royales". On lui fit cette concession, et le roi lui remit personnellement la lettre pour le Tsar, du 29 novembre 1654.

Ce document présente cette particularité que le Tsar n'y reçoit plus le titre d'Empereur, comme ce fut le cas dans les lettres de Louis XIII. Matchekhine ne protesta pas contre cette omission. Quant à la teneur de cette lettre, Louis XIV se refusa catégoriquement de blâmer la conduite de son

*) Recueil des instructions, Russie, t. I, p. 40 et suiv. Il est à observer que dans cet excellent ouvrage Matchekhine est élevé au rang de „prince moscovite"!

торжественной аудіенціи. На пути изъ дома во дворецъ московскіе гости, въ ихъ азіатскихъ нарядахъ, возбудили общее удивленіе французской публики, которая приняла ихъ за Турокъ *). На аудіенціи Мачехинъ произнесъ рѣчь, которая была переведена случайнымъ переводчикомъ на фламандскій языкъ, а затѣмъ другимъ переводчикомъ съ фламандскаго на французскій языкъ.

Вообще московскій гонецъ былъ доволенъ пріемомъ, хотя и сердился, когда путали титулы его Царя. Ему такъ понравилось въ Парижѣ, что онъ долго не хотѣлъ уѣзжать. Нужно было ему сказать, что никто его не удерживаетъ и что онъ можетъ отправляться. 17-го ноября 1654 года Мачехинъ былъ принятъ на прощальной аудіенціи королемъ, который лично вручилъ ему свой отвѣтъ на грамоту Царя. Сперва ему хотѣли передать письмо короля чрезъ секретаря, но московскій гонецъ категорически отказался принять его иначе, какъ отъ самого короля. Онъ сказалъ, что „Царь его казнитъ, если онъ согласится принять письмо изъ другихъ рукъ, кромѣ самого короля. Ему уступили, и самъ король вручилъ Мачехину свое отвѣтное письмо къ Царю отъ 29-го ноября 1654 года.

Письмо Людовика XIV къ Царю Алексѣю Михаиловичу, прежде всего, интересно въ томъ отношеніи, что Царь уже не именуется Императоромъ, какъ въ письмахъ Людовика XIII. Противъ такого упущенія не протестовалъ Мачехинъ. По своему содержанію это письмо является рѣшительнымъ отка-

*) Recuil des instructions, Russie, t. I, p. 40 et suiv. Только напрасно въ этомъ превосходномъ изданіи Мачехинъ произведенъ въ „prince moscovite"!

allié, le roi de Pologne, et il désapprouva plutôt la décision du Tsar qui vient de lui déclarer la guerre; il ne se montra pas moins disposé de servir de médiateur entre les deux belligérants et de contribuer au rétablissement de la paix et de la bonne entente entre eux.

зомъ со стороны французскаго короля осудить образъ дѣйствія своего союзника, короля польскаго. Напротивъ, Людовикъ XIV выражаетъ скорѣе свое неодобреніе Царю за начатіе войны противъ Польши. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, король изъявляетъ полную свою готовность быть посредникомъ между обѣими враждующими сторонами и содѣйствовать возстановленію между ними мира и добраго согласія.

Matchekhine ne retourna à Moscou que le 1 juillet 1655, après être resté en route plus de sept mois.

Съ этимъ письмомъ Мачехинъ вернулся въ Москву не ранѣе 1-го іюля 1655 года, пробывъ въ дорогѣ болѣе семи мѣсяцевъ.

La Cour de Versailles reconnut bientôt la nécessité de s'adresser encore une fois à celle de Moscou pour lui proposer sa médiation dans une autre question très sérieuse. En 1656, dans le cours de la guerre avec la Suède, les armées du Tsar Alexis Mikhailovitch avaient envahi les provinces Baltiques suédoises. La Russie, la Prusse, le Danemarc et la Pologne conclurent une alliance contre le roi de Suède Charles X. Dans ces conditions Louis XIV avait lieu de s'inquiéter au sujet de l'intégrité de sa „barrière de l'Est“ qui pouvait être facilement compromise par la guerre entre la Suède et la Pologne et qui en constituaient les principaux soutiens. Aussi jugea-t-il opportun de proposer immédiatement sa médiation au Tsar de Moscou.

Въ скоромъ времени Версальскій дворъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости снова обратиться къ московскому двору и предложить ему свое посредничество по другому серьезному дѣлу. Въ 1656 году, во время войны съ Швеціей, войска Царя вторгнулись въ шведскія Балтійскія провинціи. Между Россіей, Пруссіей, Даніей и Польшею былъ заключенъ союзъ противъ шведскаго короля Карла X. Тогда Людовикъ XIV имѣлъ полное основаніе бояться за сохраненіе своей „восточной барьеры“, которая совершенно разрушалась, благодаря войнѣ между двумя ея устоями: Швеціей и Польшею. Поэтому французскій король призналъ необходимымъ немедленно предложить московскому Царю свое посредничество.

C'est dans ce but qu'il envoya une brillante ambassade à Moscou en 1657, à la tête de laquelle se trouvait le chambellan Desminières. Dans sa lettre du 6 juillet 1657, le roi informa le Tsar de l'arrivée de son ambassadeur qui eut pour mission d'insister sur la

Съ этою цѣлью Людовикъ XIV отправилъ, въ 1657 году, въ Москву настоящее и блестящее посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ камергеръ Деминьеръ. Въ письмѣ отъ 6-го іюля 1657 года король извѣщаетъ Царя о прибытіи своего посла съ порученіемъ

nécessité urgente de mettre fin à la guerre sanglante avec la Suède et de conclure la paix avec cette puissance.

Dans son voyage à Moscou Desminières se heurta aux difficultés que lui opposèrent les voyevodes dont il devait traverser les provinces. Ainsi celui de Dorpat, loin de prêter à l'ambassadeur le moindre concours lui signifia qu'il serait arrêté, s'il ne quittait pas immédiatement le territoire de son ressort. Le Tsar de Moscou n'a aucun besoin de la médiation ou des bons offices du roi de France, disait-il, et son ambassadeur n'a qu'à retourner dans son pays et servir le roi „dans sa chambre". C'est une allusion du voyevode à la charge de cour de Desminières.

L'ambassadeur était si irrité contre „ce coquin de gouverneur" qu'il prit la résolution de quitter Narva et de se rendre à Novgorod pour continuer de là sa route à Moscou. Mais subitement le voyevode de Dorpat changea de ton et de conduite: il envoya à l'ambassadeur de l'hydromel et un mouton. Le diplomate renvoya ces cadeaux, mais revint à Narva, à la prière du voyevode pour y attendre la permission de „ce barbare empereur", de venir à Moscou et de se présenter sous ses „clairs yeux"—comme s'exprime Desminières, dans son rapport, avec une certaine irritation.

L'ambassadeur arriva finalement à Moscou et fut reçu par le Tsar Alexis Mikhailovitch auquel il remit la lettre de son souverain du 20 novembre 1657. Dans cet acte Louis XIV engaga le Tsar, d'une manière pressante, de con-

доказать крайнюю желательность прекращенія кровопролитія въ войнѣ съ Швеціей, съ которою долженъ быть заключенъ миръ.

Путешествіе Деминьера въ Москву было затруднено разными придирками со стороны московскихъ воеводъ, черезъ воеводства которыхъ шелъ его путь. Такъ, дерптскій воевода не только не хотѣлъ оказывать французскому послу какое-либо содѣйствіе, но объявилъ ему, что если онъ „не уберется" немедленно изъ подчиненной ему области, то онъ его арестуетъ. Московскому де Царю нѣтъ никакой надобности въ посредничествѣ или услугахъ французскаго короля и потому посолъ можетъ уходить во-свояси, чтобъ служить королю своему въ „его комнатѣ". Это намекъ воеводы на камергерское званіе Деминьера.

Посолъ такъ сердился на этого „негодяя губернатора", что рѣшилъ изъ Нарвы отправиться въ Новгородъ и оттуда въ Москву. Но вдругъ дерптскій воевода перемѣнилъ тонъ и обращеніе: онъ прислалъ послу меду и барана въ подарокъ. Посолъ возвратилъ эти подарки и, по просьбѣ самого воеводы, вернулся въ Нарву, чтобъ тамъ ждать разрѣшенія отъ „императора-варвара" пріѣхать въ Москву и стать предъ его „свѣтлыя очи," — какъ съ досадою пишетъ въ своемъ донесеніи Деминьеръ.

Наконецъ, французскій посолъ прибылъ въ Москву и былъ принятъ Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, которому онъ вручилъ королевскую грамоту отъ 20-го ноября 1657 года. Въ этомъ актѣ Людовикъ XIV опять уго-

clure la paix avec la Suède et lui proposa encore une fois sa médiation entre les deux belligérants. Desminières fut chargé de négocier cette affaire avec le gouvernement de Moscou.

Toutefois sa mission n'aboutit à aucun résultat pratique: il quitta Moscou sans avoir réussi à faire accepter par le gouvernement moscovite la médiation du roi de France. Le Tsar conclut avec la Suède un traîté de paix à Kardis en 1661, en vertu duquel il renonça à toutes ses conquêtes dans les provinces Baltiques. Aux termes de la trêve, conclue avec la Pologne à Androussovo, en 1667, pour un terme de 13 ans, la Russie garda Kiew et la rive gauche du Dnièpre et prit l'engagement de prêter son appui à la Pologne contre les Turcs.

Le Tsar Alexis Mikhailovitch savait parfaitement que la France exerçait une grande influence à Constantinople, aussi crut-il devoir s'adresser à cette puissance avec la prière d'exercer son action en vue d'empêcher l'invasion du territoire russe et polonais par les hordes ottomanes.

C'est dans ce but que le Tsar envoya en 1668 une grande ambassade en France à la tête de laquelle se trouvait le stolnik Pierre Ivanovitch Potemkine, le fameux héros de la guerre de Pologne; il était assisté de son fils et d'un secrétaire Siméon Roumiantsew. Il s'embarqua à Arkhangel pour se rendre à Cadix, en vue de s'acquitter d'une mission auprès du roi d'Espagne. Après un séjour de sept mois dans ce

вариваетъ Царя Алексѣя Михаиловича заключить миръ съ Швеціей и опять предлагаетъ свое посредничество между воюющими сторонами. На Деминьера онъ возложилъ обязанность вести по этому предмету переговоры съ московскимъ правительствомъ.

Но посольство Деминьера кончилось безъ всякаго практическаго результата: посолъ уѣхалъ изъ Москвы, не добившись принятія московскимъ правительствомъ французскаго посредничества. Царь Алексѣй Михаиловичъ заключилъ непосредственно съ Швеціей мирный трактатъ въ Кардисѣ, въ 1661 г., въ силу котораго онъ отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Прибалтійскомъ краѣ. Андруссовскимъ же перемиріемъ 1667 года, заключеннымъ на 13 лѣтъ съ Польшею, Россія оставила за собою Кіевъ и лѣвый берегъ Днѣпра и обѣщала оказывать ей помощь противъ Турокъ.

Царь Алексѣй Михаиловичъ отлично зналъ огромное вліяніе Франціи въ Константинополѣ и потому онъ обратился къ этой державѣ съ просьбою остановить нашествіе турецкихъ полчищъ на русскія и польскія владѣнія.

Съ этою цѣлью было отправлено Царемъ великое посольство стольника Петра Ивановича Потемкина во Францію, въ 1668 году. Потемкинъ, извѣстный герой въ войнѣ съ Поляками, отправился за границу съ своимъ сыномъ и дьякомъ Семеномъ Румянцевымъ. Изъ Архангельска онъ отправился сперва въ Кадиксъ, чтобы исполнить у испанскаго короля возложенное на него порученіе. Пробывъ семь мѣ-

pays, le stolnik Potemkine se rendit en France, où il arriva en juillet 1668. Sur tout le parcours de la frontière d'Espagne jusqu'à Paris tous les honneurs en usage à cette époque furent rendus à cette ambassade. Elle arriva à Paris le 1 septembre et fut logée à l'Hôtel des Ambassadeurs extraordinaires, rue de Tournon.

Quelques jours après, notamment le 4 septembre, l'ambassade fut conduite à St.-Germain pour être présentée au roi. Louis XIV la reçut avec l'éclat et la solennité d'usage à sa Cour. Assis sur le trône il avait à sa droite le dauphin et à sa gauche le duc d'Orléans. La reine assistait à l'audience dans une loge.

Cette réception ne souleva aucune observation de la part de l'ambassadeur; l'audience ne fut signalée par aucun incident. Le roi se leva à trois reprises lorsque le nom du Tsar fut prononcé et écouta debout le discours de Potemkine qui développa la pensée qui faisait l'objet de la lettre de son souverain. Cet écrit insista sur la nécessité pour l'Etat moscovite de conserver la paix avec ses voisins: la Suède et la Pologne, et invoqua en même temps le concours de la France pour arrêter l'invasion des Turcs.

Lorsque „le Roi-Soleil" demanda des nouvelles de la santé „de notre frère affectionné, S. M. le Tsar", il se leva respectueusement et Potemkine en fut complètement satisfait.

En dehors de la lettre du Tsar, l'ambassadeur moscovite remit au roi à cette audience des cadeaux en son

сяцевъ въ Испаніи, стольникъ Потемкинъ выѣхалъ съ посольствомъ во Францію, куда онъ прибылъ въ іюлѣ 1668 г. На всемъ пути отъ испанской границы до Парижа посольству были оказаны всѣ почести тогдашняго времени. Наконецъ, 1-го сентября, оно пріѣхало въ Парижъ, гдѣ было помѣщено въ Hôtel des Ambassadeurs extraordinaires, rue de Tournon.

Черезъ нѣсколько дней, а именно 4-го сентября, посольство было отвезено въ С. Жерменъ на торжественную аудіенцію у короля. Людовикъ XIV принялъ великое московское посольство съ свойственною этому королю пышностью и торжественностью. Онъ самъ возсѣдалъ на тронѣ, по правой рукѣ отъ него дофинъ, а по лѣвой дюкъ Орлеанскій. Королева присутствовала въ ложѣ.

Людовикъ XIV не вызвалъ со стороны московскаго посла никакихъ упрековъ: на аудіенціи все шло гладко. Король три раза вставалъ, когда произносилось имя Царя, и выслушалъ стоя рѣчь Потемкина, который развивалъ содержаніе вручаемаго имъ королю письма Царя. Въ этомъ письмѣ вновь указывается на необходимость для московскаго государства поддерживать миръ съ своими сосѣдями, Швеціей и Польшею. Въ особенности же требовалась помощь Франціи для того, чтобъ остановить нашествіе Турокъ.

Когда „король-солнце" спросилъ о здоровьѣ „своего возлюбленнаго брата Его Царскаго Величества", онъ почтительно всталъ и Потемкинъ былъ совершенно доволенъ.

На этой же аудіенціи московскій посолъ не только вручилъ письмо Царя, но также поднесъ королю свои подарки.

propre nom. Il y avait dans ce nombre un sabre, incrusté de pierres précieuses, d'un travail très soigné; Potemkine dit à cette occasion au roi qu'il se perment de lui offrir ce qu'il a de plus cher au monde car il a remporté bien des victoires avec ce sabre. Le roi accueillit gracieusement tous ces objets et fit offrir à l'ambassade des cadeaux d'un grand prix, au nombre desquels se trouvaient des portraits en pied de Louis XIV, de la reine et du dauphin.

Malheureusement Potemkine ne put échapper à quelques déceptions au sujet de la courtoisie française. A sa grande terreur, quelques fautes et omissions dans les titres du Tsar se trouvèrent dans la lettre qu'il devait emporter. Il en fut profondément indigné et crut y voir des intentions blessantes pour la personne de son maître. Aussi refusa-t-il peremptoirement de recevoir cette lettre et assura „que sa douleur est si poignante qu'il a peine à supporter la lumière du jour et que, si quelque chose a lieu de la surprendre, c'est de vivre encore après avoir assisté à l'affront qui vient d'être fait à son souverain". Il déclara en outre qu'on pouvait le faire mourir de faim, lui trancher la tête et le couper par morceaux, mais qu 'il ne consentirait jamais à se charger d'une lettre du roi, remplie de fautes aussi blessantes.

Louis XIV donna satisfaction sur tout. Il ne voulait pas pour une simple question de titre mettre en morceaux

Любопытно, что подарки были поднесены Потемкинымъ отъ него лично, а не отъ имени Царя. Такъ, посолъ поднесъ королю свою превосходной работы саблю, осыпанную драгоцѣнными каменьями, сказавъ при этомъ, что онъ проситъ короля принять самое дорогое, что онъ имѣетъ, т. е. его саблю, съ которою онъ одержалъ много побѣдъ. Король принялъ милостиво подношенія и осчастливилъ посольство Потемкина очень цѣнными подарками, между которыми находились портреты во весь ростъ самого Людовика XIV, королевы французской и дофина.

Къ несчастію для великаго московскаго посла Потемкина, ему также пришлось разочароваться насчетъ французской любезности. Въ отвѣтномъ письмѣ короля, которое Потемкинъ долженъ былъ взять съ собою, къ ужасу посла, оказались въ титулѣ Царя разныя ошибки и прорѣхи. Потемкинъ былъ до такой степени возмущенъ этими погрѣшностями, въ которыхъ онъ усмотрѣлъ величайшія умышленныя оскорбленія своего Государя, что наотрѣзъ отказался принять письмо. Онъ сказалъ, что „его печаль столь глубока, что онъ едва можетъ смотрѣть на Божій свѣтъ, и если его еще что удивляетъ, то только, что онъ еще живъ послѣ оскорбленія, нанесеннаго его Государю". Наконецъ, онъ объявилъ, что французы могутъ уморить его голодомъ, разрубить его голову и разрѣзать его самого на куски, но онъ никогда не возьметъ съ собою письмо короля съ такими оскорбительными ошибками.

Людовикъ XIV смилостивился: онъ не желалъ изъ-за титула московскаго Царя губить его великаго посла или

cet illustre ambassadeur, ne le faire mourir de faim. Le projet primitif de la lettre fut remanié conformément au désir de Potemkine qui consentit à l'emporter dans ces conditions.

Potemkine quitta la France très satisfait de l'accueil qu'il y reçut et de tout ce qu'il a vu. Quant à un résultat pratique, cette ambassade n'en n'a eu aucun. Il est vrai que Colbert, le fameux ministre de Louis XIV, s'intéressa vivement à la question des opérations commerciales avec l'Etat moscovite. On proposa à Potemkine un projet de traité de commerce à conclure en 13 articles entre la Russie et la France. Mais il déclina d'entrer en pourparlers à ce sujet, faute d'instructions sur ces matières *). Il insinua le conseil d'envoyer ce projet à Moscou.

Il se refusa également à donner des promesses quelconques aux commerçants français qui s'adressaient à lui avec toute espèce de propositions et de requêtes. Il se bornait à donner des renseignements sur les marchandises dont l'importation en Russie était permise et pouvait offrir des avantages aux Français.

A la fin de septembre, cette grande ambassade quitta Paris pour se rendre préalablement en Hollande. Ce n'est qu'après plusieurs mois qu'elle rentra à Moscou et que Potemkine fut en mesure de rendre compte au Tsar de sa mission et de lui remettre la lettre du roi de France du 19 septembre 1668. Louis XIV y exprime, en termes généraux, son désir d'étendre les relations commerciales avec l'Etat moscovite.

*) Recueil des instructions, t. I, p. 56.

морить его голодомъ. Первопачальный проектъ королевскаго письма былъ передѣланъ согласно желанію Потемкина, который тогда согласился взять его съ собою.

Потемкинъ уѣхалъ изъ Франціи очень довольный оказаннымъ ему пріемомъ и всѣмъ имъ видѣннымъ. Но практическаго результата его посольство не имѣло. Правда, знаменитый министръ Людовика XIV, Кольберъ, заинтересовался вопросомъ о торговыхъ оборотахъ съ московскимъ государствомъ. Потемкину былъ предложенъ проектъ торговаго трактата изъ 13 статей между Россіей и Франціей *). Но посолъ отказался начать переговоры объ этомъ проектѣ, ссылаясь на отсутствіе инструкцій. Онъ далъ совѣтъ послать этотъ проектъ въ Москву.

Равнымъ образомъ онъ отказался дать какія-либо обѣщанія французскимъ купцамъ, которые къ нему обращались со всевозможными предложеніями и ходатайствами. Онъ согласился только дать свѣдѣнія о товарахъ, привозъ которыхъ въ Россію былъ дозволенъ и могъ быть выгоденъ для Французовъ.

Наконецъ, въ концѣ сентября, великое московское посольство выѣхало изъ Парижа и отправилось, прежде всего, въ Голландію. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посольство вернулось въ Москву, гдѣ Потемкинъ далъ Царю отчетъ о своемъ посольствѣ и вручилъ ему письмо французскаго короля отъ 19 сентября 1668 года. Въ этомъ письмѣ Людовикъ XIV только выражаетъ, въ общихъ фразахъ, свое желаніе разви-

*) Recueil des instructions, t. I, p. 56.

Dans ces vues le roi promit de protéger en France la vie et les biens des commerçants moscovites dans l'espoir que ses propres sujets jouiront de la même sécurité quant à leur personne et leur propriété sur le territoire de Moscou.

Dans le but de donner plus d'extension aux opérations commerciales avec l'Etat moscovite, on créa à Rochelle, d'après la pensée de Colbert, „la Compagnie du Nord“, qui devait équiper des vaisseaux pour entretenir des relations régulières avec le port d'Arkhangel.

Le Tsar Alexis Mikhailovitch sympathisait entièrement au développement du commerce et de la navigation entre la Russie et la France. Mais les intérêts politiques primaient pour lui tous les autres, — il était si absorbé par le souci d'étouffer les troubles, soulevés par le hetman Doroschenko et celui de protéger la Pologne contre l'invasion des Turcs et des Tatars, que les opérations commerciales avec la France devaient nécessairement rentrer au second plan.

C'est ce qui explique, pourquoi le Tsar ne donna aucune suite aux ouvertures de la France au sujet de la conclusion d'un traité de commerce. Mais il n'envoya pas moins une nouvelle ambassade en France en 1672, dans la personne de Winius, un Hollandais, qui fut admis au service au Posolsky Prikaz. Ce nouvel ambassadeur, ou courrier, fut porteur d'une lettre du 12 octobre 1672 dans laquelle le Tsar exposa au roi en détail les difficultés de sa situation politique et invoqua l'appui de

вать торговые обороты съ Московскимъ государствомъ. Въ виду этой цѣли король обѣщаетъ охранять во Франціи жизнь и собственность московскихъ купцовъ, въ надеждѣ, что въ московскомъ государствѣ французскіе подданные также будутъ пользоваться полною неприкосновенностью своей жизни и имущества.

Для лучшаго развитія торговыхъ оборотовъ съ московскимъ государствомъ, по мысли Кольбера, была учреждена въ Рошеллѣ „Сѣверная Компанія“, которая должна была снаряжать суда для постоянныхъ сношеній съ Архангельскомъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ вполнѣ сочувствовалъ развитію торговли и судоходства между своимъ государствомъ и Франціей. Но для него политическіе интересы стояли на первомъ планѣ и онъ настолько былъ занятъ заботами о подавленіи возстанія гетмана Дорошенко и постоянными набѣгами на польскія владѣнія Турокъ и Татаръ, что торговыя дѣла въ сношеніяхъ съ Франціей не вызывали его серьезнаго вниманія.

Этими обстоятельствами объясняется, почему Алексѣй Михайловичъ не далъ никакого дальнѣйшаго движенія французскимъ предложеніямъ насчетъ заключенія коммерческаго трактата. Но въ 1672 году онъ отправилъ новое посольство во Францію въ лицѣ нѣкоего Виніуса, голландца, поступившаго на службу въ Посольскій Приказъ. Этотъ новый московскій посолъ, или гонецъ, привезъ съ собою письмо Царя отъ 12-го октября 1672 года, въ которомъ Царь подробно излагаетъ затрудни-

son armée contre les Turcs, ces ennemis communs de la chrétienté.

Il s'entend de soi-même que Louis XIV ne donna aucune suite à la prière du Tsar. Par une lettre du 22 mai 1673, il lui répondit qu'il était si absorbé par la guerre avec la Hollande qu'il se trouvait dans l'impossibilité de lui prêter un appui contre les Turcs.

A son avénement au trône de Moscou le Tsar Féodor Alexéevitch jugea opportun de porter ce fait à la connaisance du roi de France. Il exprima en même temps le désir de contracter avec ce pays un traité de commerce. Ce projet ne put être réalisé, en partie à cause des circonstances politiques et, en partie, par suite du refus du roi de France de reconnaître tous les titres du Tsar.

Les questions politiques absorbaient entièrement l'attention du Tsar Féodor Alexéevitch. Les affaires de la Petite-Russie et l'insurrection de Doroschenko soulevèrent contre lui l'hostilité de la Porte et cette situation se trouvait compliquée par l'attitude de la Pologne et de la Suède à l'égard de la Russie. Ne jugeant pas possible de renoncer aux provinces Baltiques de la Suède, il se trouvait nécessairement dans des rapports hostiles avec cette puissance. D'autre part, en vue des invasions incessantes du territoire moscovite par les Turcs, le Tsar devait désirer le maintien de la paix avec la Pologne.

тельность своего политическаго положенія и проситъ короля прислать ему на помощь свои войска для войны противъ Турокъ, этихъ общихъ враговъ всего христіанскаго міра.

Само собою разумѣется, что Людовикъ XIV оставилъ безъ всякихъ послѣдствій просьбу московскаго Царя. Онъ ему отвѣтилъ, письмомъ отъ 22 мая 1673 года, что онъ настолько занятъ войною съ Голландцами, что не можетъ оказать Царю никакой помощи противъ Турокъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, послѣ вступленія своего на московскій престолъ, призналъ нужнымъ извѣстить объ этомъ событіи французскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ желаніе заключить съ Франціей коммерческій трактатъ. Но это желаніе не исполнилось, отчасти по причинѣ политическихъ обстоятельствъ, отчасти же вслѣдствіе несогласія французскаго короля признать за московскимъ Царемъ всѣ его титулы.

Политическія обстоятельства всецѣло поглощали вниманіе Царя Ѳеодора Алексѣевича. Дѣла Малороссіи и гетманъ Дорошенко поставили Царя въ непріязненныя отношенія къ Оттоманской имперіи, которыя еще значительно усложнились положеніемъ, занятымъ Польшею и Швеціею въ отношеніи Россіи. Не находя возможнымъ отказаться отъ своихъ претензій на шведскія прибалтійскія провинціи, московскій Царь долженъ былъ стоять съ Швеціею въ враждебныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, въ виду постоянной вражды Турокъ и безпрестанныхъ ихъ набѣговъ на московскія владѣнія, Царь долженъ былъ желать сохраненія мира и спокойствія съ Польшею.

Sur ce point la politique du gouvernement moscovite s'accordait entièrement avec celle de la France. Louis XIV, à l'apogée de la gloire et de la puissance, ne trouvait pas nécessaire de faire des concessions quelconques au Tsar de Moscou, ni de lui donner des preuves de courtoisie. Mais il ne jugeait pas moins opportun pour la sécurité de sa „barrière de l'Est" de contribuer au maintien des bonnes relations entre la Russie et la Pologne.

C'est ce qui explique la mission confiée par Louis XIV au marquis de Béthune, son représentant à Varsovie, de se rendre à Moscou et de se constituer le médiateur entre le Tsar et le roi de Pologne. A en juger d'après les témoignages des archives françaises, cette ambassade se rapporte à l'année 1680 *). Dans son rapport sur son voyage à Moscou le marquis de Béthune parle en détail des difficultés auxquelles il s'est heurté grâce à l'arrogance et à la morgue des fonctionnaires. Ce rapport contient en général des détails intéressants sur l'audience chez le Tsar et le séjour de ce diplomate à Moscou, mais il est à regretter que ni cette pièce, attribuée au marquis de Béthune, ni d'autres actes des archives ne fassent aucune mention des pourparlers diplomatiques qui auraient fait l'objet de cette mission. Le résultat pratique en est resté inconnu jusqu'à cette heure.

L'ambassade, envoyée en France par le Tsar Féodor Alexéevitch en 1681 est

*) Voir Recueil des instructions, t. I, p. 65 et suiv.

Въ этомъ пунктѣ московская политика сошлась съ политикою французскою. Людовикъ XIV, находясь въ зенитѣ своей славы и могущества, не признавалъ нужнымъ дѣлать московскому Царю какія-либо особенныя уступки или любезности. Но онъ считалъ полезнымъ, для поддержанія „восточной барьеры", содѣйствовать миру и спокойствію во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи съ Польшею.

Этимъ соображеніемъ объясняется порученіе, данное Людовикомъ XIV своему послу въ Варшавѣ, маркизу Бетюну, отправиться въ Москву и быть посредникомъ между московскимъ Царемъ и польскимъ королемъ. Это посольство, судя по французскимъ архивнымъ источникамъ, состоялось въ 1680 году *). Въ обстоятельномъ донесеніи о своей поѣздкѣ въ Москву, маркизъ Бетюнъ подробно описываетъ всѣ мытарства, которымъ онъ подвергался на пути до столицы московскаго государства. Несомнѣннымъ интересомъ отличаются въ этомъ донесеніи всѣ подробности относительно аудіенціи у Царя и пребыванія французскаго посла въ Москвѣ. Но, къ сожалѣнію, ни это донесеніе, приписываемое маркизу Бетюну, ни другіе акты архивовъ не содержатъ никакихъ указаній на дипломатическіе переговоры, для которыхъ посолъ явился въ Москву. Практическій результатъ этого посольства остался до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

Настолько же осталось безъ практическихъ результатовъ посольство, ко-

*) Срав. Recueil des instructions, t. I, p. 65 et suiv.

également restée stérile. Elle fut confiée au voyévode d'Ouglitch P. I. Potemkine, qualifié de maître d'hôtel dans la lettre du roi Louis XIV. C'était le même stolnik P. I. Potemkine qui s'était acquitté d'une mission en France en 1668. L'ambassadeur de 1681 était accompagné de son fils et d'un secrétaire Etienne Wolkow. Il était porteur d'une lettre du Tsar du 14 septembre 1680 et de cadeaux pour le roi *).

En mars 1681 l'ambassade arriva à Calais où elle fut reçu par un dignitaire de la Cour spécialement délégué à cet effet. Celui-ci informa son gouvernement qu'il est difficile de s'arranger avec ces ambassadeurs moscovites à cause de leurs prétentions excessives. D'après ses renseignements, les membres de cette ambassade passent leur temps à se disputer, et Potemkine ne cesse d'insister qu'il est seul ambassadeur, et que Wolkow n'est qu'un secrétaire.

Au mois de mai, l'ambassade fût reçue, en audience solennelle, par Louis XIV qui agréa gracieusement les cadeaux qui lui ont été offerts et qui consistaient principalement en fourrures de prix. La réception fut très brillante. L'ambassade fut entretenue aux frais du trésor, et on se fit un devoir de lui faire les honneurs de Versailles. En admirant ces magnificences, Potemkine laissa échapper des observations qui provoquèrent quelque surprise et quelque raillerie.

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XXXIV, p. 1 et suiv.

торое Царь Θеодоръ Алексѣевичъ отправилъ во Францію въ 1681 году. Во главѣ этого посольства находился угличскій воевода П. И. Потемкинъ, названный въ письмѣ короля Людовика XIV къ Царю дворецкимъ (maître d'hôtel). Это былъ тотъ самый стольникъ П. И. Потемкинъ, который въ 1668 году былъ посломъ въ Парижѣ. Вмѣстѣ съ посломъ 1681 года былъ его сынъ и дьякъ Степанъ Волковъ. Потемкинъ привезъ съ собою письмо Царя отъ 14-го сентября 1680 г. и подарки для короля *).

Въ мартѣ 1681 года посольство прибыло въ Калэ, гдѣ оно было принято, отъ имени короля, высланнымъ ему навстрѣчу французскимъ придворнымъ чиномъ. Послѣдній доносилъ своему правительству, что трудно ладить съ этими московскими послами, претензіи которыхъ чрезмѣрны. Кромѣ того, члены посольства постоянно ссорятся между собою и Потемкинъ постоянно доказываетъ, что онъ одинъ посолъ, а что Волковъ только дьякъ.

Въ маѣ посольство было принято въ торжественной аудіенціи королемъ Людовикомъ XIV, который также милостиво принялъ поднесенные ему подарки, состоявшіе въ особенности изъ дорогихъ мѣховъ. Внѣшній пріемъ, оказанный московскому посольству, былъ блестящъ и какъ нельзя болѣе милостивъ. Посольство жило насчетъ королевской казны и ему показывались всѣ достопримѣчательности Версаля. Любуясь ими, Потемкинъ дѣлалъ свои замѣчанія, которыя вызывали и удивленіе, и улыбку.

*) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXXIV, стр. 1 и слѣд.

En voyant la première fois les fontaines, il ne put s'empêcher de s'écrier „qu'il n'y avait jamais eu sur la terre que Salomon et le roi de France qui eussent paru avec tant de grandeur et que David n'en avait jamais approché".

En voyant cette masse d'eau jaillissant des fontaines, l'ambassadeur aurait démandé „si toutes les eaux de la mer étaient à Versailles". Lorsque on lui signala le tableau de Le Brun. sur lequel Louis XIV était représenté la foudre en main, il fit courtoisement l'observation „qu'on ne pouvait mieux représenter le roi que sous la figure de Jupiter, puisqu'il en avait toute la majesté et la puissance".

Potemkine fit en général une très bonne impression sur les Français, qui se sont trouvés en relation avec lui. On le considérait comme un homme intelligent et bien élevé, mais pourtant quelque peu barbare parce qu'il ne jugeait pas nécessaire „de lier les intérêts politiques de la Russie à ceux de l'Europe occidentale" *).

Toutefois cette ambassade du Tsar n'amena aucun résultat pratique. L'ambassadeur exprima le désir de reprendre les pourparlers au sujet de la conclusion d'un traité de commerce et demanda au gouvernement français de nommer des plénipotentiaires à cet effet. Mais celui-ci se borna à déclarer que les ouvertures du Tsar seront communiquées aux commerçants français qui entretiennent des relations aves les pays du Nord.

*) Flassan. Histoire de la diplomatie française. t. IV, p. 38 et suiv.

Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ версальскіе фонтаны, онъ воскликнулъ, что „на землѣ были только Соломонъ и король французскій, которые отличались такимъ великолѣпіемъ, а Давидъ никогда съ ними сравниться не могъ".

Увидѣвъ массу воды, выбрасываемую фонтанами, московскій посолъ, будто бы, спросилъ: „развѣ вся вода морей находится въ Версалѣ?" Когда ему показали картину Le Brun, на которой Людовикъ XIV изображенъ съ молніею въ рукѣ, Потемкинъ весьма любезно замѣтилъ, что „нельзя было изобразить короля лучше, какъ въ видѣ Юпитера, ибо ему присущи то же величество и то же могущество".

Вообще П. И. Потемкинъ произвелъ на французовъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, очень хорошее впечатлѣніе. Его считали благовоспитаннымъ и умнымъ, но всетаки посломъ варварской страны, ибо она еще не признавала нужнымъ „связать свои политическіе интересы съ интересами западной Европы" *).

Однако, и это посольство московскаго Царя не привело ни къ какому практическому результату. Самъ посолъ выразилъ желаніе возобновить переговоры о заключеніи коммерческаго трактата и просилъ о назначеніи уполномоченныхъ отъ французскаго правительства. Но послѣднее ограничилось заявленіемъ, что предложенія московскаго Царя будутъ сообщены французскимъ коммерсантамъ, имѣющимъ сношенія съ сѣверными странами, на заключеніе.

*) Flassan. Histoire de la diplomatie française, t. IV, p. 38 et suiv.

Telle fut la réponse donnée par le roi de France. Nous la trouvons confirmée dans la lettre qu'il adressa au Tsar en date du 11 mai 1681 et qui fut remise au Potemkine à son audience de congé. L'ambassadeur quitta la France en laissant ouverte la question de la conclusion d'un traité de commerce entre les deux Etats.

D'ailleurs la marche des événements politiques a fait que le Tsar n'eut pas lieu de regretter particulièrement l'insuccès de cette mission. Une fois qu'il n'avait plus à redouter ni le Sultan, grâce au traité de Baktchisarai, ni les rois de Suède et de Pologne, affranchis désormais de la tutelle de la France, les pourparlers au sujet d'un traité de commerce entre cette puissance et la Russie devenaient sans objet. Le Tsar Féodor Alexéevitch mourut en 1682, sans avoir contracté un engagement quelconque avec le royaume de France *).

L'issue infructueuse des ambassades françaises à Moscou et des ambassades moscovites à Versailles devait nécessairement réagir sur les relations diplomatiques entre les deux gouvernements qui s'entendaient si peu dans leurs vues politiques.

C'est ainsi qu'on peut s'expliquer le fait que la mission de sieur de la Picquetierre est restée à l'état de projet. Ce diplomate devait se rendre à Moscou en 1683 dans le but osten-

*) Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. XXXIV, p. 399.

Таковъ былъ отвѣтъ, данный послу французскимъ королемъ, и онъ подтвержденъ имъ въ письмѣ къ Царю отъ 11-го мая 1681 года, которое было вручено Потемкину на прощальной аудіенціи. Съ этимъ отвѣтомъ выѣхалъ посолъ изъ Франціи, и такимъ образомъ вопросъ о заключеніи торговаго трактата между Россіей и этою державою остался открытымъ.

Впрочемъ, измѣненіе политическихъ обстоятельствъ давало основаніе московскому Царю не особенно печалиться о такомъ плачевномъ исходѣ поѣздки своего посла во Францію. Ему не было болѣе надобности опасаться ни турецкаго султана, благодаря Бахчисарайскому трактату, ни шведскаго и ни польскаго королей, освободившихся изъ-подъ вліянія Франціи. При этихъ условіяхъ переговоры о торговомъ трактатѣ между этою державою и Россіей казались совершенно излишними. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался въ 1682 году, не заключивъ никакого международнаго обязательства съ французскимъ королевствомъ *).

Неудачный исходъ всѣхъ французскихъ посольствъ въ Москву и московскихъ посольствъ въ Версаль долженъ былъ неблагопріятно влiять на дипломатическія сношенія между обоими правительствами, которыя очень плохо понимали другъ друга и рѣдко сходились въ своихъ политическихъ цѣляхъ.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется такого рода факты, какъ несостоявшееся посольство Де Ла Пиктьера въ 1683 году. На этого дипломата французскій король возложилъ пору-

*) Ср. Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXXIV, стр. 399.

sible d'établir des relations de commerce régulières entre les sujets français et russes. Mais il avait en outre la mission secrète de rétablir de bons rapports entre le Danemarc et le Brandenbourg, ces alliés de Louis XIV. d'une part, et l'Etat moscovite, de l'autre *). Il était chargé en même temps de négocier une entente avec la Russie pour une action commune contre la Suède.

ченіе отправиться въ Москву съ открытою цѣлью установить правильные торговые обороты между французскими и русскими подданными. Тайная же цѣль этого посольства была другая, а именно: водворить добрыя и мирныя отношенія между Даніею и Бранденбургомъ, союзниками Людовика XIV, съ одной стороны, и московскимъ государствомъ, съ другой *). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пиктьеру было поручено подготовить полное соглашеніе съ московскимъ правительствомъ объ общихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи.

Cette ambassade n'eut pas lieu, mais les instructions dont de la Picquetierre devait être muni n'offrent pas moins de l'intérêt comme un document historique constituant en quelque sorte le programme politique des vues de Louis XIV à l'égard de la Russie.

Но это посольство совсѣмъ не состоялось, и составленная для Пиктьера инструкція только интересна какъ историческій документъ, свидѣтельствующій о взглядахъ короля французскаго Людовика XIV на цѣли его политики въ отношеніи Россіи.

Pendant le règne des Tsars Jean et Pierre Alexéevitch et la régence de la Tsarevna Sophie, les relations diplomatiques avec la France n'ont pas cessé et ont été signalées par plusieurs ambassades moscovites. Bien qu'elles arrivaient à Versailles, qu'elles remettaient à destination les lettres des Tsars et qu'elles recevaient les réponses du roi, tout cela n'a pas moins nullement contribué au rapprochement entre les deux pays. Leurs vues et leurs aspirations politiques étaient trop divergentes.

Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей и въ правленіе царевны Софіи дипломатическія сношенія съ Францiею не прекращались и ознаменовались нѣсколькими московскими посольствами во Францію. Но хотя эти посольства доѣзжали до Версаля, отдавали царскія письма и получали королевскіе отвѣты, всетаки они не приводили къ дѣйствительному сближенію между Россіей и Франціей. Политическіе интересы и стремленія обоихъ государствъ совершенно не сходились.

En janvier 1685 le gouvernement moscovite envoya en France une nouvelle ambassade à la tête de laquelle se trouvait le stolnik Siméon Almazow, assisté de secrétaire Siméon Ippolitow. Elle avait deux missions à remplir:

Въ январѣ 1685 года московское правительство отправило во Францію новое посольство, во главѣ котораго былъ стольникъ Семенъ Алмазовъ. При немъ состоялъ дьякъ Семенъ Ипполитовъ. На это посольство были возло-

*) Recueil de la Société Impériale Hist. Russe, t. XXXIV, p. 401 et suiv.

*) Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XXXIV, стр. 401 и слѣд.

l'une — ostensible, l'autre — secrète. La première consistait dans la notification de l'avénement au trône des Tsars Jean Alexéevitch et Pierre Alexéevitch. La mission secrète avait pour objet de sonder les intentions du roi de France au sujet d'une alliance avec la Russie, l'Autriche et la Pologne contre la Turquie. A titre de lettre de créance, l'ambassadeur était porteur d'une lettre des deux Tsars, adressée au roi de France, du 7 janvier 1685.

Cette ambassade, arrivée à Paris en mai 1685, obtint une audience chez le roi dans l'espace de quelques jours. Elle n'eut également aucun résultat pratique. Après quelques entretiens avec les ministres français, Almazow put se convaincre que Louis XIV n'avait pas la moindre intention de renoncer à son alliance avec le Sultan. Aussi les pourparlers au sujet de l'accession éventuelle de la France à une ligue de la Russie et de la Pologne contre la Porte, pour la défense de l'Autriche, ne pouvait trouver aucun écho à la Cour de Versailles.

Toutefois le gouvernement moscovite ne semblait pas vouloir renoncer à l'idée de voir la France s'associer à un accord contre les Turcs. Aussi, lorsqu'une alliance offensive et défensive contre la Porte fut conclue entre la Russie et la Pologne, en avril 1686, le gouvernement moscovite résolut d'envoyer à Paris ce même stolnik Almazow avec la mission de notifier ce fait au gouvernement français et de la convaincre de prendre part à cette ligue. Toutefois cette ambassade resta à l'état de projet, et c'est par la poste que la Cour de

жены два порученія: одно открытое, а другое—тайное. Первое заключалось въ сообщеніи о восшествіи на престолъ обоихъ братьевъ Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича. Тайное же порученіе состояло въ выясненіи намѣреній французскаго короля насчетъ общаго союза съ Россіей, Австріею и Польшею противъ Турціи. Въ видѣ вѣрительной грамоты посольство везло съ собою письмо обоихъ Царей къ французскому королю отъ 7-го января 1685 года

Въ маѣ 1685 года московское посольство прибыло въ Парижъ и черезъ нѣсколько дней было принято въ аудіенціи французскимъ королемъ. Но и это посольство осталось безъ всякаго практическаго результата. Изъ немногихъ разговоровъ Алмазова съ французскими министрами вполнѣ выяснилось, что Людовикъ XIV не имѣетъ ни малѣйшаго желанія отказаться отъ своего союзника, турецкаго султана. Мысль о соединеніи Франціи съ Россіей и Польшею противъ Турціи, для защиты Австріи, не могла найти никакого отклика при Версальскомъ дворѣ.

Между тѣмъ московское правительство не желало отказаться отъ надежды, что Франція всетаки можетъ приступить къ союзу противъ Турокъ. Когда въ апрѣлѣ 1686 года состоялось въ Москвѣ заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіею и Польшею противъ Турціи, московское правительство опять рѣшило отправить того же стольника Алмазова въ Парижъ съ порученіемъ объявить объ этомъ событіи и уговорить французское правительство принять участіе въ этомъ союзѣ. Но это

Versailles fut informée de la conclusion du pacte russo-polonais.

посольство не состоялось и о заключенiи русско-польскаго союза было сообщено въ Версаль по почтѣ.

Mais refléxion faite, le gouvernement moscovite prit la décision d'envoyer en France une nouvelle ambassade, très brillante, à la tête de laquelle se trouvaient le prince Jacques Dolgorouky et le prince Jacques Myschetsky; la suite comprenait 150 personnes.

Однако, московское правительство, послѣ нѣкотораго раздумья, всетаки рѣшило отправить во Францiю новое и особенно торжественное посольство. Во главѣ этого посольства находились: князь Яковъ Долгорукiй и князь Яковъ Мышецкiй. Свита этого посольства состояла изъ 150 человѣкъ.

Cette ambassade mérite une attention particulière parce que les rapports du prince Dolgorouky se sont conservés, ainsi que ceux des fonctionnaires français qui se sont trouvés en relation avec lui. Ces documents présentent en outre un tableau très intéressant des relations entre la Russie et la France à la fin du XVII siècle.

Посольство князей Долгорукаго и Мышецкаго заслуживаетъ исключительнаго вниманiя, потому что о немъ сохранились отчеты какъ въ донесенiяхъ князя Долгорукаго, такъ и въ донесенiяхъ французскихъ должностныхъ лицъ, имѣвшихъ сношенiя съ посольствомъ. Кромѣ того, эти источники даютъ отличную характеристику взаимныхъ отношенiй Россiи и Францiи въ концѣ XVII вѣка.

Désirant prêter à cette ambassade une importance politique toute particulière, le gouvernement moscovite crut devoir envoyer d'avance un courrier spécial, Bekhtéew, porteur d'une lettre du Tsar pour en annoncer l'arrivée. Arrivé à Paris en juin 1687, Bekhtéew ne remit pas la lettre du Tsar à qui de droit et ne fit aucune communication au sujet de l'arrivée de l'ambassade, parce que les ministres français réclamaient de lui cette lettre pour la faire remettre au roi, par l'entremise du Ministre des affaires étrangères, Colbert de Croissy. Mais Bekhtéew n'y consentait d'aucune manière. Pendant deux jours les Français cherchaient à persuader „ce valet“ de remettre la lettre au Ministre des affaires étrangères. Mais „le valet“ tenait ferme à son idée de la

Желая придать этому посольству особенную политическую важность, московское правительство распорядилось впередъ отправить въ Парижъ курьера съ царскою грамотою, извѣщавшею о прибытiи посольства. Курьеръ Бехтеевъ прибылъ въ Парижъ въ iюнѣ 1687 года, но царской грамоты не отдалъ и о прибытiи посольства не объявилъ, потому что французскiе министры требовали, чтобы грамоту вручилъ королю Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Кольберъ де Кроасси. Но Бехтеевъ на это ни за что не соглашался. Въ продолженiе двухъ дней французы старались уговорить этого „лакея“ передать грамоту Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Но „лакей“ остался при своемъ требованiи вручить лично эту грамоту королю. Черезъ нѣ-

remettre personnellement au roi. Il quitta Paris dans quelques jours pour y revenir dans 6 semaines, et insista encore une fois à être admis à une audience royale. Cette faveur lui fut catégoriquement refusée, et il quitta Paris, en emportant dans ses bagages le document en question.

En attendant on reçut à Paris la nouvelle qu'au milieu de juillet une grande ambassade moscovite était arrivée à Dunkerque. Ne voulant pas que des discussions d'étiquettes aboutissent à une rupture avec cet Etat moscovite, si enigmatique, le roi donna l'ordre que cette ambassade fût reçue avec tous les honneurs d'usage. Le gentilhomme de la chambre Storf, muni d'instructions très précices, devait se rendre à sa rencontre. Il devait entr'autre prévenir les ambassadeurs moscovites que, s'ils élevaient des prétentions insoutenables en matière d'étiquette et au sujet de leur voyage à Paris, ils feraient mieux de rentrer dans leur pays. Les ambassadeurs donnèrent l'assurance qu'ils se soumettront aux usages établis, mais ils ne témoignèrent pas moins quelque surprise au sujet des questions qui leur furent adressées, savoir: „s'ils ne sont pas arrivés pour faire acte d'obstination et s'ils ne se proposent pas de s'opposer à la volonté du roi“.

Interpellés à ce sujet, ils firent la déclaration suivante: „cet interrogatoire étrange a lieu de nous surprendre, nous avons été envoyés pour établir des liens de concorde et d'amitié, et non pour faire de l'opposition; on n'a jamais adressé de si étranges questions à nos prédécesseurs“.

сколько дней Бехтеевъ уѣхалъ изъ Парижа. По истеченіи 6 недѣль онъ опять появился въ Парижѣ и требовалъ аудіенціи у короля для врученія царской грамоты. Опять ему категорически отказали, и онъ уѣхалъ изъ Парижа съ царскою грамотою въ своемъ багажѣ.

Между тѣмъ въ Парижъ было донесено въ срединѣ іюля мѣсяца, что великое московское посольство уже прибыло въ Дюнкирхенъ. Французскій король, не желая доводить эти забавныя столкновенія насчетъ этикета до полнаго разрыва съ загадочнымъ московскимъ государствомъ, приказалъ принять посольство со всѣми обычными почестями. Навстрѣчу посольству былъ командированъ камеръ-юнкеръ Сторфъ, которому были даны весьма точныя инструкціи. Между прочимъ, онъ долженъ былъ предупредить московскихъ пословъ, что если они предъявятъ „невозможныя претензіи“ относительно этикета и своего путешествія въ Парижъ, то лучше имъ возвратиться домой, не доѣхавъ до Парижа. Но послы увѣряли, что они совершенно подчинятся общеустановленнымъ обычаямъ, хотя были удивлены поставленнымъ имъ вопросомъ: „не для упрямства ли какого пріѣхали, и не будутъ ли въ чемъ волѣ Королевскаго Величества противны?“

На этотъ вопросъ московскіе послы отвѣчали: „Такое странное вопрошаніе зѣло насъ удивляетъ; мы присланы для любительныхъ дѣлъ, а не для какого-нибудь сопротивленія; прежнимъ посланникамъ такихъ необыкновенныхъ вопросовъ не задавали“.

Les ambassadeurs se rendirent avec leur suite nombreuse de Dunkerque à Paris dans des voitures que le gouvernement français mit à leur disposition; il se chargea également de leur entretien dans le cours du voyage. Un malentendu sérieux surgit à cette occasion entre ces diplomates et les autorités françaises. Les caisses nombreuses qui constituaient leur bagage furent munies de plombs qui ne devaient être enlevés qu'à Paris, par ordre des dites autorités. Les ambassadeurs moscovites se défiaient de cette opération du plombage et ne cessaient de demander des explications.

На подводахъ, поставленныхъ за счетъ французской казны, московскіе послы съ многочисленною свитою, отправились въ путь изъ Дюнкирхена въ Парижъ. На всемъ пути они содержались на счетъ французскаго правительства. Но въ пути возникло серьезное недоразумѣніе между послами и французскими властями. Многочисленные ящики, составлявшіе багажъ московскихъ пословъ, были запломбированы для слѣдованія до Парижа, гдѣ пломбы должны были быть сняты по распоряженію тѣхъ же властей. Московскіе послы смотрѣли очень подозрительно на операцію пломбированія и спрашивали объясненій. Ихъ серьезнымъ образомъ предупредили, что пломбы не должны сниматься на пути и что ихъ отрѣжутъ въ Парижѣ.

En dépit des avertissements qui leur étaient donnés, ils enlevèrent en route les plombs et ne se firent aucun scrupule de vendre ouvertement les objets emportés de Moscou dans leurs coffres et leurs sacs. Ils ouvrirent un magasin à St.-Denis où ils vendaient, sans la moindre gêne, des étoffes et des fourrures, oubliant, pour ainsi dire, „la qualité d'ambassadeurs, pour agir en marchands en détail et préférant leur profit et intérêt particulier à l'honneur de leurs maîtres“. Tel était le point de vue du gouvernement français, qui envoya un employé spécial dans la maison, occupée par les ambassadeurs, avec la mission de faire cesser ce commerce illégal; il devait y rester à demeure pour veiller à ce que cette disposition fût exécutée. Mais les ambassadeurs étaient d'un avis différent: cet

Однако, послы распорядились иначе: они стали отрѣзать пломбы на пути и открыто продавать вещи, привезенныя изъ Москвы въ ящикахъ и мѣшкахъ. Въ С.-Дени они открыли магазинъ, въ которомъ преспокойно продавали привезенныя матеріи и мѣха, совершенно забывъ „свое достоинство пословъ, чтобъ дѣйствовать какъ мелочные торговцы и предпочитая свою частную выгоду и пользу чести своихъ Государей“. Таково было мнѣніе французскаго королевскаго правительства, которое поэтому послало въ домъ, занимаемый московскими послами, чиновника, съ порученіемъ потребовать прекращенія такой незаконной торговли и оставаться въ домѣ для наблюденія за исполненіемъ этого требованія. Но московскіе послы были другого мнѣнія: они подвергли фран-

employé fut insulté et même, on dit, que l'un des ambassadeurs tira son poignard pour le tuer. Ces faits se trouvent consignés dans le rapport qu'il adressa à ses chefs *).

Cette conduite des ambassadeurs indisposa au plus haut degré Louis XIV qui était à l'apogée de sa gloire et de sa puissance. Il refusa de les honorer d'une audience et leur fit savoir qu'ils n'avaient qu'à faire leur communication au Ministre des affaires étrangères. En général, le roi trouvait qu'il était inutile de poursuivre des pourparlers avec ces diplomates. Il n'ont qu'à remettre au Ministre la lettre des Tsars et c'est, par son entremise, qu'ils recevront la réponse du roi.

Mais Louis XIV se heurta ici à une obstination devant laquelle il dut capituler. Le prince Dolgorouky déclara catégoriquement qu'il ne recevrait la lettre royale pas autrement que des mains du roi, qu'il ne remettrait la lettre des Tsars à personne d'autre qu'au roi, et qu'il ne recevrait les cadeaux d'usage que du roi et à l'audience solennelle.

Louis XIV qui faisait rarement des concessions à ses nombreux et puissants ennemis, en fit une aux obstinés représentants moscovites. Il consentit à les recevoir en audience solennelle le 2 août.

*) Voir Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. XXXIV, p. 11 et suiv.—Soloview. Histoire de Russie, t. XIV. ch. I. — Rambaud. Recueil, t. I, p. 83 et suiv.

цузскаго чиновника личнымъ оскорбленіямъ, и одинъ изъ пословъ даже вынулъ свой кинжалъ, чтобъ убить этого француза. Таковъ смыслъ его донесенія высшему начальству *).

Такое поведеніе пословъ московскихъ Царей сильно раздражило Людовика XIV, стоявшаго въ это время въ зенитѣ своей славы и могущества. Онъ отказался принять пословъ и поручилъ имъ сказать, что они могутъ сообщить Министру Иностранныхъ Дѣлъ все, что имѣютъ ему сообщить. Вообще всякіе переговоры съ этими послами казались королю совершенно излишними. Привезенное ими письмо Царей они могутъ передать Министру для врученія королю, который черезъ того же Министра дастъ имъ свой королевскій отвѣтъ для поднесенія московскимъ Царямъ.

Но тутъ король французскій натолкнулся на такое упрямство, передъ которымъ онъ принужденъ былъ капитулировать. Князь Долгорукій самымъ категорическимъ образомъ объявилъ, что они не примутъ королевскаго письма изъ другихъ рукъ, кромѣ самого короля; что онъ не отдастъ царской грамоты другому лицу, кромѣ самого короля и что, наконецъ, онъ не приметъ никакихъ подарковъ королевскихъ иначе, какъ отъ самого короля и на торжественной аудіенціи.

Людовикъ XIV, рѣдко уступавшій своимъ многочисленнымъ и могущественнымъ врагамъ, уступилъ въ данномъ случаѣ упрямымъ посламъ московскихъ Царей. 2-го августа король

*) Срав. Сборникъ И. Р. Историч. Общества, т. XXXIV, стр. 11 и слѣд. – Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIV, глава I.—Rambaud. Recueil. t. I. p. 83 et suiv.

Le prince Dolgorouky lui remit la lettre des Tsars, et lui notifia qu'un accord a été conclu à Moscou entre la Russie et la Pologne contre la Turquie. L'ambassadeur proposa, en même temps, au roi de participer à cette, alliance fraternelle et chrétienne, contre l'ennemi de la croix et de la chrétienté.

Le roi de France qui avait dans le Sultan le seul puissant allié contre la dynastie des Habsbourg, accueillit les ouvertures des ambassadeurs moscovites avec le plus profond dédain. Il ne chargea pas moins son Ministre des affaires étrangères, Colbert de Croissy, de prendre connaissance de leurs propositions. Mais lorsque ils se mirent, dès le début, à développer la théorie qu'il serait facile à la France et à la Russie „de ruiner l'Empire Ottoman", le roi ordonna de rompre les pourparlers et de leur déclarer qu'ils pouvaient partir sans audience de congé, et que la lettre royale et les cadeaux leur seraient remis par le Ministre.

Le prince Dolgorouky protesta énergiquement contre ce procédé disant que c'est une chose inouie, que tous les souverains remettent personnellement aux ambassadeurs leurs lettres responsives, qu'ils sont les représentants des Tsars et qu'ils ne recevront que des mains du roi ces documents. Selon le rapport de Dolgorouky, on lui aurait répondu que „le roi est furieux, qu'il se propose de leur infliger un grand déshonneur et qu'il aurait donné l'ordre de les faire conduire à la frontière de

ихъ принялъ въ торжественной аудіенціи. Князь Долгорукій вручилъ Людовику XIV царскую грамоту и объявилъ о заключеніи въ Москвѣ союза между Россіей и Польшею противъ Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ предложилъ королю вступить въ этотъ „братскій и христіанскій союзъ" противъ врага Креста Святого и всѣхъ христіанъ.

Король французскій, имѣвшій въ турецкомъ султанѣ единственнаго могущественнаго союзника противъ династіи Габсбурговъ и ея союзниковъ, отнесся съ полнымъ пренебреженіемъ къ такому предложенію московскихъ пословъ. Тѣмъ не менѣе, онъ предписалъ своему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, Кольберу де Кроасси, выслушать подробно предложенія уполномоченныхъ московскихъ Царей. Когда на первыхъ же порахъ московскіе послы стали развивать тему о томъ, что Франція и Россія легко могли бы „разрушить Оттоманскую имперію", король приказалъ прекратить переговоры и объявить посламъ, что они могутъ уѣхать безъ прощальной аудіенціи, и что королевское письмо и подарки будутъ имъ вручены министромъ.

Противъ такого обращенія протестовалъ князь Долгорукій самымъ энергическимъ образомъ, сказавъ, что это неслыханное дѣло, ибо всѣ Государи отдаютъ отвѣтную грамоту свою посламъ, и они, послы царскіе, не примутъ грамоты иначе, какъ изъ рукъ королевскихъ. На это былъ отвѣтъ, доноситъ князь Долгорукій, что „король вельми яростенъ, обѣщаетъ чинить посламъ великое безчестіе и указалъ отпустить ихъ назадъ до французскаго рубежа, до города Дюнкерка".

France à Dunkerque“. Ladessus le prince Dolgorouky répondit avec un calme imperturbable que „non seulement la colère du roi, mais que la mort elle-même ne pourrait le forcer de recevoir la lettre royale à domicile“.

Le roi n'ordonna pas moins d'envoyer les cadeaux aux ambassadeurs à l'hôtel qu'ils occupaient. Comme ils refusaient de les accepter, un maître de cérémonies se présenta chez eux pour leur annoncer, que dans ces conditions, le roi donnerait l'ordre de mettre ces objets de force dans leurs voitures. L'intrépide prince Dolgorouky répondit à cette menace que les ambassadeurs se garderont de prendre les cadeaux et de faire usage des voitures.

„La colère du roi“, dit-il, serait „terrible pour nous si nous étions coupables, mais comme nous n'avons rien à nous reprocher, elle ne saurait nous émouvoir, nous devons obéir avant tout aux ordres de nos souverains“.

L'obstination des diplomates moscovites l'emporta sur le mauvais vouloir des Français: ils obtinrent une audience de congé chez le roi et une entrevue avec le Ministre des affaires étrangères de France. Les cadeaux du roi leur furent imposés par une manoeuvre habile.

Arrivés à St.-Dénis le prince Dolgorouky et le prince Myschetsky eurent le 22 août une conférence avec Colbert de Croissy. Les plénipotentiaires russes s'empressèrent de proposer à la France de contracter un accord avec la Russie contre la Porte en invoquant les paroles de l'Evangile: „Là où deux ou trois sont réunis en mon nom Je suis parmi eux“. Mais l'éloquence des ambassadeurs fut d'un effet nul sur le ministre français

На это князь Долгорукій невозмутимо отвѣчалъ, что „не только королевскій гнѣвъ, но и самая смерть не можетъ ихъ принудить взять грамоту у себя на дворѣ“.

Однако французскій король всетаки приказалъ послать подарки посламъ на домъ. Но послы ихъ не приняли, а послали назадъ. Тогда явился къ нимъ „мастеръ церемоній“ и сказалъ, что если они не примутъ подарковъ, то король велитъ покласть ихъ въ возы силою. Неустрашимый князь Долгорукій на эту угрозу отвѣтилъ, что послы не только даровъ, но и возовъ тѣхъ при себѣ никогда имѣть не будутъ.

„Королевскій гнѣвъ“, говорилъ князь Долгорукій,— „страшенъ намъ по винѣ, а безъ вины вовсе не страшенъ; должны мы прежде всего взирать на повелѣніе Государей своихъ“.

Упрямство московскихъ пословъ пересилило недобрую волю французовъ и послы имѣли прощальную аудіенцію у короля и новый разговоръ съ французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Подарки же королевскіе были имъ навязаны весьма лукавымъ образомъ.

Послѣ переѣзда изъ Парижа въ С.-Дени князья Долгорукій и Мышецкій имѣли 22-го августа бесѣду съ Кольберомъ де Кроасси. Царскіе уполномоченные не замедлили предложить, чтобъ Франція вступила въ союзъ съ Россіей противъ Турціи, ибо самъ Спаситель сказалъ: „Идѣ же два или тріе во имя Мое собрани, то и Азъ посредѣ“. Но краснорѣчіе московскихъ пословъ нисколько не подѣйствовало на фран-

D'après le rapport de Dolgorouky il aurait répondu en ces termes: „Le Roi est tout disposé à entrer en amitié fraternelle avec les Tsars, il remercie pour la proposition de s'associer à la ligue contre les ennemis de la croix, et il souhaite des victoires à tous les alliés chrétiens. Sa Majesté ne m'a pas moins donné l'ordre de déclarer qu'Elle jugeait impossible pour le moment de contracter une alliance avec les souverains chrétiens parcequ'Elle vient d'apprendre par les journaux que les armées chrétiennes ont remporté la victoire sur l'ennemi; si le roi entrait aujourd'hui dans cette alliance et s'il envoyait une armée contre les Turcs, il serait le dernier à retirer de la gloire de ces faits d'armes. Notre souverain est un grand monarque qui travaille à la gloire de sa couronne et désire que ses armées opèrent exclusivement sous sa direction“.

„D'ailleurs“ poursuivit le ministre français, „il y a une autre raison pour laquelle le roi ne saurait faire partie de cette ligue. Il fut un temps où il prêta l'appui de ses troupes à l'Empereur contre les Turcs, mais les troupes impériales leur ont fait les plus grandes misères; elles les ont fait camper aux plus mauvais endroits, où il n'y avait pas de vivres, et où l'on ne pouvait pas même se procurer du pain; elles les ont exposées les premieres aux sabres de l'ennemi; aussi les troupes françaises ont elles éprouvé des pertes effroyables, sans recueillir de gloire, toute la gloire étant pour l'Empereur, et sans aucun dédommagement pour nous“.

„Lorsque les Turcs arrivèrent sous les murs de Vienne notre roi proposa à l'Empereur l'appui de son armée, mais

цузскаго министра. По донесенію князя Долгорукаго, министръ сказалъ: „Государь мой съ Ихъ Царскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви быть желаетъ, за союзъ противъ врага Креста Святаго благодарствуетъ и желаетъ всѣмъ христіанскимъ союзникамъ побѣды. Только приказалъ Его Королевское Величество объявить вамъ свое намѣреніе, что ему теперь въ союзъ съ христіанскими Государями вступить невозможно, ибо король знаетъ изъ газетъ, что христіанскія войска уже одержали побѣду надъ непріятелемъ, и если теперь королю вступить въ союзъ и войска противъ Турокъ послать, то ему послѣдняя будетъ слава. Государь нашъ, монархъ великій, ищетъ коронѣ своей собственной славы, чтобъ его войска находились не подъ инымъ чьимъ регим͏ентомъ, только подъ его“.

„Да и для того король не можетъ вступить съ союзъ“, продолжалъ французскій министръ, „что въ прежніе годы онъ посылалъ свои войска на помощь Цесарю противъ Турокъ; только тѣмъ войскамъ отъ цесарскихъ войскъ было великое утѣсненіе, ставили его войска въ поляхъ въ худыхъ мѣстахъ, гдѣ не только живности, и хлѣба достать было нельзя, а къ непріятельскимъ саблямъ посылали ихъ прежде себя. Потери французскія войска потерпѣли страшныя, а славы не получили никакой, — вся слава досталась Цесарю, отъ котораго никакого воздаянія за то не было“.

„Когда Турки приходили подъ Вѣну, король нашъ предлагалъ Цесарю войска на помощь, но Цесарь этой помощи

celui-ci déclina ces offres, on ne sait pour quel motif. Le roi envoya une armée de 8.000 hommes au secours des Vénitiens dans leur guerre en Candie et dans la Morée, mais dans les combats les Vénitiens agirent en traitres à l'égard de ces troupes et le roi n'en retira aucune gloire. Les Polonais ont peu de soldats; ils ont subi de grandes pertes dans la dernière guerre avec les Turcs; notre roi a une armée nombreuse et il peut facilement remporter la victoire sur les Turcs".

„Une grande distance sépare nos deux pays", dit Croissy en terminant, „et il serait difficile au roi de venir en aide à vos Tsars et d'ailleurs ils peuvent remporter la victoire sans aucun secours".

Toutefois ce long discours ne réussit pas à convaincre les ambassadeurs moscovites de la stérilité de leurs efforts pour entraîner le roi de France dans une ligue contre le Sultan, son ami le plus intime et son allié le plus fidèle. Ils persistaient à vouloir persuader le ministre français et à combattre ses arguments. Celui-ci leur fit une déclaration catégorique en ces termes:

„Le roi ne peut entrer dans l'alliance parce qu' entre l'Empereur et lui il y a une inimitié immémoriale, perpétuelle; au contraire, entre le Sultan et lui, il y a une paix perpétuelle et une amitié solide. Les sujets du roi ont des nombreuses relations de commerce et d'industrie avec les Turcs, et une rupture avec la Porte causerait un grand préjudice à la France. De quelle raison le roi ferait-il preuve, à la face du monde, et quelle gloire lui reviendrait-il s'il s'avisait d'aider un ennemi

принять не хотѣлъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Венеціанамъ на помощь король посылалъ 8.000 войска, когда была война въ Кандіи и Мореѣ, но Венеціане эти войска въ битвахъ выдавали, и королю отъ того никакой славы не выросло. У Поляковъ войска мало; въ прошлую войну съ Турками много они своего войска потеряли; а у нашего короля войска много и можетъ онъ своею особою побѣду надъ Турками одержать".

„Между вашими Государями", закончилъ свою рѣчь Кроасси, „и нашимъ растояніе дальнее; войскомъ король никакъ имъ помочь не можетъ, да и безъ всякой помощи Цари могутъ одержать побѣду".

Однако, эта длинная рѣчь не убѣдила московскихъ пословъ въ тщетности ихъ стараній вовлечь французскаго короля въ союзъ противъ его ближайшаго друга и вѣрнѣйшаго союзника — турецкаго султана. Они продолжали убѣждать французскаго министра и старались опровергнуть его доводы. Тогда министръ объявилъ категорически слѣдующее:

„Королю нельзя приступить къ союзу потому, что между нимъ и Цесаремъ исконная, всегдашняя недружба, а съ султаномъ всегдашній миръ и крѣпкая дружба. Подданные королевскіе, торговые люди, съ Турками имѣютъ великіе торговые промыслы, и если съ Турками разорвать, то французской землѣ будетъ раззореніе. Какой бы разумъ и славу король оказалъ на весь свѣтъ, еслибъ сталъ помогать недругу на друга: этого король никогда не сдѣлаетъ".

contre un ami? C'est ce que le roi ne fera jamais".

Mais tous ces arguments du ministre français, quelque fondés qu'ils fussent, ne réussirent pas à convaincre les ambassadeurs des Tsars qui ne voulaient pas admettre que le roi très-chrétien et le fils ainé de l'église pût préférer l'amitié avec des mécréants à une alliance avec des peuples chrétiens contre l'ennemi commun de la chrétienté? Cette amitié inouie et si peu naturelle avec les Turcs indignait jusqu' au fond de l'âme les ambassadeurs moscovites, et ils ne pouvaient s'empêcher d'exprimer leur étonnement à ce sujet au ministre français. „Qu' est-ce qui est préférable", lui disaient ces diplomates: „une alliance avec des chrétiens ou la paix avec des mécréants? Une guerre avec la Porte ne saurait être ruineuse pour les sujets du roi car il n'y a sous le joug ottoman pas autant de commerçants musulmans, que de Grecs chrétiens. Les Turcs prendront la fuite en présence de cette ligue de tous les souverains chrétiens, les chrétiens affranchis pourront se livrer librement au commerce et à l'industrie et les Français pourront en retirer plus de bénéfice qu'ils n'en retirent aujourd'hui des musulmans".

Но убѣдительные доводы французскаго министра нисколько не убѣдили пословъ московскихъ Царей, которые никакъ не могли понять: какимъ образомъ наихристіаннѣйшій король и перворожденный сынъ церкви можетъ предпочесть дружбу съ бусурманами союзу съ христіанскими народами противъ общаго врага всего христіанскаго міра? Такая неестественныя и неслыханная дружба съ Турками возмущала до глубины души московскихъ пословъ, и они не могли воздержаться, чтобъ откровенно не высказать свое недоумѣніе французскому министру. „Что лучше", сказали ему послы, „союзъ съ христіанами, или миръ съ бусурманами? Королевскіе люди отъ войны съ Турками не раззорятся, потому что подъ турецкимъ игомъ не находится столько торговыхъ людей бусурманъ, сколько христіанъ Грековъ. Турки отъ союза всѣхъ христіанскихъ Государей обратятся въ бѣгство, христіане получатъ свободу отъ ихъ ига и будутъ имѣть свои торговые промыслы, отъ нихъ французы получатъ больше прибыли, чѣмъ теперь отъ бусурманъ".

Même cette promesse trompeuse de plus grands bénéfices, en cas de l'accession de la France à la ligue contre la Porte, ne produisit pas la moindre impression sur le ministre français. Au contraire, le ministre du roi-soleil semblait s'être formalisé de ce que des ambassadeurs de certains Tsars moscovites se soient permis de vouloir éclairer le roi sur les avantages réels pour la France d'une alliance avec la Turquie.

Но даже заманчивое обѣщаніе большихъ выгодъ въ случаѣ приступленія Франціи къ союзу противъ Турціи не произвело на французскаго министра ни малѣйшаго впечатлѣнія. Напротивъ, министръ „короля-солнца" даже обидился, какъ послы какихъ-то московскихъ Царей могутъ дерзать учить его короля насчетъ дѣйствительныхъ выгодъ для Франціи отъ союза съ Турками.

„Mon souverain“, répondit avec dignité Colbert de Croissy, „a servi son pays pendant nombre d'années par des actes d'une haute raison, et ce serait insensé de sa part de rompre la paix avec les Turcs sans aucun motif plausible, et de venir au secours d'un Etat dont son pays n'a qu'à redouter l'hostilité“.

„Государь мой“, съ достоинствомъ отвѣтилъ Кольберъ де Кроасси, „служилъ государству своему много лѣтъ со всякою славою высокоразумными поступками; а теперь поступилъ бы не такъ разумно, еслибъ безъ всякой причины съ Турками миръ разорвалъ и помогъ тому, отъ кого впредь ожидастъ государству своему всякой противности“.

C'est ainsi que se terminèrent les pourparlers entre les ambassadeurs moscovites et plénipotentiaires du gouvernement français. Le résultat fut purement négatif et le but de cette mission ne fut pas atteint. Le prince Dolgorouky n'obtint que la promesse que la France ne paralysera pas l'action des puissances alliées qui ont pris les armes contre la Porte.

На этомъ окончились личные переговоры между московскими послами и уполномоченнымъ французскаго короля Людовика XIV. Результатъ переговоровъ былъ совершенно отрицательный и цѣль посольства осталась совершенно недостигнутою. Князь Долгорукій могъ добиться только обѣщанія, что Франція не будетъ мѣшать союзнымъ державамъ, ополчившимся противъ Турокъ. Это было все.

Quoi qu'il en soit, après une seconde et dernière entrevue entre les ambassadeurs et le ministre français, le 1 septembre 1687, il fut annoncé aux princes Dolgorouky et Myschetsky que le roi les recevrait en audience de congé le 3 septembre. Avant l'audience, on leur fit voir „la maison et le jardin de Versailles.“

Послѣ второго и послѣдняго разговора между послами и французскимъ министромъ, происходившаго 1-го сентября 1687 года, князьямъ Долгорукому и Мышецкому было объявлено, что король французскій приметъ ихъ въ прощальной аудіенціи 3-го сентября. До аудіенціи посламъ показывали всѣ достопримѣчательности Версаля.

A l'audience Louis XIV les reçut très gracieusement et „leur donna toutes les marques possibles de l'estime qu'il fait de l'amitié des Tsars et fit même ajouter à la libéralité de ses présents pour visite les plus riches étoffes qui se fassent dans son royaume“ *). C'est en ces termes que parle de l'audience de congé des ambassadeurs de Moscou le rapport officiel français.

На аудіенціи Людовикъ XIV желалъ показать московскимъ посламъ свою милость и „далъ всевозможныя доказательства своего уваженія къ дружбѣ Царей и даже повелѣлъ прибавить къ щедрымъ подаркамъ за посѣщеніе самыя дорогія ткани, выдѣлываемыя въ королевствѣ“ *). Такъ отзывается объ отпускной аудіенціи московскихъ пословъ французскій

*) Recueil de la Société Imperiale historique russe, t. XXXIV, p. 19.

*) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXXIV, стр. 19.

официальный отчетъ объ этомъ посольствѣ.

Mais en réalité, cette audience de congé amena un regrettable conflit, et l'issue en fut très fâcheuse. Malheureusement les mots: „aux Grands Souverains“ étaient omis dans la lettre royale remise aux ambassadeurs; ceux-ci refusèrent de l'accepter et exigèrent qu'elle fût recopiée. Les ministres français refusèrent péremptoirement de faire droit à cette réclamation en déclarant que le roi de France ne donnait ce titre à personne, et qu'il n'en a jamais fait usage lui-même.

Но на самомъ дѣлѣ отпускная аудіенція привела къ новому печальному столкновенію и кончилась весьма неблагополучно. Въ грамотѣ короля Царямъ, врученной посламъ при отпускной аудіенціи, были пропущены слова: „Великимъ Государямъ“. Послы отказались принять эту королевскую грамоту и потребовали, чтобъ она была переписана. Но французскіе министры не пожелали исполнить это требованіе, ссылаясь на то обстоятельство, что французскій король никому такого титула не даетъ и самъ себя такъ не называетъ.

Toutefois les ambassadeurs persistaient dans leur résolution et refusaient d'accepter, non seulement la lettre du roi, blessante pour les Tsars, mais aussi les cadeaux qui leur étaient destinés. Les exhortations et les menaces n'y firent rien. Le gouvernement français fut très indigné de cette obstination, et les maîtres de cérémonie ne se gênaient pas de dire que Sa Majesté n'avait encore subi de personne de semblables „tracasseries.“ En présence de cette tenacité des diplomates moscovites, les ministres français prirent le parti de les déloger de force. La garde d'honneur préposée à leur hôtel, fut retirée, les employés du roi furent rappelés, et même les meubles— enlevés!

Однако, московскіе послы остались при своемъ рѣшеніи и отказались принять не только королевскую грамоту, оскорбительную для Царей, но и королевскіе подарки. Никакія увѣщанія и угрозы не могли повліять на пословъ московскихъ Царей. Французское правительство было возмущено упрямствомъ пословъ и „мастеры цереmоній“, не стѣсняясь, говорили, что ни отъ кого въ томъ Королевскому Величеству такихъ „досадительствъ“ прежде не было. И такъ какъ упрямство московскихъ пословъ было непобѣдимо, то французскіе министры рѣшили отдѣлаться отъ нихъ насильственнымъ образомъ. По ихъ распоряженію, почетная стража у посольскаго дома была снята; всѣмъ королевскимъ чинамъ было приказано выѣхать изъ посольскаго дома и, наконецъ, даже вся мебель была взята изъ этого дома!

Réduits ainsi à subvenir eux-mêmes à leur entretien, ils prirent la résolution de se rendre en Espagne: ils ache-

Послы, лишившись всякаго содержанія отъ французскаго двора, стали жить на собственномъ иждивеніи. Наконецъ,

tèrent des chevaux pour ce voyage et demandèrent au gouvernement français de les munir des passeports requis. On leur annonça que le roi avait donné l'ordre de les conduire au Hâvre, d'où ils seraient transportés à „Savostianow" (St.-Sébastien) à bord d'un bâtiment de guerre français.

Les ambassadeurs accueillirent ces ouvertures avec quelque défiance redoutant un guet-apens de la part des ministres français. Ils ne se rendirent pas moins au Hâvre, où il leur fut notifié que s'ils n'acceptaient pas les cadeaux du roi, la route d'Espagne leur serait fermée et qu'ils devraient rester dans cette ville. Ils reconnurent la nécessité de se soumettre à ces conditions.

C'est de cette manière fâcheuse que se termina la grande ambassade des princes Dolgorouky et Myschetsky. On comprend facilement l'impression pénible que dut produire à Moscou le compte rendu qu'en fit le prince Dolgorouky. Après l'audition de ce rapport, les jeunes Tsars et la Tsarevna Sophie Alexéevna décrétèrent, en conseil des boyars, les dispositions suivantes: „des lettres de notification devaient être envoyées par la poste à l'Empereur d'Allemagne, aux rois d'Espagne et d'Angleterre, à la république de Venise, aux Etats-Généraux de Hollande et au roi de France lui-même" pour les informer: 1) que ce roi „a fait preuve d'un mauvais vouloir absolu à l'égard des Tsars, dans la réception peu courtoise faite à leurs représentants; 2) qu'en ce qui regarde la ligue contre le sultan de Turquie et le chan de Crimée, le roi de France donna, contrairement aux voeux

послы рѣшились выѣхать въ Испанію. Для этой цѣли они купили лошадей и просили французское правительство дать имъ пропускъ въ Испанію. Имъ было объявлено въ отвѣтъ, что король приказалъ отвезти ихъ до Гавра, а оттуда на французскомъ военномъ кораблѣ до испанскаго города „Савостьянова" (С. Себастіанъ).

Московскіе послы приняли это предложеніе, но подозрѣвали подвохъ со стороны французскихъ министровъ. Дѣйствительно, они отправились въ Гавръ, и тамъ имъ было объявлено, что если они королевскихъ подарковъ не примутъ, то въ Испанію не попадутъ, а должны остаться въ Гаврѣ. Тогда послы убѣдились въ необходимости принять королевскіе подарки.

Такъ печально кончилось великое посольство князей Долгорукаго и Мышецкаго. Не трудно себѣ представить тяжелое впечатлѣніе, произведенное въ Москвѣ отчетомъ князя Долгорукаго о своемъ посольствѣ. Выслушавъ его донесеніе, молодые Цари, обще съ Царевною Софіею Алексѣевною, указали, а бояре приговорили слѣдующее: „послать обвѣстительныя свои грамоты чрезъ почту къ Цесарю Римскому, къ королямъ Гишпанскому и Аглинскому, къ Венеціанской республикѣ и къ Голландскимъ Штатамъ, да и къ нему французскому королю" о томъ, что 1) король французскій „въ пріемѣ и отпуску ихъ пословъ показалъ къ нимъ, Государямъ, нелюбовь свою и всякую противность и что, 2) онъ въ союзѣ противу общихъ христіанскихъ непріятелей салтана турецкаго и хана крымскаго, противу желаній Ихъ Царскихъ Величествъ,

des Tsars, une préférence manifeste à une alliance avec ces ennemis déclarés de la chrétienté, en faisant valoir des arguments et des excuses peu convenables".

La lettre adressée au roi de France devait insister en détail „sur les dispositions malveillantes à l'égard des Tsars qui se sont produites, d'une manière si marquée, à l'occasion de cette ambassade".

Cette lettre fut la dernière adressée par les Tsars de Moscou aux rois de France, car pendant nombre d'années les relations diplomatiques étaient rompues entre les deux gouvernements. D'après le témoignage des contemporains, „l'animosité des Russes contre les Français croissait de jour en jour". Il est curieux que cette animosité ne s'est pas étendue aux émigrés huguenots qui, après la révocation de l'édit de Nantes, se sont vu forcés de chercher un asyle même en Russie, bien qu'elle fut si éloignée. A la demande de Chaplitz, ministre de l'Electeur de Brandenbourg, un décret du Tsar fut promulgué pour accorder à ces émigrés français la permission de s'établir en Russie. Chaplitz informa le gouvernement moscovite „que les protestants étaient cruellement persécutés en France, par ordre du roi, et qu'on cherchait à les forcer par des supplices de rester dans le giron de l'église catholique; on les condamnait à mort sans pitié; on arrachait les maris à leurs femmes et les pères à leurs enfants, et ceux qui échappaient à ces cruautés cherchaient un refuge dans les Etats voisins" *).

*) Mon Recueil des traités, t. V, p. 30. — Soloviev. Histoire de Russie, t. XIV, chapitre I.

любя паче дружбу и пріязнь съ тѣми христіанскими непріятелями, нежели съ христіанскими Государями, отказалъ непристойными отговорками".

Въ грамотѣ же къ французскому королю надлежало описать пространно „всю противность, оказанную отъ него имъ, Государямъ, въ семъ посольствѣ".

Это было послѣднее письмо московскихъ царей къ французскимъ королямъ, ибо на многіе годы прекратились всѣ письменныя сношенія между обоими правительствами. По свидѣтельству современниковъ, „вражда Русскихъ противъ Французовъ разросталась со дня на день". Любопытно, что эта ненависть не распространялась на французскихъ эмигрантовъ — гугенотовъ, которые, послѣ отмѣны Людовикомъ XIV Нантскаго эдикта, принуждены были искать гостепріимства даже въ далекой Россіи. По ходатайству посланника Бранденбургскаго курфирста, Чаплича, дана была царская грамота о дозволеніи этимъ французскимъ эмигрантамъ пріѣзжать въ Россію для поселенія. Чапличъ объяснилъ московскому правительству, что „Королевское Величество французскій началъ въ государствѣ своемъ ближнихъ и иныхъ людей неволить въ вѣрѣ евангелической, и многихъ мученіемъ изъ государства своего разогналъ и, принуждая въ неволю различными мученіями къ католической вѣрѣ, многихъ смерти предалъ, и разлуча мужей съ женами и дѣтьми, держитъ въ крѣпяхъ, и которые, получа себѣ въ чемъ свободу, бѣгутъ въ разныя окрестныя государства" *).

*) Мое Собраніе трактатовъ, т. V, стр. 30. — Соловьева Исторія Россіи, т. XIV, глава 1.

Lorsque en 1689 deux jésuites français, d'Avril et Beauvollier, se présentèrent à Moscou, porteurs d'une lettre de Louis XIV, qui priait les Tsars de leur accorder libre passage en Chine, on les traita avec peu ménagement. Dans ce document le roi invoquait la protection „des très hauts, très excellents, très puissants et très magnanimes Princes" Jean et Pierre Alexéevitch pour faciliter à ces prêtres l'accès en Chine.

Но когда, въ январѣ 1689 года, въ Москву явились два французскихъ іезуита, д'Авриль и Боволье, съ королевскою грамотою, въ которой Людовикъ XIV просилъ московскихъ Царей пропустить этихъ патеровъ въ Китай, съ ними поступили весьма нелюбезно. Въ грамотѣ, привезенной іезуитами, король обращается къ „высочайшимъ, превосходительнѣйшимъ, державнѣйшимъ и великодушнѣйшимъ князьямъ" Іоанну и Петру Алексѣевичамъ съ просьбою о покровительствѣ и пропускѣ іезуитовъ въ Китай."

Mais à peine étaient-ils arrivés à Moscou qu'un commissaire du Posolsky Prikaz se présenta chez eux, leur intimant l'ordre de retourner dans leur pays. Les deux jésuites invoquèrent la protection du ministre de Pologne qui les adressa au prince Galitzine, favori de la Tsarevna Sophie. Mais l'intervention de celui-ci ne réussit pas à empêcher leur renvoi hors des frontières de l'Etat moscovite. Ils furent appelés à comparaitre au Posolsky Prikaz, où il leur fut déclaré ce qui suit: „Dans la lettre royale que vous avez produite, Sa Majesté a formulé ses demandes d'une manière contraire à l'usage, et c'est pourquoi nos grands Tsars n'ont pu la recevoir et n'ont pas donné les ordres requis pour vous accorder libre passage en Chine par les villes de l'Etat moscovite; ils ont en outre ordonné de vous rendre la lettre susmentionnée et de vous signifier de rentrer dans votre pays par la voie que vous avez suivie. Si nos grands Tsars ont refusé d'accorder la permission demandée, c'est parceque lors du séjour de nos ambassadeurs à Paris,

Однако, едва они прибыли въ Москву, какъ явился къ нимъ приставъ изъ Посольскаго Приказа, съ приказаніемъ, чтобы они немедленно отправились въ обратный путь. Оба іезуита обратились къ покровительству польскаго посланника, который ихъ отрекомендовалъ князю Голицыну, фавориту Царевны Софіи. Но покровительство князя Голицына не остановило изгнанія обоихъ французскихъ іезуитовъ изъ предѣловъ московскаго государства. Ихъ призвали въ Посольскій Приказъ и объявили слѣдующее: „Королевское Величество французскій въ грамотѣ своей, которую вы объявили, просилъ противно и необыкновенно, и для того великіе Государи этой грамоты принять у васъ и черезъ города Великороссійскаго государства въ Китай пропускать васъ не указали, а указали грамоту отдать вамъ назадъ и отпустить въ свою сторону тою же дорогою, какою вы пріѣхали. Да и для того великіе Государи васъ пропустить не указали: когда у короля вашего были царскіе послы, тогда Государь вашъ во время посольства ихъ показалъ многую про-

votre roi les a reçus avec un manque de courtoisie absolu et blessant pour l'honneur de nos Souverains".

Ces relations hostiles entre la Russie et la France ne se sont pas modifiées dans les premières années du règne de Pierre I.

Le grand réformateur de la Russie fut élevé dans des sentiments de suspicion et de défiance à l'égard de la France. Il pouvait oublier difficilement que le gouvernement français n'avait jamais cessé de prendre le parti des ennemis de la Russie et de contrecarrer les vues de sa politique à Constantinople, à Varsovie et à Stockholm. Les rapports des ambassadeurs moscovites, qui revenaient de France, contenaient toujours des plaintes contre l'arrogance et l'hostilité de Louis XIV et de ses ministres.

Enfin, par sentiment personnel Pierre I ne pouvait guère éprouver de sympathie très marquée pour la Cour brillante de Versailles et le Roi-Soleil. „Cette France de Louis XIV, pleine d'éclat et de morgue", dit l'historien Soloview, „pouvait-elle exercer une grande attraction sur cet illustre charpentier, sur cet ouvrier doué de génie?.. Que pouvait-il y avoir de commun entre la simplicité brusque et rustique de ce jeune homme et les manières raffinées d'un vieux marquis poudré" *)! Il est certain que l'action très puissante que les Hollandais ont exercée sur Pierre I, en qualité de ses premiers instructeurs, a dû réagir sur ses sentiments d'hostilité pour la France.

Toutefois ces sentiments personnelles ne l'ont jamais empêché de s'intéresser vivement à la nation française, à cette

*) Soloview, Histoire de Russie, t. XV, chap. I. (Edition „Obtschestvennaia Polza"), p. 1327.

тивность съ безчестіемъ на сторону ихъ Царскаго Величества".

Такія же непріязненныя отношенія между Россіею и Франціею продолжались въ первые годы царствованія Петра I.

Великій преобразователь Россіи былъ воспитанъ въ чувствахъ подозрительности и недовѣрія къ Франціи. Онъ не могъ забыть, что французское правительство постоянно было на сторонѣ враговъ Россіи и неусыпно противодѣйствовало цѣлямъ русской политики въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Донесенія московскихъ пословъ, возвратившихся изъ Франціи, были полны обвиненіями противъ высокомѣрія и враждебности Людовика XIV и его министровъ.

Наконецъ, по личнымъ своимъ чувствамъ Петръ I не могъ питать особенной симпатіи къ блестящему Версальскому двору и къ „королю-солнцу". „Какое сочувствіе,—спрашиваетъ историкъ Соловьевъ,—могъ питать великій плотникъ, геніальный чернорабочій къ блестящей и чопорной Франціи Людовика XIV?.. Грубая простота деревенскаго юноши и утонченныя манеры стараго напудреннаго маркиза" *)! Наконецъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что огромное вліяніе на Петра I первоначальныхъ его учителей, голландцевъ, должно было также отразиться на его національныхъ чувствахъ къ Франціи.

Впрочемъ, эти личныя чувства нисколько не останавливали Петра I живо интересоваться французскимъ народомъ,

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XV, гл. I (изд. „Общественной пользы"), стр. 1327.

Cour si brillante, et à toutes les conquêtes du génie français dans le domaine de l'industrie, de la navigation et des sciences. Il ne se bornait pas à suivre la politique française dans ses moindres replis, il se plaisait également à étudier les mœurs et les coutumes de cette brillante société française au début du siècle passé.

C'est ce qui explique le rôle que le gentilhomme Postnikow était appelé à jouer à Paris à cette époque.

Il fut chargé par le Tsar en 1703 de résider dans cette capitale en qualité d'agent politique, mais sans caractère diplomatique. Il avait la mission de communiquer au gouvernement français, et à la presse périodique, toutes les nouvelles reçues de Moscou sur les victoires des armées russes et les réformes du Tsar, en matière de législation. D'ailleurs, on lui confiait les commissions les plus variées—il devait entr'autre acquérir à Paris des instruments, embaucher des maîtres des métiers, faire la commande d'habits brodés etc. Il ne parvenait pas toujours à s'acquitter avec succés de ces commissions; ce qui était surtout difficile, c'était de recruter parmi les Français des amateurs de se rendre à Moscou pour entrer au service du Tsar.

Il fut chargé un jour d'enrôler 12 „coiffeurs“ — chirurgiens. Il ne pouvait le faire sans l'autorisation du gouvernement; il s'adressa au ministre de Torcy pour obtenir par son canal la permission du roi. Le ministre lui demanda le registre de ces amateurs et ne put s'empêcher de dire,

его блестящимъ королемъ и всѣми завоеваніями французскаго генія въ области промышленности, мореплаванія и наукъ. Онъ слѣдилъ не только за всѣми ходами французской политики, но равнымъ образомъ интересовался нравами и обычаями блестящаго французскаго общества начала прошлаго вѣка.

Такимъ образомъ объясняется та роль, которую дворянинъ Постниковъ игралъ въ Парижѣ въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія.

Постникову было въ 1703 году поручено Царемъ жить въ Парижѣ въ качествѣ его политическаго агента, но безъ посланническаго званія. Ему было предписано сообщать французскому правительству и французской періодической печати всѣ получаемыя изъ Москвы извѣстія о побѣдахъ русскаго оружія и о законодательной дѣятельности Царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему давались и другія самыя разнообразныя порученія. Такъ, между прочимъ, Царь поручалъ ему покупать въ Парижѣ разные инструменты, нанимать въ царскую службу искусныхъ людей, заказывать шитыя золотомъ платья и т. п. Не всегда удавалось Постникову исполнять даваемыя ему правительствомъ порученія. Такъ, между прочимъ, ему трудно было находить между французами охотниковъ ѣхать въ Москву на службу къ русскому Царю.

Постникову было разъ поручено нанять 12 „цирюльниковъ“, или хирурговъ. Безъ разрѣшенія французскаго правительства онъ не могъ этого сдѣлать и потому онъ обратился къ французскому министру де-Торси съ просьбою исходатайствовать

avec dédain, „qu'on ne savait pas, s'ils voudraient aller si loin“.

Postnikow finit par trouver ces quelques „chirurgiens“ qui consentaient à se rendre en Russie au prix de 1000 écus par an. „Ils croiraient“, ajoutait-il, „aller au bout du monde en allant à Moscou; le diable sait ce qu'ils disent; à peine entendent-ils parler de Moscou, ils croient que c'est à la frontière des Indes“. Il n'y a rien que de très naturel, si les Français de l'époque de Louis XIV se faisaient une semblable idée de Moscou, et il n'y a pas lieu de s'étonner que les chirurgiens recrutés par Postnikow aient refusé de s'y rendre. Lui-même semble tout disposé à les excuser, en disant que l'absence d'un caractère diplomatique, le privait de tout crédit auprès des Français.

Malgré cet échec, il s'appliquait avec énergie à répandre dans les sphères officielles et dans le public français des notions plus justes sur sa patrie et à refuter, dans la mesure de ses moyens, les fables et les calomnies, répandues sur le compte de la Russie et de son Tsar. C'était surtout les représentants de la Suède et de la Pologne, qui contribuaient à la propagande de ces calomnies.

Voici ce que Postnikow écrivait à Golovine en 1703: „Veuillez donner des ordres pour me faire envoyer de courts extraits des oukazes, des nouvelles lois et des nouvelles dispositions concernant l'administration que Sa Majesté a daigné

разрѣшеніе короля на наемъ и выѣздъ въ Москву этихъ лицъ. Министръ потребовалъ, чтобы Постниковъ далъ ему списокъ охотниковъ ѣхать. При этомъ онъ не могъ не прибавить съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ: „Куда имъ ѣхать? Поѣдутъ ли они!“

Постниковъ нашелъ нѣсколько человѣкъ — хирурговъ, согласившихся за 1000 французскихъ ефимковъ въ годъ отправиться въ Россію. Но онъ прибавилъ, что эти цирюлики „чаютъ въ край свѣта ѣхать къ Москвѣ, и дьяволъ ихъ знаетъ, что говорятъ; егда слышатъ Москву нашу, чаютъ, что она съ Индіями граничитъ“. Такое понятіе о Москвѣ у французовъ временъ Людовика XIV было совершенно извинительно, равно какъ былъ понятенъ рѣшительный отказъ найденныхъ охотниковъ цирюликовъ отправиться въ Москву. Самъ Постниковъ ихъ извиняетъ, говоря, что отсутствіе у него посланническаго характера подорвало къ нему довѣріе этихъ французовъ.

Несмотря на эту неудачу, Постниковъ продолжалъ энергически распространять во французскихъ правительственныхъ сферахъ и публикѣ болѣе правильныя свѣдѣнія о своемъ отечествѣ и опровергать, по мѣрѣ силъ, распространяемыя насчетъ Россіи и ея Царя небылицы и клеветы. Въ особенности представители Швеціи и Польши неутомимо клеветали насчетъ Россіи и Русскихъ.

Вотъ что писалъ Постниковъ въ 1703 году Головину: „Извольте приказать присылать ко мнѣ сюда краткія выписочки указовъ, обновленія законовъ и иныхъ новоизобрѣтенныхъ распоряженій къ лучшему управленію, которыя

faire promulguer en véritable père de sa patrie et de son peuple, bien qu'Elle soit très absorbée par les affaires militaires; ici, on prend un grand intérêt non seulement aux opérations de guerre sur terre et sur mer, mais encore au progrés de cette administration empreinte de bonté et de bienveillance, au moyen delaquelle ce souverain, si admiré, gouverne des populations si nombreuses".

„Les oukazes que Vous voudrez bien me faire expédier seront aussitôt portés à la connaissance de l'Europe à la gloire du Tsar et de notre patrie. Je Vous prie en outre de vouloir bien me faire parvenir des renseignements détaillés sur l'état de notre flotte, sur le nombre de bâtiments construits et en construction, etc. Il est bon que les glorieux faits de Sa Majesté soient connus dans cette glorieuse Cour, et dans une langue qui est parlée, ou peu s'en faut, par l'Europe entière".

Il serait difficile d'affirmer, d'après le témoignage des archives, dans quelle mesure toutes ces demandes de Postnikow étaient prises en considération par le Posolsky Prikaz. Il n'est pas moins certain qu'il appliquait tout son zèle à dissiper les fables et les calomnies, répandues sur le compte de la Russie, et d'autre part à tenir son gouvernement au courant des combinaisons politiques de la Cour de Versailles.

Lorsqu' en 1704, le roi de Pologne Auguste II fut renversé du trône, la question de la candidature du prince de Conti vient à surgir. Cette combinaison n'eut pas manqué d'altérer encore

Его Величествіе, хотя и воинскими отягченъ дѣлами, изволилъ повелѣвать публично объявлять, яко истинный отечествія и народа своего отецъ, понеже здѣсь всѣ хотятъ радостно знать не только всеславное начинаніе воинскихъ отправленій по сухому и морскому пути, но и доброе и сладкое управленіе, которымъ сей присно-хвалительный суверенъ начальствуетъ надъ тако многочисленными народами".

„Извольте кому приказать особливое имѣть попеченіе собирать изъ приказовъ указы и присылать ко мнѣ, которые будутъ вѣдомы во всей Европѣ для славы Его Царскаго Величествія и нашего отечествія, а наипаче извольте пожаловать прислать ко мнѣ подлинное описаніе флоты нашея, сколько кораблей сдѣланныхъ и которые дѣлаются и проч. Таковымъ бо славнымъ дѣломъ Его Величествія весьма надобно вѣдомымъ быти при семъ славномъ Дворѣ и написательнымъ единымъ языкомъ, которымъ едва не вся говоритъ Европа".

Трудно сказать, на основаніи архивныхъ источниковъ, насколько всѣ указанія и просьбы Постникова принимались въ соображеніе въ Посольскомъ Приказѣ. Но нельзя не признать, что Постниковъ весьма усердно старался разсѣять распространявшіяся насчетъ Россіи небылицы и клеветы и, съ другой стороны, старался предупреждать свое правительство о политическихъ комбинаціяхъ Версальскаго двора.

Когда польскій король Августъ II въ 1704 году былъ свергнутъ съ престола, снова возбудился вопросъ о кандидатурѣ принца Конти на польскій престолъ. Эта кандидатура навѣрное

davantage les relations entre la Russie et la France. Postnikow s'empressa de rassurer son gouvernement à ce sujet, en lui annonçant que le prince de Conti et son parti manquaient d'argent. Il lui fit part en outre que le manifeste, adressé par Pierre I à la nation polonaise, produisit une très bonne impression à la Cour de Louis XIV. On y avait particulièrement apprécié les paroles consacrées par le Tsar à la défense des droits inviolables des souverains couronnés, qui ne dépendent que du Dieu Unique et Tout-puissant et qui les protège contre la fureur déchaînée des rebelles. Le Tsar crut devoir rappeler à la nation insurgée ces paroles de l'Ecriture: „Gardez vous de toucher à l'oint du Seigneur“ *).

Une autre fois, Postnikow crut devoir signaler à son gouvernement le projet du Cabinet français d'envoyer un père jésuite, en mission secrète à Constantinople. Il en informa immédiatement le Tsar en ces termes: „Ce soldat de la compagnie de Jésus sait l'arabe à fond; quand il aura changé de costume et coiffé le turban, on ne pourra reconnaître si c'est un disciple du Jésus ou du diable. Ce n'est pas seulement aux affaires de l'Eglise, mais à celles de l'Etat, que sont propres les jésuites, et ces fortes têtes de la compagnie sont bonnes à tout“.

Ayant appris que Louis XIV avait l'intention d'envoyer une nouvelle ambassade à Moscou, il s'empressa d'en faire part au Tsar et fit des voeux

*) Soloview. Histoire de Russie, t. XIV, chap. 1-r.

вызвала бы еще большее охлажденіе между Россіей и Франціей. Постниковъ поспѣшилъ успокоить свое правительство въ этомъ отношеніи: у принца Конти и его партіи не было денегъ. Кромѣ того, онъ сообщилъ, что манифестъ Петра I, обращенный къ польскому народу, произвелъ отличное впечатлѣніе при дворѣ Людовика XIV. Въ особенности понравилось въ этомъ манифестѣ защита Царемъ неприкосновенности правъ вѣнценосныхъ Государей, ни отъ кого не зависящихъ, „только отъ единаго вышняго надъ всѣми сувренствующаго Бога противъ неистовой быстроты злѣйшихъ бунтовъ“. Царь напомнилъ польскому мятежному народу слова Священнаго Писанія: „Не касайтесь помазаннымъ моимъ“ *).

Въ другомъ случаѣ Постниковъ также поспѣшилъ предупредить свое правительство относительно намѣреній французскаго кабинета. Такъ, онъ узналъ о секретной миссіи одного французскаго іезуитскаго патера въ Константинополь. Постниковъ немедленно увѣдомилъ объ этомъ Царя въ слѣдующихъ словахъ: „Сей солдатъ компаніи Іисусовы по арабски основательно знаетъ, и егда преобразится платьемъ и чалму надѣнетъ, немощно узнать его, Іисусовъ ли ученикъ или дьявольскій, не токмо церкви, но и государственнымъ дѣламъ надобны іезуиты и всегда годны сіи верхоглавые отцы содружества Іисусова“.

Наконецъ, когда Постниковъ узналъ о намѣреніи Людовика XIV отправить въ Москву новое посольство, онъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ Царя и выразилъ

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIV, гл. I.

pour son succés. De fait cette ambassade ne fut que le résultat d'un malentendu, et resta impuissante à amener un rapprochement entre les deux Etats.

Il est certain que Postnikow favorisait l'idée du gouvernement français de confier à un envoyé extraordinaire une mission secrète à Moscou. Ce qui contribua encore plus à la réalisation de ce projet, ce fut la lettre du Chancelier Golovine à M. du Héron, ministre de France en Pologne. Dans cette lettre du 27 décembre 1701, Golovine parle de ses sentiments de profonde estime pour la personne de Louis XIV et insiste sur les intentions du Tsar d'entretenir des relations d'amitié et d'alliance avec le roi de France.

„L'union étroite et l'alliance intime entre ces deux héros de ce siècle", écrivait le Chancelier du Tsar, „serait assurément un très grand objet de l'admiration dans toute l'Europe, et serait même, à ce que je crois, fort avantageuse pour son repos" *).

Ces informations amenèrent Louis XIV à la conviction que le Tsar n'aspire qu'à une alliance avec lui, et qu'il est tout disposé à faire la paix avec la Suède et à s'engager avec lui dans une guerre avec l'Autriche. C'est pour la solution de ces questions que Louis XIV prit la résolution d'expédier à Moscou Jean de Baluze en qualité d'envoyé extraordinaire.

Les instructions dont il fut muni le

*) Rambaud, Recueil, t. I, p. 94.

надежду, что это посольство не останется безслѣднымъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что и это посольство было слѣдствіемъ большого недоразумѣнія, и потому осталось безъ всякаго положительнаго результата для сближенія обоихъ государствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Постниковъ поддерживалъ мысль французскаго правительства назначить въ Москву чрезвычайнаго посланника, на котораго предполагалось возложить особенно секретное порученіе. Но еще болѣе содѣйствовало осуществленію этой мысли письмо Канцлера Головина къ французскому посланнику въ Польшѣ, дю-Геронъ. Въ этомъ письмѣ (отъ 27-го декабря 1701 года) Головинъ высказываетъ особенное уваженіе къ Людовику XIV и подтверждаетъ намѣреніе Царя всегда поддерживать дружескія и союзныя отношенія съ французскимъ королемъ.

„Тѣсная дружба и искренній союзъ", писалъ Государственный Канцлеръ, „между этими двумя героями нынѣшняго вѣка навѣрно были бы великимъ предметомъ удивленія для всей Европы и были бы, какъ мнѣ кажется, весьма полезны для ея спокойствія" *).

Эти извѣстія насчетъ намѣреній московскаго Царя привели Людовика XIV къ убѣжденію, что Царь жаждетъ союза съ нимъ и готовъ заключить миръ со Шведами и воевать, вмѣстѣ съ нимъ, противъ Австріи. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ Людовикъ XIV рѣшился въ 1702 году отправить въ Москву, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, Жана-де-Балюза.

Инструкція, данная Балюзу отъ 28-го

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 94.

28 septembre 1702 sont très curieuses, et prouvent avec évidence que la Cour de Versailles ne se rendait nullement compte de la situation politique au Nord-Est de l'Europe.

„Il y a déjà quelque temps", c'est ainsi que débuta ce document curieux, „que Sa Majesté est avertie que le Grand-Duc de Moscovie souhaite d'entrer dans l'honneur de son alliance (sic!), et qu'il est désabusé des fausses impressions que les ennemis de la France lui avaient données pour l'engager entièrement dans leurs intérêts, et il a fait connaître, par les ministres qu'il a en Danemark et en Hollande, qu'il savait quel était le prix (sic!) de l'amitié du Roi, qu'il désirait véritablement de la mériter (sic!) et de conclure pour cet effet tel traité que Sa Majesté jugerait à propos".

En vue des assurances données à du Héron au sujet des intentions du Tsar de conclure une entente avec le roi de France, celui-ci est convaincu que Pierre I consentira non seulement à mettre fin à la guerre avec la Suède, mais encore à lui prêter des troupes et de l'argent pour l'appuyer dans sa lutte avec l'Empereur d'Allemagne et la dynastie des Habsbourg. Baluze eut la mission d'exposer au Tsar, de la manière la plus concluante, tous les avantages que présenterait pour lui une alliance avec Sa Majesté Très-Chrétienne et de lui rappeler „que l'on sait dans toute l'Europe quelle est l'attention de Sa Majesté pour l'intérêt de ses alliés, et que si le Tsar est quelque jour du nombre, il en connaîtra l'utilité".

Le but de cette ambassade était la conclusion d'une alliance „solide et perpétuelle". Il importait au gouvernement

сентября 1702 года, весьма любопытна и служитъ неопровержимымъ доказательствомъ полнаго непониманія Версальскимъ дворомъ политическаго положенія въ сѣверо-восточной Европѣ.

„Уже нѣкоторое время", начинаетъ этотъ любопытный документъ, „какъ Его Величество извѣщенъ былъ, что московскій Великій Князь желаетъ чести его союза (sic!), убѣдившись въ лживости тѣхъ внушеній, которыми возбуждали его враги Франціи, дабы вовлечь вполнѣ въ свои интересы. Онъ далъ знать чрезъ своихъ посланниковъ въ Даніи и Голландіи, что высоко цѣнитъ значеніе королевской дружбы, которую ему искренно хотѣлось бы заслужить и съ этою цѣлью заключить договоръ, угодный Его Величеству".

Имѣя въ виду заявленное дю-Герону желаніе Царя заключить союзъ съ королемъ французскимъ, послѣдній увѣренъ, что Царь не только согласится прекратить войну противъ Швеціи, но не откажется дать королю и войска и деньги для войны его противъ Императора Германскаго и династіи Габсбурговъ. Балюзъ получилъ порученіе окончательно убѣдить Царя во всѣхъ выгодахъ союза съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ и напомнить ему, что „во всей Европѣ извѣстно вниманіе Его Величества къ выгодамъ своихъ союзниковъ, и если Царь когда-нибудь будетъ въ ихъ числѣ, то испытаетъ пользу сего".

Цѣль этого посольства: заключеніе „прочнаго и постояннаго союза". Ближайшими послѣдствіями этого союза

français d'obtenir, par cet accord, les deux points essentiels suivants: 1) Le Tsar devait faire à l'aide des cosaques une diversion en Transylvanie et 2) prêter au roi l'argent dont il a été parlé au sieur du Héron.

En ce qui regarde le premier point, il ne sera difficile au Tsar de faire une invasion en Transylvanie et sur le territoire de l'Empire. Sa Majesté s'engagerait, en même temps, de faire tous ses efforts, en cas d'un traité de paix, pour maintenir le Tsar dans la possession des lieux qu'il avait occupés. Ce qui serait très difficile, c'est de faire transporter les troupes moscovites en Italie, car le Sultan refuserait de leur livrer passage par les détroits.

Quant au second point, il s'agit d'expliquer au Tsar qu'il rendrait un grand service au roi par le prêt d'argent. Les intérêts en seraient exactement payés et il s'assurerait pour toujours de l'alliance de Sa Majesté.

Il se pourrait que le gouvernement moscovite fasse des difficultés pour la conclusion immédiate d'une alliance; dans ce cas le sieur de Baluze aurait à insister sur la signature d'un traité de commerce.

Il devra informer Sa Majesté du caractère de l'esprit du Grand-Duc de Moscovie, de la manière dont il gouverne, de l'autorité qu'il a sur ses sujets, de ses forces tant de terre que de mer, du soin qu'il prend de les augmenter, de ses revenus, de sa famille, du commerce et „du génie de ses sujets", etc. Il est nécessaire aussi, qu'il s'informe de la véritable étendue des Etats du Tsar, de leurs frontières

должны быть: 1) Царь долженъ сдѣлать, при помощи казаковъ, диверсію въ Трансильванію и 2) онъ ссудитъ королю деньги, о которыхъ было заявлено дю-Герону.

Что касается перваго пункта, то Царю не трудно совершить нападеніе на Трансильванію и на владѣнія Императора. Король ему обѣщаетъ постараться, чтобъ при заключеніи мира всѣ завоеванныя Московитами земли остались за ними. Только весьма затруднительна будетъ перевозка моремъ въ Италію московской арміи, ибо султанъ не пропуститъ ее чрезъ проливы.

Относительно же второго пункта нужно объяснить Царю, что онъ окажетъ большую услугу королю, если дастъ ему деньги въ ссуду. Король будетъ аккуратно платить проценты, а Царь обезпечитъ за собою навсегда союзъ съ нимъ французскаго короля.

Однако, можетъ быть, московское правительство сдѣлаетъ затрудненія для немедленнаго заключенія союзнаго трактата. Въ такомъ случаѣ Балюзъ долженъ былъ настаивать на заключеніи коммерческаго трактата.

Наконецъ, на Балюза возлагается порученіе сообщить королю о свойствахъ ума Великаго Князя, объ образѣ его управленія, о власти его надъ своими подданными, объ его силахъ на сушѣ и на морѣ, о стараніяхъ его увеличить ихъ, объ его доходахъ, объ его семьѣ, о торговлѣ и „о способностяхъ его подданныхъ" и т. д. Наконецъ, необходимо, чтобъ посланникъ собралъ точныя данныя о протяженіи владѣній

vers l'Orient et de son commerce aux Indes.

Telles étaient les instructions curieuses données au sieur de Baluze. Elles prouvent avec évidence que la Cour de Versailles ne se rendait nullement compte de la situation politique de l'Etat moscovite en Europe, et qu'elle ignorait complètement le but auquel aspirait le grand Réformateur. Louis XIV pensait sérieusement que le Tsar, une fois qu'il se verrait honoré d'une alliance avec lui, n'hésiterait pas à mettre fin à la guerre avec la Suède et à renoncer aux vastes projets conçus par son génie.

On comprend que dans ces conditions, la mission de Baluze devait subir un échec complet.

Dans son rapport du 3 octobre 1703, ce diplomate informe le roi de son arrivée à Moscou et de l'accueil qu'il trouva de la part du Tsar et de ses ministres. Golovine était très aimable pour lui et lui envoya des liqueurs et des poissons en gelée. C'est dans la maison de ce ministre, qu'il fut reçu en première audience par le Tsar, qui le rassura entièrement au sujet des conséquences de cette réception sans les cérémonies d'usage. Le Tsar partit le lendemain pour rejoindre l'armée et l'envoyé entra en pourparlers avec le Chancelier.

„S. M. le roi“, dit le négociateur français à Golovine, „vient d'apprendre que le Tsar est, pour différents motifs, mécontent de son alliance avec l'Empereur. La nation allemande est en effet mobile dans ses sentiments et n'a conservé ses liens d'amitié avec aucun souverain. Quant à la fidélité du roi

Царя и объ ихъ границахъ къ Востоку и о торговлѣ Московіи съ Индіею.

Такова любопытная инструкція, данная Балюзу. Изъ нея нельзя не видѣть полнаго непониманія Версальскимъ дворомъ политическаго положенія Московскаго государства въ Европѣ и совершеннаго невѣденія явныхъ цѣлей геніальной политики Петра I. Людовикъ XIV серьезно полагалъ, что, если Царю только представится возможность „удостоиться“ союза съ нимъ, то онъ немедленно откажется отъ продолженія войны съ Швеціей и отъ всѣхъ своихъ великихъ плановъ.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ посольство де-Балюза должно было потерпѣть полную неудачу.

Въ донесеніи своемъ отъ 3-го октября 1703 года Балюзъ сообщаетъ королю о своемъ прибытіи въ Москву и о пріемѣ, котораго онъ удостоился отъ Царя и его министровъ. Головинъ былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ и послалъ ему въ подарокъ разные ликеры и заливную рыбу. Въ домѣ Головина Царь далъ французскому посланнику первую аудіенцію и успокоивалъ его насчетъ послѣдствій такого пріема безъ церемоній. На другой день послѣ аудіенціи Царь уѣхалъ въ армію и посланникъ вступилъ въ переговоры съ Канцлеромъ.

„Королевское Величество“, сказалъ Головину французскій посланникъ, „слышалъ, что Царское Величество по многимъ случаямъ недоволенъ союзомъ съ Цесарскимъ Величествомъ. И дѣйствительно, народъ нѣмецкій непостояненъ, въ дружбѣ совершеннаго окончанія ни съ однимъ Государемъ не сохра-

de France à ses alliés, elle doit vous être connue, non seulement par les rumeurs qui circulent à ce sujet, mais aussi par les ouvrages nombreux qui en font mention".

„Le roi m'a confié la mission", poursuit le représentant de Louis XIV, „de conclure une alliance entre ces deux grands Souverains. Veuillez prier Sa Majesté le Tsar de vouloir bien notifier les clauses qui devraient servir de base à cet accord".

Golovine jugeait opportun d'éclaircir, dès le principe, le malentendu qui a provoqué l'arrivée de sieur de Baluze à Moscou. Il exigeait qu'il précisât avec clarté quelles étaient les intentions du roi.

„Le Tsar", dit le Chancelier, „n'aurait aucun intérêt à s'engager dans une alliance avec le roi, si celle-ci ne présentait pas quelques avantages pour son pays, car il se trouverait dans la nécessité d'abandonner ses anciens alliés, avec lesquels la France est en guerre. Ce serait pour le Tsar un sujet de honte que de conclure avec la France un accord dont il ne pourrait tirer aucun profit, et qui ne manquerait pas de lui aliéner ses anciens alliés; il serait impossible d'en faire mystère. Si le roi jugeait nécessaire la conclusion de ce pacte, veuillez nous faire connaître les compensations que Sa Majesté serait disposée à offrir au Tsar; quant à nous, nous n'avons jamais fait des ouvertures à ce sujet".

Il faut rendre justice au Chancelier de Russie, qu'il a eu parfaitement raison de poser ainsi la question: avant de

пяетъ; а постоянство короля французскаго въ союзахъ вамъ вѣрно извѣстно не изъ нынѣшнихъ только слуховъ, но и изъ книгъ многихъ".

„Я теперь присланъ отъ короля", продолжалъ представитель Людовика XIV, „для заключенія союза между обоими великими Государями. Донесите Царскому Величеству, чтобъ изволилъ объявить статьи, на которыхъ желаетъ заключить союзъ съ Королевскимъ Величествомъ".

Головинъ считалъ нужнымъ съ самаго начала выяснить явное недоразумѣніе, вызвавшее прибытіе Балюза въ Москву. Онъ потребовалъ, чтобъ французскій посланникъ точнымъ образомъ сказалъ, чего собственно желаетъ его Королевское Величество?

„Царскому Величеству", сказалъ Канцлеръ, „ради какихъ мѣръ, не видя никакихъ полезныхъ странѣ своей дѣлъ, что какая изъ того будетъ польза, вступать въ союзъ съ Государемъ вашимъ, оставя прежнихъ своихъ союзниковъ, съ которыми у Франціи ведется нынѣ война немалая. И если Царскому Величеству вступить въ безполезный себѣ какой союзъ съ Франціею, то безславіе себѣ только учинитъ и старыхъ союзниковъ потеряетъ, а утаить этого будетъ нельзя; и если Королевскому Величеству потребенъ союзъ съ Царскимъ Величествомъ, то объявите подлинно, чѣмъ Королевское Величество удовольствуетъ Царское Величество за вступленіе въ союзъ, а съ нашей стороны объ этомъ союзѣ никогда предложенія не было".

Нельзя не отдать дань уваженія русскому Канцлеру за такую постановку вопроса о заключеніи союза ме-

conclure cette alliance, le Tsar voulait être édifié sur l'utilité qu'il pourrait en retirer. C'eut été insensé d'abandonner les anciens alliés, sans être assuré du concours efficace des nouveaux. Jamais le Tsar n'a recherché une alliance avec la France; si on était d'un avis différent à Versailles,—ce n'était que l'effet d'un malentendu.

Baluze s'empressa de faire son rapport au roi au sujet de cet entretien, si plein de franchise, avec le plénipotentiaire du Tsar. On pouvait facilement deviner la réponse de Louis XIV.

Bien que dans son rapport du 10 avril 1703, Baluze ait prodigué des éloges au Tsar, à ses remarquables réformes et à ses ressources militaires, le roi répondit pas moins en ces termes: „Comme mon intention en vous envoyant était de répondre à l'empressement que ce prince avait témoigné de prendre des liaisons avec moi, et que je ne vois pas qu'il continue dans les mêmes dispositions, il serait très inutile que vous fissiez un plus long séjour à Moscou. Rien ne vous doit obliger aussi à suivre ce prince à l'armée: aussi mon intention est que vous ne perdiez point de temps à revenir en Pologne". (Lettre du Roi à M. de Baluze du 12 juillet 1703).

Mais Baluze continua à séjourner à Moscou en recevant une allocation de 100 roubles par semaine, du trésor de Russie. Il espérait toujours que le roi finirait par lui envoyer quelques articles à proposer aux ministres russes comme base d'un traité d'alliance. Il se plaisait à assurer le roi de France, si vaniteux,

жду Россіею и Франціею: раньше чѣмъ заключить такой союзъ, Царь желалъ знать, какую пользу онъ ему принесетъ. Бросить старыхъ союзниковъ, не пріобрѣвши полезныхъ новыхъ, было бы, очевидно, безразсудно. Никогда Царь не искалъ союза съ Франціей. Если же въ Версалѣ думали иначе, то это, очевидно, недоразумѣніе.

Балюзъ немедленно донесъ королю объ этой откровенной бесѣдѣ съ уполномоченнымъ Царя. Отвѣтъ Людовика XIV можно было впередъ угадать.

Несмотря на всѣ похвалы, которыя Балюзъ расточалъ, въ своемъ донесеніи отъ 10-го апрѣля 1703 года, Царю, его геніальнымъ преобразованіямъ и военной силѣ, король все-таки отвѣчалъ: „Такъ какъ, посылая васъ, мое намѣреніе было отвѣчать на готовность, высказанную Царемъ для вступленія въ сношенія со мною, а между тѣмъ я не вижу, чтобъ онъ оставался въ томъ же расположеніи, то было бы *совершенно безполезно* ваше дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ. Также ничто не должно обязывать васъ сопровождать этого Государя при отъѣздѣ его въ армію; а потому мое желаніе заключается въ томъ, чтобы вы не теряли время для возвращенія въ Польшу". (Письмо Короля къ де-Балюзу отъ 12-го іюля 1703 года).

Но Балюзъ продолжалъ оставаться въ Москвѣ, получая на свое содержаніе изъ царской казны еженедѣльно по 100 рублей. Онъ все надѣялся, что король сообщитъ ему какія-либо статьи для предложенія русскимъ министрамъ, какъ основанія союзнаго трактата. Балюзъ увѣрялъ тщеславнаго француз-

que „le Tsar estimait son amitié plus que celle de tous les autres monarques ensemble“, et que le favori du Tsar „m-r Alexandre“ (lisez: prince A. D. Menschikow) était également très disposé en faveur d'une alliance avec la France. Toutefois Louis XIV ne voyait aucune nécessité de la conclure et de proposer les articles qui puissent servir de base à un traité. Il était très mécontent d'avoir été abusé et d'avoir envoyé un négociateur à Moscou dans la pleine conviction que le Tsar recherchait son alliance et son amitié.

Enfin, en mars 1704, Baluze quitta Moscou pour se rendre à Varsovie, après avoir passé une année entière à la Cour du Tsar.

L'échec subi par cette ambassade ne rompit pas les relations entre les deux puissances. Elles prenaient au contraire toujours plus de développement et aboutirent, en fin de compte, à un rapprochement réel et à une durable amitié. On le comprend facilement, car le génie du grand Réformateur faisait tomber les barrières qui séparaient la Russie du reste de l'Europe, et assurait au peuple russe une place honorable au sein des nations de l'Occident. Les relations internationales de la Russie gagnaient visiblement d'extension et les occasions à des conflits d'intérêts se multipliaient nécessairement.

Ainsi, en 1704, deux navires russes dont l'un portait le nom d'„Apôtre St. André“ furent saisis par des corsaires français et confisqués en vertu d'une décision du tribunal de prises. Pierre le Grand fut très indigné de ce coup

скаго короля, что Царь его „уважаетъ болѣе всѣхъ другихъ монарховъ“ и что фаворитъ Царя „Г. Александръ“ (читай: князь А. Д. Меньшиковъ!) также очень расположенъ къ союзу съ Франціею. Однако, Людовикъ XIV не видѣлъ никакой надобности заключать союзъ съ Россіей и предлагать свои статьи союзнаго трактата. Онъ былъ чрезвычайно недоволенъ, что былъ введенъ въ заблужденіе и отправилъ своего посла въ Москву въ увѣренности, что Царь добивается его союза и дружбы.

Наконецъ, въ мартѣ 1704 года, Балюзъ выѣхалъ изъ Москвы въ обратный путь въ Варшаву, пробывъ цѣлый годъ при московскомъ дворѣ.

Неудачный исходъ этого французскаго посольства не прервалъ сношеній между обѣими державами. Напротивъ, эти сношенія все болѣе и болѣе развиваются и приводятъ, въ концѣ концовъ, къ дѣйствительному сближенію и крѣпкой дружбѣ. Это совершенно понятно, потому что геній великаго Преобразователя все болѣе и болѣе раздвигалъ ширмы, отдѣлявшія Россію отъ остальной Европы, и завоевалъ русскому народу почетное мѣсто въ средѣ другихъ европейскихъ народовъ. Международные обороты Россіи поступательнымъ образомъ развивались и поводы для столкновенія ея интересовъ съ иноземными равнымъ образомъ прогрессивно увеличивались.

Такъ, въ 1704 году, два русскихъ корабля, изъ которыхъ одинъ назывался: „Св. Андрей Первозванный“, были задержаны французскими каперами и конфискованы въ силу рѣшеній французскаго призоваго суда. Петръ Вели-

porté à la flotte de commerce russe qui venait de surgir grâce à son génie créateur; aussi prescrivit-il à Postnikow d'obtenir leur relâchement; mais celui-ci dut s'avouer impuissant de s'acquitter de cet ordre suprême.

„La Cour d'ici", écrivait-il à Golovine, „est animée d'une grande hostilité et malveillance contre les intérêts de Sa Sacrée Majesté Tsarienne, et maintenant ce feu, qui couvait sous la cendre d'une politesse hypocrite, a éclaté; notre vaisseau, dans le conseil royal d'amirauté, en présence même du roi, a été, avec toutes ses marchandises, confisqué au profit du roi. Quels motifs ont poussé ce prince à cette mesure, je pense que vous devez le savoir mieux que moi, car j'ignore ce qu'était allé vous demander l'envoyé français. Ce même conseil ne tenait pas la balance égale, car un vaisseau suédois, capturé également par des corsaires français fut, à la demande du ministre de Suède, rendu avec toutes ses marchandises. Voyez comme, à visage découvert, la Cour d'ici montre sympathie et bienveillance aux Suédois, et à nous tout le contraire, agissant sans vergogne contre ce que les juristes appellent le droit des gens".

Pierre le Grand voulait à tout prix obtenir le relâchement des deux vaisseaux capturés. Il ordonna, en conséquence, à André Artamonovitch Matvéew, son représentant à La Haye, de se rendre en France et de chercher à obtenir une solution satisfaisante de cette affaire. Matvéew y était personnellement intéressé, car ses propres effets avaient

кій былъ чрезвычайно возмущенъ этимъ ударомъ, нанесеннымъ созданному его творческою дѣятельностью русскому коммерческому флоту, и онъ повелѣлъ Постникову добиваться освобожденія конфискованныхъ судовъ. Но Постниковъ долженъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи исполнить это Высочайшее повелѣніе.

„Здѣшній дворъ", писалъ онъ Головину, „великою злобою и противностію дышетъ на интересы его священнаго Царскаго Величества и нынѣ сей огнь, подъ пепломъ притворной политики таящійся, открылся: корабль нашъ въ совѣтѣ королевскомъ морскомъ предъ самимъ королемъ конфискованъ и со всѣми товарами отписанъ на короля; отъ какой причины король подвигся къ сему, лучше меня, вы, чаю, изволите вѣдать, ибо я не знаю, чего у васъ требовалъ посланникъ французскій. Тотъ же совѣтъ не удержалъ вѣски правосудія въ равности, потому что шведскій корабль, взятый французскими же стражами, отданъ назадъ по прошенію посланника шведскаго и со всѣми товарами. Извольте видѣть, какъ открытымъ лицемъ здѣшній Дворъ ласковую приклонность оказуетъ Шведамъ, а не намъ, и дѣйствуетъ безстыдно противъ народнаго права, яко юристы говорятъ".

Петръ Великій желалъ во что бы то ни стало добиться освобожденія обоихъ захваченныхъ русскихъ судовъ. Поэтому онъ приказалъ своему посланнику въ Гаагѣ, Андрею Артамоновичу Матвѣеву, отправиться во Францію и добиваться удовлетворительнаго разрѣшенія этого спорнаго дѣла. Матвѣевъ былъ лично заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, потому

été saisis par des corsaires français à bord d'un navire hollandais. Il quitta La Haye le 10 septembre 1705, arriva à Paris le 25 septembre et fut reçu le 23 octobre en audience privée par le roi. L'audience était privée, parcequ'il n'avait pas un caractère diplomatique.

что его собственныя вещи также были захвачены на голландскомъ кораблѣ французскими каперами. Матвѣевъ выѣхалъ изъ Гааги 10 сентября 1705 года, 25-го сентября прибылъ въ Парижъ и 23-го октября былъ принятъ на приватной аудіенціи королемъ французскимъ. Аудіенція была „приватная", потому что Матвѣевъ не имѣлъ званія посланника, т. е. былъ „безъ характера".

En vertu de ses instructions Matvéef avait à s'occuper des trois questions suivantes: 1) s'enquérir sur les causes de la saisie des deux vaisseaux susmentionnés et en réclamer la restitution. 2) Une fois que le gouvernement français eut fait droit à cette réclamation, adresser des ouvertures à celui-ci au sujet de la conclusion d'un traité de commerce entre la Russie et la France, afin que les sujets russes puissent sans obstacle se livrer au commerce dans tous les ports français. 3) „Chercher à obtenir que le titre de Majesté fût donné au Tsar dans les lettres que lui adresserait le roi de France".

На основаніи своихъ инструкцій Матвѣевъ долженъ былъ рѣшить слѣдующія три задачи: 1) развѣдать о причинахъ захвата обоихъ вышеозначенныхъ судовъ и требовать ихъ отдачи обратно; 2) послѣ исполненія этого требованія французскимъ правительствомъ сдѣлать предложеніе о заключеніи между Россіей и Франціей коммерческаго трактата, „дабы безъ задержанія вездѣ и во всѣхъ пристаняхъ французскихъ Россія не могли производить свои торги", и, наконецъ, 3) „домогаться, дабы французскій король въ письмахъ своихъ къ Государю давалъ титулъ Величества".

Dès son arrivée à Paris, Matvéef s'empressa de communiquer au Chancelier Golovkine ses impressions personnelles au sujet de la capitale de la France et de la situation politique.

Матвѣевъ, по прибытіи въ Парижъ, поспѣшилъ сообщить Канцлеру Головкину свои личныя впечатлѣнія о французской столицѣ и политическомъ положеніи.

„La ville de Paris", écrivait-il, „m'a paru trois fois plus grande que celle d'Amsterdam; la multitude des habitants est inouie; inouis aussi la toilette, les amusements, et la gaieté de ce peuple. Quoiqu'on ait raconté que les Français étaient opprimés par le Roi, ce n'est pas la vérité: tous sont absolument libres dans leurs volontés, sans aucune oppression; ils vivent dans une

„Городъ Парижъ", писалъ онъ, „нашелъ я втрое больше Амстердама и людства множество въ немъ неописанное, и народа уборъ, забавы и веселіе его несказанныя. И хотя обносилось, что французы утѣснены отъ короля, однако то неправда: всѣ въ своихъ воляхъ безъ всякой тѣсноты и въ уравненіи прямомъ состоятъ, и никто изъ вельможъ нимало не озлобляется, и

égalité parfaite; aucun des grands n'est mécontenté en rien; on ne peut même pas s'apercevoir qu'on subisse une guerre si longue et si lourde."

„Tous s'imaginent", poursuit Matvéef, „que je suis venu ici demander le Roi comme médiateur pour une paix avec la Suède. Seulement ce sont les Suédois qui ont semé dans cette nation la plus grande partie des méchantes calomnies sur notre compte, soit par la parole, soit par les pamphlets imprimés, sachant qu'il n'y a pas de ministre à nous auprès de la Cour de France, et, comme il n'y a personne pour les en empêcher, ils font tout le mal qu'ils veulent. Les Français sont irrités aussi de ce que leur envoyé (Baluze), qui a été à notre Cour avec une mission expresse du Roi, n'a recueilli aucun fruit de son ambassade, et je crains fort que la Cour d'ici, qui est si rusée, ne nous paye de la même monnaie. Le Secrétaire d'Etat Detortsy (de Torcy) a dit à quelqu'un d'ici: „Si le Roi n'avait pas été assuré par Postnikow d'une alliance à conclure entre la Cour de Moscou et la nôtre, jamais il ne lui serait venu à l'idée d'expédier à Moscou un envoyé extraordinaire."

Les craintes de Matvéef au sujet de l'issue de sa mission ne se sont que trop justifiées. A l'audience le roi fut très gracieux pour lui, et lui dit qu'il avait reçu avec beaucoup de plaisir les lettres du Tsar, et qu'il ferait tout ce qui est en son pouvoir pour lui donner toute satisfaction désirable. Toutefois Matvéef n'ajoutait pas un grand prix à ces courtoisies. „Il y a ici une disette extrême en argent", écrivait-il, „et encore plus grande en hommes; les subsides payés à Ragotzi, au Suédois,

ниже узнать возможно, что они такую долговременную и тяжелую ведутъ войну".

„Всѣ мнятъ", продолжалъ Матвѣевъ, „что я пріѣхалъ просить здѣшняго короля въ посредники для мирнаго договора съ Шведомъ. Только отъ Шведовъ премножество злыхъ плевелъ о насъ посѣяно молвою и печатными злословіями въ семъ народѣ, вѣдая, что здѣсь нашего министра при дворѣ французскомъ нѣтъ и мѣшать некому, что захотятъ, то дѣлаютъ безъ препоны. Французы сердиты, что посланникъ ихъ, бывшій при нашемъ дворѣ (Балюзъ), нарочно отъ короля отправленный, никакого плода полезнаго не получилъ, и я боюсь, чтобъ мнѣ здѣшній хитрый дворъ такою же монетою не заплатилъ. Статскій секретарь Деторцый (де Торси) явно нѣкоторой особѣ здѣсь говорилъ: если бы король отъ Постникова не былъ обнадеженъ въ будущей дружбѣ между московскимъ и нашимъ дворами, то и на мысль не пришло бы королю посылать въ Москву чрезвычайнаго посланника".

Опасенія Матвѣева насчетъ исхода его миссіи вполнѣ оправдались. На аудіенціи король былъ весьма милостивъ и „изволилъ сказать, что ему тѣ присылки вельми любы, и все онъ учинитъ въ угодности Царя, какъ въ его возможности есть". Однако, Матвѣевъ не придавалъ большой цѣны этимъ любезностямъ. „Здѣсь конечная въ деньгахъ", писалъ онъ, „а больше въ людяхъ скудость; къ Рагоци и къ Шведу, и къ курфирсту Баварскому посылки денежныя и продолженіе войны вы-

à l'électeur de Bavière, la prolongation de la guerre, ont complétement épuisé les ressources. Le Suédois et ses affaires sont ici en grand honneur; en outre, la nouvelle du couronnement de Stanislas Leszczinski a été bien accueillie".

черпали деньги конечно уже. Шведъ здѣсь въ почитаніи многомъ и дѣла его, къ тому же и коронація Лещинскаго за добро здѣсь принята".

Matvéef se consacra avec énergie à l'exécution de sa mission. Il remit au gouvernement français un mémoire, dans lequel il exposait en détail la légitimité des réclamations du Tsar au sujet de la restitution des vaisseaux confisqués. Dans ce mémoire, du 10 novembre 1705, il signale les promesses données plus d'une fois par les représentants du roi au sujet de la liberté de la navigation et du commerce, accordée aux vaisseaux russes dans les eaux et les ports de France. C'est en s'appuyant sur ces assurances positives que le Tsar a autorisé ses sujets à entrer dans les ports français. Néanmoins, en 1703 le vaisseau „Apôtre St.-André" fut capturé par un corsaire français et confisqué en vertu d'une sentence d'un conseil de prises. Cette confiscation ne reposait sur aucune base légale, car le vaisseau en question n'avait violé aucun blocus et ne transportait pas des articles de contrebande de guerre.

Матвѣевъ энергично взялся за исполненіе возложеннаго на него порученія. Онъ подалъ французскому правительству записку, въ которой подробно излагаетъ законность требованій Царя о возвращеніи захваченныхъ русскихъ судовъ. Въ этой запискѣ отъ 10 ноября 1705 года, прежде всего, подтверждаются неоднократно данныя представителями французскаго короля обѣщанія въ пользу свободы плаванія и торговли русскихъ судовъ въ французскихъ водахъ и портахъ. Основываясь на всѣхъ этихъ положительныхъ обѣщаніяхъ, Царь разрѣшилъ своимъ подданнымъ заходить во французскіе порты. Между тѣмъ, въ 1703 году, корабль „Апостолъ Андрей Первозванный" былъ задержанъ французскимъ каперомъ и конфискованъ по приговору призоваго совѣта. Но законныхъ основаній для такой конфискаціи никакихъ не было, ибо этотъ корабль не нарушилъ никакой блокады и не возилъ никакихъ предметовъ военной контрабанды.

En 1704, un autre vaisseau russe du même nom, se rendant de Hollande à Dunkerque, fut saisi et également confisqué en vertu d'une sentence d'un conseil de prises français.

Въ 1704 году другой русскій корабль съ такимъ же названіемъ, на пути изъ Голландіи въ Дюнкиркенъ былъ задержанъ и конфискованъ по постановленію такого же французскаго призоваго суда.

Aux termes du mémoire de Matvéef, le Tsar exigeait que les deux navires fussent relâchés et que le roi prescrivît aux capitaines des bâtiments de guerre et des corsaires de respecter l'inviolabilité du pavillon neutre.

Царь, по словамъ записки Матвѣева, требуетъ, чтобъ оба судна были освобождены и чтобъ король предписалъ командирамъ своихъ военныхъ судовъ и каперамъ уважать неприкосновенность нейтральнаго флага.

Matvéef se fit un devoir de s'étendre sur ces arguments dans ses entretiens avec les ministres français. Aussi déclara-t-il à d'Iberville, gérant les affaires maritimes, que si les vaisseaux n'étaient pas rendus, l'amitié entre la Russie et la France s'en ressentirait sérieusement.

D'Iberville lui répondit à cela que l'obstacle à un rapprochement entre les deux Etats provenait principalement de la conduite étrange des envoyés et des ambassadeurs moscovites qui arrivaient en France pour faire leurs propres affaires, et non pour béfendre les intérêts du Tsar auprès du roi. „Ils adressaient des propositions hautaines et inconvenantes, ne témoignaient aucun respect pour le roi, traitaient avec les ministres d'une manière peu courtoise, avaient à leur service des insolents, des ivrognes, qui par leurs débordements causaient des ambarras à la nation française si intelligente et si cultivée“; arrivés à Moscou, ils cherchaient à indisposer le Tsar contre le roi, il en est résulté que le Tsar a conçu du mépris pour la Cour de France et qu'il la considère comme son ennemi. „Il ne peut en entendre parler, et si quelqu'un — un proche ou un étranger — risquerait de faire l'éloge du roi en sa présence, il serait sûr de tomber en disgrâce“.

„A l'époque de son voyage au Hanovre“, dit ce français en terminant son réquisitoire, „le Tsar prit du champagne et en parut satisfait. Mais dès qu'il apprit que c'était un vin français, il s'empressa de répandre le contenu de son verre et de briser celui-ci, en adressant des injures aux français. Il a en outre une haine profonde pour le catholicisme

Доводы этой записки Матвѣевъ развивалъ въ бесѣдахъ съ французскими министрами. Такъ, завѣдывавшему корабельными дѣлами Дибервиллю онъ объявилъ, что если русскія суда не будутъ выданы, то дружбѣ между Россіею и Франціею будетъ нанесенъ серьезный ударъ.

На это Дибервилль отвѣчалъ, что главною помѣхою дружбѣ и союзу между обоими государствами были русскіе послы и посланники, которые пріѣзжали во Францію съ торгами и хлопотали только о своей прибыли и ничего не искали къ пользѣ своего Государя у короля. „Они только дѣлали неприличные и гордые запросы, короля презирали, съ министрами ласковаго и честнаго обхожденія не имѣли, людей держали при себѣ озорниковъ, пьяницъ, драчуновъ, которые умному и политическому народу французскому дуростями своими досаждали“, и потомъ, пріѣхавъ въ Москву, эти послы Царя съ королемъ смущали, и Царь французскій дворъ презиралъ и считалъ себѣ непріятелемъ. „Царь не можетъ слышать о французскомъ дворѣ, — продолжалъ Дибервилль, — и кто при немъ хорошо отзовется о королѣ, изъ своихъ, или чужихъ, тотъ подвергнется бѣдствію“.

„Во время своей поѣздки въ Ганноверъ“, закончилъ французъ свою обвинительную рѣчь, „Царь пилъ шампанское и хвалилъ его. Но когда ему сказали, что вино французское, то онъ его выплеснулъ и рюмку разбилъ, ругая французовъ. При томъ же Царь ненавидитъ вѣру римскую; въ нынѣшній походъ свой въ Польшѣ іезуитовъ и

romain, et pendant la dernière campagne en Pologne, il a tué de sa propre main des jésuites et quelques religieuses“ *).

On comprend que Matvéef ait nié de la manière la plus catégorique cas dispositions hostiles, attribuées au Tsar à l'égard de la France et de son souverain. Il assurait au contraire, qu'il ajoutait de tout temps un grand prix à l'amitié du roi. L'incident avec le vin est complétement incompatible avec la sagesse du Tsar et doit avoir été inventé et propagé par les cours de Hanovre et de Suède.

Quant à l'exécution des jésuites et des religieuses, Matvéef objecta avec raison que, si à la suite d'une enquête, ils ont en effet subi la peine de mort pour avoir entretenu des relations avec l'ennemi et conçu des projets d'attentat sur la personne de Sa Majesté, un sort analogue leur eut été réservé en France, malgré leur caractère religieux. En ce qui concerne la conduite des ambassadeurs et des envoyés en moscovites en France, Matvéef renonça, très sagement, à prendre leur défense; s'ils sont coupables, ils seront sévérement châtiés. Il ne confirma pas moins, de la manière la plus positive, le désir de son gouvernement d'entretenir avec la France les relations les plus amicales et les plus intimes.

Malgré ces assurances, le gouvernement français refusa de donner satisfaction à ses demandes au sujet de la restitution des vaisseaux confisqués. Quant à Matvéef personnellement, il fit une très bonne impression sur les ministres français, qui reconnurent qu'il avait plus d'es-

*) Voir Soloview. Histoire de Russie, t. XV, ch. 1.

и нѣсколько монахинь римскаго закона своею рукою убилъ“ *).

Понятно, что Матвѣевъ самымъ категорическимъ образомъ отрицалъ приписанный Царю враждебный образъ мыслей противъ французскаго короля и Франціи. Напротивъ, Царь всегда дорожилъ дружбою между нимъ и королемъ. Поступокъ же съ виномъ совершенно противорѣчитъ мудрости Царя и навѣрно былъ выдуманъ и распространенъ Ганноверскимъ и Шведскимъ дворами.

Относительно казни іезуитовъ и монахинь Матвѣевъ справедливо возразилъ, что если они, по сыску, и дѣйствительно были казнены за какія-нибудь пересылки съ непріятелемъ или за умыслы надъ особою Его Величества, то и во Франціи они имѣли бы такую же участь, несмотря на ихъ духовное званіе. Что же касается до поведенія бывшихъ во Франціи московскихъ пословъ и посланниковъ, то Матвѣевъ благоразумно отказался ихъ оправдывать или одобрять. Если они виновны, то навѣрно будутъ наказаны. Только онъ положительно подтверждалъ желаніе царскаго правительства поддерживать съ Франціею самыя дружескія и близкія сношенія.

Несмотря на такія увѣренія Матвѣева, всетаки его требованіе освобожденія двухъ захваченныхъ русскихъ судовъ не было удовлетворено. Правда, самъ Матвѣевъ произвелъ отличное впечатлѣніе на французскихъ министровъ, которые при-

*) Срав. Соловьева Исторія Россіи, т. XV, гл. 1.

prit, „plus de connaissance des affaires de l'Europe et plus de politesse" qu'ils pouvaient en attendre. D'Iberville a beaucoup apprécié ces paroles de Matvéef, lorsqu'il dit, que le Tsar „admire les vertus, la piété, la grandeur du génie de Sa Majesté et la regarde comme le plus parfait modèle d'un bon gouvernement et qui devrait être imité par tous les monarques." En dépit de ces témoignages flatteurs, on refusa faire droit à ses réclamations, parceque les deux vaisseaux avaient été confisqués non pour avoir hissé le pavillon moscovite, mais à cause d'une irrégularité des connaissement, qui n'étaient pas signés. Ces documents ne donnaient en outre aucune indication, pour le compte de qui était le chargement, ce qui est exigé „par les réglements et l'usage assez général de toutes les nations d'Europe". C'est la raison pour laquelle ces navires ont été confisqués dans la supposition qu'ils appartenaient à des Hollandais, et ils sont depuis longtemps entre les mains des corsaires qui les ont capturés.

En ce qui regarde les effets de Matvéef, le roi était tout disposé à lui faire donner une indemnité, une fois que la question aura été élucidée, s'ils ont été saisis par un sujet français, ou un sujet du roi d'Espagne *).

Dans ces conditions Matvéef ne voyait aucune nécessité de prolonger son séjour à Paris. Il fut reçu le 20 septembre 1706 en audience de congé par le roi Louis XIV, qui lui remit une lettre pour le Tsar, dans laquelle il confirme combien il a été satisfait de

*) Recueil de la Société historique Imp. Russe, t. XXXIV, p. 41 et suiv.

знали, что у него „больше ума, больше знакомства съ дѣлами Европы и больше вѣжливости", чѣмъ можно было ожидать. Дибервиллю очень понравились слова Матвѣева, что его Царь „восхищается добродѣтелями, набожностью и величіемъ генія Его Величества, и смотритъ на него, какъ на лучшій образецъ хорошаго правителя, которому должны были бы подражать всѣ прочіе монархи". Тѣмъ не менѣе Матвѣеву было отказано въ исполненіи его требованія, потому что конфискованы были оба корабля не за поднятіе московскаго флага, но за имѣніе на бортѣ неподписанныхъ коносаментовъ. Сверхъ того въ коносаментахъ не было объяснено, кому принадлежали грузы — что требуется по „уставамъ и общему обычаю всѣхъ европейскихъ государствъ". Корабли были конфискованы въ предположеніи, что они принадлежатъ Голландцамъ, и они уже давно поступили въ распоряженіе каперовъ-захватителей.

Что касается вещей Матвѣева, то король не отказался дать за нихъ справедливое вознагражденіе, если будетъ доказано, что онѣ были захвачены французскимъ подданнымъ или подданнымъ испанскаго короля *).

При такихъ обстоятельствахъ Матвѣевъ не видѣлъ никакой надобности продолжать свое пребываніе въ Парижѣ. 20-го сентября 1706 года онъ былъ принятъ на отпускной аудіенціи Людовикомъ XIV, который вручилъ ему письмо къ Царю. Въ этомъ письмѣ ко-

*) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXXIV, стр. 41 и слѣд.

la conduite de „Matucof“, c. a. d. de Matvéef et annonce en même temps sa résolution de ne pas conclure de traité d'alliance avec la Russie, aussi longtemps que l'Europe ne soit pacifiée. Il est vrai que le roi promet d'accorder aux navires russes libre entrée dans les ports français, sous reserve de réciprocité, mais la conclusion d'un traité de commerce fut provisoirement ajournée. Le roi exprimait en outre le desir que, à l'avenir, les ambassades russes en France et les ambassades françaises en Russie fussent entretenues par les gouvernements respectifs.

роль выражаетъ свое удовольствіе по поводу поведенія „Матюкова“, т. е. Матвѣева, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждаетъ рѣшимость не заключать съ Россіею никакого трактата, пока Европа не будетъ умиротворена. Правда, король обѣщалъ русскимъ судамъ свободный пріѣздъ въ французскіе порты, подъ условіемъ взаимности, но заключеніе коммерческаго трактата было имъ отложено. Наконецъ, король выразилъ желаніе, чтобъ отнынѣ русскія посольства во Франціи и французскія посольства въ Россіи содержались иждивеніемъ ихъ собственныхъ правительствъ.

Le 9 octobre 1706 Matvéef quittait la France pour retourner en Hollande.

Уже 9-го октября 1706 года Матвѣевъ выѣхалъ изъ Франціи обратно въ Голландію.

On comprend qu'il devait être peu satisfait du résultat de sa mission en France, et il ne le dissimulait pas à son gouvernement. Voici ce qu'il lui écrivait au moment de quitter Paris.

Неудовольствіе Матвѣева неудачнымъ исходомъ его миссіи во Франціи было совершенно естественно, и онъ не скрывалъ это отъ своего правительства. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа Матвѣевъ писалъ своему правительству:

„L'amitié qu'on nous témoigne ici, à travers la douceur des compliments, est sans effet; un personnage haut placé, appelé à être ministre, voudrait-il s'exposer à des humiliations à cette cour orgueilleuse qui fait peu de cas de nous et de nos affaires. Aussi mon séjour ici n'est-il maintenant d'aucune utilité; on me considère plutôt comme un curieux que comme un ministre; c'est pourquoi je demande instamment une réponse, afin de ne pas traîner une existence misérable et désoeuvrée dans cette cour si dissimulée et si riche. Changer l'amitié des Anglais et des Hollandais contre celle des Français ne nous promet guère de profit“.

„Дружба здѣшняя чрезъ сладость комплиментовъ своихъ безполезная, въ прибыльномъ дѣлѣ малой случай намъ кажетъ; быть кому здѣсь изъ особъ знатныхъ въ министрахъ — развѣ хотѣть всякаго презорства и уничиженія по обыкновенной гордости сего Двора, который наши дѣла и насъ не велико ставитъ. Такъ и житье мое нынѣшнее здѣсь безъ всякаго дѣла; считаютъ меня больше за провѣдывальщика, чѣмъ за министра; для того требую вашего къ себѣ отвѣта, чтобъ мнѣ не волочиться бѣдно и бездѣльно здѣсь при такомъ коварномъ и богатомъ Дворѣ; смѣнять дружбу Англичанъ и Голландцевъ на французскую не обѣщаетъ намъ прибытку“.

Aussi le Tsar Pierre I se garda-t-il de le faire, et l'échec complet de la mission de Matvéef ne fit que le confirmer encore plus dans ses vues au sujet de la politique du roi de France. Il en redoutait surtout les effets à Constantinople et à Stockholm, mais il n'avait aucun motif de témoigner des sympathies à ceux qui la dirigeaient.

И дѣйствительно, Царь Петръ I не смѣнилъ дружбу Англичанъ и Голландцевъ на французскую, и полная неудача миссіи Матвѣева не могла измѣнить его взгляда насчетъ политики французскаго короля. Онъ опасался этой политики въ частности въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ, но сочувствовать ея руководителямъ онъ не имѣлъ никакихъ причинъ.

Après que Matvéef eut quitté Paris, Postnikow resta, comme par le passé, dans cette ville avec la mission de suivre la marche des affaires en France et de faire de temps en temps des communications à son gouvernement à ce sujet. Il est à remarquer que Matvéef, après avoir fait la connaissance personnelle de Postnikow, s'exprima sur son compte en termes très flatteurs dans ses rapports. „C'est“, dit-il, „un homme intelligent, au courant des affaires de l'Europe et des intérêts du Tsar et connaissant les langues étrangères“.

Послѣ отъѣзда Матвѣева изъ Парижа тамъ остался по прежнему Постниковъ, который долженъ былъ слѣдить за ходомъ дѣлъ во Франціи и сообщать, отъ времени до времени, „повины“ своему правительству. Нельзя не замѣтить, что Матвѣевъ, познакомившись съ Постниковымъ, отзывался о немъ весьма лестно въ своихъ донесеніяхъ. Постниковъ, по его словамъ, „мужъ умный и дѣла Европскаго и пользы Государевой свѣдомый и въ языкахъ ученый“.

Cette appréciation flatteuse de Matvéef semble confirmée en quelque sorte par une lettre adressée au comte Golovkine en 1710 par Lionner, professeur de l'Académie de Paris, qui réclamait une somme de 720 livres que Postnikow lui serait resté devoir pour un cours de sciences et de langues qu'il aurait suivi chez lui pendant sept ans. Postnikow avait négligé de s'acquitter de cette dette par la simple raison qu'il n'avait pas la somme voulue à sa disposition, vu que son modeste traitement lui était très irréguliérement servi par le trésor du Tsar. Il faut croire que ces circonstances ont contribué à mettre fin subitement à son séjour à Paris; il quitta cette ville clandestinement pour ne plus y revenir.

Этотъ лестный отзывъ Матвѣева о Постниковѣ подкрѣпленъ былъ въ 1710 г. жалобою профессора Парижской Академіи, Ліонне, графу Головкину на Постникова, который за семилѣтнее обученіе разнымъ наукамъ и языкамъ не заплатилъ профессору должныхъ 720 ливровъ. Не заплатилъ же Постниковъ по очень простой причинѣ: онъ такихъ денегъ не имѣлъ и очень неисправно получалъ свое маленькое содержаніе изъ царской казны. Этими обстоятельствами, повидимому, объясняется неожиданный конецъ пребыванія Постникова въ Парижѣ: въ 1710 г. онъ тайнымъ образомъ уѣхалъ изъ Парижа и больше туда не возвращался.

Avant son départ, il eut l'occasion de s'acquitter d'une mission secrète de la part du comte Golovkine — elle consistait à sonder de Torcy pour savoir, si la France n'était pas disposée à accepter la médiation du Tsar pour conclure la paix avec ses ennemis? De Torcy lui répondit qu'on „y réfléchirait“.

Передъ своимъ внезапнымъ выѣздомъ изъ Парижа онъ еще исполнилъ тайное порученіе, данное ему графомъ Головкинымъ, состоящее въ томъ, чтобъ спросить де-Торси, нужно ли Франціи посредничество Царя для заключенія мира между королемъ французскимъ и его врагами? На этотъ вопросъ де-Торси отвѣтилъ, что „о семъ подумаютъ“.

Louis XIV ne s'est jamais rendu compte de l'utilité d'une alliance avec la Russie, et ce n'est que sous le règne de Louis XV qu'un revirement s'est opéré dans les relations mutuelles des deux Etats. Toutefois, en présence des événements de 1710 et 1711, Louis XIV a dû se convaincre que la situation politique en Europe avait subi un changement complet grâce à l'action puissante du génie du Tsar.

Король Людовикъ XIV не въ состояніи былъ додуматься до пользы союза съ Россіею, и переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ между обоими государствами совершился только въ царствованіе его преемника, Людовика XV. Однако, политическія событія 1710 и 1711 г. заставили Людовика XIV серьезно призадуматься надъ полнымъ переворотомъ положенія вещей въ Европѣ, совершившемся подъ давленіемъ геніальной личности русскаго Царя.

A mesure que les membres de la coalition, liguée contre la France, emportaient une victoire après l'autre sur ses armées et que ses anciens alliés: la Suède, la Turquie et la Pologne, se montraient complétement impuissants à la seconder, Louis XIV s'est vu dans la nécessité de se demander, si le moment n'était pas venu de changer de front à sa politique? Ne fallait-il pas abandonner à leur propre sort ces alliés inutiles, comme Charles XII, battu à platte couture à Poltava, et le sultan qui n'a pas su tirer profit de sa situation au Pruth?

По мѣрѣ того, какъ члены образовавшейся противъ Франціи коалиціи одерживали одну побѣду за другою надъ французскими войсками и по мѣрѣ того, какъ старые союзники Франціи: Швеція, Турція и Польша, обнаруживали полное свое безсиліе, Людовикъ XIV принужденъ былъ задать себѣ вопросъ: не наступила ли пора для полной перемѣны фронта его политики? Не слѣдуетъ ли предоставить своей судьбѣ такихъ безполезныхъ союзниковъ, какъ шведскій король Карлъ XII, разбитый на голову при Полтавѣ, и турецкій султанъ, не сумѣвшій воспользоваться своимъ счастіемъ при Прутѣ?

Il est hors de doute que le Cabinet de Versailles ne se soit posé ces questions

Нѣтъ сомнѣнія, что Версальскій кабинетъ поставилъ себѣ эти вопросы и

et qu'il n'ait cherché à les résoudre. Déjà en 1710 de Torcy, ministre des affaires étrangères, présenta au roi un mémoire dans lequel il signalait la grande importance politique, acquise par le Tsar „qui le rend formidable à ses voisins et donne une jalousie bien fondée à l'Empereur et aux nations maritimes“. Aussi le ministre proposa-t-il au roi d'envoyer auprès du Tsar M. de Bezeval, son représentant au Danemarck, pour convaincre ce prince que les intérêts de la France n'étaient plus solidaires avec ceux de l'Angleterre et de la Hollande*).

Mais ce projet ne fut pas approuvé par le roi.

Quoiqu'il en soit, les éclatantes victoires de Pierre I devaient finalement ouvrir les yeux même au présomptueux Louis XIV dont les armées subissaient une défaite après l'autre. De Torcy, son conseiller le plus intime, réussit à le convaincre de l'impossibilité d'enlever au Tsar ses conquêtes aux dépens de la Suède. Le roi dut convenir qu'il était plus profitable d'avoir pour soi la Russie, pleine de forces et de vitalité, que la Suède, déjà en dissolution, avec un roi, qui unissait, dans sa personne, un heroïsme réel, avec des extravagances incontestables. La question a été même posée à Versailles, s'il ne fallait pas persuader au sultan d'ouvrir le Bosphore et les Dardanelles pour le passage des vaisseaux russes, et faciliter ainsi un rapprochement entre la Russie et la France.

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 115 et suiv.

искалъ для нихъ рѣшеній. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ де-Торси уже въ 1710 году представилъ своему королю записку, въ которой указалъ на огромное политическое значеніе гигантской личности русскаго Царя, который увеличиваетъ свое могущество и дѣлаетъ „свою державу страшною для своихъ сосѣдей и вызываетъ справедливую зависть Императора и морскихъ государствъ“. Поэтому де-Торси предложилъ королю отправить Безваля, французскаго посланника, въ Данцигѣ, къ Царю съ порученіемъ убѣдить его, что его интересы перестали быть солидарными съ интересами Англіи и Голландіи *).

Но это предложеніе не было утверждено королемъ.

Между тѣмъ блестящія побѣды Петра I должны были наконецъ открыть глаза даже высокомѣрному Людовику XIV, котораго войска терпѣли одно пораженіе за другимъ. Ближайшему совѣтнику короля, де-Торси, удалось убѣдить его въ полной невозможности отнять отъ русскаго Царя сдѣланныя имъ у Швеціи завоеванія. Король не могъ не согласиться, что лучше имѣть на своей сторонѣ жизнеспособную и полную силъ Россію, нежели разлагающуюся Швецію съ ея королемъ, въ которомъ дѣйствительное геройство совмѣщалось съ несомнѣннымъ чудачествомъ. Въ Версалѣ даже былъ поставленъ вопросъ: не слѣдуетъ ли убѣдить султана открыть для русскихъ судовъ проливы Босфорскій и Дарданелльскій и такимъ образомъ приблизить Россію къ Франціи?

*) Rambaud, Recueil, t. I, p. 115 et suiv.

Louis XIV prit la résolution d'expédier en Russie, en qualité d'envoyé extraordinaire, M. de Baluze, qui s'était déjà acquitté d'une mission à Moscou. Grégoire Volkow, secrétaire du Posolsky Prikaz, arrivé à Paris en 1711, fut reçu par le roi et les ministres de la manière la plus courtoise. Volkow déclara, que le Tsar était très satisfait de la nomination de Baluze, en qualité de ministre, et qu'il ne tarderait pas à nommer lui-même un représentant á la cour de Versailles. C'est le prince B. Kourakine, ci-devant ministre en Hollande, qui fut choisi par le Tsar pour ce poste. Volkow suggéra en outre l'idée d'une médiation du roi de France entre la Russie, la Suède et la Porte.

Le cabinet de Versailles accueillit cette idée, mais posa les conditions suivantes à son acceptation: 1) la Russie viendrait en aide aux Hongrois révoltés contre l'Autriche; 2) elle s'opposerait à ce qu'un prince de la maison d'Autriche fût élu Empereur; 3) les troupes danoises et saxonnes, au service des puissances, coalisées contre la France, seraient rappelées.

Ces conditions de médiation prouvent une fois de plus que les ministres français ne comprenaient ni la situation politique à l'Est de l'Europe en général, ni les vues politiques de Pierre le Grand en particulier. Volkow ne crut pas pouvoir accepter ces conditions, et écrivait à sa cour à ce sujet:

„Il est évident que la Cour d'ici n'a pas cessé de rechercher l'intérêt de la Suède; et si dissimulé que soit le ministre des affaires étrangères Torcy, il était

Людовикъ XIV рѣшилъ отправить въ Россію, въ званіи чрезвычайнаго посланника, де-Балюза, уже бывшаго разъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскому секретарю Посольскаго приказа, Григорію Волкову, прибывшему въ Парижъ въ 1711 году, былъ оказанъ очень любезный пріемъ со стороны короля и его министровъ. Волковъ объявилъ, что Царь очень доволенъ назначеніемъ Балюза въ качествѣ посланника, и назначитъ своего посланника при Версальскомъ дворѣ. На этотъ постъ былъ избранъ Царемъ князь Б. И. Куракинъ, бывшій посланникомъ въ Голландіи. Кромѣ того Волковъ выразилъ мысль о посредничествѣ французскаго короля между Россіею, Швеціею и Турціею.

Версальскій кабинетъ принялъ эту мысль и сообщилъ Волкову условія французскаго посредничества, которыя были слѣдующія: Царь долженъ 1) помогать Венгерцамъ противъ Австріи; 2) не допустить принца Габсбургскаго дома до императорской короны и 3) добиться отозванія саксонскихъ и датскихъ войскъ изъ лагеря враговъ Франціи.

Такія условія посредничества доказывали только лишній разъ полное непониманіе французскими министрами политическаго положенія въ сѣверо-восточной Европѣ вообще, и цѣлей политики Петра Великаго въ частности. Волковъ самъ немедленно призналъ невозможность принятія такихъ условій и писалъ своему правительству:

„Ясно, что здѣшній Дворъ не переcталъ искать шведскаго интереса, и какъ ни скрытенъ министръ иностранныхъ дѣлъ Торси, однако, въ разговорѣ съ

aisé, lorsqu'il s'agissait de la Suède, de saisir, sur son visage et dans ses paroles, une certaine sympathie intime pour elle. Un ami que j'ai ici et qui connait parfaitement les affaires, m'a dit que Torcy se conduisait injustement avec notre cour et ne voulait que l'amuser, tandis que le peuple est tout entier hostile à la Russie; que quelque bonnes que soient les nouvelles d'ici, on ne veut pas les écouter, qu'on ne les laisse pas publier dans les gazettes; qu'il serait peut-être avantageux de gagner les rédacteurs de journaux, afin qu'ils impriment les nouvelles qui nous sont favorables".

La réponse donnée par les ministres français à Volkow atteste leurs hésitations continuelles au sujet d'un rapprochement avec le Tsar, d'un génie si éminent. Ils énoncent tantôt l'avis que le moment est venu de donner la préférence à la Russie comparativement à la Suède, et laissent tantôt échapper l'espoir que Charles XII réussira, à l'aide de la Porte, à porter un coup décisif à la Russie.

Ces mêmes oscillations se retrouvent dans les instructions, données par le roi à M. de Baluze, qui venait d'être nommé ministre en Russie. Ces instructions, datant du 24 juillet 1710, accusent un langage assez hautain à l'égard de la Russie et assez étrange par rapport à la situation politique de l'Europe en 1710.

„Il y a quelques années", dit cette pièce à son début, „qu'il revient au roi que le Tsar, fâché d'avoir suivi de mauvais conseils, souhaiterait de s'attacher désormais aux intérêts de sa Majesté beaucoup plus étroitement que ce prince

нимъ о Шведѣ, въ лицѣ его и словахъ легко уловить нѣкоторую внутреннюю къ нему склонность. Одинъ мой пріятель, человѣкъ очень свѣдущій въ дѣлахъ, говорилъ мнѣ, что Торси несправедливо съ нашимъ дворомъ поступаетъ и хочетъ его только провесть, а народъ здѣшній весь враждебенъ Россіи, и которыя добрыя извѣстія бываютъ, тѣхъ и слышать не хотятъ, и въ печать они не допускаются, почему выгодно было бы курантельщика (редактора газеты) чѣмъ-нибудь прилaскать, чтобъ принималъ и печаталъ добрыя о насъ вѣдомости".

Отвѣтъ, данный французскими министрами Волкову, обнаруживаетъ постоянныя ихъ колебанія насчетъ сближенія съ геніальнымъ русскимъ Царемъ. То они высказываютъ мнѣніе, что наступилъ моментъ для отдачи предпочтенія Россіи противъ Швеціи; то опять выражаютъ надежду, что Карлу XII удастся, при помощи Турціи, нанести ударъ русскому Царю.

Эти колебанія рельефно выступаютъ и въ инструкціяхъ, данныхъ королемъ вновь назначенному въ Россію посланнику Балюзу. Тонъ этихъ инструкцій, отъ 24-го іюля 1710 года, довольно высокомѣрный по отношенію къ Россіи и довольно странный въ виду политическаго положенія Европы въ 1710 году.

„Уже нѣсколько лѣтъ", начинается инструкція, „какъ король извѣщается, что Царь, сожалѣя о томъ, что слѣдовалъ дурнымъ совѣтамъ, желалъ бы на будущее время способствовать интересамъ Его Величества гораздо болѣе,

n'est lié avec les ennemis de la France". Ce début est très caractéristique et donne à entendre que Pierre I aurait exprimé ses regrets au roi d'avoir suivi de mauvais conseils, tandis qu'on ne trouve aucun document dans les archives à l'appui de ces sentiments du Tsar.

Le roi exprime l'espoir qu'un accord pacifique ne tardera pas à s'établir entre les puissances du Nord, et il est convaincu que le Tsar en particulier ne saurait voir de sang froid que les Anglais et les Hollandais (ces ennemis de la France) s'érigent en „arbitres de l'Europe". Mais le Tsar, aussi longtemps qu'il est en guerre avec la Suède, peut suivre difficilement la marche des affaires dans le reste de l'Europe. En vue de contribuer à la pacification du Nord, le roi résolut de proposer sa médiation à ces deux puissances. La Suède s'est déjà adressée à lui pour invoquer son action dans ce sens, mais il ignore quelles sont les intentions du Tsar à ce sujet, et c'est pour élucider cette question qu'il prit la décision d'expédier à Moscou M. de Baluze, en qualité d'envoyé extraordinaire.

Le but de cette mission est de savoir, „s'il convient à ce prince et s'il désire qu'il agisse comme médiateur pour la paix à faire entre le roi de Suède et lui. En ce cas Sa Majesté est prête à faire tous les offices qui conviendront pour en avancer la négociation". Si le Tsar consent à la médiation du roi, il serait nécessaire qu'il s'explique sur ses prétentions et sur les conditions de la paix.

чѣмъ поддерживать связи съ врагами Франціи". Это начало весьма характеристично и заставляетъ предполагать, что Петръ I каялся предъ французскимъ королемъ въ томъ, что „слѣдовалъ дурнымъ совѣтамъ". Но изъ архивныхъ документовъ совсѣмъ не видно, чтобъ такое раскаяніе когда-либо чувствовалось Петромъ Великимъ.

Король выражаетъ затѣмъ надежду, что сѣверныя державы придутъ между собою къ мирному соглашенію и онъ увѣренъ, что, въ частности, Царь московскій не можетъ смотрѣть хладнокровно, какъ Англичане и Голландцы (враги Франціи) присваиваютъ себѣ роль „арбитровъ Европы". Пока же Царь воюетъ съ Швеціею, онъ не можетъ слѣдить за ходомъ дѣлъ въ остальной Европѣ. Съ цѣлью содѣйствовать умиротворенію Сѣвера, король рѣшился предложить свое посредничество обѣимъ сѣвернымъ державамъ. Изъ нихъ Швеція уже заявила королю свою просьбу о посредничествѣ. Но желаетъ ли такого посредничества Царь, — это королю неизвѣстно въ достаточно категорической формѣ. Для выясненія этого обстоятельства король французскій рѣшилъ отправить въ Москву Балюза съ званіемъ чрезвычайнаго посланника.

Цѣль посольства заключается въ томъ, „чтобъ узнать, согласно ли съ выгодами Царя и желаетъ ли онъ, чтобъ король дѣйствовалъ какъ посредникъ въ пользу мира, имѣющаго быть заключеннымъ между нимъ и шведскимъ королемъ. Въ такомъ случаѣ Его Величество готовъ всѣми мѣрами содѣйствовать успѣху переговоровъ". Если Царь согласенъ на посредничество французскаго короля, то послѣдній домогается

En confiant à M. de Baluze le soin de faire accepter cette combinaison par le Tsar, le roi ne dissimule pas le grand prix qu'il attache à la pacification du Nord de l'Europe. Il espère qu'après avoir terminé d'une manière honorable la guerre avec la Suède, Pierre le Grand viendra en aide aux Hongrois, qu'il se déclarera l'ennemi de l'Empereur d'Allemagne et qu'il posera la candidature de son fils au trône de Hongrie. On donne en outre le conseil à M. de Baluze de s'adresser, si possible, directement au Tsar et non au prince Menschikow, entièrement porté pour les ennemis du roi. S'il réussit à faire accepter ce projet de médiation, il serait désirable que le Tsar nommât de son côté un représentant à Paris.

M. de Baluze arriva en Russie au printemps de 1711, et c'est à Yavorow qu'il eut une première entrevue avec le Chancelier au sujet de l'objet de sa mission. Dès le début l'envoyé français se plaint que sa réception a manqué d'éclat et qu'il a reçu des équipages, qui n'étaient pas aussi brillants, que lors de son premier séjour à Moscou. Il a dû remarquer que les ministres russes se défiaient de lui visiblement et qu'ils suspectaient la Cour de Versailles d'avoir exercé une pression sur la Porte pour la déterminer à déclarer la guerre à la Russie. Il est évident que cette guerre était provoquée par le désir de secourir Charles XII, qui s'est refugié en Turquie après la catastrophe de Poltava.

отъ Царя заявленія его претензій и условій мира.

Поручая Балюзу добиться отъ Царя признанія за королемъ французскимъ роли посредника, послѣдній не скрываетъ огромнаго интереса, который онъ имѣетъ въ умиротвореніи Сѣвера Европы. Онъ надѣется, что послѣ почетнаго окончанія войны со Швеціею, Петръ Великій пойдетъ на помощь Венгерцамъ, объявитъ себя врагомъ германскаго Императора и даже выставитъ кандидатуру своего сына на венгерскій престолъ. Наконецъ, Балюзу дается совѣтъ обращаться, по возможности, къ самому Царю, а не къ князю Меншикову, который расположенъ къ врагамъ короля. Если Балюзу удастся добиться принятія Царемъ посредничества французскаго короля, то желательно, чтобъ Царь назначилъ въ Парижъ своего представителя.

Весною 1711 года Балюзъ прибылъ въ Россію и въ Яворовѣ имѣлъ первую бесѣду съ Канцлеромъ Головкинымъ о цѣли своего прибытія. Французскій посланникъ, съ самаго начала, былъ недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ: ему не была устроена настоящая встрѣча и онъ не получилъ такихъ блестящихъ каретъ, какъ въ первый разъ, когда былъ въ Россіи. Но Балюзъ не могъ также не замѣтить, что русскіе министры относились къ нему съ явнымъ недовѣріемъ, подозрѣвая Версальскій Дворъ въ томъ, что онъ, черезъ своего представителя при Портѣ, подвинулъ Турокъ опять объявить войну Россіи. Очевидно, что эта война была вызвана желаніемъ помочь Карлу XII, нашедшему убѣжище

Le comte Golovkine et Schafirow exposaient d'une manière très courtoise au négociateur français que le Tsar était tout disposé à accepter la médiation du roi pour conclure la paix avec la Porte, mais ils déclinèrent catégoriquement ses ouvertures quant à un pacte avec la Suède. Ils persistaient à démontrer que la paix avec la Turquie n'avait rien de commun avec la guerre de la Russie avec la Suède. Après la signature de la paix avec la Turquie, écrivait Baluze au roi en date de Yavorow le 5 mai 1711, le Tsar aura la possibilité de „marquer pleinement sa reconnaissance à Votre Majesté, en entrant avec elle dans des liaisons étroites, en s'alliant avec elle, et encore se déclarant hautement contre ses ennemis; qu'il serait présentement temps d'unir les intérêts de Votre Majesté avec ceux du Tsar, pendant qu'il n'est engagé avec personne; et que ce ne serait qu'au refus de Votre Majesté et magré lui, que le Tsar entrerait dans une alliance contraire à ses intérêts, voyant très bien que celle de Votre Majesté lui serait la plus sûre et la avantageuse“.

C'est par ces discours pleins de raison et de courtoisie que le Chancelier Golovkine et ses collègues entretenaient l'envoyé de France.

Louis XIV ne pouvait se placer au point de vue du Tsar et abandonner le roi de Suède, son unique et fidèle allié

на турецкой территоріи послѣ разгрома при Полтавѣ.

Графъ Головкинъ и Шафировъ любезно объяснили французскому посланнику, что Царь съ удовольствіемъ приметъ посредничество французскаго короля для заключенія мира между Россіей и Турціей. Но русскіе министры наотрѣзъ отказались принять это посредничество для заключенія мира съ Швеціей. Они неуклонно продолжали доказывать, что миръ съ Турціей не имѣетъ ничего общаго съ войною Россіи противъ Швеціи. Послѣ подписанія мира съ Турціей, Царь „будетъ имѣть возможность вполнѣ доказать Вашему Величеству“, — писалъ Балюзъ королю 5-го мая 1711 года изъ Яворова,— „свою благодарность, вступивъ съ Вами въ тѣсныя отношенія, заключивъ съ Вами союзъ и явно принявъ Вашу сторону противъ Вашихъ враговъ. Въ настоящую минуту пора соединить интересы Вашего Величества съ интересами Царя, пользуясь для этого временемъ, пока Царь не вступилъ ни съ кѣмъ въ обязательства, и только въ случаѣ отказа Вашего Величества Царь, вопреки своему желанію, вступитъ въ союзъ, противорѣчащій его выгодамъ, ибо онъ ясно видитъ, что союзъ съ Вашимъ Величествомъ будетъ для него наиболѣе надежнымъ и выгоднымъ“.

Таковы были сладкія и умныя рѣчи Канцлера Головкина и его товарищей, съ которыми французскій посланникъ велъ переговоры.

Людовикъ XIV не могъ стать на точку зрѣнія Царя и предать своего единственнаго вѣрнаго союзника на Сѣ-

au Nord de l'Europe. Aussi prescrévit-il à M. de Baluze de ne pas ajouter d'importance à quelque manque d'étiquette et de chercher à convaincre le Tsar et ses ministres que son désir de conclure la paix entre la Russie et la Suède répond entiérement aux intérêts légitimes des deux puissances. „J'ai cru“, écrivait le roi à M. de Baluze à la date du 11 juni 1711, „qu'en travaillant à la paix entre le Tsar et lui (le roi de Suède), je contribuerai à celle des Moscovites avec les Turcs, et c'est sur ce fondement que je prétends agir. Si mes ennemis font d'autres offres au Tsar, ils le trompent et en même temps ils trompent aussi le roi de Suède, et je suis assuré qu'ils promettent également à tous deux d'embrasser leurs intérêts contre leurs ennemis“.

En vertu de ces considérations Baluze devait insister sur la médiation du roi de France pour les traités de paix à conclure par le Tsar avec la Porte, aussi bien qu'avec la Suède. Mais il ne devait d'aucune manière consentir à la médiation de son souverain pour la seule conclusion d'un pacte entre la Russie et la Porte. Toutefois l'envoyé de France devait bientôt se convaincre de la stérilité de ses efforts dans cette négociation.

Il en acquit bientôt la preuve de la bouche même de Pierre le Grand, qui le reçut dans une allée du jardin attenant à la maison que le Tsar occupait à Yavorow. Après quelques phrases sur des questions secondaires, „Sa Majesté Tsarienne a pris de là occasion de m'expliquer bien distinctement ses intentions, en me disant qu'elle souhaitait qu'il plut à Votre

верѣ—шведскаго короля. Поэтому онъ предписалъ Балюзу не обращать вниманія на нарушенія этикета въ отношеніи его, но стараться убѣдить Царя и его министровъ, что желаніе короля заключить миръ между Россіею и Швеціею вполнѣ соотвѣтствуетъ законнымъ интересамъ обѣихъ державъ. „Я думалъ“, писалъ королю Балюзъ 11-го іюня 1711 года, „что, заботясь о мирѣ между Царемъ и имъ (королемъ шведскимъ), я буду содѣйствовать также заключенію мира между Русскими и Турками, и только на сихъ основаніяхъ я расположенъ дѣйствовать. Если мои враги дѣлаютъ Царю иныя предложенія, то они его обманываютъ и въ то же время обманываютъ и шведскаго короля, и я увѣренъ, что они равно обѣщаютъ каждому изъ нихъ защищать ихъ выгоды противъ ихъ враговъ“.

Въ силу этихъ соображеній Балюзъ долженъ былъ настаивать на посредничествѣ французскаго короля при заключеніи Царемъ мирныхъ трактатовъ какъ съ Турціею, такъ и съ Швеціею. Но онъ не долженъ былъ соглашаться на посредничество Франціи только для мира между Россіею и Турціею. Однако, французскій посланникъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что всѣ его старанія будутъ въ этомъ отношеніи совершенно тщетными.

Въ этомъ Балюзъ весьма скоро убѣдился изъ устъ самого Петра В., который принялъ французскаго посланника въ одной изъ аллей сада, бывшаго при занимаемомъ Царемъ домѣ въ Яворовѣ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ о второстепенныхъ вопросахъ, „Царь воспользовался случаемъ объяснить мнѣ самымъ точнымъ образомъ свои

Majesté", écrivit Baluze à Louis XIV en date du 19 Mai 1711, „de lui procurer la paix avec la Porte seule, indépendamment du roi de Suède".

„J'ai répliqué", continua-t-il, „que M. M. ses ministres m'ayant assuré qu'elle ne s'éloignerait point de la faire aussi avec le roi de Suède, j'avais cru pouvoir me persuader qu'elle ne refuserait pas de la traiter en même temps avec ces deux puissances. Le Tsar me dit que ce n'était nullement son intention, vu l'humeur difficile du roi de Suède, mais seulement avec les Turcs, laquelle paix étant faite séparément, la Suède, se trouvant sous la direction des Ottomans et comme abandonnée, se trouverait plus traitable, et que Votre Majesté pourrait alors la porter plus facilement à y consentir de son côté, à des conditions raisonnables, auxquelles le roi de Suède ne se portera jamais autrement, et que la paix deviendrait impossible, si elle dépendait de ce prince".

En présence de ces déclarations explicites du Tsar lui-même, le négociateur français dut se convaincre de l'inanité de ses efforts de réunir en seul pacte la paix avec la Porte et celle avec la Suède. Pierre le Grand était décidé de traiter séparement ces deux affaires, et Schafirow développait cette même pensée dans ses entretiens avec l'envoyé en insistant sur les avantages que la France retirerait d'une alliance avec la Russie et non avec la Suède, qui ne lui serait d'aucune utilité dans les circonstances actuelles.

намѣренія и высказалъ свое желаніе въ томъ смыслѣ, чтобы Ваше Величество",—писалъ Балюзъ Людовику XIV 19-го мая 1711 года,—„доставили ему возможность заключить миръ съ одною Портой, независимо отъ короля шведскаго".

„Я возразилъ"—продолжаетъ свое донесеніе посланникъ,—„что такъ какъ министры его увѣряли меня, что онъ не станетъ сопротивляться заключенію мира съ королемъ шведскимъ, то я предполагалъ, что онъ не откажется вести переговоры одновременно съ обѣими державами. Царь сказалъ мнѣ, что намѣреніе его вовсе не таково, въ виду враждебнаго настроенія короля шведскаго, и что онъ полагалъ вести переговоры только съ Турками. По заключеніи же этого мира, Швеція, находясь подъ вліяніемъ Оттоманской имперіи и будучи покинута ею, оказалась бы болѣе сговорчивой, и Вашему Величеству тогда легче будетъ склонить ее на благоразумныя условія, на которыя король шведскій иначе никогда не согласится, и миръ останется недостижимымъ, если заключеніе его будетъ зависѣть отъ этого монарха".

Для французскаго посланника, послѣ такихъ заявленій со стороны самого Царя, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ тщетности его стараній слить воедино миръ съ Турціею и миръ съ Швеціей. Петръ В. рѣшился, во что бы то ни стало, раздѣлить оба эти дѣла, и Шафировъ еще подробнѣе развивалъ посланнику эту мысль, доказывая ему всю пользу для Франціи союза съ Россіею, а не съ Швеціей, которая не въ состояніи оказывать какія-либо услуги французскому королю.

Mais Louit XIV jugeait impossible de sacrifier un allié fidèle et dévoué. Il écrivait le 18 juin 1711 à son représentant à la Cour de Moscou en ces termes: „Je vois que ce prince (Pierre I) continue de souhaiter que mes offices puissent lui procurer la paix avec les Turcs. Je les emploierais avec plaisir, s'il ne voulait pas en même temps que cette paix se fît à l'exclusion du roi de Suède. Mais je ne puis abandonner ce prince dans l'état où il se trouve, ni contribuer à lui faire perdre les secours qu'il reçoit de la Porte“.

Но Людовикъ XIV не призналъ возможнымъ пожертвовать своимъ вѣрнымъ и преданнымъ союзникомъ. Онъ писалъ 18-го іюня 1711 г. своему представителю при московскомъ Царѣ: „Я вижу, что этотъ Государь (Петръ I) продолжаетъ желать, чтобъ мои услуги могли доставить ему миръ съ Турками. Я съ удовольствіемъ содѣйствовалъ бы этому, еслибъ въ то же время онъ не хотѣлъ, чтобъ миръ состоялся помимо шведскаго короля. Но я не могу оставить этого Государя въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится, ни содѣйствовать лишенію его помощи, получаемой имъ отъ Порты“.

Dans sa lettre du 24 juin 1711, le roi confirma cette pensée en termes encore plus catégoriques: „Je vous ai déjà marqué que je n'avais offert ma médiation que dans la vue de procurer au roi de Suède et au Tsar une paix que je croyais avantageuse à l'un et à l'autre. Comme je n'ai jamais eu le dessein de faire perdre au roi de Suède les seuls alliés qui puissent l'aider à rentrer dans ses Etats, je ne puis contribuer à ce que le Tsar désire au préjudice de ce prince“.

Эту мысль король подтвердилъ своему посланнику, въ еще болѣе категорическихъ словахъ, въ письмѣ отъ 24-го іюня 1711 года. „Я уже вамъ указалъ“, — писалъ король, — „что я предлагалъ мое посредничество въ виду лишь предоставленія шведскому королю и Царю мира, который я считалъ выгоднымъ для того и другого. Такъ какъ у меня никогда не было намѣренія заставить короля шведскаго потерять единственнаго своего союзника, который могъ бы ему помочь возвратиться въ свое государство, то я, не могу содѣйствовать желаніямъ Царя во вредъ этому Государю“.

En attendant, Pierre I recevait toujours de nouvelles preuves de la conduite équivoque du roi de France et de son zèle à stimuler l'ardeur belliqueuse des Turcs à l'égard de la Russie. Il ne pouvait plus douter que cette guerre, si dangereuse et si inopportune que la Porte venait de lui déclarer ne fût l'oeuvre des représentants de France et de Suède qui avaient exercé une action

Между тѣмъ, Петръ I получалъ все новыя доказательства, уличающія французскаго короля въ подстрекательствѣ Турокъ къ войнѣ противъ Россіи. У него не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что чрезвычайно неудобная и опасная война, объявленная ему Портою, была вызвана энергическимъ воздѣйствіемъ на нее со стороны представителей Франціи и

sur elle dans ce sens. Les ministres russes énonçaient ces idées sans reticences à Baluze qui s'appliquait énergiquement à nier ces accusations.

Louis XIV lui-même en paraissait indigné et écrivait à son envoyé, en date du 2 juillet 1711, en termes suivants:

„Quoique les Moscovites puissent dire sur ce sujet, je vous ai déjà marqué et je vous confirme encore que mon intention n'est pas de travailler à détacher les Turcs de l'alliance du roi de Suède. Je veux bien d'ailleurs interposer mes offices lorsqu'il en sera question pour ménager la paix entre ce prince et le Tsar, mais je ne vois pas qu'il y ait d'apparence à la conclusion prochaine de ce traité".

Enfin le roi de France croyait devoir insister sur la liberté complète d'action et exposait à son représentant à la Cour de Moscou que personne ne pouvait exiger de lui qu'il reniât ses amis pour s'unir à ses adversaires.

„Je suis maître jusqu'à présent", écrivait le roi à M. de Baluze à la date du 9 juillet 1711, „de traiter avec le roi de Suède, avec le Tsar, avec le roi Auguste et avec le roi de Danemark et, par conséquent, il m'est libre d'appuyer autant que je le juge à propos les intérêts de ceux de ces princes que je croirai devoir ménager".

Il est évident que Pierre I n'avait nullement l'intention de porter atteinte à la liberté d'action du roi de France relativement à ses alliés ou à ses ennemis. Mais d'autre part, il était décidé à se réserver à lui-même une liberté

Швецiи. Эту истину открыто высказывали русскiе министры Балюзу, который энергическимъ образомъ отрицалъ обвиненiе.

Самъ Людовикъ XIV казался возмущеннымъ такимъ „несправедливымъ" обвиненiемъ и писалъ своему посланнику, 2-го iюля 1711 года, слѣдующее:

„Что бы ни говорили Русскiе по этому предмету, я уже вамъ объявилъ и снова подтверждаю, что мое намѣренiе вовсе не состоитъ въ старанiяхъ разстроить союзъ Турокъ со шведскимъ королемъ. Впрочемъ, я готовъ предложить мои услуги, когда наступитъ время для установленiя мира между королемъ и Царемъ. Но я не предвижу возможности скораго заключенiя такого договора".

Наконецъ, французскiй король энергически настаивалъ на своей неограниченной свободѣ дѣйствiй и поставилъ на видъ своему посланнику при дворѣ московскаго Царя, что никто не можетъ отъ него требовать, чтобъ онъ отрекся отъ своихъ друзей и соединился съ своими врагами.

„Я воленъ до сихъ поръ", — писалъ король Балюзу 9-го iюля 1711 года, — „договариваться съ шведскимъ королемъ, съ Царемъ, съ королемъ Августомъ и съ датскимъ королемъ, и, слѣдовательно, въ моей волѣ поддерживать, насколько найду умѣстнымъ, интересы тѣхъ Государей, которыхъ сочту долгомъ оберегать".

Понятно, что Петръ I не имѣлъ никакого намѣренiя покуситься на свободу рѣшенiя французскаго короля относительно его союзниковъ или враговъ. Но, съ другой стороны, онъ самъ намѣренъ былъ сохранять за со-

d'action analogue. La guerre avec la Porte lui donna l'occasion de se convaincre de la duplicité de la politique française: à Yavorow l'envoyé français lui donnait des assurances au sujet de l'amitié du roi et lui proposait sa médiation et son alliance; à Constantinople l'ambassadeur de ce même souverain stimulait les Turcs à lever l'étendard du prophète et à lui déclarer la guerre. Plus celle-ci était dangereuse et inattendue pour le grand reformateur de la Russie, plus il devait à juste titre éprouver d'indignation en vue de cette perfidie de la politique française.

Lorsque cette guerre amena à la catastrophe du Pruth, où Pierre le Grand échappa à grande peine à sa perte par la signature d'un traité, l'irritation du Tsar contre Louis XIV fut si grande qu'il eut de la peine à la dissimuler. Les conditions humiliantes du traité du Pruth, il devait nécessairement les attribuer bien moins aux instances du roi de Suède, battu à Poltava, qu'aux menées de la France auprès de la Porte.

En présence de ces faits, le Tsar ne pouvait que s'étonner de la persistance avec laquelle Baluze s'appliquait à vouloir lui imposer la médiation et l'amitié de la France. Enfin celui-ci reconnut qu'il n'avait plus rien à faire à la Cour du Tsar et demanda à être reçu en audience de congé par Pierre le Grand, à peine revenu de la malheureuse campagne de Turquie. Ajournée à plusieurs reprises, cette audience lui fut accordée à Yaroslaw en août 1711. Elle était si caracteristique, que

бою такую же свободу дѣйствій. Война же Турокъ противъ него вполнѣ убѣдила его въ двуличіи французской политики: въ Яворовѣ французскій посланникъ увѣряетъ его въ дружелюбіи короля и предлагаетъ его посредничество и союзъ; въ Константинополѣ же посолъ того же французскаго короля подстрекаетъ Турокъ поднять знамя пророка и начать противъ Царя войну. Чѣмъ неожиданнѣе и опаснѣе была для великаго преобразователя Россіи эта война, тѣмъ больше долженъ былъ онъ справедливо негодовать на вѣроломность политики французскаго короля.

Когда же эта война привела къ катастрофѣ на берегахъ Прута, гдѣ Петръ В. съ великимъ трудомъ спасся отъ неминуемой гибели подписаніемъ Прутскаго мирнаго трактата, неудовольствіе Царя противъ Людовика XIV было настолько велико, что съ трудомъ скрывалось имъ. Унизительныя условія Прутскаго мира онъ могъ приписывать не столько настояніямъ разбитаго при Полтавѣ шведскаго короля, сколько французскимъ проискамъ при Портѣ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ Царь не могъ не изумляться дальнѣйшимъ безплоднымъ стараніямъ Балюза навязать ему французское посредничество и дружбу. Наконецъ, самъ Балюзъ понялъ, что ему нечего дѣлать при дворѣ московскаго Царя, и онъ сталъ ходатайствовать о прощальной аудіенціи у Петра В., только что вернувшагося изъ несчастнаго турецкаго похода. Послѣ разныхъ отсрочекъ эта торжественная аудіенція состоялась въ Ярославлѣ, въ августѣ 1711 года.

nous croyons devoir en signaler quelques détails d'après le rapport de Baluze du 11 septembre 1711:

„Le 29 (août), j'ai été à huit heures du matin chez le comte de Golowkine, qui se trouvant sur le point d'aller sur le bord du San, m'a proposé d'abord de m'y rendre aussi pour saluer le Tsar. J'ai attendu un peu de temps parceque ce prince écrivait, et je l'ai abordé en présence de son ministre, comme il allait et venait pour ordonner de son départ. Il s'est découvert à mon approche et a reçu le compliment que je lui ai fait en langue polonaise, sur son heureux retour, et sur le voyage qu'il allait entreprendre".

„*Il ne m'a rien répondu*, et s'étant tourné aussitôt du côté de son ministre et de quelqu'un de ses généraux, il a remis son chapeau et m'ayant tourné le dos, il s'est allé d'un bateau à l'autre, réglant les dispositions de son embarquement qui se devait faire après avoir dîné chez le général Gieschof".

„Ce prince", ajoute avec une certaine naïveté l'envoyé français, „son ministre et ses généraux m'ont paru très réservés, et bien embarrassés".

Cette audience de congé, quelque peu originale, mit fin aussi bien à la mission de Baluze qu'aux pourparlers diplomatiques ultérieurs entre Pierre le Grand et Louis XIV. Le comte Golovkine approuva ce départ de l'envoyé français pour Varsovie, d'où il pouvati le cas échéant, écrire au Chancelier.

Она настолько характерна, что мы приведемъ описаніе ея изъ донесенія Балюза королю отъ 11-го сентября 1711 года.

„29-го (августа), въ 8 часовъ утра",— пишетъ французскій посланникъ,— „я былъ у графа Головкина, который, собираясь отправиться на берега Сана, предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ представиться Царю. Я подождалъ нѣсколько времени, потому что Государь писалъ, и подошелъ къ нему, въ присутствіи его министра, въ то время, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ, отдавая приказанія относительно своего отъѣзда. Когда я подошелъ, онъ снялъ шляпу и выслушалъ привѣтствіе, которое я сказалъ ему по-польски, по случаю благополучнаго его возвращенія и предпринимаемаго имъ путешествія".

„*Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ*, тотчасъ же обратился къ своему министру и къ одному изъ своихъ генераловъ, снова надѣлъ шляпу и, повернувшись ко мнѣ спиной, началъ переходить отъ одной лодки къ другой, отдавая приказанія относительно своего отплытія, которое должно было имѣть мѣсто по окончаніи обѣда у генерала Гишофа".

„Монархъ этотъ",—съ нѣкоторою наивностію прибавляетъ французскій посланникъ,—„его министръ и генералы показались мнѣ весьма сдержанными и смущенными".

Эта оригинальная прощальная аудіенція положила конецъ какъ чрезвычайной миссіи Балюза, такъ и дальнѣйшимъ дипломатическимъ переговорамъ между Петромъ В. и королемъ Людовикомъ XIV. Графъ Головкинъ очень одобрилъ отъѣздъ французскаго посланника въ Варшаву, откуда онъ

Volkow étant déjà arrivé à Paris, le Tsar avait la possibilité de s'engager, s'il y a lieu, dans un échange d'idées avec le roi de France.

C'est ce que fit Baluze: il se rendit à Varsovie et adressait de là des rapports à sa Cour sur les affaires de Russie, d'après des informations de seconde main *).

Ainsi la seconde ambassade de M. de Baluze en Russie fut aussi stérile que la première: elles n'ont amené ni un rapprochement entre la Russie et la France. ni la conclusion d'un engagement international quelconque entre les deux pays. Louis XIV est resté fidèle aux traditions de la politique française et jugeait impossible de renoncer à la Suède, qu'il considérait comme un ami et un allié séculaire de la France. Il fermait en même temps volontairement les yeux devant l'astre ascendant de Pierre le Grand et refusait de reconnaître à la Russie la place qu'elle s'était conquise au sein des puissances de l'Europe, grâce au génie puissant de ce Réformateur héroïque.

Ce n'est qu'après la mort de Louis XIV qu'un revirement complet s'est produit dans les traditions de la politique française et qu'un traité international fut signé entre la Russie et la France en 1717.

F. M.

*) Toute la correspondance diplomatique concernant cette seconde ambassade, si infructueuse, de Baluze se trouve réunie dans le Recueil de la Société historique Imp. Russe T. XXXIV, p. 51—85, 425—479.

могъ, еслибъ считалъ это нужнымъ, писать Канцлеру. И такъ какъ Волковъ уже прибылъ въ Парижъ, то, по словамъ Головкина, Царь всегда можетъ, когда нужно, вступить въ обмѣнъ мыслей съ французскимъ королемъ.

Балюзъ такъ и сдѣлалъ: онъ выѣхалъ въ октябрѣ 1711 года въ Варшаву и оттуда посылалъ своему двору донесенія о русскихъ дѣлахъ на основаніи извѣстій изъ вторыхъ рукъ *).

Такимъ образомъ, второе посольство Балюза въ Россію кончилось столь же неудачно, какъ и первое: оба не привели ни къ сближенію между Россіею и Франціею, ни къ заключенію какого-либо международнаго обязательства. Король Людовикъ XIV оставался до своей кончины вѣренъ историческимъ преданіямъ французской политики и не призналъ возможнымъ отказаться отъ вѣкового друга и союзника Франціи — Швеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, король умышленно закрывалъ глаза предъ восходящимъ сѣвернымъ солнцемъ — Петромъ I и не желалъ признать за Россіею то мѣсто въ средѣ европейскихъ державъ, которое она себѣ завоевала благодаря своему геніальному богатырю-Преобразователю.

Только послѣ смерти Людовика XIV совершается радикальный переворотъ во французской традиціонной политикѣ, и въ 1717 году подписывается первый международный трактатъ между Россіею и Франціею.

Ф. М.

*) Вся дипломатическая переписка, относящаяся ко второй неудачной миссіи Балюза, собрана въ „Сборникѣ И. Р. Истор. Общества", т. XXXIV, стр. 51—85; 425—479.

№ 471.

1717, 4 (15) août. Traité d'alliance, conclu à Amsterdam entre la Russie, la Prusse et la France. (Recueil complet des Lois № 3098).

La mort de Louis XIV produisit un revirement sérieux dans les relations mutuelles entre la Russie et la France. Jusqu'à sa mort ce souverain était resté fidèle à l'alliance avec la Suède et ne consentait pas à un rapprochement avec le grand Réformateur de la Russie. Il est vrai qu'en dépit de l'issue fâcheuse de l'ambassade de Baluze, les relations entre les deux gouvernements n'ont pas subi d'interruption, mais elles concernaient presque exclusivement les opérations commerciales et n'amenaient en fin de compte aucun résultat satisfaisant.

Ainsi au commencement de 1715, Pierre I nomma pour la première fois un consul de Russie en France dans la personne de Jean Lefort, qui fut emprisonné à cause d'une dette à un commerçant français, non liquidée. Mais il obtint bientôt sa liberté par ordre du gouvernement français qui le reconnut comme „chargé des affaires du Tsar de Moscovie" *).

D'autre part, le gouvernement français envoya en Russie un certain M. Lavie, en qualité de „commissaire de la marine royale" ou de „consul de la nation française".

En vertu de ses instructions du 2 février 1714, Lavie avait pour mission de recueillir en Russie les renseignements qui pouvaient être utiles au commerce des Français dans ce pays. Il devait étudier le terrain local en vue de donner plus d'extension à ce commerce, élucider la question

*) Recueil de la Société historique Impériale Russe, T. XXXIV, p. 507.

№ 471.

1717 г., августа 4-го (15-го). Союзный трактатъ, заключенный въ Амстердамѣ между Россіей, Пруссіей и Франціей. (П. С. З. № 3098).

Кончина короля Людовика XIV произвела существенный переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и Франціей. До самой смерти Людовикъ XIV оставался вѣрнымъ союзу съ Швеціей и не соглашался сблизиться съ великимъ Преобразователемъ Россіи. Правда, послѣ неудачнаго исхода посольства Балюза, сношенія между обоими правительствами не прекращались. Но они почти исключительно касались торговыхъ оборотовъ и не приводили ни къ какому удовлетворительному результату.

Такъ, въ началѣ 1715 года Петръ I назначаетъ во Францію перваго русскаго консула въ лицѣ Ивана Лефора, который въ 1716 году подвергся заключенію въ тюрьму за неплатежъ своего долга французскому купцу. Изъ тюрьмы Лефоръ былъ, однако, весьма скоро освобожденъ по распоряженію самого французскаго правительства, признавшаго его „повѣреннымъ въ дѣлахъ" московскаго Царя *).

Съ другой стороны, французское правительство назначило въ 1714 года въ Россію нѣкоего Лави, которому оно дало титулъ „коммиссара по морскимъ дѣламъ" или „консула французской націи".

Въ силу инструкціи отъ 2-го февраля 1714 года, Лави было вмѣнено въ обязанность собирать въ Россіи всѣ свѣдѣнія, которыя могли бы быть полезны для французской торговли въ Россіи. Онъ долженъ былъ ознакомиться со всѣми условіями для лучшаго раз-

*) Сборникъ И. Р. Историческаго Общества, т. XXXIV, стр. 507.

de savoir quelles marchandises françaises pourraient facilement trouver du débit en Russie et quelles marchandises russes importées en France, enfin se renseigner sur les conditions faites en Russie au commerce des Anglais, des Hollandais, des négociants de Hambourg etc.

Arrivé à St. Pétersbourg, Lavie s'appliqua par ses rapports à prédisposer son gouvernement en faveur d'un rapprochement avec la Russie. Il s'exprimait en ces termes sur le compte de Pierre I: „Il a de l'élévation, il se pique d'être esclave de sa parole et il a de l'inclination pour la France par l'admiration que la grandeur de la couronne lui a donnée". (Rapport de Lavie de février 1715.)

C'est à cette époque que Pierre I recommanda à la bienveillance du gouvernement français 20 jeunes gens russes, recrutés parmi les meilleures familles et désignés par lui pour faire partie de la flotte française, en qualité d'aspirants de marine. Quoiqu'il en soit, tous les soins appliqués par Lefort et par Lavie pour amener un rapprochement entre la Russie et la France restaient stériles.

Seul le voyage de Pierre I en France exerça l'action voulue sur le gouvernement français et détermina le duc d'Orléans à contracter un traité d'alliance avec la Russie. Ce n'est qu'après bien des hésitations qu'il s'arrêta à cette décision et à la suite de l'impossibilité d'amener le roi de Suède à reconnaitre la nécessité de faire des concessions au Tsar vainqueur. Ces oscillations de la politique française s'expliquent non seulement par l'amitié traditionnelle entre la France et la Suède, mais encore par la lutte des partis à la Cour de Versailles. L'abbé Dubois, favori du prince-régent et très puissant à ce moment, était l'ennemi principal d'un rapprochement entre la Russie et la France; il était entièrement à la dévotion de l'Angleterre, qui entretenait à l'égard de la Russie des sentiments manifestement hostiles. (Voir le présent „Recueil des traités", T. X, №№ 377 et suiv.). D'autre part, le maréchal d'Huxelles, secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères, était plutôt disposé en faveur d'une alliance avec la Russie, bien qu'il hésitât longtemps à se prononcer dans ce sens

Au contraire, jusqu'au printemps 1717, c. a. d. jusqu'à l'arrivé du Tsar à Paris, le gouvernement français avait en quelque sorte la crainte de montrer trop d'empressement pour un rapprochement avec la Russie. Il venait de signer un

витія этой торговли, выяснить, какіе французскіе товары могли бы находить сбытъ въ Россію и какіе русскіе товары могли бы вывозиться изъ Россіи во Францію, изучить условія, при которыхъ торгуютъ въ Россіи Англичане, Голландцы и Гамбургскіе купцы и т. п.

Лави прибылъ въ С.-Петербургъ и старался своими донесеніями расположить свое правительство въ пользу сближенія съ Россіею. О Петрѣ I онъ писалъ, что „образъ мыслей его возвышенъ, что онъ старается быть рабомъ своего слова и что онъ расположенъ къ Франціи, вслѣдствіе восхищенія, внушеннаго ему величіемъ этой державы". (Донесеніе Лави отъ февраля 1715 г.).

Кромѣ того, въ это же время особенному вниманію французскаго правительства были рекомендованы 20 молодыхъ Русскихъ, изъ лучшихъ семействъ, назначенныхъ Петромъ I для отправленія во Францію съ цѣлью опредѣлить во французскій королевскій флотъ въ качествѣ гардемариновъ. Однако, ни усилія Лефора, ни старанія Лави не привели къ дѣйствительному сближенію между Россіей и Франціей.

Только поѣздка самого Петра I во Францію возымѣла на французское правительство требуемое вліяніе и заставила принца Орлеанскаго рѣшиться на заключеніе союзнаго трактата съ Россіею. На этотъ шагъ онъ склонился послѣ весьма продолжительныхъ колебаній и въ виду явной невозможности привести шведскаго короля къ сознанію необходимости сдѣлать уступки своему побѣдителю, русскому Царю. Эти колебанія французской политики не только объясняются традиціонною дружбою между Франціей и Швеціей, но равнымъ образомъ борьбою политическихъ партій при Версальскомъ дворѣ. Главнымъ противникомъ сближенія Франціи съ Россіей былъ вліятельнѣйшій аббатъ Дюбуа, фаворитъ принца-регента, всею душею преданный Англіи, бывшей въ явной враждѣ съ Россіей. (Срав. настоящее „Собр. трактатовъ", т. X, №№ 377 и слѣд.). Съ другой стороны, маршалъ д'Икселль, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, болѣе склонялся въ пользу союза съ Россіей, хотя долго колебался открыто высказаться въ этомъ смыслѣ.

Напротивъ, до весны 1717 года, т. е. до пріѣзда Царя въ Парижъ, французское правительство видимо боялось идти слишкомъ далеко въ своей готовности сблизиться съ Россіей. Оно только что подписало союзный трактатъ съ Англіей

traité d'alliance avec l'Angleterre et la Hollande *) et redoutait d'indisposer l'un de ses nouveaux alliés. C'est pourquoi le prince-régent jugea plus prudent de commencer par conclure avec la Russie un traité de commerce, en laissant ouverte la question de l'alliance.

Le gouvernement français adressait des instructions dans ce sens à ses deux représentants par l'entremise desquels fut soulevée la question d'un rapprochement entre la Russie et la France. Ces deux diplomates français étaient le comte Rothembourg à Berlin et le marquis de Chateauneuf à La Haye. Le premier notifia le désir du prince-régent de contracter une alliance avec le Tsar, et le second fut chargé d'y préparer le terrain par un échange d'idées avec les ministres, qui avaient accompagné le Tsar en Hollande au commencement de 1717.

A l'arrivée de Pierre I dans ce pays, le ministre de France eut la mission d'entrer avec la plus grande circonspection en pourparlers avec le comte Golovkine, Schafirow et le prince Kourakine, attachés à la personne du Tsar, sur l'éventualité d'un rapprochement entre la Russie et la France. M. de Chateauneuf devait faire des insinuations à ce sujet, bien que ce rapprochement fût par lui-même „peu utile" à la Cour de Versailles. Le ministre devait en outre ne pas perdre de vue deux considérations essentielles: 1) de ne mettre aucune précipitation dans la marche de ces pourparlers, et 2) de faire croire que l'initiative en émanait du Tsar, et non du roi de France **).

Ces idées principales furent développées avec plus de détail dans les instructions adressées à M. de Chateauneuf par le maréchal d'Huxelles en date du 13 janvier 1717. On recommande au ministre de France de ne mettre aucune hâte dans les négociations avec les plénipotentiaires du Tsar et de les traîner en longueur autant que possible. Il devait y procéder habilement, sans faire supposer qu'il agit avec préméditation. En fin de compte M. de Chateauneuf ne pouvait traiter sérieusement qu'une seule question—celle de la conclusion d'un traité de commerce, que le roi de France désirait de tout temps voir réglée. (Lettre du roi à Chateauneuf du 19 mars 1717.)

*) En janvier 1717.

**) Le Roi à M. de Chateauneuf.—Paris, 5 janvier 1717. Rambaud. Recueil des Instructions, t. I, p. 138 et suiv.

и Голландіей *) и опасалось возбудить неудовольствіе одного изъ своихъ новыхъ союзниковъ. Вотъ почему принцъ-регентъ призналъ болѣе осторожнымъ сперва заключить съ Россіей торговый трактатъ, оставляя открытымъ вопросъ о союзѣ.

Въ этомъ самомъ смыслѣ наставляло французское правительство своихъ обоихъ представителей за границею, чрезъ посредство которыхъ былъ возбужденъ вопросъ о сближеніи Франціи съ Россіею Этими французскими дипломатами были графъ Ротенбургъ въ Берлинѣ и маркизъ Шатонефъ въ Гаагѣ. Первый заявилъ о желаніи принца-регента войдти въ соглашеніе съ Царемъ, а второму было поручено подготовить почву для этого соглашенія посредствомъ обмѣна мыслей съ министрами Царя, прибывшими съ нимъ въ началѣ 1717 года въ Голландію.

Когда Петръ I пріѣхалъ въ Голландію, французскому посланнику было поручено очень осторожно вступить въ разговоръ съ графомъ Головкинымъ, Шафировымъ и княземъ Куракинымъ, состоявшими при особѣ Царя, о возможности сближенія между Франціей и Россіей. Шатонефъ долженъ былъ намекнуть на возможность такого сближенія, хотя оно и „мало полезно" для Версальскаго двора. При этомъ посланникъ постоянно долженъ былъ помнить двѣ вещи: 1) что нечего спѣшить въ этихъ переговорахъ, и 2) что они должны сохранять видъ, что вызваны по почину Царя, а не французскаго короля **).

Эти основныя положенія были еще болѣе развиты въ инструкціи, которую французскій посланникъ Шатонефъ получилъ отъ маршала д'Икселль отъ 13-го января 1717 года. Посланнику вмѣняется въ обязанность ни въ какомъ случаѣ не поспѣшать переговорами съ уполномоченными русскаго Царя, но затягивать эти переговоры насколько возможно. Только онъ долженъ это дѣлать умѣючи, не давая чувствовать, что онъ намѣренно это дѣлаетъ. Въ концѣ концовъ Шатонефъ могъ серьезно поставить только одинъ вопросъ, а именно о заключеніи торговаго трактата, котораго всегда желалъ французскій король. (Письмо короля къ Шатонефу отъ 19-го марта 1717 г.).

*) Въ январѣ 1717 г.

**) „Le Roi à M. de Chateauneuf.—Paris, 5 janvier 1717", у Rambaud, Recueil des Instructions. t. I, p. 138 et suiv.

Des instructions de cette nature ne devaient nécessairement pas contribuer à faire avancer les pourparlers au sujet de la conclusion d'une alliance entre la Russie et la France. Pierre I accueillit avec empressement les ouvertures quant à un échange d'idées à ce sujet, et approuvait les efforts tentés par le Cabinet de Berlin dans ce sens. La Prusse était très intéressée au succés de cette affaire, qui avait pris naissance à Berlin à la suite des négociations entre les ministres prussiens et le représentant de la France *).

Toutefois Pierre I ne voulait pas s'engager dans des négociations sérieuses au sujet d'une alliance avec la France, sans connaître quels devaient en être le but et les conditions, selon l'avis de la Cour de Versailles. Aussi ordonna-t-il au comte Golowkine, qui se trouvait en Hollande, de se renseigner auprès de Chateauneuf, quelles seraient les obligations, que le roi de France se proposerait d'assumer à l'égard de ses alliés. En attendant, Chateauneuf avait reçu l'ordre de ne faire aucune confidence et de trainer les négociations en longueur. La seule communication, qu'il crut pouvoir faire, c'est que la France ne pouvait d'aucune manière se prononcer contre la Suède, un allié séculaire, et que la Russie devait assister le roi dans une guerre éventuelle avec l'Empereur. Pierre I refusa catégoriquement de consentir à cette dernière clause, ne voulant pas prendre d'engagement pour l'avenir, visant une collision avec l'Empire d'Allemagne. Il refusa également d'entretenir une armée permanente russe dans ce pays, comme l'insinuait timidement Chateauneuf, selon le désir de la Cour de Versailles. Quant à la Suède, il déclara péremptoirement, qu'il ne renoncerait d'aucune manière aux provinces enlevées à ce pays.

Tel était l'état des pourparlers entre la Russie et la France au printemps 1717, lorsque le Tsar se décida de mettre à exécution le projet, médité depuis longtemps, de visiter la France. Différents motifs le portaient à ce voyage. Avide de connaissances, le grand Réformateur était impatient de voir par lui-même ce pays, dont il admirait depuis longtemps les chefs-d'oeuvre dans le domaine de l'art et de l'industrie. Il lui tardait de visiter les fabriques et les ateliers de Paris. Il désirait en outre se rapprocher de la nation et du roi de France et établir à l'ave-

*) Voir mon Recueil des traités, t. V, p. 157 et suiv.

Такія инструкціи не въ состояніи были подвинуть впередъ переговоры о заключеніи союза между Россіей и Франціей. Петръ I съ удовольствіемъ принялъ предложеніе объ обмѣнѣ мыслей по этому предмету и одобрялъ старанія въ этомъ смыслѣ со стороны Берлинскаго кабинета. Пруссія была значительно заинтересована въ счастливомъ окончаніи этого дѣла, возникшаго въ Берлинѣ путемъ личныхъ переговоровъ между прусскими министрами и французскимъ посланникомъ *).

Однако, Петръ I не желалъ вступать въ серьезные переговоры о союзѣ съ Франціей, пока онъ не узналъ, въ чемъ должны заключаться, по мнѣнію Версальскаго двора, цѣль и условія этого союза. Поэтому онъ приказалъ гр. Головкину, находившемуся въ Голландіи, узнать отъ Шатонефа, какія обязательства въ отношеніи союзниковъ намѣренъ принять на себя французскій король. Между тѣмъ Шатонефу было приказано ничего не говорить объ этомъ и затягивать до крайности дипломатическіе переговоры. Онъ только считалъ возможнымъ замѣтить, что Франція не можетъ идти противъ ея вѣкового союзника, Швеціи, и что Россія должна, въ случаѣ надобности, помогать Франціи противъ Императора. На последнее условіе Петръ I наотрѣзъ отказался согласиться, не желая связывать себя на будущее время и участвовать въ войнѣ противъ Цесаря. Равнымъ образомъ Царь не соглашался, по желанію Версальскаго двора, робко заявленному Шатонефомъ, содержать въ Германіи постоянное русское войско. Что же касается до Швеціи, то Царь самымъ категорическимъ образомъ объявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ сдѣланныхъ имъ у нея завоеваній.

Въ такомъ положеніи находились переговоры между Россіей и Франціей весною 1717 года, когда Царь рѣшился исполнить свое давнишнее намѣреніе посѣтить Францію. Множество было причинъ для такой поѣздки. Прежде всего—ненасытная любознательность великаго Преобразователя видѣть собственными глазами страну, съ чудными произведеніями которой, въ области искусства и техники, онъ уже былъ немного знакомъ. Ему хотѣлось самому побывать на парижскихъ фабрикахъ и въ мастерскихъ. Кромѣ того, онъ

*) Срав. мое „Собраніе трактатовъ", т. V, стр. 157 и слѣд.

nir des relations plus normales, à l'avantage mutuel des deux pays. D'ailleurs la guerre du Nord pesait à Pierre I qui désirait avec ardeur la voir terminée. Il avait tout lieu de croire que le roi de France pourrait contribuer pour une bonne part au but, qu'il poursuivait depuis si longtemps: la conclusion de la paix avec la Suède.

Enfin, il y avait encore une raison toute spéciale, qui détermina Pierre I à se rendre d'Amsterdam à Paris. En décembre 1716 il reçut une lettre de Conon Zotow, son agent à Paris, qui lui écrivait en ces termes:

„Bonmazari (un autre agent russe pour les affaires maritimes) a parlé à d'Estrées du mariage du tsarévitch Alexis avec une princesse européenne et lui a demandé adroitement, s'il ne conviendrait pas à la Cour de France de marier le Tsarévitch avec une princesse française, par exemple avec une fille du duc d'Orléans: à quoi le maréchal a répondu, qu'il était très heureux d'une si bonne pensée, et il ajouta, qu'on ne saurait rien refuser à Sa Majesté Tsarienne. Le maréchal a tout raconté au Duc qui a dit: „J'en serais si content, que je voudrais que cela se fit aujourd'hui“ *).

D'après le témoignage de notre historien Soloview, cet espoir, que rien ne lui serait refusé, fut une des causes, qui a déterminé le voyage du Tsar en France. En dehors de cela, l'idée d'un mariage de sa fille Elisabeth avec Louis XV préoccupait sérieusement Pierre I et il n'a cessé d'y penser jusqu'à sa mort.

Quoi qu'il en soit, Pierre I quitta la Hollande en avril et arriva à Paris le 29 du même mois pour y rester jusqu'au 20 juin. Il faut rendre justice au gouvernement français qu'il n'avait ménagé ni les soins, ni l'argent pour faire une brillante réception au Tsar qui, avec une suite de 60 personnes, fut pendant tout son séjour entretenu aux frais du trésor; une somme de 1500 livres par jour fut assignée à cette dépense.

Ce n'est pas le lieu ici de parler du séjour de Pierre I à Paris, où il charmait tout le monde par la simplicité de ses moeurs et une soif sans bornes d'instruction. L'entrevue avec le roi de France, agé de six ans, que le Tsar

*) Soloview. Histoire de Russie, t. XVII, ch. I.

серьезно желалъ сблизиться съ французскимъ народомъ и королемъ и установить на будущее время болѣе нормальныя и обоюдно выгодныя отношенія. Петръ I серьезно тяготился нескончаемою Сѣверною войною и искренно желалъ ея прекращенія. Онъ имѣлъ много основаній думать, что французскій король въ значительной степени можетъ содѣйствовать завѣтной цѣли: миру съ Швеціей.

Наконецъ, была еще особенная причина, заставившая Петра I отправиться въ Парижъ изъ Амстердама. Въ декабрѣ 1716 года Царь получилъ отъ своего агента въ Парижѣ, Конона Зотова, письмо слѣдующаго содержанія:

„Бонмазари (другой русскій агентъ по морскимъ дѣламъ) говорилъ съ Дэтре о женитьбѣ (вторичной) царевича Алексѣя на европской принцессѣ, и искусно спросилъ, не угодно ли будетъ двору французскому царевича женить на принцессѣ французской, именно на дочери дюка д'Орлеанса? – на что маршалъ отвѣчалъ, что весьма радъ слышать такую добрую мысль, и сказалъ, что Царскому Величеству ни въ чемъ здѣсь не откажутъ. Маршалъ объявилъ обо всемъ дюку, который сказалъ: „Я-де бы радъ былъ, чтобы сіе сегодня учинилося“ *).

По словамъ нашего историка, С. М. Соловьева, надежда, что французское правительство ни въ чемъ не откажетъ, была одною изъ причинъ поѣздки Царя во Францію. Кромѣ того, мысль о возможности брака его дочери Елизаветы съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV глубоко запала въ душу Петра I и не покидала его вплоть до самой его кончины.

Какъ бы то ни было, въ апрѣлѣ 1717 года Петръ I выѣхалъ изъ Голландіи и 29 апрѣля прибылъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 20 іюня. Надо отдать справедливость французскому правительству, что оно не пожалѣло ни труда, ни денегъ для блестящаго и радушнаго пріема русскаго Царя, который во все свое пребываніе во Франціи, со свитою въ 60 человѣкъ, жилъ на счетъ французской казны. На содержаніе Царя и его многочисленной свиты изъ французской казны было назначено по 1500 ливровъ въ сутки.

Здѣсь не мѣсто разсказывать о пребываніи Петра I въ Парижѣ, гдѣ онъ всѣхъ приводилъ въ изумленіе простотою своего нрава и безпредѣльною любознательностью. Встрѣча его съ шестилѣтнимъ французскимъ королемъ,

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVII, глава I.

prit dans ses bras et embrassa plusieurs fois avec effusion produisit une impression profonde sur le public français. Saint-Simon, qui rend compte en détail du séjour de Pierre I en France, s'exprime en ces termes à ce sujet: „on ne peut montrer plus d'esprit, de grâces, ni de tendresse pour le roi, que le Tsar en fit paraître en toute occasion“.

Pierre I fut frappé du luxe qu'il trouva en France et surtout à la Cour. Il disait, avec chagrin, que ce luxe causerait bientôt la perte de la nation française.

D'après le témoignage de ce même célèbre historiographe français, Pierre I était animé de la pensée de conclure une alliance avec la France et, ajoute Saint-Simon, „rien ne convenait mieux à notre commerce, à notre considération dans le Nord, en Allemagne et par toute l'Europe... On ne peut nier qu'il ne fît une grande figure en Europe et en Asie et que la France n'eut infiniment profité d'une union étroite avec lui“ *).

En attendant, dit tristement Saint-Simon en terminant, tous mes efforts pour exposer au Régent l'importance d'un accord entre la Russie et la France sont restés stériles, grâce à l'ascendant magique exercé sur lui par l'abbé Dubois: suborné par le gouvernement anglais, il s'applique à retenir le Régent dans les filets de la politique anglaise.

Ces conclusions de Saint-Simon furent entièrement confirmées par la marche des pourparlers entre les plénipotentiaires de la Russie et de la France au sujet du traité d'alliance. Ce n'est qu'après de grands efforts que le but fut enfin atteint.

Les instructions données au maréchal de Tessé prouvent comme le duc d'Orleans ne se rendait nullement compte de l'utilité d'une alliance avec la Russie. Le maréchal fut désigné par le duc pour être attaché à la personne du Tsar pendant tout le temps de son séjour en France. En vue des pourparlers entamés à Amsterdam avec le ministre de France au sujet d'un traité d'alliance, le maréchal fut appelé à les poursuivre à Paris avec les ministres du Tsar et reçut des instructions dont voici le but et la teneur: le roi a soin de rappeler au maréchal qu'il ne se propose ni de rompre ses engagements vis-à-vis du roi de Suède, ni de conclure avec le Tsar

*) Comp Saint-Simon. Mémoires, t. IX, chap. XVI, p. 236 et suiv. (éd. de 1857).

котораго Царь взялъ на руки и поцѣловалъ нѣсколько разъ съ необыкновенною нѣжностью, произвела глубокое впечатлѣніе на французскую публику. Сенъ-Симонъ, давшій подробный отчетъ о пребываніи Петра I во Франціи, замѣчаетъ, „что нельзя было показать больше ума, дружбы и нѣжности королю, чѣмъ Царь постоянно показывалъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ I былъ пораженъ роскошью, которую онъ видѣлъ во Франціи и въ особенности при дворѣ. Съ грустью онъ говорилъ, что отъ этой роскоши скоро погибнетъ французскій народъ.

По словамъ того же знаменитаго французскаго исторіографа, Петръ I въ высшей степени былъ воодушевленъ мыслью заключить союзъ съ Франціей и,—прибавляетъ Сенъ-Симонъ,—„ничего не отвѣчало лучше нашей торговлѣ, нашему значенію на Сѣверѣ, въ Германіи и повсюду въ Европѣ... Нельзя было отрицать, что это былъ великій человѣкъ въ Европѣ и въ Азіи, и что Франція очень много выиграла бы чрезъ тѣсный союзъ съ нимъ“ *).

Между тѣмъ,—съ грустью заключаетъ Сенъ-Симонъ,—всѣ мои усилія объяснить регенту, герцогу Орлеанскому, значеніе союза Франціи съ Россіей остаются тщетными, благодаря обворожительному на него вліянію аббата Дюбуа, который совершенно подкупленъ Англіею и всѣми средствами старается удерживать регента въ сѣтяхъ англійской политики.

Это заключеніе Сенъ-Симона вполнѣ подтверждается ходомъ дипломатическихъ переговоровъ между уполномоченными Россіи и Франціи относительно союзнаго трактата. Только послѣ весьма большихъ усилій цѣль была наконецъ достигнута.

Насколько герцогъ Орлеанскій мало понималъ пользу союза съ Россіей, видно изъ инструкціи, данной имъ маршалу Тессе. Послѣдній былъ назначенъ герцогомъ состоять неотлучно при русскомъ Царѣ во все время пребыванія его во Франціи. Въ виду уже начатыхъ въ Амстердамѣ переговоровъ съ французскимъ посланникомъ о заключеніи союзнаго трактата, маршалу Тессе была дана подробная инструкція для переговоровъ въ Парижѣ съ царскими министрами. Вотъ, въ немногихъ словахъ, содержаніе и цѣль этой инструкціи. Король напоминаетъ, прежде всего, маршалу Тессе, что онъ не намѣренъ ни

*) Срав. Saint-Simon. Mémoires, t. IX, chap. XVI, p. 236 et suiv. (éd. de 1857).

un traité, en vertu duquel il serait dans le cas de sortir du rôle d'un „simple médiateur".

Dans les pourparlers avec les plénipotentiaires du Tsar, le maréchal pouvait laisser entendre, comme de lui-même, qu'on pouvait conclure „un traité de bonne correspondance et d'amitié" et faire, en même temps, „une convention particulière et qui demeurerait secrète pour régler d'avance les assistances qu'on donnerait au Tzar, s'il employait ses forces en faveur du roi ou de ses alliés et particulièrement pour le secours du roi de Prusse". Le roi ne saurait en même temps prendre aucun engagement contraire au traité d'alliance de La Haye, conclu en 1717 entre la France, la Hollande et l'Angleterre.

Le Régent partageait entièrement l'idée du roi de Prusse qu'il serait avantageux de conclure une alliance entre la France, la Prusse et la Russie. Mais avant de procéder à la signature de cet acte, il fallait connaître la tournure que prendraient les affaires dans le Nord, et dans quelle mesure le Tsar pourrait prêter un concours à ses alliés. D'autre part la conclusion d'un traité de commerce entre la Russie et la France est non seulement désirable, mais possible, après que les conditions des opérations commerciales entre les deux pays auraient été préalablement étudiées *).

Le maréchal de Tessé eut une première conférence avec les plénipotentiaires russes le 17 mai 1717. Ceux-ci ne lui laissèrent aucun doute la dessus que, selon l'avis du Tsar, la Russie devait prendre la place de la Suède dans le système politique de la France, vu qu'elle est toute disposée à contracter un accord intime avec le roi. Dans ces conditions la France pourra compter sur un allié puissant au Nord de l'Europe, au lieu de la Suède en pleine dissolution. Il est évident que les subsides qu'elle payait à cette puissance devront à l'avenir être servis à la Russie. Le Tsar consentait à ne réclamer de la France que 300,000 écus par an

*) Recueil de la Société historique Impériale Russe, t. XXXIV, p. 510 et suiv.

нарушить своихъ обязательствъ въ отношеніи своего союзника, короля шведскаго, ни заключить съ Царемъ договоръ, въ силу котораго онъ долженъ былъ бы выйдти изъ роли „простого посредника".

Въ переговорахъ съ уполномоченными Царя маршалъ Тессе можетъ дать понять, „какъ бы отъ себя самого", что можно заключить „договоръ о добромъ согласіи и дружбѣ" и, въ то же время, „составить особенное условіе, хранимое въ тайнѣ, для предварительнаго соглашенія о помощи, которую можно бы дать Царю, если онъ употребитъ свои силы въ пользу короля и его союзниковъ, въ особенности для оказанія помощи прусскому королю". Вмѣстѣ съ тѣмъ король не намѣренъ принять никакого обязательства, противнаго постановленіямъ Гаагскаго союзнаго трактата, заключеннаго въ 1717 году между Франціей, Голландіей и Англіей.

Регентъ Франціи, герцогъ Орлеанскій, вполнѣ раздѣляетъ убѣжденіе союзника Франціи, короля прусскаго, что было бы весьма выгодно заключить союзъ между Франціею, Пруссіею и Россіею. Но раньше, чѣмъ заключить подобный актъ, нужно знать, какую развязку примутъ дѣла на Сѣверѣ и какую помощь въ состояніи оказать Царь своимъ союзникамъ. Съ другой стороны, заключеніе коммерческаго трактата между Франціею и Россіею представляется не только желательнымъ, но и возможнымъ, послѣ предварительнаго изученія условій торговыхъ оборотовъ между обѣими странами *).

Маршалъ Тессе имѣлъ первую свою конференцію съ русскими уполномоченными 17 мая 1717 года. Послѣдніе не оставили у французскаго маршала ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, по желанію Царя, мѣсто Швеціи въ политической системѣ Франціи должна отнынѣ занимать Россія, ибо послѣдняя готова вступить въ гласный союзъ съ французскимъ королемъ. Въ такомъ случаѣ Франція получитъ новаго и могущественнаго союзника на Сѣверѣ Европы вмѣсто разслабленной и разлагающейся Швеціи. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ и платимая Франціей Швеціи денежная субсидія должна впредь уплачиваться Россіи. Царь соглашался не требовать отъ Франціи болѣе 300,000 червонцевъ въ годъ.

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. XXXIV, стр. 510 и слѣд.

Le maréchal de Tessé rapportait à son gouvernement que les ministres du Tsar lui avaient exposé, avec une remarquable lucidité, tous les avantages que la France pourrait retirer d'une alliance franco-russe. „Lorsque vous aurez mis dans votre alliance", disaient-ils au maréchal, „le Czar, au lieu et place de la Suède, ledit Czar vous tiendra lieu de tout ce que vous pouvez espérer de la Suède. De sorte que puisque vous ne pouvez ni ne voulez garantir les conquêtes que le Czar a faites sur la Suède, il consent que vous ne les garantissez pas, mais il vous demande d'entrer avec nous au lieu et place de la Suède". „De là je conclus", disaient les plénipotentiaires russes au nom de leur Souverain, „que moi, Czar, je dois avoir de vous le même traitement que vous faites à la Suède, puisque je vous tiendrai lieu non seulement de la dite Suède, mais je vous amène la Prusse".

Le maréchal de Tessé devait nécessairement reconnaître que ces arguments du Tsar de Russie ne lassaient pas que d'être fondés, et dit à cette occasion: „Si nous (français) avons été assez sots pour conclure inutilement un traité avec la Suède et que par ce traité nous lui avons donné de l'argent", il n'y a lieu qu'à le regretter. Mais il reconnut qu'il a été poussé au pied du mur lorsqu'on lui fit, au nom du Czar, la déclaration suivante:

„Je veux, moi Czar, tenir lieu de la Suède, je veux vous garantir vos traités; je vous offre mon alliance avec celle de Prusse et celle de Pologne; je ne vous demande nulle garantie de mes conquêtes. Je vois dans l'avenir que la puissance formidable de la maison d'Autriche nous doit alarmer, mettez moi au lieu et place de la Suède, et je vous tiens lieu par ce traité et de tout ce que vous pouviez espérer de la Suède et de tout ce que vous pouvez et devez être en soupçon apparent de la puissance de l'Empereur". (Rapport du maréchal de Tessé du 19 mai 1717).

Le Cabinet de Versailles prit en sérieuse considération les ouvertures du Tsar au sujet de la conclusion d'une alliance, mais il n'accordait pas que la Russie pût remplacer la Suède qui avait garanti dans le temps à la France les traités de Westphalie. En outre, il ne trouvait aucune nécessité de payer des subsides au Tsar, comme il en a payé au roi de Suède, qui était un ancien allié. (Lettre du maréchal d'Huxelles au maréchal de Tessé du 20 mai 1717).

Маршалъ Тессе доноситъ своему правительству, что царскіе министры весьма наглядно ему объяснили всю пользу такого франко-русскаго союза. „Когда вы примите въ вашъ союзъ Царя вмѣсто Швеціи", сказали они маршалу, „то Царь вамъ замѣнитъ все, на что вы можете надѣяться отъ Швеціи. А потому, такъ какъ вы не хотите и не можете гарантировать завоеванія Царя у Швеціи, то онъ согласенъ на то, чтобъ вы ихъ не гарантировали, но онъ отъ васъ требуетъ сойтись съ нами и замѣнить Швецію". „Отсюда я, Царь, заключаю", сказали русскіе уполномоченные именемъ своего Государя, „что я, Царь, долженъ имѣть отъ васъ все то, чѣмъ пользуется отъ васъ Швеція, такъ какъ я вамъ не только замѣню Швецію, но приведу съ собою Пруссію".

Маршалъ Тессе не могъ не признать за этою аргументаціею русскаго Царя нѣкоторой основательности и потому онъ замѣтилъ, что „если мы (французы) были довольно глупы, что безполезно заключили договоръ съ Швеціей и что по этому договору мы ей дали денегъ", то объ этомъ слѣдуетъ сожалѣть. Но маршалъ сознается, что онъ былъ припертъ къ стѣнѣ, когда именемъ Царя ему было сказано:

„Я, Царь, хочу занять мѣсто Швеціи; я хочу вамъ гарантировать ваши договоры; я вамъ предлагаю союзъ, вмѣстѣ съ Пруссіею и Польшею; я отъ васъ не требую никакой гарантіи для моихъ завоеваній. Я предвижу въ будущемъ угрожающее могущество австрійскаго дома, долженствующее насъ смутить: поставьте меня на мѣсто Швеціи, и такимъ договоромъ я вамъ замѣню все то, чего вы можете ожидать отъ Швеціи, и могу васъ обезпечить ото всего, что вы можете и должны заподозрѣвать со стороны могущества императора". (Донесеніе маршала Тессе отъ 19-го мая 1717 года).

Версальское правительство отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ предложенію русскаго Царя заключить съ нимъ союзъ. Но оно отрицало возможность того, чтобъ Россія вполнѣ могла замѣнить Швецію, которая гарантировала Франціи даже Вестфальскіе трактаты. Кромѣ того, оно не могло видѣть надобности платить субсидію Царю, какъ оно платило ее своему старому союзнику—королю шведскому. (Письмо маршала д'Икселя маршалу Тессе отъ 20 мая 1717 года).

Mais Pierre I voulait à tout prix détacher la France de la Suède et s'ouvrir ainsi la possibilité de terminer la guerre du Nord qui épuisait les ressources de la Russie. A son départ de Paris, il obtint du duc d'Orleans la promesse que les pourparlers au sujet du traité d'alliance seraient repris à Amsterdam. En effet, ils aboutirent, en août 1717, à la signature d'un traité d'alliance entre la Russie, la France et la Prusse.

(Le texte de ce traité est inséré au T. V du présent Recueil sub № 198, pag. 161 et suiv).

Но Петръ I желалъ во что бы ни стало отдѣлить Францію отъ Швеціи и подготовить такимъ образомъ возможность покончить, наконецъ, великую Сѣверную войну, которая сильнѣйшимъ образомъ истощала Россію. Передъ отъѣздомъ Царя изъ Парижа, герцогъ Орлеанскій принужденъ былъ обѣщать ему, что переговоры о союзномъ трактатѣ будутъ продолжаться въ Амстердамѣ. И дѣйствительно, тамъ они пришли, въ августѣ 1717 года, къ благополучному концу подписаніемъ союзнаго трактата между Россіей, Франціей и Пруссіей.

(Текстъ этого трактата напечатанъ въ т. V, подъ № 198, стр. 161 и слѣд.).

№ 472.

1739, 17 (28) décembre. Convention explicative entre la Russie, la France et la Turquie, signée à Constantinople. (Recueil complet des Lois № 7982).

„Le traité fait en 1717 avec Sa Majesté Czarienne peut servir de fondement à une union plus étroite."

Ces paroles se trouvent consignées dans la note du 28 septembre 1721 remise au gouvernement français par le baron de Schleinitz, qui occupait, depuis 1718, le poste de ministre de Russie à la Cour de Versailles. En vertu du traité d'Amsterdam (№ 471), la France avait assumé la médiation entre la Russie et la Suède pour la conclusion de la paix, tandis que le Tsar s'était engagé à prendre parti pour le Régent dans le cas d'un conflit avec l'Espagne. Selon l'idée fondamentale du pacte de 1717, un accord complet devait exister désormais entre la Russie et la France, et même une alliance. Un nouveau traité international était devenu nécessaire pour en fixer les bases avec plus de précision.

Toutefois les événements ont prouvé que la Cour de Versailles n'était pas très empressée à remplir ses devoirs de médiateur, et qu'elle ne songeait pas sérieusement à une alliance avec le Tsar de Russie. L'obstacle principal à un rapprochement réel entre la Russie et la France, ce n'était plus l'alliance séculaire de celle-ci avec la Suède, mais bien l'asservissement complet de la poli-

№ 472.

1739 г., декабря 17-го (28-го). Пояснительная конвенція между Россіею, Франціею и Турціею, подписанная въ Константинополѣ (П. С. З. № 7982).

„Трактатъ, подписанный въ 1717 году съ Его Царскимъ Величествомъ, можетъ служить основаніемъ для болѣе тѣснаго союза".

Эти слова мы находимъ въ нотѣ (отъ 28 сентября 1721 г.), врученной французскому правительству барономъ Шлейницемъ, занимавшимъ съ 1718 года мѣсто русскаго посланника при Версальскомъ дворѣ. Въ силу Амстердамскаго трактата (№ 471) Франція приняла на себя посредничество между Россіей и Швеціею для заключенія мира, между тѣмъ какъ Царь обѣщалъ держать сторону регента Франціи въ случаѣ столкновенія его съ Испаніею. По основной цѣли договора 1717 года, между Россіей и Франціей отнынѣ должны существовать полное согласіе и даже союзъ. Для болѣе точнаго опредѣленія основаній такого союза требовался новый международный трактатъ.

Однако, весьма скоро выяснилось, что Версальскій дворъ не только не торопится своими посредничествующими услугами, но и не думаетъ серьезно о союзѣ съ русскимъ Царемъ. Главнымъ препятствіемъ для дѣйствительнаго сближенія между Россіею и Франціею, былъ не столько вѣковой союзъ послѣдней державы съ Швеціею, сколько полное порабощеніе

tique française aux vues du gouvernement anglais. Ceui-ci se trouvait en rapports très tendus avec la Russie et appuyait ouvertement la Suède contre Pierre le Grand. (Voir t. X, p. 23 et suiv.).

Le prince B. Kourakine écrivait au Tsar, d'Amsterdam en 1719, qu'on aurait tort de compter sur la France.

„J'ai toujours", disait-il, „fondé peu d'espoir sur la Cour de France et j'en fonde peu pour l'avenir malgré les belles promesses qui nous ont été données par le duc d'Orléans. Il s'est engagé à payer des subsides à la Suède, sans aucun profit pour la France, uniquement par courtoisie pour le roi d'Angleterre". Le baron de Schleinitz écrivait de Paris dans ce même sens à son gouvernement.

„L'Angleterre", écrivait-il en 1718, „s'efforce ici de toute manière de paralyser l'action de la triple alliance, conclue entre la Russie, la France et la Prusse. En outre je sais par des informations authentiques de Vienne, que la Cour d'Angleterre a fait donner à l'Empereur l'assurance qu'il n'avait rien à redouter de cette alliance. Sterce, le ministre d'Angleterre à la Cour de France, s'applique à persuader le Régent pour qu'il favorise la conclusion d'un traité séparé entre le roi d'Angleterre et la Suède et qu'il s'engage pour sa part, dans une alliance défensive avec l'Angleterre et la Suède, pour faire face aux vues de Votre Majesté menaçant la sécurité de l'Europe. Sterce jouit d'un grand crédit auprès du Régent. Il ne se passe pas de jours qu'ils ne s'enferment à deux, au moins pour deux heures. Il est vrai que ces conférences secrètes concernent les affaires d'Espagne et d'Italie, mais je sais avec certitude que les affaires du Nord ne sont pas exclues de ces entretiens". Il est vrai qu'il serait permis de douter que le ministre de Russie pût être renseigné avec certitude quant à l'objet de ces entretiens secrets entre le Régent et le ministre d'Angleterre. D'ailleurs il est fort probable que les affaires du Nord auxquelles la France et l'Angleterre prenaient un vif intérêt fussent comprises dans ces débats.

Il s'entend de soi-même que le duc d'Orleans, aussi bien que l'abbé Dubois, plus tard cardinal, son inséparable conseiller pour les affaires étrangères, ne cessaient de donner au représentant de Russie des assurances quant à leurs sentiments de profond dévouement pour le Tsar. Lorsque le baron de Schleinitz en fit part au

французской политики видамъ англійскаго правительства. Послѣднее же находилось въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи и совершенно открыто поддерживало Швецію противъ Петра Великаго. (Сравн. т. X, стр. 23 и слѣд.).

Князь Б. И. Куракинъ писалъ въ 1719 году Царю изъ Амстердама, что напрасно разсчитывать на Францію.

„На французскій дворъ я мало возлагалъ надежды", писалъ онъ, „и впредь не возлагаю, несмотря на всѣ обѣщанія, данныя намъ герцогомъ Орлеанскимъ. Онъ обязался платить субсидію Швеціи безъ всякой выгоды для Франціи, только въ угоду королю англійскому". Въ томъ же самомъ духѣ писалъ своему правительству баронъ Шлейницъ изъ Парижа.

„Англія", писалъ онъ въ 1718 году, „и здѣсь старается всѣми силами уничтожить дѣйствіе тройнаго союза, заключеннаго между Россіею, Франціею и Пруссіею. Сверхъ того, я имѣю подлинныя вѣдомости изъ Вѣны, что англійскій дворъ велѣлъ обнадежить Цесаря, чтобъ онъ нисколько не опасался этого союза. Англійскій посланникъ при французскомъ дворѣ, Стерсъ, старается уговорить регента, чтобъ онъ способствовалъ заключенію партикулярнаго мира между королемъ англійскимъ и Швеціею, а самъ вступилъ въ оборонительный союзъ съ Англіею и Швеціею для противодѣйствія планамъ Вашего Величества, грозящимъ спокойствію всей Европы. Стерсъ имѣетъ большой кредитъ у регента: почти не проходитъ дня, чтобъ не сидѣли они часа по два запершись. Правда, что эти тайныя конференціи касаются испанскихъ и итальянскихъ дѣлъ, но я знаю навѣрное, что и сѣверныя дѣла тутъ не бываютъ забыты". Позволительно усомниться въ томъ, чтобы русскій посланникъ могъ „навѣрное" знать, о какихъ дѣлахъ толковали „по два часа запершись" регентъ и англійскій посланникъ. Но весьма правдоподобно, что сѣверныя дѣла, столь серьезно занимавшія вниманіе Англіи и Франціи, были также предметомъ этихъ тайныхъ совѣщаній.

Само собою разумѣется, что и герцогъ Орлеанскій, и его неотлучный совѣтникъ по дѣламъ внѣшней политики, аббатъ (впослѣдствіи кардиналъ) Дюбуа, не уставали увѣрять представителя Россіи въ чувствахъ ихъ глубокой преданности къ Царю. Когда баронъ Шлейницъ сообщилъ регенту извѣстіе объ отрѣше-

Régent que le Tsarevitch Alexis est exclu des droits de succession, celui-ci répondit avec emphase, mais sans sincérité.

„Je félicite sincèrement Sa Majesté Czarienne de la clôture de cette importante et grave affaire, dont dépendent la tranquillité et la paix de la famille Impériale, le bien-être de tout l'Empire et de ses sujets, la fermeté et la sécurité des alliances, conclues avec la Russie. Pendant son séjour en France, Sa Majesté Czarienne m'a parlé en secret de ces intentions J'avoue qu'à cette époque, je redoutais les dangers, qui pouvaient en résulter, mais aujourd'hui je n'ai qu'à admirer l'habileté, dont Sa Majesté a fait preuve dans cette circonstance".

Après avoir exprimé sous une forme si touchante ses préoccupations pour le bien-être de la famille du Tsar et la sécurité de la Russie, le duc d'Orléans passa aux affaires politiques et s'étendit sur ses combinaisons quant à la Russie.

„Je désire", dit-il au baron de Schleinitz, „de la manière la plus sincère arriver à un rapprochement intime avec le Tsar et le roi de Prusse. J'applique tous mes efforts à réconcilier l'Espagne avec l'Empereur, mais je rendrai ainsi l'Espagne et l'Autriche plus fortes et plus dangereuses pour la France. Pour échapper à ce danger il faut un contre poids et je ne saurais le trouver ailleurs que dans l'alliance avec la Russie et la Prusse et si possible, avec la Suède. Il importe de constituer un parti puissant en Allemagne et on ne saurait le faire mieux que par la Prusse. Mais je ne voudrais pas retomber dans la faute que l'on a faite ici au commencement de la guerre de la succession d'Espagne, car la France, en contractant des alliances dans l'Empire, a commencé par les pieds, et non par la tête. C'est par celle-ci que je commencerai, c. a. d. par S. M. le Tsar". *)

A propos de ces paroles du Régent notre historien Solovief fait observer: „l'un était un engagement sur paroles, l'autre — un engagement de fait".

En effet, la décision du Régent de „commencer désormais par la tête", pour la conclusion des alliances politiques, était parfaitement sensée, surtout si cette tête était la Russie. D'ailleurs il faut croire qu'il devait reconnaître lui-même l'immense avantage que la France pouvait retirer

*) Solovief. Histoire de Russie, t. XVII, ch. III.

ніи отъ наслѣдства Царевича Алексѣя, тотъ отвѣчалъ съ большимъ паѳосомъ, но безъ искренности:

„Поздравляю Царское Величество отъ всего сердца съ окончаніемъ такого важнаго и нужнаго дѣла, отъ котораго зависятъ спокойствіе и согласіе въ семействѣ царскомъ, благополучіе всей Россійской монархіи и всѣхъ подданныхъ, твердость и безопасность союзовъ, съ Россіею заключенныхъ. Царское Величество, въ бытность свою во Франціи, открылъ мнѣ по секрету о своемъ намѣреніи. Признаюсь, тогда я боялся, не опасно ли это дѣло; но теперь мнѣ остается только удивляться искусству Царскаго Величества, съ какимъ онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ".

Выразивъ въ такой трогательной формѣ свои чувства опасенія за благополучіе царской семьи и безопасность Россіи, герцогъ Орлеанскій перешелъ на почву политическихъ дѣлъ и сталъ распространятся о своихъ политическихъ планахъ въ отношеніи Россіи.

„Мое истинное намѣреніе", сказалъ онъ барону Шлейницу, „сблизиться, какъ можно тѣснѣе, съ Царскимъ Величествомъ и королемъ прусскимъ. Я стараюсь всѣми силами о примиреніи Испаніи съ Цесаремъ. Но этимъ самымъ примиреніемъ я сдѣлаю Испанію и Австрію болѣе сильными и болѣе опасными для Франціи. Для избѣжанія этой опасности, мнѣ нужно имѣть контрбалансъ, который всего лучше я могу найти въ союзѣ съ Россіею и Пруссіею, и, если можно, съ Швеціею. Нужно образовать сильную партію въ Германіи, что всего лучше сдѣлать чрезъ Пруссію. Но я не хочу впасть въ ту ошибку, какую здѣсь сдѣлали въ началѣ войны за испанское наслѣдство, ибо Франція, заключая союзы въ Имперіи, начала съ ногъ, а голову забыла. Но я теперь начну съ головы, т. е. съ Царскаго Величества" *).

Нашъ историкъ Соловьевъ замѣчаетъ по поводу этихъ словъ герцога Орлеанскаго: „Одно было на словахъ, другое — на дѣлѣ".

Дѣйствительно, рѣшеніе регента отнынѣ „начинать съ головы" при заключеніи политическихъ союзовъ, было весьма разумно, въ особенности если голова — Россія. Мало того: можно также думать, что герцогъ Орлеанскій сознавалъ огромную пользу, которую мо-

*) Соловьевъ. Исторія Россія, т. XVII, глава III.

d'une alliance avec la Russie. Mais il s'est tellement embrouillé dans ses combinaisons politiques que souvent il ne pouvait pas se rendre compte de ses propres actes. Il y avait une pensée qui le poursuivait comme un cauchemar — c'était la crainte que l'Espagne ne fît invasion en France et ne le privât des droits de succession au trône en cas de mort du roi en bas âge. Aussi cherchait-il partout des alliés contre l'Espagne qui absorbait toute son attention. C'est contre elle, qu'il conclut la quadruple alliance avec l'Angleterre, l'Empereur, et la Hollande. Il s'émut sérieusement en apprenant que la Cour de Madrid était en voie d'un rapprochement avec la Russie, et assura le baron de Schleinitz que la quadruple alliance ne visait nullement la Russie et qu'il était tout disposé de conclure un accord avec celle-ci.

„Je sais“, dit le Régent au baron Schleinitz, „que le roi d'Espagne désirerait conclure une alliance avec Sa Majesté Czarienne, je n'ai rien contre cela et je suis convaincu que le Tsar, en la contractant, ne prendra aucun engagement contraire aux intérêts de la France, à ceux de son roi et aux miens, tout comme moi, en traitant avec l'Angleterre je ne me suis j'amais permis, et je ne me permettrai j'amais, d'admettre des clauses, préjudiciables à la Russie. J'ai un but: c'est d'éviter à la France une guerre pendant la minorité du roi“.

Ces paroles du Régent confirment ses craintes continuelles au sujet d'une alliance entre la Russie et l'Espagne. Elle n'eut pas manqué de paralyser toutes ses combinaisons politiques. Dubois en faisait ouvertement l'aveu au ministre de Russie, qu'il serrait dans ses bras et auquel il donnait des assurances d'amitié.

„Le Tsar“, lui disait Dubois, „se propose de se fortifier sur la Baltique et de donner de l'extension au commerce de la Russie. Mais pour cela on peut trouver des moyens plus efficaces, qu'une alliance avec l'Espagne. Le Régent est tout disposé à seconder le Tsar dans la recherche de ces moyens... On ne saurait accuser le Tsar de prêter l'oreille aux ouvertures du gouvernement espagnol. Il ne saurait qu'être flatté, de voir que les puissances les plus éloignées, recherchent son amitié. Il serait désirable que le Tsar, sans repousser l'Espagne, acceptât le plan que je lui propose, et dans le cas, où une guerre

жетъ имѣть для Франціи союзъ съ Россіею. Но онъ до такой степени запутался въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ, что часто не въ состояніи былъ давать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ поступкахъ. Въ родѣ кошмара была для него мысль, что Испанія можетъ напасть на Францію и, въ случаѣ кончины малолѣтняго короля французскаго, лишить его правъ на французскій престолъ. Поэтому онъ вездѣ искалъ ближайшихъ союзниковъ противъ Испаніи, которая почти всецѣло поглощала его вниманіе. Герцогъ Орлеанскій заключилъ четверной союзъ съ Англіею, Императоромъ и Голландіею противъ Испаніи. Когда же онъ узналъ, что Мадридскій дворъ сближается съ Россіею, онъ серьезно испугался и сталъ увѣрять русскаго посланника въ Парижѣ, что четверной союзъ нисколько не касается Россіи, съ которою онъ охотно готовъ заключить союзъ и дружбу.

„Я знаю“, сказалъ регентъ барону Шлейницу, „что король испанскій хочетъ заключить союзъ съ Царскимъ Величествомъ. Я ничего не имѣю противъ этого союза и надѣюсь, что Царское Величество, при заключеніи его, не войдетъ ни въ какое обязательство, противное интересу Франціи, короля ея или моему собственному, точно такъ, какъ я, входя въ обязательства съ Англіею, не позволилъ и никогда не позволю внести какое-нибудь условіе, вредное для Россіи. У меня одна цѣль: во время малолѣтства короля не дать Франціи вмѣшаться въ какую нибудь войну“.

Слова регента Франціи вполнѣ подтверждаютъ постоянное его опасеніе союза между Россіею и Испаніею. Заключеніемъ такого союза были бы парализованы всѣ политическія его комбинаціи. Дюбуа совершенно откровенно признался въ этомъ русскому посланнику, котораго онъ обнималъ и увѣрялъ въ вѣрной дружбѣ.

„Царь“, говорилъ посланнику Дюбуа, „намѣренъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ и установить свою торговлю. Но для этого можно найти способы повѣрнѣе испанскаго союза. Регентъ готовъ помочь ему въ отысканіи этихъ способовъ... Царя нельзя осуждать за то, что онъ выслушиваетъ испанскія предложенія. Ему пріятно видѣть, какъ державы самыя отдаленныя нуждаются въ его дружбѣ. Не худо было бы, еслибъ Царь, съ одной стороны, не отталкивалъ отъ себя Испанію, а съ другой, принялъ предложенный мною планъ, и, когда возгорится рѣшительная война между

viendrait à éclater entre l'Empereur, l'Angleterre et l'Espagne, — il serait loisible à la Russie de proposer sa médiation, ce qui serait pour elle profitable et honorifique. Si la Russie et la Prusse poursuivent des négociations avec la Suède, le Régent est disposé à contribuer par tous ses moyens à la conclusion de la paix, pourvu que les traités en contiennent aucune clause au sujet d'une invasion en Angleterre, ou d'une excitation à la guerre en Allemagne. Si les négociations de paix sont rompues, les alliés du Nord n'ont qu'à dresser un projet général de conciliation — la France, l'Angleterre et l'Empereur se chargeront d'arracher à la Suède la paix, conformément à ce projet"*).

D'après ces discours de Dubois, empreints de franchise, on serait disposé à conclure que le cabinet de Versailles se proposait de surpasser les autres en finesse. L'Espagne, l'ennemi de la France, devait s'engager dans une guerre avec l'Angleterre et l'Empereur, conclure la paix et, en fin de compte, contracter une alliance avec la Russie, la France, la Prusse et la Suède. La France ne devait faire la guerre à personne, mais profiter des collisions entre ses futurs alliés pour leur proposer sa médiation et son alliance. Le cabinet de Versailles redoutait en même temps que le cardinal Alberoni, qui dirigeait les affaires d'Espagne, si inépuisable dans ses intrigues, ne réussit à se rapprocher de la Suède et ne compromit tous les plans du Régent. Aussi le duc d'Orléans fut-il satisfait d'apprendre la mort de Charles XII. Il proposa au Tsar formellement sa médiation pour la conclusion de la paix avec la Suède.

Par un rescrit du 16 novembre 1719, le Tsar chargea le baron de Schleinitz d'accepter cette proposition, et le ministre de Russie remit en conséquence au Régent le mémoire suivant: „Le soussigné, ministre plénipotentiaire de Sa Majesté le Tzar de toutes les Russies a ordre de déclarer à Votre Altesse Royale de la part et au nom du Tzar, son maître, que Sa Majesté accepte avec plaisir l'offre que Sa Majesté Très-Chrétienne lui a faite de sa médiation pour la paix entre Sa Majesté Czarienne, la reine et la couronne de Suède; si Sa Majesté Très-Chrétienne veut lui donner une déclaration par écrit, signée par Votre Altesse Royale, que Sa Majesté Très-Chrétienne n'a aucun engagement, ni direct, ni indirect, avec la

*) Solovief. Histoire de Russie, t. XVII., ch. III.

Императоромъ, Англіею и Испаніею, Россія можетъ предложить свое посредничество, что доставитъ ей славу и пользу. Если мирные переговоры у Россіи и Пруссіи съ Швеціею еще продолжаются, то регентъ готовъ всѣми силами помогать скорѣйшему заключенію мира, лишь бы только въ договорахъ не заключалось условій о вторженіи въ Англію и о возбужденіи войны въ Германіи. Если переговоры прерваны, то пусть сѣверные союзники составятъ общій планъ примиренія: тогда Франція, Англія и Цесарь вынудятъ у Швеціи миръ по этому плану" *).

На основаніи этихъ откровенныхъ рѣчей Дюбуа нельзя было не заключить, что Версальскій кабинетъ желалъ перехитрить всѣхъ. Испанія, врагъ Франціи, должна была воевать съ Англіею и Цесаремъ, затѣмъ заключить миръ и, въ концѣ концовъ, вступить въ союзъ съ Россіею, Франціею, Пруссіею и Швеціею. Сама Франція ни съ кѣмъ воевать не желала, но намѣрена была воспользоваться войнами между своими будущими союзниками для предложенія своего посредничества и союза. Вмѣстѣ съ тѣмъ Версальскій кабинетъ опасался, что неутомимый въ интригахъ правитель дѣлъ Испаніи, кардиналъ Альберони, сблизится съ Швеціей и разстроитъ всѣ планы регента. Поэтому герцогъ Орлеанскій даже обрадовался извѣстію о кончинѣ Карла XII. Тогда онъ предложилъ Царю формальнымъ образомъ свое посредничество для заключенія мира съ Швеціею.

Рескриптомъ отъ 16-го ноября 1719 года Царь поручилъ барону Шлейницу принять это предложеніе его именемъ. Въ силу этого рескрипта посланникъ подалъ регенту Франціи слѣдующій меморіалъ: „Нижеподписавшійся, полномочный министръ Его Величества Царя всея Руси, имѣетъ указъ объявить Вашему Королевскому Высочеству именемъ Царя, своего Государя, что Его Величество принимаетъ охотно предложеніе Христіаннѣйшаго Величества насчетъ посредничества о мирѣ между Его Царскимъ Величествомъ и королевою и короною шведскою, если Его Христіаннѣйшее Величество изволитъ ему дать декларацію на письмѣ, за рукою Вашего Королевскаго Высочества, что Его Христіаннѣйшее Величество

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVII. гл. III.

reine et la couronne de Suède, ni avec aucun autre de ses alliés, ou telle autre puissance que ce puisse être, contraire à la lettre et au sens du traité fait avec Sa Majesté Czarienne et signé à Amsterdam le 4 août (vieux style) de l'année 1717".

„Les motifs que Sa Majesté le Czar, mon maître, a de demander cette déclaration sont les avis réitérés, que Sa Majesté a reçus de ses ministres qui résident dans les autres cours étrangères, que les ministres de Sa Majesté Très-Chrétienne, de concert avec ceux de Sa Majesté Britannique, agissent et négocient dans presque toutes les cours de l'Europe en faveur de la reine et de la couronne de Suède. Le Tzar, mon maître, sait encore que le ministre de Sa Majesté Très-Chrétienne, auprès de Sa Majesté le roi de Prusse, s'est mêlé d'une manière très forte à porter Sa Majesté Prussienne à la conclusion des derniers traités, faits entre elle et Sa Majesté Britannique, qui ont abouti à une paix particulière entre le roi de Prusse et la reine et la couronne de Suède, à l'exclusion de Sa Majesté Czarienne. Sa Majesté Czarienne est encore sûrement informée que Sa Majesté Très-Chrétienne a fait payer, depuis peu de temps, des sommes très considérables, en partie à Stockholm directement à la reine de Suède, en partie au landgrave de Hesse-Cassel"

„Mais ce qui a le plus surpris Sa Majesté, c'est le contenu des lettres du ministre Britannique à Stockholm, le lord Carteret, et de l'amiral Norris, écrites dans un style inusité entre d'aussi grands princes; elles disent l'une et l'autre, que Sa Majesté Britannique a pris des mesures avec le roi Très-Chrétien et ses autres alliés, parmi lesquels la Suède est comprise, pour mettre au plutôt fin à la guerre du Nord".

„Le soussigné supplie Votre Altesse Royale de lui donner une prompte réponse, et par écrit, à ce mémoire, d'autant plus que dans cette importante affaire les moments sont précieux, et que le Tzar, son maître, se réglera, selon le contenu de cette réponse, ou pour une négociation de paix, ou pour la continuation de la guerre contre la Suède".

La note du ministre de Russie, rédigée conformement au rescrit Impérial, se distinguait par une remarquable clarté. Les questions y étaient formulées avec précision, et le baron Schleinitz ne pouvait ainsi admettre aucun équivoque.

не имѣетъ никакого обязательства, ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ съ королевою и короною шведскою, ниже съ какимъ инымъ союзникомъ ея, или съ какою иною державою, кто бы они ни были, противно силѣ и смыслу договора, заключеннаго съ Его Царскимъ Величествомъ и подписаннаго въ Амстердамѣ 4-го числа августа по старому стилю 1717 года".

„Причины, заставляющія Его Величество Царя требовать этой деклараціи, суть повторительныя извѣстія, которыя Его Величество получилъ отъ министровъ своихъ, пребывающихъ при другихъ иностранныхъ дворахъ, что министры Его Христіаннѣйшаго Величества, по согласію съ министрами Его Британскаго Величества, дѣйствуютъ почти при всѣхъ европейскихъ Дворахъ въ пользу королевы и короны шведской. Царь, мой Государь, знаетъ еще, что министръ Его Христіаннѣйшаго Величества при королѣ прусскомъ усиленно старался привести Его Прусское Величество къ заключенію послѣднихъ договоровъ съ англійскимъ королемъ, которые довели до отдѣльнаго мира между Пруссіею и Швеціею, съ исключеніемъ Царскаго Величества. Подлинно извѣстно также, что Его Христіаннѣйшее Величество велѣлъ заплатить недавно значительныя суммы отчасти въ самомъ Стокгольмѣ прямо шведской королевѣ, отчасти ландграфу гессенъкассельскому".

„Но больше всего удивило Его Царское Величество содержаніе писемъ британскаго министра, лорда Картерета, и адмирала Норриса, написанныхъ неупотребительнымъ между великими государями слогомъ: въ обоихъ говорится, что король англійскій, вмѣстѣ съ Христіаннѣйшимъ королемъ и прочими своими союзниками, между которыми находится и Швеція, принялъ мѣры для скорѣйшаго окончанія Сѣверной войны".

„Нижеподписавшійся проситъ всепокорно Ваше Королевское Высочество дать ему письменный скорый отвѣтъ на этотъ меморіалъ, потому что въ такомъ важномъ дѣлѣ дорога каждая минута, и Царь, Государь мой, будетъ поступать по содержанію вашего отвѣта: или начнетъ мирные переговоры, или будетъ продолжать войну противъ Швеціи".

Нота русскаго посланника, составленная на основаніи Высочайшаго рескрипта, отличалась удивительною ясностью. Вопросы были въ ней поставлены совершенно прямо, и никакихъ увертокъ не могъ допустить ба-

Il devait transmettre au Tsar des réponses parfaitement précises aux questions adressées au cabinet de Versailles. Mais le Régent et son favori Dubois se sont tellement embrouillés dans leurs intrigues, qu'ils ne pouvaient pas répondre avec simplicité et franchise aux questions posées par le Tsar. Le duc d'Orléans craignait en même temps sérieusement, de perdre la confiance du Tsar et de laisser échapper l'occasion de jouer dans le Nord le rôle de pacificateur et d'arbitre.

Le cabinet de Versailles sortit, pour ainsi dire en gamin, de cette situation perilleuse. Le Régent commença par faire semblant d'être offensé de la méfiance du Tsar, et dans quelque temps il fit lui-même l'aveu de toute espèce de manoeuvres et demanda tout de même de ne pas lui retirer la confiance.

Ce n'est qu'en janvier 1720 que le ministre de Russie reçut la réponse à son mémoire. Il y était dit que le Régent a toujours scrupuleusement observé le traité d'alliance de 1717. Mais il lui était impossible de donner la déclaration exigée, car c'eut été contraire à son honneur.

Si le Tsar éprouve quelque défiance à l'égard du Régent, fut-il dit au ministre de Russie, celui-ci n'insistera pas sur son projet de médiation et se bornera à faire des voeux pour que la Russie parvienne à conclure le plutôt possible la paix avec la Suède.

Mais trois mois après, la conduite du cabinet de Versailles fut entièrement modifiée. Le Régent envoie auprès du ministre de Russie le comte de Lamarck, une personne de confiance, qui supplie ce diplomate de tenir dans le plus grand secret la communication qu'il était chargé de lui faire. Le secret devait être surtout observé vis-à-vis de l'abbé Dubois, ministre des affaires étrangères (*sic!*). Il s'agissait d'une déclaration positive, faite au nom du duc d'Orléans, comme quoi il n'aurait jamais, soit à l'égard de la Suède, soit à l'egard de toute autre puissance, pris d'engagements contraires au traité d'alliance de 1717. Bien plus, le Régent promet également à l'avenir de ne pas contracter d'engagements incompatibles avec le traité de 1717. En ce qui concerne l'Angleterre et les lettres de lord Carteret et de l'amiral Noris, reçues par le Tsar, le Régent assurait que le roi d'Angleterre avait arbitrairement abusé de son nom. Le duc d'Orléans venait d'adresser l'ordre aux ministres de France auprès des Cours étrangères, de ne

ронъ Шлейницъ. Онъ долженъ былъ сообщить Царю вполнѣ точные отвѣты на поставленные Версальскому кабинету вопросы. Но регентъ, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ Дюбуа, настолько запутались въ своихъ собственныхъ интригахъ, что никакъ не могли просто и откровенно отвѣтить на поставленные русскимъ Царемъ вопросы. Въ то же время герцогъ Орлеанскій серьезно опасался потерять довѣріе Царя и лишиться возможности играть на Сѣверѣ роль миротворца-посредника.

Изъ этого весьма затруднительнаго положенія Версальскій дворъ вышелъ довольно ребяческимъ образомъ. Сперва регентъ принялъ видъ, что онъ оскорбленъ недовѣріемъ къ нему Царя, а потомъ, черезъ нѣкоторое время, онъ сознался во всевозможныхъ проискахъ, и просилъ всетаки питать къ нему довѣріе.

Только въ январѣ 1720 года русскій посланникъ получилъ отвѣтъ на свой меморіалъ. Въ этомъ отвѣтѣ было сказано, что регентъ Франціи всегда свято и добросовѣстно исполнялъ союзный трактатъ 1717 года. Но дать требуемую отъ него письменную декларацію онъ не можетъ, ибо... это было бы противно его чести.

Если Царь питаетъ недовѣріе къ регенту, было сказано посланнику, то онъ не будетъ настаивать на своемъ предложеніи посредничества и будетъ только желать, чтобъ Россія поскорѣе заключила миръ съ Швеціей.

Но черезъ три мѣсяца поведеніе Версальскаго кабинета существеннымъ образомъ мѣняется. Регентъ Франціи посылаетъ къ русскому посланнику довѣренное лицо, графа Деламарка, который умоляетъ посланника сохранить въ величайшей тайнѣ сообщеніе, которое онъ ему сдѣлаетъ. Въ особенности все должно быть скрыто отъ аббата Дюбуа, министра иностранныхъ дѣлъ (sic!). Сообщеніе, сдѣланное Деламаркомъ, заключалось въ положительномъ заявленіи, именемъ герцога Орлеанскаго, что онъ ни прямо съ Швеціею и ни съ какою другою державою не находится въ обязательствахъ, противныхъ союзному трактату 1717 г. Этого мало: регентъ обѣщаетъ и на будущее время не вступать въ обязательства, несогласныя съ трактатомъ 1717 года. Что же касается до Англіи и до писемъ лорда Картерета и адмирала Норриса, полученныхъ Царемъ, то регентъ увѣрялъ, что англійскій король совершенно произвольно злоупотреблялъ именемъ регента. Теперь герцогъ Орлеанскій при-

contracter aucun arrangement sur les affaires du Nord sans autorisation spéciale.

Le baron Schleinitz, en faisant part de ces communications secrètes au nom du duc d'Orléans, exprima l'avis qu'elles étaient parfaitement sincères. „J'ai l'intime conviction", écrivait-il, „que le Régent agit avec sincérité. Il en a assez de l'alliance avec l'Empereur et l'Angleterre. Lord Sterce le traitait en esclave et le froissait par son attitude hautaine. Le Régent voyait très-bien que, par le secours prêté à l'Espagne, il a contribué à accroître la puissance de la maison d'Autriche, et ne trouvait pas d'autre moyen de réparer cette faute que par l'alliance qu'il proposait à Votre Majesté".

„En ce qui regarde la succession au trône de France, en cas de mort du roi sans enfants, le Régent n'a pas besoin dans cette circonstance du secours de l'Empereur et de l'Angleterre, car grâce aux dispositions prises par Law, le contrôleur général, l'argent comptant de la nation se trouve entre ses mains, la nation n'a que du papier. Jamais roi de France, pas même Louis XIV ne disposait d'un aussi grand pouvoir à l'intérieur du pays que le duc d'Orléans, bien qu'il ne fût que Régent".

Quel fut l'accueil que fit Pierre le Grand à ces ouvertures du Régent? Le Tsar jugea opportun d'entretenir des relations amicales avec la France, de la détacher de son alliance traditionelle avec la Suède et de faire prendre à la Russie la place de celle-ci dans le système politique de la cour de Versailles. Dans ce but le Tsar trouvait nécessaire de ménager le Régent de toute manière et de témoigner à toute occasion du respect pour la France et son roi. A la naissance de sa fille Nathalie, le Tsar donna l'ordre au baron de Schleinitz de prier le roi Louis XV d'en être le parrain. Cette proposition fut l'occasion d'un échange d'idées au sujet de la possibilité d'un mariage entre le jeune roi et la Grande-Duchesse russe. Le maréchal Villeroi, chargé de l'éducation du roi, exprima au ministre de Russie le regret que la princesse fût trop jeune pour que son pupille puisse attendre si longtemps pour un mariage. Elle aurait pu sans cela devenir reine de France.

Le cardinal Dubois alla encore plus loin dans ses déclarations de sentiments pour la

казалъ французскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ не вступать ни въ какія соглашенія по дѣламъ сѣвернымъ безъ особеннаго его разрѣшенія.

Баронъ Шлейницъ, донося объ этихъ секретныхъ сообщеніяхъ отъ имени герцога Орлеанскаго, выразилъ свое убѣжденіе, что они совершенно искренни. „Я вѣрю", писалъ онъ, „что регентъ поступаетъ искренно; ему союзъ съ императоромъ и Англіею уже наскучилъ. Лордъ Стерсъ поступалъ съ нимъ, какъ съ рабомъ, и сильно огорчалъ его своими гордыми поступками. Регентъ видитъ, какъ онъ своею помощью въ дѣлахъ испанскихъ усилилъ австрійскій домъ, и теперь не находитъ другого средства исправить дѣло, кромѣ союза, предлагаемаго имъ Вашему Величеству".

„Что же касается наслѣдства французской короны въ случаѣ бездѣтной смерти короля, то для обезпеченія его себѣ регентъ не нуждается въ помощи императора и Англіи, ибо, благодаря распоряженіямъ генералъ-контролера Лау, наличныя деньги всего народа въ рукахъ у регента, у народа — только однѣ бумаги. Никакой король французскій, даже покойный Людовикъ XIV, не былъ такъ самовластенъ и силенъ внутри государства, какъ герцогъ Орлеанскій, хотя онъ только регентъ, а не король".

Посмотримъ теперь, какъ относился къ этимъ предложеніямъ французскаго регента Петръ В. Царь призналъ совершенно необходимымъ поддерживать дружескія сношенія съ Франціей, отклонять ее отъ традиціоннаго союза съ Швеціей и занять мѣсто послѣдней въ политической системѣ Версальскаго двора. Въ виду этой цѣли Царь находилъ нужнымъ „менажировать" всѣми силами регента и показывать при всякихъ случаяхъ особенное уваженіе къ Франціи и ея королю. Когда у него родилась дочь Наталія, барону Шлейницу было приказано просить короля Людовика XV быть воспріемникомъ новорожденной царевны. Это предложеніе вызвало любопытный обмѣнъ мыслей насчетъ возможности женитьбы молодого французскаго короля на русской великой княжнѣ. Маршалъ Вилльруа, воспитатель короля, выразилъ русскому посланнику сожалѣніе, что новорожденная принцесса слишкомъ молода, и король не можетъ ждать, когда она выростетъ. Въ противномъ случаѣ она могла бы быть французскою королевою.

Кардиналъ Дюбуа пошелъ еще дальше въ своихъ объясненіяхъ въ любви къ Россіи. Онъ

Russie. Il dit à Schleinitz que, malgré sa haute sagesse, le Tsar, en choisissant le roi comme parrain de la princesse, n'a pas tenu compte de la loi catholique qui interdit à ce souverain de l'épouser. D'ailleurs, ajouta Dubois avec une mine significative, il faut espérer que le Pape ne refusera pas d'accorder une dispense.

C'est par ces courtoisies que se terminèrent les pourparlers au sujet d'un mariage éventuel du roi Louis XV avec la princesse Nathalie. Il en fut de même des conjectures au sujet du mariage de la Tsarevna Elisabeth Petrovna, qui devait épouser, soit le roi de France, soit un prince français.

Dans cet empressement à donner satisfaction au moindre désir de la cour de Versailles, le Tsar devait nécessairement tenir compte d'une insinuation que lui fit M. La Vie, agent politique français à St. Pétersbourg. Il dit au Tsar que le Régent ne pouvait pas être d'une entière franchise avec le baron de Schleinitz parce qu'il était allemand. Ce serait le motif pour lequel le Régent désirerait le rappel de Schleinitz et son remplacement par un ministre porteur d'un nom russe *). Le Tsar résolut de donner suite à ce désir du Régent et, en juin 1720, il envoya à Paris le lieutenant de la garde comte Platon Moussine-Pouschkine. Il fut chargé d'une double mission — l'une — ostensible, auprès du baron Schleinitz et l'autre – secrète, auprès du Régent.

Il était dit, dans ses instructions du 3 juin 1720, signées par le Tsar, „qu'il devait se rendre à Paris en toute hâte, par poste extraordinaire, en déclarant en Russie qu'il se rend en Hollande, pour s'acquitter de quelques commissions particulières, et à l'étranger il devra annoncer qu'il se rend aux eaux; il devra aller directement à Paris sans passer par la Hollande. Arrivé dans cette ville, il devra s'arrêter dans un logement privé, se rendre chez le baron de Schleinitz et lui annoncer, qu'il est porteur des réponses à ses rapports et lui remettre le rescrit. Il devra lui annoncer, qu'il est porteur de deux lettres pour le Régent — dont l'une sur la même affaire et l'autre — une lettre de créance pour une audience particulière chez le Régent, à laquelle il sera présenté par M. de Schleinitz; il devra ensuite faire des démarches, à l'insu de Schleinitz, pour être reçu seul par

*) Recueil de la Société Imp. historique Russe, t. LX, p. 139.

сказалъ Шлейницу, что какъ ни изумительна мудрость Царскаго Величества, однако, при избраніи короля воспріемникомъ царевны, Царь забылъ, что, по католическому закону, король не можетъ на ней жениться. Впрочемъ, прибавилъ Дюбуа съ многозначительною миною, можно надѣяться, что папа окажетъ учтивость и дастъ разрѣшеніе.

На этихъ любезностяхъ кончились всѣ разговоры о возможной женитьбѣ французскаго короля на царевнѣ Наталіи. Равнымъ образомъ рушились впослѣдствіи и предположенія насчетъ царевны Елизаветы Петровны, которая также должна была выйдти замужъ за французскаго короля или принца.

При такомъ желаніи угождать Версальскому двору Царь не могъ не обратить вниманія на инсинуацію французскаго политическаго агента Лави въ С.-Петербургѣ, который сказалъ, что регентъ не можетъ быть откровеннымъ съ барономъ Шлейницемъ, ибо онъ нѣмецъ. Поэтому герцогъ Орлеанскій будто бы желаетъ отозванія Шлейница и назначенія на его мѣсто другого посланника, съ русскою фамиліею *). Царь рѣшилъ уважить это желаніе французскаго регента, и въ іюнѣ 1720 года онъ отправилъ въ Парижъ поручика гвардіи, графа Платона Мусина-Пушкина. На этого посланца были возложены два порученія: одно—открытое, касалось барона Шлейница, а другое – секретное, относилось къ регенту.

Въ инструкціи отъ 3-го іюня 1720 года, данной графу Мусину-Пушкину за подписью Царя, было сказано: „Ѣхать ему въ Парижъ наскоро на экстраординарной почтѣ, объявляя въ нашей землѣ, что посланъ въ Голландію для нѣкоторыхъ партикулярныхъ комиссій, а за границею объявлять, что ѣдетъ на воды; ѣхать прямымъ путемъ, не заѣзжая въ Голландію. Пріѣхавъ въ Парижъ, стать на особливой квартирѣ, потомъ быть у барона Шлейница и объявить ему, что присланъ съ отвѣтомъ къ нему на его реляцію, и вручить ему рескриптъ. Объявить при этомъ, что посланы съ нимъ къ регенту двѣ грамоты, — одна о томъ же дѣлѣ, а другая — кредитивъ для отправленія партикулярнаго комплимента, и чтобъ онъ, Шлейницъ, представилъ его регенту на приватной аудіенціи. Потомъ какъ можно скорѣе домогаться ему быть у регента на приват-

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. LX, стр. 139.

le Régent en audience privée et lui déclarer à cette occasion que l'affaire au sujet de laquelle on lui a écrit étant d'une haute gravité, il importerait de savoir si Son Altesse désirerait la traiter par l'entremise de Schleinitz, qui est allemand et si en général ce diplomate est pour Elle une persona grata".

„Si le Régent déclarait que Schleinitz est une persona grata, on devra lui remettre les papiers nécessaires; — si tel n'était pas le cas, il faudra retenir les papiers et déclarer au Régent que nous nous proposons, non seulement de confier les négociations à un autre ministre de nationalité russe, notamment au prince Kourakine, mais que nous ferons toutes les dispositions pour rappeler Schleinitz définitivement de la cour de France; il faudra déclarer en outre que lors même que la personne de Schleinitz ne serait pas antipathique au Régent, nous désirons que les pourparlers fussent poursuivis non par lui seul, mais en commun avec le prince Kourakine."

Le comte Moussine-Pouschkine arriva à Paris au commencement de juin et fut reçu, le 19 juin, par le Régent en audience privée, avec le baron de Schleinitz. Il remit au Régent deux lettres du Tsar du 29 mai 1720. Par la première, le comte était autorisé à demander une audience au nom du Tsar, et celui-ci priait le Régent d'avoir „pleine et entière confiance" en lui; la seconde lettre contient l'acceptation formelle par le Tsar de la proposition de médiation entre la Russie et la Suède pour la conclusion de la paix. Le baron de Schleinitz était autorisé en même temps à traiter cette question avec la cour de Versailles *).

Ce n'est que le 4 août que le comte Moussine-Pouschkine réussit, derrière le dos du ministre de Russie, à obtenir une audience secrète auprès du Régent. Il exposa à celui-ci l'objet de la mission secrète dont il était chargé et demanda directement au Régent, s'il avait confiance en Schleinitz? On lui répondit, „qu'il est certain qu'un Russe de naissance inspire plus de confiance qu'un étranger. Schleinitz est Allemand. Aussi n'ai-je pas en lui une confiance absolue." Sans se lancer dans des explications ultérieures, le Régent adressa Moussine-Pouschkine à Dubois.

Les pourparlers avec celui-ci étaient rendus difficiles par la crise financière de Law qui

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 200 et suiv.

ной аудіенціи одному, — домогаться секретно, чтобъ Шлейницъ о томъ провѣдать скоро не могъ; объявить регенту наединѣ, что такъ какъ дѣло, о которомъ мы писали къ нему, великой важности, то угодно ли Его Высочеству вести его чрезъ барона Шлейница, какъ человѣка нѣмецкой націи, и пріятна ли ему его персона".

„Если регентъ объявитъ, что персона Шлейница ему пріятна, — то отдать послѣднему нужныя бумаги; если же объявитъ, что неугодна, — то бумаги удержать и объявить регенту, что мы не только переговоры поручимъ другому министру Россійской націи, именно князю Куракину, но и велимъ отозвать Шлейница совсѣмъ отъ Двора французскаго; объявить, что если персона Шлейница регенту и не противна, то все же мы желаемъ, чтобъ онъ велъ переговоры не одинъ, а вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ".

Въ началѣ іюня графъ Мусинъ-Пушкинъ прибылъ въ Парижъ и 19-го іюня былъ принятъ регентомъ на приватной аудіенціи вмѣстѣ съ барономъ Шлейницемъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ вручилъ регенту двѣ грамоты Царя отъ 29-го мая 1720 года. Въ первой графъ былъ уполномоченъ просить именемъ Царя аудіенціи и герцога Орлеанскаго Царь просилъ питать къ графу „полное и совершенное довѣріе". Во второй грамотѣ Царь формальнымъ образомъ принимаетъ предложеніе регента о посредничествѣ между Россіей и Швеціей для заключенія мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Шлейницъ уполномочивается вести переговоры съ Версальскимъ дворомъ по этому предмету *).

Только не раньше 4-го августа графу Мусину-Пушкину удалось, за спиною посланника, получить секретную аудіенцію у регента. На этой аудіенціи гр. Мусинъ-Пушкинъ изложилъ регенту цѣль возложеннаго на него секретнаго порученія и прямо спросилъ регента: вѣритъ ли онъ Шлейницу? На этотъ вопросъ онъ получилъ отвѣтъ: „Безъ сомнѣнія, лучше вѣрится природному, чѣмъ чужестранному; Шлейницъ — нѣмецъ, оттого я ему мало вѣрю". Но въ дальнѣйшія объясненія регентъ не входилъ и отослалъ Мусина-Пушкина къ Дюбуа.

Переговоры съ Дюбуа были чрезвычайно затруднены финансовымъ крахомъ знаме-

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 200 et suiv.

plongea dans la ruine un grand nombre de personnes. Cette catastrophe absorbait entièrement l'attention du gouvernement français et Moussine-Pouschkine se vit forcé d'occuper assez longtemps son appartement privé. Enfin Dubois fut dans la possibilité de lui expliquer la cause véritable des mauvaises dispositions du Régent à l'égard de Schleinitz.

„La question que nous avons traitée avec lui", dit Dubois, „a été connue, jusqu'au moindre détail, au Hanovre, en Suède et à Vienne. Personne d'autre ne pouvait l'ébruiter. Bien que cette indiscrétion ne nous ait causé aucun préjudice, il ne faut pas moins prendre des mesures en conséquence; — l'arrivée du prince Kourakine présenterait quelques difficultés, car il serait impossible de la tenir secrète".

Ce n'est que le 31 décembre 1720 que le comte Moussine-Pouschkine obtint son audience de congé auprès du Régent, qui à cette occasion, recommanda au Tsar avec insistance de hâter la conclusion de la paix avec la Suède. Après la signature de ce pacte, le moment sera venu de conclure une alliance entre les Etats soucieux de veiller au maintien de l'équilibre politique en Europe.

Les rapports du comte Moussine-Pouschkine ont eu, comme résultat, le rappel immédiat du baron Schleinitz de Paris, dont „la conduite a éveillé du mécontantement et des soupçons à la cour de Versailles". Il ne fut pas remplacé par le prince Kourakine dont la candidature fut déclinée à Paris sous prétexte qu'il était impossible de dissimuler son arrivée—ce qui n'était pas absolument nécessaire pour un ministre de Russie. Le Tsar crut devoir, dans cette circonstance, tenir compte également du désir du Régent et nomma comme son représentant à la cour de Versailles le prince Basile Dolgorouky, ministre plénipotentiaire à la cour de Danemark. Le Régent n'éleva aucune objection à cette nomination.

Le prince Dolgorouky se trouva rendu à son poste le 4 février 1721, et fut reçu le 13 février par le Régent, avec le baron de Schleinitz. Presque à la même date, le 8 février, arrivait à St. Pétersbourg M. de Campredon, le ministre de France nouvellement accrédité à la cour du Tsar, et fut reçu le 12 février en audience par Pierre I.

Toutefois, si Campredon a représenté la France en Russie pendant quelques années, sauf

нитаго Ло, приведшимъ къ разоренію безчисленнаго множества людей. Этотъ финансовый кризисъ всецѣло поглощалъ вниманіе французскаго правительства, и Мусину-Пушкину долго пришлось жить на партикулярной квартирѣ. Наконецъ Дюбуа могъ объяснить гр. Мусину-Пушкину дѣйствительную причину неудовольствія регента противъ Шлейница.

„О которомъ дѣлѣ мы съ Шлейницемъ говорили", сказалъ Дюбуа, „все, отъ слова до слова, въ Ганноверѣ, въ Швеціи и Вѣнѣ извѣстно. Кромѣ Шлейница, некому этого разгласить. Хотя это разглашеніе не можетъ въ нашемъ дѣлѣ никакого препятствія сдѣлать, однако надобно принять другія мѣры, а князю Куракину сюда пріѣхать нельзя, потому что нельзя будетъ утаить его пріѣзда".

Не ранѣе 31-го декабря 1270 года графъ Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ свою отпускную аудіенцію у регента. На этой аудіенціи герцогъ Орлеанскій еще разъ настоятельнымъ образомъ совѣтовалъ Царю поспѣшить заключеніемъ мира съ Швеціей. Послѣ же подписанія этого мира наступитъ время для заключенія союза между государствами, желающими поддержанія европейскаго равновѣсія.

Донесенія гр. Мусина-Пушкина имѣли послѣдствіемъ немедленное отозваніе барона Шлейница изъ Парижа „по причинѣ произшедшаго на него при Дворѣ (Версальскомъ) негодованія и подозрѣнія". На мѣсто же его не былъ назначенъ князь Куракинъ, котораго прибытіе въ Парижъ было отклонено подъ предлогомъ, что нельзя будетъ скрыть его пріѣздъ, — чего собственно и не требовалось для русскаго посланника. Царь и въ этомъ случаѣ уважилъ желаніе регента и назначилъ своимъ представителемъ при Версальскомъ дворѣ князя Василія Лукича Долгорукаго, который состоялъ полномочнымъ министромъ при Датскомъ дворѣ. Противъ этого назначенія регентъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій.

Князь Долгорукій прибылъ на свой новый постъ 4-го февраля 1721 года, и 13-го февраля, вмѣстѣ съ барономъ Шлейницемъ, былъ принятъ регентомъ. Почти въ тѣ же самые дни, а именно 8-го февраля, прибылъ въ С.-Петербургъ вновь назначенный къ царскому двору французскій полномочный министръ, Кампредонъ, и 12-го февраля удостоился аудіенціи у Царя.

Однако, если Кампредонъ, съ промежутками, нѣсколько лѣтъ былъ представителемъ Франціи

quelques intermittences, le séjour du prince Dolgorouky à Paris fut de courte durée; c'est en juin de la même année qu'il fut rappelé de son poste.

Avant de parler du concours que Campredon a prêté à la conclusion de la paix de Nystad, et de l'attitude qu'il a assumée en Russie, il importe de signaler un fait caractéristique de cette époque.

En décembre 1717, l'abbé Bagnon, président de l'Académie française, informa par lettre officielle le Tsar de Russie de son élection comme membre de cette Académie. Le Tsar accueillit cette dignité avec une visible satisfaction et envoya à Paris, en février, un certain Schumacher, porteur d'une lettre dans laquelle Pierre I exprimait sa plus vive gratitude pour l'honneur dont il a été l'objet.

En janvier 1721, M. de Campredon, ministre de France à la cour de Suède, reçut l'ordre de se rendre en Russie, en qualité d'envoyé extraordinaire, pour remplir le rôle de médiateur entre la Russie et la Suède. Conformément à ses instructions *), Campredon devait „flatter le Tzar“ et chercher par tous les moyens de rendre moins onéreuses les conditions proposées par la Russie à la Suède. Il devait chercher à persuader le Tsar de se contenter de l'adjonction de Reval et de rénoncer à l'incorporation des provinces de la Baltique.

Campredon arriva à St. Pétersbourg le 8 février 1721 et, d'après le témoignage de La Vie, agent du gouvernement français, son arrivée causa aux habitants de cette capitale „une joie inexprimable“, car tous attendaient la paix avec impatience. Tous étaient convaincus qu'avec le concours de la France, la paix avec la Suède serait signée avant le commencement d'une nouvelle campagne.

Le Tsar reçut également le médiateur français avec une grande satisfaction et beaucoup d'empressement. Il l'invitait à ses „assemblées“, prenait du vin à sa santé, sans le forcer à se livrer à des libations exagérées. Il désigna, pour traiter avec Campredon, trois plénipotentiaires: Golovkine, Tolstoy et Schafirow. Mais le Tsar entrait souvent lui-même dans la salle des con-

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. I, p. 208 et suiv.—Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. LX, p. 145 et suiv.

въ Россіи, то, наоборотъ, пребываніе князя Долгорукаго въ Парижѣ было весьма непродолжительное; въ іюнѣ того же года онъ былъ отозванъ отъ своего поста.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію участія Кампредона въ заключеніи Ништадскаго мира и его образа дѣйствія въ Россіи, необходимо указать на одинъ знаменательный фактъ этого времени.

Въ декабрѣ 1717 года президентъ французской Академіи, аббатъ Ваньонъ, извѣстилъ офиціальнымъ письмомъ русскаго Царя объ избраніи его въ члены Академіи. Царь съ видимымъ удовольствіемъ принялъ подносимое ему званіе, и въ февралѣ 1721 года отправилъ въ Парижъ нѣкоего Шумахера съ царскою грамотою, въ которой была выражена живѣйшая признательность Петра I за оказанную ему честь.

Въ январѣ 1721 года французскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, Кампредонъ, получилъ приказаніе отправиться въ Россію, въ званіи чрезвычайнаго посланника, для исполненія роли посредника между Россіей и Швеціей. На основаніи данныхъ ему инструкцій *), Кампредонъ долженъ былъ „льстить Царю“ и стараться всѣми силами объ уменьшеніи тяжести мирныхъ условій, предложенныхъ Россіею Швеціи. Между прочимъ, долженъ былъ онъ стараться, чтобъ Царь согласился удовольствоваться присоединеніемъ Ревеля, и отказался бы отъ присоединенія всего Прибалтійскаго края.

Кампредонъ прибылъ въ С.-Петербургъ 8-го февраля 1721 года и, по словамъ французскаго агента Лави, его пріѣздъ „невыразимо обрадовалъ жителей этой столицы“, потому что всѣ жаждали мира. Всѣ были увѣрены, что при посредничествѣ Франціи миръ съ Швеціей будетъ подписанъ до начала новой кампаніи.

Царь также принялъ французскаго посредника съ большою радостію и великимъ почетомъ. Онъ приглашалъ его на свои „ассамблеи“, пилъ за его здоровье и разрѣшалъ ему иногда отказываться отъ питья. Для переговоровъ съ Кампредономъ онъ назначилъ трехъ уполномоченныхъ: Головкина, Толстого и Шафирова. Но самъ Царь неоднократно входилъ

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. I, p. 208 et suiv. — Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. LX, стр. 145 и слѣд.

férences et énonçait personnellement à Campredon ses réclamations. Il lui arrivait de se présenter en casaque de matelot, en revenant de ses travaux à l'amirauté. Les pourparlers se passaient en langue allemande, choisie par les plénipotentiaires russes.

On reconnut bientôt l'impossibilité d'en arriver à un accord entre les plénipotentiaires russes et le médiateur français. A toutes les exhortations de Campredon de réduire les conditions de paix, proposées à la Suède, le Tsar répondait, en riant, que „Dieu le punirait s'il retranchait de son Empire, pour faire plaisir à un autre, le fruit de tant de sang, de peine et d'argent". „Si la Suède", ajoutait Pierre I, „prenait le seul sage parti qui lui reste, en acceptant la paix qu'elle refuse depuis dix ans, il me donnait les mêmes assurances qu'il ne se mêlerait point de ses affaires domestiques."

En faisant part à Dubois de cette opposition inéxorable de Pierre I, Campredon dit en terminant avec un certain désespoir: „Voilà, Monseigneur, tout ce que j'ai pu obtenir, après avoir essuyé bien des travers, tant de la part des mauvaises impressions qu'on avait données au Tzar, que de la fierté de ses ministres, qui joignent à très peu de politesse la vanité outrée de la situation de leur maître." (Rapport de Campredon à l'Archevêque de Cambrai du 14 mars 1721).

Malgré les courtoisies du Tsar, le ministre de France ne put rien obtenir. Ses plaintes au sujet de l'arrogance des plénipotentiaires russes étaient parfaitement fondées. Il devait attendre des heures entières pour être admis à une audience. Lorsque Campredon leur dit que le Régent pourrait amener la Suède à céder au Tsar Köxholm, jusqu'à la rivière Sisterbek, St. Pétersbourg, l'Ingrie jusqu'à la Narova, le Chancelier Golovkine, Tolstoy, Schafirow et Ostermann ne purent garder leur sérieux.

„Ces Messieurs", écrivait le ministre de France à Dubois, en date du 22 mars 1721, „se mirent à rire à gorge déployée, me demandèrent si je parlais sérieusement et si c'était de la part des Suèdois que je faisais cette offre. Je leur dis que je n'avais aucune offre à faire de la part des Suèdois, que je n'agissais que d'office et selon que j'avais pu comprendre qui pourrait amener les choses à un prompt accomodement."

въ зало засѣданій уполномоченныхъ и лично высказывалъ Кампредону свои требованія. Иногда приходилъ онъ въ матроской курткѣ, по возвращеніи съ работъ въ адмиралтействѣ. Всѣ переговоры происходили на нѣмецкомъ языкѣ, избранномъ русскими уполномоченными.

Весьма скоро обнаружилась полная невозможность соглашенія между русскими уполномоченными и французскимъ посредникомъ. На всѣ увѣщанія Кампредона умѣрить условія мира, предъявленныя Швеціи, Царь отвѣчалъ смѣясь, что „Господь наказалъ бы его, еслибъ онъ, изъ желанія сдѣлать удовольствіе другому, отдѣлилъ отъ своей имперіи плоды столькихъ трудовъ, крови и денегъ". „Если Швеція", прибавилъ Петръ I, „приметъ единственное разумное рѣшеніе, какое еще остается ей, согласившись на миръ, отъ котораго она уже десять лѣтъ отказывается, то онъ, Царь, увѣряетъ положительно, что не станетъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла".

Донося Дюбуа о такой неумолимости Петра I, Кампредонъ, съ нѣкоторымъ отчаяніемъ, заключаетъ: „Вотъ, ваше преосвященство, все, чего я могъ добиться, пройдя черезъ многія неудачи какъ вслѣдствіе дурного мнѣнія, которое внушили Царю, такъ и вслѣдствіе надменности его министровъ, которые къ недостатку вѣжливости присоединяютъ еще крайнее тщеславіе положеніемъ своего Государя". (Донесеніе Кампредона архіепископу Камбрэскому отъ 14-го марта 1721 г.).

Французскій посланникъ ничего не добился, несмотря на всѣ любезности со стороны Царя. Но его жалобы на высокомѣріе русскихъ уполномоченныхъ были совершенно справедливы. Такъ, его заставляли ждать цѣлые часы начала пріема. Когда Кампредонъ сказалъ русскимъ уполномоченнымъ, что регентъ Франціи можетъ быть убѣдитъ Швецію уступить Царю Кексгольмъ до рѣки Систербека, Петербургъ, Ингрію до рѣки Наровы, Канцлеръ Головкинъ, Толстой, Шафировъ и Остерманъ громко расхохотались.

„Эти господа", писалъ французскій посланникъ къ Дюбуа 22-го марта 1721 г., „принялись хохотать во все горло, спрашивая меня, серьезно ли я говорю, и не отъ имени ли Шведовъ дѣлаю такое предложеніе. Я отвѣтилъ, что мнѣ нечего предлагать отъ имени Шведовъ, что я дѣйствую только какъ посредникъ, и въ такомъ смыслѣ, который, по моему мнѣнію, скорѣе всего могъ бы привести къ соглашенію".

Ostermann dit franchement à Campredon qu'en présence d'une semblable déclaration du médiateur, toute négociation ultérieure lui semblait, à lui ainsi qu'à ses collègues, complétement stérile. „Certes, Monsieur", dit-il, „nous sommes fâchés de la peine que vous avez prise en ce long voyage, mais vous pouvez compter qu'il n'y a point de paix à faire entre nous et la Suède, qu'en établissant pour frontière la mer entre deux."

Campredon espérait sur l'influence du prince Menschikow pour convaincre Pierre I à faire quelques concessions à la Suède. Mais c'était en vain. Menschikow déclara catégoriquement au ministre de France que, „le Tzar ne cédera point la Livonie, ni l'Esthonie, et de l'autre côté, il ne veut point voir de sa fenêtre les terres de son voisin."

On comprend les sentiments de désespoir et de dépit qui devaient enfin s'emparer de Campredon. Il ne voyait aucun moyen d'amener Pierre I et ses ministres à user de quelque condescendance à l'égard de la Suède et à renoncer à l'objectif, visé par les efforts d'une politique plusieurs fois séculaire. C'est par ces sentiments de désespoir que s'expliquent les paroles suivantes que nous trouvons dans son rapport du mois de mars:

„Rien ne m'ayant paru encore si difficile depuis que je suis dans les affaires que d'en traiter avec ces gens-ci, aussi fiers sur leur palier qu'ils sont méfiants et dissimulés. Aucun des ministres que j'ai visités ne m'est encore venu voir, excepté M. de Roumianzoff et les ministres de Prusse, de Hollande, de Holstein et de Danemark." C'est ce qu'écrivait le ministre de France le 22 mars, c. a. d. un mois après qu'il eut fait des visites aux ministres russes. Campredon termine ce rapport par un cri de désespoir en ces termes: „vous assurant d'ailleurs que je n'ai jamais vu un séjour si désagréable que celui-ci, ni où la manière de vivre soit si nuisible à ma faible santé, paraissant même assez visible qu'on n'y est pas prévenu en ma faveur, à cause du long séjour que j'ai fait en Suède."

Dans ces conditions, Campredon ne voyait aucune nécessité de continuer son séjour en Russie et quitta ce pays à la fin de mars pour retourner en Suède.

A l'audience de congé, le Tzar lui donna une preuve de confiance flatteuse, en lui offrant son

Остерманъ откровенно сказалъ Кампредону, что въ виду такихъ заявленій посредника, всѣ переговоры кажутся ему и его коллегамъ совершенно безплодными. „Конечно", сказалъ онъ, „намъ очень жаль, что сдѣланный вами длинный путь доставилъ вамъ столько лишеній, но между нами и Швеціей не можетъ быть мира иначе, какъ поставивъ море границей между обоими".

Кампредонъ надѣялся, что вліятельный князь Меншиковъ уговоритъ Петра I быть болѣе уступчивымъ въ отношеніи Швеціи, но тщетно. Меншиковъ категорически объявилъ французскому посланнику, что „Царь не уступитъ ни Ливонію, ни Эстонію, а съ другой стороны, — онъ не желаетъ изъ собственнаго окна видѣть земли сосѣда".

Понятно будетъ чувство отчаянія и досады, овладѣвшее въ концѣ концовъ Кампредономъ: онъ не видѣлъ никакого средства заставить Петра I и его министровъ быть болѣе снисходительными къ Швеціи и отказаться отъ достиженія многовѣковой цѣли русской политики. Такимъ чувствомъ отчаянія объясняются слѣдующія слова его мартовскаго донесенія:

„Съ тѣхъ поръ, какъ я служу, ничто еще не казалось мнѣ болѣе труднымъ, чѣмъ вести переговоры съ здѣшними людьми, столь же высокомѣрными, сколько и подозрительными и неискренними. Ни одинъ изъ посѣщенныхъ мною министровъ не отдалъ еще мнѣ визита, кромѣ Румянцова и министровъ прусскаго, голландскаго, голштинскаго и датскаго". Это писалъ французскій посланникъ 22-го марта, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ его визитовъ русскимъ министрамъ. Это свое донесеніе Кампредонъ оканчиваетъ крикомъ отчаянія въ словахъ: „Смѣю васъ увѣрить, что мнѣ никогда не случалось испытывать пребыванія, болѣе непріятнаго, чѣмъ здѣсь, ни образа жизни, болѣе вреднаго для моего слабаго здоровья; къ тому же весьма замѣтно, что здѣсь не очень расположены въ мою пользу, по причинѣ продолжительнаго пребыванія моего въ Швеціи".

При такихъ обстоятельствахъ Кампредонъ не видѣлъ никакой надобности продолжить свое пребываніе въ Россіи, и въ концѣ марта выѣхалъ обратно въ Швецію. При прощаніи Царь ему выказалъ лестное довѣріе и подарилъ ему свой портретъ, осыпанный брил-

portrait, enrichi de diamants, mais il ne fit aucune concession quant aux conditions de paix avec la Suède. Campredon pensait qu'il serait possible de sauver la Suède, si la cour de Versailles consentait à faire le sacrifice de 40.000 ducats pour suborner les ministres russes, accessibles tous à la vénalité. Un semblable conseil prouvait combien Campredon se meprenait sur le caractère de Pierre le Grand, s'il croyait que des ministres subornés pouvaient lui faire abandonner des combinaisons en vue desquelles il a poursuivi, pendant 20 ans, cette guerre du Nord, si ruineuse.

Après l'issue malheureuse de cette médiation française, les pourparlers entre les plénipotentiaires de Russie et de Suède ont repris leur cours, et le traité de Nystad fut signé le 30 août (11 septembre).

Campredon eut le mérite, à son retour à Stockholm, d'avoir franchement éclairé le gouvernement suédois sur les difficultés de sa situation, en lui faisant comprendre qu'il n'avait à attendre du secours d'aucune part. La Suède dût se convaincre que cette manière de voir était parfaitement juste et n'a pas hisité à accepter les conditions de paix de Nystad.

En automne de 1721, Campredon eut l'occasion de voir par lui-même „la joie inexprimable“ du Tsar de Russie à l'occasion de ce grand événement historique qui ouvrit à la Russie l'accès à la mer. Le Régent avait un moment l'intention de laisser Campredon à Stockholm et de nommer au poste de ministre de France en Russie un certain Verton qui avait obtenu les suffrages du Tsar, lors de son séjour à Paris. Mais ce projet fut abandonné et Campredon reçut l'ordre de se rendre de Stockholm à St. Pétersbourg, en qualité de représentant de la France. Il arriva dans cette capitale en octobre 1721 pour y rester pendant cinq ans, jusqu'à 1726.

Le ministre de France reçut de la part de Pierre le Grand l'accueil le plus flatteur: il fut immédiatement admis à une audience chez le Tsar, les ministres russes s'empressèrent de lui rendre ses visites; au Te Deum, célébré à l'occasion de la conclusion de la paix, le Tsar se tourna à plusieurs reprises de son côté, l'invita à se rapprocher de lui et recommanda au comte Matweef de lui donner des explications au sujet du service religieux. Pierre le Grand prit toutes ces dispositions à l'Eglise, tout en chantant des cantiques avec le clergé. Enfin, à tous les bals masqués et à toutes les fêtes Pierre

ліантами. Но ни одной уступки онъ не сдѣлалъ въ своихъ условіяхъ мира со Швеціею. Кампредонъ думалъ, что еслибъ Версальскій дворъ согласился пожертвовать 40.000 червонцевъ для подкупа русскихъ министровъ, которые, по его словамъ, всѣ продажны, то тогда еще можно было бы спасти Швецію. Такой совѣтъ доказываетъ, какъ мало Кампредонъ понималъ Петра В., если полагалъ, что подкупленные министры могли заставить Царя отказаться отъ своихъ цѣлей, для достиженія которыхъ онъ велъ раззорительную Сѣверную войну въ продолженіи 20 лѣтъ.

Послѣ неудачнаго исхода миссіи французскаго посредника возобновились переговоры между уполномоченными Россіи и Швеціи, и 30-го августа (11-го сентября) 1721 года былъ подписанъ Ништадскій мирный трактатъ.

Кампредону принадлежитъ заслуга, что онъ, по возвращеніи въ Стокгольмъ, откровенно объяснилъ шведскому правительству безвыходность его положенія: ждать съ чьей бы то ни было стороны помощи было бы безуміемъ. Въ справедливости этого положенія убѣдилась Швеція и подписала условія мира съ Россіею въ Ништадѣ.

Самому же Кампредону пришлось, осенью 1721 года, увидѣть „невыразимую радость“ русскаго Царя по случаю этого великаго историческаго событія, открывшаго Россіи естественный выходъ въ море. Первоначальное намѣреніе регента Франціи было оставить Кампредона въ Стокгольмѣ и назначить французскимъ посланникомъ въ Россію нѣкоего Вертона, понравившагося Царю во время его пребыванія въ Парижѣ. Но это назначеніе не осуществилось, и Кампредону было приказано переѣхать изъ Стокгольма въ С.-Петербургъ, въ качествѣ представителя Франціи. Въ октябрѣ 1721 года онъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и оставался 5 лѣтъ, т. е. до 1726 года.

Со стороны Петра В. французскій посланникъ удостоился самаго лестнаго пріема: онъ былъ немедленно принятъ Царемъ, русскіе министры немедленно отдали ему визиты, и въ церкви, во время торжественнаго молебствія по случаю заключенія мира, Царь неоднократно обертывался къ нему, пригласилъ его стать ближе къ нему, а графу Матвѣеву приказалъ объяснять посланнику службу. Самъ же Петръ В. распѣвалъ службу вмѣстѣ съ пѣвчими. Наконецъ, на всѣхъ маскарадахъ и празднествахъ Царь постоянно отличалъ представителя Франціи, вызывая общее вниманіе. На

le Grand se plaisait à distinguer particulièrement le représentant de la France, en attirant là dessus l'attention générale. A une fête chez le comte Kinsky, ministre d'Autriche, l'Empereur, en apercevant Campredon, s'en approcha de la manière la plus aimable et l'embrassa en „signe d'amitié", comme le dit le ministre lui-même dans son rapport du 17 novembre 1721. Bien plus: à la noce du prince Troubetzkoi l'épousée vint sur l'ordre du Tsar, prendre le ministre de France pour danser avec lui et il ne put s'y refuser, bien qu'il n'eut pas dansé depuis dix ans.

Toutes ces courtoisies et ces attentions inusitées dont ce diplomate était l'objet de la part de Pierre le Grand avaient un but secret: elles devaient préparer la voie à la conclusion d'une alliance entre la Russie et la France. Après la signature de la paix de Nystad, c'était le voeu le plus cher de Pierre le Grand, qui y voyait la garantie la plus sûre contre toute tentative de la Suède de reprendre les provinces baltiques.

Le baron de Schleinitz, resté provisoirement à Paris, fut chargé d'adresser des ouvertures à ce sujet au cabinet de Versailles, au nom de l'Empereur, par une note du 28 septembre, ayant pour objet de développer la pensée, qu'une alliance entre la Russie, la France et la Suède constituerait la garantie la plus sûre pour le maintien de la paix au Nord de l'Europe *).

Schafirow et Ostermann traitèrent immédiatement cette question avec Campredon, en lui exposant tous les avantages que la France, aussi bien que la Russie, pourraient retirer de cette alliance. Toutefois, ils trouvaient qu'il n'était pas de la dignité de la Russie de vouloir l'imposer au cabinet français et ils s'appliquaient, au contraire, à prouver au ministre de France que la Russie était recherchée par toutes les puissances.

Les pourparlers de Campredon à ce sujet n'aboutirent pas moins à aucun résultat. Le cardinal Dubois, qui dirigeait la politique française, ne songeait pas à renoncer à l'alliance de l'Angleterre, qui témoignait une hostilité manifeste à la Russie. Il ne voyait aucune raison qui pût le déterminer à substituer la Russie à l'Angleterre dans le système politique de la France. Pierre le Grand avait des preuves irrécusables que ses ouvertures, les plus secrètes, faites au cabinet de Versailles étaient aussitôt communiquées à Londres. „Je vous déclare", dit le

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. I, p. 247 et suiv.

пиру у графа Кинскаго, австрійскаго посланника, Императоръ, увидѣвъ Кампредона, подошелъ къ нему самымъ любезнымъ образомъ и поцѣловалъ его „въ знакъ дружбы" — какъ прибавляетъ самъ посланникъ въ своемъ донесеніи отъ 17-го ноября 1721 года. Этого мало: на свадьбѣ князя Трубецкаго посланникъ долженъ былъ танцовать съ новобрачною, подосланною къ нему самимъ Государемъ. Несмотря на то, что онъ 10 лѣтъ не танцовалъ, онъ не могъ отказать.

Эти необычайныя любезности и вниманіе, оказанныя представителю Франціи со стороны Петра В., имѣли свою тайную цѣль: онѣ должны были подготовить путь къ заключенію союза между Россіею и Франціею. Объ этомъ союзѣ Петръ В. мечталъ послѣ Ништадскаго мира, усматривая въ немъ надежнѣйшій оплотъ противъ всѣхъ попытокъ со стороны Швеціи возвратить себѣ Прибалтійскія провинціи.

Съ предложеніемъ такого союза обратился, именемъ Императора, къ Версальскому кабинету, баронъ Шлейницъ, остававшійся пока въ Парижѣ, нотою отъ 28-го сентября, въ которой была развита мысль, что союзъ между Россіею, Франціей и Швеціей послужитъ лучшею гарантіею мира на сѣверѣ Европы *).

О заключеніи такого союза немедленно заговорили съ Кампредономъ Шафировъ и Остерманъ, доказывая всю пользу его какъ для Франціи, такъ и для Россіи. Однако, они не считали достойнымъ Россіи навязывать такой союзъ, но, напротивъ, старались убѣдить французскаго посланника, что всѣ державы заискиваютъ у Россіи и дѣлаютъ ей предложенія.

Однако, переговоры Кампредона о заключеніи союза окончились вполнѣ неудачно. Руководитель французской политики, кардиналъ Дюбуа, не думалъ отказаться отъ союза съ Англіей, которая относилась къ Россіи явно враждебнымъ образомъ. Онъ не видѣлъ никакой причины, которая могла бы побудить его замѣнить Англію Россіею въ политической системѣ Франціи. Петръ В. имѣлъ положительныя доказательства, что самыя секретныя предложенія его Версальскому кабинету немедленно сообщались въ Лондонъ. Поэтому Царь кате-

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. I, p. 247 et suiv.

Tsar d'une manière catégorique à Campredon, „que jusqu'à ce que je sache, de quelle manière la négociation a été découverte, je ne puis entrer en aucune négociation avec la France, parce que si les secrets y sont ainsi divulgués, je ne puis compter sur rien de solide. Il se peut faire, et je veux le croire, que la chose vient de quelqu'un de mes gens, et c'est ce qu'il m'est important de savoir, et je vous en croirai sur la réponse qui vous sera faite de votre Cour." (Rapport de Campredon du 21 décembre 1721).

Dubois qui, par des communications à Londres, ne cessait de violer le secret des pourparlers avec la Russie, n'hésita pas à inscrire, sur le rapport de Campredon, que cette plainte de l'Empereur de Russie ne pouvait s'expliquer que par son désir d'empaler un de ses ministres!

D'ailleurs, on ne saurait contester que la conduite des ministres russes ne fût de nature à provoquer des plaintes justifiées de la part du ministre de France. Les négociations secrètes au sujet du traité d'alliance se poursuivaient alternativement avec Schafirow, Tolstoy, Yagoujinsky ou Menschikow. Chacun d'eux avait ses propres vues à ce sujet, et personne n'avait de la confiance dans les autres. Au contraire, chacun faisait entendre à Campredon qu'il ne fallait pas croire à ses collègues. Enfin, le Tsar lui-même semblait se défier de Yagoujinsky, dans la maison duquel il avait un entretien d'affaires avec le ministre de France. Quant à Menschikow, Pierre le Grand disait qu'il ne pouvait pas l'envoyer à Stockholm, à la tête de l'ambassade chargée de jurer l'observation de la paix de Nystad, parce „qu'il parlait allemand, et pourrait, par ce moyen, mettre au jour son peu de capacité et les sottises dont il est uniquement capable" *).

En attendant, c'est à ce même prince Menschikow que le ministre de France était appelé à s'adresser, quand il ne parvenait pas à s'entendre avec les autres ministres du Tsar.

Si l'on ajoute à cela le fait que, pendant plusieurs mois, Campredon ne recevait aucune instruction quant aux pourparlers au sujet d'une alliance

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XL, p. 364.

горически сказалъ Кампредону: „Я объявляю вамъ, что покуда я не узнаю, какъ и черезъ кого о нихъ узнали, я не могу входить ни въ какіе переговоры съ Франціей, потому что, разъ въ ней разглашаются такимъ образомъ секреты, на нее ни въ чемъ серьезномъ положиться нельзя. Очень возможно, и я охотно повѣрю, что въ этомъ виновенъ кто-нибудь изъ моихъ, но мнѣ необходимо знать это навѣрное. Я повѣрю тому, что отвѣтитъ вамъ на этотъ счетъ вашъ дворъ". (Донесеніе Кампредона отъ 21-го декабря 1721 года).

Дюбуа, постоянно нарушавшій тайну своими сообщеніями въ Лондонъ о всѣхъ переговорахъ съ Россіею, не затруднился надписать на донесеніи Кампредона, что такая жалоба русскаго Императора объясняется единственно его желаніемъ посадить на колъ кого-нибудь изъ своихъ министровъ!

Впрочемъ, нельзя отрицать, что поведеніе русскихъ министровъ вызывало справедливыя жалобы со стороны французскаго посланника. Секретные переговоры о союзномъ трактатѣ происходили то съ Шафировымъ, то съ Толстымъ, то съ Ягужинскимъ, то съ Меншиковымъ. Между тѣмъ, каждый изъ нихъ имѣлъ свой взглядъ на этотъ предметъ, и ни одинъ изъ нихъ не питалъ довѣрія къ другому. Напротивъ, каждый давалъ понять Кампредону, что ему не слѣдуетъ вѣрить другому, его коллегѣ. Наконецъ, самъ Царь высказывалъ недовѣріе свое къ Ягужинскому, въ домѣ котораго онъ имѣлъ разговоръ съ французскимъ посланникомъ. Про князя же Меншикова Петръ В. сказалъ, что онъ не можетъ его отправить въ Стокгольмъ, во главѣ торжественнаго посольства, для дачи клятвы въ соблюденіи Ништадскаго мира, по той причинѣ, что князь „говоритъ по-нѣмецки и, слѣдовательно, можетъ обнаружить передъ всѣми свою бездарность и наговорить глупостей, на которыя онъ только и способенъ" *).

Между тѣмъ, къ этому самому князю Меншикову долженъ былъ неоднократно обращаться французскій посланникъ, когда онъ не въ состояніи бывалъ добиться какого-либо толка отъ другихъ министровъ Царя.

Если ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ еще прибавить неполученіе Кампредономъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, никакихъ

*) Сборникъ И. Р. Историческаго Общества, т. XL, стр. 364.

avec la Russie, on comprendra combien sa situation était difficile à la cour de St. Pétersbourg, où l'existence lui semblait insupportable. Il devait prendre part à toute espèce de fêtes et se convaincre, à cette occasion, que les dames russes pouvaient consommer bien plus de vin que lui dont la santé était ébranlée. Il ne recevait aucune dépêche de Dubois auquel il adressait régulièrement ses rapports. Ce n'est qu'en février 1722 qu'il reçut la première dépêche de son gouvernement, depuis son arrivée en Russie. Elle était complètement nulle et sans importance.

инструкцій насчетъ переговоровъ о союзѣ съ Россіей, то нетрудно будетъ себѣ представить безвыходность его положенія при С.-Петербургскомъ дворѣ, гдѣ жизнь ему казалась совершенно невыносимою. Онъ долженъ былъ участвовать во всевозможныхъ празднествахъ и убѣдиться въ томъ, что русскія дамы могли пить вина гораздо больше его, слабаго здоровьемъ. Отъ Дюбуа, которому онъ писалъ свои донесенія весьма аккуратно, онъ не получалъ никакихъ депешъ. Только въ февралѣ 1722 года онъ получилъ отъ своего правительства первую послѣ своего прибытія въ Россію депешу. Но она была совершенно безсодержательна и безполезна.

Cette attitude du cabinet de Versailles rendit non seulement la situation de son représentant en Russie insoutenable, mais le compromit entièrement aux yeux de Pierre le Grand et de ses ministres. Voyant que le ministre de France ne recevait aucune communication de sa Cour, et qu'il ne pouvait lui dire rien de positif, le Tsar chercha à éviter toute rencontre avec lui, et lui fit des passe-droit avec intention.

Такой образъ дѣйствія Версальскаго кабинета не только создалъ для его представителя въ Россіи невыносимое положеніе, но окончательно дискредитировалъ его въ глазахъ Петра В. и его министровъ. Видя, что французскій посланникъ не получаетъ никакихъ нструкцій отъ своего двора и ничего положительнаго сказать не можетъ, Царь сталъ избѣгать встрѣчи съ нимъ и умышленно его обходилъ.

Campredon se trouva dans la nécessité de s'énoncer franchement à son gouvernement. En mars 1722, il écrivait en ces termes au cardinal Dubois: „Je n'ai l'honneur d'écrire aujourd'hui à Votre Eminence que pour lui confirmer, que son silence commence à détruire toutes les mesures que j'avais prises pour la réussite des négociations dont Son Altesse Royale m'avait chargé en cette Cour-ci; que cela donne champ libre aux autres puissances d'insinuer ce qu'elles jugent de leur intérêt, et que les ministres du Tzar même jugent que les intentions de la France n'ont été que de l'amuser par des propositions vagues sans aucune réalité" *).

Кампредонъ былъ принужденъ откровенно высказаться предъ своимъ правительствомъ. Въ мартѣ 1722 года онъ писалъ кардиналу Дюбуа въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Имѣю честь писать вамъ сегодня только съ тою цѣлью, чтобы вновь удостовѣрить, что ваше молчаніе начинаетъ уничтожать все, что сдѣлано мною для успѣха порученныхъ мнѣ его Королевскимъ Высочествомъ переговоровъ. Это молчаніе предоставляетъ другимъ державамъ свободу дѣйствовать, какъ имъ угодно, въ пользу своихъ интересовъ, и самимъ царскимъ министрамъ внушаетъ мысль, что Франція только хотѣла занять Царя неопредѣленными, лишенными всякой дѣйствительной почвы переговорами" *).

N'ayant reçu, durant son séjour de cinq mois en Russie, aucune instruction de son gouvernement, ce malheureux ministre cherchait lui-même à éviter des rencontres avec le Tsar. Lorsqu'en mars 1722 il y eut une „assemblée" chez le prince Menschikow, Campredon s'abstint de s'y rendre, sachant que l'Empereur devait y être. Arrivé à cette réunion, le Souverain demanda très gracieusement des nouvelles de la santé du ministre de France.

Не получивъ, въ продолженіе своего 5 мѣсячнаго пребыванія въ Россіи, никакихъ инструкцій отъ своего правительства, несчастный посланникъ самъ сталъ избѣгать встрѣчи съ Царемъ. Когда, въ мартѣ 1722 года, была ассамблея у князя Меншикова, Кампредонъ не пошелъ туда, зная, что тамъ будетъ Государь. Послѣдній, по прибытіи въ ассамблею, однако, очень милостиво освѣдомился о здоровьѣ французскаго посланника.

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XLIX, pag. 68 et suiv.

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. XLIX, стр. 68 и слѣд.

„Je sais“, écrivait celui-ci au cardinal Dubois, à la date du 27 mars 1722, „qu'il souhaiterait m'entretenir, mais je n'ai rien à lui dire, et comme mon séjour est absolument inutile auprès de ce prince, fortement persuadé par le silence de Votre Eminence, que la France le néglige et prend des mesures ailleurs, je supplie très humblement Votre Eminence d'avoir au moins la charité de me retirer d'ici, pour pouvoir finir mes jours en quelque lieu plus tranquille.“

Mais le cardinal Dubois ne trouvait aucune nécessité ni de soulager le sort de ce malheureux représentant de la France à la cour de Russie, ni de répondre à ses demandes si pressantes d'instructions. Enfin, en juillet 1722, Campredon reçut deux lettres du cardinal Dubois. Sa joie, en recevant ces lettres, fut aussi grande que fut sa déception après qu'il en eut pris connaissance. Elles ne contenaient que des idées générales, et aucune réponse précise à la question brûlante de l'alliance russe *). Des lettres subséquentes du cardinal Dubois, peu nombreuses, trahissaient son attitude hautaine dans cette question d'un accord entre la Russie et la France, et prouvaient qu'il ne se rendait nullement compte du revirement politique qui s'était opéré au Nord de l'Europe.

En attendant, Pierre le Grand fut si irrité de cette conduite de la cour du Versailles, qu'il ne se borna pas à cesser tout contact avec Campredon, mais qu'il donna également l'ordre au prince Dolgorouky de quitter Paris; le baron de Schleinitz, resté provisoirement dans cette capitale, dut également se rendre en Allemagne.

Enfin, en octobre 1722, Campredon reçut du cardinal Dubois une longue lettre, en date de Versailles le 3 (14) octobre, qui à juste titre pouvait passer pour des instructions**). L'idée principale de ce document se résume dans le passage suivant: „Quelque rang que le Tsar tienne aujourd'hui dans le monde, tant de circonstances peuvent faire rentrer sa monarchie dans l'obscurité, d'où il l'a tirée, qu'il y aurait de la témérité à rien donner au hasard dans les liens qu'on peut former avec lui.“

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XLIX, p. 117 et suiv.

**) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XLIX, p. 151 et suiv.

„Я знаю“, писалъ Кампредонъ 27 марта 1722 г. кардиналу Дюбуа, „что Царю хотѣлось бы поговорить со мною, но мнѣ нечего ему сказать. И такъ какъ мое пребываніе при этомъ монархѣ совершенно безполезно, а молчаніе Вашего Высокопреосвященства поселяетъ во мнѣ твердое убѣжденіе, что Франція пренебрегаетъ имъ и ищетъ союза съ другими, то я умоляю Ваше Высокопреосвященство имѣть, по крайней мѣрѣ, настолько состраданія, чтобы отозвать меня отсюда, дабы я могъ кончить дни свои въ какомъ-либо болѣе спокойномъ мѣстѣ“.

Но кардиналъ Дюбуа не считалъ возможнымъ ни выказать состраданія къ несчастному представителю Франціи при русскомъ дворѣ, ни отвѣчать на его умоляющія просьбы насчетъ инструкцій. Наконецъ, въ іюлѣ 1722 года, Кампредонъ получилъ два письма отъ кардинала Дюбуа. Если навѣрно была велика его радость при полученіи этихъ писемъ, то также навѣрно безгранично было его разочарованіе послѣ ихъ прочтенія. Въ обоихъ письмахъ содержались только общія фразы, но никакого отвѣта на жгучій вопросъ о союзѣ съ Россіею *). Послѣдовавшія затѣмъ рѣдкія письма Дюбуа обнаруживали болѣе высокомѣріе его въ вопросѣ о союзѣ между Россіею и Франціею, нежели пониманіе политическаго переворота, совершившагося на сѣверѣ Европы.

Между тѣмъ, Петръ В. настолько былъ недоволенъ поведеніемъ Версальскаго двора, что не только перестал разговаривать съ Кампредономъ, но приказалъ кн. Долгорукому уѣхать изъ Парижа и барону Шлейницу, еще остававшемуся на время тамъ, также выѣхать въ Германію.

Наконецъ, въ октябрѣ 1722 года Кампредонъ получилъ отъ кардинала Дюбуа длинное письмо изъ Версаля отъ 3 (14) октября, которое по справедливости можно считать инструкціею **). Основная мысль этого акта выражена въ слѣдующихъ его словахъ: „Какое бы высокое положеніе ни занималъ теперь Царь, по столько обстоятельствъ могутъ снова погрузить его имперію въ тотъ мракъ, изъ котораго онъ извлекъ ее, что было бы черезчуръ смѣло предоставлять что-либо на долю случая въ дѣлѣ союза съ нимъ“.

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. XLIX, стр. 117 и слѣд.

**) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. XLIX, стр. 151 и слѣд.

Ce scepticisme au sujet de la vitalité de l'Empire de Russie — cette vaste création du grand Réformateur — et la franchise avec laquelle l'inspirateur de la politique française croyait devoir l'énoncer à ce sujet, suffisent pour expliquer la teneur des instructions d'octobre. Elles se résument à cela que la France n'a pas à se préoccuper particuliérement de la conclusion de cette alliance. Toutefois, Campredon est autorisé à poursuivre les négociations commencées, et même à conclure un traité d'alliance, à condition d'y inclure les trois clauses suivantes: 1) L'Angleterre doit en faire partie; 2) les traités conclus par la France, notamment celui d'Utrecht, de Bade, de La Haye et de Londres sont maintenus inviolables, et 3) une guerre entre la Russie et la Porte ne constitue pas de *casus foederis*.

En outre, ce traité d'alliance doit être suivi aussitôt d'un traité de commerce qui devra assurer à la France les droits de la nation la plus favorisée.

Il y avait encore deux questions qui ont fait l'objet d'un échange d'idées entre la Russie et la France. C'était, en premier lieu, la reconnaissance du titre d'Empereur pour Pierre I. La cour de Versailles était toute disposée à donner suite à cette demande, mais à la condition absolue de garantir au Roi de France la jouissance de tous ses droits et priviléges honorifiques qui lui étaient reconnus. Mais d'après le système, adopté par Dubois, cette question ne devait être décidée qu'après la conclusion du traité d'alliance, qu'il cherchait à entraver le plus possible.

Enfin, la cour de Versailles n'ignorait pas que le Tsar n'avait pas renoncé à l'idée de voir sa fille Elisabeth épouser le roi de France. Lorsque ce projet échoua, le Tsar exprima le désir qu'un des princes français, et notamment le duc de Chartres, épousât la princesse Elisabeth. Le cardinal Dubois semblait y consentir, à condition que la Russie prît l'engagement de garantir au duc de Chartres le trône de Pologne. Il prescrivit à Campredon de proposer que ce mariage fût ajourné jusqu'à l'avénement du duc au trône, rendu vacant par la mort du roi actuel.

Telles étaient les instructions, adressées par le cardinal Dubois à Campredon après un silence inexorable de plusieurs mois. En vertu de ces instructions un projet de traité d'alliance fut

Такой скептицизмъ въ отношеніи жизнеспособности созданной великимъ Преобразователемъ императорской Россіи, такъ открыто высказанный руководителемъ французской политики, вполнѣ объясняетъ все содержаніе октябрьской инструкціи. Смыслъ ея тотъ, что Франціи нечего особенно хлопотать о заключеніи съ Россіею союза. Но Кампредону разрѣшается продолжать начатые переговоры, и даже подписать союзный трактатъ, если въ немъ будутъ соблюдены слѣдующія три условія: 1) Англія должна быть включена въ союзъ, 2) заключенные Франціею трактаты, какъ то: Утрехтскій, Баденскій, Гаагскій и Лондонскій должны оставаться неприкосновенными и, наконецъ, 3) война между Россіею и Турціей не должна считаться за *casus foederis*.

Кромѣ того, вслѣдъ за подписаніемъ союзнаго трактата долженъ быть заключенъ трактатъ торговый, въ силу котораго Франція должна получить права наиболѣе благопріятствуемой націи.

Были еще два дѣла, о которыхъ происходилъ обмѣнъ мыслей между Россіей и Франціей. Первое дѣло касалось признанія за Петромъ I титула Императора. Версальскій дворъ не отказывался исполнить это желаніе Царя, по подъ непремѣннымъ условіемъ сохраненія за королемъ французскимъ всѣхъ признанныхъ за нимъ правъ и почетныхъ преимуществъ. При томъ, по принятой Дюбуа системѣ, этотъ вопросъ также долженъ былъ рѣшиться только послѣ заключенія союзнаго трактата, для котораго онъ самъ придумывалъ всевозможныя преграды.

Наконецъ, Версальскій дворъ зналъ, что Царь не отказался отъ мысли о выходѣ его дочери Елизаветы замужъ за французскаго короля. Когда этотъ планъ рушился, Царь выразилъ желаніе, чтобъ одинъ изъ французскихъ принцевъ, и именно герцогъ Шартрскій, женился на принцессѣ Елизаветѣ. Дюбуа также не отвергаетъ этого проекта, если только Россія обезпечитъ за герцогомъ вступленіе на польскій престолъ. Онъ предписываетъ Кампредону предложить, чтобы этотъ бракъ былъ отложенъ до кончины польскаго короля и вступленія герцога Шартрскаго на польскій престолъ.

Таковы были инструкціи, данныя наконецъ кардиналомъ Дюбуа Кампредону послѣ неумолимаго молчанія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. На основаніи этихъ инструкцій былъ со-

rédigé, et Campredon fut chargé de le soumettre aux plénipotentiaires de l'Empereur*).

Lorsque le ministre de France en fit la communication au baron d'Ostermann, celui-ci s'empressa de lui faire observer que jamais un traité de cette nature n'obtiendrait la sanction de Sa Majesté Impériale. Aussi longtemps que la France voudra associer l'Angleterre à cette alliance, tous les pourparlers ultérieurs à ce sujet seront inutiles.

Quant au mariage de la princesse Elisabeth avec un prince français, la cour de Versailles crut devoir y poser également une condition impossible. La Grand Duchesse devait attendre la mort du Roi de Pologne, et le mariage ne pouvait se faire que si le duc de Chartres était élu au trône vacant. Il est évident que Pierre le Grand devait être froissé de cette manière de poser une question, qui le touchait de si pris, et y reconnaître le désir de la cour de Versailles de décliner ce projet de mariage. En effet, le cardinal Dubois n'y sympathisait nullement tant à cause de la différence de religion, qu'à cause de l'origine plebeyenne de la mère de la princesse. Mais c'est lorsque le duc de Chartres épousa une princesse allemande, que les intentions réelles de la cour de Versailles se manifestèrent ouvertement**). Dans ces conditions, tous les pourparlers secrets poursuivis à ce sujet entre Campredon et le prince Dolgorouky, désigné par le Tsar comme plénipotentiaire pour négocier cette union, devaient rester stériles.

Cette situation ne subit aucune modification ni par la majorité de Louis XV, ni par la mort du duc d'Orléans et du cardinal Dubois. Le duc d'Orléans fut remplacé par le duc de Bourbon, et le cardinal Dubois — par le comte de Morville. Le nouveau régent et le nouveau secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères firent part à Campredon qu'ils ne se proposaient pas de retrancher un iota aux instructions qu'il avait reçues de Dubois. (Dépêche de Morville à Campredon du 16 août 1723***).

*) Recueil de la Société Imper. historique russe, loc. cit., p. 233.

**) Voir Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris 1882, p. 59 et suiv.

***) Recueil de la Société Impériale historique russe. T. LII, page 96 et suiv.

ставленъ проектъ союзнаго трактата, который Кампредонъ долженъ былъ представить уполномоченнымъ Императора *).

Когда французскій посланникъ сообщилъ проектъ союзнаго трактата барону Остерману, то послѣдній не замедлилъ ему сказать, что такой трактатъ никогда не будетъ одобренъ Его Императорскимъ Величествомъ. Если Франція будетъ настаивать на включеніи Англіи въ этотъ союзъ, то всѣ дальнѣйшіе переговоры окажутся совершенно излишними.

Равнымъ образомъ вопросъ о бракосочетаніи принцессы Елизаветы съ французскимъ принцемъ былъ поставленъ Версальскимъ дворомъ въ зависимость отъ невозможнаго условія. Великая княжна должна была ждать смерти польскаго короля и, если герцогъ Шартрскій будетъ избранъ на польскій престолъ, то только тогда могъ состояться этотъ бракъ. Понятно, что Петръ В. могъ усмотрѣть въ такой постановкѣ близкаго его сердцу вопроса только желаніе Версальскаго двора не допустить этого брака. И дѣйствительно, кардиналъ Дюбуа совсѣмъ не сочувствовалъ этому проекту, какъ съ точки зрѣнія различія вѣроисповѣданій, такъ и въ виду простого происхожденія матери принцессы Елизаветы. Когда же герцогъ Шартрскій женился на германской принцессѣ, то дѣйствительныя намѣренія Версальскаго двора обнаружились совершенно яснымъ образомъ**). При такихъ обстоятельствахъ всѣ секретные переговоры объ этомъ дѣлѣ между Кампредономъ и княземъ Долгорукимъ, назначеннымъ Царемъ уполномоченнымъ для устройства означеннаго брака, должны были остаться совершенно безплодными.

Это положеніе не измѣнилось ни съ наступленіемъ совершеннолѣтія Людовика XV, ни со смертію герцога Орлеанскаго и кардинала Дюбуа. Мѣсто герцога Орлеанскаго занялъ герцогъ Бурбонскій и на мѣсто Дюбуа былъ назначенъ графъ Морвилль. Новый регентъ и новый статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ сообщили Кампредону, что они не намѣрены измѣнить ни одной буквы въ инструкціяхъ, полученныхъ имъ отъ Дюбуа. (Депеша гр. Морвилль къ Кампредону отъ 16 августа 1723 года) ***)

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., loc. cit., p. 233.

**) Срав. Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris 1882, p. 59 et suiv.

***) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LII, стр. 96 и слѣд.

En ce qui regarde le traité d'alliance en particulier, Morville déclarait à Campredon que pour l'avenir également le roi considérait la réconciliation du Tsar avec le Roi d'Angleterre comme une condition *sine qua non* pour la signature d'une alliance entre la France et la Russie. Cette réconciliation est réclamée par la raison d'Etat, et le roi ne saurait en faire abstraction. En attendant, depuis 1721 il y a eu rupture de relations diplomatiques entre la Russie et l'Angleterre, qui a conclu une alliance avec la Suède et expédié une escadre dans la Baltique en vue d'une démonstration hostile contre la Russie (voir T. X, pag. 45 et suiv.). Dans ces conditions, insister sur l'inclusion de l'Angleterre dans une alliance entre la Russie et la France, c'était vouloir empêcher avec preméditation la conclusion d'un semblable accord.

C'est dans ce sens que Pierre le Grand comprenait les exigences de la cour de Versailles; aussi ne se faisait-il aucune illusion au sujet de la politique française. Toutefois l'échange d'idées entre Campredon et les ministres russes au sujet du projet d'alliance, se poursuivait jusqu'à la mort, si inattendue, du grand Réformateur en 1725. Pierre le Grand ne cessait pas d'énoncer ses sincères sympathies pour la France, malgré toute l'inconsistance du gouvernement de Louis XV. Quelques hommes d'Etat français étaient si convaincus de l'utilité de cette alliance, qu'en dehors de toute instruction et à leurs propres risques et périls, ils cherchaient à entretenir des relations d'amitié avec la Russie.

Sous ce rapport, il faut rendre justice à Campredon, qu'il était inépuisable dans ses efforts d'entretenir de bons rapports entre les deux puissances et de dissiper les malentendus que ne cessaient de surgir entre elles. Malgré l'absence de toute instruction de son gouvernement dans le courant de plusieurs mois, il ne poursuivait pas moins les pourparlers au sujet du traité d'alliance et sur d'autres questions courantes. Le ministre de France à la Porte, Bonac, agissait dans ce même esprit Lorsqu'en 1724 les Turcs se laissèrent entraîner par leur haine pour la Russie, et que la guerre parut imminente, le ministre de France proposa, à ses propres risques et périls, sa médiation à la Porte, et c'est grâce à son énergie qu'une nouvelle collision fut évitée. Bonac agissait d'un commun accord avec Campredon, sans attendre des instructions de son gouvernement.

Что же касается, въ частности, союзнаго трактата, то Морвилль объявилъ Кампредону, что король и впредь будетъ усматривать въ примиреніи Царя съ англійскимъ королемъ conditio sine qua non подписанія союза между Франціей и Россіей. Это примиреніе требуется высшимъ благомъ государства (raison d'Etat), отъ чего король никогда отказаться не можетъ. Дипломатическія сношенія между Россіей и Англіею прекратились съ 1721 года, когда Англія заключила союзъ съ Швеціей противъ Россіи и отправила свой военный флотъ въ Балтійское море для враждебныхъ демонстрацій противъ Россіи (Срав. т. X, стр. 45 и слѣд.). Поставить при такихъ обстоятельствахъ включеніе Англіи въ союзъ между Россіей и Франціей значило умышленно препятствовать заключенію такого союза.

Въ этомъ именно смыслѣ понималъ Петръ В. требованіе Версальскаго двора, и потому онъ не имѣлъ никакихъ иллюзій насчетъ французской политики. Однако, обмѣнъ мыслей между Кампредономъ и русскими министрами о союзѣ продолжался до самой неожиданной кончины великаго Преобразователя въ февралѣ 1725 года. Петръ В. всетаки продолжалъ выказывать искреннее расположеніе къ Франціи, несмотря на полную несостоятельность правительства Людовика XV. Нѣкоторые французскіе государственные дѣятели настолько были убѣждены въ пользѣ этого союза, что помимо всякихъ инструкцій и на собственный страхъ старались поддерживать дружественныя отношенія съ Россіей.

Въ этомъ отношеніи нужно отдать полную справедливость Кампредону, что онъ былъ неутомимъ въ своихъ стараніяхъ поддерживать добрыя отношенія между обѣими державами и сглаживать постоянныя между ними недоразумѣнія. Не взирая на отсутствіе, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, всякихъ инструкцій отъ правительства, Кампредонъ продолжалъ вести переговоры о союзномъ трактатѣ и о другихъ текущихъ вопросахъ. Въ этомъ же духѣ дѣйствовалъ французскій посланникъ при Портѣ, Бонакъ. Когда, въ 1724 году, Турки увлеклись своею ненавистью къ Русскимъ, и война казалась неизбѣжною, французскій посланникъ, на собственный страхъ, предложилъ Портѣ свое посредничество. Благодаря его энергіи, удалось предупредить новую войну между Россіей и Турціей. Бонакъ дѣйствовалъ сообща съ Кампредономъ, не дожидаясь инструкцій отъ своего правительства.

Il est évident que Bonac et Campredon avaient en vue, en première ligne, les intérêts de leur patrie qui eut été forcée d'intervenir dans le cas d'une guerre dans laquelle un allié fidèle, comme la Porte, se serait trouvé impliqué. D'autre part, ces deux diplomates français se rendaient parfaitement compte de l'immense service qu'ils avaient rendu à la Russie, qui ne pouvait certes pas désirer une rupture avec la Porte, après que la grande guerre du Nord venait d'être terminée. Pierre le Grand s'empressa d'exprimer sa sincère reconnaissance aux deux représentants de la France.

Campredon eut l'idée de profiter de ces bonnes dispositions de l'Empereur pour obtenir enfin la signature du traité d'alliance. Le jour, où la convention russo-turque concernant la Perse et signée à Constantinople, grâce à la médiation des représentants de la France, fut reçue à St. Pétersbourg, c'est-à-dire le 1 août 1724, Pierre le Grand se rendit à l'église pour assister au Te Deum célébré à cette occasion. Campredon fend la foule et l'aborde inopinément au moment même où il descend de cheval pour entrer à l'église et le félicite de l'heureuse issue du conflit avec la Porte.

Loin de s'irriter de cette familiarité, le Tsar prend la main du ministre, et faisant allusion au traité signé naguère avec la Suède sous notre médiation: „Vous avez été toujours pour moi", dit-il, „un ange de paix". — „Faites en sorte, Sire", lui réplique Campredon, „que j'aie cet honneur jusqu'à la fin. Votre Majesté sait tout ce que le Roi, mon Maître, a fait pour Elle; ne ferez Vous rien à la considération de Sa Majesté qui ne désire, dans les instances qu'Elle Vous fait depuis si longtemps pour le rétablissement d'une bonne intelligence entre Vous et le Roi d'Angleterre, que Votre gloire et vos véritables intérêts?" — „Je ne serai", reprit l'Empereur, „ni ingrat, ni méconnaissant, et je vais sur-le-champ donner à mes ministres des ordres dont Vous aurez lieu d'être satisfait" *).

Le baron Ostermann et ses collègues russes étaient probablement très choqués de cette conduite hardie du ministre de France, mais ils

*) Vandal, loc. cit., p. 73.

Понятно, что Бонакъ и Кампредонъ, прежде всего, имѣли въ виду пользу своего отечества, для котораго война вѣрной союзницы, Турціи, могла бы вызвать необходимость вмѣшательства. Но, съ другой стороны, оба французскіе дипломата отлично сознавали огромную услугу, оказываемую ими Россіи, которая никоимъ образомъ не могла желать новой войны съ Турціей, послѣ только что оконченной великой Сѣверной войны. Петръ В. не замедлилъ выразить обоимъ представителямъ Франціи свою искреннюю признательность.

Этимъ добрымъ расположеніемъ къ нему Императора вздумалъ воспользоваться Кампредонъ, чтобъ добиться наконецъ подписанія союзнаго трактата. Въ день полученія въ С.-Петербургѣ русско-турецкой конвенціи относительно Персіи, подписанной въ Константинополѣ при посредничествѣ представителей Франціи, т. е. 1-го августа 1724 года, Петръ В. отправился въ церковь, на благодарственное молебствіе. У входа въ церковь Царь сошелъ съ лошади и хотѣлъ войдти въ церковь. Но тутъ изъ толпы вышелъ французскій посланникъ, подошелъ къ Царю и поздравилъ его съ благополучнымъ окончаніемъ столкновенія съ Турціею.

Петръ В. нисколько не былъ озадаченъ такимъ нарушеніемъ придворнаго этикета, подалъ посланнику руку и, вспоминая объ участіи его въ заключеніи мира съ Швеціею, сказалъ ему: „Вы всегда были для меня ангеломъ мира". — „Сдѣлайте такъ, Ваше Величество", отвѣтилъ Кампредонъ, „чтобъ я имѣлъ эту честь до конца. Ваше Величество изволите знать все, что король, мой Государь, сдѣлалъ для васъ. Неужели вы ничего не сдѣлаете изъ уваженія къ его Королевскому Величеству, который, во всѣхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ вамъ столь давно для возстановленія добраго согласія между вами и королемъ англійскимъ, не имѣетъ въ виду ничего другого, какъ вашу славу и вашу истинную пользу?" — „Я не буду", отвѣтилъ Императоръ, „ни неблагодаренъ, ни несправедливъ, и немедленно дамъ моимъ министрамъ такія приказанія, которыми вы навѣрно будете довольны" *).

Баронъ Остерманъ и его русскіе коллеги навѣрное были очень шокированы смѣлымъ поступкомъ французскаго посланника, но

*) Vandal, loc. cit., p. 73.

devaient se soumettre à l'ordre du Tsar, qui leur prescrivait d'appliquer tous leurs efforts à la conclusion du traité d'alliance le plus tôt possible. Les pourparlers furent repris de part et d'autre avec une nouvelle énergie, mais ils ne finirent pas moins par un échec complet. Le plénipotentiaire français devait insister sur la reconciliation de la Russie avec l'Angleterre et sur l'inclusion de cette puissance dans le traité. Les ministres russes se virent obligés de déclarer à Campredon que s'il était seul en cause, le traité serait signé le même jour; mais l'Empereur trouve des difficultés insurmontables à signer un acte d'alliance avec la France et l'Angleterre simultanément.

C'est par ce „*non possumus*“ que se terminèrent les négociations diplomatiques au sujet d'une alliance entre la Russie et la France pendant le règne de Pierre le Grand.

La mort de ce souverain ne fit que les suspendre, sans les faire cesser définitivement. Au contraire, pendant tout le règne de Catherine I ces pourparlers absorbent l'attention des deux gouvernements intéressés, mais ils aboutissent à la signature d'une alliance entre la Russie et l'Autriche, cette ennemie jurée de la France. Toutefois, on ne saurait contester que l'Impératrice n'ait eu le désir sincère d'un rapprochement avec la France, mais le gouvernement de Louis XV se montrait peu disposé, à cette époque, d'aller au devant de ce désir

Il faut avouer qu'il y avait à la cour de Catherine I des partisans, aussi bien que des ennemis, de l'alliance française. Le prince Menschikow, le comte Apraxine, le prince Galizine, le comte Tolstoy, il semble même le baron Ostermann, y étaient favorables, tandis que le Chancelier comte Golovkine, le prince Dolgorouky, le prince Repnine et Yagoujinsky penchaient pour une alliance avec l'Autriche. C'était surtout celui-ci, d'un naturel irascible, qui en était le défenseur le plus ardent, et un jour, après une dispute violente avec Menschikow, il se rendit à l'église St. Pierre et Paul, pour s'incliner devant la tombe du Tsar et se plaindre de son agresseur.

L'Impératrice s'énonçait ouvertement en faveur de l'alliance française, ainsi que son gendre, le duc de Holstein, qui exerçait une puissante action sur la politique russe. Catherine I y voyait, non seulement un legs de l'Empereur défunt dont toutes les dispositions étaient sacrées pour elle, mais encore le moyen de réaliser un

должны были исполнить Высочайшее повелѣніе, состоявшее въ томъ, чтобъ приложить всѣ старанія къ скорѣйшему заключенію союзнаго трактата. Переговоры возобновились съ новою энергіею съ обѣихъ сторонъ, но все-таки кончились полною неудачею. Французскій уполномоченный долженъ былъ настаивать на примиреніи Россіи съ Англіею и на включеніи послѣдней державы въ союзный трактатъ. Русскіе министры принуждены были объявить Кампредону, что съ нимъ однимъ союзный трактатъ былъ бы подписанъ въ одинъ день. Но Императоръ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія подписать союзный актъ вмѣстѣ съ Франціею и Англіею.

На этомъ „*non possumus*“ кончились въ царствованіе Петра В. дипломатическіе переговоры о заключеніи союза между Россіею и Франціею.

Смерть Петра В. только остановила переговоры о франко-русскомъ союзѣ, но не прекратила ихъ. Напротивъ, во все царствованіе Императрицы Екатерины I эти переговоры поглощаютъ вниманіе обоихъ заинтересованныхъ правительствъ, но оканчиваются подписаніемъ союза между Россіею и Австріею—заклятымъ врагомъ Франціи. Между тѣмъ нельзя отрицать, что у Императрицы было искреннее желаніе сблизиться именно съ Франціей. Только у тогдашняго французскаго правительства Людовика XV очень мало было расположенія идти на встрѣчу такому желанію.

Правда, при дворѣ Императрицы Екатерины I также были защитники и противники союза Россіи съ Франціей. Князь Меншиковъ, гр. Апраксинъ, кн. Голицынъ, гр. Толстой и, повидимому, бар. Остерманъ были въ пользу этого союза; между тѣмъ какъ Канцлеръ гр. Головкинъ, князь Долгорукій, князь Репнинъ и Ягужинскій склонялись въ пользу союза Россіи съ Австріей. Наиболѣе рьянымъ защитникомъ этой мысли былъ „шумный“ Ягужинскій, который, поссорившись по этому поводу съ Меншиковымъ, пошелъ въ Петропавловскій соборъ поклониться праху великаго Царя и жаловаться на обидчика.

Сама Императрица совершенно открыто высказывалась за союзъ съ Франціею, равно какъ и зять ея, герцогъ Голштинскій, пріобрѣвшій большое вліяніе на русскую политику. Екатерина I усматривала въ заключеніи этого союза исполненіе не только воли покойнаго Государя, предначертанія котораго были для

voeu qui lui était cher — celui de voir sa fille Elisabeth épouser le roi de France lui-même ou bien un prince français. Aucun de ces voeux ne devait se réaliser; mais ils faisaient l'objet de pourparlers diplomatiques sérieux entre les deux Puissances pendant le règne de Catherine I.

Quelques jours après la mort de Pierre le Grand, un échange d'idées sur ces questions commença entre le représentant de la France et les ministres russes. Le comte Tolstoy l'assurait que la maladie de Pierre le Grand et sa mort prématurée étaient la cause principale du retard apporté à la conclusion du traité d'alliance, mais „qu' aujourd'hui la Czarine était résolue de suivre tous les plans que ce prince avait formés et de faire tout son possible pour les réduire à une heureuse perfection". Aussi avait-elle chargé Tolstoy d'affirmer au ministre de France qu'elle était très favorablement disposée pour cette alliance.

Osterman, qui était l'âme de tous ces pourparlers au sujet d'un accord avec la France, confirma en tous points à Campredon la ferme intention de l'Impératrice de terminer cette affaire d'une manière satisfaisante. D'après ses assurances, la seule cause du retard n'était „que l'affliction de cette princesse, les embarras de la cérémonie de l'enterrement et l'attention qu'il avait été nécessaire de donner à quelques affaires intérieures". Osterman proposa en même temps au ministre d'entrer en pourparlers et d'examiner immédiatement les différents articles du traité d'alliance. Campredon ne crut pas devoir dissimuler sa surprise à ce sujet et rappela à Osterman que les articles en question avaient été examinés du vivant de l'Empereur et que seul le désir de ne pas admettre la participation de l'Angleterre à ce pacte a servi de pierre d'achoppement. (Rapport de Campredon au comte de Morville du 21 avril 1725).

L'Impératrice Catherine I ne consentit pas à associer l'Angleterre à ce traité et d'ailleurs des divergences sur des points essentiels se produisirent bientôt entre les plénipotentiaires de Russie et de France. Le projet de traité proposé par Campredon fut admis comme base des pourparlers. Ce projet contenait des articles ostensibles et des articles secrets. Une clause, qui soulevait des discussions sans fin, était celle qui impliquait pour la Russie l'obligation de se

ней святы, но равнымъ образомъ и осуществленіе своего собственнаго сердечнаго желанія выдать свою дочь цесаревну Елизавету за короля французскаго, или за одного изъ французскихъ принцевъ. Ни одному изъ этихъ желаній не суждено было осуществиться. Но они служили предметомъ весьма серьезныхъ дипломатическихъ переговоровъ между обѣими державами въ царствованіе Екатерины I.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Петра В. уже начался обмѣнъ мыслей по этимъ вопросамъ между французскимъ посланникомъ и русскими министрами. Графъ Толстой увѣрялъ французскаго посланника, что главною причиною замедленія въ заключеніи союзнаго трактата были болѣзнь Петра В. и его преждевременная кончина. Но что „нынѣ Царица, твердо рѣшившаяся слѣдовать всѣмъ планамъ, предначертаннымъ покойнымъ Монархомъ, употребитъ всѣ усилія довести ихъ до благополучнаго конца". Поэтому Императрица приказала Толстому увѣрить посланника въ благосклонномъ ея расположеніи къ союзу съ Франціей.

Остерманъ, бывшій душою всѣхъ этихъ переговоровъ о союзѣ съ Франціей, совершенно подтвердилъ Кампредону твердое желаніе Императрицы покончить дѣло благополучнымъ образомъ. Также по его словамъ, единственными причинами замедленія были: „огорченіе Государыни, хлопоты, вызванныя церемоніею погребенія, и неотложныя внутреннія дѣла, которымъ необходимо было тотчасъ же посвятить все вниманіе". Вмѣстѣ съ тѣмъ Остерманъ предложилъ посланнику вступить въ переговоры и заняться немедленно обсужденіемъ отдѣльныхъ статей союзнаго трактата. Кампредонъ выразилъ свое удивленіе по поводу такого предложенія, напомнивъ Остерману, что статьи союзнаго договора уже обсуждались при покойномъ Государѣ, и что только нежеланіе допустить Англію къ участію въ договорѣ служило камнемъ преткновенія. (Донесеніе Кампредона графу Морвиллю отъ 21-го апрѣля 1725 г.).

Императрица Екатерина I согласилась принять участіе Англіи, но весьма скоро оказалось, что по весьма существеннымъ пунктамъ были разногласія между уполномоченными Россіи и Франціи. Проектъ союзнаго трактата, представленный Кампредономъ, былъ положенъ въ основаніе переговоровъ. Этотъ проектъ заключалъ въ себѣ статьи открытыя и секретныя. Изъ первыхъ возбуждала нескончаемые споры статья относительно гарантіи

porter garante des traités conclus par la France. Dans le projet primitif se trouvaient compris des traités qui visaient hostilement la Russie. Pierre le Grand donna l'ordre de les effacer. Après cette épuration, le régistre ne contenait que quelques traités notamment ceux d'Utrecht, de Bade, de Londres etc.

Le gouvernement russe refusa d'accepter cette clause, même dans sa forme modifiée. Osterman remit à Campredon un projet de traité dans lequel l'art. 3 consacrait, en termes généraux, la garantie mutuelle de l'état de possession des puissances contractantes. Le gouvernement français insistait sur sa propre rédaction de cet article avec la spécification de tous les traités. En présence de cette opposition des plénipotentiaires russes, Campredon proposa de formuler cet article en termes suivants: les parties contractantes garantissent mutuellement la possession des territoires qui leur appartiennent en vertu de tels ou tels traités. Ce n'est qu'à la suite de discussions orageuses que les plénipotentiaires russes se décidèrent à donner leur assentiment à cette combinaison, sous la réserve que la France et l'Angleterre prissent l'engagement de garantir l'état de possession de la Russie contre toute agression de la part de la Turquie ou de la Pologne. Le Cabinet de Versailles refusa catégoriquement d'accepter cette clause et l'entente ne put s'établir entre les plénipotentiaires des deux parties contractantes au sujet de la garantie mutuelle de leurs possessions et des traités internationaux.

Ce qui souleva encore plus de divergences, c'étaient les articles secrets du traité d'alliance concernant les intérêts du duc de Holstein, qui jouait un rôle très influent à la Cour de Russie. Il prenait lui-même, ainsi que son premier ministre Bassewitz, une part très directe à ces pourparlers. Campredon était souvent dans le cas, en quittant les ministres russes, de se rendre, soit ouvertement soit en secret, chez le duc de Holstein pour se plaindre de leur obstination. Quant à ce prince, deux choses faisaient l'objet de ses aspirations intimes: c'était d'obtenir le trône de Suède et de reprendre le Schleswig au Danemark *). Ces vœux du duc de Holstein n'étaient pas accueillis avec un empressement

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LVIII, p. 419 et suiv.

трактатовъ, заключенныхъ Франціей, за которые Россія должна была принять на себя поручительство. Въ первоначальномъ проектѣ были поименованы трактаты, имѣвшіе даже враждебную противъ Россіи цѣль. Эти трактаты Петръ В. велѣлъ вычеркнуть. Послѣ того остались поименованы только нѣкоторые трактаты какъ то: Утрехтскій, Баденскій, Лондонскій и т. д.

Но русское правительство отказалось принять эту статью даже въ измѣненной формѣ. Остерманъ вручилъ Кампредону проектъ союзнаго трактата, въ которой статья 3-я обезпечиваетъ, въ общихъ выраженіяхъ, взаимную гарантію всѣхъ владѣній договаривающихся державъ. Французское правительство настаивало на своей редакціи этой статьи съ исчисленіемъ всѣхъ трактатовъ. Не встрѣчая уступчивости со стороны русскихъ уполномоченныхъ, Кампредонъ, наконецъ, предложилъ изложить эту статью въ такомъ видѣ: договаривающіяся стороны гарантируютъ другъ другу свои владѣнія, принадлежащія имъ въ силу такихъ-то трактатовъ. На это предложеніе русскіе уполномоченные изъявили свое согласіе послѣ весьма оживленныхъ споровъ. Но они сдѣлали оговорку въ томъ смыслѣ, чтобы Франція и Англія гарантировали неприкосновенность русскихъ владѣній въ случаѣ нападенія на нихъ со стороны Турціи или Польши. Согласиться на такое условіе Версальскій кабинетъ отказался самымъ категорическимъ образомъ, и соглашеніе между уполномоченными договаривающихся сторонъ относительно взаимной гарантіи ихъ владѣній и международныхъ обязательствъ оказалось совершенно невозможнымъ.

Еще больше разногласія вызывали секретныя статьи проекта союзнаго трактата, относившіяся до интересовъ Голштинскаго герцога, который игралъ весьма большую роль при русскомъ дворѣ. Онъ самъ лично и его первый министръ Бассевичъ принимали непосредственное и дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ о союзѣ. Кампредону постоянно приходилось отъ русскихъ министровъ открыто или тайкомъ ходить къ герцогу Голштинскому съ жалобами на упрямство русскихъ министровъ. Завѣтныя желанія герцога были двоякаго рода: во-первыхъ, онъ мечталъ о вступленіи на шведскій престолъ и, во-вторыхъ, онъ надѣялся получить обратно отъ Даніи Шлезвигъ *). Эти

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LVIII. стр. 419 и слѣд.

particulier par les délégués russes, mais ceux-ci ne devaient pas moins tenir compte des sympathies toujours croissantes de l'Impératrice pour son beau-fils. C'est pourquoi les articles secrets du projet devaient donner satisfaction au duc en reconnaissant ses droits sur le Schleswig et, le cas échéant, au trône de Suède.

пожеланія герцога Голштинскаго не пользовались особеннымъ сочувствіемъ русскихъ уполномоченныхъ, но они должны были считаться съ явно возрастающимъ расположеніемъ Императрицы къ ея зятю. По этой причинѣ проектированныя секретныя статьи должны были дать удовлетвореніе герцогу Голштинскому посредствомъ признанія его правъ на Шлезвигъ и на шведскій престолъ, при наступленіи опредѣленныхъ обстоятельствъ.

Ni la France, ni l'Angleterre ne jugeaient possible de donner suite aux vœux du duc de Holstein relativement au Danemark et à la Suède. L'une et l'autre trouvaient qu'il ne serait pas désirable de voir le beau-fils de l'Impératrice de Russie sur le trône de Suède.

Между тѣмъ, ни Франція, ни Англія не признавали возможнымъ уважить желанія герцога Голштинскаго въ отношеніи Даніи и Швеціи. Ни той, ни другой державѣ не могло казаться желательнымъ видѣть зятя русской Императрицы на шведскомъ престолѣ.

Ces divergences de vues devaient nécessairement amener des lenteurs dans les négociations diplomatiques entre les plénipotentiaires de Russie et de France. Campredon était souvent dans le cas d'attendre des mois entiers des instructions et des pleinspouvoirs. Le Cabinet de Versailles affectait une négligence marquée pour les pourparlers qui se poursuivaient à St.Pétersbourg.

Такое разногласіе взглядовъ должно было, прежде всего, привести къ проволочкѣ въ веденіи дипломатическихъ переговоровъ между уполномоченными Россіи и Франціи. Кампредонъ часто мѣсяцами ждалъ инструкцій и полномочій. Версальскій кабинетъ открыто сталъ высказывать пренебреженіе къ этимъ переговорамъ, сосредоточеннымъ въ С.-Петербургѣ.

Il est vrai que la Cour de Versailles était disposée à faire quelques sacrifices pour la conclusion de cette alliance. Ainsi avait-elle assigné 60.000 ducats pour cadeaux en vue de gagner les dispositions des grands seigneurs et des ministres russes. Parmi ces dons, les uns constituaient une gratification publique, les autres étaient secrets. Dans la première catégorie, le Chancelier comte Golovkine, le comte Tolstoy et le baron Osterman devaient recevoir chacun par 3.000 ducats; les dons secrets étaient repartis de la manière suivante: Menschikow — 5.000, Tolstoy, Apraxine et Osterman chacun par 6.000, le prince Galitzine 4.000, le prince Dolgorouky 3.000, Makarow 4.000, Iagoujinsky 2.000 etc. *)

Правда, Версальскій дворъ готовъ былъ принести разныя жертвы для заключенія союза. Такъ, онъ пожертвовалъ 60.000 червонныхъ для подарковъ и подкупа русскихъ вельможъ и министровъ. Эти денежные подарки были раздѣлены на публичные и секретные. Въ видѣ публичныхъ назначались: канцлеру гр. Головкину, гр. Толстому и барону Остерману по 3.000 червонныхъ; въ видѣ секретныхъ: Меншикову 5.000, Толстому, Апраксину и Остерману по 6.000, князю Голицыну 4.000, Долгорукому 3.000, Макарову 4.000, Ягужинскому 2.000 и т. д. *)

Selon l'avis de Campredon, cette générosité de la Cour de Versailles devait assurer le succès de l'alliance franco-russe, à laquelle il prenait un vif intérêt. Il faut lui rendre cette justice qu'il désirait sincèrement que ce pacte fut conclu, car il croyait à l'avenir de la Russie telle qu'elle était transformée par Pierre le Grand et comprenait le rôle qu'elle était appelée à jouer parmi les puissances de l'Europe. Mais tous ses efforts devaient rester stériles

Такая щедрость Версальскаго двора, должна была, по убѣжденію Кампредона, обезпечить заключеніе франко-русскаго союза, которымъ онъ самъ увлекался чистосердечнымъ образомъ. Ему нельзя не отдать полной справедливости въ томъ, что онъ искренно желалъ подписанія этого союза, ибо вѣрилъ въ великую будущность Петровской Россіи и вѣрно оцѣнивалъ значеніе Россіи въ средѣ европейскихъ державъ. Но всѣ его старанія должны были

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LVIII, pag. 284 et suiv.

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. LVIII, стр. 284 и слѣд.

grâce à la politique à courte vue du Cabinet de Versailles et à l'attitude hautaine du duc de Bourbon et du comte de Morville, Secrétaire d'Etat aux affaires étrangères. Le roi Louis XV persistait toujours à ne prendre aucun intérêt aux affaires.

Morville, ne pouvant renoncer aux traditions de la politique française, n'était pas en état de comprendre la position que la Russie s'était conquise au Nord de l'Europe. Il lui semblait impossible que la France fît sur un point quelconque le sacrifice de son ancienne amitié avec la Porte pour complaire à la Russie.

„Tout le monde sait", disait-il au prince Kourakine, „jusqu'à quel point l'amitié du Sultan était utile à la France. Aussi cette alliance doit-elle rester inébranlable, quels que soient les engagements que la France eût pris avec une autre puissance européenne quelconque. Il faut se rappeler les avantages qu'elle a retirés autrefois de la Turquie dans sa lutte avec la maison d'Autriche. En dehors cela, le commerce que la France entretient dans les domaines du Sultan assure pour un tiers la richesse du Royaume, aussi le roi ne saurait-il consentir à aucune clause qui pourrait donner le moindre ombrage à la Porte".

En présence de ces faits, les efforts de Campredon en vue d'amener à bonne fin l'affaire de l'alliance devaient se heurter à des obstacles insurmontables.

Comme Soloview le fait observer très-justement, „Campredon était bien moins préoccupé de la violence de Iagoujinsky, de l'obstination de Golovkine, de la prudence extrême de Dolgorouky, que de l'attitude équivoque d'Osterman dont l'action puissante dans toutes les questions de politique extérieure n'était un secret pour aucun des diplomates étrangers et qui ne laissait jamais échapper une indiscrétion ni devant les vivants, ni devant les morts" *).

En attendant, ce ministre, le plus influent de tous et avec lequel Campredon était souvent appelé à négocier, ne dissimulait nullement ses doutes au sujet de l'utilité pour la Russie d'une alliance avec la France. Il était au contraire très facile de le convaincre des avantages sérieux d'un accord avec l'Autriche, de beaucoup préférable à celui avec la France. Plus le Cabinet de Versailles se montrait obstiné dans la défense de son propre projet de traité, plus Osterman se persuadait de l'impossibilité d'une

*) Soloview. Histoire de Russie, t. XIX, ch. 1.

пропасть даромъ, благодаря близорукой политикѣ Версальскаго кабинета и высокомѣрнымъ заблужденіямъ герцога Бурбонскаго и статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, гр. Морвилля. Самъ король Людовикъ XV продолжалъ ничѣмъ не интересоваться.

Морвилль не переставалъ жить традиціями французской политики и потому не въ состояніи былъ понять новое положеніе, завоеванное Россіей на сѣверѣ Европы. Ему казалось невозможнымъ пожертвовать въ чемъ-либо древнею дружбою Франціи съ Турціей, въ угоду Россіи.

„Всему свѣту извѣстно", сказалъ онъ кн. Куракину, „какъ Франціи полезна дружба султанова. Съ какою бы европейскою державою Франція ни находилась въ союзѣ, союзъ ея съ Турціею долженъ быть непарушимъ. Надобно вспомнить, какія выгоды получили мы въ прошлые годы отъ Турціи противъ австрійскаго дома. Кромѣ того, треть королевства французскаго получаетъ свое благосостояніе отъ торговли, производящейся во владѣніяхъ султана; король не можетъ согласиться ни на какое условіе, которое могло бы дать хоть малѣйшее подозрѣніе Портѣ".

Въ виду такихъ обстоятельствъ старанія Кампредона привести дѣло о союзѣ къ благополучному концу должны были встрѣтить непреодолимыя препятствія.

Совершенно справедливо говоритъ Соловьевъ, что „Кампредона не столько безпокоили горячность Ягужинскаго и упорство Головкина, крайняя осмотрительность и осторожность Долгорукаго, сколько двусмысленное поведеніе Остермана, могущественное вліяніе котораго при рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики не было тайною для иностранныхъ дипломатовъ, и который не проговаривался ни передъ живыми, ни передъ мертвыми" *).

Между тѣмъ, этотъ вліятельнѣйшій русскій министръ, съ которымъ Кампредонъ постоянно велъ переговоры, довольно ясно высказывалъ сомнѣнія насчетъ дѣйствительной пользы для Россіи союза съ Франціей. Немного требовалось труда, напротивъ, чтобъ убѣдить его въ великой пользѣ союза Россіи съ Австріею, вмѣсто Франціи. Чѣмъ больше обнаруживалось упрямство Версальскаго кабинета въ защитѣ своего собственнаго проекта союзнаго трактата, тѣмъ больше Остерманъ убѣждался въ

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIX, гл. 1-я.

entente avec lui et de l'inutilité des négociations avec Campredon.

Ainsi, par la force des choses, la plupart des conseillers de l'Impératrice Catherine I étaient portés à considérer avec un certain scepticisme les pourparlers au sujet du traité d'alliance avec la France. Enfin l'Impératrice elle-même devait se sentir froissée par la manière d'agir du roi de France, du régent, le duc de Bourbon, et de son ministre Morville.

Le fait est que Catherine I ne pouvait toujours pas renoncer à l'idée que sa fille Elisabeth ne fût appelée à monter sur le trône de France ou du moins à épouser un prince français. L'issue malheureuse des pourparlers secrets au sujet de cette question délicate, du vivant de Pierre le Grand, ne découragea nullement l'Impératrice. Il lui semblait au contraire qu'après la mort du grand Tsar des circonstances étaient survenues dont il fallait profiter pour atteindre ce but convoité depuis si longtemps.

En avril 1725, on reçut à St.Pétersbourg la nouvelle que le roi de France renonçait à épouser l'infante d'Espagne Marie qui vivait depuis quelques années à la Cour de Versailles comme la fiancée déclarée de Louis XV. Cette nouvelle fit une profonde impression sur l'Impératrice, en éveillant en elle, avec une nouvelle intensité, l'idée du mariage de la princesse Elisabeth avec le roi très-Chrétien. Elle fit aussitôt appeler le ministre de France pour lui demander si c'était vrai, que le roi avait fait partir la princesse Marie d'Espagne? Campredon répondit qu'il ne connaissait cet incident que par les informations des journaux. L'Impératrice fit observer qu'elle avait connaissance de cette décision du roi par des lettres de Hollande. D'ailleurs, elle s'y attendait depuis longtemps, „car une princesse si jeune ne convenait point à Sa Majesté, ni au bien de sa Couronne qui demandait qu'elle lui donnât bientôt des héritiers“.

Sur l'ordre de l'Impératrice, le prince Menschikow s'appliqua à exposer au représentant de la France tous les avantages de cette union dont la conclusion ne présentait aucune difficulté: l'Impératrice consentait même au passage de la princesse Elisabeth au catholicisme. Enfin Catherine I suggéra l'idée à Campredon que si

невозможности соглашенія съ этимъ кабинетомъ и въ безполезности переговоровъ съ Кампредономъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, большинство совѣтниковъ Императрицы Екатерины I принуждено было относиться скептически къ переговорамъ о союзномъ трактатѣ съ Франціей. Наконецъ, сама Императрица должна была считать себя оскорбленною образомъ дѣйствія французскаго короля, регента Франціи, герцога Бурбонскаго, и его министра Морвилля.

Дѣло въ томъ, что Екатерина I не могла отказаться отъ мысли, что дочери ея Елизаветѣ суждено быть на французскомъ престолѣ или, по меньшей мѣрѣ, быть замужемъ за французскимъ принцемъ. Неудачный исходъ конфиденціальныхъ переговоровъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ при жизни Петра В. нисколько не охладилъ Императрицу. Напротивъ, ей казалось, что именно послѣ смерти великаго Царя наступили такія благопріятныя обстоятельства, которыми нельзя было не воспользоваться для достиженія завѣтной цѣли.

Въ апрѣлѣ 1725 года было получено въ С.-Петербургѣ извѣстіе о томъ, что король французскій отказывается жениться на инфантѣ испанской Маріи, которая уже нѣсколько лѣтъ жила при Версальскомъ дворѣ, какъ нареченная невѣста короля Людовика XV. Это извѣстіе произвело глубокое впечатлѣніе на Императрицу Екатерину I, возбудивъ въ ней съ новою силою мысль о бракѣ цесаревны Елизаветы съ наихристіаннѣйшимъ королемъ. Она немедленно пригласила къ себѣ французскаго посланника и спросила его: правда ли, что король вернулъ обратно испанскую принцессу Марію? Кампредонъ отвѣтилъ, что онъ знаетъ объ этомъ происшествіи только то, что разсказывается въ газетахъ. Тогда Императрица замѣтила, что ей извѣстно объ этомъ рѣшеніи короля по письмамъ изъ Голландіи. Впрочемъ, она давно предвидѣла такое рѣшеніе, „ибо столь юная принцесса не годится ни для короля, ни для блага его короны, требующаго скорѣйшаго появленія наслѣдниковъ“.

По повелѣнію Императрицы, князь Меншиковъ старался объяснить представителю Франціи всѣ выгоды брака короля съ Цесаревною, для заключенія котораго нѣтъ никакихъ препятствій: даже переходъ принцессы Елизаветы въ католичество разрѣшался Императрицею. Наконецъ, Екатерина I подала Кампредону мысль,

le roi épousait la princesse, le duc de Bourbon pourrait épouser Marie, la fille de Stanislas Leszinsky. Dans ce cas, le duc pourrait compter sur l'appui efficace de la Russie pour monter au trône de Pologne.

Il faut rendre pleine justice à Campredon qu'il recommanda chaudement le plan de l'Impératrice de Russie et qu'il ne cessait d'insister sur les avantages d'une alliance entre la Russie et la France *).

Dans le cours de plusieurs mois Campredon ne reçut aucune réponse aux ouvertures de l'Impératrice qui, par une autre voie, apprit la nouvelle incroyable que le roi épousait Marie Leszinsky. Enfin, ce n'est qu'en juin 1725, que le ministre de France à la Cour de Russie reçut la confirmation officielle de ces bruits et fut appelé à faire part à l'Impératrice de ce mariage comme d'un fait accompli. Il est curieux que la Cour de Versailles expliquait son refus de consentir au mariage du roi de France avec la Grande Duchesse russe par l'impossibilité pour celle-ci de changer de religion. En attendant, dès le commencement des pourparlers sur cette affaire intime, Campredon écrivait à sa Cour, au nom de l'Impératrice, que la princesse était disposée de passer à la religion de son futur époux.

On comprend que l'Impératrice Catherine I devait se sentir froissée par ces procédés de la Cour de Versailles. Après cette issue des pourparlers sur le mariage, il ne restait aucune chance pour les négociations du traité d'alliance qui ont été encore poursuivies pendant quelques mois, mais sans aucun succès. En septembre 1725, la France conclut à Hanovre une alliance avec l'Angleterre et la Prusse contre l'Autriche et l'Espagne et plaça ainsi la Russie dans la nécessité de choisir entre elle et l'Autriche. En présence des faits ci-dessus exposés, la Russie se prononça en faveur de l'Autriche avec laquelle des pourparlers actifs furent aussitôt entamés. Ils aboutirent à un traité d'alliance conclu à Vienne en août 1726. (Voir t. I, № 5).

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LVIII, p. 110 et suiv. — Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 83 et suiv.

что если король французскій женится на Великой Княжнѣ, то герцогъ Бурбонскій могъ бы жениться на Маріи, дочери Станислава Лещинскаго. Въ послѣднемъ случаѣ герцогъ могъ бы разсчитывать на дѣятельную помощь Россіи для вступленія на польскій престолъ.

Надо отдать полную справедливость Кампредону, что онъ самымъ горячимъ образомъ рекомендовалъ принятіе плана русской Императрицы и убѣдительно доказывалъ великую пользу союза между Россіей и Франціей *).

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Кампредонъ не получалъ никакого отвѣта на предложеніе Императрицы, которая затѣмъ окольнымъ путемъ узнаетъ невѣроятную новость: король французскій женится на принцессѣ Маріи Лещинской! Наконецъ, только въ концѣ іюня 1725 года, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ получилъ официальное подтвержденіе этого слуха и долженъ былъ сообщить Императрицѣ объ этомъ бракосочетаніи, какъ о совершившемся фактѣ. Любопытно, что Версальскій дворъ объяснялъ свой отказъ сочетать бракомъ короля французскаго съ русскою Великою Княжною невозможностью для послѣдней перемѣнить свою вѣру. Между тѣмъ съ самаго начала переговоровъ по этому интимному дѣлу Кампредонъ писалъ своему двору именемъ Императрицы, что Великая Княжна готова принять вѣру своего будущаго супруга.

Не трудно себѣ представить, насколько Императрица Екатерина I должна была считать себя оскорбленною образомъ дѣйствія Версальскаго двора. Понятно, что послѣ такого исхода переговоровъ о бракосочетаніи не осталось ни малѣйшихъ шансовъ для благополучнаго окончанія переговоровъ о союзномъ трактатѣ, которые еще продолжались нѣсколько мѣсяцевъ, по совершенно безуспѣшно. Въ сентябрѣ 1725 года Франція заключила въ Ганноверѣ союзъ съ Англіею и Пруссіею противъ Австріи и Испаніи и такимъ образомъ заставила Россію сдѣлать выборъ между нею или Австріею. Въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ выборъ состоялся самъ собою въ пользу Австріи, съ которою начались дѣятельные переговоры, приведшіе въ августѣ 1726 года къ подписанію въ Вѣнѣ союзнаго трактата между Россіею и Австріею. (Срав. томъ I, № 5).

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LVIII, стр. 110 и слѣд.—Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 83 et suiv.

Ayant eu connaissance de ces pourparlers, le comte Morville chercha à démontrer au prince Kourakine que ce rapprochement avec l'Autriche serait préjudiciable à la Russie. „Il est douteux“, disait-il, „que la Cour d'Autriche rende à la Russie les mêmes services que lui avait rendus la France. Celle-ci s'appliquait partout à agir dans les intérêts de la Russie, mais vos ministres agissent partout à l'encontre des intérêts du Royaume, surtout en Espagne et à La Haye. Le comte Golovkine n'a cessé d'empêcher les Etats de Hollande d'accéder à la ligue de Hanovre“.

Le prince Kourakine ne demeurait pas en reste vis-à-vis du Secrétaire d'Etat aux affaires étrangères de France et lui répondait immédiatement avec énergie:

„Pourquoi cherchez vous à enrôler la Suède dans la ligue de Hanovre?“ dit-il. „N'est-ce pas une atteinte, portée aux intérêts de la Russie? Vous savez que la Suède est son alliée, vous devrez par conséquent proposer l'accession à la ligue non seulement à la Suède, mais aussi à la Russie.“

Cette disposition hostile de la Cour de Versailles s'accusa encore plus clairement, lorsque le prince Kourakine exprima au comte de Morville l'espoir que du moins les représentants de la France à Constantinople poursuivront l'oeuvre de médiation entre la Russie et la Porte, et contribueront au maintien de la paix.

Le comte de Morville se prononça en ces termes à ce sujet: „Le roi ne donnera jamais l'ordre à notre ambassadeur à Constantinople d'agir contrairement aux intérêts de Votre Souveraine et de seconder en quoi que ce fût le roi d'Angleterre. Ces mêmes instructions seront adressées aux ministres de France auprès des autres Cours. Mais le roi ne saurait ordonner à son ambassadeur auprès de la Porte de poursuivre la médiation dans les intérêts russes“. „Je vous dirai franchement“, ajouta le ministre français, „que notre représentant a reçu l'ordre de s'en abstenir et de laisser les affaires dans le statu quo actuel“.

Le prince Kourakine crut devoir relever ces paroles du ministre français et lui dit: „Cette déclaration me surprend au plus haut degré. On sait avec quelle ardeur notre Impératrice désirait la conclusion d'une alliance avec vous, et elle n'a pas cessé de le désirer jusqu'à présent. L'affaire s'est arrêtée par votre faute, mais elle

Узнавъ объ этихъ переговорахъ, французскій министръ гр. Морвилль старался убѣдить князя Куракина въ невыгодности для Россіи такого сближенія съ Австріею. „Сомнительно одно“, сказалъ онъ князю Куракину, „чтобъ австрійскій дворъ оказалъ русскимъ такія же услуги, какія оказаны были Франціею. Франція повсюду старалась дѣйствовать въ интересахъ Россіи; но ваши министры повсюду дѣйствуютъ противъ интересовъ королевскихъ, особливо въ Испаніи и Гаагѣ. Графъ Головкинъ Голландскимъ Штатамъ всячески запрещалъ и мѣшалъ, чтобъ не приступали къ Ганноверскому союзу“.

Князь Куракинъ не оставался въ долгу у французскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ и ему немедленно съ энергіею отвѣтилъ:

„А вы зачѣмъ стараетесь склонить Швецію къ Ганноверскому союзу? Развѣ это не вредить русскимъ интересамъ? Вы знаете, что Швеція въ союзѣ съ Россіею, и потому вамъ слѣдовало предложить о приступленіи къ союзу не одной Швеціи, но и Россіи“.

Непріязненное настроеніе Версальскаго двора обнаружилось совершенно наглядно, когда князь Куракинъ выразилъ графу Морвиллю надежду, что по меньшей мѣрѣ въ Константинополѣ представители Франціи будутъ продолжать свои посредническія услуги между Россіею и Турціею и содѣйствовать сохраненію мира.

На это заявленіе гр. Морвилль отвѣтилъ: „Со стороны нашего короля никогда не будетъ дано нашему послу въ Константинополѣ указовъ дѣйствовать противъ интересовъ русской Государыни и помогать въ чемъ бы то ни было королю англійскому. Тоже самое будетъ соблюдено и относительно французскихъ министровъ при другихъ дворахъ. Но король не можетъ приказать своему послу при Портѣ продолжать медіацію въ интересахъ русскихъ“. „Скажу прямо“, прибавилъ французскій министръ, „что посолъ нашъ получилъ приказаніе отстать отъ медіаціи и оставить всѣ дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся“.

Князь Куракинъ не оставилъ безъ отвѣта эти слова французскаго министра и сказалъ: „Это объявленіе изумляетъ меня. Извѣстно, какъ пламенно Государыня наша желала заключенія союза съ вами и до сихъ поръ не перестала этого желать. Но дѣло остановилось по вашей винѣ; дѣло въ вашихъ рукахъ; от-

est entre vos mains, il ne tient qu'à vous d'écarter les difficultés que vous avez suscitées, et le traité peut être conclu aussitôt".

Le comte de Morville ne dissimula pas au représentant de Russie son mécontentement au sujet du rapprochement de son pays avec l'Autriche, cet ennemi séculaire de la France.

„Tout le monde", dit-il, „connait l'amitié intime qui existe entre votre Cour et celle de Vienne, et à l'heure actuelle un traité d'alliance est peut-être conclu. Quelle que soit la nature du pacte conclu par vous avec l'Empereur, il sera toujours préjudiciable à la France. Je vous le répète encore: nous sommes décidés de ne porter nulle part atteinte aux intérêts de la Russie et de laisser ainsi dans l'avenir une porte ouverte à des relations d'amitié et, le cas échéant, à des engagements plus directs, car la France ne renonce pas au projet d'un rapprochement plus intime avec la Russie" *).

En août 1726, le prince Kourakine reçut l'ordre de faire part à la Cour de Versailles de la conclusion d'un traité d'alliance entre la Russie et l'Autriche. En s'acquittant de cette mission, il s'exprima en ces termes vis-à-vis du comte de Morville: „Inspirée par des sentiments de respect et de constante amitié pour votre Roi, Sa Majesté l'Impératrice m'a ordonné de porter ce fait à votre connaissance; vous devez y voir la preuve que ce traité ne contient rien de préjudiciable à la France. Sa Majesté a la ferme intention de rester avec le roi en bonne intelligence et de conclure un traité d'alliance, si de votre part des dispositions dans ce sens étaient manifestées".

Le cardinal Fleury, qui avait remplacé le duc de Bourbon, tombé en disgrâce, et le comte de Morville remercièrent le ministre de Russie de cette communication, qui constatait la cessation de toutes négociations sérieuses au sujet d'une alliance entre la Russie et la France.

Les affaires ayant pris cette tournure, on comprend que Campredon devait désirer de quitter la Russie le plutôt possible. Il devait le désirer même par des considérations financières: la vie à Pétersbourg avait dérangé sa fortune personnelle, car son traitement était peu considérable et lui était servi d'une manière très irrégulière par son gouvernement. En dehors de

*) Soloview. Histoire de Russie, t. XIX, ch. I.

ните трудности, вами противопоставляемыя,— и договоръ немедленно будетъ заключенъ".

Графъ Морвилль не затруднился совершенно откровенно высказать представителю Россіи все свое неудовольствіе по поводу сближенія его отечества съ вѣковымъ врагомъ Франціи— съ Австріею.

„Всему свѣту извѣстно", сказалъ онъ, „въ какой тѣсной дружбѣ находится теперь вашъ Дворъ съ Вѣнскимъ, и можетъ быть въ сію минуту союзный договоръ между ними уже и заключенъ. Но какой бы союзъ ни былъ заключенъ вами съ Цесаремъ, онъ будетъ всегда предосудителенъ Франціи. Объявляю опять: у насъ рѣшено нигдѣ ничѣмъ не вредить интересамъ Россіи, и этимъ на будущее время оставить отворенныя ворота для пріятельскихъ сношеній и дружбы съ вами и вступленія, при случаѣ, въ тѣсныя обязательства, ибо Франція не отступитъ отъ плана находиться съ Россіею въ тѣсныхъ обязательствахъ" *).

Въ августѣ 1726 года князь Куракинъ получилъ приказаніе сообщить Версальскому двору о заключеніи союзнаго трактата между Россіею и Австріею. Онъ исполнилъ это порученіе, сказавъ графу Морвиллю слѣдующее: „Ея Величество, изъ уваженія и постоянной дружбы къ вашему королю, приказали мнѣ объявить вамъ объ этомъ, изъ чего ясно можете видѣть, что ничего предосудительнаго для Франціи этотъ договоръ не заключаетъ. Ея Величество имѣетъ непремѣнное намѣреніе пребыть всегда съ королемъ вашимъ въ добромъ согласіи и заключить союзный договоръ, если съ вашей стороны обнаружится къ этому склонность".

Кардиналъ Флёри, занявшій постъ герцога Бурбонскаго, впавшаго въ немилость, и графъ Морвилль поблагодарили русскаго посланника за сдѣланное сообщеніе, которымъ констатировалось прекращеніе всякихъ серьезныхъ переговоровъ о союзѣ между Россіею и Франціею.

Послѣ такого оборота дѣлъ понятно будетъ желаніе Кампредона поскорѣе покинуть Россію. Этого онъ долженъ былъ желать и изъ финансовыхъ соображеній: жизнь въ С.-Петербургѣ разстроила все его личное состояніе вслѣдствіе незначительности и неакуратности высылки французскимъ правительствомъ его содержанія. Къ тому жъ полная

*) Срав. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIX, гл. 1-я.

cela, le changement des relations entre la France et la Russie devait nécessairement réagir sur sa position officielle. A mesure du rapprochement de la Russie avec l'Autriche, l'attitude des ministres russes vis-à-vis du représentant de la France se modifiait. L'Impératrice Catherine I et ses ministres lui témoignaient moins d'égards. Tout cela irritait Campredon, qui changea de langage et se permettait de critiquer sans scrupule la nation russe, le gouvernement, et même la Souveraine.

En janvier 1726, Campredon écrivait entr'-autre ce qui suit à son Maître: „Connaissant à des preuves incontestables, l'arrogance, l'ingratitude et la mauvaise foi de cette nation-ci, je ne puis, dis-je, m'empêcher de désirer qu'elle soit mortifiée et renfermée même, s'il est possible, dans ses anciennes bornes, sans quoi il parait très difficile de maintenir la tranquillité du Nord". Dans ses rapports Campredon ne cessa de se plaindre avec amertume de „l'ingratitude", „de la mauvaise foi" et „de la supercherie" des Russes et des ministres de l'Impératrice de Russie *).

En mai 1726, Campredon reçut l'ordre de remettre les affaires de l'ambassade à M. Magnan, son secrétaire, et de quitter la Russie. Cet ordre fut exécuté à la fin du mois et Campredon quitta St.Pétersbourg.

Pendant le séjour de Magnan dans cette capitale, en qualité de chargé d'affaires, des événements surgirent qui modifièrent considérablement les rapports entre la Russie et la France. Mais le rôle de Magnan était tout passif, et il ne jouissait d'aucun crédit auprès des hommes d'Etat russes. Ses nombreux rapports sont remplis de faits curieux concernant les affaires intérieures de la Russie, mais ils n'ont aucune importance pour la politique extérieure.

On voit d'après ces rapports que Magnan avait reçu l'ordre de son gouvernement — d'agir sur M. Westphalen, ministre du Danemarc à la Cour de Russie, pour amener une reconciliation du gouvernement danois avec le duc de Holstein. Ensuite il chercha à entamer des pourparlers pour la conclusion d'un traité de commerce entre la Russie et la France, mais

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LXIV, pag. 199, 203, 205 et suiv.

перемѣна обоюдныхъ отношеній Франціи и Россіи должна была неизбѣжно отразиться на офиціальномъ положеніи Кампредона. По мѣрѣ сближенія Россіи съ Австріею измѣнялось и поведеніе русскихъ министровъ въ отношеніи французскаго посланника. Императрица Екатерина I и ея министры сдѣлались менѣе внимательными къ представителю Франціи. Все это сильно раздражало Кампредона, который совершенно перемѣнилъ тонъ и не стѣсняясь сталъ осуждать весь русскій народъ, русское правительство и русскую Императрицу.

Въ январѣ 1726 года Кампредонъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее своему королю: „Зная хорошо, на основаніи несомнѣннаго опыта, высокомѣріе, неблагодарность и недобросовѣстность Русскихъ, я не могу не желать, и желаю, чтобъ этотъ народъ былъ униженъ и, если возможно, вдвинутъ снова въ свои прежнія границы. Безъ этого крайне трудно будетъ поддержать миръ на Сѣверѣ". Кампредонъ не устаетъ, въ своихъ донесеніяхъ, горько жаловаться на „неблагодарность", „недобросовѣстность" и „плутовство" Русскихъ и министровъ русской Императрицы *).

Въ маѣ 1726 года Кампредонъ получилъ приказаніе передать дѣла посольства своему секретарю Маньяну и покинуть Россію. Уже въ концѣ мая это приказаніе было исполнено и Кампредонъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга.

Во время пребыванія Маньяна въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ случились событія, приведшія къ существенному измѣненію взаимныхъ отношеній между Россіей и Франціей. Но роль Маньяна была весьма пассивная, и онъ не пользовался ни малѣйшимъ кредитомъ въ глазахъ русскихъ государственныхъ людей. Его многочисленныя донесенія полны любопытными фактами относительно внутреннихъ дѣлъ Россіи. Но для характеристики внѣшней политики они мало имѣютъ значенія.

Изъ этихъ донесеній видно, что Маньянъ, по приказанію своего правительства, долженъ былъ просить датскаго посланника при русскомъ дворѣ, Вестфалена, убѣдить свое правительство примириться съ герцогомъ Голштинскимъ. Затѣмъ, онъ старается завязать переговоры о заключеніи торговаго договора между Россіей и Франціей. Но эта попытка не удалась. Въ

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. LXIV, стр. 199, 203, 205 и слѣд.

cette tentative resta sans résultat. En juin 1730, il présenta au comte Osterman une déclaration, au nom du roi Louis XV, ayant pour objet de protester contre l'appui que la Russie se proposait de prêter à l'Empereur Charles VI. Le comte Osterman ne crut devoir tenir aucun compte de cette protestation.

En 1732, Magnan entra en négociation avec le comte Munich pour la conclusion d'un traité d'alliance entre les deux Puissances. L'Impératrice Anna Ioannovna autorisa le comte Munich à s'engager dans ces pourparlers, mais les événements en Pologne les rendirent sans objet et, en juillet 1733, Magnan quitta la Russie pour toujours *).

Tandis que Magnan représentait la France à St.Pétersbourg, le gouvernement impérial avait à la Cour de Versailles un représentant dans la personne du prince Boris Kourakine. Après sa mort en septembre 1728, il fut remplacé par son fils, le prince Alexandre Kourakine qui se rendit bientôt en congé en Russie. Il fut désigné à siéger, avec le comte Alexandre Golovkine, en qualité de plénipotentiaire de Russie au congrès de Soissons, convoqué pour la pacification de l'Europe. Le comte Golovkine se rendit seul à ce congrès. Les instructions dont il était muni lui recommandaient tout particulièrement de veiller aux droits de l'Empereur en matière de cérémonial. On lui avait dit que, sous ce rapport, „Sa Majesté ne réclamait rien d'exagéré, mais qu'Elle n'entendait pas céder le pas à aucune tête couronnée, à l'exception de l'Empereur romain. Il devait veiller, à ce qu'on le traitât sur un pied d'égalité avec les ministres des alliés de Hanovre et surtout avec les plénipotentiaires suèdois". Le congrès de Soissons et le traité de Seville qui l'a suivi eurent pour résultat de détacher encore plus la France de la Russie, et de rapprocher celle-ci de l'Autriche, cet ennemi irréconciliable de la France.

Ce refroidissement mutuel de la Russie et de la France prit subitement un caractère aigu en 1733, lorsqu'à la mort du roi de Pologne Auguste II la Diète polonaise offrit une seconde fois la couronne à Stanislas Leszinsky, le beau-frère de Louis XV. La Russie se prononça caté-

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LXXV et LXXXI.

іюнѣ 1730 года Маньянъ представилъ графу Остерману декларацію отъ имени короля Людовика XV, заключавшую въ себѣ протестъ противъ помощи, которую Россія собиралась оказать императору Карлу VI. Графъ Остерманъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на этотъ протестъ.

Въ 1732 году Маньянъ вступилъ съ графомъ Минихомъ въ переговоры о заключеніи союзнаго трактата между обѣими державами. Императрица Анна Іоанновна разрѣшила графу Миниху начать эти переговоры. Но событія въ Польшѣ лишили эти переговоры всякой твердой почвы, и въ іюлѣ 1733 года Маньянъ навсегда покинулъ Россію *).

Въ то время, когда Маньянъ представлялъ въ С.-Петербургѣ Францію, Императорское правительство имѣло своимъ представителемъ при Версальскомъ дворѣ князя Бориса Куракина. Послѣ его смерти въ сентябрѣ 1728 года, преемникомъ ему былъ назначенъ его сынъ, князь Александръ Куракинъ, который вскорѣ уѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Между тѣмъ, князь Александръ Куракинъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ графомъ Александромъ Головкинымъ уполномоченнымъ Россіи на конгрессѣ въ Суассонѣ, собранномъ для умиротворенія Европы. На конгрессъ поѣхалъ одинъ гр. Головкинъ. Въ данныхъ ему инструкціяхъ ему было вмѣнено въ обязанность, прежде всего, оберегать церемоніальныя права своего Государя. Ему было сказано, что „Его Императорское Величество въ церемоніалѣ излишняго ничего не требуетъ, но, кромѣ Цесаря Римскаго, никому изъ коронованныхъ главъ первенства уступить не можетъ. Наблюдать, чтобъ съ нимъ поступаемо было такъ, какъ съ министрами ганноверскихъ союзниковъ, преимущественно съ шведскими". Суассонскій конгрессъ и послѣдовавшій за нимъ Севильскій трактатъ имѣли послѣдствіями еще большее отчужденіе Франціи отъ Россіи и болѣе крѣпкое сближеніе Россіи съ Австріею — непримиримымъ врагомъ Франціи.

Взаимное отчужденіе Россіи и Франціи приняло неожиданно совершенно острый характеръ въ 1733 году, когда скончался король польскій Августъ II и общій польскій сеймъ вторично избралъ на престолъ Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV. Между тѣмъ Россія ка-

*) Срав. Сборникъ И. Р. Истор. Общества, томы LXXV и LXXXI.

goriquement contre cette candidature et insistait avec l'Autriche pour que l'Electeur de Saxe, Auguste, fût reconnu roi de Pologne. Pour appuyer son candidat l'Impératrice, Anna Ioannovna envoya des troupes à Varsovie, sous le commandement du feldmaréchal Lascy.

Magnan protesta au nom de Louis XV contre cette violation de la liberté de la Diéte, mais le gouvernement russe n'ajouta aucune importance à cette protestation. Magnan fut rappelé et remit les affaires courantes au consul Villardeau qui ne resta en Russie que quelques mois. Depuis la fin de 1733, il n'y avait plus de représentant de la France à la Cour de St.Pétersbourg et une rupture complète entre les deux Puissances était inévitable.

Les troupes françaises, arrivées à Danzig au secours de Stanislas Leszinsky, durent, en juin 1734, se rendre au comte Munich, commandant en chef des troupes de siége russes. Stanislas Leszinsky réussit à s'échapper grâce à un déguisement, mais le ministre de France le marquis de Monti, son secrétaire Tersier et le corps auxiliaire français, comprenant deux mille officiers et soldats, avec son chef Lamotte de La Peirouze, furent faits prisonniers.

Les prisonniers français furent conduits à Cronstadt, les officiers furent établis à St.Pétersbourg, les soldats — au camp de Koporié. Aux termes de la capitulation, signée par le comte Munich, les troupes françaises avaient obtenu le droit de retourner en France sur leurs vaisseaux, mais cette clause fut violée par l'envoi de tout ce corps auxiliaire en Russie.

Par une déclaration du 6 juillet 1734, l'Impératrice Anna Ioannovna donna les explications suivantes au sujet de cette violation: „Les troupes françaises, expédiées au secours de la ville de Danzig sous le commandement du général La Perouze furent réduites à la nécessité de se rendre par accord, en vertu duquel elles seraient transportées dans un des ports de la Baltique d'où elles pourraient librement retourner en France. Mais une escadre française, occupée dans la Baltique, et qui n'avait aucune information au sujet de la guerre entre les deux pays, a attaqué en pleine mer des vaisseaux russes et envoyé en France un pacquet-boat, deux galiotes et une

тегорическимъ образомъ высказалась противъ этой кандидатуры и требовала, вмѣстѣ съ Австріею, признанія королемъ польскимъ саксонскаго курфюрста Августа. Съ цѣлью поддержать своего кандидата Императрица Анна Іоанновна отправила въ Варшаву свои войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Леси.

Маньянъ, отъ имени короля Людовика XV, протестовалъ противъ нарушенія вольностей Рѣчи Посполитой, но русское правительство не обратило никакого вниманія на этотъ протестъ. Вслѣдъ затѣмъ Маньянъ былъ отозванъ и передалъ свои дѣла консулу Вильярдо, который остался въ Россіи только нѣсколько мѣсяцевъ. Съ конца 1733 года при С.-Петербургскомъ дворѣ совсѣмъ не было представителя Франціи, и полный разрывъ между обѣими державами былъ совершенно неизбѣженъ.

Французскія войска, пришедшія въ Данцигъ на помощь Станиславу Лещинскому, должны были сдаться главнокомандующему русскими осадными войсками, графу Миниху, въ іюнѣ 1734 года. Станиславу Лещинскому удалось переодѣтымъ спастись изъ Данцига, но французскій посланникъ маркизъ де-Монти, его секретарь Терсье, вмѣстѣ съ начальникомъ французскаго вспомогательнаго отряда Ламотъ де ла Пейрузъ и двумя тысячами офицеровъ и солдатъ, были взяты въ плѣнъ.

Французскіе военноплѣнные были отвезены въ Кронштадтъ. Офицеры были поселены въ С.-Петербургѣ, а нижніе чины въ лагерѣ въ Копорьѣ. Въ силу подписанной графомъ Минихомъ военной капитуляціи французскимъ войскамъ было предоставлено право вернуться на своихъ судахъ во Францію. Однако, это постановленіе капитуляціи было нарушено отсылкою французскихъ военноплѣнныхъ въ Россію.

Императрица Анна Іоанновна объяснила это нарушеніе заключеннаго уговора деклараціею отъ 6-го іюля 1734 года, въ которой было, между прочимъ, сказано: „Присланныя на помощь городу Данцигу французскія войска подъ предводительствомъ генерала Лаперуза приведены будучи Россійскими войсками въ самую крайность, принуждены были, учинивъ съ городомъ капитуляцію отпустить въ одинъ изъ балтійскихъ портовъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда свободно ѣхать во Францію. Но какъ отправленная въ Балтійское море французская эскадра, не имѣвъ никакого свѣдѣнія о объявленіи между Россіею и Франціею войны, напала на россійскія суда, изъ коихъ

frégate avec tous les effets et marchandises qui s'y trouvaient; c'est pour ces raisons que Sa Majesté se trouve en droit de retenir les troupes françaises comme prisonniers jusqu'à ce que la frégate, nommée „Mitau", ainsi que les autres vaisseaux ne fussent restitués avec tous les effets et marchandises confisqués".

Ainsi, c'est à titre de représailles que les troupes françaises n'ont pas été congédiées et qu'elles ont dû rester en Russie jusqu'à la fin de l'année. D'après le témoignage des officiers français et de leur chef Lamotte de La Perouze, ils ont été l'objet de nombreuses marques de faveur et d'attention de la part de l'Impératrice et de sa Cour *).

Dans les bonnes dispositions pour les prisonniers français, l'Impératrice est allée jusqu'à vouloir les décider à se fixer pour toujours en Russie. Elle pensait que des contre-maîtres habiles pourraient se trouver parmi eux et que la nation russe pourrait profiter de leurs services.

En juin 1734, le capitaine de la flotte Poliansky se rendait à Koporié porteur de l'ordre suivant: „Tu te rendras à Koporié au camp, où sont gardés les prisonniers français et tu montreras cet ordre soit au major de la garde Albrecht, soit à Lapoukhine, lieutenant-colonel du régiment d'Astrakhan: à savoir que nous t'ordonnons de prendre part avec eux à la surveillance des prisonniers, attendu que tu sais la langue française et tu diras à ces Français que tu es envoyé tout exprès à cause d'eux. Ensuite tu diras secrètement au major et au lieutenant-colonel qu'à l'avenir ils ne gardent pas les dits Français aussi sévèrement qu'ils le font maintenant, et que si quelques uns de ceux-ci s'évadaient secrètement, de ne pas les en empêcher et de ne pas envoyer à leur poursuite, attendu que beaucoup d'entre eux sont des maîtres de métiers et qu'à supposer qu'ils s'évadent, cette évasion sert au mieux notre intérêt personnel; donc, non seulement il n'y a pas lieu de les en empêcher, mais au contraire, autant qu'il sera possible, il y a lieu de les y aider et inviter, et autant que possible, les diriger sur St.-Pétersbourg" **).

Selon toute probabilité cet ordre n'est pas resté

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 314 et suiv.

**) Soloview. Histoire de Russie, t. XX, ch. I.

одинъ пакетъ-ботъ, два галіота и одинъ фрегатъ со всѣмъ ихъ багажемъ и товарами отослала во Францію, то по сей причинѣ Россійская Императрица правиломъ поставляетъ помянутыя французскія войска удержать военноплѣнными въ своихъ границахъ до того времени, пока фрегатъ называемый „Митава", также и прочія суда не будутъ въ Россію отпущены со всѣмъ принадлежащимъ къ онымъ багажемъ и купеческими товарами".

Такимъ образомъ, въ видѣ репрессаліи, французскія войска не были отпущены и должны были жить въ Россіи до конца года. По отзывамъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ и ихъ начальника, Ламотта де ла Пейруза, они удостаивались всевозможныхъ доказательствъ милости и вниманія со стороны Императрицы и ея двора *).

Императрица Анна Іоанновна въ милости своей къ плѣннымъ французамъ пошла такъ далеко, что даже желала побудить ихъ совсѣмъ остаться въ Россіи! Она думала воспользоваться искусными мастерами, которые могли находиться въ числѣ французскихъ плѣнныхъ, и извлечь такимъ образомъ прямую выгоду для русскаго народа.

Въ іюнѣ 1734 года въ Копорье былъ отправленъ флотскій капитанъ Полянскій съ наказомъ слѣдующаго содержанія: „Ѣхать тебѣ въ Копорье въ лагерь, гдѣ обрѣтаются Французы, и объявить нашъ указъ гвардіи майору Албрехту или Астраханскаго полка подполковнику Лопухину, что мы указали быть тебѣ при тамошней командѣ обще съ ними, потому что ты французскаго языка умѣешь, и Французамъ также объявить, что ты для нихъ нарочно присланъ. При томъ майору или подполковнику секретно объявить, чтобъ они помянутыхъ Французовъ впредь такъ крѣпко не держали, какъ нынѣ, и ежели бъ кто изъ нихъ сталъ уходить тайно, то за тѣми присматривать, и отъ того ихъ удерживать не велѣть, а для сыску за ними никуда не посылать, понеже изъ нихъ многіе есть мастеровые люди, и буде они будутъ уходить, то тотъ ихъ побѣгъ къ лучшему нашему интересу воспослѣдуетъ, чего ради не токмо бъ ихъ отъ того удерживать, но еще по крайней возможности въ томъ имъ способствовать и къ тому приговаривать, и какъ можно тайно отправлять ихъ въ С.-Петербургъ **).

По всей вѣроятности этотъ наказъ не оста-

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 314 et suiv.

**) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, гл. I.

lettre morte et quelques uns de ces Français doivent être restés en Russie. L'Impératrice refusa péremptoirement d'accorder la liberté au marquis de Monti qu'elle accusait d'être l'auteur d'un pamphlet, paru à Danzig en italien et dirigé contre sa personne. Ce n'est qu'en 1735 qu'il recouvra sa liberté grâce à l'intervention de l'Empereur.

Tandis que des actes d'hostilité manifeste se produisaient entre les armées russe et française, il n'y avait pas de guerre déclarée entre la Russie et la France. Bien plus, des relations diplomatiques se poursuivaient entre les deux puissances au moyen d'agents, envoyés par le Cabinet de Versailles à St.Pétersbourg. Le gouvernement russe n'avait point d'agents diplomatiques à Paris, ni permanents, ni temporaires.

En septembre 1734, arriva à St.Pétersbourg un certain Bernardoni (en réalité l'abbé Langlois) en qualité d'agent secret du gouvernement français. En vertu de ses instructions, Bernardoni devait proposer au gouvernement russe la conclusion d'un traité dont les clauses principales étaient celles-ci: 1) reconnaissance de Stanislas Leszinsky comme roi de Pologne; 2) renouvellement du traité d'Amsterdam et garantie de la paix de Nystad; 3) engagement de la France d'assurer la paix entre la Russie et la Porte etc.

Bernardoni cherchait à obtenir une entrevue avec le comte Osterman, mais il n'y a pas eu de pourparlers sérieux entre l'agent français et les ministres russes. Bernardoni, ou l'abbé Langlois, quitta la Russie en décembre 1734, sans avoir obtenu un résultat quelconque par sa mission secrète *).

Après son départ, un autre agent français resta à St.Pétersbourg, Fonton de Lestang, arrivé avec la mission spéciale d'obtenir la liberté des prisonniers français et de régler leur retour en France. Le comte Osterman traita d'une manière peu courtoise ce diplomate français qui se présenta chez lui cinq fois sans pouvoir obtenir d'audience. Le ministre russe se borna à échanger avec lui quelques paroles dans son antichambre. Toutefois Lestang obtint la liberté des prisonniers, à l'exception de celle de Monti. Il quitta la Russie en mars 1735, très peu satisfait, comme de raison, de l'accueil du gouvernement russe.

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 277 et suiv.

вался мертвою буквою и нѣкоторое число французовъ осталось въ Россіи. Но Императрица наотрѣзъ отказалась отпустить маркиза де-Монти, котораго она обвиняла въ авторствѣ пасквиля, появившагося на итальянскомъ языкѣ въ Данцигѣ и направленнаго противъ ея особы. Только въ 1735 году Монти былъ освобожденъ по просьбѣ Императора.

Въ то самое время, когда происходили открытыя непріязненныя дѣйствія между русскими и французскими войсками, всетаки войны между Россіей и Франціей объявлено не было; мало того: даже продолжались между обѣими державами дипломатическія сношенія посредствомъ агентовъ, посланныхъ Версальскимъ кабинетомъ въ С.-Петербургъ. Русское же правительство не имѣло ни постоянныхъ, ни временныхъ дипломатическихъ агентовъ въ Парижѣ.

Въ сентябрѣ 1734 года явился въ С.-Петербургъ нѣкій Бернардони (бывшій въ дѣйствительности аббатомъ Ланглоа), въ качествѣ секретнаго агента французскаго правительства. Въ силу данной ему инструкціи Бернардони долженъ былъ предложить русскому правительству заключить трактатъ съ слѣдующими главными постановленіями: 1) признаніе Станислава Лещинскаго въ качествѣ короля польскаго; 2) возобновленіе Амстердамскаго трактата и гарантія Ништадскаго мира; 3) обязательство Франціи обезпечить миръ между Россіею и Турціею и т. д.

Бернардони добился свиданія съ графомъ Остерманомъ, но никакихъ серьезныхъ переговоровъ не было между французскимъ агентомъ и русскими министрами. Бернардони, или аббатъ Ланглоа, выѣхалъ изъ Россіи въ декабрѣ 1734 года, не имѣвъ ни малѣйшаго успѣха въ своей тайной миссіи *).

Послѣ отъѣзда Бернардони остался въ С.-Петербургѣ другой французскій агентъ, Фонтонъ де Летанъ, явившійся съ спеціальнымъ порученіемъ добиться освобожденія французскихъ военноплѣнныхъ и устроить ихъ возвращеніе во Францію. Графъ Остерманъ обошелся весьма нелюбезно съ французскимъ дипломатомъ: пять разъ послѣдній приходилъ къ русскому министру и ни разу не былъ принятъ подобающимъ образомъ. Графъ Остерманъ обмѣнялся съ нимъ немногими словами въ своей передней. Летанъ всетаки добился освобожденія военноплѣнныхъ, за исключеніемъ маркиза де-Монти. Въ мартѣ 1735 года онъ покинулъ Россію, будучи

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 277 et suiv.

Pendant deux ans la France n'avait pas de représentant à la Cour de Russie. En 1737 arriva à St.Pétersbourg le comte Lally-Tollendal, envoyé par le gouvernement français. En l'expédiant en Russie, le ministre des affaires étrangères Amelot eut soin de lui dire: „Souvenes-vous que l'on ne vous charge de rien; ayez à vous comporter avec sagesse et discrétion“ *). Arrivé à St.Pétersbourg Lally risquait d'être pris pour un espion. Il réussit à obtenir les bonnes grâces de Biron avec lequel il essaya d'engager des pourparlers au sujet d'un rapprochement entre la France et la Russie. Il se rendit facilement compte que tout le monde le considérait comme un individu suspect et quitta subitement St.Pétersbourg pour se rendre à Paris en été 1738.

C'est cette année 1738, qui fut signalée par le rétablissement des anciennes relations d'amitié entre la Russie et la France. Les deux puissances se persuadèrent de la nécessité de liquider leurs anciens comptes et d'accréditer des représentants diplomatiques permanents. En 1738 le prince Kantemir, ministre de Russie à la Cour de St.-James, fut transféré en cette même qualité à Paris. Dans cette même année le gouvernement français nomma le comte Vaulgrenant comme son représentant à la Cour de Russie et, à la suite de son refus de se rendre à ce poste, celui-ci fut confié au marquis de la Chétardie, dont le séjour en Russie eut un si grand retentissement.

L'occasion de ce rapprochement fut fournie par M. de Villeneuve, ambassadeur de France auprès du Sultan, qui s'est chargé de la médiation entre la Russie et la Porte qui étaient en guerre. C'est grâce à cette médiation active que fut conclu le traité de Belgrad et la convention explicative, signée à Constantinople par les représentants de la Russie, de la Turquie et de la France.

(Le texte de la convention explicative de Constantinople du 17 (28) décembre 1739 sera inséré dans la rubrique des traités de la Russie avec la Porte à la suite du traité de paix de Belgrad).

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 328.

по справедливости весьма недоволенъ пріемомъ со стороны русскаго правительства.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ не было при русскомъ дворѣ представителя Франціи. Въ 1737 г. прибылъ въ С.-Петербургъ графъ Лалли-Толлендаль, который былъ посланъ французскимъ правительствомъ. Но французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Амело, отпуская его въ Россію, сказалъ ему: „Помните, что вамъ не даютъ никакого порученія. Ведите себя умно и осторожно“ *). Лалли прибылъ въ С.-Петербургъ и рисковалъ быть принятымъ за шпіона. Но ему удалось войти даже въ милость у герцога Бирона, съ которымъ онъ пытался начать переговоры о сближеніи Франціи и Россіи. Однако, убѣдившись весьма скоро, что всѣ къ нему относятся подозрительно, Лалли внезапно уѣхалъ обратно въ Парижъ, куда онъ прибылъ лѣтомъ 1738 года.

Въ 1738 году наступилъ, наконецъ, моментъ для возстановленія прежнихъ дружескихъ отношеній между Россіею и Франціею. Обѣ державы убѣдились въ неотложной необходимости покончить старые счеты и установить правильное и постоянное дипломатическое представительство. Въ 1738 г. князь Кантемиръ, русскій посланникъ при С.-Джемскомъ дворѣ, былъ переведенъ съ тѣмъ же званіемъ въ Парижъ. Въ томъ же году французское правительство назначило графа Вогренана своимъ представителемъ при русскомъ дворѣ. По за отказомъ графа Вогренана отъ предложеннаго ему поста, на послѣдній былъ назначенъ маркизъ де-ла-Шетарди, пріобрѣвшій своимъ образомъ дѣйствій въ Россіи такую громкую извѣстность.

Ближайшимъ поводомъ для сближенія обѣихъ державъ было посредничество французскаго посланника Вильнёва при Портѣ между Россіею и Турціею, воевавшими другъ съ другомъ. При дѣятельномъ посредничествѣ Вильнёва были заключены Бѣлградскій мирный трактатъ и пояснительная конвенція, которая была подписана въ Константинополѣ представителями Россіи, Турціи и Франціи.

(Текстъ пояснительной Константинопольской конвенціи 17-го (28-го) декабря 1739 года будетъ отпечатанъ въ отдѣлѣ трактатовъ Россіи съ Турціею вслѣдъ за Бѣлградскимъ мирнымъ трактатомъ).

*) Rambaud. Recueil, t. I, p. 328.

№ 473.

1756, 31 décembre (11 janvier 1757). Acte d'accession de la Russie au traité de Versailles, conclu le 1 mai 1756. (Recueil complet des Lois № 10680).

Le marquis de la Chétardie arriva à St.Pétersbourg en décembre 1739, après un voyage accompli dans des conditions très solennelles à travers les provinces Baltiques. L'ambassadeur extraordinaire de France se faisait un devoir de veiller à ce que tous les honneurs lui fussent rendus par les autorités locales: il était inéxorable dès qu'il s'agissait de la moindre violation d'étiquette. Nous verrons par la suite que des questions de cette nature absorbaient la plus grande partie de son temps précieux.

A l'occasion de cette nomination, le cardinal Fleury exprima l'assurance que le marquis de la Chétardie ne manquerait pas de manifester ce même caractère, rempli de sagesse et de douceur, par lequel il n'a cessé de se distinguer lors de sa mission à la Cour de Berlin. Mais sa conduite à la Cour de Russie a prouvé que le cardinal Fleury ne connaissait nullement l'homme auquel il avait confié le soin de représenter la France en Russie.

Nous trouvons une appréciation bien plus juste du marquis de la Chétardie chez un historien français de nos jours, qui a fait un travail remarquable sur les relations mutuelles entre la Russie et la France sous le règne de l'Impératrice Elisabeth et de Louis XV. Voici le portrait que Vandal à tracé, de main de maître, de ce diplomate: „La Chétardie nous offre, en les exagérant les principaux traits du Français mondain au dix-huitième siècle. Tantôt officier, tantôt diplomate et avant tout homme de Cour, il se faisait remarquer en quelque lieu qu'il se trouvât. Passionné pour la société, où sa bonne mine et sa galanterie lui attirèrent de nombreux succès, il y comptait autant d'amis que d'ennemis, devait les uns à sa bonne grâce et au charme de sa personne, les autres à son humeur mobile et emportée. Doué d'une intelligence prompte et déliée, d'un esprit vif et d'un jugement faux, frivole, aventureux, sûr de lui, bouillant, irréfléchi, il sacrifiait tout au désir de briller et de jouer un rôle, se lançait dans les plus téméraires entreprises sans en prévoir la suite et

№ 473.

1756 г., декабря 31-го (11-го января 1757 г.). Актъ приступленія Россіи къ Версальскому трактату, заключенному 1-го мая 1756 г. (П. С. З. № 10680).

Маркизъ де-ла-Шетарди прибылъ въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1739 года, послѣ торжественнаго путешествія черезъ прибалтійскія провинціи. Чрезвычайный французскій посолъ повсюду наблюдалъ за отдаваніемъ ему должнаго почета со стороны мѣстныхъ властей и былъ неумолимъ въ случаяхъ нарушенія строгаго этикета. Мы увидимъ впослѣдствіи, что вопросы этикета поглощали большую часть драгоцѣннаго времени маркиза.

При назначеніи маркиза Шетарди посломъ при С.-Петербургскомъ дворѣ, кардиналъ Флёри выразилъ увѣренность, что маркизъ постоянно будетъ обнаруживать свойственный ему „характеръ, полный ума и мягкости“, которымъ онъ всегда отличался въ продолженіе пребыванія своего при Берлинскомъ дворѣ. Но поведеніе Шетарди при русскомъ дворѣ весьма скоро показало, что кардиналъ Флёри очевидно совсѣмъ не зналъ избраннаго имъ для Россіи французскаго представителя.

Гораздо вѣрнѣе характеризуетъ маркиза Шетарди современный французскій историкъ, написавшій превосходный трудъ о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Франціи во время царствованія Елизаветы Петровны и Людовика XV. Вотъ какую мастерскую характеристику Шетарди даетъ Вандалъ: „Шетарди представляетъ намъ въ преувеличенномъ видѣ главныя черты свѣтскаго француза XVIII вѣка. То офицеръ, то дипломатъ, а прежде всего придворный, онъ обращалъ на себя вниманіе вездѣ, гдѣ ни появлялся. Страстно любящій общество, гдѣ, благодаря своему изяществу и галантности, онъ имѣлъ большой успѣхъ и насчитывалъ столько же друзей, какъ и враговъ, привлекая однихъ своею любезностію и личнымъ обаяніемъ и возстановляя противъ себя другихъ своимъ подвижнымъ и вспыльчивымъ нравомъ. Одаренный быстрой и развитой сообразительностью, живымъ умомъ, а съ другой стороны легкомысленный, отважный, увѣренный въ себѣ и безразсудно пылкій, онъ жертвовалъ всѣмъ, ради желанія блистать, играть какую-нибудь

perdait par son étourderie les fruits de son adresse.

Avec cela hautain, jaloux de son rang, attaché à ses prérogatives de gentilhomme et d'ambassadeur, obstiné sur tout ce qui concernait le cérémonial, il traitait les futilités avec sérieux et les affaires avec légéreté. Où il se montra passé maître, ce fut dans l'art de se ruiner en grand seigneur. De bonne heure les exemples de dissipation fastueuse ne lui avaient pas manqué. Dans les cours, où il était accrédité, il fit admirer sa magnificence; on citait ses équipages, ses habits, la beauté de ses réceptions, la tenue de sa livrée. Il eut pu donner aux étrangers des leçons d'étiquette hautaine et d'élégance raffinee; malheureusement sa politique ressemblait trop souvent à une intrigue de salon et il eut plus d'une fois à s'en repentir" *).

Cette caractéristique remarquable du marquis est entièrement corroborée par sa brillante carrière diplomatique et particulièrement par la position qu'il s'est faite à la Cour de Berlin, où il a charmé à un tel point le prince royal, le futur Frédéric le Grand, que celui-ci, en prévision d'une causerie avec ce diplomate, disait: „Nous aurons des bonbons".

Les instructions du 1 juillet 1739, dont il était muni, examinent en détail les rapports mutuels de la Russie et de la France, et attribuent le refroidissement survenu entre les deux pays à la politique suivie par le gouvernement russe dans les principales questions de l'Europe. L'inéxecution de la capitulation de Danzig et la capture du détachement français par la Russie sont considérées comme une violation de tous les principes du droit des gens. L'influence prépondérante de la Cour de Vienne à St.Pétersbourg doit être paralysée dans la mesure du possible par le marquis de la Chétardie. Dans la guerre entre la Russie et la Porte

*) Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 115 et suiv.—Recueil de la Société Impériale historique russe., t. LXXXVI, pag. XXII et suiv.

видную роль; отваживался на самыя смѣлыя предпріятія, не предусматривая ихъ исхода, и лишался, благодаря своему легкомыслію, плодовъ, пріобрѣтаемыхъ его искуснымъ веденіемъ дѣла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, высокомѣрный, ревниво охраняющій достоинство своего званія, преданный своимъ привиллегіямъ, въ качествѣ дворянина и посла, упрямый во всемъ, касающемся церемоніала, онъ обсуждалъ пустыя подробности весьма серьезно, а дѣла — легкомысленно. Въ чемъ онъ выказалъ себя великимъ мастеромъ—это въ искусствѣ сорить деньгами истинно по-барски. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ не имѣлъ недостатка въ примѣрахъ блестящаго мотовства. При тѣхъ дворахъ, гдѣ онъ являлся уполномоченнымъ лицомъ, онъ вызывалъ восторгъ великолѣпіемъ своего образа жизни; всѣ ставили въ примѣръ его экипажи, одежду, блескъ устраиваемыхъ имъ пріемовъ, ливреи его слугъ. Онъ могъ бы давать иностранцамъ уроки чопорнаго этикета и утонченной элегантности, но, къ сожалѣнію, его политика слишкомъ часто напоминала салонную интригу, и ему не разъ приходилось въ томъ раскаиваться" *).

Эту замѣчательную характеристику маркиза Шетарди вполнѣ подтверждаютъ его блестящая дипломатическая карьера и, въ особенности, его выдающееся положеніе при Берлинскомъ дворѣ, гдѣ онъ настолько увлекалъ наслѣдника престола, будущаго Фридриха В., что, въ ожиданіи бесѣды съ маркизомъ, кронпринцъ говаривалъ: „У насъ будутъ конфекты", разумѣя остроумный разговоръ съ французскимъ дипломатомъ.

Инструкція отъ 1 іюля 1739 года, данная маркизу Шетарди, весьма подробно разбираетъ взаимныя отношенія между Франціею и Россіею, объясняя послѣдовавшее ихъ охлажденіе политикою Россіи въ главнѣйшихъ европейскихъ вопросахъ. Неисполненіе Данцигской капитуляціи и отводъ въ плѣнъ въ Россію французскаго отряда признается нарушеніемъ всѣхъ началъ международнаго права. Господствующее въ С.-Петербургѣ вліяніе Вѣнскаго двора должно быть, насколько возможно, парализовано стараніями Шетарди. Въ войнѣ между Россіею и Турціей Франція желаетъ сохранить свой нейтралитетъ, хотя не прочь содѣйствовать воз-

*) Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 115 et suiv.—Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LXXXVI, стр. XXII и слѣд.

la France désire maintenir sa neutralité, bien qu'elle ne se refuserait pas à contribuer au rétablissement de la paix. Quant à la Suède, la Cour de Versailles persiste à la considérer comme l'appui de sa politique dans le Nord de l'Europe.

Toutefois, malgré tout le désir du roi de France de rétablir les bons rapports avec la Russie, „Sa Majesté ne croit pas convenable, au moins dans le moment présent, d'entrer dans des engagements particuliers avec la Russie". D'ailleurs, les instructions ajoutent „cela n'exclut pas les vues générales de commerce qui pourraient être à l'avantage des deux nations". Mais il ne saurait être question „d'une union plus intime" entre les deux puissances tant que le gouvernement russe n'énonce clairement ses vues politiques.

M. de la Chétardie devait consacrer son attention particulière à la situation intérieure de la Russie qui ne s'est pas consolidée au point de ne pas soulever de crainte au sujet de quelques nouvelles perturbations. Au contraire, si l'on prend en considération que la princesse Elisabeth, en sa qualité de fille de Pierre le Grand a plus de titres à occuper le trône que l'Impératrice régnante, on comprendra que la mort de celle-ci pouvait facilement provoquer des troubles*).

Cette dernière considération devait justifier tous les efforts du marquis de la Chétardie de se rapprocher de la Grand' Duchesse Elisabeth et de contribuer à son avènement au trône.

A son arrivée en Russie, la situation politique de la France était très brillante: La Russie, l'Autriche et la Porte, qui se faisaient la guerre l'une à l'autre, avaient besoin chacune de son appui, la Suède était retombée sous son influence absolue. Grâce à la médiation du Cabinet de Versailles, un nouveau traité d'alliance fut conclu entre la Turquie et la Suède, en juillet 1740.

Le comte Osterman eut soin de recommander au prince Kantemir d'appliquer tous ses efforts pour empêcher ce rapprochement entre la Suède et la Porte, prévoyant qu'il pourrait être fatal à la Russie. Lorsque le prince Kantemir insistait sur la nécessité d'arrêter la Suède dans ses projets d'hostilité, le cardinal Fleury donnait invariablement la même réponse: qu'elle n'avait pas l'intention d'attaquer la Russie

Toutefois le cardinal ne put s'empêcher

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LXXXVI, p. 76 et suiv.

становленію мира. Что касается Швеціи, то Версальскій дворъ продолжаетъ считать ее опорою своей политики на Сѣверѣ Европы.

Однако, при всемъ желаніи французскаго короля возстановить добрыя отношенія съ Россіею, онъ „не считаетъ подходящимъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, заключать особыя обязательства съ Россіей". Впрочемъ, прибавлено въ инструкціи, „такое намѣреніе не исключаетъ общихъ торговыхъ плановъ, которые могли бы послужить къ выгодѣ обѣихъ націй". Только „о болѣе тѣсномъ союзѣ" между обѣими державами не можетъ быть рѣчи, пока русское правительство не выяснило своихъ политическихъ видовъ.

Особенное вниманіе долженъ былъ Шетарди обращать на внутреннее состояніе Россіи, которое не настолько упрочено, чтобъ нельзя было ожидать новыхъ переворотовъ. Напротивъ если принять въ соображеніе, что принцесса Елизавета, какъ родная дочь Петра В., имѣетъ преимущественное право на престолъ, въ сравненіи съ царствующею Императрицею, то понятно будетъ, насколько смерть послѣдней должна вызвать новыя смуты. *)

Послѣднее соображеніе оправдывало, со стороны Шетарди, всѣ старанія сблизиться съ Великою Княжною Елизаветою и содѣйствовать ея воцаренію.

Когда Шетарди прибылъ въ Россію, политическое положеніе Франціи было блистательное: въ ея помощи нуждались Россія, Австрія и Турція, воевавшія другъ съ другомъ, а Швеція опять подпала ея полному вліянію. Благодаря посредничеству Версальскаго кабинета, между Турціей и Швеціей былъ заключенъ новый союзный трактатъ въ іюлѣ 1740 года.

Князю Кантемиру въ Парижѣ графъ Остерманъ предписывалъ всѣми силами препятствовать сближенію Швеціи и Турціи, предвидя опасность для Россіи союза между этими двумя державами. Кардиналъ Флёри, на всѣ настоятельныя требованія князя Кантемира остановить враждебные планы Швеціи противъ Россіи, имѣлъ только одинъ отвѣтъ: Швеція не намѣрена нападать на Россію.

Но кардиналъ не устоялъ прибавить: „Прав-

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LXXXVI, стр. 76 и слѣд.

d'ajouter: „A vrai dire, ces pauvres Suédois ont perdu par le traité de Nystad leurs plus belles provinces qu'ils désireraient reprendre, et si on leur en restituait une part, ce serait le moyen le plus sûr de les calmer“. L'ambassadeur de Russie se fit un devoir de répondre au cardinal que la Russie avait des droits incontestables sur les provinces conquises à la Suède et qu'elle ne pouvait d'aucune manière les lui restituer. „Je sais“, répondit le cardinal, „que la Russie a des titres incontestables à la possession de ces territoires“, et il ne jugea pas opportun de poursuivre cet entretien.

On pouvait facilement prévoir les conclusions auxquelles devait s'arrêter le prince Kantemir à la suite de semblables pourparlers. „Je me permets de vous prier“, écrivait-il au comte Osterman, „d'user de la plus grande circonspection en ce qui regarde la France et la Suède, car, comme je vous l'ai mandé bien souvent, le caractère versatile du cardinal ne permet pas de faire fonds sur ses promesses“. Quelque temps après, Kantemir disait, dans un de ces rapports à l'Impératrice: „Votre Majesté peut facilement se convaincre qu'Elle ne saurait retirer aucun avantage de cette Cour. Si elle se montre par fois disposée en faveur de nos intérêts, c'est uniquement pour nous empêcher de contracter avec d'autres puissances des engagements qui pourraient être contraires à ses propres vues. Ces bonnes dispositions se dissipent aussitôt que le danger de ces engagements se trouve écarté“.

„On se rend parfaitement compte ici“, poursuit le prince Kantemir, „que dans toute l'Europe Vous avez seule le pouvoir de tenir la France en échec et qu'en raison de Votre alliance intime avec l'Empereur, Vous êtes l'obstacle principal à l'anéantissement de la maison d'Autriche, ce qui de tout temps constituait l'objectif essentiel de la politique de cette Cour. Il faut en conclure qu'on s'empressera de profiter de toute circonstance favorable pour chercher, soit ouvertement, soit sous main à réduire Votre pouvoir, si inquiétant pour la France“ *).

C'est ce qu'écrivait le prince Kantemir en juillet 1740. On comprend facilement l'impression pénible que de semblables rapports devaient produire sur le gouvernement russe qui n'avait pas de stabilité nécessaire dans les affaires intérieures ni de vues arrêtées dans les que-

*) Voir Soloview. Histoire, t. XX, chap. IV.

ду сказать, по Ништадскому миру бѣдные Шведы потеряли всѣ лучшія свои области, которыя желали бы себѣ возвратить, и еслибъ можно было имъ что-нибудь возвратить изъ этихъ областей, то они бы успокоились“. Русскій посолъ не могъ не отвѣтить кардиналу Флёри, что Россія имѣетъ неоспоримыя права на завоеванныя у Швеціи провинціи, которыхъ она никакъ не возвратитъ. „Я знаю“, отвѣтилъ кардиналъ, „что Россія имѣетъ неоспоримое право на эти провинціи“—и на этихъ словахъ прекратилъ разговоръ.

Заключеніе, къ которому пришелъ князь Кантемиръ на основаніи такихъ разговоровъ, было весьма естественное. „Всеподданнѣйше прошу“, писалъ онъ графу Остерману, „чтобъ такъ съ здѣшней, какъ съ шведской стороны, содержать себя въ предосторожности, понеже, какъ я уже часто доносилъ, перемѣнчивый нравъ кардинальскій не позволяетъ на его обнадеживанія совсѣмъ полагаться“. Черезъ нѣкоторое время Кантемиръ прибавилъ въ донесеніи на Высочайшее имя: „Ваше Величество легко судить изволитъ, что отъ здѣшняго Двора никакой пользы себѣ ожидать не можетъ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и являются склонны къ интересамъ вашимъ, то для того только, чтобъ удержать васъ отъ вступленія съ другими державами въ какія-нибудь обязательства, здѣшнимъ видамъ противныя. Когда же опасность такихъ обязательствъ минется, то и ласкательство прекратится“.

„Съ глазъ своихъ здѣсь не спускаютъ“, продолжаетъ князь Кантемиръ, „что во всей Европѣ только одна ваша сила здѣшнюю въ равновѣсіи держать можетъ, и что Ваше Величество въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Цесаремъ находится, отчего на Васъ смотрятъ, какъ на главнѣйшее препятствіе къ совершенному униженію Австрійскаго Дома, что всегда было главною цѣлью здѣшняго Двора. Изъ чего легко заключить, что когда случай представится для уменьшенія вашей непріятной силы, то или подъ рукою, или явно, смотря по обстоятельствамъ времени, его не пропустятъ“ *).

Такъ писалъ князь Кантемиръ въ іюлѣ 1740 года. Не трудно себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе такія донесенія должны были произвести на русское правительство, которое не имѣло ни малѣйшей устойчивости во внутреннихъ дѣлахъ и страдало полною шат-

*) Срав. Соловьевъ. Исторія, т. XX, глава IV-я.

stions de politique étrangère. L'Autriche était la seule puissance sur laquelle le gouvernement de Anna Ioannovna pouvait compter et grâce aux menées de la France, elle perdit ce seul allié, infidèle et impuissant.

Telle était la situation politique de la Russie et de l'Europe au moment où le marquis de la Chétardie se présentait à la Cour de St.Pétersbourg. Les succès de la politique française tournèrent la tête à ce diplomate très vaniteux. Son installation était d'une magnificence exceptionelle et dans ses pourparlers avec les ministres russes, il s'appliquait avec une grande énergie à défendre ses droits en matière d'étiquette et de cérémonial. Tous les rapports qu'il adressait à son gouvernement, dans les premiers mois de son séjour près la Cour Impériale, étaient presqu' exclusivement remplis de considérations sur l'étiquette et les honneurs auxquels l'ambassadeur de France pouvait prétendre.

Cette attitude du marquis de la Chétardie devait naturellement provoquer un mécontentement sérieux dans le monde officiel en Russie, de plus que l'ambassadeur se plaisait à témoigner une déférence exceptionnelle à la Grand' Duchesse Elisabeth Petrovna qui, même aux yeux de l'Impératrice Anna, passait pour une aspirante dangereuse au trône de Russie. Ces dispositions hostiles dans les sphères officielles se traduisaient par le fait qu'aucun des hauts dignitaires russes ne se montrait chez l'ambassadeur qui tenait maison ouverte; on se bornait à un échange de visites et de compliments. Ce n'est que lorsque le marquis de la Chétardie eut attiré l'attention du comte Osterman sur cette animosité manifeste de la haute société de St.Pétersbourg que la situation s'améliora. On se mit à fréquenter les brillantes réceptions de l'ambassadeur de France, mais on se gardait bien d'établir avec lui des relations de confiance.

Les rapports qu'il adressait au Secrétaire d'Etat Amelot attestent jusqu'à quel point ces relations personnelles avec les représentants du gouvernement Impérial étaient pour lui un sujet d'irritation. Nous nous bornerons à signaler le rapport très détaillé du 8/19 mars 1740, dans lequel il rend compte de ses conversations „amicales“ avec le comte Osterman sur différentes questions politiques.

„Celle (la conférence) que j'eus lundi dernier avec le comte Osterman fut assez vive, mais il

костью въ области международной политики. Единственнымъ другомъ правительства Анны Іоанновны была Австрія и, благодаря проискамъ французской политики, она должна была лишиться даже этого невѣрнаго и безсильнаго союзника.

Таково было политическое положеніе Россіи и Европы въ моментъ появленія маркиза Шетарди при С.-Петербургскомъ дворѣ. Успѣхи французской политики окончательно вскружили голову тщеславному французскому дипломату. Съ небывалою пышностью устроилъ онъ свой посольскій домъ и съ несокрушимою энергіею защищалъ, въ переговорахъ съ русскими министрами, свои права по этикету и церемоніямъ. Всѣ его донесенія своему правительству, за первые мѣсяцы пребыванія при Высочайшемъ дворѣ, были почти исключительно полны разсужденіями объ этикетѣ и о почестяхъ, на которыя претендовалъ французскій посолъ.

Не трудно себѣ представить, что такой образъ дѣйствій маркиза Шетарди долженъ былъ вызывать сильнѣйшее неудовольствіе въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, тѣмъ болѣе, что французскій посланникъ сталъ высказывать особенное почтеніе В. К. Елизаветѣ Петровнѣ, которая считалась, даже въ глазахъ Императрицы Анны Іоанновны, опаснѣйшею претенденткою на престолъ. Непріязнь русскихъ правительственныхъ сферъ наглядно выражалась въ томъ обстоятельствѣ, что никто изъ русскихъ сановниковъ не являлся въ открытый домъ французскаго посольства. Всѣ стали его избѣгать и ограничивались обмѣномъ визитовъ и комплиментовъ съ французскимъ посломъ. Только когда маркизъ Шетарди сталъ жаловаться графу Остерману на такое явное недружелюбіе лицъ высшаго петербургскаго общества, положеніе измѣнилось къ лучшему. На блестящіе обѣды и вечера во французскомъ посольствѣ стали ѣздить, но на откровенности съ посломъ никто не отваживался.

Насколько непріятны были личныя отношенія маркиза Шетарди къ представителямъ императорскаго правительства, видно изъ всѣхъ его донесеній французскому статсъ-секретарю Амело. Мы ограничимся указаніемъ на подробнѣйшее донесеніе его отъ 8 (19-го) марта 1740 года, въ которомъ онъ описываетъ свои „дружескіе“ разговоры съ графомъ Остерманомъ о разныхъ политическихъ вопросахъ.

„Происходившее у меня въ прошлый понедѣльникъ съ графомъ Остерманомъ совѣщаніе“,

était temps aussi que je misse un terme à ma patience et il n'aurait pas convenu que je laissasse jouir toujours de l'avantage qu'il se pique d'avoir sur les autres pour traîner les choses en longueur. Je débutai par lui demander s'il y avait quelque décision sur M. le prince de Brunswick. La réponse de ce ministre était aussi vague que de coutume".

писалъ Шетарди своему правительству, „было довольно бурно, но пора вѣдь было и мнѣ положить предѣлъ своему терпѣнію; мнѣ не слѣдовало давать ему вѣчно пользоваться преимуществомъ, которымъ онъ хвалится передъ другими, что умѣетъ затягивать дѣла. Я началъ съ того, что спросилъ, послѣдовало ли какое-нибудь рѣшеніе относительно принца Браунштейгскаго. Отвѣтъ этого министра былъ также неопредѣлененъ, какъ обыкновенно".

Ensuite le marquis de la Chétardie aborda la question délicate concernant le parti pris de la haute société de St.Pétersbourg de ne pas fréquenter sa maison. Si depuis trois mois qu'il se trouve à St.Pétersbourg, disait-il, tout le monde cherche à l'éviter soigneusement, il ne saurait expliquer cette conduite que par un ordre, émanant de haut lieu. Lorsque le comte Osterman lui répondit qu'il était d'usage de ne pas faire de visites pendant le grand carême, le marquis lui fit observer que, selon ses propres paroles, cet usage n'était observé que pendant la première semaine et que, cette semaine une fois passée, on avait coutume de reprendre les relations de société. C'est avec un certain sentiment de satisfaction que l'ambassadeur de France annonçait à sa Cour que ce discours habile semblait avoir troublé le comte Osterman, généralement difficile à émouvoir.

Вслѣдъ затѣмъ маркизъ Шетарди перешелъ къ деликатному вопросу о непосѣщеніи его дома петербургскимъ высшимъ обществомъ. Если, доказывалъ онъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, что онъ въ С.-Петербургѣ, всѣ его тщательно избѣгаютъ и никто его не посѣщаетъ, то онъ можетъ себѣ объяснить такое поведеніе только приказаніемъ, даннымъ свыше. Когда же гр. Остерманъ возразилъ, что во время великаго поста визитовъ не дѣлаютъ, маркизъ Шетарди ему напомнилъ, что, по его же словамъ, только на первой недѣлѣ великаго поста не дѣлаютъ визитовъ, но по истеченіи ея всѣ другъ друга посѣщаютъ. Французскій посолъ съ самодовольствіемъ доноситъ своему двору, что его ловкія рѣчи привели въ смущеніе трудно смутимаго графа Остермана.

„Il ne pouvait me combattre à armes égales", écrit l'ambassadeur, „aussi ne sut-il point cacher son embarras. Les discours vagues qu'il me tint le marquaient autant que le rouge qui lui monta au visage et l'impatience muette que caractérisaient les mouvements continuels qu'il se donnait dans son fauteuil. Je crus devoir retirer l'intérêt de ma patience. Je lui dis qu'il ne me verrait jamais occupé de mon caractère, que pour faire sentir l'attention que le Roi avait voulu marquer à la Tsarine et pour souhaiter de fortifier la bonne harmonie entre les deux Cours; mais qu'autant je laisserais volontiers tous ces messieurs chez eux, s'il ne s'agissait que de mon personnel, autant je ne dissimulerais jamais mon caractère, surtout en ce qui en intéresserait la décence et la dignité".

„Онъ не въ состояніи былъ", пишетъ Шетарди, „бороться со мной равнымъ оружіемъ, потому и не могъ скрыть своего смущенія. Это доказывалось неопредѣленностью выраженій, съ которыми онъ ко мнѣ обратился, также какъ и бросившейся ему въ лицо краской, вмѣстѣ съ сдержаннымъ нетерпѣніемъ, которое выражалось безпрерывными движеніями его въ креслѣ. Я счелъ долгомъ вознаградить себя за терпѣніе. Я сказалъ ему, что онъ никогда не увидитъ, чтобы я заботился о своемъ санѣ иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы поставить на видъ вниманіе, которое король пожелалъ оказать Царицѣ, и чтобы упрочить доброе согласіе между двумя дворами; я охотно оставилъ бы всѣхъ этихъ господъ въ покоѣ, еслибъ дѣло шло обо мнѣ лично; но я никогда не унижу своего званія, въ особенности что касается приличія и достоинства его".

Le marquis de la Chétardie insistait sur la violation par le gouvernement russe des règles de l'étiquette française, adoptée par la Cour Impériale et démontrait au Chancelier qu'il était responsable des offenses qu'on lui a sans cesse infligées.

Маркизъ Шетарди настаивалъ на нарушеніи русскимъ правительствомъ правилъ французскаго этикета, принятаго императорскимъ дворомъ, и доказывалъ Канцлеру, что онъ виноватъ въ обидахъ, ему постоянно наносимыхъ.

„Le comte Osterman", écrit l'ambassadeur à son gouvernement, „pour disputer son terrain jusqu'à la fin, reprit assez vivement qu'il n'avait pas cru que je ferais de cet objet une prétention, que telle était d'ailleurs la manière des Russes de ne se point communiquer *(sic!)*". Loin de se calmer le marquis s'appliqua à démontrer au Chancelier que si le gouvernement russe désirait voir accrédité auprès de lui, en qualité de représentant d'une puissance étrangère, un diplomate ayant rang d'ambassadeur, il était tenu pour sa part de lui reconnaitre les droits qui lui appartiennent. Le marquis de la Chétardie déclara péremptoirement qu'il se refusait de continuer cette existence d'anachorète et de vivre comme „dans un exil" où le commerce des hommes lui serait même interdit. Il ne pouvait le supporter plus longtemps et voulait absolument voir des hôtes dans cet hôtel de l'ambassade, qu'il prit soin de monter avec tant de faste.

Enfin le comte Osterman se rendit, vaincu par les arguments du marquis, comme celui-ci se plait à le constater dans ses rapports. Il promit à l'ambassadeur d'obtenir une décision suprême, en vertu de laquelle les charges de Cour et les personnes de la haute société auraient à se rendre chez lui pour faire honneur à son hospitalité et admirer sa riche installation. „Je vois", dit le comte Osterman à l'ambassadeur, „que ce n'est pas assez pour eux et qu'il leur faut un ordre". „Je n'aurais jamais osé vous le dire", reprit le marquis, „mais puisque vous avez lâché le mot, comptez que dans un pays où la crainte est aussi grande qu'ici, l'incertitude de ce qu'on doit ou ne doit pas faire, occasionnée par l'appréhension de déplaire au maitre ou d'agir d'une façon opposée aux intentions du ministre détermine à ne rien faire du tout".

A ces mots l'ambassadeur s'était levé pour se retirer, mais le comte Osterman, voulant comme assurait le marquis, se ménager encore quelque petit avantage, ne put s'empêcher de lui dire: „Au moins s'ils ne marchent pas à présent, vous conviendrez qu'ils sont incorrigibles". „Ce n'est pas ici", repliqua M. de Chétardie, „où les ordres ne souffrent la moindre explication; que ces messieurs au surplus soient corrigibles ou non, peu m'importe et je ne vous demande pour vendredi qu'une réponse solutive dont je ne peux plus tarder à informer le roi".

Cette insistance obstinée de l'ambassadeur pour sortir de cette situation d'exilé et d'ana-

„Графъ Остерманъ", доносилъ посолъ своему правительству, „желая до конца удержать за собой поле битвы, возразилъ довольно рѣзко, что онъ не предполагалъ, чтобы я имѣлъ такія притязанія; кромѣ того, таковъ ужъ обычай Русскихъ, совсѣмъ не сообщаться другъ съ другомъ *(sic!)*". Но французскій посолъ не унимался. Онъ сталъ доказывать Канцлеру, что если русское правительство желаетъ имѣть у себя, въ качествѣ представителя иностранной державы, дипломата въ званіи посла, то оно должно признавать за нимъ всѣ принадлежащія ему права. Маркизъ Шетарди наотрѣзъ отказался продолжать свою жизнь на манеръ отшельника и какъ бы „находиться въ изгнаніи" или „въ одиночествѣ". Этого дольше переносить онъ не можетъ: онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть гостей въ своемъ пышномъ посольскомъ домѣ.

Наконецъ гр. Остерманъ сдался, побѣжденный доводами маркиза Шетарди — какъ послѣдній самъ доноситъ. Онъ обѣщалъ послу выхлопотать Высочайшее повелѣніе, чтобы русскіе придворные чины и лица высшаго общества являлись къ французскому послу откушать у него хлѣбъ-соль и любоваться его роскошною обстановкою. „Я вижу", сказалъ послу графъ Остерманъ, „что приглашенія имъ недостаточно; имъ нуженъ приказъ". „Я никогда не осмѣлился сказать вамъ это", отвѣтилъ маркизъ Шетарди, „но разъ вы произнесли это слово, повѣрьте, что въ странѣ, гдѣ страхъ столь великъ, какъ здѣсь, неувѣренность въ томъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, создаваемая опасеніями не угодить Государю, или поступить наперекоръ намѣреніямъ министра, заставляетъ рѣшительно ничего не дѣлать".

При этихъ словахъ посолъ всталъ, чтобъ уйдти. Но гр. Остерманъ, желая, по словамъ Шетарди, „еще выгадать хоть какое-нибудь маленькое преимущество", не удержался сказать ему: „По крайней мѣрѣ, если они и въ такомъ случаѣ не пойдутъ, то, согласитесь, что они неисправимы". — „Отнюдь не здѣсь", возразилъ Шетарди, „гдѣ приказы не могутъ подвергаться ни малѣйшему толкованію. Мнѣ не важно, будутъ ли эти люди исправимы или нѣтъ; я прошу лишь у васъ въ пятницу рѣшительнаго отвѣта, съ передачей котораго королю я не могу уже болѣе медлить".

Настойчивое требованіе французскаго посла вывести его изъ „изгнанія" и изъ положенія от-

chorète lui assura en fin de compte une victoire éclatante sur la perfidie du comte Osterman. Comme par un effet magique „tous les chambellans, les gentilshommes de la chambre. plusieurs généraux et une grande partie des conseillers privés actuels et des sénateurs“ se présentèrent chez lui et restèrent probablement très-satisfaits de la bonne chère de l'ambassadeur qui d'ailleurs était très fier de son chef de cuisine. D'ailleurs cette table exquise de l'ambassadeur n'était pas l'unique attraction pour la haute société russe, qui était sous le charme des brillants feux d'artifice et des illuminations qu'il se plaisait à organiser. Chacune de celles-ci lui coûtait jusqu'à 1.300 livres; dans le courant de quelques semaines il dépensa plus de 10.000 pour ce genre de réjouissance.

Toutefois malgré les brillantes réceptions et les illuminations du marquis de la Chétardie, on ne remarquait aucun indice de rapprochement entre la Russie et la France, et aucune communauté d'intérêts politiques entre ces deux pays jusqu'à l'avènement de l'Impératrice Elisabeth. La Russie conservait au contraire ses anciennes relations d'amitié avec l'Autriche, et contractait une alliance avec l'Angleterre, au moment même, où le marquis de la Chétardie se plaignait longuement à son gouvernement de certaines violations d'étiquette. Ainsi, on n'avait pas laissé entrer sa voiture dans la cour intérieure du palais Impérial; on avait défendu à ses domestiques de l'escorter dans le jardin Impérial, et il crut devoir s'abstenir de se rendre au palais pour assister à la représentation des comédiens allemands, faute d'avoir reçu une place, conforme à son rang. Ces questions d'étiquette intéressaient le marquis bien plus que celles concernant la politique et les relations mutuelles entre la Russie et la France. Ces conclusions quelque peu flatteuses qu'elles soient pour ce brillant diplomate français sont entièrement corroborées par les rapports actuellement publiés qu'il adressait à son gouvernement.

D'ailleurs, sous la régence de Biren et sous la régence de la princesse Anna Léopoldovna, le marquis de la Chétardie se livrait à la Cour de Russie à un jeu dangereux, provoqué par les instructions expresses de son gouvernement et justifiée, en quelque sorte, par la situation intérieure en Russie. La Cour de Versailles connaissait parfaitement la haine de la nation russe et de l'armée pour le favori Biren et la régente Anna Léopoldovna avec son acolyte. Elle savait

отшельника одержало верхъ и онъ имѣлъ блестящую побѣду надъ коварнымъ графомъ Остерманомъ. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, „всѣ камергеры, камеръ-юнкеры, многіе генералы и большая часть дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и сенаторовъ“ явились къ французскому послу и остались, по всей вѣроятности, весьма довольны яствами, приготовленными поваромъ маркиза Шетарди, которымъ послѣдній очень гордился. Но русское высшее общество не только наслаждалось отличнымъ столомъ французскаго посла, оно также любовалось превосходными фейерверками и иллюминаціями, имъ устраиваемыми. Каждая иллюминація стоила послу 1.300 ливровъ и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ истратилъ на эту забаву болѣе 10.000 ливровъ.

Однако, несмотря на блестящіе пріемы и роскошныя иллюминаціи маркиза Шетарди, Россія и Франція нисколько не сближались, и никакой общности политическихъ интересовъ не обнаруживалось между ними вплоть до воцаренія Императрицы Елизаветы Петровны. Напротивъ, Россія сохранила прежнія дружескія сношенія съ Австріею и вступила въ союзъ съ Англіею въ то самое время, когда маркизъ Шетарди писалъ своему правительству длинныя жалобы на то, что его карету не пустили во внутренній дворъ императорскаго дворца, что его лакеевъ не пустили слѣдовать за нимъ чрезъ императорскій садъ и что онъ не пошелъ на представленіе нѣмецкихъ комедіантовъ, игравшихъ при дворѣ, потому что ему не предоставили достаточно почетнаго мѣста. Эти вопросы этикета интересовали маркиза Шетарди несравненно больше всѣхъ вопросовъ политики и взаимныхъ отношеній Франціи и Россіи. Этотъ нелестный для блестящаго французскаго дипломата выводъ вполнѣ подтверждается изученіемъ обнародованныхъ донесеній его своему правительству.

Впрочемъ, во времена Бироновщины и правленія принцессы Анны Леопольдовны маркизъ Шетарди игралъ при русскомъ дворѣ весьма опасную игру, вызванную прямыми предписаніями его правительства и отчасти оправдываемую положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Версальскій дворъ отлично зналъ объ общей ненависти русскаго народа и войска къ временщику Бирону и къ правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ съ ея клевретами. Онъ зналъ, что

que la nation portait ses vues sur la fille du grand Réformateur de la Russie, la Tsarevna Elisabeth, dont l'avènement au trône était ardemment désiré par les nombreux ennemis de la régente — princesse allemande.

La Cour de Versailles voulait profiter de cette circonstance pour abattre le pouvoir du parti allemand en Russie, toujours prédisposé en faveur d'une alliance avec l'Autriche et pour prêter un appui à la Suède, cette alliée séculaire de la France. Louis XV était convaincu que, s'il réussissait à provoquer une révolution en Russie et à coopérer à l'avènement au trône de la princesse Elisabeth, celle-ci ne manquerait pas, par sentiment de reconnaissance, de donner satisfaction à la Suède et de lui rétrocéder une partie des provinces, enlevées en vertu du traité de Nystad. Dans cette combinaison, il semblait oublier le fait que la grande duchesse Elisabeth était la propre fille de Pierre le Grand et que pour cette seule raison, elle ne consentirait jamais à détruire l'œuvre de son père. Mais le roi de France s'est tellement laissé entraîner par ce projet chimérique qu'il persuada le gouvernement suédois de proposer à la grande duchesse, par l'entremise de son représentant à St. Pétersbourg, une alliance secrète avec la Suède. La grande duchesse devait s'engager à restituer à la Suède quelques provinces, à son avènement au trône, et le gouvernement suédois devait promettre de faire irruption sur quelque territoire russe, afin d'y faire affluer les troupes de la garde, cantonnées dans la capitale, et de détourner de celle-ci l'attention de la régente et de ses ministres.

En vue de cette combinaison, le marquis de la Chétardie reçut l'ordre d'entrer en négociation secrète avec la princesse Elisabeth et de la persuader de signer un accord secret avec la Suède *)

Le marquis de la Chétardie s'empressa de s'occuper de l'accomplissement de sa mission. Il entra en pourparlers directs avec la princesse et usa du concours du docteur Lestocq, attaché au service de la grande duchesse, pour lui faire parvenir des communications. Il appuyait très énergiquement le ministre de Suède M. de Nolcken et s'appliquait à convaincre la Tsarevna qu'il lui serait impossible de monter sur le trône de l'Empire sans l'assistance des troupes suédoises.

*) Voir Recueil de la Société Impériale russe historique, t. XCII, pag. 201, 236, 291, 310, 492 et autres.

всѣ надежды русскаго народа обращены на дочь Преобразователя Россіи, царевну Елизавету Петровну, воцаренія которой пламенно желали многочисленные враги нѣмецкой принцессы-правительницы.

Этими обстоятельствами желалъ воспользоваться Версальскій дворъ для сокрушенія въ Россіи „нѣмецкой партіи", естественно склонявшейся къ союзу съ Австріей, и для оказанія помощи вѣковому союзнику Франціи — Швеціи. Король Людовикъ XV былъ убѣжденъ, что если ему удастся вызвать государственный переворотъ въ Россіи и содѣйствовать воцаренію царевны Елизаветы Петровны, то послѣдняя, изъ чувства простой благодарности, удовлетворитъ Швецію и возвратитъ ей часть уступленныхъ, въ силу Ништадскаго мира, шведскихъ провинцій. Король, въ этой своей комбинаціи, совершенно забылъ, что Великая Княжна Елизавета Петровна родная дочь Петра В. и уже по этой причинѣ никогда не согласится разрушить великое дѣло своего родителя. Но французскій король настолько увлекался своею несбыточною мечтою, что убѣдилъ шведское правительство предложить царевнѣ, черезъ своего представителя въ С.-Петербургѣ, секретный союзъ съ Швеціею. Царевна должна была обязаться, послѣ своего воцаренія, уступить Швеціи нѣкоторыя области, а шведское правительство обязалось совершить нападеніе на русскія владѣнія съ цѣлью удалить изъ столицы гвардейскія войска и отвлечь вниманіе правительницы и ея министровъ.

Въ виду этой хитрой комбинаціи маркизу Шетарди было приказано: вступить въ секретнѣйшіе переговоры съ принцессою Елизаветою Петровною и уговорить ее подписать тайное соглашеніе съ Швеціею *)

Маркизъ Шетарди съ жаромъ принялся за исполненіе порученнаго ему дѣла. Онъ вступилъ въ непосредственные переговоры съ царевною и воспользовался услугами домашняго ея доктора, Лестока, для передачи ей своихъ сообщеній. Онъ весьма энергично поддерживалъ шведскаго посланника Нолькена и убѣждалъ царевну, что безъ содѣйствія шведскихъ войскъ она не въ состояніи будетъ вступить на русскій императорскій престолъ.

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. XCII, стр. 201, 236, 291, 310, 492 и др.

Toutefois l'ambassadeur de France dut se convaincre bientôt que la princesse Elisabeth ne consentirait jamais à rétrocéder à la Suède la moindre part des conquêtes de son père et, qu'en général, il lui répugnait de profiter du concours de la Suède. Il est vrai, qu'au commencement de 1741, sous la pression des circonstances, la princesse Elisabeth consentit à donner au ministre de Suède la promesse verbale d'indemniser son pays des frais de la guerre, à son avènement au trône, de lui servir un subside annuel et d'accorder aux Suédois, en matière de commerce, les mêmes droits qu' aux Anglais. Mais toutes ces promesses verbales ne trahissaient que les hésitations continuelles de la princesse, sans offrir une garantie suffisante pour l'exécution des prétentions suédoises *).

Dans le cours de la première moitié de 1741, le marquis de la Chétardie ne cessait d'exciter la grande duchesse Elisabeth de prendre une décision définitive au sujet du coup d'Etat à accomplir; mais il était en même temps très absorbé par ses collisions continuelles avec le comte Osterman et le comte Munich au sujet de graves questions d'étiquette. Le fait est qu'après la mort de l'Impératrice Anna et à l'avènement au trône de Jean III, agé de quelques mois, il reçut de son gouvernement de nouvelles lettres de créance qui l'accréditaient non en qualité d'ambassadeur, mais de ministre plénipotentiaire. Le marquis tenait à remettre ces documents, ainsi que la lettre du roi Louis XV personnellement à l'Empereur, encore en maillot; la Régente-mère insistait pour que ces documents fussent remis à elle et non pas à l'enfant. Le marquis s'y refusa péremptoirement assurant qu'il ne pouvait remettre la lettre de son souverain qu'entre les propres mains de l'Empereur de Russie. Ni la Régente, ni le comte Osterman et le comte Munich ne réussirent à faire entendre raison au ministre de France et à lui expliquer que l'Empereur ne serait pas en état de recevoir ces pièces de ses mains.

Le marquis de la Chétardie refusa en outre catégoriquement d'adresser son discours non pas à l'Empereur-enfant, mais à la Régente comme l'exigeaient celle ci et ses ministres.

*) Recueil de la Société Impériale Russe historique, t. XCII, pag. 182, 204, 297, 330, 379, 418, 478 et autres.

Между тѣмъ французскій посолъ весьма скоро долженъ былъ убѣдиться, что царевна Елизавета Петровна не только никогда не согласится уступить обратно Швеціи что-либо изъ отцовскихъ завоеваній, но что ей вообще претитъ пользоваться шведскою помощью. Правда, въ началѣ 1741 года, Елизавета Петровна, подъ натискомъ обстоятельствъ, согласилась на словахъ обѣщать представителю Швеціи, что она вознаградитъ Швецію за военныя издержки, по воцареніи будетъ давать ей ежегодную субсидію и предоставитъ Шведамъ равныя съ Англичанами торговыя права и преимущества. Но эти словесныя обѣщанія только обнаруживали постоянныя колебанія царевны и нисколько не обезпечивали исполненіе шведскихъ претензій *).

Въ продолженіе всей первой половины 1741 года маркизъ Шетарди старался „подстрекнуть“ Великую Княжну Елизавету Петровну рѣшиться на совершеніе государственнаго переворота. Но въ то же время онъ еще болѣе увлекался постоянными стычками съ графами Остерманомъ и Минихомъ по очень важнымъ вопросамъ этикета. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Императрицы Анны Іоанновны и вступленія на престолъ Іоанна III, которому еще не было году отъ рожденія, маркизъ Шетарди получилъ новыя кредитивныя грамоты на званіе не посла, но полномочнаго министра. Эти грамоты, вмѣстѣ съ письмомъ короля Людовика XV, маркизъ Шетарди непремѣнно хотѣлъ вручить лично русскому Императору, находившемуся въ пеленкахъ. Мать же—Правительница настаивала на томъ, чтобъ маркизъ отдалъ эти документы ей, а не малюткѣ. Шетарди наотрѣзъ отказалъ на томъ основаніи, что письмо своего короля онъ можетъ отдать въ руки только самого русскаго Императора. Ни Правительница, ни графы Остерманъ и Минихъ не могли разубѣдить французскаго посланника и доказать ему, что малютка Императоръ даже не въ состояніи будетъ принять эти документы изъ рукъ посланника.

Сверхъ того, маркизъ Шетарди наотрѣзъ отказался обратиться съ своею рѣчью не къ малюткѣ-Императору, но къ Правительницѣ—какъ требовала послѣдняя и ея министры.

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. XCII, стр. 182, 204 297, 330, 379, 418, 478 и др.

„Mais je dois avertir", dit-il au comte d'Osterman, „que j'adresserai la parole au Tzar uniquement, que je ne verrai que lui dans la chambre et que s'il ne peut pas *(sic!)* me faire l'honneur de me tendre la main pour recevoir tant mes lettres de créance, que les deux réponses à ses notifications dont je suis chargé, je les poserai ou sur son couvrepieds, ou sur son berceau ou sur la table qu'il aura auprès de lui".

„Я долженъ предупредить", сказалъ французскій посланникъ графу Остерману, „что буду обращаться съ рѣчью единственно лишь къ Царю; я буду его лишь видѣть въ комнатѣ, и если онъ не въ состояніи *(sic!)* сдѣлать мнѣ честь протянуть свою руку для принятія моихъ вѣрющихъ писемъ и двухъ отвѣтовъ на его нотификацію, которые мнѣ поручено передать, то я положу ихъ или на одѣяло, покрывающее его ноги, или на его колыбель, или на столъ, который будетъ близь него находиться".

Enfin le marquis de la Chétardie ne voulait consentir d'aucune manière à baiser la main de la Régente et à demander une audience chez la princesse Elisabeth après celle chez le duc de Brunswick, époux de la Régente. Il fit observer au comte Osterman, non sans une certaine malice, que la princesse est de sang impérial, tandis que le duc de Brunswick est de sang Brunswickois.

Наконецъ, маркизъ Шетарди никакъ не хотѣлъ согласиться цѣловать руку Правительницы и просить аудіенціи у принцессы Елизаветы Петровны послѣ принца Брауншвейгскаго, супруга Правительницы. Онъ язвительно напоминалъ графу Остерману, что царевна императорской крови, а принцъ Брауншвейгскій только — брауншвейгской крови.

Dans ces conditions, on comprend que les relations entre la Régente et le comte Osterman d'une part et le ministre de France — de l'autre, devaient être très tendues. Le comte Osterman évitait ostensiblement des rencontres avec lui, refusait souvent de le recevoir, soit sous prétexte d'affaires de service urgentes, soit à cause de l'arrivée de sa belle-sœur de Moscou. Mais le marquis était décidé à se rendre chez le Chancelier tous les jours et à n'ajouter aucune importance à un certain „roulement d'yeux qui ne laissait plus voir que le blanc".

Совершенно понятно, что при такихъ обстоятельствахъ взаимныя отношенія между Правительницею и графомъ Остерманомъ, съ одной стороны, и французскимъ посланникомъ, съ другой, должны были быть весьма натянутыя. Графъ Остерманъ явнымъ образомъ избѣгалъ съ нимъ встрѣчаться и часто отказывался его принимать подъ предлогомъ или спѣшныхъ служебныхъ занятій, или же пріѣзда своей своячиницы изъ Москвы. Но маркизъ Шетарди рѣшился каждый день навѣщать Государственнаго Канцлера и не обращать ни малѣйшаго вниманія на его „такое закатываніе глазъ, что видны были одни бѣлки".

Les entretiens du marquis de la Chétardie avec le comte Osterman, premier ministre de Russie, sont très intéressants, en ce qu'ils caractérisent les procédés diplomatiques en usage dans la moitié du XVIII siècle. Nous profiterons du rapport détaillé du marquis au cardinal Amelot, du 19 août 1741, pour y puiser quelques données sur ces pourparlers entre le ministre de France et le comte Osterman *).

Бесѣды маркиза Шетарди съ первымъ русскимъ министромъ, графомъ Остерманомъ, въ высшей степени интересны для характеристики дипломатическихъ пріемовъ въ половинѣ XVIII вѣка. Мы воспользуемся подробнымъ донесеніемъ маркиза Шетарди кардиналу Амело, отъ 19-го августа 1741 года, чтобъ рельефно охарактеризовать отношенія между французскимъ посланникомъ и графомъ Остерманомъ *).

A cinq heures de l'après-midi, comme le comte Osterman l'avait fixé lui-même, le marquis de la Chétardie se rendit chez lui et un entretien s'engagea entre eux que le ministre de France se plait à qualifier de „comédie"

Въ 5 часовъ пополудни, въ назначенный графомъ Остерманомъ часъ, явился къ нему маркизъ Шетарди, и началась бесѣда, которую маркизъ назвалъ въ своемъ донесеніи „комедіею". Въ продолженіе перваго получаса

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XCVI, p. 297 et suiv.

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. XCVI, стр. 297 и слѣд.

dans son rapport. Pendant toute une demi-heure la conversation tournait autour d'objets complétement étrangers à la politique. Personne ne voulait être le premier à parler d'affaires. Ces matières une fois épuisées et en présence du parti-pris de la Chétardie de ne pas aborder des questions d'affaires, le comte Osterman se montra très agité de ce qu'on ne lui apportait pas de la chancellerie des papiers importants. Le Chancelier finit par sonner et fit appeler un de ses secrétaires. Quand celui-ci se présenta, le Chancelier lui demanda si on avait reçu les papiers dont il avait besoin? Sur la réponse négative de cet employé, le comte Osterman le congédia. Après quelque temps, il fit encore une fois appeler ce secrétaire, lui posa la même question au sujet de ces papiers, en reçut la même réponse, comme d'avance, et montra de l'humeur contre ses secrétaires, à propos de ces désordres. Là-dessus, avec des signes visibles d'impatience et de mécontentement, le comte Osterman se mit à fouiller dans ses papiers et à les déplacer d'un endroit à l'autre. Cette opération dura, selon les paroles du marquis, plus d'une grosse heure. Dans le cours de toutes ces opérations, le ministre de France restait assis et attendait avec patience que l'entretien d'affaires fut abordé.

Enfin, après cette „entrée en matière“ qui avait duré deux heures, le comte Osterman demanda au marquis, s'il ne pouvait pas lui dire quel était l'objet de la communication que le prince Cantemir, ministre de Russie à Versailles, venait de faire à sa Cour? Le diplomate le savait parfaitement, mais il répondit qu'il n'avait reçu de son gouvernement aucune information à ce sujet. A bout de patience, le comte Osterman dit au marquis: „Apprenez moi donc provisionnellement ce dont vous êtes chargé, je le prendrai *ad notam* et cela avancera la besogne puisque je ne peux trouver la minute des derniers ordres adressés au prince Cantemir“.

„Pour le faire“, lui répliqua Chétardie, „il faudrait que je fusse informé de ce qu'il a produit et de même qu'il n'a été que le faible instrument de ce que vous lui avez prescrit, je suis dans le même cas sur ce que M. Amelot m'a ordonné. L'application d'ailleurs en serait peut-être difficile, si je ne réglais mes réponses sur vos demandes“.

„Vous voulez toujours“, dit le comte Osterman vivement, „faire les choses ministériellement“ „Je

разговоръ касался самыхъ постороннихъ предметовъ: никто не хотѣлъ заговорить первымъ о дѣлахъ. Послѣ истощенія этихъ постороннихъ предметовъ и явнаго нежеланія маркиза Шетарди перейти къ дѣламъ, графъ Остерманъ сталъ обнаруживать большое безпокойство по поводу того, что ему не приносятъ изъ канцеляріи нужныхъ бумагъ. Наконецъ Канцлеръ позвонилъ и потребовалъ одного изъ своихъ секретарей. Когда послѣдній явился, Канцлеръ спросилъ его, не получены ли нужныя ему бумаги? Выслушавъ отрицательный отвѣтъ, графъ Остерманъ его отпустилъ. Но черезъ нѣкоторое время онъ опять потребовалъ къ себѣ секретаря, опять поставилъ ему вопросъ на счетъ нужныхъ ему бумагъ, опять получилъ заранѣе извѣстный ему отрицательный отвѣтъ и опять сердился на своихъ секретарей и безпорядки. Вслѣдъ за тѣмъ графъ Остерманъ, съ признаками явнаго нетерпѣнія и неудовольствія, сталъ рыться во всѣхъ своихъ бумагахъ, которыя онъ сталъ перекладывать съ одного мѣста на другое. Эта операція продолжалась, по словамъ маркиза Шетарди, „больше часа“. Въ продолженіе всѣхъ этихъ операцій французскій посланникъ сидѣлъ и терпѣливо ждалъ начала дѣлового разговора.

Наконецъ, послѣ такой двухчасовой „entrée en matière“, графъ Остерманъ спросилъ маркиза Шетарди, не можетъ ли онъ сообщить ему то, что князь Кантемиръ, русскій посланникъ въ Версалѣ, сообщилъ его двору? Посланникъ зналъ все, но отвѣтилъ, что онъ ничего не получилъ отъ своего двора насчетъ сообщеній князя Кантемира. Тогда графъ Остерманъ не вытерпѣлъ и сказалъ маркизу: „Сообщите же мнѣ предварительно то, что вамъ поручено; я приму это *ad notam*, и дѣло подвинется такимъ образомъ, потому что я не могу найти черноваго отпуска послѣднихъ повелѣній, отправленныхъ Кантемиру“.

„Для того, чтобы это сдѣлать“, отвѣтилъ Шетарди, „надо, чтобы я былъ освѣдомленъ о томъ, что предъявилъ князь Кантемиръ, и какъ онъ лишь слабое орудіе предписаній, которыя вы ему дали, такъ и я нахожусь въ такомъ же положеніи относительно повелѣній, данныхъ мнѣ г. Амело. Кромѣ того, примѣненіе ихъ будетъ, можетъ быть, затруднительно, если я не буду сообразовать своихъ отвѣтовъ съ вашими требованіями“.

„Вы всегда хотите“, сказалъ рѣзко гр. Остерманъ, „дѣлать все офиціальнымъ образомъ“

ne veux, lui répondis-je, que ce qui peut vous être agréable, mais quelque désir que j'eusse de vous épargner la peine de parcourir toutes ces paperasses, il ne dépend pas de moi de vous donner ce que je n'ai pas; que Votre Excellence dans un autre moment se prête à la méthode que je prends la liberté de lui indiquer, et elle reconnaîtra, par la précision avec laquelle je lui répondrai, qu'une petite demi-heure suffira, ainsi que je le lui ai avancé, et que je ne souhaite rien tant que de m'entendre avec elle. Elle sera aussi pleinement instruite de ce que Sa Majesté croit praticable, et une Cour si respectable que celle-ci, jugeant à son tour de ce qui est convenable à sa situation et à ses vues, la décision ne pourra être que prompte et amiable."

„Я хочу", возразилъ Шетарди, „только того, что вамъ можетъ быть пріятно, но какъ я ни желаю избавить васъ отъ труда просматривать всѣ эти бумаги, но не отъ меня зависитъ дать вамъ то, чего у меня нѣтъ. Пусть Ваше Сіятельство согласится въ другой разъ на способъ, который я беру смѣлость предложить вамъ, и вы признаете изъ точности отвѣтовъ, какіе я буду вамъ давать, что какого-нибудь получаса достаточно будетъ для того, о чемъ я уже прежде заявилъ вамъ и чего я такъ сильно желаю, чтобы притти къ соглашенію съ вами. Вы будете также вполнѣ освѣдомлены о томъ, что Его Величество считаетъ выполнимымъ, и такой почтенный дворъ, какъ здѣшній, увидитъ въ свою очередь, что является подходящимъ къ его положенію и планамъ, а потому не замедлитъ произойти быстрое и полюбовное соглашеніе".

„De la façon dont vous me parlez", reprit le Chancelier, „nous ne tarderons pas à finir, et n'ayant que mon rapport à faire à ma Souveraine, je prévois qu'il ne nous faudra pas plus de deux jours".

„Судя по тому, какъ вы мнѣ говорите", отвѣтилъ Канцлеръ, „мы не замедлимъ покончить дѣло; мнѣ остается лишь представить докладъ моей Государынѣ; поэтому я предвижу, что намъ потребуется не болѣе двухъ дней".

Après avoir énoncé cette remarque malicieuse, le comte Osterman se mit avec encore plus d'énergie à chercher les papiers, qu'il ne désirait nullement trouver. En même temps, il ne cessait d'exprimer au marquis de Chétardie les sentiments de profond respect et de dévouement dont il était animé à son égard. Le marquis ne demeurait pas en reste, en matière de courtoisie, et assurait qu'il „se convaincrait toujours avec une satisfaction bien vive de ce dont le Chancelier chercherait à le persuader". Le ministre de France ajoutait, en même temps, qu'il reviendra chez le Chancelier le lendemain à 6 heures, dans l'espoir que celui-ci aura trouvé les papiers égarés. Si tel n'était pas le cas, le ministre promettait de revenir tous les jours à 6 heures, jusqu'à ce que ces papiers ne fussent retrouvés et que les pourparlers ne puissent être entamés. C'est avec une satisfaction particulière que le marquis promettait de venir voir le Chancelier tous les jours, „ne connaissant quant à lui, pas d'instants mieux employés que ceux qu'il passait avec lui".

Высказавъ это язвительное замѣчаніе, графъ Остерманъ продолжалъ съ еще большею энергіею искать бумаги, найти которыхъ онъ совсѣмъ не желалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ маркизу Шетарди свои чувства глубокаго почтенія и преданности, которыя онъ къ нему питаетъ. Маркизъ не оставался въ долгу и отвѣчалъ на эти любезности замѣчаніемъ, что онъ „всегда съ живѣйшимъ удовольствіемъ готовъ повѣрить тому, въ чемъ Канцлеръ желаетъ его убѣдить". Вмѣстѣ съ тѣмъ французскій посланникъ прибавилъ, что онъ вернется къ Канцлеру на другой день, въ 6 часовъ, въ надеждѣ, что гр. Остерманъ къ тому времени найдетъ затерянныя бумаги. Если же еще не найдетъ, то посланникъ обѣщалъ приходить каждый день въ 6 часовъ, до тѣхъ поръ, пока бумаги не будутъ отысканы и переговоры станутъ возможными. Маркизъ Шетарди съ особеннымъ удовольствіемъ обѣщалъ изо дня въ день навѣщать Канцлера, потому что онъ не зналъ „для себя времени, лучше употребленнаго, чѣмъ то, которое онъ проводилъ съ нимъ".

Le comte Osterman dissimulait avec difficulté des sentiments d'une grande irritation en présence de ces moqueries du ministre de France. Il eut recours à son procédé habituel lorsqu'il ne voulait pas entendre — „il n'écouta point et parla toujours de son côté". Mais le marquis de Chétardie prit ses mesures pour que tout

Графъ Остерманъ не въ состояніи былъ скрыть свое крайнее раздраженіе по поводу явнаго подсмѣиванія надъ нимъ французскаго посланника. Онъ прибѣгъ къ своему обычному пріему, когда не хотѣлъ слушать: „онъ все пропускалъ мимо ушей и въ то же время самъ говорилъ безъ умолку". Однако

ce qu'il avait dit au Chancelier lui fut répété: il eut soin de le raconter au secrétaire de cabinet du comte Osterman qui l'accompagna jusqu'à sa voiture, dans l'assurance que celui-ci ne manquerait pas de le redire à son chef.

Ainsi, dans le courant de trois heures le comte Osterman et le marquis de la Chétardie gardaient un silence obstiné, ou se lançaient l'un à l'autre des méchancetés sans qu'un mot d'affaires ne fut prononcé. Ils savaient parfaitement de quelles questions ils avaient à traiter, mais personne ne voulait parler le premier et faire connaître sa pensée intime. Le Chancelier ne pouvait ignorer les instructions dont le prince Kantemir était muni, car il les avait dictées lui-même. Le marquis avait connaissance des communications faites par le prince à la Cour de Versailles, mais il ne voulait pas provoquer un entretien à ce sujet avant qu'il ne fut abordé par le Chancelier de Russie lui-même. C'est ainsi que les deux hommes d'Etat se quittèrent après avoir joué à cache-cache pendant trois heures.

Le lendemain, à 6 heures, le ministre de France se rendit derechef chez le comte Osterman, qui le reçut très aimablement et lui dit qu'il était tout confus de l'incident de la veille et qu'il espère qu'il ne lui en tient pas rigueur. Celui-ci lui répondit qu'il était charmé d'avoir eu ainsi l'occasion de venir le voir plusieurs jours de suite. Mais le lendemain, le comte se trouvait en possession du papier qu'il avait vainement cherché la veille et des pourparlers sérieux furent enfin engagés entre les deux diplomates. Après un échange d'idées et l'établissement d'un accord, le comte Osterman et le marquis de Chétardie inscrivirent, séance tenante, leurs décisions. Le Chancelier voulait au début être seul à en prendre note, mais le ministre de France, se défiant de lui, le fit également.

Finalement les deux diplomates tombèrent complétement d'accord sur tous les points. Le comte Osterman promit de soumettre le lendemain cet arrangement à l'examen de ses collègues au conseil des ministres et de communiquer au ministre de France la décision définitive, prise par la Régente. En vue de ces faits, le comte Osterman exprima l'assurance que le marquis attendrait cette communication et qu'il suspendrait ses importunes visites. Mais le marquis était d'un avis tout différent. Il dit qu'il savait combien le premier ministre de Russie

маркизъ Шетарди принялъ свои мѣры, чтобы Канцлеру все было повторено, что онъ ему сказалъ: онъ все разсказалъ секретарю кабинета графа Остермана, провожавшему посланника до кареты, зная, что тотъ все передастъ своему начальнику.

Такимъ образомъ въ продолженіе трехъ часовъ графъ Остерманъ и маркизъ Шетарди или упорно молчали, или говорили другъ другу колкости, но ни единаго слова не было промолвлено о дѣлахъ. Оба отлично знали, о чемъ имъ слѣдуетъ говорить, но никто изъ нихъ не хотѣлъ говорить первымъ и обнаружить свои затаенныя мысли. Канцлеръ не могъ не знать, какія инструкціи получилъ князь Кантемиръ, потому что онъ самъ ихъ диктовалъ. Маркизъ Шетарди зналъ сообщенія, сдѣланныя княземъ Версальскому двору, но онъ не желалъ подымать о нихъ разговоръ, пока самъ русскій канцлеръ не начнетъ его. Итакъ оба государственные человѣка разошлись послѣ трехчасовой игры въ прятки.

На другой день, въ 6 часовъ, французскій посланникъ опять явился къ графу Остерману который принялъ его очень любезно и, будто бы, сказалъ ему, что онъ стыдится вчерашняго случая и надѣется, что посланникъ ему проститъ. На это послѣдній отвѣчалъ, что онъ, напротивъ, очень радъ вчерашнему случаю, такъ какъ онъ даетъ ему возможность видѣть графа нѣсколько дней сряду. Но уже на второй день у графа Остермана оказалась бумага, которую онъ тщетно искалъ наканунѣ, и между обоими дипломатами наконецъ начались серьезные переговоры. Послѣ обмѣна мыслей и установленія согласія, графъ Остерманъ и маркизъ Шетарди тутъ же записывали свои рѣшенія. Сперва хотѣлъ записывать одинъ Канцлеръ, но французскій посланникъ нисколько ему не довѣрялъ и также сталъ записывать.

Наконецъ, оба дипломата пришли къ полному соглашенію относительно всѣхъ пунктовъ. Это соглашеніе графъ Остерманъ обѣщалъ на другой же день предложить на обсужденіе своихъ коллегъ въ совѣтѣ министровъ и затѣмъ сообщить посланнику окончательное рѣшеніе, принятое Правительницею. Въ виду этого графъ Остерманъ выразилъ увѣренность, что маркизъ Шетарди обождетъ сообщенія окончательнаго рѣшенія и прекратитъ свои назойливые визиты. Но маркизъ Шетарди былъ совсѣмъ другого мнѣнія: онъ сказалъ

était absorbé par les affaires et que, par conséquent, il viendrait absolument le lendemain à 6 heures pour connaître le résultat de la conférence ministérielle.

„Passez moi le terme", s'écria en riant le comte Osterman, „mais vous êtes bien drôle". „Je le suis, il est vrai, dans ce cas-ci", répondit le marquis sans se fâcher nullement, „et je vois avec plaisir que vous me le dites, cette façon amicale de vous expliquer m'autorisant de plus en plus à venir vous voir tous les jours".

Le lendemain matin, le secrétaire du comte Osterman se présenta chez le ministre de France pour l'informer que le conseil des ministres se réunissait chez le Chancelier dans l'après-midi et qu'il serait dans l'impossibilité de le recevoir. Cela n'a pas empêché le marquis de Chétardie d'être chez le comte à 6 heures.

Le lendemain il se rendit chez lui également à 6 heures, et apprit avec satisfaction que la Régente confirma, sans le modifier en rien, l'accord qu'ils avaient rédigé en commun. En se prévalant de ce succès auprès de son gouvernement, le marquis ne crut pas devoir dissimuler que le commencement des hostilités de la Suède à l'égard de la Russie ne fût la cause principale qui a rendu le comte Osterman plus accessible à des concessions.

Mais, on se demande, quelle était la nature de cet accord qui a été l'objet de si laborieuses négociations diplomatiques et une cause de si profonde satisfaction pour des hommes d'Etat au XVIII siècle, aussi sérieux que l'étaient le comte Osterman et le marquis de la Chétardie?

Cet accord avait uniquement pour objet de fixer enfin les détails d'étiquette à la réception du ministre de France par l'Empereur-enfant, Jean III. C'était son but unique!

Il y était dit qu'à l'audience l'ambassadeur de France „adressera toujours la parole à Sa Majesté. Il lui présentera également ses lettres de créance, et dans le cas où la faiblesse de son âge ne lui permettrait peut-être pas *(sic!)* de les prendre lui-même de ses mains dans les siennes, il n'y aurait aucune difficulté que M-me la Régente, ayant jugé à propos de se trouver présente à cette cérémonie, pût les prendre".

что знаетъ, насколько первый русскій министръ заваленъ дѣлами и потому непремѣнно завтра, въ 6 часовъ, лично явится къ Канцлеру, чтобъ узнать о результатѣ совѣщанія министровъ.

„Простите мнѣ", воскликнулъ смѣясь графъ Остерманъ, „но вы очень смѣшны". „Дѣйствительно, я смѣшенъ въ данномъ случаѣ", отвѣтилъ, нисколько не разсердившись, маркизъ Шетарди, „и я съ удовольствіемъ слышу, что вы мнѣ это говорите. Такой дружескій способъ выраженія даетъ мнѣ еще большее право приходить васъ навѣщать ежедневно".

На другое утро секретарь графа Остермана явился къ французскому посланнику съ извѣщеніемъ, что совѣтъ министровъ соберется у Канцлера послѣ полудня и потому онъ не можетъ принять маркиза. Но послѣдній всетаки былъ въ 6 часовъ у графа.

На другой день посланникъ опять явился къ Канцлеру въ 6 часовъ и къ своей большой радости узналъ, что Правительница, безъ всякихъ измѣненій, утвердила составленный ими обоими актъ соглашенія. Но маркизъ Шетарди, выражая свое великое удовольствіе по поводу блестящей побѣды, которую онъ одержалъ, не скрываетъ отъ своего правительства, что главною причиною такой неожиданной уступчивости графа Остермана было только что полученное имъ извѣстіе о начатіи Шведами войны противъ Россіи.

Теперь спрашивается, въ чемъ же заключалось это соглашеніе, бывшее предметомъ столь продолжительныхъ дипломатическихъ переговоровъ и вызвавше столь искреннюю радость такихъ серьезныхъ государственныхъ людей XVIII вѣка, какъ графъ Остерманъ и маркизъ де-ла-Шетарди?

Это соглашеніе имѣло исключительнымъ своимъ содержаніемъ и цѣлью — опредѣлить этикетъ пріема французскаго посланника малюткою-Императоромъ Іоанномъ III! Никакихъ другихъ цѣлей это соглашеніе не имѣло!

Въ немъ сказано, что посолъ французскій, на аудіенціи, „всегда будетъ обращаться съ рѣчью къ Его Величеству. Равнымъ образомъ, онъ представитъ ему свои вѣрительныя грамоты, и въ случаѣ, если нѣжный возрастъ Царя не позволитъ ему, быть можетъ *(sic!)*, взять ихъ лично изъ рукъ посла въ свои руки, то не представится никакихъ затрудненій къ тому, чтобы Правительница, сочтя нужнымъ при-

C'est ainsi que fut tranchée cette question épineuse quant à la réception par l'Empereur-enfant des lettres de créance des mains de l'ambassadeur de France. Le comte Osterman pouvait se flatter d'avoir remporté une grande victoire sur l'ambassadeur qui, au commencement, insistait de remettre ces pièces à l'enfant ou de les déposer sur sa couverture. Il finit par consentir à ce que la Régente, assistant à la cérémonie les prît au lieu de l'enfant.

A la fin de cet acte curieux, il était statué qu'après l'audience chez l'Empereur, le marquis de la Chétardie, n'ayant plus la dignité d'ambassadeur, mais celle de ministre plénipotentiaire, serait reçu en audience par la Régente, et ensuite par le prince de Brunswik et la princesse Elisabeth *).

A la fin d'août 1741, après la célébration du jour de naissance de l'Empereur qui, eut un an, le marquis de la Chétardie fut reçu en audience solennelle. Il adressa un discours à l'enfant que la mère-Régente tenait dans ses bras. La mère prit les lettres de créance des mains de l'ambassadeur qui consentit, après bien des réflexions, à baiser la main de la Régente à l'audience et au bal de la Cour.

A côté de ces pourparlers diplomatiques palpitants avec le comte Osterman au sujet de son audience chez l'Empereur-enfant, le marquis poursuivait des négociations très-secrètes avec la princesse Elisabeth au sujet du coup d'Etat, soit directement avec elle, à des bals de Cour, et où le hasard les rapprochait, soit par l'entremise de Lestocq et d'autres affidés de la princesse qui se rendaient à des entrevues avec ce diplomate au jardin de l'ambassade.

Dans le cours de ces pourparlers se montrait d'une part — une grande prudence et de l'autre — une impatience fébrile. La princesse Elisabeth comprenait parfaitement tout le danger de sa situation et connaissait le désir de la

*) Recueil de la Société Imp. historique Russe, t. XCVI, page 312. Voir également p. 9, 24, 55, 92, 119, 132, 172, 233, 297 et suiv.

сутствовать при этой церемоніи, взяла ихъ сама".

Вотъ какимъ остроумнымъ образомъ былъ разрѣшенъ трудный вопросъ о принятіи малюткою - Императоромъ вѣрительныхъ грамотъ изъ рукъ французскаго посла. Графъ Остерманъ въ правѣ былъ, съ своей стороны, торжествовать блестящую побѣду надъ французскимъ посломъ, который первоначально настаивалъ на томъ, чтобъ онъ могъ вручить свою грамоту ребенку, или положить ее на его одѣяло. Теперь же онъ согласился, чтобы Правительница, мать Императора, присутствуя при церемоніи, взяла эти грамоты, вмѣсто малютки.

Въ концѣ этого любопытнаго акта было еще постановлено, что такъ какъ маркизъ Шетарди, послѣ аудіенціи у Императора, будетъ имѣть только званіе полномочнаго министра, а не посла, то будетъ принятъ на аудіенціи Правительницею, и вслѣдъ за нею принцемъ Браупшвейгскимъ и принцессою Елизаветою Петровною *).

Въ концѣ августа 1741 года, по отпразднованіи при Дворѣ дня рожденія Императора, которому исполнился годъ, маркизъ Шетарди былъ принятъ на торжественной аудіенціи. Онъ обратился съ рѣчью къ малюткѣ, котораго мать-Правительница держала на рукахъ. Она взяла вѣрительныя грамоты изъ рукъ посла, и послѣдній согласился послѣ продолжительнаго размышленія, поцѣловать руку Правительницы на аудіенціи и на придворномъ балу.

Рядомъ съ этими животрепещущими дипломатическими переговорами съ графомъ Остерманомъ насчетъ пріемной аудіенціи у малютки-Императора, маркизъ Шетарди велъ секретнѣйшие переговоры съ царевною Елизаветою Петровною о государственномъ переворотѣ. Эти переговоры происходили или непосредственно съ царевною на придворныхъ балахъ и при случайныхъ встрѣчахъ, или при посредствѣ Лестока и довѣренныхъ лицъ царевны, приходившихъ на свиданія съ посломъ въ садъ французскаго посольства.

Въ продолженіе этихъ переговоровъ постоянно обнаруживались крайняя осторожность, съ одной стороны, и пылкое нетерпѣніе, съ другой. Цесаревна Елизавета Петровна отлично понимала всю опасность своего поло-

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. XCVI, стр. 312. Сравн. также стр. 9, 24, 55, 92, 119, 132, 172, 233, 297 и слѣд.

Régente de l'éloigner de St.-Pétersbourg soit en la forçant d'entrer au couvent, soit en lui faisant épouser le prince Louis de Wolfenbuttel, en visite à la Cour Impériale. Elle avait de la crainte pour le couvent, de la haine et du mépris — pour le prince Louis. Lorsque la Suède déclara la guerre à la Russie en 1741, le marquis insista auprés de la princesse pour qu'elle acceptât le concours de cette puissance et ne tardât pas à procéder au coup d'Etat. Mais lui-même n'était pas en mesure de lui prêter un appui réel quelconque. La princesse avait besoin d'argent et lui exprima le désir d'obtenir un prêt de 15.000 écus qu'elle s'engageait de restituer, dans la suite, au roi de France. Le marquis lui remit seulement 2.000 écus sur les sommes dont il disposait, et la Cour de Versailles ne crut rien devoir ajouter à cette avance très modique, faite par l'ambassadeur. La princesse ne fut pas moins très reconnaissante, même pour ce concours insignifiant.

„Je ne puis me montrer assez sensible", dit-elle au marquis, „au prêt de deux mille ducats que le roi a bien voulu déjà me faire toucher par vos mains, et à celui que j'espère qu'il voudra me faire encore; Sa Majesté, informée de l'usage que j'ai fait des faibles moyens qui pouvaient dépendre de moi, connaitra combien ce secours est nécessaire".

La princesse Elisabeth ne se bornait pas à ces témoignages de reconnaissance, elle persistait à exprimer ses espérances quant à l'avenir.

„Mais je sens et dois sentir encore plus vivement la façon si généreuse dont le roi daigne s'intéresser à mon sort, et que l'effet y répondant, je serai redevable à lui seul du bonheur dont je jouirai".

„Assurez Sa Majesté", ajouta-t-elle, „que je chercherai dans tous les instants de ma vie à la convaincre de ma parfaite gratitude; conjurez-la de ma part de vouloir bien consommer son ouvrage et de ne me point abandonner".

A cet appel de secours, exprimé par une femme, le marquis de Chétardie s'empressa de

женія и знала желаніе Правительницы удалить ее изъ С.-Петербурга или посредствомъ насильственнаго постриженія въ монахини, или посредствомъ выдачи замужъ за гостившаго при императорскомъ дворѣ принца Людвига Вольфенбюттельскаго. Перваго – она боялась; принца Людвига—она ненавидѣла и презирала. Когда Швеція объявила, лѣтомъ 1741 года, войну Россіи, маркизъ Шетарди особенно настойчиво сталъ требовать отъ цесаревны принятія шведскихъ услугъ и совершенія государственнаго переворота. Но онъ самъ не въ состояніи былъ оказать цесаревнѣ никакой существенной помощи. Великая Княжна нуждалась въ деньгахъ и выразила ему желаніе получить въ долгъ 15.000 червонцевъ, которые обязалась возвратить впослѣдствіи французскому королю. Маркизъ Шетарди далъ только 2.000 червонцевъ изъ имѣвшихся у него свободныхъ суммъ, и Версальскій дворъ, столь пламенно желавшій переворота, ничего не прибавилъ къ маленькой ссудѣ, сдѣланной посломъ. Но цесаревна была благодарна и за эту незначительную помощь.

„Я не могу достаточно выразить", сказала она маркизу Шетарди, „насколько я тронута одолженіемъ взаймы двухъ тысячъ червонцевъ, которые король любезно пожелалъ уже передать мнѣ чрезъ ваше посредство, равно какъ и другимъ одолженіемъ, какое, я надѣюсь, онъ пожелаетъ мнѣ еще оказать. Когда Его Величество узнаетъ, какое употребленіе я сдѣлала изъ незначительныхъ средствъ, которыми я могла располагать, онъ увидитъ, насколько это пособіе необходимо".

Царевна Елизавета Петровна не ограничилась этими изъявленіями своей благодарности, но еще продолжала выражать свои надежды на будущее.

„Но я чувствую и должна чувствовать еще сильнѣе необычайное великодушіе, съ какимъ король удостоиваетъ интересоваться моею участью. Если результаты будутъ соотвѣтствовать ожиданіямъ, то я буду обязана одному королю тѣмъ счастьемъ, которымъ буду наслаждаться".

„Увѣрьте Его Величество", прибавила она, „что я буду стараться въ каждый мигъ своей жизни убѣдить его въ своей полнѣйшей признательности; умоляйте короля отъ моего имени соблаговолить довести до конца свое дѣло и не покидать меня".

На эту мольбу о помощи, выраженную женщиною, маркизъ Шетарди, блестящій предста-

répondre de la manière la plus courtoise, en véritable chevalier du XVIII siècle.

„L'amitié sincère", dit-il, „que le roi conserve pour la mémoire de Pierre le Grand, vous est un garant, Madame, des sentiments que Sa Majesté a pour vous; elle veut et souhaite vous voir sur le trône de vos pères. Elle n'a rien négligé jusqu'ici: comptez qu'elle n'épargnera rien à l'avenir pour vous faire parvenir à la couronne; la reconnaissance que le roi vous demandera alors pour lui, sera d'être aussi constamment son amie, qu'il sera le vôtre".

„Je ne lui fournirai jamais", reprit vivement la princesse, „en ce cas, des sujets de plaintes; car il peut-être certain que je ne me guiderai que par ses conseils et que ma plus grande attention en toutes rencontres sera d'y marquer une déférence aveugle et entière".

Si la princesse Elisabeth s'exprimait en ces termes au sujet de la „façon si généreuse" du roi de France et de ses sentiments de „déférence aveugle et entière" pour lui. il faut avouer qu'elle avait un très bon cœur; car outre le prêt de 2.000 écus, elle ne reçut du roi de France et de son représentant à St.Pétersbourg aucun secours pour occuper le trône de son père. Toutefois, il est certain que l'irruption des Suédois sur le territoire russe, fortement encouragée par le Cabinet de Versailles, a contribué à précipiter le coup d'Etat du mois de novembre.

Le marquis de la Chétardie profita de l'invasion des Suédois en Russie pour exiger de la princesse une action immédiate de sa part et de son parti, mais elle trouvait impossible d'y donner son consentement.

„Mon parti sera impuissant", objecta la princesse à l'ambassadeur de France, „tant qu'on ne fera point ce que le confident vous a marqué de ma part; cette nation est capable d'attachement et de résolution, mais elle a de la peine à se déterminer, et s'il faut dès là la décider, croyez que je connais assez ses sentiments pour pouvoir vous certifier, que rien n'y sera plus

витель французскихъ кавалеровъ XVIII вѣка, не замедлилъ отвѣтить самымъ вѣжливымъ образомъ.

„Искренняя дружба", сказалъ онъ, „которую король хранитъ къ памяти Петра Великаго, является вамъ порукою въ чувствахъ, какія Его Величество къ вамъ питаетъ. Король хочетъ, и даже жаждетъ, видѣть васъ возведенною на прародительскій престолъ. До сихъ поръ онъ ничего не упускалъ для этой цѣли; разсчитывайте, что и впредь онъ ничего не пожалѣетъ для достиженія вами престола. Благодарность, какую король тогда отъ васъ попроситъ по отношенію къ себѣ, — будетъ состоять въ томъ, чтобы вы также неизмѣнно оставались его другомъ, какъ онъ останется вашимъ".

„Я не дамъ ему, въ такомъ случаѣ", быстро возразила царевна, „ни малѣйшаго повода жаловаться, ибо онъ можетъ быть увѣренъ, что я буду руководиться лишь его совѣтами, и при всѣхъ случаяхъ мое главное вниманіе будетъ обращено на то, чтобы выказывать къ нему безусловное, полнѣйшее почтеніе".

Если царевна Елизавета Петровна дѣйствительно высказывалась въ такихъ выраженіяхъ насчетъ „необычайнаго великодушія" французскаго короля и своихъ чувствъ „безусловнаго и полнѣйшаго почтенія" къ нему, то надо сознаться, что у нея было чрезвычайно доброе сердце, ибо, кромѣ данныхъ въ ссуду двухъ тысячъ червонцевъ, она не получила ни отъ французскаго короля, ни отъ его представителя въ С.-Петербургѣ никакой помощи для занятія прародительскаго престола. Но безспорно, что вторженіе Шведовъ въ русскія владѣнія, вызванное отчасти подстрекательствами со стороны Версальскаго кабинета, значительно ускорило ноябрьскій государственный переворотъ.

Маркизъ Шетарди воспользовался нападеніемъ Шведовъ на Россію, чтобъ требовать отъ царевны немедленныхъ дѣйствій съ ея стороны и со стороны ея партіи. Но съ этимъ не могла согласиться В. К. Елизавета Петровна.

„Моя партія", возразила она французскому послу, „останется безсильной до тѣхъ поръ, пока не будетъ выполнено то, что сообщило вамъ довѣренное лицо отъ моего имени. Здѣшній народъ способенъ къ преданности и рѣшимости, но ему трудно окончательно рѣшиться, и если надо побудить его къ этому, повѣрьте, что мнѣ достаточно извѣстны его

propre que le manifeste que la Suède ferait répandre dans ce pays-ci et parmi les troupes pour annoncer qu'elle vient secourir la descendance de Pierre I".

„Sa Majesté", ajouta la Tsarevna, „sera encore plus sûre du succès et de l'impression que cette circonstance ferait, si elle veut engager la Suède à faire suivre son armée par le duc de Holstein. J'ai la preuve de ce qui en résulterait; les officiers et les soldats à qui j'ai donné des gratifications, à mesure qu'ils partaient pour la Finlande, se sont montrés plus que jamais enthousiasmés lorsque, pour les entretenir dans la persuasion que le duc de Holstein était avec l'armée suédoise, je leur ai recommandé de ne pas tuer au moins mon neveu; c'est à cause de lui même que s'augmentent les vives inquiétudes de la Régente, de quelque extérieur qu'elle se pare".

Elisabeth Petrovna savait que le généralissime de l'armée russe, époux de la Régente, avait proposé à celle-ci de faire arrêter la Princesse sous prévention de relations secrètes avec la Suède et de la forcer à une abdication au trône.

„Mais", fit observer la Princesse au marquis de la Chétardie, „si de tels moyens sont peu capables de m'intimider et de me faire manquer à ma gloire, Madame la Régente en cette occasion a eu plus d'esprit qu'eux, et s'est montrée plus raisonnable. „A quoi", en soupirant à son tour, répondit-elle au généralissime, „cela servirait-il? N'y-a-t-il pas là-bas un petit diable", en parlant du duc de Holstein, „qui empêchera toujours que nous ne soyons tranquilles?"

Enfin, dans la nuit du 6 au 7 décembre 1741 le coup d'Etat, attendu depuis longtemps, fut accompli: la Tsarevna monta sur le trône de ses ancêtres. On comprend que le marquis de la Chétardie s'attribuait la plus grande part dans cet événement. Il raconta dans ses rapports à la Cour de Versailles que les soldats-grenadiers l'appelaient *batiouschka*, lui baisaient les mains et s'étaient présentés chez lui pour le féliciter de l'avénement au trône de la Princesse. C'est lui qui donnaient les ordres nécessaires pour arrêter les hauts dignitaires et pour prendre des mesures de sûreté. En réalité, l'hôtel de l'ambassade était hermétiquement fermé, tout éclairage y était éteint et le marquis lui-même

чувства, такъ что я могу вамъ ручаться, что ничего для этой цѣли не будетъ болѣе подходящимъ, нежели манифестъ, который Швецiя распространила бы въ здѣшней странѣ и между войсками, возвѣщая имъ въ немъ, что она является на помощь потомству Петра I".

„Его Величество", прибавила царевна, „можетъ быть еще болѣе увѣренъ въ успѣхѣ, благодаря впечатлѣнiю, какое произведетъ это обстоятельство, если онъ пожелаетъ побудить Швецiю пригласить въ свою армiю герцога Голштинскаго. Я имѣю основанiе говорить о томъ, что произошло бы въ такомъ случаѣ; офицеры и солдаты, которымъ я раздавала награды, по мѣрѣ того, какъ они отправлялись въ Финляндiю, выказали невиданное до тѣхъ поръ одушевленiе, когда, желая поддержать въ нихъ убѣжденiе, что герцогъ Голштинскiй находится при шведской армiи, я совѣтовала имъ не убивать, по крайней мѣрѣ, моего племянника. Изъ-за него же именно и увеличивается еще сильнѣе чрезвычайное безпокойство Правительницы, какой бы видъ она ни принимала".

Елизавета Петровна знала, что генералиссимусъ русской армiи, супругъ Правительницы, предложилъ послѣдней арестовать царевну по обвиненiю въ тайныхъ сношенiяхъ съ Швецiей и заставить ее отречься отъ престола.

„Но", замѣтила она маркизу Шетарди, „если подобныя средства не особенно могутъ меня испугать и заставить отречься отъ своей славы, то Правительница выказала въ этомъ случаѣ бо́льшую сообразительность, чѣмъ они, и бо́льшую разсудительность". „Къ чему", вздыхая, въ свою очередь, возразила она генералиссимусу, это послужитъ? Развѣ тамъ нѣтъ еще чертенка",—какъ выразилась она о герцогѣ Голштинскомъ,—„который всегда будетъ смущать нашъ покой?

Наконецъ, въ ночь съ 6 на 7 декабря 1741 года совершился давнымъ давно ожидаемый государственный переворотъ: царевна Елизавета Петровна вступила на прародительскiй престолъ. Понятно, что маркизъ Шетарди приписывалъ себѣ чуть не главную роль въ этомъ событiи. Въ своихъ донесенiяхъ Версальскому кабинету онъ разсказываетъ, что гренадеры-солдаты называли его „*батюшка*", цѣловали ему руки и пришли его поздравить съ восшествiемъ на престолъ царевны. Онъ отдавалъ приказанiя, кого арестовать изъ высшихъ сановниковъ и какiя принимать мѣры предосторожности. Въ дѣйствительности же, домъ французскаго посланника былъ наглухо запертъ,

s'était caché derrière un rideau de fenêtre, d'où il pouvait apercevoir, à travers les volets, ce qui se passait dans la rue. Pour lui cette révolution était une surprise. Il ne s'attendait pas à la voir éclater sitôt*).

Si peu avant son avénement au trône, la Princesse Elisabeth refusa péremptoirement d'épouser un prince français, elle ne jugea pas moins opportun comme Impératrice d'exprimer au roi de France sa reconnaissance particulière pour ses services d'ami. „Je suis très assurée", dit-elle à l'ambassadeur de France le lendemain du coup d'État, „que Sa Majesté prendra plus de part que qui ce soit à ce qui m'est arrivé d'heureux; je me propose de lui témoigner moi-même, combien je suis touchée de tout ce qu'Elle a fait pour moi".

Mais elle exprima, en même temps, l'assurance qu'après son avénement, il n'existe plus le moindre prétexte pour les Suédois de continuer la guerre avec la Russie. Aussi, dans une lettre du 5 (16) décembre 1741, l'Impératrice Elisabeth s'adressa-t-elle au roi de France avec la prière d'user de son influence à Stockholm pour la conclusion de la paix entre la Suède et la Russie. Bien plus: elle persuada le marquis de la Chétardie de se mettre directement en rapport avec le comte Lœwenhaupt, commandant en chef de l'armée suédoise, pour lui proposer de faire cesser toutes les opérations militaires, à la suite de l'avénement au trône de l'Impératrice Elisabeth. Il pensait agir dans l'esprit de ses instructions et de la politique de son souverain en se faisant l'interprète de ce vœu **).

Il devait bientôt se détromper en recevant du cardinal Amelot les lettres du 15 janvier 1742 qui lui adressaient de sevères reproches au sujet de cette intempestive intervention dans la guerre entre la Russie et la Suède.

„J'ai été fort surpris", écrivait Amelot au marquis, „que dès le lendemain de cette révolution, vous vous soyez déterminé d'écrire au comte de Lœwenhaupt poursuspendre sa marche,

*) **Rambaud**. Recueil des instructions, t. I, p. 367, 371. Comparer Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XCVI, pag. 268, 424, 615, 623, 641 et suiv.

**) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. C, pag. 13, 23, 26, 31 et suiv.

всѣ огни были погашены и самъ маркизъ спрятался за занавѣскою у окна, откуда онъ могъ видѣть, чрезъ скважину ставень, то, что происходило на улицѣ. Для маркиза Шетарди эта революція была сюрпризомъ: онъ ея такъ скоро не ожидалъ *).

Но если царевна Елизавета Петровна наотрѣзъ, еще предъ самымъ вступленіемъ на престолъ, отказалась выйти замужъ за французскаго принца, то, какъ Императрица, она признала полезнымъ выразить французскому королю особенную признательность за его дружескія услуги. „Я вполнѣ убѣждена въ томъ", сказала Императрица французскому послу на другой день послѣ переворота, „что Его Величество приметъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, участія въ томъ, что случилось со мною счастливаго; я разсчитываю сама ему выразить, какъ я тронута всѣмъ, что онъ для меня сдѣлалъ".

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она выразила увѣренность, что послѣ вступленія ея на престолъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода для продолженія Шведами войны противъ Россіи. Поэтому, въ письмѣ къ королю отъ 5 (16) декабря 1741 года, Императрица Елизавета Петровна обратилась къ нему съ просьбою употребить свое вліяніе въ Стокгольмѣ для заключенія мира между Швеціей и Россіей. Этого мало: она убѣдила маркиза Шетарди обратиться непосредственно къ главнокомандующему шведскою арміею, графу Левенгаупту, съ предложеніемъ прекратить немедленно всѣ военныя дѣйствія, вслѣдствіе воцаренія Императрицы Елизаветы Петровны. Онъ полагалъ, что, исполняя желаніе Императрицы, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуетъ въ духѣ своихъ инструкцій и политики своего короля **).

Въ этомъ, однако, онъ весьма скоро разубѣдился, получивъ письмо кардинала Амело, отъ 15 января 1742 года, въ которомъ маркизу Шетарди дѣлается строгій выговоръ за опрометчивое вмѣшательство въ русско-шведскую войну.

„Я былъ очень изумленъ", писалъ маркизу Амело, „что на другой день послѣ переворота вы рѣшились писать къ графу Левенгаупту о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Еще болѣе

*) **Rambaud**. Recueil des instructions, t. I, p. 367, 371. Срав. Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. XCVI, стр. 268, 424, 615, 623, 641 и слѣд.

**) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. C, стр. 13, 23, 26, 31 и слѣд.

et je l'ai été encore bien plus que vous ayez voulu prendre sur vous tout ce qui en pouvait arriver. Je ne puis concilier cette conduite de votre part avec les connaissances que vous avez des vues de Sa Majesté, et ce que vous m' avez continuellement mandé du mauvais état de l'armée moscovite, qui avait même manqué du pur nécessaire, et que vous regardiez comme sûrement battue, dès que les Suédois se porteraient en force... Toutes vos lettres ne sont remplies que de ce qui peut caractériser la faiblesse du gouvernement russien, qui n'en a imposé jusqu'à présent aux étrangers que par une ostentation au dehors qui a servi à cacher des vices intérieurs".

„Comment se peut-il faire", demande le cardinal Amelot, „que tout change en 24 heures et que les Russes soient devenus si formidables qu'il n'y ait de salut pour les Suédois que dans la bonté de la Tsarine qui pourrait les exterminer? Le roi pense tout différemment, et il y a bien plus d'apparence que l'empressement, que la Tsarine a eu d'employer votre autorité pour arrêter le comte de Lœwenhaupt, a été plutôt fondé sur la crainte que lui a inspiré le bruit de la marche de ce général, que sur l'envie de plaire au roi et de ménager une nation amie de la France".

„Ce n'est que le récit que vous a fait le chevalier de Crespy du mauvais état de l'armée suédoise, qui vous aura jeté dans l'erreur; mais ce récit est prodigieusement exagéré et même faux, dans les points les plus essentiels... Mais je suppose que tout ce que vous a dit le chevalier Crespy fut vrai, vous n'auriez jamais dû prendre sur vous d'arrêter le comte de Lœwenhaupt, dès que la Tsarine refusait de lui donner les sûretés qu'il avait demandées, et il vaudrait mieux que l'armée suédoise, ayant suivi sa pointe, eut été battue à platte couture. La faute du général n'aurait pas retombé sur le ministère qui n'aurait pas eu le temps de revoquer les ordres qu'il lui avait donnés. La paix ne s'en serait pas moins faite et tout aussi avantageuse que vous la faites espérer aujourd'hui, puisque vous ne faites seulement pas entrevoir que la Tsarine veuilla rien relâcher, et la Suède n'aurait rien eu à nous imputer. Si, au contraire, l'entreprise du comte de Lœwenhaupt avait réussi et qu'il eût remporté quelque avantage, la Tsarine se serait cru trop heureuse que le roi eût voulu lui procurer la paix".

Tandis qu'à présent toute la Suède est indignée de la manière d'agir du gouverne-

изумило меня, что вы хотѣли взять на свою отвѣтственность всѣ послѣдствія этого. Я не могу примирить такого образа дѣйствій съ знаніемъ намѣреній короля, какое вы имѣете, и съ вашими собственными извѣстіями о худомъ состояніи московской арміи, которая нуждалась въ необходимомъ и которая, по вашему мнѣнію, неизбѣжно потерпитъ пораженіе при первой встрѣчѣ со Шведами... Ваши письма были наполнены извѣстіями о слабости русскаго правительства, которое до сихъ поръ внушало почтеніе иностранцамъ только наружнымъ блескомъ, скрывавшимъ внутреннія язвы".

„Какимъ образомъ", спрашиваетъ кардиналъ Амело, „могло случиться, что въ 24 часа измѣнилось все, и Русскіе сдѣлались столь страшными, что Шведы могутъ найти себѣ спасеніе только въ добротѣ Царицы, которая можетъ ихъ уничтожить? Король думаетъ совершенно иначе, и болѣе правдоподобно, что поспѣшность, съ какою воспользовалась Царица вашимъ значеніемъ, чтобъ остановить графа Левенгаупта, скорѣе проистекала отъ опасенія, внушеннаго слухами о походѣ этого генерала, чѣмъ изъ желанія угодить королю и быть осторожною съ народомъ, дружественнымъ съ Франціею".

„Вы были введены въ заблужденіе сообщеніемъ г. Креспи о дурномъ положеніи шведской арміи, извѣстіями, страшно преувеличенными, и даже ложными въ существенномъ... Но предположимъ, что все, сообщенное вамъ Креспи, было справедливо, и въ такомъ случаѣ вы никогда не должны были останавливать графа Левенгаупта, разъ Царица отказалась дать просимыя имъ обезпеченія. Пусть бы лучше шведская армія была разбита на-голову. Ошибка генерала не падала бы на министерство, которое не имѣло времени взять назадъ данныхъ ему приказаній. И тогда миръ былъ бы заключенъ такъ же выгодно, какъ вы заставляете надѣяться теперь, потому что не позволяете даже догадываться о желаніи Царицы что-нибудь уступить, а Швеція не могла бы ни въ чемъ насъ упрекать. Когда же, напротивъ, Левенгауптъ одержалъ бы верхъ, то Царица сочла бы себя счастливой, еслибы королю угодно было доставить ей миръ".

Между тѣмъ теперь вся Швеція возмущена образомъ дѣйствія французскаго правительства

ment français et l'accuse ouvertement de perfidie.

Aussi le cardinal Amelot jugea-t-il nécessaire de rappeler au marquis de Chétardie „que le roi n'a jamais désiré la révolution que comme un moyen qui pouvait faciliter d'entreprise des Suédois, et si elle produisait l'effet contraire, on devrait regretter toutes les peines qu'on a prises pour la hâter... L'honneur du roi est engagé à soutenir les Suédois dans la guerre qu'ils ont entreprise, et à leur procurer du moins une partie des sûretés et des avantages dont ils se sont flattés. Sa Majesté est obligée à ne pas permettre que les Suédois soient frustrès de l'effet de votre parole... Si la guerre continue, les Suédois ne seront pas sans alliés... Il est essentiel que nous nous rendions maîtres de la paix qui doit se faire entre la Russie et la Suède. Il est donc de la plus grande importance que la Tsarine n'ait aucune méfiance de nous et qu'elle soit toujours de plus en plus persuadée des bonnes intentions du roi. Cependant, il ne faut pas qu'elle se flatte trop sur les conditions de la paix" *).

Ayant reçu ces instructions pénibles et catégoriques, le marquis de la Chétardie s'est vu forcé de s'y soumettre et de les exécuter. Il déclara au Chancelier, prince Tscherkassky, que la France ne pouvait pas abandonner la Suède, son alliée, et qu'elle espère que l'Impératrice voudra bien donner satisfaction aux réclamations légitimes du gouvernement de Stockholm.

Cette déclaration ne produisit aucun effet sur les ministres russes. Elle porta au contraire Bestujew-Rumine à jeter le masque et à s'énoncer franchement contre la politique de la cour de Versailles malgré l'offre de l'ambassadeur de France de lui servir une pension annuelle de 15.000 livres. Bestoujew déclina cette proposition sans se montrer particulièrement indigné, et signifia au marquis que la paix avec la Suède ne pouvait être conclue que sur la base du traité de Nystad, et que pas un pouce de territoire russe ne saurait être concédé. „Si", dit-il à l'ambassadeur de France, „en pensant comme tout autre ferait à notre place pour la gloire du souverain et de la nation, il faut faire la guerre, à la bonne heure, nous la ferons. Je crois cependant que, sans en venir à cette extrêmité, nous pouvons assurer la sûreté de la

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. C, p. 37 et suiv. Compar. Soloview. Histoire de Russie. XXI, ch. II.

и открыто обвиняетъ его въ коварствѣ и вѣроломствѣ.

Поэтому кардиналъ Амело считалъ нужнымъ поставить на видъ маркизу Шетарди, „что если король всегда желалъ переворота въ Россіи только какъ средства облегчить Шведамъ исполненіе ихъ намѣреній, и если этотъ переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то надобно жалѣть о трудахъ, предпринятыхъ для его ускоренія... Честь короля обязываетъ поддерживать Шведовъ въ предпринятой ими войнѣ и доставить имъ, по крайней мѣрѣ, часть обезпеченій и выгодъ, на которыя они надѣялись. Его Величество не долженъ допускать, чтобъ они терпѣли отъ послѣдствій вашего слова... Если война продолжится, то Шведы не останутся безъ союзниковъ... Главное, чтобъ заключеніе мира между Россіею и Швеціею было въ нашихъ рукахъ. Поэтому весьма важно, чтобъ Царица довѣряла намъ и оставалась всегда въ увѣренности насчетъ добрыхъ намѣреній короля. Однако, не нужно, чтобъ она слишкомъ обольщала себя надеждою на выгодность мирныхъ условій" *).

Получивъ такія непріятныя и категорическія наставленія, маркизъ Шетарди принужденъ былъ подчиниться имъ и ихъ исполнить. Онъ заявилъ Канцлеру князю Черкасскому, что Франція не можетъ бросить свою вѣрную союзницу Швецію и ожидаетъ отъ Императрицы исполненія справедливыхъ требованій стокгольмскаго правительства.

Но такое заявленіе не произвело никакого впечатлѣнія на русскихъ министровъ. Напротивъ, оно заставило А. П. Бестужева-Рюмина сбросить маску и открыто высказаться противъ политики Версальскаго двора, несмотря на предложенную ему французскимъ посломъ взятку, въ видѣ ежегодной пенсіи въ 15.000 ливровъ. Бестужевъ-Рюминъ отвергъ, безъ особеннаго негодованія, это предложеніе маркиза Шетарди и объявилъ ему, что миръ съ Швеціею можетъ быть заключенъ только на основаніи Ништадскаго мирнаго трактата и что ни одинъ вершокъ русской земли не будетъ уступленъ. „Если подумаешь", сказалъ онъ французскому послу, „какъ поступилъ бы всякій другой на нашемъ мѣстѣ для славы Государя и народа, то надобно вести войну и да будемъ вести войну! Однако думаю, что, не при-

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. C, стр. 37 и слѣд. — Срав. Соловьева. Исторія Россіи, т. XXI, глава II.

Suède et même lui être utiles pour certaines vues qu'elle aurait; n'a-t-elle donc perdu des provinces qu'avec nous et n'y en a-t-il point qu'il lui serait plus avantageux de récupérer?"

„Est-ce de Bremen et de Verden dont vous voulez parler?", lui demanda Chétardie, en riant, „et êtes-vous dans l'intention de les faire rendre aux Suédois?" — „On peut toujours s'entendre", m'a-t-il répliqué, „nous désirons sincèrement le bien et l'amitié de la Suède. Vous pouvez en être persuadé; le tout est que le roi s'empare du Nord; veut-il y établir la tranquillité, établir avec nous une alliance étroite et un commerce direct et cimenter ce grand ouvrage par les liens du sang et un bon mariage, et alors Sa Majesté disposant de la Russie et de la Suède, sera assurée de donner à toutes les affaires de l'Europe la forme qu'elle voudra. Secondez, je vous prie, des intentions sincères et ne laissons point échapper des instants que des circonstances forcées peuven détruitre. Ecrivez donc diligemment ce que mon zèle pour le service du roi me suggère". (Rapport du marquis de la Chétardie du 3 février 1742).

Tous les faits susmentionnés devaient, semble-t-il, convaincre le marquis de la Chétardie de l'inanité de ses efforts pour forcer la Russie à faire quelques concessions territoriales à la Suède. Mais en vue des instructions catégoriques du cabinet de Versailles, et des illusions qu'il se faisait au sujet de sa position à la cour de l'Impératrice Elisabeth, le marquis ne cessait d'insister avec importunité pour que la paix avec la Suède fût conclue sous la médiation de la France et aux conditions que celle-ci proposerait à la Russie.

Toutes ces menées de l'ambassadeur de France restaient sans le moindre succès. On lui notifia, au commencement de février, la décision unanime, prise par le conseil des ministres russes, de ne faire à la Suède aucune concession territoriale. L'Impératrice lui donna personnellement l'assurance qu'elle approuvait cette décision, et qu'elle jugeait impossible pour elle de renoncer aux conquêtes de son illustre père. Bien plus: lorsqu'à l'époque du couronnement à Moscou, M. Nolken, le plénipotentiaire de Suède, insista sur la participation de l'ambassadeur de France aux négociations de paix, en qualité de médiateur, on lui déclara catégoriquement que la Russie n'avait jamais accepté la médiation de la France et qu'elle n'en admettait que les bons offices.

бѣгая къ такой крайности, мы можемъ доставить обезпеченіе Швеціи и даже быть ей полезными въ ея видахъ. Не намъ однимъ она уступала земли, и не выгоднѣе ли будетъ для нея возвратить уступленное другимъ?"

„Не намекаете ли вы на Бременъ и Верденъ, не хотите ли ихъ возвратить Шведамъ?" — спросилъ смѣясь Шетарди. — „Можно всегда сговориться", отвѣчалъ Бестужевъ, „мы искренне желаемъ Швеціи добра, желаемъ пріобрѣсти ея дружбу. Вы можете быть увѣрены, если только французскій король водворитъ спокойствіе на Сѣверѣ, войдетъ съ нами въ тѣсный союзъ, заведетъ прямую торговлю и упрочитъ все это кровными связями, то, располагая Россіею и Швеціею, онъ будетъ въ состояніи дать европейскимъ дѣламъ какое ему угодно направленіе. Помогите, прошу васъ, искреннимъ намѣреніямъ, и не будемъ упускать минутъ, чтобъ прекратить напряженное положеніе. Напишите скорѣе королю то, что внушаетъ мнѣ усердіе къ его службѣ". (Донесеніе маркиза Шетарди отъ 3 февр. 1742 г.).

Всѣ вышеприведенные факты должны были, казалось, убѣдить маркиза Шетарди въ совершенной безплодности его стараній заставить Россію сдѣлать Швеціи какія-либо территоріальныя уступки. Но въ виду настоятельныхъ предписаній изъ Версаля и при полномъ заблужденіи насчетъ своего дѣйствительнаго положенія при дворѣ Императрицы Елизаветы Петровны, маркизъ Шетарди продолжалъ назойливымъ образомъ требовать, чтобъ миръ съ Швеціей былъ заключенъ при посредничествѣ Франціи и на условіяхъ, которыя она предложитъ Россіи.

Всѣ эти происки французскаго посла оставались безъ малѣйшаго успѣха. Ему было объявлено, въ началѣ февраля, единогласное рѣшеніе совѣта русскихъ министровъ не дѣлать Швеціи никакихъ территоріальныхъ уступокъ. Сама Императрица подтвердила ему полное ея одобреніе такого рѣшенія и совершенную невозможность для нея отказаться отъ завоеваній ея великаго родителя. Этого мало: когда во время коронаціи въ Москвѣ шведскій уполномоченный Нолькенъ сталъ настаивать на участіи въ мирныхъ переговорахъ французскаго посла, въ качествѣ посредника, ему было категорическимъ образомъ объявлено, что Россія никогда не принимала посредничества Франціи, но только допускаетъ ея добрыя услуги.

On comprend que cette tournure des affaires devait irriter au plus haut degré le marquis de la Chétardie, qui se plaignait ouvertement de „l'ingratitude la plus noire" de l'Impératrice, et de son entourage. Jamais, écrivait-il le 25 mai 1742 au cardinal Amelot, un représentant étranger n'avait rendu au gouvernement, auprès duquel il était accrédité, des services aussi sérieux que ceux qu'il avait rendus à la Tsarevna, à ses adhérents et à toute la nation russe. Enfin l'irritation du marquis fut telle, qu'il dit à l'Impératrice que tout le monde la trompait et que ses ministres étaient „des misérables et des coquins"! Tandis que lui, La Chétardie, avait risqué sa vie pour elle, et maintes fois couru le danger de perdre l'usage des pieds et des mains!

Mais, ajoutait-il avec amertume, „dans deux mois j'espère que vous serez débarrassée de moi. Mais lorsque 4 mille verstes me sépareront de Votre Majesté, elle s'apercevra du moins, et c'est la seule consolation qui me reste, qu'elle a sacrifié l'homme qui lui était le plus attaché, à des personnes qui la trompent et qui l'auront trompée pour leurs intérêts particuliers" *).

Le marquis de la Chétardie était si satisfait lui-même de ces discours blessants pour l'Impératrice, qu'il se plaisait à marquer, dans son journal, que „l'embarras de la Souveraine était extrême". Il pensait sérieusement que cette menace de quitter son poste en Russie ferait le désespoir de l'Impératrice!

Quoiqu'il en soit, il doit bientôt se convaincre qu'il ne comprenait ni l'Impératrice, ni sa politique, ni sa propre position. L'Impératrice chercha naturellement à éviter des rencontres avec le ministre de France et refusait de lui accorder des audiences.

Enfin le roi de France lui-même se persuada qu'un séjour ultérier du marquis de la Chétardie à la cour de St. Pétersbourg était sans objet et agréa sans difficulté sa demande de rappel. En juin 1742, le marquis reçut ses lettres de rappel et fit ses préparatifs de départ. C'est avec satisfaction qu'il mande à sa cour que l'Impératrice s'est fait inviter à son souper et qu'elle est restée de 1 à 6 heures du matin.

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. C, pag. 213 et suiv.

Понятно, что такой оборотъ дѣлъ долженъ былъ въ высшей степени раздражить маркиза Шетарди, который сталъ открыто жаловаться на „черную неблагодарность" Императрицы и ея приближенныхъ. Никогда, писалъ онъ 25 мая 1742 г. кардиналу Амело, ни одинъ представитель иностранной державы не оказывалъ такихъ услугъ правительству, при которомъ онъ аккредитованъ, какія онъ оказывалъ Царевнѣ, ея приверженцамъ и всему русскому народу. Наконецъ, раздраженіе маркиза Шетарди дошло до того, что онъ въ лицо сказалъ Императрицѣ, что всѣ ее обманываютъ и что ея министры—„негодяи и подлецы"! Между тѣмъ онъ, Шетарди, рисковалъ своею жизнью для нея и много разъ подвергался изъ-за нея опасности потерять ноги и руки!

Но, прибавилъ съ горечью французскій посолъ, „чрезъ два мѣсяца Ваше Величество будете освобождены отъ моего присутствія. Но когда 4.000 верстъ отдѣлятъ меня отъ Вашего Величества, вы тогда убѣдитесь—и это единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе,—что вы пожертвовали человѣкомъ, наиболѣе вамъ преданнымъ, и предпочли ему людей, которые васъ обманываютъ и будутъ обманывать для своихъ частныхъ интересовъ" *).

Маркизъ Шетарди былъ настолько доволенъ своими обидными для русской Императрицы рѣчами, что съ восторгомъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ „большое смущеніе" Императрицы. Онъ, очевидно, серьезно думалъ, что его угроза покинуть свой постъ въ Россіи приведетъ чуть не въ отчаяніе Императрицу!

Но Шетарди весьма скоро долженъ былъ убѣдиться, что онъ совершенно не понимаетъ ни Императрицы, ни ея политики, ни своего собственнаго положенія. Императрица естественно стала избѣгать встрѣчъ съ французскимъ посланникомъ и стала отказывать ему въ просьбахъ объ аудіенціяхъ.

Наконецъ, самъ французскій король убѣдился въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія маркиза Шетарди при С.-Петербургскомъ дворѣ и охотно исполнилъ его просьбу объ отозваніи. Въ іюнѣ 1742 года маркизъ Шетарди получилъ свою отзывную грамоту и сталъ готовиться къ отъѣзду. Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаетъ онъ своему двору, что Императрица сама напросилась къ нему на ужинъ и осталась у него съ часа ночи до 6 часовъ утра.

*) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. C, стр. 213 и слѣд.

Mais en même temps il eut des difficultés à obtenir son audience de congé. Il ne fut reçu qu'à la fin de juillet. L'Impératrice fut très gracieuse à cette occasion et l'invita à ajourner son départ jusqu'à son jour de nom. La Chétardie déclina cette invitation sans cerémonie. Il ne consentit qu'à différer quelque peu son départ pour assister au mariage de m-lle Hendrikoff, cousine de l'Impératrice, avec m-r Tschoglokoff. Enfin, ayant reçu de l'Impératrice, à l'occasion de son départ, une riche tabatière, une bague et l'ordre de Saint-André, le plus élevé en Russie, le marquis quitta Moscou à la fin d'août. Il ne se pressait pas de quitter la Russie dans l'espoir d'être rappelé par l'Impératrice. Ne lui avait-elle pas dit, à son audience de congé, que „jamais on n'arrachera la France de mon cœur". Cette fois il s'est trompé dans ses calculs.

Avant son départ La Chétardie avait eu la grande imprudence d'adresser à sa cour des rapports dans lesquels il parlait de la personne, du caractère et du genre de vie de l'Impératrice en termes très irréverancieux *). Il semble avoir oublié complètement l'existence du Cabinet Noir qui fonctionnait à toutes les cours de l'Europe au XVIII siècle, et le fait que les rapports des représentants étrangers y étaient scrupuleusement perlustrés. On peut se représenter facilement l'impression que devaient produire sur l'Impératrice les observations malicieuses du marquis, empruntées à ses rapports. Tous les ministres russes étaient intéressés à ce qu'elles fussent communiquées à la Souveraine, et plus particulièrement les deux frères Alexis et Michel Bestujew-Rumine, que le marquis prenaient surtout à partie dans ses dépêches. Ils étaient toujours signalés comme des traitres, des ennemis de la patrie et de l'Impératrice.

Après le départ du marquis de la Chétardie un M. Dalion resti comme représentant de la France, avec le rang de chargé d'affaires. Ses rapports sont d'un intérêt moins palpitant, mais ils n'attestent pas moins que l'influence de la cour de Versailles en Russie s'effaçait de plus en plus. Le nombre de ses ennemis y augmentait visiblement, celui de ses amis — diminuait. Selon le témoignage de Dalion, l'Impé-

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. C, p. 278, 342 et autres.

Однако, въ то же время, ему трудно было добиться прощальной аудіенціи. Наконецъ, онъ ее получилъ въ концѣ іюля. На этой аудіенціи Императрица была съ нимъ очень милостива и даже пригласила его отсрочить свой отъѣздъ до дня ея тезоименитства. Но Шетарди, безъ церемоніи, отклонилъ эту просьбу. Онъ только согласился отложить свой отъѣздъ на недолгое время, чтобъ присутствовать на свадьбѣ двоюродной сестры Императрицы, Гендриковой, съ Чоглоковымъ. Наконецъ, получивъ отъ Императрицы прощальный подарокъ, въ видѣ богатой табакерки и перстня, и высшій орденъ Св. Андрея Первозваннаго, маркизъ Шетарди, въ концѣ августа, выѣхалъ изъ Москвы. Онъ не особенно торопился выѣхать изъ Россіи, имѣя надежду, что Императрица пошлетъ за нимъ и его вернетъ. Вѣдь при прощаніи Императрица ему сказала: „Никогда не вырвутъ Францію изъ моего сердца!" Но расчетъ его оказался ложнымъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ Шетарди имѣлъ большую неосторожность писать своему двору донесенія, въ которыхъ личность, характеръ и образъ жизни Императрицы Елизаветы Петровны подвергались ѣдкой критикѣ и злымъ насмѣшкамъ *). Онъ совершенно забылъ, что при всѣхъ европейскихъ дворахъ XVIII вѣка существовали „черные кабинеты" и искуснымъ образомъ производилась перлюстрація дипломатическихъ донесеній представителей иностранныхъ державъ. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на Императрицу ехидныя замѣчанія маркиза Шетарди, взятыя изъ его донесеній. Въ сообщеніи же Императрицѣ этихъ донесеній были заинтересованы всѣ русскіе министры, но въ особенности оба брата, Алексѣй и Михаилъ Бестужевы-Рюмины, которымъ больше всѣхъ доставалось въ донесеніяхъ маркиза Шетарди. Оба они постоянно выставлялись какъ измѣнники и враги отечества и самой Императрицы.

Послѣ отъѣзда маркиза Шетарди остался представителемъ Франціи въ С.-Петербургѣ г. Дальонъ, съ рангомъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Донесенія послѣдняго имѣютъ меньше животрепещущаго интереса, но всетаки постоянно свидѣтельствовали о неудержимомъ паденіи вліянія Версальскаго двора въ Россіи. Число враговъ Франціи при русскомъ дворѣ видимо возрастало, а число друзей постепенно уменьша-

*) Срав. Сборникъ И. Р. И. Общ., т. C, стр. 278, 342 и др.

ratrice se livrait exclusivement aux plaisirs, le Chancellier, prince Tscherkassky était paresseux et incapable, le Vice-Chancelier, comte A. Bestoujew-Rumine — un homme sur lequel on ne pouvait pas compter et entièrement à la dévotion de l'Angleterre. (Rapport de Dalion du 22 october 1742).

Cette dernière supposition s'est trouvé être parfaitement exacte, mais le comte Bestoujew-Rumine n'était pas le seul à passer du côté de l'Angleterre. L'ami intime et le confident de la Chétardie, le chirurgien de la cour Lestocq, s'était vendu à cette puissance pour une pension de 600 livres sterl., et avait contribué notablement à la conclusion du traité d'alliance de décembre 1742, signé entre la Russie et l'Angleterre *).

Le fait suivant prouve avec quelle legéreté d'esprit le marquis de la Chétardie traitait les hommes et les choses. Etabli à Francfort s/M. à son retour de Russie, il apprend de son souverain que l'Impératrice Elisabeth regrettait son départ et qu'elle eut désiré qu'il retournât en Russie, en qualité de représentant de la France. Flatté de ce désir, il se montre tout disposé à y donner suite, après avoir réglé ses affaires en France. Toutefois il croit devoir poser ses conditions et les communique—à Lestocq! Celui-ci est chargé de sonder les intentions réelles de l'Impératrice à son sujet. Il déclare à celui-ci que la condition *sine qua non* de son retour en Russie devra être la retraite immédiate du Vice-Chancelier Bestoujew et de son frère, avec lesquels il ne désire entretenir aucun rapport. L'Impératrice doit choisir entre lui et les deux frères Bestoujew! Cette condition remplie, il reviendra en Russie; si la préférence est donnée aux deux frères Bestoujew, il restera en France et passera de la carrière diplomatique au service militaire. (Lettre de la Chétardie à Lestocq du 5 décembre 1742).

Il était facile au Vice-Chancelier de signaler à l'Impératrice tout le danger qui pouvait résulter pour la Russie des intrigues de la France. En effet, sans se borner à prêter ouvertement un appui à la Suède, avec laquelle le gouverne-

*) Voir pour les détails concernant cet acte international mon „Recueil de traités", t. X, № 386.

лось. Сама Царица, по словамъ Дальона, почти исключительно предавалась удовольствіямъ; князь Черкасскій, Государственный Канцлеръ, былъ лѣнивъ и неспособенъ, а Вице-Канцлеръ, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, человѣкъ ненадежный и совершенно отдался Англичанамъ. (Донесеніе Дальона отъ 22-го октября 1742 г.).

Послѣднее предположеніе оказалось совершенно вѣрнымъ. Но не только графъ Бестужевъ-Рюминъ перешелъ на сторону Англіи. Даже ближайшій другъ и самое довѣренное лицо маркиза Шетарди, знаменитый лейбъ-хирургъ Лестокъ, за ежегодную пенсію въ 600 фунт. стерл. совершенно продался Англіи и значительно содѣйствовалъ заключенію декабрьскаго союзнаго трактата 1742 года, подписаннаго между Россіею и Англіею *).

Насколько маркизъ Шетарди легкомысленно относился къ людямъ и обстоятельствамъ, видно еще изъ слѣдующаго факта. Поселившись, послѣ возвращенія изъ Россіи, на нѣкоторое время во Франкфуртѣ на Майнѣ, Шетарди узнаетъ отъ своего короля, что Императрица Елизавета Петровна сожалѣетъ объ его отъѣздѣ и выразила желаніе, чтобъ онъ вернулся въ Россію, въ качествѣ представителя Франціи. Маркизъ отчасти былъ польщенъ сообщеннымъ ему желаніемъ русской Императрицы и онъ изъявляетъ готовность его исполнить послѣ устройства во Франціи своихъ частныхъ дѣлъ. Однако, онъ ставитъ свои условія и сообщаетъ ихъ — Лестоку! Послѣднему поручается узнать о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Императрицы на его счетъ. Лестоку онъ объявляетъ, что conditio *sine qua non* возвращенія его въ Россію — немедленная отставка Вице-Канцлера Бестужева и его брата, съ которыми маркизъ Шетарди не желаетъ имѣть никакихъ сношеній. Императрица должна выбрать между нимъ и братьями Бестужевыми! Если она исполнитъ его условіе — онъ вернется въ Россію; если она предпочтетъ ему братьевъ Бестужевыхъ — онъ останется во Франціи и перемѣнитъ свою дипломатическую карьеру на военную службу. (Письмо Шетарди къ Лестоку отъ 5-го декабря 1742 года).

Между тѣмъ Вице-Канцлеру Бестужеву не трудно было доказать Императрицѣ опасность французскихъ происковъ противъ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, Франція не только открытымъ образомъ поддерживала Швецію, съ которою

*) См. подробности объ этомъ международномъ актѣ въ моемъ „Собр. трактатовъ", т. X, № 386.

ment russe était en guerre, elle avait organisé toute une ligue contre la Russie. La cour de Versailles avait réussi à établir une alliance entre la Suède et la Porte, visant directement la Russie. Elle conclut également un accord avec le Danemark dans des vues hostiles à la Russie. Enfin la persistance de cette cour à vouloir imposer à la Russie sa médiation pour la conclusion de la paix avec la Suède était une cause de profond mécontentement pour l'Impératrice Elisabeth et ses conseillers les plus proches.

Dans cet état de choses le retour du marquis de la Chétardie en Russie était entouré de grands dangers. Il faut ajouter, que M. Dalion, chargé d'affaires de France, faisait tout son possible pour rendre le retour du marquis impossible. Dans ce but, il profitait de toute circonstance pour attiser le feu et entretenir chez les ministres russes des sentiments de haine et d'indignation contre La Chétardie.

Toutefois, à partir du mois d'août 1743 les circonstances semblaient plus favorables à un rapprochement entre la Russie et la France. La paix d'Abo mit fin à la guerre entre la Russie et la Suède et écarta ainsi une cause de conflits continuels entre la Russie et la France. La découverte de la conspiration des Lopoukhine contre l'Impératrice Elisabeth compromit sérieusement la famille Bestoujew et porta un coup fatal à l'influence du cabinet de Vienne à la cour de St. Pétersbourg, grâce à la complicité du marquis Botta d'Adorno, ambassadeur d'Autriche *).

D'autre part, la guerre de la succession d'Autriche plaçait la cour de Versailles dans la nécessité de chercher des alliés. Dans ces conditions, un rapprochement avec la Russie devenait d'une haute importance pour la France.

Tels étaient les motifs qui faisaient désirer, à la cour de Versailles, le retour en Russie du marquis de la Chétardie, en qualité d'ambassadeur extraordinaire. Toutefois, sans ajouter une confiance absolue ni aux mémoires du marquis **), ni aux rapports de Dalion, le cabinet de Versailles résolut par prudence d'envoyer à

*) Voir mon „Recueil des traités", t. I, № 16, p. 130 et suiv.

**) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. CV, №№ 29, 31, 42 et autres.

воевала Россія, но даже устроила цѣлую лигу противъ Россіи. Версальскому двору удалось устроить союзъ между Швеціею и Турціею, который явно былъ направленъ противъ Россіи. Онъ же заключилъ союзъ съ Даніею, который также былъ враждебенъ въ отношеніи Россіи. Наконецъ, настойчивое навязываніе Версальскимъ дворомъ Россіи своего посредничества въ дѣлѣ заключенія мира съ Швеціей должно было вызвать большое неудовольствіе Императрицы Елизаветы Петровны и ближайшихъ ея совѣтниковъ.

При такомъ положеніи вещей возвращеніе маркиза Шетарди въ Россію было сопряжено съ большими опасностями. Нужно еще прибавить, что французскій повѣренный въ дѣлахъ Дальонъ изъ всѣхъ силъ старался, чтобы сдѣлать возвращеніе маркиза Шетарди невозможнымъ. Въ виду этой цѣли онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобъ еще болѣе подливать масла въ огонь и поддерживать въ русскихъ министрахъ чувства вражды и негодованія противъ Шетарди.

Однако, съ августа 1743 года обстоятельства сложились болѣе благопріятнымъ образомъ для сближенія Россіи и Франціи. Абоскимъ миромъ кончилась война между Россіей и Швеціей и, такимъ образомъ, былъ устраненъ одинъ изъ поводовъ постоянныхъ столкновеній между Россіей и Франціей. Открытіе заговора Лопухиныхъ противъ Императрицы Елизаветы Петровны сильнѣйшимъ образомъ компрометировало семейство Бестужевыхъ и подорвало вліяніе Вѣнскаго кабинета при С.-Петербургскомъ дворѣ, благодаря участію въ этомъ заговорѣ австрійскаго посла, маркиза Ботта д'Адорно *).

Съ другой стороны, война за Австрійское наслѣдство заставила Версальскій дворъ искать союзниковъ. Въ виду этой цѣли сближеніе съ Россіей получило для Франціи исключительную важность.

Вотъ почему возвращеніе маркиза Шетарди въ Россію, въ званіи чрезвычайнаго посла, казалось для Версальскаго двора весьма желательнымъ. Однако, не вполнѣ довѣряя ни меморіямъ маркиза Шетарди **), ни донесеніямъ Дальона, Версальскій кабинетъ, изъ осторожности, рѣшилъ послать въ С.-Петер-

*) См. мое „Собраніе трактатовъ", т. I, № 16, стр. 130 и слѣд.

**) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. CV, №№ 29, 31, 42 и др.

St. Pétersbourg un agent secret, M. de Meslières, avec la mission de prendre connaissance de la situation sur les lieux *). Mais cette mission resta à l'état de projet et la cour de Versailles prit la décision d'envoyer le marquis de la Chétardie une seconde fois en Russie.

Le 17 septembre 1743, à son arrivée à Paris, il reçut ses instructions et ses lettres de créance dont-il avait deux, — l'une pour être remise à l'Impératrice à son audience privée et l'autre,— destinée à l'audience solennelle. Les instructions du 22 septembre 1743 énonçaient la pensée qu'il serait désirable qu'une alliance politique et un traité de commerce fussent conclus entre la Russie et la France. La cour de Versailles ne voyait pas de difficultés à la solution de ce problème, une fois que la paix se trouvait rétablie dans le Nord de l'Europe, et que les intrigues de l'Angleterre contre la Russie étaient devenues si manifestes que l'Impératrice ne saurait plus avoir la moindre confiance dans la politique anglaise. Il était recommandé à La Chétardie de ne pas imposer à la Russie une alliance avec la France, mais d'attendre à ce sujet l'initiative du gouvernement russe.

Mais une affaire, dont l'importance primait toutes les autres, était celle de la reconnaissance du titre de l'Impératrice Elisabeth par le roi de France. La Chétardie avait été muni de deux pleinspouvoirs: l'un avec le titre Impérial et l'autre—sans ce titre. Il devait user du premier seulement dans un cas extrême, en se faisant toujours un devoir d'éviter la reconnaissance du titre Impérial. Dans sa réponse à l'Impératrice, qui l'informait de la conclusion de la paix avec la Suède, le roi de France trouva moyen de ne pas en faire mention, et cette habileté fut signalée à Chétardie comme un exemple à suivre. Si l'ambassadeur se trouvait forcé, par les circonstances, de remettre à l'Impératrice la lettre de créance avec le titre Impérial, il devra déclarer aussitôt que le roi est disposé à le reconnaître, mais sous la réserve de toutes ses dignités historiques, de ses titres et de son droit de prendre rang immédiatement après l'Empereur Romain d'Allemagne **).

бургъ тайнаго агента, нѣкоего Мельера, съ порученіемъ ознакомиться на мѣстѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ *). Но эта миссія не состоялась, и Версальскій дворъ рѣшилъ вторично отправить въ Россію маркиза Шетарди.

Въ сентябрѣ 1743 года Шетарди, по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, получилъ свои инструкціи и свои вѣрительныя грамоты, которыхъ было двѣ: одна — для врученія Императрицѣ на частной аудіенціи; другая — для врученія на торжественной аудіенціи. Въ инструкціи отъ 22-го сентября 1743 года излагалась мысль о желательности заключенія между Россіей и Франціей политическаго союза и коммерческаго трактата. Особенныхъ препятствій для разрѣшенія этой задачи Версальскій дворъ не усматривалъ, ибо на Сѣверѣ Европы водворился миръ и интриги Англіи противъ Россіи настолько явно обнаружились, что Императрица не можетъ питать никакого довѣрія къ англійской политикѣ. Но Шетарди было вмѣнено въ долгъ не навязывать Россіи союза съ Франціей и ждать почина отъ русскаго правительства.

Однако, еще важнѣе всѣхъ этихъ дѣлъ былъ вопросъ о признаніи французскимъ королемъ императорскаго титула за Императрицею Елизаветою Петровною. Шетарди получилъ два полномочія: одно съ императорскимъ титуломъ, другое безъ онаго. Первымъ полномочіемъ онъ долженъ былъ воспользоваться только въ крайнемъ случаѣ, постоянно помня свой долгъ избѣгать признанія императорскаго титула. Въ отвѣтѣ своемъ на письмо Императрицы, съ извѣстіемъ о заключеніи мира съ Швеціей, французскій король ухитрился не называть русскую Государыню Императрицею. Эта уловка ставится въ примѣръ Шетарди. Если же французскій посолъ принужденъ будетъ обстоятельствами подать Императрицѣ свое второе вѣрющее письмо съ императорскимъ титуломъ, то онъ долженъ немедленно заявить, что король готовъ признать этотъ титулъ только подъ условіемъ сохраненія за нимъ всѣхъ его историческихъ достоинствъ, титуловъ и перваго положенія послѣ римско-германскаго императора **).

*) Recueil de la Société Impér. historique russe, t. CV, № 26. Voir Rambaud, Recueil, t. I, p. 405 et suiv.

**) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. CV, №№ 55, 59, 61, 74 et autres.

*) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. CV, № 26. — Срав. Rambaud, Recueil, t. I, p. 405 et suiv.

**) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. CV, №№ 55, 59, 61, 74 и др.

Le marquis de la Chétardie quitta la France, en automne 1743, pour se rendre en Russie, non par la voie de l'Allemagne, mais par celle de la Suède. Il se rendit de Stockholm à St. Pétersbourg par Åbo, et malgré toutes les mesures prises, ce voyage réclama 33 jours. Il arriva dans la capitale le 25 novembre, juste le jour de l'avénement au trône de l'Impératrice Elisabeth. Si le marquis eut été un homme à préjugés, il n'eut pu s'empêcher de refléchir à un incident qui signala le jour même de son arrivée: il donna un soufflet à Dalion et en reçut un coup d'épée à la main droite qui le força de l'avoir pendant quelque temps bandée, et de signer de la main gauche. Quand l'Impératrice le vit dans cet état, il assura qu'il s'est coupé la main avec un vase qui aurait éclaté, parce qu'il l'avait placé trop près du feu. L'Impératrice dit en riant: „Voilà ce que c'est que de jouer avec le feu.“

Ainsi le début de cette seconde mission de Chétardie ne laissait prévoir rien de bon; la fin en fut encore plus déplorable.

L'arrivée du marquis à St. Pétersbourg causa une grande émotion à la cour et dans la haute société russe. Tout le monde connaissait non seulement le caractère hautain et l'esprit inquiet du diplomate français, mais sa haine implacable pour le comte Bestoujew, le Vice-Chancelier tout-puissant. La Chétardie lui déclara la guerre dès le jour de son arrivée. Ses principaux alliés étaient: la princesse Zerbst, arrivée à St. Pétersbourg avec sa fille, déclarée fiancée du Grand-Duc Héritier, Lestocq et Brummer, gouverneur du Grand-Duc. Pour cette lutte avec Bestoujew, le marquis s'arrêta à un plan de campagne très habile, — il se proposait d'arriver à St. Pétersbourg non pas comme ambassadeur du roi Très Chrétien, mais comme gentilhomme français. Aussi longtemps que Bestoujew n'eut pas été destitué, le marquis se proposait de ne pas déclarer son rang et de ne pas produire ses lettres de créance. Ce plan, quelque finement conçu qu'il fut, ne devint pas moins très fatal pour lui-même, en le privant de la possibilité de faire usage des droits d'exterritorialité.

La lutte entre le marquis de la Chétardie et le Vice-Chancelier durait depuis plusieurs mois et passionnait au plus haut degré toute la cour et le corps diplomatique. Il semblait au début que le marquis devait l'emporter, car

Маркизъ Шетарди выѣхалъ изъ Франціи въ Россію осенью 1743 года не черезъ Германію, но чрезъ Швецію. Изъ Стокгольма онъ отправился черезъ Або въ С.-Петербургъ и, не смотря на всѣ принятыя мѣры, на этотъ путь ему понадобилось 33 дня. Наконецъ, ко дню восшествія на престолъ Императрицы, т. е. 25-го ноября, онъ пріѣхалъ въ столицу. Еслибъ маркизъ Шетарди имѣлъ какіе-нибудь предразсудки, то онъ призадумался бы надъ происшествіемъ, случившимся въ самый день его пріѣзда: онъ далъ пощечину Дальону и получилъ отъ него ударъ шпагою въ правую руку, заставившій его нѣкоторое время ходить съ подвязанною рукою и подписывать свои бумаги лѣвою рукою. Когда Императрица увидѣла его въ такомъ видѣ, онъ сказалъ, что разрѣзалъ себѣ руку вазою, которая лопнула вслѣдствіе того, что Шетарди ее очень приблизилъ къ огню. Императрица смѣясь замѣтила: „Вотъ вамъ урокъ не играть съ огнемъ!“

Итакъ, начало второй миссіи маркиза Шетарди не предвѣщало ничего добраго; конецъ ея оказался еще болѣе плачевнымъ.

Прибытіе маркиза Шетарди въ С.-Петербургъ вызвало огромный переполохъ при дворѣ и въ высшемъ русскомъ обществѣ. Всѣ знали не только надменный нравъ и безпокойный характеръ французскаго дипломата, но также его непримиримую ненависть ко всемогущему Вице-Канцлеру, графу Бестужеву-Рюмину. Съ перваго же дня своего прибытія Шетарди объявилъ ему войну. Ближайшими союзниками его были: принцесса Цербская, прибывшая въ С.-Петербургъ съ своею дочерью, нареченною невѣстою Великаго Князя Наслѣдника, Лестокъ и Брюммеръ, гувернеръ Великаго Князя. Для этой кампаніи противъ Бестужева маркизъ Шетарди придумалъ весьма искусный планъ, состоявшій въ томъ, что онъ пріѣдетъ въ С.-Петербургъ не въ качествѣ посла Христіаннѣйшаго короля, но какъ французскій дворянинъ. Пока Бестужевъ не будетъ отставленъ, маркизъ рѣшился не объявлять своего ранга и не представлять вѣрительныхъ грамотъ. Этотъ хитрый планъ оказался для него самого весьма опаснымъ: онъ самъ себя лишилъ права на экстерриторіальность и неподсудность.

Борьба между маркизомъ Шетарди и Вице-Канцлеромъ Бестужевымъ продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и сильно волновала весь дворъ и дипломатическій корпусъ. Въ началѣ казалось, что французскій маркизъ одержитъ

l'Impératrice elle-même le traitait avec faveur. Elle accueillit avec bienveillance les cadeaux qu'il lui présenta, fut sensible à la promesse de lui faire parvenir le portrait du roi de France et plaisantait gracieusement avec lui. La Chétardie ayant répandu le bruit qu'il venait d'être promu au grade de général, l'Impératrice lui fit observer en riant qu'elle n'a que le grade de colonel et qu'elle se trouve ainsi sous ses ordres.

En dehors de cela, La Chétardie accordait des pensions et répandait d'une main généreuse des sommes d'argent à toutes les personnes, qui pouvaient lui être de quelque utilité dans cette lutte avec le Vice-Chancelier, à commencer par le confesseur de l'Impératrice jusqu'aux femmes de chambre et aux domestiques.

Toutefois, c'est le comte Bestoujew-Rumine, qui emporta finalement une victoire éclatante. Les armes dont il se servit furent les lettres et les rapports du marquis, lui-même, qu'il fit saisir et perlustrer. Il est curieux, que le marquis avait lui-même connaissance de la perlustration de ses rapports et qu'il recommandait à son gouvernement la plus grande prudence, en matière de correspondance. Il ne persistait pas moins à écrire des dépêches dont le ton et la teneur étaient impossibles.

Dans ces pièces, il ne cesse de qualifier le Vice-Chancelier et tous les ministres russes de „fripons", de „coquins avérés", de „bêtes", de „sots" etc. (Rapport de la Chétardie du 9 avril 1744).

C'étaient surtout ses jugements sur l'Impératrice qui étaient insolents: il lui reprochait la paresse, le dégoût des affaires, la dissipation, la passion de la toilette qui lui faisait changer de costume de quatre à cinq fois par jour. „Sa faiblesse et sa legéreté" vont au point, selon le témoignage de la Chétardie, qu'elle redoute la moindre occupation. Aussi le Vice-Chancelier est-il le chef de toute l'administration de l'Etat, et il fait de l'Impératrice ce qu'il veut *).

Bestoujew fit un recueil de 69 pièces de ce genre, ajouta de sa main quelques annotations critiques aux plus marquantes et soumit cette intéressante collection à l'Impératrice au commencement de juin!

Il serait difficile de se rendre compte de

*) Recueil de la Société Imp. histor. russe, t. CV №№ 107, 111, 127, 131, 133 et autres.

верхъ, потому что сама Императрица относилась къ нему весьма милостивымъ образомъ. Она благосклонно приняла поднесенные ей маркизомъ подарки, сердечно благодарила за обѣщанный ей портретъ французскаго короля и милостиво шутила съ нимъ. По случаю легкомысленно распространеннаго самимъ Шетарди слуха о производствѣ его въ генералы, Императрица замѣтила смѣясь, что она еще въ чинѣ полковника и потому теперь находится подъ его начальствомъ.

Кромѣ того, маркизъ Шетарди весьма щедро дѣлалъ подарки, давалъ пенсіи и расточалъ деньги на подкупы всѣхъ лицъ, отъ духовника Императрицы и кончая горничными и лакеями, которые могли быть ему полезными для борьбы противъ Вице-Канцлера.

Однако, окончательную и блестящую побѣду одержалъ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Главнымъ оружіемъ для этой побѣды были перехваченныя имъ перлюстрированныя письма и донесенія самого маркиза Шетарди. Любопытно, что самъ маркизъ отлично зналъ о перлюстраціи своихъ донесеній и постоянно предупреждалъ свое правительство, прося его быть осторожнымъ. Между тѣмъ самъ онъ продолжалъ писать невозможныя по тону и содержанію донесенія.

Въ своихъ донесеніяхъ онъ постоянно называетъ Вице-Канцлера и всѣхъ русскихъ министровъ: „мошенниками", „явными мазуриками", „животными", „дураками" и т. п. (Донесеніе Шетарди отъ 9-го апрѣля 1744 г.).

Но особенною дерзостью отличались его отзывы о самой Императрицѣ, которую онъ постоянно обвинялъ въ лѣни, въ отвращеніи къ дѣламъ, въ распущенности, въ страсти наряжаться и четыре или пять разъ въ день перемѣнять свои туалеты. „Слабость" и „легкомысліе" Императрицы доходятъ, по словамъ Шетарди, до того, что она боится всякаго дѣла. Поэтому Вице-Канцлеръ—глава всего государственнаго управленія и дѣлаетъ съ Императрицею, что хочетъ *).

Подобнаго рода донесеній Бестужевъ собралъ 69 штукъ, написалъ собственноручно на главнѣйшихъ свои критическія замѣчанія и въ началѣ іюня поднесъ всю эту интересную коллекцію Императрицѣ!

Нельзя себѣ представить потрясающаго впе-

*) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. CV, №№ 107, 111, 127, 131, 133 и др.

l'impression poignante, produite par ces rapports sur l'Impératrice Elisabeth, si l'on ne connaissait pas les commentaires dont Bestoujew avait cru devoir faire suivre quelques unes des productions de la plume du marquis. Nous allons en citer quelques uns.

Le marquis de la Chétardie écrivait à sa cour que Bestoujew était contraire au mariage du Grand-Duc Héritier avec la princesse Zerbst, et qu'il aurait agi dans cet esprit sur l'archevêque de Moscou, et que ce prélat aurait cherché à convaincre l'Impératrice de l'illégalité de ce mariage, à cause de la proche parenté. Bestoujew fait la remarque suivante: „Il n'y a pas de noirceur que le marquis de la Chétardie, avec ses acolytes Lestocq et Brummer, ne fussent capables d'attribuer au Vice-Chancelier. Il serait facile à Sa Majesté Impériale de dissiper ces mensonges et ces calomnies en questionnant, sous la foi du serment, l'archevêque de Moscou, ou un autre membre du clergé, pour savoir si des suggestions lui auraient été faites par le Vice-Chancelier au sujet du dit mariage, ou du moins, si le Vice-Chancelier se serait engagé dans des conversations particulières ou cherché à établir un accord à ce sujet".

Dans un rapport, au sujet d'un certain Stackelberg, qui avait annoncé une nouvelle révolution en Russie et devait subir un interrogatoire à la chancellerie secrète du général Ouschakow, La Chétardie exprime l'espoir, que son parti réussira à faire adjoindre le procureur-général prince Troubetzkoy à ce même interrogatoire. Le Vice-Chancelier est indigné de cette intervention dans les affaires intérieures de l'Empire et ajouta l'observation suivante: „Suivant le système de sa cour, le ministre étranger non seulement se forme un parti et se mèle de toutes les affaires intérieures, mais il s'immisce dans les affaires de la chancellerie secrète! On soumet à la haute appréciation de Sa Majesté Impériale les conséquences qui peuvent résulter de tels procédés".

Nous pouvons signaler un autre cas important d'intervention de la Chétardie. Il informait son gouvernement qu'il avait rédigé un projet de réponse à adresser au général russe Keyth sur les affaires de Suède; avant la réunion du conseil pour les affaires étrangères, le marquis s'est entendu avec ses amis sur cette question, et son plan d'action fut adopté sauf quelques modifications

чатлѣнія, произведеннаго этими донесеніями на Императрицу Елизавету Петровну, если не знать комментаріевъ Бестужева на нѣкоторыя произведенія пера легкомысленнаго маркиза Шетарди. Мы приведемъ нѣсколько такихъ комментаріевъ.

Маркизъ Шетарди писалъ своему двору въ одномъ изъ своихъ донесеній, что Бестужевъ противъ брака В. К. Наслѣдника съ принцессою цербскою и склонилъ на свою сторону московскаго архіерея, старавшагося убѣдить Императрицу въ незаконности этого брака по причинѣ родства. На это Бестужевъ замѣтилъ слѣдующее: „Какого зла въ свѣтѣ и вымыслить не можно, такое маркизъ Шетардій съ своими сообщниками, Лестокомъ и Брюммеромъ, умышленно Вице-Канцлеру приписуетъ. Сіе ихъ богомерзкое и вымышленное оклеветаніе удостовѣрительно доказать можно, когда Ея Императорскому Величеству Высочайше угодно будетъ московскаго архіепископа или всякую иную духовнаго чина особу подъ клятвою спросить, учинено ли было ему или кому иному какое-либо ни есть отъ Вице-Канцлера о супружествѣ съ принцессою цербскою внушеніе, или хотя, по меньшей мѣрѣ, имѣлъ ли Вице-Канцлеръ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ какіе партикулярные разговоры, наименьше же какія о семъ соглашенія".

Въ донесеніи Шетарди о допросѣ въ Тайной Канцеляріи генерала Ушакова нѣкоего Штакельберга, предсказывавшаго новую революцію въ Россіи, онъ выразилъ надежду, что его партіи удастся назначить для допроса еще генералъ-прокурора князя Трубецкаго. Вице-канцлеръ былъ возмущенъ такимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Имперіи и надписалъ на донесеніи: „По обыкновенной Двора своего системѣ, яко иностранный министръ, не токмо прибирая себѣ партіи, во всѣ внутреннія дѣла мѣшается, но уже и до того приводитъ, чтобъ и по дѣламъ Тайной Канцеляріи вмѣшиваться; предается Ея Императорскому Величеству во Всевысочайшее разсужденіе, что наконецъ изъ того воспослѣдовать можетъ".

Не менѣе серьезенъ былъ другой случай вмѣшательства со стороны Шетарди. Онъ доносилъ своему правительству, что имъ написанъ проектъ отвѣта, который получилъ русскій генералъ Кейтъ въ Швеціи по тамошнимъ дѣламъ, и что предъ собраніемъ совѣта по иностраннымъ дѣламъ, онъ, маркизъ, совѣщался съ своими пріятелями, какъ бы провести свой

планъ. И этотъ планъ дѣйствительно былъ принятъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями.

Le Vice-Chancelier fit sur ce rapport l'annotation suivante: „Il semble si inconcevable qu'un ministre étranger fut appelé à rédiger une réponse (il s'agit d'un oukaze) à un général de l'Empire, occupant actuellement un poste de ministre, que l'esprit se refuse de prévoir les conséquences qui pourraient en résulter. C'est un fait sans précédent que des instructions aient été reçues d'un ministre étranger sur le mode de traiter une affaire en conseil selon ses vues; je me permets d'attirer l'attention de Votre Majesté sur l'indignité des personnes qui livrent les secrets d'Etat et sur l'utilité, que peuvent offrir au trône et à la patrie des conseils, constitués de cette manière. C'est une chose inouie dans le monde qu'une affaire soit réglée, au sein d'un conseil, d'après un projet élaboré par un ministre étranger, et qu'il soit informé des changements qui y ont été apportés et de tout ce qui s'est passé au cours des débats. Le général Keyth sera dans le doute, s'il devra exécuter les oukazes émanés du Collège des Affaires Etrangères ou bien les instructions, rédigées par La Chétardie sur les intentions de S. M. l'Impératrice".

На этомъ донесеніи Вице-Канцлеръ надписалъ: „Что иностранный министръ россійско-императорскому генералу, а нынѣ яко и министру, отвѣтъ (чѣмъ указъ разумѣется) самъ проектовалъ и сочинялъ, толь весьма непонятно, что о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ того воспослѣдовать могутъ, умъ и разумъ превосходитъ рефлекцію учинить. О таковъ въ свѣтѣ неслыханномъ дѣлѣ, чтобъ отъ иностраннаго министра наставленіе принимать, какъ по его видамъ въ совѣтахъ поступать,—еще примѣру нѣтъ; а чему такія персоны, которыя тайности открываютъ, достойны, и какого впредь отъ такого собраннаго совѣту Ея Императорскому Величеству и государству пользы ожидать можно,—во Всевысочайшее разсужденіе подвергается. Неслыханное въ свѣтѣ дѣло, чтобъ въ совѣтѣ по проекту иностраннаго министра оканчивалось, и все, что въ ономъ прибавлено или происходило, ему точно извѣстно. Генералъ Кейтъ въ сумнѣніи будетъ, по какимъ указамъ ему исполнять: — по отправленнымъ ли изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, или какъ по Шетардіеву составленію о сентиментахъ Ея Императорскаго Величества ему знать дается".

La Chétardie écrivait en outre à sa cour que Bestoujew et son parti accusaient la même hostilité contre la Prusse et contre la France Le Vice-Chancelier fit sur ce rapport l'annotation suivante: „Il est vrai que le Vice-Chancelier n'a pas plus de confiance en la cour de Prusse qu'en la cour de France, à cause du voisinage plus proche de celle-là et de l'accroissement démésuré de ses forces; cependant le Vice-Chancelier n'a jamais témoigné la moindre animosité ni contre l'une, ni contre l'autre, quoiqu'elles fassent toutes deux les plus grands efforts pour le perdre et, en toute circonstance, il n'a fait que remplir son devoir et son serment" *).

Далѣе, Шетарди писалъ своему двору, что Бестужевъ и его партія показываютъ одинаковую ярость какъ противъ Пруссіи, такъ и противъ Франціи. На это Вице-Канцлеръ замѣтилъ: „Правда, что Вице-Канцлеръ не больше вѣритъ прусскому, яко французскому Двору, да оный же и опаснѣе французскаго по близости сосѣдства и великой его умножаемой силѣ; однако же Вице-Канцлеръ ни противъ одного, ни противъ другого, хотя они обще его и погубить стараются, ни малѣйшей ярости не показывалъ, но токмо во всемъ присяжную свою должность исполнялъ" *).

Mais c'est surtout les observations sarcastiques sur la personne de l'Impératrice qui ont été désastreuses pour La Chétardie: elles étaient blessantes pour son amour-propre de femme et constituaient presque un crime vis-à-vis de l'Impératrice de Russie. On peut se représenter facilement l'impression que devaient produire sur elle ses observations mordantes

Но въ особенности роковыми для маркиза Шетарди должны были оказаться его саркастическія замѣчанія насчетъ особы самой Императрицы: они были оскорбительны для ея самолюбія, какъ женщины, и почти преступны въ отношеніи особы русской Императрицы. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на Императрицу кол-

*) Soloview. „Histoire de Russie", t. XXI. chapitre IV, pag. 275 et suiv.

*) Соловьевъ. „Исторія Россіи", т. XXI, глава 4-я, стр. 275 и слѣд.

sur sa paresse, sa dissipation, sa passion pour la toilette et son dégout du travail, si habilement exploité par le Vice-Chancelir. Ainsi La Chétardie écrit à Amelot que l'Impératrice a désiré le voir revenir en Russie, „mais que peut on se promettre de la reconnaissance et de l'attention d'une princesse aussi legère et aussi dissipée?“ On comprend combien l'Impératrice devait être indignée de ces paroles.

Une catastrophe était inévitable et elle éclata le 5 (16) juin 1744. Il y avait ce jour conseil des ministres sous la présidence de l'Impératrice. Le Vice-Chancelier en profita pour lui soumettre les 69 lettres et rapports du marquis avec ses commentaires. L'Impératrice en fut attérrée et ne put s'empêcher de dire à Bestoujew: „C'est faux, c'est une invention de ses ennemis et vous en êtes!“

Mais les preuves étaient accablantes.—il était impossible d'en contester l'authenticité. Toutefois l'Impératrice, sans prendre de décision, demanda de lui laisser 24 heures de reflexion.

Le lendemain se rendirent, à $5^{1}/_{2}$ h. du matin*), au logement du marquis à Moscou, où se trouvait toute la cour, le général Ouschakow, le prince Pierre Golitzine, deux fonctionnaires du Collège des Affaires Etrangères, Vesselowsky et Nepluiew, et le secrétaire du Collège Kourbatow. Lorsque La Chétardie sortit de sa chambre, en perruque et vêtu d'une courte robe de chambre, le général Ouschakow lui annonça qu'il avait une communication à lui faire d'ordre suprême. Kourbatow lui fit la lecture d'une décision de l'Impératrice, qui lui intimait l'ordre de quitter la capitale dans les 24 heures et de sortir le plutôt de son Empire.

A la demande de la Chétardie de lui fournir les preuves de son crime, Kourbatow, sur l'ordre d'Ouschakow, se met, à lui lire les extraits de ses rapports. La Chétardie interrompit bientôt cette lecture par ces mots: „Cela suffit!“

D'après le rapport d'Ouschakow, La Chétardie, après l'audition des extraits, aurait dit qu'il ne lui reste qu'à exécuter la volonté de Sa Majesté,

*) Observation. Il serait difficile de préciser le moment de l'arrivée du général Ouschakow dans la maison de la Chétardie. D'après certains renseignements c'était le matin le 6 (17) juin, d'après d'autres c'était le soir du même jour.

кія замѣчанія Шетарди насчетъ ея лѣни, распущенности, всепоглощающей любви къ туалетамъ и страха трудиться, который столь ловко эксплуатировался Вице-Канцлеромъ. Если Шетарди пишетъ кардиналу Амело, что хотя сама Императрица желала его возвращенія въ Россію, но всетаки „чего можно ожидать отъ признательности и расположенія такой легкомысленной и безпутной Государыни?“ — то, конечно, Императрица должна была быть крайне возмущена такимъ отзывомъ.

Катастрофа была неизбѣжна и она наступила 5-го (16-го) іюня 1744 года. Въ этотъ день было засѣданіе совѣта министровъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императрицы. Въ этомъ засѣданіи Вице-Канцлеръ доложилъ Императрицѣ всѣ 69 донесеній и писемъ маркиза Шетарди съ своими замѣчаніями. Императрица Елизавета Петровна была до такой степени потрясена, что не выдержала и сказала Бестужеву: „Это все ложь и подвохъ его враговъ, къ которымъ и вы принадлежите!“

Но трудно было спорить противъ неопровержимыхъ документальныхъ доказательствъ. Однако, Императрица не приняла никакого рѣшенія и отложила его на 24 часа.

На другой день, въ половинѣ 6-го часа утра *), явились на квартиру маркиза Шетарди въ Москвѣ, гдѣ находился тогда весь дворъ, генералъ Ушаковъ, князь Петръ Голицынъ, двое чиновниковъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Весселовскій и Неплюевъ, и секретарь Коллегіи Курбатовъ. По выходѣ Шетарди въ парикѣ и полушлафрокѣ, генералъ Ушаковъ объявилъ, что, по Высочайшему повелѣнію, имѣетъ сдѣлать ему сообщеніе. Тогда Курбатовъ прочелъ ему повелѣніе Императрицы выѣхать изъ столицы въ 24 часа и изъ предѣловъ Имперіи насколько можно скорѣе.

На требованіе Шетарди представить ему доказательства его вины, Курбатовъ, по приказанію Ушакова, началъ читать ему экстракты изъ его донесеній. Но Шетарди весьма скоро прервалъ это чтеніе словами: „Этого достаточно!“.

По донесенію Ушакова, маркизъ Шетарди, выслушавши экстракты, сказалъ, что ему „остается только исполнить волю Ея Вели-

*) Примѣчаніе. Трудно точно сказать, когда явился Ушаковъ въ домъ Шетарди. По однимъ источникамъ, утромъ 6-го (17-го) іюня; по другимъ — вечеромъ того же дня.

et bien qu'il regrette la résolution prise à son sujet, il n'éprouve pas moins un sentiment de reconnaissance pour la faveur avec laquelle S. M. a daigné la lui faire connaître.

Le général Ouschakow ajoute en outre, de lui-même, dans son rapport: „En présence des événements ci-dessus relatés, La Chétardie, en apercevant le général Ouschakow, changea subitement de figure. A la lecture des extraits, il devint si confus qu'il ne dit pas un mot pour se justifier et n'éleva aucune objection. Il jeta un coup d'oeil sur les manuscrits et ayant reconnu son écriture, il s'en détourna aussitôt visiblement troublé; l'expression de ses traits, ses interminables discours et sa voix tremblante trahissaient le sentiment de sa faute et la crainte qu'un sort plus cruel ne lui fut réservé, comme le faisaient entendre ses dernières paroles soulignées. On voyait qu'il s'attendait à être traité avec la plus grande rigueur selon sa faute".

Le marquis de la Chétardie quitta Moscou dans la nuit du 6 (17) juin sous escorte de 15 soldats commandés par un capitaine. Bientôt un courrier fut envoyé par ordre suprême au prochain relais pour lui reprendre le portrait de l'Impératrice et les insignes de l'ordre de St.-André.

Le jour de son départ, une circulaire fut adressé par le Collège des Affaires Etrangères aux membres du corps diplomatique à Moscou pour leur expliquer les causes de renvoi de la Chétardie, et dans cette pièce il est désigné comme „brigadier des troupes françaises, qui a demeuré quelque temps à cette cour comme une personne particulière" *).

C'est dans ces tristes conditions que se termina la seconde mission en Russie du brillant marquis de la Chétardie. Aussitôt après avoir franchi la frontière de Russie, il protesta contre la violation par le gouvernement russe de tous les principes du droit des gens et des privilèges des agents diplomatiques, oubliant qu'il n'a pas produit ses lettres de créance et qu'il ne voulait pas lui-même user de son caractère diplomatique aussi longtemps que Bestoujew se

*) Recueil de la Société Imp. histor. russe, t. CV, №№ 161, 162, 163 et suiv. Rambaud, Recueil, t. I, pag. 430 et suiv. Soloview. Histoire de Russie, t. XXI, chap. 4.

чества; и хотя онъ сожалѣетъ о принятой Ея Величествомъ объ немъ резолюціи, но когда оная принята, то онъ съ благодареніемъ чувствуетъ ту милость, съ каковою Ея Величество ему соизволеніе свое объявить повелѣть соизволила".

Кромѣ того, генералъ Ушаковъ отъ себя прибавилъ въ своемъ рапортѣ: „При происшествіи всего вышеписаннаго явно было, что онъ, Шетардій, сколь скоро генерала Ушакова увидѣлъ, то онъ въ лицѣ перемѣнился. При прочтеніи экстракта столь конфузенъ былъ, что ни слова въ оправданіе свое сказать или что либо прекословить могъ. На оригиналы только взглянулъ и, увидя свою руку, ниже больше смотрѣть не хотѣлъ, будучи при всемъ томъ весьма смущенъ, и образъ лица его, такожъ и нескончаемыя рѣчи и дрожащій голосъ его, показуя его вину и робость, чтобъ иногда больше съ нимъ учинено не было, какъ то послѣдніе его, Шетардія, подчерченныя слова сказуютъ. Якоже и видно было, что тяжчайшаго съ нимъ поступка, по винѣ своей, ожидалъ".

Въ ночь того же 6-го (17-го) іюня маркизъ Шетарди выѣхалъ изъ Москвы подъ конвоемъ изъ 15 солдатъ, подъ начальствомъ капитана. Вскорѣ вслѣдъ за Шетарди былъ посланъ курьеръ, чтобъ, по Высочайшему повелѣнію, потребовать отъ него обратно подаренные ему Императрицею портретъ ея и знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Въ день отъѣзда маркиза Шетарди членамъ дипломатическаго корпуса въ Москвѣ былъ сообщенъ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ циркуляръ съ изложеніемъ причинъ высылки маркиза Шетарди, который называется въ этомъ актѣ только „бригадиромъ французской арміи, жившимъ нѣкоторое время при настоящемъ дворѣ въ качествѣ частнаго лица" *).

Такимъ печальнымъ образомъ кончилась вторая миссія блестящаго маркиза Шетарди въ Россіи. Само собою разумѣется, что Шетарди протестовалъ, послѣ переѣзда русской границы, противъ нарушенія русскимъ правительствомъ всѣхъ законовъ международнаго права и преимуществъ дипломатическихъ агентовъ, совершенно забывъ, что онъ не представилъ Императрицѣ своихъ вѣрительныхъ грамотъ и самъ не желалъ воспользоваться сво-

*) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. CV, №№ 161, 162, 163 и слѣд. Rambaud. Recueil, t. I, p. 430 et suiv.—Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXI, глава 4-я.

trouvait à la tête du gouvernement russe. Il donna ainsi lui-même au Vice-Chancelier la faculté de le traiter comme un „brigadier de l'armée française" et comme un simple particulier. En présence de ce fait positif, les accusations du marquis à l'adresse du gouvernement russe perdent une bonne part de leur base juridique.

Toutefois, on comprend qu'en dehors de la Chétardie, le gouvernement français lui-même devait être très indigné de son renvoi de Russie. Lorsque Mr. Gross, chargé d'affaires de Russie à Paris, qui occupa ce poste après la mort du prince Kantemir en mars 1744, s'appliquait à démontrer les torts de la Chétardie à Mr. Florentin, gérant du Ministère des affaires étrangères en France, son discours fut souvent interrompu. Florentin lui repliqua, que La Chétardie était connu comme un homme raisonnable, et que ce n'est que par la calomnie et les intrigues de ses ennemis personnels qu'on peut expliquer l'affront grave qu'on lui a fait subir. Lorsque Mr. Gross crut devoir rappeler que les lettres autographes de la Chétardie constituaient un chef d'accusation irréfutable, qu'il en a été lui-même troublé et qu'elles ont rendu toute justification impossible, le ministre français répliqua qu'une altération des traits n'est pas toujours une preuve de culpabilité, mais souvent une preuve de surprise.

Mais en réalité, Louis XV fut très mécontent de la conduite de la Chétardie. Par le fait qu'il s'est dispensé de produire ses lettres de créance, la France s'est trouvée dans l'impossibilité d'exiger une satisfaction de la Russie. Le roi défendit au marquis de se présenter à la Cour et ne voulut pas entendre ses justifications.

Bien plus: la situation politique de la France était si critique, que la Cour de Versailles fut obligée d'oublier cet affront et de nommer au mois d'août un certain Dalion en qualité de ministre plénipotentiaire à la Cour de Russie. Dans sa lettre du 1 août, le roi donna à la Souveraine le titre d'Impératrice de toutes les Russies. Dans les instructions à Dalion toute la faute du scandale de Moscou retombe sur la Chétardie, qui s'est permis d'intriguer contre les ministres russes, et Dalion est autorisé de reconnaître à la Tsarine le titre d'Impératrice, sous la réserve des droits historiques des rois de France.

имъ дипломатическимъ званіемъ, пока Бестужевъ оставался во главѣ русскаго правительства. Такимъ образомъ Шетарди самъ далъ Вице-Канцлеру возможность обращаться съ нимъ, какъ съ „бригадиромъ французской арміи" и частнымъ лицомъ. Въ виду этого положительнаго факта, обвиненія маркиза Шетарди противъ русскаго правительства лишаются, въ значительной степени, юридическаго основанія.

Однако, понятно, что не только самъ Шетарди, но и французское правительство было возмущено изгнаніемъ изъ Россіи легкомысленнаго маркиза. Когда русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, Гроссъ, занявшій этотъ постъ послѣ кончины князя Кантемира въ мартѣ 1744 года, сталъ доказывать Флорантэну, управляющему французскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, всю вину Шетарди, его рѣчь неоднократно была перебиваема. Флорантэнъ отвѣчалъ, что маркизъ Шетарди всегда считался человѣкомъ благоразумнымъ и что только клеветою и происками его личныхъ враговъ можно себѣ объяснить нанесенную ему тяжкую обиду. Когда Гроссъ сталъ доказывать, что собственноручныя письма Шетарди были настолько неопровержимыми обвинительными актами, что его самого они привели въ смущеніе и сдѣлали невозможнымъ никакое оправданіе, французскій министръ возразилъ, что перемѣна въ лицѣ не всегда знакъ виновности, но часто знакъ удивленія.

Но, на самомъ дѣлѣ, Людовикъ XV былъ крайне недоволенъ поведеніемъ маркиза Шетарди. Вслѣдствіе легкомысленнаго непредставленія имъ своихъ вѣрительныхъ грамотъ Франція не могла даже требовать отъ Россіи удовлетворенія. Король повелѣлъ маркизу Шетарди не являться ко двору и отказалъ ему въ просьбѣ выслушать его оправданія.

Мало того: политическое положеніе Франціи было настолько опасное, что Версальскій дворъ принужденъ былъ забыть оскорбленіе, нанесенное Франціи въ лицѣ маркиза Шетарди, и назначить въ августѣ извѣстнаго Дальона въ качествѣ полномочнаго министра при русскомъ дворѣ. Въ письмѣ короля къ Императрицѣ отъ 1-го августа Елизавета Петровна именуется „Императрица Всероссійская". Въ инструкціяхъ Дальону вся вина московскаго скандала падаетъ на—Шетарди, который позволилъ себѣ интриговать противъ русскихъ министровъ, и за Царицею Дальонъ можетъ признать императорскій титулъ съ оговоркою насчетъ историческихъ правъ французскихъ королей.

Dalion arriva à St.-Pétersbourg, en novembre 1744, et entra aussitôt dans l'exercice de ses fonctions. Le comte Bestoujew et le comte Worontzow lui exprimèrent leur satisfaction à propos de son retour en Russie et l'Impératrice, s'étant convaincue à l'audience que le ministre plénipotentiaire de France lui donnait le titre de Majesté, Impériale, en parut visiblement satisfaite et lui conféra l'ordre de St. André et un cadeau de prix.

Dalion resta à la cour de Russie jusqu'à la fin de l'année 1747, bien qu'en 1744 après l'arrivéé de ce diplomate à St.-Pétersbourg, le roi Louis XV eut l'idée de nommer le comte de Saint-Severin, en qualité d'ambassadeur extraordinaire à la Cour Impériale. Mais le comte déclina, pour cause de santé, cette nomination flatteuse et Dalion resta pendant trois ans représentant de la France en Russie.

Mais on aurait tort de penser que Dalion réussit à amener un rapprochement entre les deux Puissances. En vertu de ses instructions, il devait appliquer tous ses efforts à conclure une alliance entre la Russie, la France, la Prusse et la Suède, en vue d'opposer une résistance à l'Autriche et à l'Angleterre. Il était chargé en même temps de conclure un traité de commerce avec la Russie. Dalion échoua dans ces deux négociations, malgré le cadeau de 50.000 r. qu'il promit à Bestoujew. Celui-ci déclina „assez froidement“ ces offres, en faisant observer qu'il est assez généreusement récompensé par sa Souveraine pour ses services. Lorsque Dalion revenait à la question de l'alliance, le Chancelier donnait invariablement la même réponse: tant que l'affaire de la capture du vaisseau russe par les corsaires français n'était pas terminée, il n'y a pas à parler d'un traité d'alliance. Dalion savait très bien que cette misérable affaire ne servait que de prétexte à Bestoujew pour éluder des pourparlers au sujet de l'alliance.

Aussi après avoir abusé de cet argument, le Chancelier crut-il devoir assurer au ministre de France que les circonstances avaient changé et qu'il serait préférable de commencer par les pourparlers au sujet du traité de commerce. Quant à l'alliance politique, on ferait mieux de la conclure à la fin de la guerre. Bestoujew ajoutait en outre, d'une manière significative: „Ne nous faites pas de mal, et nous ne vous en ferons pas non plus“. Dans cet état de choses, la cour de Versailles et son représentant en

Дальонъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ ноябрѣ 1744 года и немедленно вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Графы Бестужевъ и Воронцовъ выразили ему ихъ удовольствіе по случаю возвращенія его въ Россію, и сама Императрица, удостовѣрившись на аудіенціи, что французскій полномочный министръ даетъ ей титулъ Императорскаго Величества, видимо обрадовалась и пожаловала ему орденъ Св. Андрея, вмѣстѣ съ цѣннымъ подаркомъ.

Дальонъ оставался при русскомъ дворѣ до конца 1747 года, хотя въ 1744 году, вслѣдъ за его прибытіемъ въ С.-Петербургъ, королю Людовику XV пришла мысль назначить графа Сенъ-Северена, со званіемъ чрезвычайнаго посла, къ императорскому двору; но графъ отклонилъ, по нездоровью, это почетное назначеніе и Дальонъ пробылъ три года представителемъ Франціи въ Россіи.

Однако, было бы ошибочно думать, что Дальону удалось дѣйствительно сблизить обѣ державы. Въ силу полученныхъ имъ инструкцій, онъ долженъ былъ всѣми силами стараться о заключеніи союза между Россіей, Франціей, Пруссіей и Швеціей съ цѣлью дать отпоръ Австріи и Англіи. Въ то же время ему было вмѣнено въ обязанность устроить заключеніе торговаго трактата съ Россіей. Ни того, ни другого Дальону не удалось исполнить, несмотря на „подарокъ“ въ 50.000 рублей, который онъ обѣщалъ Бестужеву. Послѣдній отклонилъ этотъ подарокъ, замѣтивъ „довольно холодно“, что Государыня достаточно щедро награждаетъ его по заслугамъ. Когда же Дальонъ возвращался къ дѣлу о заключеніи союза, Канцлеръ постоянно давалъ одинъ отвѣтъ: пока не кончено дѣло о захватѣ русскаго судна французскими корсарами, нечего говорить о союзномъ трактатѣ. Дальонъ отлично понималъ, что это мизерное дѣло служитъ Бестужеву только для отвода разговоровъ о союзѣ.

Когда этотъ предлогъ оказался уже слишкомъ избитымъ, Канцлеръ сталъ доказывать французскому посланнику, что обстоятельства измѣнились и что лучше всего начать переговоры о торговомъ трактатѣ. Политическій же союзъ можетъ быть заключенъ послѣ окончанія войны. При этомъ Бестужевъ многозначительно прибавлялъ: „Не дѣлайте намъ зла, и мы вамъ его не сдѣлаемъ“. Тогда Версальскій дворъ и его представитель въ Россіи пришли къ тому убѣжденію, что нужно доби-

Russie se persuadèrent qu'il fallait se borner à obtenir la neutralité de la Russie dans les conflits de l'Europe Occidentale.

On comprend que la cour de Versailles devait être peu satisfaite de la politique du comte Bestoujew-Rumine, et surtout de la stérilité des résultats, obtenus par Dalion. Le marquis d'Argenson, nouvellement nommé au poste de ministre des affaires étrangères, le lui reprochait avec amertume dans une lettre du 13 décembre 1744. Le roi envoya à l'Impératrice un magnifique bureau dont elle fut très satisfaite et qu'elle fit placer dans sa chambre à coucher. Le roi reconnut son titre d'Impératrice. Dalion dépensa de fortes sommes en cadeaux et flattait de toute manière l'Impératrice et le Vice-Chancelier. En attendant, les rapports entre la Russie et la France, loin de s'améliorer s'altéraient visiblement. Comme l'assurait d'Argenson, Dalion n'avait pas trouvé le moyen d'entretenir des relations directes avec l'Impératrice, et Bestoujew continuait à observer une attitude manifestement hostile à la France*).

Bien plus, le marquis d'Argenson reprochait à Dalion la même imprudence qui valut au marquis de la Chétardie son renvoi de Russie. En effet, Dalion parlait avec peu de réserve de l'Impératrice et des ministres russes, sachant parfaitement que ses rapports devaient passer par „le cabinet noir“. Ainsi écrivait-il au prince de Conti, en décembre 1745, que „l'Impératrice toujours belle, infiniment affable, réunissant toutes les grâces imaginables avec un air de grandeur et de majesté peu commune“, ferait le bonheur de ses peuples, „si elle se livrait moins à la dissipation et si elle savait concilier ses goûts pour les plaisirs avec les devoirs de la souveraineté“. Elle est „d'une fierté extraordinaire“, méfiante et ingrate — la France a été dans le cas d'en faire l'expérience**).

Il est certain que le ministre plénipotentiaire de France ne pouvait s'empêcher de donner libre cours à son mécontentement et à ses déceptions intérieures en présence de ce triomphe

*) Recueil de la Société Imp. hist. russe, t. CV, №№ 243, 245, 246, 250, 252, 253, 255, 259, 265, 273, 281, 283, 297, 301, 325, 329 et autres. Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, page 198 et suiv.

**) Recueil de la Société Imp. hist. russe, t. CV, № 340, pag. 620.

ваться только нейтралитета Россіи въ западно-европейскихъ распряхъ.

Совершенно естественно было неудовольствіе Версальскаго двора не только относительно политики гр. Бестужева-Рюмина, но въ особенности на безуспѣшность стараній Дальона. Новый Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, маркизъ д'Аржансонъ, въ письмѣ отъ 13-го декабря 1744 года, дѣлаетъ Дальону весьма жестокіе упреки. Король послалъ Императрицѣ въ подарокъ прелестное бюро, которымъ она осталась очень довольна и приказала поставить его въ свою спальню. Король призналъ за нею императорскій титулъ. Дальонъ истратилъ большія суммы на подарки и льстилъ Императрицѣ и Вице-Канцлеру всѣми способами и при всѣхъ случаяхъ. Между тѣмъ — отношенія между Россіей и Франціей нисколько не улучшаются, но напротивъ, видимо ухудшаются. Дальонъ, по словамъ д'Аржансона, не нашелъ никакихъ путей для непосредственныхъ сношеній съ Императрицею, и Бестужевъ продолжаетъ относиться явно враждебнымъ образомъ къ Франціи*).

Этого мало, маркизъ д'Аржансонъ основательно обвинялъ Дальона въ той же неосторожности и легкомысліи, которыя стоили маркизу Шетарди высылки изъ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, Дальонъ также весьма неосторожно отзывался объ Императрицѣ и русскихъ министрахъ, хотя отлично зналъ, что его донесенія пройдутъ черезъ „черный кабинетъ“. Такъ, онъ писалъ, въ декабрѣ 1745 года, принцу Конти, что „Императрица всегда прекрасна, чрезвычайно любезна, соединяетъ всевозможныя качества съ рѣдкимъ чувствомъ сановитости и величія“. „Она составила бы благополучіе своихъ народовъ, еслибъ не была слишкомъ предана забавамъ и умѣла бы соблюдать обязанности свои, какъ Государыня“. Она „чрезвычайно горда“, подозрительна и неблагодарна — что въ частности испытала на себѣ Франція **).

Нѣтъ сомнѣнія, что французскій полномочный министръ не могъ удержаться, чтобъ не показывать своего разочарованія и глубокаго неудовольствія по поводу полнаго торже-

*) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. CV, №№ 243, 245, 246, 250, 252, 253, 255, 259, 265, 273, 281, 283, 297, 301, 325, 329, и др. — Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 198 et suiv.

**) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. CV, № 340, стр. 620.

absolu de la politique antifrançaise du comte Bestoujew-Rumine et de l'ascendant qu'il exerçait dans toutes les sphères du gouvernement.

Plus ce dépit du représentant de la France était manifeste, moins il était en mesure de contribuer à l'amélioration des rapports entre les deux pays; même les partisans d'un rapprochement franco-russe crurent devoir s'en détourner. Après son voyage en Europe, le Vice-Chancelier comte Worontzow était de ce nombre, mais il redoutait sérieusement de s'engager dans des rapports plus intimes avec le représentant de la France, ayant en vue l'incident de la Chétardie.

Du commencement de l'année 1746 les relations entre la Russie et la France accusèrent un tel caractère d'hostilité qu'une rupture semblait imminente. En mai 1746, un traité d'alliance fut conclu entre la Russie et l'Autriche, cet ennemi séculaire de la France *). En vertu de ce traité une armée russe de 30.000 hommes sous le commandement du prince Repnine fut envoyée en Allemagne, sur le Rhin où elle s'est trouvée en face des troupes françaises.

D'autre part la cour de Versailles intriguait ouvertement contre la Russie à Constantinople, à Varsovie et à Stockholm, s'appliquant à conclure une quadruple alliance contre elle. Louis XV ne faisiat pas mystère de ses antipathies à l'égard de la Russie, de l'Impératrice et de la politique russe **).

Dans ces conditions la rupture entre les deux puissances eut lieu sans la moindre secousse, comme un résultat naturel des faits antérieurs. A la fin de 1747, Dalion fut rappelé par son gouvernement et avant son départ de St.-Pétersbourg, il remit les affaires de la légation à Mr. Saint-Sauveur, consul de France. Comme la cour de Versailles s'est abstenue de nommer un représentant français à la Cour Impériale, Mr. Gross, chargé d'affaires de Russie à Paris, reçut l'ordre de quitter son poste et de se rendre à Berlin. Cela s'est passé en 1748.

Son rappel fut principalement provoqué par ses rapports, dans lesquels il parlait des remontrances continuelles, auxquelles il était en butte de la part des ministres français. Ainsi, à l'occasion de l'envoi du corps expéditionnaire russe

*) Voir mon Recueil des traités t. I, № 17.

**) Vandal, loc. cit., p. 228 et suiv.

ства антифранцузской политики графа Бестужева-Рюмина и явнаго его первенства во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ.

Чѣмъ очевиднѣе становилась досада представителя Франціи, тѣмъ меньше былъ онъ въ состояніи вызвать улучшеніе взаимныхъ отношеній его отечества съ Россіей и тѣмъ больше стали его чуждаться даже защитники франко-русскаго сближенія. Вице-Канцлеръ гр. Воронцовъ, послѣ возвращенія изъ своей поѣздки по Европѣ, былъ сторонникомъ такого сближенія, но онъ серьезно боялся вступить съ представителемъ Франціи въ болѣе интимныя сношенія, имѣя въ виду исторію Шетарди.

Съ начала 1746 года взаимныя отношенія между Россіею и Франціею приняли настолько недружелюбный характеръ, что разрывъ между ними казался совершенно неизбѣжнымъ. Въ маѣ 1746 года былъ заключенъ союзный трактатъ между Россіею и Австріей — вѣковымъ врагомъ Франціи *). Въ силу этого трактата русская армія, въ 30.000 человѣкъ, была отправлена, подъ начальствомъ князя Репнина, въ Германію, на Рейнъ, гдѣ она стала противъ французскихъ войскъ.

Съ другой стороны, Версальскій дворъ открыто интриговалъ противъ Россіи въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ, стараясь устроить четверной союзъ противъ Россіи. Людовикъ XV совершенно не скрывалъ своихъ антипатій къ Россіи, къ ея Государынѣ и къ русской политикѣ **).

При такомъ положеніи вещей разрывъ между обѣими державами явился безъ всякихъ потрясеній, какъ совершенно естественное послѣдствіе обстоятельствъ. Въ концѣ 1747 года Далионъ былъ отозванъ своимъ правительствомъ и, передъ выѣздомъ изъ С.-Петербурга, передалъ дѣла французской миссіи консулу Сенъ-Соверу. И такъ какъ Версальскій дворъ никого не назначилъ на постъ представителя Франціи при Императорскомъ дворѣ, то русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ, Гроссу, было повелѣно оставить свой постъ и выѣхать въ Берлинъ. Это случилось въ 1748 году.

Ближайшимъ поводомъ къ отозванію Гросса были его донесенія, въ которыхъ онъ сообщалъ о постоянныхъ выходкахъ противъ Россіи со стороны французскихъ министровъ. Такъ, маркизъ Пюизіе, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ,

*) Срав. мое „Собр. трактатовъ", т. I, № 17.

**) Vandal, loc. cit., p. 228 et suiv.

sur le Rhin, au secours des Puissances maritimes, le marquis de Puysieulx, ministre des affaires étrangères, dit à Gross: „qu'il n'était pas convenable à un grand Etat, comme la Russie, de donner ses soldats à d'autres pour de l'argent. Il eut été plus digne de déclarer franchement la guerre à la France".

Mr. Gross reçut l'ordre du Chancelier de répondre à cela que „ce secours à nos alliés ne pouvait être interprété comme un outrage vis-à-vis de qui que ce fût, et que d'ailleurs nous n'avons de compte à rendre à personne".

Enfin, lorsqu'en décembre 1748 Mr. Gross fut rappelé, cet ordre suprême fut motivé de la manière suivante: „Nous avons vu par plusieurs de vos relations que le marquis de Puysieulx considère le rappel de Dalion comme étant, à certains égards, un acte de repressailles contre l'envoi que nous avons fait de 30.000 hommes aux Puissances maritimes. En outre, il a fait entendre que le roi son maître n'est pas disposé à nous envoyer personne, en remplacement de Dalion. Enfin, à l'occasion du susdit envoi de nos troupes, il vous a tenu des discours désagréables et préjudiciables à notre dignité".

„Comme la malveillance invétérée du gouvernement français envers notre Empire nous est assez connue, comme les menées et excitations, préparées de longue main dans diverses cours et même auprès de la Porte Ottomane, paraissent à cause de l'influence que des guerres injustes et impies ont acquis à la France dans le monde, obtenir un certain succès, nous n'avons pas trouvé de meilleur moyen pour affaiblir cette funeste influence, que d'aider indirectement, mais efficacement contre cet Etat nos fidéles et naturels alliés, afin par ce moyen de rétablir la paix désirée en Europe".

„Ainsi", poursuit le rescrit Impérial à Gross du 9 décembre 1748, „comme la Cour de France ne semble pas disposée à oublier les obstacles, que nous avons posés au progrés de ses armes par l'envoi de nos troupes et pour ne pas faire croire dans le monde que cette Cour nous est si nécessaire que nous faisons bon marché de notre dignité Impériale, en y maintenant un représentant bien qu'il n'y ait pas de ministre de France à notre Cour. Comme le roi envoie bien de nouveaux ambassadeurs aux autres Cours, mais qu'on n'a même pas l'air de penser

сказалъ Гроссу, по поводу отправленія русской арміи на Рейнъ, на помощь морскимъ державамъ: „Такой великой державѣ, какъ Россія, неприлично свое войско за деньги отдавать другимъ державамъ; приличнѣе было бы ей прямо объявить войну Франціи".

Гроссу было приказано Канцлеромъ отвѣчать на такія рѣчи, что „сія нашимъ союзникамъ чинимая помощь никому въ обиду причтена быть не можетъ, да и мы въ томъ никому же отчета давать не обязаны".

Наконецъ, когда въ декабрѣ 1748 года Гроссъ былъ отозванъ, то это Высочайшее повелѣніе было мотивировано слѣдующими соображеніями: „Мы изъ разныхъ реляцій вашихъ усмотрѣли, что маркизъ Пюизіе въ нѣкоторый реванжъ за отправленныя нами къ обѣимъ морскимъ державамъ 30.000 человѣкъ войска отзывъ отъ нашего Двора французскаго министра Дальона почиталъ, сказывая при томъ, что король, его Государь, и совсѣмъ не намѣренъ кого-либо другого па мѣсто его къ намъ прислать. Сверхъ же того, по поводу помянутаго перепущенія нашихъ войскъ, весьма непріятные и всевысочайшему нашему достоинству предосудительные разговоры вамъ держаны".

„И яко намъ вкорененное французскому Двору къ нашей Императрицѣ недоброжелательство и произведенныя издревле при разныхъ Дворахъ, да при самой Оттоманской Портѣ, намъ предосудительные происки и возмущенія, которые, по пріобрѣтенной Франціею несправедливыми и богомерзкими войнами въ свѣтѣ знатности, отъ большей части и успѣхъ получаютъ, довольно извѣстны; мы же для обезсиленія такой знатной инфлюенціи лучшихъ способовъ не изобрѣли, какъ вѣрнымъ и натуральнымъ нашимъ союзникамъ постороннимъ образомъ противъ оной державы сильно вспомогать, чрезъ который способъ наконецъ и пожеланный миръ въ Европѣ возстановленъ".

„Тако мы", продолжаетъ Высочайшій рескриптъ Гроссу отъ 9-го декабря 1748 года, „какъ въ разсужденіе того, что французскій Дворъ причиненнаго посылкою нашихъ войскъ препятствія прогрессомъ оружія онаго намъ не скоро позабыть можетъ, такъ и для неподанія о насъ въ свѣтѣ мнѣнія, яко бы сія корона столько намъ надобна, что мы и собственную всевысочайшую нашу честь изъ глазъ выпущаемъ, оставляя васъ тамо, невзирая на то, что при нашемъ Дворѣ французскаго министра не находится, и что хотя, почитай, ко

à nous, nous avons jugé bon de vous ordonner de quitter votre poste avec toutes les affaires de chancellerie qui en relèvent et, dans le plus bref délai possible, de vous retirer à La Haye, en donnant pour prétexte, que vous avez obtenu de nous un congé pour arranger certaines affaires domestiques dans votre pays".

всѣмъ другимъ новые послы и министры назначиваются, а о насъ не помышляется, — за весьма нужно изобрѣли вамъ повелѣть, чтобъ вы оттуда со всѣми у васъ находящимися канцелярскими дѣлами, какъ скоро токмо собраться можете, въ Гагу подъ такимъ претекстомъ выѣхали, что вы, по прошенію вашему о распоряженіи нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлъ въ отечествѣ вашемъ всевысочайшее отъ насъ позволеніе получили".

Ainsi fut consommée la rupture des relations diplomatiques entre la Russie et la France. Cet état de choses dura pendant plusieurs années jusqu'à ce qu'un changement de circonstances, en faisant surgir de nouvelles combinaisons politiques, ne réussit à amener un rapprochement durable entre ces deux grandes Puissances.

Ce changement dans la situation politique de l'Europe s'accomplit en 1756, lorsque le fameux traité d'alliance de Versailles vint mettre fin à l'inimitié seculaire entre la France et l'Autriche. En vertu de ce pacte, les deux Puissances avaient reconnu comme leur ennemi juré commun — la Prusse et Frédéric le Grand. Les amis de la Prusse devaient naturellement de ce moment être considérés comme les ennemis de la France et de l'Autriche, et par contre les ennemis de la Prusse — comme les amis des deux Puissances alliées.

Ainsi l'Angleterre, qui avait contracté une alliance avec la Prusse, devait par la force des choses passer dans le camp ennemi de l'Autriche et perdre les avantages du traité d'alliance, conclu avec la Russie en 1755. D'autre part, la Russie ayant connaissance de la perfidie de l'Angleterre, alla naturellement au devant de la France, qui s'était reconciliée avec l'Autriche, son alliée *).

Il est hors de doute, que le mérite d'un rétablissement des relations diplomatiques régulières entre les cours de St.-Pétersbourg et de Versailles appartient au gouvernement français, et que l'initiative doit en être attribué personnellement au roi Louis XV. On sait que le roi se plaisait à „mystifier" ses ministres des affaires étrangères, en expédiant auprès des cours étrangères ses propres agents, munis d'instructions secrètes; elles étaient rédigées au nom du roi par le prince de Conti, qui exerçait secrétement les fonctions d'un ministre des affaires étrangères. Le secrétaire d'Etat, officiellement

Такимъ образомъ прекратились на нѣсколько лѣтъ правильныя дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей. Только полная перемѣна обстоятельствъ и зарожденіе совершенно новыхъ политическихъ комбинацій могли привести къ новому и прочному соединенію обѣихъ великихъ державъ.

Такая перемѣна политическаго положенія Европы совершилась въ 1756 году, когда вѣковой враждѣ между Франціей и Австріей былъ положенъ конецъ знаменитымъ Версальскимъ союзнымъ трактатомъ 1756 года. Вслѣдствіе этого трактата обѣ державы признали общимъ заклятымъ врагомъ—Пруссію и короля Фридриха В. Естественнымъ образомъ друзья Пруссіи должны были отнынѣ считаться врагами Франціи и Австріи и, на оборотъ, враги Пруссіи—друзьями обѣихъ союзныхъ державъ.

Такимъ образомъ Англія, вступившая въ союзъ съ Пруссіей, должна была, силою обстоятельствъ, сдѣлаться врагомъ Австріи и потерять всѣ выгоды заключеннаго ею съ Россіею въ 1755 году союзнаго трактата. Съ другой стороны, Россія, узнавъ о вѣроломствѣ Англіи, естественно пошла навстрѣчу Франціи, которая помирилась и сблизилась съ ея союзницею—Австріей *).

Но нѣтъ сомнѣнія, что вся заслуга дѣйствительнаго возобновленія правильныхъ дипломатическихъ сношеній между С.-Петербургскимъ и Версальскимъ дворами принадлежитъ французскому правительству и, въ особенности, личному почину короля Людовика XV. Извѣстно, что король французскій любилъ „дурачить" своихъ Министровъ Иностранныхъ Дѣлъ посредствомъ отправленія къ иностраннымъ дворамъ своихъ секретныхъ агентовъ, дѣйствовавшихъ на основаніи секретнѣйшихъ инструкцій, сочиненныхъ именемъ короля принцемъ Конти, исполнявшимъ должность тайнаго Ми-

*) Voir mon Recueil de traités, t. I, № 20; t. X, № 391—393 et suiv.

*) Срав. мое „Собр. тракт.", т. I. № 20. т. X, № 391—393 и слѣд.

préposé à cette branche du service, n'avait aucune connaissance de ces diplomates secrets, ni de leurs instructions qui constituaient „le secret du roi“ *).

Dailleurs, il est à remarquer que si le roi de France n'avait pas une confiance absolue dans les ministres qui dirigeaient sa politique extérieure, l'Impératrice de Russie se défiait également de son Chancelier et de sa politique anglophile. L'Impératrice Elisabeth n'a jamais été très bien disposée pour le comte Bestoujew-Rumine, mais elle était impuissante à resister à son influence personnelle et à sa volonté inflexible. Elle avait bien plus de sympathies pour le Vice-Chancelier, comte Woronzow, qui partageait ses sentiments d'attachement pour la France et n'approuvait pas l'engouement du Chancelier pour l'Angleterre. Ainsi à Versailles. aussi bien qu'à St.-Pétersbourg, derrière le dos des ministres, qui dirigeaient officiellement la politique extérieure, s'est nouie une intrigue qui a amené au rétablissement des relations diplomatiques régulières entre la Russie et la France, suspendues en 1748 par le départ de Gross de Paris et du consul Saint-Sauveur — de St.-Pétersbourg.

En 1754 (ou 1755) arriva en Russie Mr. de Valcroissant, chevalier français. Le comte Bestoujew-Rumine reconnut en lui immédiatement un émissaire français et le fit enfermer à la forteresse de Schlusselbourg. Le comte Woronzow et le comte Jean Schouvalow, ces deux partisans d'un rapprochement avec la France, ne jugèrent pas le moment opportun de prendre son parti. Ils énoncèrent l'avis qu'à son interrogatoire à la Chancellerie secrète, „il a dit bien des choses peu vraisemblables et qu'il s'est écarté de la vérité“. Valcroissant déclara que toute sa commission ne consistait qu'à s'enquérir lequel des ministres était le plus en faveur auprès de l'Impératrice et lequel était le mieux disposé pour la France. Quant à ses lettres, il les a brûlé.

A la suite de cette déclaration de Valcroissant, le comte Woronzow et le comte J. Schouvalow firent observer que „si sa commission se reduisait en effet à ce qu'il avait déclaré, il n'y aurait eu aucune nécessité pour lui de brûler

*) Voir Broglie. Le secret du Roi etc. — Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie. p. 233 et suiv.

нистра Иностранныхъ Дѣлъ. Настоящій французскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ понятія не имѣлъ объ этихъ секретныхъ французскихъ дипломатахъ и инструкціяхъ, составлявшихъ „секретъ короля“ *).

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что если французскій король не питалъ особеннаго довѣрія къ своимъ министрамъ, управлявшимъ внѣшнею политикою Франціи, то русская Императрица также не довѣряла своему Государственному Канцлеру и его англофильской политикѣ. Императрица Елизавета никогда не любила гр. Бестужева-Рюмина, но не въ состояніи была противостоять его личному вліянію и непреклонной волѣ. Гораздо большимъ расположеніемъ Императрицы пользовался Вице-Канцлеръ гр. Воронцовъ, который раздѣлялъ чувства привязанности своей Государыни къ Франціи и не одобрялъ преданности Канцлера къ Англіи. Такимъ образомъ, какъ въ Версалѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ завязалась, за спиною оффиціальныхъ руководителей внѣшнею политикою, интрига, приведшая къ возобновленію правильныхъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей, прекратившихся послѣ отъѣзда, въ 1748 году, Гросса изъ Парижа и консула Сенъ-Совера изъ С.-Петербурга.

Въ 1754 (или 1755) году прибылъ въ Россію французскій кавалеръ Валькруассанъ. Графъ Бестужевъ-Рюминъ немедленно узналъ въ немъ французскаго эмиссара, приказалъ его арестовать и заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость. Оба сторонника сближенія съ Франціей, графъ Воронцовъ и Ив. Ив. Шуваловъ, еще не считали своевременнымъ открыто взять сторону этого французскаго эмиссара. Они подали мнѣніе, что Валькруассанъ, на допросѣ въ Тайной Канцеляріи, „во многомъ несогласно съ вѣроятностью говорилъ и удалялся отъ истины“. Валькруассанъ объявилъ, что его коммиссія состояла только въ томъ, чтобъ развѣдать, кто наиболѣе въ милости у Императрицы и кто больше склоненъ къ французской сторонѣ. Письма же свои онъ сжегъ.

На это объявленіе Валькруассана графъ Воронцовъ и Ив. Ив. Шуваловъ замѣтили, что „когда коммиссія его состояла въ томъ только, что онъ самъ объявилъ, то ни малѣйшей не имѣлъ причины письма свои жечь, а еще и

*) Срав. Broglie. Le secret du Roi etc. — Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 233 et suiv.

ses lettres et encore moins de rechercher à établir des correspondants à Riga et à Reval, où il ne pouvait guère puiser les renseignements, exigés par sa commission. Sommé de dire la vérité, il persista dans ses anciennes affirmations et demanda, si on avait le moindre doute à son sujet, de lui permettre d'envoyer par des courriers des lettres au ministère de France, qu'il écrirait avec l'approbation du comte Woronzow et du comte Schouvalow; et si on le désire, il pourrait y mentionner que la cour de Russie, informée par lui des bonnes intentions du roi et vouant à l'oubli le passé (comme il y a des preuves que la France n'a pas approuvé la conduite de ses ministres ici), désire faire cesser la mésintelligence entre les deux cours. La cour de France en recevant ces encouragements s'empressera d'envoyer ici un ministre".

того меньше въ Ригѣ и Ревелѣ пріискивать корреспондентовъ, гдѣ онъ извѣстій такихъ, каковыхъ его коммиссія требовала, получить не могъ. Когда его окончательно увѣщевали сказать правду, то онъ утверждалъ во всемъ прежнее, прося только, что если еще хотя малое сомнѣніе остается, чтобъ позволено ему было отправить курьера съ письмами къ французскому министерству, которыя онъ напишетъ съ апробаціи графовъ Воронцова и Шувалова, и, ежели угодно, въ нихъ внесетъ, что здѣшній дворъ, будучи чрезъ него увѣдомленъ о добрыхъ намѣреніяхъ его короля къ Россіи и предавая забвенію прошедшее (понеже доказательство есть, что Франція поступки бывшихъ своихъ здѣсь министровъ не апробовала), желаетъ прекратить между обоими Дворами несогласія. И ежели французскій Дворъ получитъ отъ здѣшняго такія обнадеживанія, то оный пришлетъ сюда министра".

Mais le comte Woronzow et le comte Schouvalow ne jugèrent pas prudent d'ajouter foi aux assurances de Valcroissant, en vue des dispositions hostiles du tout-puissant Chancelier à son égard. Ils pouvaient encore moins prendre sa défense, en présence du fait qu'il s'est référé à eux comme à des partisans d'une reconciliation avec la France. Aussi le Vice-Chancelier et le comte Schouvalow résumèrent ils leur avis à son sujet dans ces mots: „Ce Français est simplement un espion que n'est pas sans danger, parcequ'il entretenait une correspondance suspecte sous des noms d'emprunt et qu'il cherchait à établir des correspondants; pour ces causes on ne doit pas le laisser partir, il faut le garder en lieu sûr, en lui assurant des vivres, mais sans lui donner des espérances de liberté".

Но ни графъ Воронцовъ, ни Ив. Ив. Шуваловъ не считали благоразумнымъ вѣрить Валькруассану, зная, какъ враждебно къ нему относится всесильный Канцлеръ. Еще менѣе могли они за него заступиться въ виду прямой его ссылки именно на нихъ обоихъ, какъ сторонниковъ примиренія съ Франціей. Поэтому Вице-Канцлеръ и Шуваловъ заключили свое мнѣніе въ словахъ: „Сей французъ прямой и не безопасный шпіонъ, потому что онъ самую подозрительную корреспонденцію подъ ложными именами производилъ и въ главныхъ приморскихъ городахъ пріискивалъ себѣ корреспондентовъ: того ради отнюдь его отсюда выпустить нельзя, а надлежитъ содержать въ крѣпкомъ мѣстѣ, однакожъ съ опредѣленіемъ пропитанія безъ надежды".

Cette mission de Valcroissant, envoyé probablement par le ministre des affaires étrangères Rouillé, se termina par un échec. Enfermé pendant quelque temps dans une forteresse, il fut élargi à la demande du gouvernement français.

Эта миссія Валькруассана, отправленнаго по всей вѣроятности французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Рулье, окончилась неудачно. Шевалье Валькруассанъ сидѣлъ въ крѣпости нѣкоторое время и потомъ былъ освобожденъ по просьбѣ французскаго правительства.

La mission secrète de Mackenzie Douglas, écossais envoyé en Russie en 1755, eut bien plus de succès; c'était un agent de la diplomatie secrète du roi de France qui supposait avec raison que cet Eccossais inspirerait bien moins de crainte aux supçons du Chancelier qu'un Français quelconque.

Гораздо удачнѣе была тайная миссія шотландца Мэкензи Дугласа, отправленнаго въ 1755 г. въ Россію, въ качествѣ агента секретной дипломатіи французскаго короля, который совершенно основательно полагалъ, что этотъ шотландецъ гораздо меньше вызоветъ подозрительность Канцлера, нежели какой-нибудь французъ.

Douglas reçut ses instructions du prince de Conti, signées le 1 juin 1755. Il y était dit, que l'Impératrice conservait des sentiments d'amitié

Дугласъ получилъ свою инструкцію отъ принца Конти, подписанную 1-го іюня 1755 года. Въ ней было сказано, что сама русская

pour la France, mais que le gouvernement s'en tenait encore toujours à une politique hostile à son égard. Douglas devait se rendre en Russie „comme un gentilhomme qui voyage uniquement pour sa santé et pour son amusement". Il devait voyager avec un passeport ordinaire et éviter tout ce qui pourrait faire supposer qu'il entretenait des relations avec le gouvernement français ou ses agents diplomatiques à l'étranger.

Императрица сохранила свои дружескія чувства къ Франціи, но что ея правительство придерживается враждебной въ отношеніи Франціи политики. Дугласъ долженъ былъ ѣхать какъ „дворянинъ, путешествующій исключительно для своего здоровья и удовольствія". Онъ будетъ путешествовать съ простымъ паспортомъ и не долженъ вызывать ни малѣйшаго подозрѣнія въ томъ, что онъ состоитъ въ какихъ-либо сношеніяхъ съ французскимъ правительствомъ или его дипломатическими агентами за границею.

Douglas devait témoigner partout de l'intérêt pour la minéralogie et l'art des mines et faire croire qu'il étudiait ces questions en Allemagne, en Bohème, en Pologne et en Russie. Arrivé à St.-Pétersbourg, par la voie de la Courlande et de la Livonie, il devait se présenter au ministre d'Angleterre Williams, en qualité de sujet anglais, bien qu'il fut jacobite, c. à. d. partisan des Stuarts.

Дугласъ долженъ былъ повсюду проявлять любознательность къ минералогіи, горному искусству и дѣлать видъ, что онъ изучаетъ горное дѣло въ Германіи, Богеміи, Польшѣ и Россіи. По прибытіи, черезъ Курляндію и Лифляндію, въ С.-Петербургъ, онъ долженъ былъ представиться англійскому посланнику Ульямсу, въ качествѣ англійскаго подданнаго, хотя Дугласъ и былъ якобитомъ, т. е. приверженцемъ династіи Стюартовъ

La mission de Douglas avait principalement pour objet de recueillir des renseignements sur différentes questions telles que le corps auxiliaire, envoyé au secours de l'Angleterre, l'état en général de l'armée russe, l'état du commerce, de l'industrie et des finances de l'Empire, l'influence du Chancelier, du comte Woronzow et des favoris de l'Impératrice. Il devait en outre s'enquérir de ce qu'on pensait à Pétersbourg de la fidelité des nations conquises par la Russie, des sentiments de l'Impératrice à l'égard de la France et de son désir de rétablir les relations régulières avec la cour de Versailles, des sentiments qu'elle avait pour les cours de Londres et de Vienne etc.

Затѣмъ цѣль миссіи Дугласа была опредѣлена въ разрѣшеніи слѣдующихъ главнѣйшихъ задачъ: въ собираніи свѣдѣній относительно отправленія, на помощь Англіи, русской вспомогательной арміи, состоянія вообще русской арміи и войска, состоянія торговли. промышленности и финансовъ Россійской Имперіи, вліянія Канцлера, графа Воронцова, и фаворитовъ Императрицы. Далѣе, онъ долженъ былъ выяснить, что думаютъ въ С.-Петербургѣ о вѣрности покоренныхъ Россіею народовъ, о чувствахъ Императрицы въ отношеніи Франціи и объ ея желаніи возобновить нормальныя сношенія съ Версальскимъ дворомъ; объ ея чувствахъ въ отношеніи Лондонскаго и Вѣнскаго дворовъ и т. д.

Douglas devait prendre note de tout cela, et le résumer dans un mémoire qu'il devait adresser au prince de Conti, seulement après avoir franchi la frontière de Russie ou bien par l'entremise de la légation de Suède. Douglas devait en outre user dans ce rapport d'un langage conventionnel: ainsi, par exemple, si Williams avait du succès à la cour de Russe il écrirait: „le renard bleu est en hausse", si le crédit de Bestoujew tombait, il écrirait: „la zibeline est en baisse".

О всѣхъ этихъ вещахъ Дугласу было вмѣнено въ обязанность записывать и потомъ составить записку, которую онъ долженъ былъ послать принцу Конти только послѣ выѣзда изъ предѣловъ Россіи, на обратномъ пути, или же черезъ шведское посольство. Затѣмъ, въ своемъ отчетѣ Дугласъ долженъ былъ употреблять иносказательныя выраженія, напримѣръ, если Ульямсъ имѣетъ при русскомъ Дворѣ успѣхъ, то писать: „черная лисица дорожаетъ", если кредитъ Бестужева ослабѣваетъ, то писать: „собольи мѣха падаютъ въ цѣнѣ".

Douglas arriva à St.-Pétersbourg le 4 octobre 1755. Il s'adressa immédiatement au ministre d'Angleterre avec la prière de lui faire obtenir une audience chez l'Impératrice. Mr. Williams

Дугласъ прибылъ въ С.-Петербургъ 4-го октября 1755 года. Онъ немедленно обратился къ англійскому посланнику и просилъ его исходатайствовать для него аудіенцію у Императрицы

refusa d'y donner suite et parle de lui en ces termes dans un rapport, adressé à son gouvernement le 7 octobre 1755: „Un certain Mr. Douglas vient d'arriver ici de Paris. Comme le ministre d'Autriche qui semblait se défier de lui, lui demandait ce qu'il se proposait de faire en Russie, il répondit: je suis arrivé sur le conseil des médecins, pour jouir des bienfaits de ce climat glacial“ *(sic!!)*.

N'ayant pas obtenu d'audience chez l'Impératrice par l'entremise du ministre d'Angleterre, Douglas s'adressa à Michel de Rouen, commerçant français, établi à St.-Pétersbourg et bien connu dans la hauté société, surtout parmi les dames à cause de son commerce de „galanteries“. Rouen se rendait souvent en France pour y faire provision de marchandises et ne se faisait pas faute de renseigner son gouvernement sur ce qui se passait à la cour de St.-Pétersbourg.

C'est par son entremise que Douglas fit la connaissance du Vice-Chancelier avec lequel il eut plusieurs entrevues. Connaissant le caractère soupçonneux du Chancelier, le comte Woronzow ne voulut pas prendre sur lui de la présenter à l'Impératrice, mais il ne laissa pas ignorer à celle-ci l'arriviée de cet agent secret du roi de France. L'Impératrice chargea Woronzow de dire à Douglas qu'elle consentait à se réconcilier avec le roi de France, si cette réconciliation était complète et si elle amenait à une alliance entre la Russie et la France *).

Douglas ne jugea pas raisonnable de prolonger son séjour à St.-Pétersbourg et après y être resté 16 jours, il revint à Paris le 29 décembre 1755.

Le roi de France, aussi bien que son agent secret, devaient être satisfaits des résultats de cette mission secrète. Il a été constaté que l'Impératrice désirait le rétablissement des anciennes relations d'amitié, et même la conclusion d'un traité d'alliance. On s'est convaincu qu'on pouvait compter avec sûreté sur le Vice-Chancelier, dont les sentiments personnels s'accordaient entièrement avec ceux de l'Impératrice dans cette affaire.

Au commencement de l'année 1756, l'horizon politique s'éclaircit à St.-Pétersbourg au point

*) Rambaud. Recueil des Instructions, t. II, p. 4 et suiv.

трицы. Но Уильямсъ наотрѣзъ ему отказалъ. Самъ англійскій посланникъ, въ депешѣ отъ 7-го октября 1755 года, доноситъ своему правительству слѣдующее: „Когда пріѣхалъ сюда какой-то господинъ Дугласъ изъ Парижа, то, одержимый подозрительностью, австрійскій посланникъ спросилъ его: „Чего онъ хочетъ въ Россіи?“ И тотъ отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ по совѣту врачей, чтобъ пользоваться благодѣяніями холоднаго климата“. *(sic!!)*.

Не добившись аудіенціи у Императрицы черезъ англійскаго посланника, Дугласъ обратился за помощью къ французскому коммерсанту въ С.-Петербургѣ, Мишелю изъ Руана, который былъ очень извѣстенъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и въ особенности среди дамъ, благодаря своей торговлѣ галантерейными товарами. Мишель часто ѣздилъ за товаромъ во Францію и навѣрное сообщалъ французскому правительству болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія о положеніи дѣлъ при Петербургскомъ дворѣ.

Черезъ посредство Мишеля Дугласъ познакомился съ Вице-Канцлеромъ, съ которымъ онъ имѣлъ нѣсколько бесѣдъ. Графъ Воронцовъ, зная подозрительность Канцлера, не рисковалъ представить его Императрицѣ, но онъ доложилъ ей о прибытіи этого тайнаго агента французскаго короля. Императрица поручила Воронцову сказать Дугласу, что она соглашается примириться съ французскимъ королемъ, если только это примиреніе будетъ полное и приведетъ къ союзу между Россіей и Франціей *).

Дугласъ призналъ благоразумнымъ не продолжать своего пребыванія въ С.-Петербургѣ и потому, черезъ 16 дней, онъ уѣхалъ и 29-го декабря 1755 года вернулся благополучно въ Парижъ.

Какъ французскій король, такъ и его тайный агентъ должны были быть довольными результатомъ этой секретной миссіи. Было выяснено, что Императрица желаетъ возстановленія прежнихъ дружескихъ отношеній и даже заключенія союзнаго трактата. Сверхъ того оказалось, что на Вице-Канцлера вполнѣ можно положиться въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ его личныя чувства совершенно сходились съ чувствами самой Императрицы Елизаветы Петровны.

Въ началѣ 1756 года политическій горизонтъ разъяснился въ С.-Петербургѣ настолько, что

*) Rambaud. Recueil des Instructions, t. II, p. 4 et suiv.

que la France n'avait qu'un pas à faire pour rétablir les relations les plus intimes avec la Russie. Lorsque l'Impératrice Elisabeth eut gagné la conviction que le Chancelier de l'Empire s'est complètement trompé et que l'Angleterre a perfidement violé ses engagements à l'égard de la Russie, en contractant, en janvier 1756, une alliance avez la Prusse, une base solide à un accord avec la France fut toute trouvée. Le crédit et l'autorité du comte Bestoujew en furent fortement ébranlés, tandis que le tact politique et les capacités du comte Voronzow furent signalés avec éclat par ces événements.

Un grand conseil du gouvernement siégeant à la Cour Impériale le 14/25 mars 1756 confirma un revirement complet dans la politique extérieure de la Russie. Il fut statué entr'autres, à cette occasion, de recommander aux représentants de la Russie à l'étranger de témoigner plus de confiance aux agents diplomatiques français, et de chercher à obtenir la neutralité de la France pendant la guerre du continent.

En présence de ces faits, Louis XV résolut d'envoyer Douglas une seconde fois en Russie. Son secrétaire était le fameaux chevalier d'Eon de Beaumont.

Ses instructions du 27 janvier 1756 déterminent avec précision la mission, qu'il avait à remplir. Le roi Louis XV constate avec satisfaction que le succès de la première mission lui a fourni la preuve qu'il se trompait en pensant que la Russie était, par principe, l'ennemi de ses amis et l'ami de ses ennemis.

A son arrivée à St.-Pétersbourg, Douglas peut assurer le comte Woronzow des intentions les plus sincères du roi d'entretenir avec l'Impératrice les relations les plus intimes d'un allié. Le roi regrette que la conduite de la Chétardie et de Dalion ait pu causer du déplaisir à l'Impératrice, et il pense que des explications directes entre les Souverains eussent suffi pour prévenir un scandale et une rupture.

On recommande à Douglas d'expliquer au Vice-Chancelier, que le roi voudrait prévenir par tous les moyens l'envoi du corps auxiliaire de 55.000 hommes au secours de l'Angleterre. Il serait tout disposé de payer à la Russie les subsides que cette puissance s'est engagée à lui servir, et se ferait un devoir d'accorder une récompense au comte Woronzow et à d'autres

Франціи стоило сдѣлать только одинъ шагъ, чтобъ возстановить съ Россіею самыя близкія отношенія. Когда Императрица Елизавета убѣдилась, что ея Государственный Канцлеръ совершенно ошибся въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ и что Англія вѣроломнымъ образомъ нарушила свои обязательства въ отношеніи Россіи заключеніемъ въ январѣ 1756 года союза съ Пруссіею, соглашенію съ Франціей положена была твердая основа. Кредитъ и авторитетъ графа Бестужева-Рюмина были подорваны, между тѣмъ какъ политическій умъ и способности графа Воронцова блестящимъ образомъ были удостовѣрены событіями.

Полный переворотъ во внѣшней политикѣ Россіи былъ подтвержденъ въ засѣданіи конференціи при Высочайшемъ Дворѣ, отъ 14-го (25-го) марта 1756 года, въ которомъ, между прочимъ, было постановлено предписать представителямъ Россіи за границею относиться отнынѣ съ большимъ довѣріемъ къ французскимъ дипломатическимъ агентамъ и стараться о сохраненіи Франціей нейтралитета во время континентальной войны.

При такихъ обстоятельствахъ Людовикъ XV рѣшилъ вторично отправить въ Россію Дугласа. Его секретаремъ былъ знаменитый кавалеръ д'Еонъ де Бомонъ.

Въ инструкціи отъ 27-го января 1756 года опредѣляется точнымъ образомъ возложенное на Дугласа порученіе. Король Людовикъ XV съ удовольствіемъ констатируетъ, что удачный результатъ первой миссіи Дугласа совершенно его убѣдилъ въ ошибочности своего мнѣнія, будто Россія, по принципу, врагъ его друзей и другъ его враговъ.

Теперь Дугласъ, по прибытіи въ С.-Петербургъ, можетъ увѣрить графа Воронцова въ искреннемъ желаніи короля поддерживать съ Императрицею самыя близкія и союзныя отношенія. Король очень сожалѣетъ, что поведеніе маркиза Шетарди и Дальона вызвало гнѣвъ Императрицы, и онъ полагаетъ, что путемъ непосредственныхъ объясненій между Государями можно было бы предупредить случившіеся скандалъ и разрывъ.

Дугласу вмѣняется въ обязанность объяснить Вице-Канцлеру, что король французскій не можетъ не желать предупредить всѣми средствами посылку на помощь Англіи русской арміи въ 55.000 человѣкъ. Онъ охотно заплатитъ Россіи обѣщанныя ей Англіею субсидіи и наградитъ самого графа Воронцова и другихъ лицъ за ихъ стараніе оста-

personnes pour leurs efforts à empêcher l'entrée en campagne de cette armée.

Pour le rétablissement des rapports réguliers entre la Russie et la France, on pourrait commencer par la reprise des opérations commerciales et la nomination des consuls. Si toutefois l'Impératrice témoignait ouvertement le désir de nommer un ministre à la cour de Versailles, le roi s'empresserait d'y répondre immédiatement par la nomination d'un représentant choisi parmi les plus hautes charges de Cour *).

Muni de ces instructions, Douglas quitta Paris le 14 février et arriva à St.-Pétersbourg le 20 avril 1756. Il descendit chez Michel de Rouen qui dans l'entretemps, entre ces deux missions, avait continué à entretenir des relations avec le comte Woronzow.

Le lendemain de son arrivée, le soir, Douglas fut reçu par le Vice-Chancelier et lui remit une lettre de Rouillé, ministre des affaires étrangères en France. Par prudence, cette lettre était conçue dans un style allégorique et commençait en ces termes: „Ayant appris les propos bienveillants que Vous avez tenus sur mon compte à une personne que Vous avez chargée de Vous trouver un bibliothécaire et de Vous envoyer des echantillons de Bourgogne, je lui ai confié le soin de Vous en exprimer ma reconnaissance“. „Qu'est ce que cela signifie? Quel bibliothécaire? Quel vin?“ — demanda avec étonnement Woronzow.— „Le bibliothécaire — c'est moi“, repondit Douglas „et les vins — ce sont les affaires, la nomination des personnes qui doivent être envoyés de part et d'autre pour le rétablissement des relations“. — „Mais il me semble“, observa le Vice-Chancelier, „qu'on aurait pu l'écrire sans détour. Je vais en référer à l'Impératrice, mais comme nous sommes dans la semaine sainte, je pourrai difficilement le faire avant Pâques, c'est pourquoi je Vous prie de me communiquer par écrit tout ce que Vous êtes chargé de nous proposer au nom de la Cour de France, afin que je puisse en faire un rapport détaillé à Sa Majesté“.

En exécution de ce désir, Douglas, remit au comte Woronzow un mémoire de la teneur suivante: „Le roi, mon maître, m'a envoyé avec la mission de Vous informer que si Sa Majesté l'Impératrice était réellement disposée à un rapprochement avec la France, Sa Majesté le roi verrait avec satisfaction le rétablissement des relations d'amitié qui pour les intérêts mutuels n'auraient jamais dû être rompus. Je suis

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 18 et suiv.

вить выступленіе этой русской вспомогательной арміи.

Для возстановленія нормальныхъ сношеній между Россіей и Франціей можно бы вначалѣ возобновить торговые обороты и назначить консуловъ. Если же Императрица открыто выскажетъ желаніе назначить своего посланника къ Версальскому двору, то король немедленно отвѣтитъ назначеніемъ своего представителя изъ среды высшихъ придворныхъ чиновъ *).

Съ этими инструкціями Дугласъ выѣхалъ изъ Парижа 14-го февраля и 20-го апрѣля 1756 года прибылъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ остановился въ домѣ Мишель-де-Руана, который въ промежутокъ времени между обѣими миссіями Дугласа продолжалъ поддерживать свои сношенія съ графомъ Воронцовымъ.

На другой же день, вечеромъ, Вице-Канцлеръ принялъ Дугласа, который вручилъ ему письмо отъ французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ Рулье. Это письмо было написано, изъ осторожности, въ иносказательныхъ выраженіяхъ и начиналось такимъ образомъ: „Узнавши о благосклонныхъ обо мнѣ отзывахъ Вашего Сіятельства отъ особы, которой вы поручили отыскать библіотекаря и прислать образцы бургонскаго вина, я поручаю ей засвидѣтельствовать Вашему Сіятельству за то мою благодарность“.— „Что это значитъ? Какой библіотекарь? Какое вино?“ удивленно спросилъ Воронцовъ.— „Библіотекарь—это я“, отвѣчалъ Дугласъ, „а вино — это дѣла, назначеніе лицъ, которыя должны быть посланы съ обѣихъ сторонъ для возстановленія сношеній“. — „Кажется, можно было бы и прямо объ этомъ написать“, замѣтилъ Вице-Канцлеръ, „я донесу объ этомъ Императрицѣ, но такъ какъ теперь Страстная недѣля, то наврядъ ли я могу это сдѣлать прежде Пасхи, и потому прошу васъ сообщить мнѣ на письмѣ все, что поручено вамъ предложить здѣсь отъ Французскаго Двора, чтобъ я могъ сдѣлать обстоятельнѣйшее донесеніе Ея Императорскому Величеству“.

Въ исполненіе желанія графа Воронцова Дугласъ подалъ ему записку слѣдующаго содержанія: „Король, мой Государь, отправилъ меня къ Вашему Сіятельству съ извѣщеніемъ, что если Ея Величество Императрица дѣйствительно расположена къ соединенію съ Франціею, то Его Величество съ удовольствіемъ увидитъ установленіе дружескихъ сношеній, которымъ, для взаимныхъ интересовъ, не слѣ-

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 18 et suiv.

chargé de Vous donner l'assurance que si l'Impératrice prenait la décision de nommer un ministre en France, le roi, dès qu'il serait informé de sa naissance et de son rang, répondrait aussitôt à cette nomination par celle d'un ministre en Russie, de naissance et de rang analogue. Comme l'envoi simultané de ces ministres pourrait favoriser le commerce des Français en Russie, le roi nommérait en même temps un consul à St.-Pétersbourg" *).

Quelques semaines se sont passées après la remise de ce mémoire, et ce n'est que le 7 mai que Douglas reçut une réponse dont il eut lieu d'être satisfait. Il y était dit que l'Impératrice avait appris avec satisfaction les sentiments du roi à son égard et qu'elle était heureuse de le voir disposé de rétablir la bonne intelligence et l'amitié intime entre les deux Puissances.

Sa Majesté consentait avec empressement à la nomination des ministres, revêtus d'un caractère diplomatique, mais l'Impératrice trouvait qu'il était conforme à la dignité et aux intérêts des deux Cours, de procéder à cette nomination simultanément et sans retard; pour répondre à la mission de Douglas, elle allait envoyer en France le conseiller aulique Bekhtéef, et quoique Douglas ne parût pas suffisamment autorisé, il serait accueilli avec distinction comme un homme qui, en fait, était l'envoyé du roi Très-Chrétien.

Ainsi furent rétablies les relations diplomatiques entre la Russie et la France. Douglas fut reconnu par le gouvernement russe „comme un homme qui en fait était l'envoyé de Sa Majesté Très-Chrétienne", et le conseiller aulique Bekhtéef fut envoyé à Paris pour représenter le gouvernement Impérial. Il est évident, que le comte Woronzow fit le choix de Bekhtéef pour cette mission délicate, parce que c'était un de ses intimes. En vertu de ses instructions, il devait faire entendre au gouvernement français que l'Impératrice déclinerait les subsides de l'Angleterre et n'accepterait à l'avenir aucune autre proposition de cette Puissance. Elle croit aux assurances répétées par l'Impératrice-Reine, que le roi de France était plus disposé encore que l'Angleterre à entrer dans les vues de la Russie. Il devait en outre déclarer à la cour de Versailles que la Russie est disposée à un

*) Soloview. Histoire de Russie, t. XXIV, ch. 1, pag. 939. — Rambaud, Recueil, t. II, pag. 29.

довало бы никогда прерываться. Мнѣ поручено Васъ увѣрить, что когда Императрица рѣшится назначить своего министра во Францію, то Король, какъ только узнаетъ о происхожденіи и званіи этого министра, немедленно назначитъ своего министра въ Россію одинаковаго происхожденія и званія. Такъ какъ взаимное отправленіе этихъ министровъ можетъ повести къ прямой торговлѣ Французовъ въ Россіи, то Его Величество назначитъ консула въ Петербургъ". *)

Послѣ представленія Дугласомъ этой записки прошло нѣсколько недѣль, и только 7-го мая онъ получилъ отвѣтъ, которымъ могъ быть доволенъ. Въ этомъ отвѣтѣ было сказано, что Императрица съ удовольствіемъ узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней и что она очень рада видѣть доброе расположеніе Его Величества къ возстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обѣими Державами.

Ея Величество съ удовольствіемъ соглашается на взаимное назначеніе министровъ съ посольскимъ характеромъ; но Императрица находитъ согласнымъ съ достоинствомъ и пользою обоихъ Дворовъ назначить ихъ одновременно и немедленно, и уже назначила, въ соотвѣтствіи присылки Дугласа, отправить во Францію, г. надворнаго совѣтника Бехтѣева, и хотя Дугласъ недостаточно авторизованъ, однако его будутъ принимать съ отличіемъ и выслушивать какъ человѣка, дѣйствительно присланнаго Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ.

Такимъ образомъ были возобновлены дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей. Шотландецъ Дугласъ былъ признанъ русскимъ правительствомъ какъ „человѣкъ, дѣйствительно присланный Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ" и надворный совѣтникъ Бехтѣевъ былъ отправленъ въ Парижъ представлять Императорское правительство. Очевидно, что графъ Воронцовъ выбралъ Бехтѣева для исполненія этого „деликатнаго" порученія, потому что послѣдній былъ близкимъ ему человѣкомъ. Въ силу данной Бехтѣеву инструкціи, онъ долженъ былъ внушать французскому правительству, что Императрица отвергнетъ англійскія субсидіи и не приметъ никакихъ другихъ англійскихъ предложеній. Она вѣритъ обнадеживаніямъ, постоянно подаваемымъ со стороны императрицы-королевы, что французскій король будетъ болѣе, чѣмъ Англія, готовъ всту-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXIV, глава I, стр. 939. — Rambaud, Recueil, t. II, p. 29.

rapprochement intime avec la France, sans toutefois s'expliquer sur la nature de ce rapprochement. Si le gouvernement français mettait de l'insistance à le questionner là-dessus, il devait répondre qu'il eut à s'adresser pour les détails au ministre d'Autriche, le comte de Stahremberg. Il devait informer celui-ci que ses ordres lui interdisaient de rien faire sans son aveu et son conseil.

Cette recommandation, qui pouvait paraître étrange, est expliquée de la manière suivante dans les instructions de Bekhtéef: „il faut observer la plus extrême prudence, de façon à ne pas donner à la Cour de Vienne des raisons de penser qu'on ne s'en repose pas sur ses efforts et qu'on veut, en passant par dessus elle, conclure n'importe quoi d'important avec la France; car il arrive souvent que le moindre malentendu peut gâter les affaires les plus grandes et les plus importantes“.

Bekhtéef arriva à Paris en été 1756, et ne se doutant pas de l'existence d'une diplomatie secrète du roi Louis XV, il s'est présenté à Rouillé et se disposait à entrer en pourparlers avec lui. Le prince de Conti s'empressa de le prévenir qu'il devait traiter les affaires avec lui, parcequ'il était appelé à en référer au roi. Bekhtéef trouva cette procédure „peu convenable“ et déclinant la proposition du prince de Conti, il entra en pourparlers avec Rouillé. Mais il eut bientôt l'occasion de se convaincre que celui-ci n'avait aucune connaissance de la première mission de Douglas, et des informations très incomplètes au sujet de la seconde. Il emporta de ses entretiens avec le prince de Conti l'impression, qu'il était un adversaire de l'alliance autrichienne qui venait d'être conclue, et qu'il était plutôt disposé à appuyer le roi de Prusse. Enfin, aux termes de ses instructions, il n'était pas autorisé à entrer en pourparlers avec les ministres français au sujet des détails de l'accord franco-russe, et devait les adresser à l'ambassadeur d'Autriche!

Cette position de Bekhtéef était plus que délicate, elle était insoutenable. Bekhtéef en faisait l'aveu dans une lettre au comte Woronzow auquel il écrivait: „A mon humble avis, il faut mater le roi de Prusse; mais il est fâcheux que nous soyons obligés de faire nos affaires sous tutelle“.

пить въ виды Россіи. Далѣе Бехтѣевъ, долженъ былъ объяснить Версальскому двору, что Россія готова вступить съ Франціею въ тѣсный союзъ, но, въ то же время, онъ обязанъ былъ отклонять всякій разговоръ о подробностяхъ такого союза. Еслибъ французское правительство стало настаивать на необходимости знать эти подробности, то Бехтѣеву было вмѣнено въ обязанность отсылать за послѣдними къ австрійскому послу при Версальскомъ дворѣ, графу Штарембергу, которому онъ долженъ былъ объявить, что ему запрещено дѣлать что-нибудь безъ его согласія и совѣта.

Такое странное, съ перваго взгляда, наставленіе объяснено въ инструкціи Бехтѣеву въ слѣдующихъ словахъ: „Надобно наблюдать крайнюю осторожность, чтобъ не дать Вѣнскому двору повода думать, будто бы на его старанія не полагаются и мимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціею. Часто случалось, что отъ малаго недоразумѣнія великія и знатныя дѣла портились“.

Лѣтомъ 1756 года Бехтѣевъ пріѣхалъ въ Парижъ и, не подозрѣвая о существованіи особенной секретной дипломатіи короля Людовика XV, онъ представился Рулье и желалъ съ нимъ вступить въ переговоры. Но принцъ Конти немедленно предупредилъ, что Бехтѣевъ долженъ имѣть дѣла съ нимъ, ибо онъ будетъ докладывать о нихъ королю. Бехтѣеву это казалось „непорядочнымъ“ и онъ не согласился на предложеніе принца Конти и сталъ вести переговоры съ Рулье. Однако, тутъ онъ скоро увидѣлъ, что послѣдній ничего не зналъ о первой миссіи Дугласа и не все зналъ о второй. Этого мало: изъ бесѣдъ съ принцемъ Конти Бехтѣевъ вынесъ впечатлѣніе, что принцъ — противникъ австро-французскаго союза, только что заключеннаго, и скорѣе поддерживаетъ прусскаго короля. Наконецъ, на основаніи своего наказа, какъ упомянуто выше, онъ не смѣлъ вести никакихъ переговоровъ съ французскими министрами о подробностяхъ союза между Россіей и Франціею и обязанъ былъ отсылать ихъ къ австрійскому послу!

Такое положеніе Бехтѣева было болѣе, чѣмъ „деликатное:“ оно было—глупое. Въ этомъ сознался самъ Бехтѣевъ въ письмѣ къ графу Воронцову, которому онъ писалъ: „По моему слабому разсужденію, надобно смирить короля прусскаго; но досадно то, что мы дѣла свои все подъ опекою отправляемъ“.

Cette situation pénible de Bekhtéef prit fin, lorsqu'il apprit que l'acte d'accession de la Russie au traité d'alliance de Versailles entre l'Autriche et la France fut signé à St.-Pétersbourg, le 31 décembre 1756 (voir T. I, pag. 198 et suiv.).

On peut se représenter facilement quelle devait être la joie de Douglas, en vue de cette issue satisfaisante de sa mission secrète. Cette joie ne fut pas moins empoisonnée par les reproches qu'il reçut de son gouvernement pour sa „bêtise“.

Le fait est qu'en vertu de ses instructions, Douglas devait s'abstenir de signer un engagement quelconque pouvant invalider une clause des traités d'alliance, conclus par la France avec la Porte, la Suède ou la Pologne. Douglas pensait qu'en accédant au traité de Versailles, la Russie pouvait empêcher la France de remplir ses obligations d'alliance surtout vis-à-vis de la Turquie. D'autre part, le gouvernement russe désirait naturellement paralyser à l'avenir les engagements de la France, préjudiciables à la Russie.

En vue de ces considérations, le comte Bestoujew et le comte Voronzow, avec le concours de l'ambassadeur autrichienne comte Esterhazy, persuadèrent Douglas de signer une clause „secretissime“, par laquelle, en cas de guerre entre la Russie et la Turquie, les obligations de la France se réduiraient à assister la première de subsides en argent.

Les ministres russes étaient très satisfaits, mais le roi Louis XV refusa perémptoirement de ratifier cet acte secretissime que le chevalier Douglas „a eu la bestise de signer“. Il reçut une remontrance du prince de Conti et de Rouillé.

En présence du refus catégorique de la cour de Versailles de confirmer la clause secretissime, l'Impératrice jugea impossible d'insister d'avantage, et la clause fut supprimée.

Avant son départ de St.-Pétersbourg en septembre 1757, Douglas eut l'occasion d'avoir un échange d'idées avec les ministres russes sur d'autres affaires. Le prince de Conti l'avait chargé de solliciter pour lui l'investiture du duché de Courlande et le commandement des armées russes, mais le gouvernement russe déclina catégoriquement ces deux demandes.

Наконецъ, непріятное положеніе Бехтѣева кончилось, когда онъ узналъ, что 31-го декабря 1756 года былъ подписанъ въ С.-Петербургѣ актъ приступленія Россіи къ Версальскому союзному трактату между Австріею и Франціею. (См. т. I, стр. 198 и слѣд.).

Не трудно представить себѣ радость Дугласа по поводу такого счастливаго окончанія его секретной миссіи. Однако, эта радость была отчасти отравлена выговоромъ, полученнымъ имъ отъ своего правительства за свою „глупость“.

Дѣло въ томъ, что на основаніи своихъ инструкцій Дугласъ обязанъ былъ не подписывать никакихъ обязательствъ, нарушающихъ постановленія союзныхъ трактатовъ Франціи съ Турціей, Швеціей и Польшею. Дугласъ полагалъ, что, приступая къ Версальскому союзному трактату, Россія можетъ помѣшать Франціи въ исполненіи ея союзныхъ обязательствъ, въ особенности въ отношеніи Турціи. Съ другой же стороны, русское правительство естественнымъ образомъ желало парализовать на будущее время дѣйствіе союзныхъ обязательствъ Франціи, вредныхъ Россіи.

Въ виду послѣдняго соображенія, графы Бестужевъ-Рюминъ и Воронцовъ, при содѣйствіи австрійскаго посла, графа Эстергази, уговорили Дугласа подписать „секретнѣйшую“ статью, въ силу которой Франція, въ случаѣ войны между Россіей и Турціей, должна ограничивать свою союзную помощь послѣдней державѣ исключительно дачею денежныхъ субсидій.

Русскіе министры были очень довольны, но король Людовикъ XV наотрѣзъ отказался утвердить „этотъ прелестный актъ, который кавалеръ Дугласъ имѣлъ глупость подписать“. Отъ принца Конти и Рулье Дугласъ получилъ строжайшій выговоръ.

Въ виду категорическаго отказа Версальскаго двора утвердить „секретнѣйшую“ статью, Императрица не считала возможнымъ настаивать, и она была вычеркнута.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, въ сентябрѣ 1757 года, Дугласъ имѣлъ случай обмѣняться мыслями съ русскими министрами еще о другихъ дѣлахъ. Такъ, принцъ Конти поручилъ ему похлопотать о признаніи за нимъ права на Курляндскій герцогскій престолъ. Это ходатайство встрѣтило со стороны русскаго правительства категорическій отказъ. Такой же отказъ встрѣтило желаніе принца Конти быть назначеннымъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ.

D'autre part, la Cour de Versailles refusa catégoriquement de prendre l'engagement de servir à la Russie un subside annuel de 5 millions, comme le réclamait le gouvernement russe.

Quoiqu'il en soit, le rapprochement et la réconciliation de la Russie et la France reçurent une sanction formelle à la fin de l'année 1756. En juillet 1757 le marquis de l'Hopital se présenta à St.-Pétersbourg, en qualité d'ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de Sa Majesté Très-Chrétienne, et le comte M. P. Bestoujew-Rumine, frère du Chancelier de l'Empire, prit dans le courant de la même année possession du poste d'ambassadeur Impérial à la cour de Versailles.

(Les textes du traité de Versailles du 1 mai et de l'acte d'accession de la Russie du 31 décembre 1756 sont imprimés dans le T. I, sub. № 20, pag. 188 et suiv.).

Съ другой стороны, требованіе русскаго правительства, чтобъ Франція согласилась выплачивать Россіи ежегодную субсидію въ 5 милліоновъ рублей, было отклонено самымъ рѣшительнымъ образомъ Версальскимъ дворомъ.

Какъ бы то ни было, въ концѣ 1756 года формальнымъ образомъ подтверждено сближеніе и примиреніе между Россіей и Франціей. Въ іюлѣ 1757 года маркизъ де-Лопиталь явился въ С.-Петербургъ, въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла Его Христіаннѣйшаго Величества, и графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ Государственнаго Канцлера, занялъ въ томъ же году постъ Императорскаго посла при Версальскомъ дворѣ.

(Тексты Версальскаго трактата отъ 1-го мая и акта приступленія Россіи отъ 31-го декабря 1756 года отпечатаны въ томѣ I, подъ № 20, стр. 188 и слѣд).

№ 474.

1757, 24 octobre (5 novembre). Acte d'accesion de la Russie à la convention de Stockholm, conclue entre l'Autriche, la France et la Suède (Recueil des Lois, № 10773).

№ 474.

1757 г., октября 24-го (ноября 5-го). Актъ приступленія Россіи къ конвенціи Стокгольмской между Австріею, Франціею и Швеціею (П. С. З. № 10773).

№ 475.

1757, le 24 octobre (5 novembre). Déclaration concernant l'acte susmentionné. (Recueil des Lois, № 10774).

№ 475.

1757 г., октября 24-го (ноября 5-го). Декларація, относящаяся до вышеприведеннаго акта. (П. С. З. № 10774).

La nomination du comte M. P. Bestujew-Rumine au poste important d'ambassadeur de Russie à Paris se fit tout-à-fait en dehors de l'influence de son frère, le Chancelier de l'Empire. On sait que les deux frères étaient loin d'être intimes. Ils entretenaient par convenance des rapports de société, l'un avec l'autre, mais leur animosité mutuelle n'était un secret pour personne. Un jour que le comte Michel Petrovitch dinait chez son frère, le Chancelier, l'ambassadeur d'Angleterre Williams fit malicieuse-

Назначеніе графа М. П. Бестужева-Рюмина на важный постъ русскаго посла въ Парижѣ состоялось совершенно помимо Государственнаго Канцлера, его брата. Извѣстно, что оба брата находились далеко не въ братскихъ другъ къ другу отношеніяхъ. Они, правда, поддерживали другъ съ другомъ, приличія ради, сношенія, но всѣ знали ихъ неприязненныя обоюдныя чувства. Когда разъ графъ Михаилъ Петровичъ обѣдалъ у своего брата, Канцлера, англійскій посолъ Уильямсъ

ment l'observation: „On peut se figurer comme ce dîner était gai; s'il y avait eu du lait sur la table, il n'eut pas manqué de tourner en présence de ces deux physionomies".

Le comte Bestujew-Rumine dut sa nomination exclusivement au Vice-Chancelier avec lequel il entretenait des relations intimes. Il s'adressa à lui pour obtenir ce poste. Ayant appris en 1755 qu'un rapprochement s'est opéré entre la Russie et la France, il écrivit au comte Woronzow: „Vous avez été l'organe de la reconciliation de notre Cour avec celle de France, ce qui a contribué pour une bonne part à notre gloire et à notre honneur; soyez également l'intermédiaire pour la nomination d'un ambassadeur à ce poste. Cette distinction serait pour moi l'objet d'une satisfaction particulière et votre crédit à la Cour de France ne pourrait qu'y gagner si votre ami, jouissant de votre confiance et votre serviteur, y était nommé".

Rappelé de Dresde, le comte Bestujew-Rumine se rendit à Paris par Varsovie et par l'Autriche. Il arriva à Paris le 10 juin 1757 et malgré l'état désespéré de sa femme et sa propre santé très compromise, il s'empressa de s'acquitter avec zèle et dignité de sa mission. En faisant part au comte Woronzow des premières démarches de Bestujew à Paris, Bekhtéew s'exprimait en ces termes au sujet de son audience chez le roi:

„Malgré les difficultés que cherchait à lui susciter l'introducteur des ambassadeurs, il a conservé sagement toute la dignité que comportait son caractère sans se laisser étourdir par des flots de paroles. D'ailleurs, il m'a semblé qu'il s'est rendu à cette audience et qu'il y prit la parole avec plus d'assurance que ceux qui l'entouraient. Je ne pouvais assez me féliciter de cette attitude si ferme qui semblait en imposer aux Français".

Le comte Bestujew-Rumine s'appliqua immédiatement à élucider certains malentendus qui existaient encore entre les Cours de St-Pétersbourg et de Versailles. Très satisfaite de sa reconciliation avec la grande puissance du Nord, celle-ci n'avait pas moins de la peine à s'accoutumer à la pensée que ses engagements avec la Russie étaient en désaccord avec les liens et les intérêts traditionnels, qui rattachaient la France à la Turquie, la Pologne et la Suède. C'est la raison pour laquelle cette Cour était indignée de la déclaration secrétissime, concernant la Turquie, que Douglas avait signée. (Voir le

замѣтилъ: „Можно себѣ представить, какъ былъ веселъ этотъ обѣдъ: еслибъ на столѣ было молоко, то оно бы свернулось отъ этихъ двухъ физіономій".

Своимъ назначеніемъ графъ Бестужевъ-Рюминъ былъ исключительно обязанъ Вице-Канцлеру, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Его онъ просилъ устроить его назначеніе въ Парижъ. Въ 1755 году, узнавъ о примиреніи между Россіей и Франціей, онъ писалъ графу Воронцову: „Ваше Сіятельство достойнымъ инструментомъ были примиренія нашего Двора съ французскимъ, что къ немалой нашей славѣ и чести приписуется; да соизволите же быть достойнымъ инструментомъ и въ назначеніи туда посла. Сія дистинкція во особливое удовольствіе мнѣ будетъ, и кредитъ вашъ при французскомъ дворѣ тѣмъ болѣе умножится, когда вашъ повѣренный другъ и слуга туда назначенъ будетъ".

Вызванный изъ Дрездена, графъ Бестужевъ-Рюминъ отправился въ Парижъ черезъ Варшаву и австрійскія земли. Въ Парижъ онъ прибылъ 10-го іюня 1757 года, и несмотря на умирающую жену и свою собственную болѣзненность, приступилъ съ большимъ рвеніемъ и достоинствомъ къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей. Бехтѣевъ, давая отчетъ графу Воронцову о первыхъ шагахъ въ Парижѣ графа Бестужева, пишетъ слѣдующее о пріемѣ его у короля:

„Его Сіятельство, не взирая на многія попытки отъ подводителя посольскаго, во всемъ по благоразсудку съ достоинствомъ, принадлежащимъ своему характеру, поступалъ, не давая себя оглушить многословіемъ здѣшнимъ. Впрочемъ, мнѣ казалось, что онъ шелъ на аудіенцію и говорилъ смѣлѣе самихъ тѣхъ прочихъ и съ таковю осанкою, что нарадоваться довольно не могъ то видѣть и слышать при томъ разсужденія Французовъ".

Графъ Бестужевъ-Рюминъ немедленно приступилъ къ разъясненію всѣхъ недоразумѣній, которыя еще существовали между Петербургскимъ и Версальскимъ дворами. Послѣдній былъ очень доволенъ примиреніемъ съ великою сѣверною державою, но, въ тоже время, онъ не могъ свыкнуться съ мыслію, что его союзныя обязательства съ Россіею противорѣчатъ традиціоннымъ дружескимъ отношеніямъ и интересамъ, связавшимъ Францію съ Турціею, Польшею и Швеціею. Вотъ почему Версальскій дворъ былъ возмущенъ секретнѣйшею декларацією относительно Турціи, которую

№ précédent 473). Rouillé vit dans cet acte une trame perfide de la part du Chancelier et dit à Bekhtéew que le Vice-Chancelier, en homme honnête, ne l'eut pas fait.

„En effet", écrivait ce même Bekhtéew à son gouvernement, „la Cour de France se trouve dans une grande perpeexité; d'une part elle est liée par les promesses données à la Porte, de l'autre, elle ressent l'effet pénible du refus de ratification. Le Ministère est très irrité contre le comte Esterhazy, Douglas et le comte Stahremberg. Contre le premier, parcequ'il força Douglas de signer la déclaration et contre le comte Stahremberg parcequ'il avait mal interprêté la pensée du gouvernement français qui pour cette affaire avait placé en lui toute sa confiance; quant à Douglas Rouillé en parlait avec un vif ressentiment. En terminant, le ministre me pria d'assurer la Cour Impériale que malgré cet incident fâcheux le roi désirait sincérement l'affermissement des relations actuellement rétablies, et promit que ce malentendu ne l'empêchera pas de prendre en commun avec la Russie les mesures propres à donner satisfaction aux Cours de Vienne et de Saxe vis-à-vis du roi de Prusse".

A l'arrivée du marquis de l'Hôpital à St-Pétersbourg l'affaire au sujet de la clause secrétissime était réglée et l'Impératrice Elisabeth consentit à accéder au traité de Versailles du 1 mai 1756, sans le susdit article. Ainsi cette difficulté était levée, mais la position de l'ambassadeur de France à la Cour de Russie n'était pas moins difficile, à cause des divergences qui existaient au sein même du gouvernement français au sujet de l'utilité ou du désavantage d'une alliance de la France avec l'Autriche et la Russie.

On sait que la marquise de Pompadour était l'âme de l'alliance autrichienne, tandis que la nation, comme écrivait Bekhtéew, „n'aimait généralement pas les Autrichiens jusqu'à cette heure". „On est indigné" poursuit-il, „de voir ces sacrifices en hommes et en argent pour secourir un ancien ennemi... Selon toute apparence, on cherche à insinuer au ministère que la France ne retire aucun profit de ses engagements avec la Russie, sauf celui d'être en bonne amitié avec cette puissance. Le ministère, bien qu'obligé de complaire à la marquise, toute disposée en faveur de la Cour de Vienne, ne se montre pas moins accessible à ce courant d'idées. Toutefois

подписалъ Дугласъ (см. предшествовавшій № 473). Рулье видѣлъ въ этомъ актѣ подвохъ со стороны Канцлера, графа Бестужева-Рюмина, и сказалъ Бехтѣеву, что „Вице-Канцлеръ, какъ честный человѣкъ, этого бы не сдѣлалъ".

„И подлинно", писалъ тотъ же Бехтѣевъ своему правительству, „французскій дворъ приведенъ въ великую печаль и смущеніе: съ одной стороны, онъ связанъ даннымъ Портѣ обнадеживаніемъ, съ другой — чувствуетъ непріятныя слѣдствія отказа въ ратификаціи. Министерство сильно досадуетъ на графа Эстергази, на Дугласа и графа Штаремберга: на перваго — за то, что принудилъ Дугласа къ подписанію деклараціи; на графа Штаремберга — за то, что не довольно точно истолковалъ мнѣнія французскаго правительства, которое на него въ этомъ дѣлѣ положилось; о Дугласѣ Рулье отзывался съ великимъ неудовольствіемъ. Въ заключеніе, Рулье просилъ меня увѣрить Высочайшій дворъ, что, несмотря на это непріятное происшествіе, король искренно желаетъ большаго утвержденія благополучно возобновленной дружбы и обнадеживаетъ, что происшедшая непріятность нисколько не воспрепятствуетъ ему, вмѣстѣ съ Россіею, принять мѣры для удовлетворенія Вѣнскаго и Саксонскаго дворовъ относительно короля прусскаго".

Когда маркизъ Лопиталь пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, дѣло о секретнѣйшей статьѣ было уже кончено и Императрица Елизавета Петровна согласилась дать свое согласіе на приступленіе къ Версальскому трактату отъ 1-го мая 1756 года безъ этой статьи. Такимъ образомъ это затрудненіе было устранено. Но всетаки положеніе французскаго посла было нелегко при русскомъ дворѣ, потому что въ средѣ самого французскаго правительства существовалъ разладъ во взглядахъ насчетъ пользы или вреда союза Франціи съ Австріей и Россіей.

Извѣстно, что душою австро-французскаго союза была маркиза Помпадуръ, между тѣмъ, какъ писалъ Бехтѣевъ, „генерально же весь народъ понынѣ Аустрійцевъ не любитъ". „Явнымъ негодованіемъ отзываются", продолжаетъ онъ, „что войска и иждивенія тратятся на вспоможеніе древнему ихъ непріятелю... По всѣмъ обстоятельствамъ видно, что министерству здѣшнему внушаютъ, яко бы Франціи никакой пользы нѣтъ въ обязательствахъ съ Россіею, а только быть въ доброй дружбѣ. Министерство, по слабости своей, однакожъ, боясь и угождая маркизѣ, которая весьма склонна къ Вѣнскому двору, оное мнѣніе здѣсь прини-

la marquise de Pompadour était mécontente de Rouillé à cause de son manque d'énergie, et il fut remplacé par le fameux abbé de Bernis dont Bekhtéew fait le portrait suivant: „c'est un homme d'un esprit caustique, d'une imagination ardente, assez érudit et initié aux affaires, aimant le monde et les plaisirs. On peut dire qu'il était son conseiller intime" *).

A son arrivée à St.-Pétersbourg le marquis de l'Hôpital fut honoré d'un accueil très gracieux par l'Impératrice Elisabeth et ses ministres. Avant qu'il ne fut présenté à la Cour, on avait reçu de Bekhtéew, à son sujet, une appréciation très flatteuse. „Le marquis", écrivait-il, „est un homme de belle prestance, ayant passé la cinquantaine, d'un bon naturel, il a demandé lui-même cette ambassade et se rend chez nous avec empressement".

Quant aux autres membres de cette ambassade, notre chargé d'affaires à Paris en parlait en termes peu flatteurs. Il eut l'occasion de faire leur connaissance au moment de leur départ de Paris. „Lorsqu'ils me furent présentés", écrivait-il, „je ne savais que faire. Vous ne sauriez croire jusqu'à quel point on ignore ici tout ce qui nous concerne. Cela provient de ce que les diplomates, envoyés chez nous, étaient recrutés non pas dans la noblesse, mais au sein de la roture *(sic!)* ou du moins parmi les gens les moins aisés, même des ministres étaient de cette catégorie; aussi par dépit et pour justifier ce qu'il y avait de répréhensible dans leur conduite, n'hésitaient-ils pas à répandre des calomnies sur la Russie, de sorte que, sauf les savants et les hommes preposés aux affaires (et encore pas tous), les Français, surtout les nobles, sont portès à croire que leurs compatriotes en Russie sont condamnés à mourrir de faim et de froid. Il est difficile d'arracher cette pensée de leur esprit, surtout en vue du luxe dont la noblesse française est entourée, et de ses notions très imparfaites en fait de pays étrangers".

Quoiqu'il en soit, Bekhtéew ne pouvait pas transformer le personnel de cette ambassade, à la tête delaquelle se trouvait le marquis de l'Hôpital, qui arriva à St.-Pétersbourg au commencement de juillet 1757 pour y rester jusqu'en mars 1761.

Le nouvel ambassadeur se rendit à son poste muni d'instructions très détaillées et ver-

*) Soloview. Histoire de Russie, t. XXIV, ch. II, pag. 978 et suiv. (Ed. Société — „Utilité publique").

маетъ". Тѣмъ не менѣе, маркиза Помпадуръ не была довольна „слабымъ" Рулье, и на его мѣсто былъ назначенъ извѣстный аббатъ Берни, котораго Бехтѣевъ рисуетъ такимъ образомъ: „человѣкъ острый, воображеніе имѣетъ весьма живо, довольно ученъ и свѣдущъ въ дѣлахъ, сладкорѣчивъ, любитъ свѣтское житье и веселья. Можно сказать, что онъ ея (маркизы Помпадуръ) „тайный совѣтникъ" *).

По прибытіи въ С.-Петербургъ, маркизъ Лопиталь удостоился отъ Императрицы Елизаветы Петровны и ея министровъ самаго лестнаго пріема. До его представленія Двору былъ полученъ о немъ отъ Бехтѣева довольно лестный отзывъ. „Маркизъ", писалъ Бехтѣевъ, „роста виднаго, чаю за 50 лѣтъ; человѣкъ кажется предобрый, самъ просился въ сіе посольство и съ охотою ѣдетъ къ намъ".

По за то о членахъ этого французскаго посольства нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ отзывался весьма нелестно. Онъ съ ними познакомился передъ ихъ выѣздомъ изъ Парижа. „Когда мнѣ ихъ представляли", писалъ Бехтѣевъ, „то я не зналъ, что дѣлать. Не можете повѣрить, какъ мало свѣдущи здѣсь о насъ. Причина тому, что мало или почти никого изъ дворянства здѣшняго у насъ не было, а только подлые *(sic!)* или, по меньшей мѣрѣ, самые бѣдные, не выключая и тѣхъ, которые министрами были и которые за собственную досаду или въ оправданіе своихъ худыхъ поступковъ, сколько можно, худыя мнѣнія объ насъ подали, такъ что, кромѣ ученыхъ и у дѣлъ находящихся (да и то не всѣ), прочіе Французы, особливо знатные, думаютъ, что Французу у насъ надобно умереть съ голоду и съ холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынуть это затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ, въ которыхъ дворянство здѣсь погружено, и при маломъ понятіи, которое оно вообще имѣетъ о другихъ земляхъ".

Какъ бы ни было, Бехтѣевъ не могъ передѣлать членовъ посольства, во главѣ которыхъ маркизъ Лопиталь прибылъ, въ началѣ іюля 1757 года, въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ остался до марта 1761 года.

Новый французскій посолъ явился на свой постъ, имѣя весьма подробныя и многослов-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXIV, глава II, стр. 978 и слѣд. (изд. Товарищества „Общ. Польза").

beuses. Les premières, datées du 28 décembre 1756, exposent les bases sur lesquelles reposent les relations mutuelles entre la Russie et la France *). La Cour de Versailles ne dissimule pas que jusqu'à ces derniers temps, elle s'était proposé comme but de „prévenir ou réprimer les entreprises des Russes". Elle agissait ainsi en vertu des obligations contractées envers ses alliées et en vue de la cessation des relations diplomatiques régulières avec la Russie. Toutefois, même aujourd'hui, en présence du rétablissement de ces relations, le roi ne saurait oublier ses anciens alliés. Aussi se propose-t-il de sauvegarder à l'avenir les droits, les privilèges et la constitution des Polonais. Le roi énonce également sa ferme volonté de défendre ses anciens alliés, les Turcs et les Suèdois.

Toutefois, le roi n'est pas moins convaincu que ces obligations d'allié ne constitueront nullement un obstacle à la bonne intelligence entre la France et la Russie, „puisque les deux puissances, n'ayant rien à démêler l'une avec l'autre *(sic!)*, ne peuvent que contribuer au maintien de la paix générale en contenant ceux de leurs voisins qui voudraient la troubler".

Ainsi la distance qui sépare la Russie de la France et l'absence de frontières communes devaient servir de soutien naturel à leur amitié et à leur union. Mais il est curieux, que dans un mémoire spécial, annexé aux instructions principales et portant la même date du 28 décembre 1756, se trouvent développés des principes tout différents. Ce mémoire s'applique à démontrer que l'ambassadeur n'aura au fond rien à faire en Russie!

„En effet", dit cette notice, „il n'y a point d'apparence que pendant le règne de l'Impératrice de Russie, nous ayons jamais à suivre à sa Cour des négociations bien compliquées. La distance qui sépare les deux Empires est trop grande pour qu'il se forme jamais une alliance bien étroite entre eux, attendu qu'ils ne peuvent se donner ni recevoir mutuellement l'un de l'autre des secours directs".

En vertu de ce point de vue, le gouvernement français trouvait que le contact entre les deux nations devait se réduire à des opérations commerciales. On se demande quelle était en définitive l'opinion du ministère français: la distance entre les deux Etats et l'absence de frontières

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 32 et suiv.

ныя инструкціи. Въ первой инструкціи, отъ 28-го декабря 1756 года, излагаются самыя основы взаимныхъ отношеній между Франціей и Россіей *). Версальскій дворъ не скрываетъ, что до послѣдняго времени онъ ставилъ себѣ цѣлью: „предупреждать или парализовать начинанія Русскихъ". Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ силу своихъ союзныхъ обязательствъ и въ виду прекращенія правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей. Однако и въ настоящее время, при счастливомъ возобновленіи этихъ сношеній, король не можетъ забыть своихъ старыхъ союзниковъ. Поэтому онъ будетъ и впредь охранять права, привилегіи и конституцію Поляковъ. Равнымъ образомъ французскій король выражаетъ свою твердую волю защищать всѣми силами своихъ старыхъ союзниковъ: Турокъ и Шведовъ.

Но въ то же время король убѣжденъ, что эти союзныя обязательства нисколько не препятствуютъ доброму согласію между Франціею и Россіею. Обѣ державы, „не имѣя никакихъ поводовъ къ конфликтамъ *(sic!)*, только могутъ содѣйствоваль сохраненію общаго мира посредствомъ удерживанія тѣхъ своихъ сосѣдей, которые желали бы его нарушить".

Такимъ образомъ отдаленность Франціи и Россіи другъ отъ друга и отсутствіе общихъ границъ должны были служить естественными опорами дружбы и союза между ними. Но любопытно, что въ особой запискѣ, приложенной къ главной инструкціи, отъ того же 28-го декабря 1756 года, развиваются совершенно противоположныя мнѣнія. Въ запискѣ доказывается, что французскому послу собственно нечего будетъ дѣлать въ Россіи!

„Въ самомъ дѣлѣ", говорится въ запискѣ, „совсѣмъ невѣроятно, чтобъ когда-либо, въ продолженіе царствованія русской Императрицы, у насъ были бы какіе-нибудь сложные переговоры съ ея Дворомъ. Разстояніе, раздѣляющее оба государства, слишкомъ велико, чтобъ когда-либо устроился болѣе близкій между ними союзъ, въ виду того, что они не въ состояніи ни оказывать, ни получать другъ отъ друга взаимную и непосредственную помощь".

На основаніи такой точки зрѣнія, французское правительство находило, что между обоими народами могутъ только существовать выгодные торговые обороты. Остается только спросить, въ чемъ же заключалось дѣйствительное мнѣніе: полезны ли для союза отдаленность обоихъ го-

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 32 et suiv.

communes étaient-elles favorables à un rapprochement ou bien constituaient-elles un obstacle à une alliance intime et à la possibilité de se prêter un secours mutuel?

Nous trouvons des incohérences et des contradictions analogues dans d'autres passages des instructions données au marquis de l'Hôpital. Ainsi la Cour de Versailles y énonce la pensée que le neveu de l'Impératrice, l'héritier présomptif, le Grand-Duc Pierre Petrovitch, pourrait après la mort de l'Impératrice, ne pas monter sur la trône, à la suite de la protestation des princes de l'Empire, d'Allemagne, qui pourraient s'opposer à ce qu'il fût occupé par un prince de la maison d'Oldenbourg!

De semblables instructions ne devaient pas faciliter au marquis de l'Hôpital l'accomplissement de sa mission épineuse. Il devait se heurter à des grandes difficultés et celles-ci provenaient non seulement de la situation générale en Europe, mais pour une part plus grande encore de l'état de choses qu'il trouva à la Cour Impériale.

L'Impératrice avait incontestablement des sympathies pour la France et le roi, mais sa faiblesse de caractère et ses infirmités physiques l'empêchaient de poursuivre avec conséquence une politique, favorable aux intérêts français. La jeune Cour de l'Héritier s'en tenait à des vues politiques qui différaient entièrement de celles de l'Impératrice: l'Héritier lui-même était un admirateur passionné du roi de Prusse Frederic II, avec lequel la Russie était en guerre; la Grande-Duchesse Catherine tenait le parti de l'Angleterre et professait ouvertement de profondes symphaties pour les institutions et les hommes d'Etat de ce pays *). Enfin le Chancelier, comte Bestujew-Rumine ne pouvait pas pardonner au Vice-Chancelier, comte Woronzow d'avoir dévoilé à l'Impératrice ses fautes manifestes et d'avoir amené à son insu le rapprochement avec la France. C'était une tâche pas facile que de louvoyer entre ses différents courants. Il faut rendre justice au marquis de l'Hôpital qu'il s'est donné beaucoup de peine de s'acquitter de cette mission difficile. Mais pour y réussir il fallait avoir plus que beaucoup de bonne volonté. D'ailleurs il ne réussissait pas

*) Voir mon „Recueil des traités", t. V, № 216, pag. 356 et suiv.; t. X, № 394, pag. 215 et suiv.— Bilbasow. Histoire de Catherine II, t. I, pag. 319 et suiv.

сударствъ и отсутствіе между ними общихъ границъ, или же то и другое служитъ тормазомъ для оказанія взаимной помощи и заключенія тѣснаго союза?

Такія же несообразности и противорѣчія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ данныхъ маркизу Лопиталю инструкцій. Такъ, Версальскій дворъ выразилъ въ инструкціи мысль, что племянникъ Императрицы и признанный ею наслѣдникъ престола, В. К. Петръ Петровичъ, можетъ не вступить на престолъ, послѣ смерти Императрицы, вслѣдствіе протестовъ принцевъ Германской Имперіи, которые могутъ не пожелать, чтобъ на русскомъ престолѣ находился принцъ изъ Ольденбургскаго дома!

Нельзя думать, чтобъ такого рода инструкціи могли облегчить маркизу Лопиталю исполненіе возложенной на него трудной роли. Эти трудности были весьма значительныя и зависѣли не только отъ общаго политическаго положенія Европы, но еще въ большей степени отъ положенія вещей, которое маркизъ Лопиталь засталъ при Императорскомъ дворѣ.

Императрица имѣла несомнѣнныя симпатіи къ Франціи и ея королю, но слабость ея характера и физическіе недуги препятствовали последовательному развитію дружелюбной въ отношеніи французскихъ интересовъ политики. Молодой Дворъ Наслѣдника престола держался совершенно противоположныхъ, чѣмъ Императрица, политическихъ взглядовъ: самъ Наслѣдникъ былъ ярымъ поклонникомъ прусскаго короля Фридриха II, съ которымъ воевала Россія; Великая Княгиня Екатерина была совершенно на сторонѣ Англіи: и къ учрежденіямъ и къ государственнымъ людямъ этой страны она открыто питала весьма сильныя симпатіи *). Наконецъ, Канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ, не могъ простить Вице-Канцлеру, графу Воронцову, что послѣдній обнаружилъ предъ Императрицею его явные промахи и за его спиною устроилъ сближеніе и союзъ съ Франціей. Лавировать между всѣми этими противоположными теченіями безъ того, чтобъ самому не сѣсть на мель, была задача весьма нелегкая. Надо отдать справедливость маркизу Лопиталю, что онъ старался разрѣшить эту труднѣйшую задачу. Но одного старанія недостаточно. Впрочемъ,

*) Срав. мое „Собр. трактатовъ", т. V, № 216, стр 356 и слѣд., т. X, № 394, стр. 215 и слѣд.— Бильбасовъ. Исторія Екатерины II, т. I, стр. 319 и слѣд.

à obtenir les suffrages de son souverain malgré tout le zèle qu'il déployait.

Le marquis de l'Hôpital s'établit à St.-Pétersbourg avec plus de faste que ne le fit dans le temps le brillant marquis de la Chétardie. Il avait une suite de 80 personnes parmi lesquelles les plus anciennes familles de France se trouvaient représentées. La maison de l'ambassadeur était montée avec un grand luxe, ses fêtes et ses réceptions étaient très brillantes. Comme la Cour de Versailles ne se proposait pas de couvrir toutes ces dépenses, l'Hôpital fut dans la nécessité de faire des dettes, dont le montant s'est élevé à une somme très considérable.

D'ailleurs le marquis de l'Hôpital crut devoir prévenir son gouvernement qu'à son avis l'ambassadeur de France à St.-Pétersbourg devait être non seulement „sage, tranquille, mais magnifique". Le trésor de France ne doit rien épargner pour son entretien. Le marquis promet d'être circonspect en matière de cadeaux et de moyens de captation. Il faut bien, de temps à autre, offrir des présents à l'Impératrice et au Chancelier Bestujew pour qu'il puisse s'en faire valoir auprès de la Souveraine; il n'accepte pas à présent des sommes d'argent. (Rapport du marquis de l'Hôpital du 1 novembre 1757).

On comprend que le marquis de l'Hôpital cherchait par tous les moyens de gagner la bienveillance de l'Impératrice, non seulement par des présents, mais par toute espèce de services et d'attentions. Ainsi ayant appris la maladie de l'Impératrice et convaincu de l'incapacité de son médecin Condoidi de la guérir il, proposa de faire venir de France le fameux spécialiste pour les maladies de femmes, Poissonnier. C'est avec quelque déplaisir que le gouvernement français laissait partir Poissonier pour la Russie, mais finalement il y a donna son consentement. Poissonnier arriva à St.-Pétersbourg à la satisfaction commune du Vice-Chancelier, du comte I. I. Schouvalow et de l'ambassadeur de France. Mais dans le cours de plusieurs mois, il ne put voir l'Impératrice et commencer le traitement, car Condoidi s'obstinait à ne lui donner aucune explication au sujet de la maladie de la Souveraine,—l'Impératrice avait de la répulsion à en parler elle même.

Condoidi refusa de recevoir Poissonnier, parcequ'il avait dans l'armée russe le rang de

своего короля онъ не удовлетворялъ, хотя старался угодить ему по мѣрѣ силъ.

Маркизъ Лопиталь устроился въ С.-Петербургѣ еще съ большимъ блескомъ, нежели жилъ въ свое время блестящій маркизъ де Шетарди. Свита маркиза Лопиталя состояла болѣе, чѣмъ изъ 80 человѣкъ, между которыми находились представители наиболѣе знатнаго французскаго дворянства. Домъ посольства былъ убранъ съ рѣдкою роскошью и устраиваемые Лопиталемъ празднества и пріемы отличались пышностью и изяществомъ. И такъ какъ Версальскій дворъ не намѣренъ былъ покрывать всѣ эти расходы, то Лопиталь долженъ былъ дѣлать долги, достигшіе, въ концѣ концовъ, весьма солидной суммы.

Впрочемъ, маркизъ Лопиталь предупредилъ свое правительство, что, по его мнѣнію, французскій посолъ въ С.-Петербургѣ долженъ быть не только „уменъ" и „спокойнаго права", но и „великолѣпенъ". На его содержаніе французская казна ничего не должна жалѣть. Маркизъ Лопиталь обѣщаетъ быть осторожнымъ въ подкупахъ и подаркахъ, но самой Императрицѣ нельзя не дѣлать, отъ времени до времени, подарковъ, отъ которыхъ также никогда не отказывается и Канцлеръ Бестужевъ. Напротивъ, онъ хвастается этими подарками передъ Императрицею, но денегъ онъ теперь не беретъ. (Донесеніе маркиза Лопиталя отъ 1-го ноября 1757 года).

Понятно, что маркизъ Лопиталь старался всѣми средствами завоевать благоволеніе русской Императрицы и не только подарками, но и всякаго рода услугами и вниманіемъ. Такъ, узнавъ о болѣзни Императрицы и будучи увѣренъ въ неспособности ея лейбъ-доктора Кондоиди ее вылѣчить, онъ предложилъ выписать изъ Франціи извѣстнаго спеціалиста по женскимъ болѣзнямъ, Поассонье. Французское правительство не особенно охотно отпускало Поассонье въ Россію, но, въ концѣ концовъ, дало свое согласіе. Поассонье пріѣхалъ въ С.-Петербургъ къ общей радости Вице-Канцлера, графа И. И. Шувалова, и французскаго посла. Но, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ не могъ видѣть Императрицы и приступить къ исполненію своихъ обязанностей, потому что Кондоиди отказался объяснить ему, въ чемъ заключается болѣзнь Императрицы. Сама же Императрица не любила говорить о своей болѣзни.

Кондоиди отказался принять Поассонье по той причинѣ, что онъ имѣетъ въ русской

lieutenant-général, tandis que ce Français n'était que „médecin du roi". Le marquis de l'Hôpital supplia son gouvernement de conférer à Poissonnier le titre de Conseiller d'Etat, équivalent au rang de lieutenant-général. Le roi de France le refusa. Enfin, après bien de mois écoulés, grâce au concours du comte Schouvalow, l'Académie des Sciences à St.-Pétersbourg élut Poissonnier comme membre de cette assemblée; Condoidi trouva que ce titre répondait à celui de Conseiller d'Etat et consentit à lui donner les explications voulues au sujet de la maladie de l'Impératrice.

L'Impératrice Elisabeth qui avait eu évidemment connaissance de ce conflit entre son docteur et le médecin français, fut très satisfaite de ce résultat. Lorsqu'en octobre 1750 l'ambassadeur de France lui présenta Poissonnier, elle lui dit: „Il y a entre le roi et moi une ancienne sympathie depuis notre enfance et vous pouvez l'assurer que je serai toujours la même, et que je lui donnerai constamment des preuves bien sincères de mon amitié, et que je compte également sur la sienne *).

Le marquis de l'Hôpital réussit sans difficulté à obtenir la signature des deux actes ci-dessous, qui constituent le développement logique de l'accession de la Russie au traité d'alliance de Versailles du 1 mai (№ 473).

Une alliance fut conclue à Stockholm entre la France, la Suède et l'Autriche. La Russie devait y accéder une fois qu'elle s'est décidée de faire partie de la coalition contre le roi Frédéric II et ses alliés.

Le texte de deux actes № 474 et 475 se trouve inséré dans le présent Recueil de traités sub. t. I, № 23, pag. 213 et suiv. et pag. 223 et suiv.

№ 476.

1760. 7 (18) mars. Acte d'accession de la Russie au traité de Versailles du 30 décembre 1758 (Recueil complet des Lois № 11036).

*) Rambaud. Recueil, t. II, pag. 74 et suiv.

арміи чинъ генералъ-лейтенанта, а французъ былъ только „докторомъ короля". Тогда маркизъ Лопиталь сталъ умолять свое правительство, чтобъ Поассонье произвели въ статскіе совѣтники, т. е. въ чинъ, равный чину генералъ-лейтенанта. Но французскій король отказалъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, благодаря Шувалову, русская Академія Наукъ выбрала Поассонье въ свои члены. Тогда только Кондоиди нашелъ, что титулъ члена русской Академіи Наукъ равносиленъ титулу статскаго совѣтника, и великодушно согласился объясниться съ Поассонье о болѣзни Императрицы.

Императрица Елизавета Петровна, несомнѣнно знавшая объ этомъ спорѣ между ея лейбъ-докторомъ и французскимъ докторомъ, чрезвычайно обрадовалась благополучному его окончанію. Когда, въ октябрѣ 1758 года, французскій посолъ представилъ ей Поассонье, она сказала ему: „Между королемъ и мною существуютъ уже съ нашего дѣтства старыя симпатіи и вы можете его увѣрить, что я навсегда останусь тою же самою и что я ему постоянно буду давать самыя искреннія доказательства моей дружбы и что я расчитываю на его дружбу" *).

Несравненно меньше затрудненій причинило маркизу Лопиталю заключеніе обоихъ нижеслѣдующихъ актовъ, которые являются логическимъ развитіемъ приступленія Россіи къ Версальскому союзному трактату отъ 1 мая (№ 473).

Въ Стокгольмѣ былъ заключенъ союзъ между Франціею, Швеціей и Австріею. Къ этому союзу, силою обстоятельствъ, должна была приступить Россія, послѣ вступленія въ коалицію противъ прусскаго короля Фридриха II и его союзниковъ.

Текстъ обоихъ актовъ № 474 и 475 уже отпечатанъ въ настоящемъ „Собраніи трактатовъ", т. I, № 23, стр. 213 и слѣд. и стр. 223 и слѣд.

№ 476.

1760 г., марта 7-го (18-го). Актъ приступленія Россіи къ Версальскому трактату 1758 года, декабря 30-го. (П. С. З. № 11036).

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 74 et suiv.

№ 477.

1760. 10 (21) mars. Acte d'accession de la Russie au traité de Copenhague du 4 mai 1758, conclu entre le Danemarc et la France. (Recueil complet des Lois № 11038).

№ 477.

1760 г., марта 10-го (21-го). Актъ приступленія Россіи къ Копенгагенскому трактату 1758 года, мая 4-го, заключенному между Даніею и Франціею. (П. С. З. № 11038).

№ 478.

1760. 10 (21) mars. Déclaration de la Cour de Vienne.

En prenant possession de son poste à la Cour Impériale, le marquis de l'Hôpital exprima la pensée à son gouvernement que l'ambassadeur de France à St.-Pétersbourg devait avoir trois qualités essentielles: il devait être „sage", „tranquille" et „magnifique". En ce qui regarde de marquis, il n'avait que deux de ces qualités, il était tranquille et magnifique, mais il ne brillait pas par son esprit. Il se rendait difficilement compte des affaires qu'il était appelé à traiter et se heurta à plus de difficultés encore dans l'appréciation de l'état de choses à la Cour Impériale.

Après un court séjour en Russie, il arriva à la conviction que „la Russie est grande par son étendue et petit par ses moyens". Il trouvait que les idées et les principes russes differaient si essentiellement des idées et des principes admis en France, qu'un Français avait de la peine à les comprendre et à s'y accoutumer *). Il comparait la Russie à une immense machine qui devait porter toujours l'empreinte des défauts, propre au despotisme.

En attendant, le marquis de l'Hôpital avait à la Cour de Russie une position exceptionnelle grâce aux dispositions sympathiques que l'Impératrice entretenait de tout temps à l'égard de la France et du roi Louis XV. „Je vous prie marquis", dit-elle un jour à ce diplomate, „de mander au roi qu'il m'est toujours présent; je l'éprouve dans toutes les occasions qui l'intéressent".

*) Rambaud. Recueil, t. II, pag. 89, 91 et suiv.

№ 478.

1760 г., марта 10-го (21-го). Декларація Вѣнскаго двора.

При вступленіи въ отправленіе своей должности при Высочайшемъ дворѣ, маркизъ Лопиталь высказалъ своему правительству убѣжденіе, что французскій посолъ въ С.-Петербургѣ долженъ отличаться тремя качествами: онъ долженъ быть „уменъ", „спокойнаго нрава" и „великолѣпенъ". Самъ маркизъ Лопиталь изъ этихъ трехъ качествъ имѣлъ, къ сожалѣнію, только два: онъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ и очень спокойнаго нрава, но ума было у него немного. Онъ очень плохо уразумѣлъ положеніе дѣлъ, которыми ему приходилось заниматься, и еще менѣе понялъ онъ положеніе вещей при Высочайшемъ дворѣ.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Россіи посолъ пришелъ къ убѣжденію, что „Россія велика по пространству и мала по могуществу". Онъ находилъ, что русскіе принципы и идеи столь существенно отличаются отъ французскихъ понятій и стремленій, что французу трудно ихъ понять и съ ними свыкнуться *). Онъ сравнивалъ Россію съ громадною машиною, которой навсегда останутся присущими всѣ недостатки, свойственные деспотизму.

Между тѣмъ, маркизъ Лопиталь занималъ при русскомъ дворѣ совершенно исключительное положеніе, благодаря тому особенному расположенію, съ которымъ Императрица постоянно относилась къ Франціи и къ Людовику XV. „Я васъ прошу, маркизъ", сказала ему разъ Императрица, „передать королю, что я постоянно о немъ думаю. Я думаю о немъ во всѣхъ случаяхъ, которые его касаются".

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 89, 91 et suiv.

Une autre fois l'Impératrice dit à l'ambassadeur: „Il y a entre le roi et moi une ancienne sympathie depuis notre enfance, et vous pouvez l'assurer que je serai toujours la même, et que je lui donnerai constamment des preuves bien sincères de mon amitié et que je compte également sur la sienne... Vous pouvez assurer le roi que je concourrai de tout mon pouvoir à toutes ses vues, comme je suis bien certaine qu'il sera occupé des miennes, mais qu'en ce moment elles se bornent à faire de nouveaux efforts pour mettre à la raison le roi de Prusse".

Lorsqu'en janvier 1758 le Chancelier comte Bestujew fut congédié, l'Impératrice ne put s'empêcher de dire à l'ambassadeur que „c'est dommage que son pauvre ami le marquis de la Chétardie soit mort, il eut été très heureux d'apprendre le sort de Bestoujew" *).

L'Impératrice Elisabeth était si attachée à la France qu'elle désirait sincèrement conclure avec elle une alliance contre tous les ennemis communs.

Malheureusement le marquis de l'Hôpital ne sut pas profiter de ces circonstances favorables et ne contribua en rien à réaliser ce programme. En témoignant une confiance absolue au nouveau Chancelier, le comte Woronzow, il suscitait les soupçons et le mécontentement de son propre gouvernement. Cette intimité de l'ambassadeur avec le Chancelier russe était si peu du goût du roi Louis XV, qu'il crut devoir l'écarter de toutes les négociations quelque peu sérieuses. Lorsqu'à la mort du cardinal de Bernis, le duc de Choiseul fut nommé ministre des affaires étrangères, l'insuffisance du marquis de l'Hôpital devint si manifeste, qu'il fut rappelé en 1760.

Nous devons ajouter que le marquis ne comprit nullement l'importance de la jeune Cour et le grand caractère de la grand duchesse Catherine. Convaincu que Bestoujew, l'ambassadeur d'Angleterre Williams et Stanislas Poniatowsky constituaient „le trio d'un coquin, d'un fou et d'un fat", le marquis ne fit rien pour inviter les bonnes grâces de la future Impératrice. Il ne dissimulait pas sa satisfaction, lorsque contrairement au vœu de Catherine, Poniatowsky fut

*) Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 322 et suiv.

Другой разъ Императрица сказала послу: „между королемъ и мною существуетъ уже съ дѣтства старая симпатія, и вы можете его увѣрить, что я навсегда останусь тою же и что я постоянно буду давать ему самыя искреннія доказательства моей дружбы и что я равнымъ образомъ разсчитываю на его дружбу... Вы можете увѣрить короля, что я готова всѣми силами поддерживать всѣ его интересы въ увѣренности, что онъ поддержитъ мои виды. Но въ настоящее время они ограничиваются только усиліями усмирить короля прусскаго".

Когда въ январѣ 1758 года, былъ свергнутъ Канцлеръ, гр. Бестужевъ-Рюминъ, Императрица не могла удержаться, чтобъ не сказать французскому послу: „Какъ жаль, что умеръ мой бѣдный другъ маркизъ Шетарди. Онъ былъ бы очень счастливъ, узнавъ о судьбѣ Бестужева" *).

Императрица Елизавета Петровна настолько была привязана къ Франціи, что искренно желала заключенія съ нею тѣснѣйшаго союза противъ всѣхъ общихъ враговъ.

Но маркизъ Лопиталь не съумѣлъ воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами и нисколько не содѣйствовалъ приближенію поставленной ему цѣли. Выказывая безпредѣльное довѣріе новому Канцлеру, графу Воронцову, онъ вызывалъ серьезное неудовольствіе и понятную подозрительность со стороны своего собственнаго правительства. Королю Людовику XV настолько мало нравилась эта дружба посла съ русскимъ канцлеромъ, что онъ совершенно устранилъ его отъ веденія серьезныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Когда же послѣ смерти кардинала Берни, герцогъ Шуазель сдѣлался французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, несостоятельность маркиза Лопиталя, въ качествѣ посла, обнаружилась настолько рельефно, что въ 1760 году послѣдовало его отозваніе.

Наконецъ, нельзя не прибавить, что маркизъ Лопиталь совершенно не понялъ огромнаго значенія „молодого двора" и сильнаго характера Великой Княжны Екатерины Алексѣевны. Будучи убѣжденъ, что Бестужевъ, англійскій посланникъ Вильямсъ и Станиславъ Понятовскій составляютъ „тріо изъ мошенника, сумашедшаго и фата", маркизъ ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить милость будущей Императрицы. Напротивъ, онъ радовался, когда,

*) Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, p. 322 et suiv.

rappelé à Varsovie et il s'appliquait à empêcher son retour à St.-Pétersbourg*).

Ainsi l'action du marquis de l'Hôpital était plutôt préjudiciable qu'utile au raffermissement des relations d'amitié entre la Russie et la France. Mais d'autre part, il était incontestablement magnifique, par le faste de son existence extérieure. Son voyage de Paris à St.-Pétersbourg ne coûta pas moins de 150.000 livres. Sa suite à St.-Pétersbourg se composait de plus de 80 personnes parmi lesquelles se trouvaient les plus grands noms de France, ses réceptions et ses fêtes se faisaient rémarquer par un luxe exceptionnel. Toutefois pour être équitable, il faut convenir que le marquis de l'Hôpital, eut-il été doué des talents politiques les plus éminents, n'eut pas été en mesure de rendre de grands services en sa qualité d'ambassadeur, à cause de circonstances, indépendantes de sa volonté, au milieu desquelles il était appelé à déployer son action. Loin d'éprouver des sympathies quelconques pour la Russie et sa Souveraine, le roi Louis XV s'efforçait de contrecarrer par tous les moyens les vues du gouvernement russe. Celui auquel il avait recours le plus souvent dans ces circonstances — était la correspondance secrète qu'il entretenait à l'insu de ses ministres des affaires étrangères. Depuis l'année 1757 le roi entretenait une correspondance secrète suivie avec l'Imperatrice; en France, il n'y avait que le secrétaire d'Etat Tercier et le comte de Broglie qui en eussent connaissance — et en Russie le comte Woronzow et Olsoufiew, le secrétaire de l'Impératrice étaient les seuls initiés. A St.-Pétersbourg c'était le fameux chevalier d'Eon qui servait d'organe au „secret du roi". En qualité de secrétaire d'ambassade, il était obligé da remplir les ordres de son chef, le marquis de l'Hôpital; comme organe du „secret du roi", il était appelé à contrecarrer l'action de son chef et à paralyser l'exécution des instructions du ministre des affaires étrangères. Ainsi lorsqu'en 1759, le duc de Choiseul prescrivit au marquis de l'Hôpital de proposer au gouvernement impérial, de prendre l'initiative d'une médiation entre l'Autriche et la Prusse, l'ambassadeur n'en fit rien, parceque le chevalier d'Eon se trouvait en possession d'un ordre secret du roi, revoquant celui

*) **Bilbasow.** Histoire de Catherine II, t. I, pag. 363 et suiv.

вопреки желанію Екатерины, Понятовскій былъ отозванъ обратно въ Варшаву, и онъ старался препятствовать возвращенію его въ С.-Петербургъ *).

Итакъ, для закрѣпленія дружбы между Россіей и Франціей, маркизъ Лопиталь былъ скорѣе вреденъ, нежели полезенъ. Но, съ другой стороны, онъ былъ безспорно „великолѣпенъ" въ своей обстановкѣ. Его путешествіе отъ Парижа до С.-Петербурга стоило не меньше 150.000 ливровъ. Въ его свитѣ, заключавшей болѣе 80 лицъ, были представители самыхъ аристократическихъ именъ Франціи. Его пріемы и празднества отличались удивительною роскошью. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что еслибъ маркизъ Лопиталь даже и обладалъ большими политическими талантами и былъ бы человѣкомъ выдающагося ума, то и тогда онъ мало могъ бы принести пользы въ виду независѣвшихъ отъ него крайне невыгодныхъ условій дѣятельности. Людовикъ XV не только не питалъ никакого расположенія къ Россіи и къ ея Государынѣ, но всѣми силами старался противодѣйствовать исполненію желаній русскаго правительства. Возлюбленнымъ средствомъ для парализованія видовъ русской политики служила королю секретная переписка, происходившая за спиною его Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Съ 1757 года была организована королемъ секретная переписка съ русскою Императрицею. Съ французской стороны о ней знали, кромѣ короля, статсъ-секретарь Терсье и графъ Брольи; съ русской стороны: графъ Воронцовъ и секретарь Императрицы Олсуфьевъ. Въ Петербургѣ служилъ органомъ „королевскаго секрета" пресловутый шевалье д'Еонъ. Въ качествѣ секретаря французскаго посольства, шевалье д'Еонъ обязанъ былъ исполнять приказанія своего начальника, маркиза Лопиталя; въ качествѣ же органа „королевскаго секрета", онъ принужденъ былъ противодѣйствовать начинаніямъ своего начальника и парализовать исполненіе полученныхъ имъ отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ инструкцій. Такъ, когда герцогъ Шуазель предписалъ, въ 1759 году, маркизу Лопиталю предложить Императорскому правительству взять на себя починъ посредничества между Австріею и Пруссіею, посолъ этого предписанія не исполнилъ, потому что ше-

*) **Бильбасовъ.** Исторія Екатерины II, т. I, стр. 363.

du ministre. Dans ces conditions, l'ambassadeur de France ne savait pas s'il devait se conformer aux ordres du duc de Choiseul, qui lui étaient notifiés au nom du roi, ou à ceux des ses conseillers secrets, dont il devait nécessairement connaître l'existence. Le marquis de l'Hôpital prit le parti de ne rien faire sans consulter le chevalier d'Eon, qui lui donnait toujours des conseils conformes au „secret du roi".

On comprend que ce système de ne tenir aucun compte des instructions ministerielles, devait être un sujet d'indignation pour le duc de Choiseul qui prit la résolution de rappeler le marquis de l'Hôpital. Inspiré par le désir de préparer son successeur à la stricte exécution de ses instructions, le duc nomma un représentant à la Cour de Russie qui devait s'y trouver simultanément avec le marquis de l'Hôpital. Le choix du duc pour ce poste de second plénipotentiaire de France tomba sur le baron de Breteuil, officier français, d'un brillant extérieur, habile et intelligent, qui devait contribuer au rapprochement entre la Russie et la France. Le baron de Breteuil eut en outre la mission d'obtenir la faveur de la grand duchesse Catherine et de lui faire oublier Soltikof et Poniatowsky.

Toutefois le roi Louis XV le nomma en même temps comme son agent secret auprès de la Cour de St.-Pétersbourg avec la mission de le tenir au courant de toutes les dispositions faites par le duc de Choiseul, et de n'exécuter que les instructions qui lui seraient adressées par l'entremise de Tercier et du comte de Broglie. Dans ces conditions la mission du baron de Breteuil devait rester stérile.

En comparant les instructions qu'il recevait du duc de Choiseul, au nom du roi, avec celles qui lui étaient adressées au nom du roi également par Tercier, on est appelé a y constater de notables divergences*). Le baron de Breteuil se trouvait ainsi placé dans l'impossibilité d'exécuter simultanément les unes et les autres; il devait nécessairement tromper l'un ou l'autre de ses commettants. Toutefois une pensée commune se retrouvait comme un fil conducteur dans les deux instructions: c'était la défiance manifeste du roi de France pour la Russie et sa Souveraine.

Même dans sa corréspondance très confiden-

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 119 et suiv.

валье д'Еонъ имѣлъ секретное предписаніе отъ короля, отмѣнявшее приказаніе министра. При такихъ обстоятельствахъ французскій посолъ не могъ знать, чьи предписанія онъ обязанъ исполнять: герцога ли Шуазеля, объявленныя ему именемъ короля, или же секретныхъ совѣтниковъ короля, о существованіи которыхъ онъ навѣрное зналъ? Маркизъ Лопиталь рѣшилъ ничего не дѣлать безъ совѣта своего секретаря, шевалье д'Еона, который всегда давалъ совѣты, согласные съ „секретомъ короля".

Понятно, что такое ослушаніе въ отношеніи министерскихъ приказаній должно было возмущать герцога Шуазеля, который и рѣшилъ отозвать маркиза Лопиталя. Но, изъ желанія подготовить его преемника къ наилучшему исполненію инструкцій, герцогъ Шуазель назначилъ его состоять при русскомъ дворѣ одновременно съ маркизомъ Лопиталемъ, по крайней мѣрѣ годъ. Выборъ герцога Шуазеля на постъ втораго французскаго посланника при Высочайшемъ дворѣ палъ на очень красиваго, ловкаго и умнаго французскаго офицера, барона Бретёль, который долженъ былъ содѣйствовать большему сближенію между Россіей и Франціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ барону Бретёль поручено было стараться войти въ милость Великой Княгини Екатерины Алексѣевны и заставить ее забыть и Салтыкова, и Понятовскаго.

Однако, въ тоже время, король Людовикъ XV назначилъ его своимъ секретнымъ агентомъ при С.-Петербургскомъ дворѣ съ обязанностью доносить ему о всѣхъ распоряженіяхъ министра, герцога Шуазеля, и исполнять только инструкціи, данныя ему чрезъ посредство Терсье и графа Брольи. Такимъ образомъ и дѣятельность барона Бретёль должна была оказаться безплодною.

Если сравнить инструкціи, данныя барону Бретёль отъ герцога Шаузель именемъ короля, съ инструкціями, полученными отъ того же короля, но чрезъ посредство Терсье, то нельзя не замѣтить явныхъ противорѣчій *). Баронъ Бретёль абсолютно не въ состояніи былъ одновременно исполнять тѣ и другія инструкціи: онъ *долженъ* былъ обмануть министра или короля. Впрочемъ, была и въ тѣхъ, и въ другихъ, одна основная мысль, проходящая какъ красная нить, а именно: явное недовѣріе французскаго короля къ Россіи и къ ея Государынѣ.

Король Людовикъ XV не скрывалъ свое

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 119 et suiv.

ticlle avec l'Impératrice, Louis XV ne croyait pas devoir dissimuler cette méfiance et ce manque de bon vouloir. Il oppose un refus obstiné à toutes ses demandes et cela sous les prétextes les plus futiles. Lorsque l'Impératrice lui demanda de lui prêter cinq millions de roubles, le roi lui refusa sous prétexte que ses autres alliés reçoivent des subsides considérables. Lorsqu'en vue de la délivrance prochaine de la grand'duchesse, elle le prie d'être le parrain de l'enfant, dont la naissance était attendue, il refusa également sous prétexte qu'étant catholique, il n'aura pas la possibilité de surveiller son instruction religieuse! Enfin, en étudiant cette correspondance très secrète entre le roi de France et l'Impératrice de Russie, on doit se convaincre de sa complète stérilité. C'était un jeu à collin-maillard, indigne des souverains de deux grands Etats et qui jetait le trouble dans les relations politiques que sans cela pouvait si facilement compromettre la guerre de Sept Ans.

Grâce à ce jeu et à ce système de tromperie mutuelle, l'action commune des alliés contre la Prusse et l'Angleterre devait être paralysée dans son germe. Louis XV s'appliquait par tous les moyens à contrecarrer l'action de la Russie en Pologne, et n'admettait pas la pensée d'une indemnité territoriale de la Russie aux dépens des provinces de la Prusse, conquises par les armées russes. Battue à Rosbach la France s'élevait énergiquement contre l'intention de la Russie victorieuse à Kunersdorf, de garder à la conclusion de la paix une partie de la Prusse orientale. Le duc de Choiseul insistait au nom du roi sur des opérations plus énergiques de l'armée russe. Par contre, Tercier, au nom de ce même roi, faisait des efforts inouis pour arrêter la marche victorieuse de la Russie, en vue d'empêcher l'accroissement de sa puissance et de paralyser l'accomplissement de ses vues politiques concernant la Prusse, la Pologne et, finalement, l'Empire Ottoman.

Il est vrai que le duc de Choiseul déclara au comte Bestoujef, sur l'ordre du roi, que Sa Majesté se proposait d'observer strictement tous ses engagements à l'égard de ses alliés et qu'elle ne signerait la paix que d'un commun accord avec eux. Mais toute la question consistait en cela, de quelle nature devait être la paix qu'il s'agissait de conclure? Les avis des puissances

недовѣріе и недоброжелательство даже въ секретнѣйшей личной перепискѣ съ Императрицею. Онъ отказываетъ ей во всѣхъ ея просьбахъ и подъ самыми ничтожными предлогами. Когда Императрица проситъ въ займы 5 милліоновъ рублей, король отказываетъ подъ тѣмъ предлогомъ, что его другіе союзники получаютъ большія субсидіи. Когда Императрица, въ виду предстоящаго разрѣшенія отъ бремени Великой Княгини, проситъ его быть крестнымъ отцомъ будущаго ребенка, король также отказываетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ католикъ и слѣдить за религіознымъ воспитаніемъ ребенка будетъ не въ состояніи! Словомъ, слѣдя за этою секретнѣйшею личною перепискою между королемъ французскимъ и русскою Императрицею, нельзя не убѣдиться въ полной ея безплодности. Она была недостойною игрою въ жмурки главъ двухъ великихъ государствъ и вносила невѣроятную путаницу въ серьезныя политическія отношенія, которыя и безъ того были крайне опасны и запутаны во время Семилѣтней войны.

При такой игрѣ и при системѣ взаимнаго надувательства общія дѣйствія союзныхъ противъ Пруссіи и Англіи державъ постоянно парализовались въ самомъ зародышѣ. Людовикъ XV старался изъ всѣхъ силъ противодѣйствовать Россіи въ Польшѣ и не допускалъ мысли о территоріальномъ вознагражденіи Россіи на счетъ завоеванныхъ русскими войсками прусскихъ провинцій. Разбитая при Росбахѣ Франція энергически возставала противъ намѣренія побѣдоносной при Куннерсдорфѣ Россіи оставить за собою, при заключеніи мира, часть Восточной Пруссіи. Герцогъ Шуазель, именемъ короля, настаивалъ на болѣе энергическихъ военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ армій. Терсье же, именемъ того же короля, выбивался изъ силъ, чтобы остановить побѣдоносное шествіе русскихъ войскъ съ цѣлью не увеличивать могущества Россіи и парализовать исполненіе ея политическихъ видовъ въ отношеніи Пруссіи, Польши или, наконецъ, Оттоманской Имперіи.

Правда, герцогъ Шуазель, по приказанію короля, объявилъ графу М. П. Бестужеву, что Его Величество свято и ненарушимо будетъ соблюдать всѣ обязательства съ своими союзниками и заключитъ миръ только съ общаго ихъ согласія. Но весь вопросъ заключался въ томъ: какой миръ долженъ быть заключенъ? Насчетъ этого кардинальнаго вопроса союз-

alliées étaient complètement divergents en ce qui regarde cette question importante. Bien que la France eut éprouvé des revers sur tous les champs de bataille et dans toutes les rencontres sur mer, Louis XV ne continuait pas moins à jouir au „secret du roi" et à jeter partout le trouble par ses agents tant officiels que secrets.

„Le trésor manque d'argent", écrivait Bestoujef de Paris, „l'appauvrissement de la nation est manifeste, le commerce et l'industrie sont en décadence, la navigation se heurte à des entraves: la nation montre des dispositions frondeuses, l'Etat ne trouve pas moins le crédit nécessaire pour ses besoins".

Au commencement de l'année 1760, la situation des alliés était très dangereuse. De sérieux conflits surgissaient entre les Cours de St.-Pétersbourg et de Vienne au sujet des opérations militaires et des conditions de la paix à conclure*). La Cour de Versailles appliquait tous ses efforts pour écarter ces malentendus et rétablir une entente et une communauté d'action entre les deux alliés du Nord-Est. Mais en même temps, elle ne laissait pas échapper l'occasion d'adresser des reproches à la Russie et l'Autriche au sujet de leur manque de zèle et d'ardeur dans la guerre avec la Prusse.

Ainsi le duc de Choiseul se plaignait-il au comte Bestoujew des procédés trop humanitaires dont les autorités militaires russes usaient dans les provinces occupées de la Prusse. Le ministre français demandait au représentant de Russie: pourquoi ces territoires étaient frappés d'impôts et de contributions dans une mesure si restreinte, tandis que le roi de Prusse ne se faisait aucun scrupule de ruiner, non seulement la Saxe et le Mecklembourg, mais tout territoire qu'il parvenait à saisir ou qu'il ne faisait que traverser? Aussi n'y avait-il aucune raison pour user de ménagements envers le royaume de Prusse. Il importe de réclamer de la Prusse de fortes sommes qui puissent faciliter l'entretien de l'armée russe; dans le cas contraire ce pays, loin de s'épuiser, ne ferait que s'enrichir par l'argent qu'y laisserait l'armée russe.

Le duc de Choiseul s'appliquait à démontrer que cette manière d'agir ne s'accordait ni avec les intérêts de la Russie, ni avec ceux de ses

*) Voir mon: „Recueil des traités", t. I, pag. 225, 270 et suiv.; t. X, pag. 211 et suiv.

ныя державы держались совершенно различныхъ воззрѣній. Хотя Франція была побита на всѣхъ моряхъ и поляхъ сраженій, Людовикъ XV всетаки продолжалъ играть въ „секретъ короля" и мутить повсюду, насколько могъ, посредствомъ своихъ открытыхъ и тайныхъ агентовъ.

„Въ здѣшней казнѣ", писалъ Бестужевъ изъ Парижа, „примѣтенъ немалый недостатокъ въ деньгахъ; въ народѣ явна бѣдность; торговля и мануфактуры приходятъ въ упадокъ; мореплаваніе стѣснено; народъ сильно ропщетъ; несмотря на то, для нуждъ государственныхъ въ публикѣ кредитъ всегда есть".

Въ самомъ началѣ 1760 года положеніе союзниковъ было весьма опасное. Между С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами постоянно возникали серьезныя столкновенія изъ за веденія военныхъ дѣйствій и условій будущаго мира [1]). Версальскій дворъ старался всѣми силами устранять эти недоразумѣнія и водворять между обоими сѣверо-восточными союзниками согласіе и общность дѣйствій. Но, въ то же время, онъ не упускалъ случая, чтобъ дѣлать, съ своей стороны, упреки или Россіи, или Австріи относительно ихъ нерадивости въ войнѣ противъ Пруссіи.

Такъ, герцогъ Шуазель очень жаловался графу Бестужеву на слишкомъ гуманный образъ дѣйствій русскихъ военныхъ властей въ занятыхъ русскими войсками прусскихъ владѣніяхъ. Съ какой стати, спросилъ французскій министръ русскаго посланника, берутся съ нихъ такія малыя обыкновенныя подати и чрезвычайныя контрибуціи, когда прусскій король не только Саксонію и Мекленбургъ, но и всякую землю, какую только захватитъ или только мимо пройдетъ, въ конецъ разоряетъ? Слѣдовательно, нечего щадить и королевство прусское. Надобно взыскивать съ Пруссаковъ такія большія суммы, которыя бы облегчили содержаніе русскаго войска; въ противномъ случаѣ, королевство прусское не только не истощится, но еще обогатится деньгами, которыя оставляетъ въ немъ русское войско.

Такой образъ дѣйствій, доказывалъ герцогъ Шуазель, нисколько не согласенъ ни съ русскими, ни съ общими интересами, потому что

[1]) Сравн. мое „Собраніе трактатовъ", т. I, стр. 225, 270 и слѣд.; т. X, стр. 211 и слѣд.

alliés vu que le roi de Prusse, en se rendant compte de cette situation avantageuse de son pays, ne montrerait aucun empressement à conclure la paix.

Ces observations du duc de Choiseul parurent injustes au Chancelier de l'Empire, et il fit l'annotation suivante sur la dépêche de Bestoujew: „Dans l'ignorance des revenus effectifs de la Prusse, il est aisé d'établir des comparaisons avec la Saxe et le Mecklembourg quant aux contributions à percevoir, mais nous avons acquis la certitude que les habitants se trouvent dans l'impossibilité de payer les contributions qui leur sont imposées, d'une part faute de ressources et de l'autre, faute de monnaie courante, emportée par le roi hors du pays; quant aux sommes considérables, affectées à l'entretien de l'armée, elles ont été dépensées pour la plus grande part en Pologne et ont servi à enrichir les Polonais. D'ailleurs, on ne doit pas suivre le mauvais exemple du roi de Prusse".

Le comte M. P. Bestoujew-Rumine n'eut pas l'occasion d'appliquer ses efforts pour faire changer d'avis le duc de Choiseul quant à l'opportunité de ces procédés humanitaires de l'armée russe dans les provinces occupées de la Prusse. Il mourut en février 1760, et le prince D. M. Galitzine, attaché à sa personne en qualité de ministre, fut appelé, par ordre suprême, à représenter la Russie à la Cour de Versailles, et exerça ces fonctions jusqu'à l'arrivée à Paris du comte Tchernichef, nommé ambassadeur.

Malgré de notables divergences de leurs vues politiques, la Russie, la France et l'Autriche maintenaient entre elles des relations intimes d'alliance, afin de poursuivre la lutte contre l'ennemi commun, le Grand Frédéric. Ces relations intimes avec la France furent consacrés par un nouveau traité d'alliance, signé à Versailles le 30 décembre 1758. Ce traité fut communiqué au gouvernement russe par les représentants de la France et de l'Autriche à St.-Pétersbourg, avec la proposition d'y accéder.

L'Impératrice Elisabeth accueillit ces ouvertures, et c'est en mars 1760 que fut signé à St.-Pétersbourg l'acte d'accession de la Russie au traité d'alliance, conclu entre la France et l'Autriche en 1758.

Enfin, c'est par ces mêmes relations intimes, établies entre la France, la Russie et l'Autriche que s'explique l'accession du Cabinet russe au traité franco-danois, conclu à Copenhague en

прусскій король, видя свои земли въ такомъ прекрасномъ положеніи, не имѣетъ побужденія склониться на скорый миръ.

Государственному Канцлеру показались упреки герцога Шуазеля не особенно справедливыми, и на депешѣ Бестужева онъ подписалъ: „По невѣдѣнію прямого состоянія доходовъ въ Пруссіи, всякъ можетъ о собираніи контрибуціи сравненіе полагать съ Саксоніею и Мекленбургіею, токмо мы нынѣ искусствомъ удостовѣрены, что наложенныя контрибуціи прусскіе жители не въ состояніи заплатить, какъ за неимуществомъ своимъ, такъ и за недостаткомъ ходячей монеты, которая изъ земли королемъ прусскимъ вывезена; а употребленныя отсюда великія суммы денегъ на содержаніе здѣшней арміи почти всѣ въ Польшѣ къ немалому обогащенію Поляковъ издержаны. Впрочемъ, худому примѣру короля прусскаго послѣдовать не должно".

Графу М. П. Бестужеву-Рюмину не пришлось разубѣждать французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ въ нецѣлесообразности гуманнаго образа дѣйствій русскихъ армій въ занятыхъ ими прусскихъ провинціяхъ. Онъ скончался въ февралѣ 1760 года, и состоящему при немъ, на правахъ посланника, князю Д. М. Голицыну, Высочайше было повелѣно исправлять должность представителя Россіи при Версальскомъ дворѣ. Князь Голицынъ исполнялъ эту должность до прибытія въ Парижъ вновь назначеннаго русскаго посла, графа Чернышева.

Несмотря на существенное различіе во взглядахъ и политическихъ видахъ, Россія, Франція и Австрія оставались въ близкихъ союзныхъ отношеніяхъ для борьбы противъ общаго врага—прусскаго короля Фридриха В. Особенно близкія союзныя отношенія между Франціей были подтверждены и развиты новымъ союзнымъ трактатомъ, подписаннымъ въ Версалѣ 30-го декабря 1758 года. Этотъ трактатъ былъ сообщенъ русскому правительству представителями Франціи и Австріи въ С.-Петербургѣ съ предложеніемъ приступить къ нему.

Императрица Елизавета Петровна исполнила это желаніе, и въ мартѣ 1760 года состоялось въ С.-Петербургѣ подписаніе акта приступленія Россіи къ союзному трактату между Франціею и Австріею 1758 года.

Наконецъ, этими же союзными отношеніями между Франціею, Россіею и Австріею объясняется приступленіе Россіи къ Копенгагенскому франко-датскому трактату 1758 года,

1758 en vue d'amener une solution de l'interminable question du Holstein et de garantir, au moins, la neutralité du Danemark, pendant la durée de la guerre de Sept Ans. En vertu de ce traité la Cour de Versailles prenait l'engagement vis-à-vis du Danemark s'appliquer tous ces efforts pour obtenir l'échange du Holstein contre les comtés d'Oldenbourg et Delmengorst.

L'Impératrice Elisabeth consentit également à accéder à cet acte international à condition d'une nouvelle garantie à stipuler pour consacrer les droits du duc de Holstein dans l'avenir.

Le texte des actes internationaux sub № 476—478 se trouve imprimé dans le présent Recueil des traités et conventions, sub № 24 et 25, au t. I, pag. 224 et suiv.

имѣвшему цѣлью разрѣшить нескончаемый Голштинскій вопросъ и обезпечить, по меньшей мѣрѣ, нейтралитетъ Даніи въ продолженіе Семилѣтней войны. Въ силу этого договора Версальскій дворъ обязался въ отношеніи Даніи употребить всѣ усилія для устройства обмѣна Голштиніи на графства Ольденбургское и Дельменгорстское.

Императрица Елизавета Петровна согласилась приступить также и къ этому международному акту, подъ условіемъ новой гарантіи правъ герцога Голштинскаго на будущія времена.

Текстъ международныхъ актовъ за №№ 476—478 отпечатанъ въ настоящемъ „Собраніи трактатовъ и конвенцій", за № 24 и 25, въ томѣ I, стр. 224 и слѣд.

№ 479.

1783, 3 septembre (24 août). Traité de paix entre la France et l'Angleterre, signé à Versailles et conclu sous la médiation de la Russie et de l'Autriche.

1783 г., сентября 3-го (авг. 24-го). Мирный трактатъ между Франціею и Англіею, подписанный въ Версалѣ и заключенный при посредничествѣ Россіи и Австріи.

№ 480.

1783, 3 septembre (24 août). Déclaration du roi d'Angleterre au sujet de New-Founland.

1783 г., сентября 3-го (авг. 24-го). Декларація англійскаго короля относительно Нью-Фаунлэнда.

№ 481.

1783, 3 septembre (24 août). Contre-déclaration de la France.

1783 г., сентября 3-го (авг. 24-го). Французская контръ-декларація.

№ 482.

1783, 3 septembre (24 août). Traité de paix entre l'Angleterre et l'Espagne, signé à Versailles et conclu sous la médiation de la Russie.

1783 г., сентября 3-го (авг. 24-го). Мирный трактатъ между Англіею и Испаніею, подписанный въ Версалѣ и заключенный при посредничествѣ Россіи.

№ 483.

1783, 3 septembre (24 août). Déclaration Anglaise.

№ 483.

1783 г., сентября 3-го (авг. 24-го). Англійская декларація.

№ 484.

1783, 3 septembre (24 août). Contre-déclaration Espagnole.

№ 484.

1783 г., сентября 3-го (авг. 24-го). Испанская контръ-декларація.

№ 485.

1783, 3 septembre (24 août). Déclaration signée par les plénipotentiaires-médiateurs russes.

№ 485.

1783 г., сентября 24-го (авг. 3-го). Декларація, подписанная русскими уполномоченными посредниками.

La conclusion des traités d'alliance de Versailles et de Copenhague n'apporta aucune modification ni à l'état de choses sur le théâtre des opérations militaires, ni à l'attitude des Puissances belligérantes elles-mêmes. La guerre poursuivit son cours en laissant se produire, d'une part, les grands talents militaires de Frédéric II et sa fertilité en expédients et, de l'autre, l'incapacité notoire de ses ennemis. La situation de la France était particulièrement désolante; elle perdait ses colonies l'une après l'autre au profit de l'Angleterre, et essuyait des échecs sur les champs de bataille en Europe. Le gouvernement français et la nation étaient naturellement impatients de voir la fin de cette guerre, qui durait, en 1761, depuis six ans. Ce désir du rétablissement de la paix était partagé par l'Impératrice Elisabeth. Aussi, lorsque le Cabinet de Versailles lui proposa de convoquer un congrès de paix à Augsbourg, accueillit-elle cette pensée avec empressement.

Toutefois, même dans cette question, des divergences notoires ne manquèrent pas de surgir entre les deux gouvernements.

Le 11 janvier 1761, dans la soirée, le baron de Breteuil se rendit chez le Chancelier et lui fit part d'une déclaration de son gouvernement, en insistant sur une réponse dans le plus bref délai possible. Cette déclaration portait entre

Заключеніемъ Версальскаго и Копенгагенскаго союзныхъ трактатовъ нисколько не измѣнилось ни положеніе вещей на театрѣ военныхъ дѣйствій, ни положеніе самихъ воюющихъ державъ. Война продолжалась попрежнему, обнаруживая удивительную изворотливость и великіе военные таланты Фридриха II и явную неспособность его враговъ. Въ особенности печально было положеніе Франціи, которая лишалась одной колоніи за другою въ пользу Англіи и постоянно была побиваема на поляхъ сраженій въ Европѣ. Совершенно естественно было общее желаніе французскаго правительства и народа видѣть конецъ этой разорительнѣйшей войны, продолжавшейся въ 1761 году уже 6 лѣтъ. Такое же желаніе мира питала и Императрица Елизавета Петровна. Поэтому понятно будетъ, что когда въ январѣ 1761 года Версальскій кабинетъ обратился къ ней съ предложеніемъ согласиться на созваніе въ городѣ Аугсбургѣ мирнаго конгресса, Императрица отнеслась весьма сочувственно къ этой мысли.

Однако, даже въ этомъ вопросѣ скоро оказалось существенное разногласіе между обоими правительствами.

Вечеромъ 11-го января 1761 года баронъ Бретёль пріѣхалъ къ Канцлеру и сообщилъ ему декларацію, на которую онъ, по предписанію своего правительства, просилъ скорѣйшаго отвѣта. Въ этой декларацін было, между про-

autre ce qui suit: „On sait que les ressources du roi de Prusse sont épuisées à un tel point que sans le secours de l'Angleterre, il serait dans la nécessité d'accorder toutes les satisfactions qu'on se trouve en droit de réclamer de lui en vue de sa conduite injustifiable. Le roi de France ne prévoit pas qu'une nouvelle campagne puisse placer les alliés dans une position plus avantageuse qu'elle n'est actuellement. Le roi ne croit pas devoir dissimuler à ses fidèles alliés, qu'il se trouve obligé de réduire son corps auxiliaire et que la continuation de la guerre réduit considérablement les revenus de son pays, aussi ne saurait-il assumer la responsabilité de remplir exactement les engagements, contractés avec ses alliés. Le roi a lieu d'espérer que Sa Majesté Impériale voudra bien sacrifier ses intérêts pour cette grande cause de la paix, de même qu'il se proposa de sacrifier les siens". Ce n'est qu'à la date du 1 février que le Chancelier comte Woronzow remit à l'ambassadeur de France une réponse à cette déclaration. La réponse russe, qui entrait dans beaucoup de détails ne put satisfaire le baron de Breteuil, qui ne réussit pas à la faire modifier.

„Personne ne saurait contester", disait-elle, „que le rétablissement de la paix au plutôt ne fût très désirable. Mais il faut qu'elle soit honnête, durable et utile. Il est hors de doute que le roi de France ne soit de notre avis. Mais il n'est pas moins urgent d'appliquer tous les efforts pour affaiblir considérablement le roi de Prusse, enlever à l'Angleterre la possibilité d'exercer son action sur le continent et assurer aux alliés la faculté de réparer leurs pertes en travaillant en toute sécurité au rétablissement de leurs Etats"...

„Pour notre part, nous estimerions comme le meilleur profit à retirer de cette guerre, si l'on pouvait réduire considérablement les forces du roi de Prusse et si nous pouvions gagner l'assurance que la guerre n'éclaterait pas de si tôt, et que la paix étant assurée pour un certain nombre d'années, nous ne serions plus dans la nécessité de prêter à nos alliés un secours, onéreux pour nous et pour eux, souvent tardif et inefficace"...

„Comme nous l'avons déjà déclaré", poursuit l'Impératrice dans sa réponse, „nous désirons l'acquisition de la province de Prusse, à laquelle nous avons un droit incontestable: elle fut conquise par nos troupes à un ennemi, qui nous avait déclaré

чимъ, сказано: „Достовѣрно извѣстно, что силы короля прусскаго такъ истощены, что если бы не помогала ему Англія, то онъ принужденъ былъ бы дать всѣ тѣ удовлетворенія, которыхъ даетъ право требовать отъ него его несправедливое нападеніе... Король французскій не предвидитъ возможности, чтобъ будущая компанія могла привести союзниковъ въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе. Не долженъ король скрывать отъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ, что онъ принужденъ уменьшить свое вспомогательное войско и что продолженіе войны крайне истощаетъ доходы его государства, такъ что онъ не отвѣчаетъ за возможность точнаго исполненія принятыхъ съ союзниками обязательствъ. Король надѣется, что Ея Императорское Величество принесетъ въ жертву этому великому дѣлу собственные свои интересы точно такъ, какъ и король намѣренъ жертвовать своими интересами". Отвѣтъ на эту французскую декларацію послѣдовалъ не раньше 1-го февраля, когда онъ былъ врученъ Канцлеромъ, графомъ Воронцовымъ, французскому послу. Весьма подробный русскій отвѣтъ не могъ удовлетворить барона Бретёля, но измѣненія его онъ не добился.

„Конечно", говорилось въ этомъ отвѣтѣ, „никто не будетъ спорить, что если надобно желать скораго мира, то заключить надобно только миръ честный, прочный и полезный. Безъ сомнѣнія, и Его Величество король французскій одного съ нами мнѣнія. Но... но меньшей мѣрѣ нужно стараться о томъ, чтобъ король прусскій существенно былъ ослабленъ въ своихъ силахъ, и Англія чрезъ это потеряла сильное свое вліяніе въ дѣлахъ твердой земли, а союзники хотя бы въ томъ нашли вознагражденіе за свои убытки, что могли бы трудиться спокойно и безопасно надъ возстановленіемъ своихъ государствъ"...

„Мы, съ своей стороны, за лучшее пріобрѣтеніе отъ этой войны почтемъ то, если силы короля прусскаго будутъ существенно уменьшены, и мы будемъ въ состояніи положиться, что война не скоро опять вспыхнетъ, будемъ покойны нѣсколько лѣтъ, не будемъ принуждены подавать нашимъ союзникамъ для насъ тягостную, а для нихъ иногда позднюю помощь...".

„Мы уже прежде объявили", продолжаетъ въ своемъ отвѣтѣ Императрица, „что желаемъ получить провинцію Пруссію, имѣя на нее полное право: она завоевана нами у такого непріятеля, который самъ намъ объявилъ войну,

la guerre, et de plus elle ne fait point partie de l'Empire Romain. Si nous désirons obtenir cette province, ce n'est ni pour l'extension des limites de notre Empire, déjà assez vaste, ni comme une compensation de nos pertes, mais uniquement pour établir la paix plus solidement et pour mettre une fin à de mutuelles récriminations avec la Pologne, en lui retrocédant ce territoire...“

La Cour de Versailles était d'un avis tout différent au sujet des négociations de paix et recommanda à son représentant à St.-Pétersbourg de d'appliquer tous ses moyens en vue de prévenir l'exécution du projet quant à l'incorporation de la province de Prusse à la Russie. Louis XV ne pouvait admettre la pensée que la Russie pût obtenir ce territoire auquel, à son avis, la Pologne avait des droits incontestables. Quant à sa retrocession éventuelle par la Russie, le roi semblait douter de la possibilité d'obtenir ce résultat.

Il y avait encore un point de divergence sérieuse entre les deux alliés. Le gouvernement français fit deux propositions: 1) de réunir un congrès de paix à Augsbourg, en abandonnant à l'Angleterre et à la Prusse le soin de fixer l'ordre de procédure à cette assemblée, et 2) de conclure une suspension d'armes, en réservant également aux dites Puissances de décider la question en principe, et de fixer ou de ne pas fixer de terme à cet armistice.

L'Impératrice consentait à la convocation d'un congrès, mais considérait que la conclusion d'armistice présentait de grands dangers, en accordant au roi de Prusse la possibilité de réunir ses forces et de préparer une nouvelle campagne, tandis que la Cour de Versailles voyait dans l'armistice l'unique moyen d'empêcher la conquête définitive de ses colonies en Amérique par l'Angleterre.

La Russie finit par céder, et le 14 (25) mars eut lieu à Versailles une réunion des représentants de Russie, d'Autriche, de Suède, de Pologne et de Saxe, sous la présidence du duc de Choiseul. On y procéda à la rédaction d'une déclaration que les Puissances alliées devaient adresser à leurs ennemis: l'Angleterre et la Prusse. Dans cet acte on proposa de conclure un armistice dont le terme et les conditions pouvaient être fixés par l'Angleterre et la Prusse*).

La Russie consentit à faire cette concession à la France en vue de sa déclaration catégorique que l'armistice était l'unique moyen pour

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 180 et suiv.

потомъ она не принадлежитъ къ Римской имперіи. Мы хотимъ получить эту провинцію вовсе не для распространенія и безъ того обширныхъ границъ нашей Имперіи и не для вознагражденія за убытки, но единственно для того, чтобъ надежнѣе утвердить миръ, а потомъ, уступивъ ее Польшѣ, окончить этимъ многія взаимныя претензіи“...

Версальскій дворъ былъ совсѣмъ другого мнѣнія насчетъ мирныхъ переговоровъ и предписалъ своему представителю въ С.-Петербургѣ стараться изъ всѣхъ силъ предупредить исполненіе проекта о присоединеніи провинціи Пруссіи къ Россіи. Людовикъ XV не могъ допустить мысли, чтобъ Россія пріобрѣла прусскую провинцію, на которую, по его мнѣнію, Польша имѣетъ несомнѣнныя права. Въ возвращеніи же этой провинціи Россіей Польшѣ король сомнѣвался.

Было еще одно крупное разногласіе между обоими союзниками. Французское правительство выставило два предложенія: 1) собрать мирный конгрессъ въ Аугсбургѣ, предоставивъ Англіи и Пруссіи опредѣлить порядокъ веденія дѣлъ на этомъ конгрессѣ, и 2) заключить перемиріе, предоставивъ опять вышеозначеннымъ державамъ рѣшить, быть ли перемирію, или нѣтъ, и назначить ли ему срокъ, или нѣтъ.

Императрица была согласна на созваніе мирнаго конгресса, но заключеніе перемирія признавала весьма опаснымъ, ибо оно дастъ прусскому королю время снова собраться съ силами и приготовить новую опасную кампанію. Между тѣмъ Версальскій дворъ видѣлъ въ перемиріи единственное средство для спасенія своихъ американскихъ колоній отъ окончательнаго завоеванія Англіею.

Въ концѣ концовъ, Россія уступила, и 14-го (25-го) марта 1761 г. состоялось въ Версалѣ совѣщаніе представителей Россіи, Австріи, Швеціи, Польши и Саксоніи, подъ предсѣдательствомъ герцога Шуазеля. Въ этомъ совѣщаніи была редактирована декларація, съ которою названныя союзныя державы должны были обратиться къ Англіи и Пруссіи—своимъ врагамъ. Въ этомъ актѣ предлагалось перемиріе, срокъ и условія котораго были поставлены въ зависимость отъ желаній Англіи и Пруссіи *).

Россія согласилась уступить Версальскому двору, въ виду категорическаго его заявленія, что только посредствомъ перемирія Франція въ

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 180 et suiv.

elle de sauver une partie de ses colonies transocéaniques.

Cette déclaration fut envoyée à Londres et à Berlin. La réponse du gouvernement anglais fit évanouir les dernières espérances de la France quant à la conservation de ses colonies. L'Angleterre refusa catégoriquement son consentement à l'armistice. Le projet d'un congrès à Augsbourg fut accepté par l'Angleterre et la Prusse. Le congrès fut convoqué, mais par la suite des événements, ses délibérations restèrent stériles.

La mort de l'Impératrice Elisabeth en janvier 1762 changea complètement l'état de choses sur le théâtre de la guerre et les relations mutuelles entre les alliés et les belligérants. L'Impératrice était „cette amie passionnée du roi", sous le règne de laquelle les mœurs, les coutumes et les idées françaises dominaient à la Cour de Russie. Mais nous avons vu plus haut, que ces dispositions amicales de l'Impératrice ne trouvait pas d'écho dans l'esprit et le cœur de Louis XV, qui ne cessa, jusqu'à la fin de ses jours, d'entretenir à l'égard de la Russie des sentiments de mépris et de mauvais vouloir peu dissimulés.

Peu de temps avant sa mort, l'Impératrice Elisabeth reçut une nouvelle preuve de ces dispositions malveillantes de son allié, le roi de France. L'Impératrice avait le désir de convertir le traité d'alliance de Versailles, contracté sous la médiation de l'Autriche, en un traité d'alliance direct entre la Russie et la France. Le Chancelier de l'Empire fit part de ce désir à plusieurs réprises au baron de Breteuil, mais celui-ci évitait systématiquement de donner une réponse à ce sujet. Enfin, lorsque le comte Woronzow touchait à la question d'un traité d'alliance, l'ambassadeur de France donnait à entendre qu'il s'agissait d'un traité de commerce. En présence de cette attitude, le Chancelier cessa de traiter cette question.

A l'avénement au trône de l'Empereur Pierre III les relations entre la Russie et la France subirent une complète modification. Le nouvel Empereur était un admirateur passionné du roi de Prusse Frédéric II; aussi dès son avénement au trône, cessa-t-il les hostilités contre lui, conclut la paix et se montra disposé de signer un traité d'alliance avec lui *).

*) Voir pour les détails au sujet de la politique de Pierre III — mon „Recueil des traités", t. V, pag. 356 et suiv.

состоянiи будетъ спасти часть своихъ заморскихъ колонiй.

Декларацiя была отправлена въ Лондонъ и Берлинъ. Отвѣтъ англiйскаго правительства разрушилъ послѣднюю надежду Францiи на сохраненiе своихъ колонiй: Англiя наотрѣзъ отказалась согласиться на перемирiе. На собранiе конгресса въ Аугсбургѣ согласились и Англiя, и Пруссiя. Конгрессъ былъ созванъ, но событiя сдѣлали безплодными всѣ его разсужденiя.

Кончина Императрицы Елизаветы, въ январѣ 1762 года, совершенно измѣнила положенiе вещей на театрахъ войны и взаимныя отношенiя между воюющими и союзными державами. Императрица была „страстною подругою короля", въ царствованiе которой французскiе нравы, обычаи и понятiя стали господствовать при русскомъ дворѣ. Но мы выше видѣли, что дружескiя чувства Императрицы очень мало находили отклика въ сердцѣ и умѣ короля Людовика XV, который до своей кончины не переставалъ относиться къ Россiи съ нескрываемымъ презрѣнiемъ и явнымъ недоброжелательствомъ.

Незадолго до своей смерти Императрица Елизавета получила новое доказательство недружелюбныхъ чувствъ своего союзника — короля французскаго. Императрица очень желала обратить Версальскiй союзный трактатъ, заключенный при посредствѣ Австрiи, въ непосредственный союзный трактатъ между Россiей и Францiей. Государственный Канцлеръ неоднократно выражалъ барону Бретёлю это желанiе. Но послѣднiй систематически избѣгалъ отвѣчать на поставленный ему о союзномъ трактатѣ вопросъ. Наконецъ, когда графъ Воронцовъ начиналъ говорить о союзномъ трактатѣ, французскiй посолъ дѣлалъ видъ, что рѣчь идетъ о коммерческомъ трактатѣ. Въ виду такого поведенiя посла Канцлеръ пересталъ говорить съ нимъ о союзѣ.

Со вступленiемъ на престолъ Императора Петра III отношенiя между Россiей и Францiей совершенно измѣнились. Новый русскiй Императоръ былъ убѣжденный поклонникъ прусскаго короля Фридриха II, и потому немедленно по вступленiи на престолъ прекратилъ военныя дѣйствiя противъ него, заключилъ съ нимъ миръ и готовъ былъ подписать союзный съ нимъ трактатъ *).

*) Срав. подробности относительно политики Петра III въ моемъ „Собр. трактатовъ", т. V, стр. 356 и слѣд.

On peut se représenter facilement l'impression terrible que ces événements devaient produire sur la cour de Versailles.

Lorsque le comte Tschernischew, ministre de Russie à Versailles, se présenta chez le duc de Choiseul pour lui notifier la déclaration au sujet de la conclusion de la paix entre la Russie et la Prusse, en dehors de l'agréement des alliés, le ministre français ne put dissimuler son indignation

„Je ne saurais vous cacher“, dit-il au représentant de Russie, „que cette déclaration m'étonne à un haut degré. Comment, sans aucune entente avec les alliés, un système qui semblait si solidement établi, se trouve abandonné et détruit jusque dans ses bases! Le roi, mon maître, agit tout différemment, l'année dernière, et il y a de cela deux ans, bien qu'il reconnaissait parfaitement la nécessité d'assurer la paix à ses sujets. Dans toute occasion, il prit en considération bien plus les intérêts de ses alliés que les siens propres. Vous devez rendre entière justice à notre cour, car les pourparlers furent poursuivis par votre entremise“.

„Les circonstances ne sont plus les mêmes qu'alors“, répondit Tschernischew, et il s'appliqua à justifier ce changement de front de son gouvernement par la sollicitude de l'Empereur pour le bien de ses sujets et ses sentiments d'humanité.

„Toutefois“, répliqua à cela le duc de Choiseul, „l'exécution des engagements contractés devrait prévaloir sur toute autre considération“.

„Notre entretien“, fit observer le comte Tschernischew, „commence à toucher la question des droits, nous pouvons aller ainsi très loin sans parvenir à nous entendre“. C'est ainsi que prit fin cet entretien au sujet de la déclaration du cabinet russe, qui fut très pénible pour le représentant de Russie. D'ailleurs l'irritation de la cour de Versailles était non seulement fondée en droit, mais s'expliquait par les périls de la situation intérieure.

„La Cour de Versailles“, écrivait le comte Tschernischew à St.-Pétersbourg, „se trouve actuellement dans une position très critique: l'armée de terre est dans un état déplorable, et une nouvelle campagne semble offrir peu de chance de succès; l'état de la flotte est encore pire. Les Anglais saisissent un grand nombre de navires français, les autres ne risquent pas de s'éloigner des côtes, aussi le commerce est-il en souffrance. Le trésor est épuisé, la nation — appauvrie et s'acquitte difficilement des impôts qu'on ne cessent d'augmenter“.

Нетрудно себѣ представить, какое потрясающее впечатлѣніе должны были произвести эти извѣстія на Версальскій дворъ.

Когда русскій посланникъ въ Версалѣ, графъ Д. Г. Чернышевъ, явился къ герцогу Шуазелю и прочелъ ему декларацію о заключеніи мира между Россіей и Пруссіей, помимо согласія союзниковъ, французскій министръ не могъ скрыть своего возмущенія.

„Не могу скрыть“, сказалъ онъ русскому посланнику, „что эта декларація крайне насъ удивляетъ. Какъ, безъ всякаго предварительнаго сношенія съ союзниками, система, казавшаяся такъ твердо установленною, вдругъ и до основанія разрушена! Иначе поступилъ третьяго и прошлаго года король, мой Государь, хотя также сильно чувствовалъ надобность дать миръ своимъ подданнымъ,—во всѣхъ случаяхъ онъ предпочиталъ интересъ союзниковъ своему собственному. Вы должны отдать нашему двору полную справедливость, потому что чрезъ васъ шли тогда переговоры“.

„Тогда были одни обстоятельства, а теперь другія“, отвѣчалъ Чернышевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался оправдать перемѣну фронта своего правительства попеченіемъ Императора о благѣ его подданныхъ и чувствами человѣколюбія.

„Однако“, возразилъ на это герцогъ Шаузель, „исполненіе принятыхъ обязательствъ надобно предпочитать всему другому“.

„Нашъ разговоръ“, замѣтилъ графъ Чернышевъ, „начинаетъ касаться правъ; но такимъ образомъ мы можемъ далеко зайти, а все же другъ съ другомъ не согласимся“. Этимъ кончился разговоръ о русской деклараціи, который представлялся весьма непріятнымъ для русскаго посланника. Впрочемъ, раздраженіе Версальскаго двора не только имѣло вполнѣ законное основаніе, но также объяснялось крайне критическимъ положеніемъ Франціи.

„Здѣшняго Двора обстоятельства теперь очень критическія“, писалъ въ С.-Петербургъ графъ Чернышевъ. „Сухопутное войско въ дурномъ состояніи и мало надежды на его успѣхи въ будущую кампанію, а флотъ еще хуже. Англичане хватаютъ множество французскихъ судовъ, другія не смѣютъ отходить отъ берега, вслѣдствіе чего торговля страдаетъ. Въ казнѣ сильный недостатокъ, народъ обѣднѣлъ и съ крайнею нуждою взыскиваютъ съ него деньги, налагая налогъ на налогъ“.

Ces circonstances suffisent pour expliquer le ton irrité et provoquant de la contre-déclaration française, remise au comte Tschernischew.

„Sa Majesté“, disait-elle, „est disposée de donner son consentement aux propositions d'une paix durable et honnête, mais elle ne compte agir dans cette circonstance qu'avec le plein consentement de ses alliés, et n'acceptera que des conseils, qui seraient dictés par l'honneur et la probité. Le roi s'estimerait coupable de trahison, s'il prenait part à des pourparlers secrets. Il ternirait sa gloire et celle de son pays, s'il abandonnait la cause de ses alliés; le roi est convaincu que ceux-ci, de leur côté, resteront fidèles à ces principes. Le roi ne saurait oublier le commandement donné par Dieu aux souverains: de garder fidèlement les traités et d'exécuter scrupuleusement les engagements contractés *)“.

L'irritation de Louis XV, provoquée par l'attitude de l'Empereur de Russie, se manifesta entre autres par le fait, qu'il évita de remarquer le ministre de Russie aux sorties de cour et de s'entretenir avec lui. Ce refroidissement des relations mutuelles se produisit également à l'occasion d'une contestation ridicule pour une question d'étiquette: il s'agissait de la visite à faire par les membres du corps diplomatique à St.-Pétersbourg au duc Georges de Holstein. Pierre III exigeait que le corps diplomatique fût le premier à faire cette visite. Quelques uns de ses membres se soumirent à cette exigence sans objection. L'ambassadeur de France s'y refusa catégoriquement et voyant que sa position à la cour de Russie devenait insoutenable, il demanda son rappel. Le roi Louis XV se décida de transférer le baron de Breteuil à Stockholm et nomma à la cour de Russie un simple chargé d'affaires. En juin 1762 le baron de Breteuil quitta la Russie pour se rendre en France.

En attendant, c'est le 28 juin (9 juillet) 1762 que s'accomplit la coup d'Etat qui éleva Cathérine II au trône de Russie. Il est curieux de constater l'abstention absolue, observée par le représentant de la France dans cette circonstance; non seulement qu'il n'a pas prévu cet événement, mais après en avoir été informé à Varsovie, il ne songea pas à retourner à St.-Pétersbourg, et poursuivit tranquillement son voyage jusqu'à Vienne.

*) Voir Soloview. „Histoire de Russie“, t. XXV, chapitre I.

Всѣми этими обстоятельствами вполнѣ объясняется возмущенный и задорный тонъ французской контръ-деклараціи, врученной графу Чернышеву.

„Его Величество“, было въ ней сказано, „готовъ согласиться на предложеніе прочнаго и честнаго мира, но онъ всегда будетъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ совершеннаго согласія своихъ союзниковъ и будетъ принимать только такіе совѣты, которые будутъ продиктованы честью и честностью. Король счелъ бы себя виновнымъ въ измѣнѣ, еслибъ принялъ участіе въ тайныхъ переговорахъ. Король помрачилъ бы свою и своего государства славу, еслибы покинулъ своихъ союзниковъ; король увѣренъ, что каждый изъ нихъ, съ своей стороны, останется вѣренъ тѣмъ же принципамъ. Король не можетъ забыть главнаго закона, предписаннаго Государямъ отъ Бога,—вѣрности договорамъ и точности въ исполненіи обязательствъ!“ *).

Крайнее неудовольствіе Людовика XV поведеніемъ русскаго Императора выразилось, между прочимъ, въ томъ, что онъ перестадъ замѣчать на выходахъ русскаго посланника и намѣренно избѣгалъ вступать съ нимъ въ разговоръ. Это полное охлажденіе во взаимныхъ сношеніяхъ выразилось еще въ смѣшномъ спорѣ о первомъ визитѣ со стороны членовъ дипломатическаго корпуса въ С.-Петербургѣ принцу Голштинскому. Петръ III требовалъ, чтобъ члены дипломатическаго корпуса сдѣлали принцу первый визитъ. Нѣкоторые изъ нихъ согласились подчиниться этому требованію. Но французскій посолъ категорически отказался и видя, что его положеніе при русскомъ дворѣ становится невыносимымъ, онъ просилъ о своемъ отозваніи. Король Людовикъ XV рѣшился перевести барона Бретёля изъ С.-Петербурга въ Стокгольмъ и назначить къ русскому двору только повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ іюнѣ 1762 года баронъ Бретёль выѣхалъ изъ Россіи во Францію.

Между тѣмъ 28-го іюня (9-го іюля) 1762 года совершился государственный переворотъ, возведшій на русскій императорскій престолъ Екатерину II. Чрезвычайно любопытно полное безучастіе представителя Франціи къ этому событію: онъ не только не предвидѣлъ переворота, но, когда узналъ о немъ, бывъ въ Варшавѣ, онъ не подумалъ вернуться, но спокойно продолжалъ свой путь до Вѣны.

*) Срав. Соловьева „Исторія Россіи“, т. XXV, глава I.

Cette conduite de l'ambassadeur de France semble d'autant plus inconcevable, qu'il avait été prévenu de la possibilité éventuelle de ce changement de règne par l'épouse de Pierre III. Peu de temps avant cet événement elle dépêcha auprès lui, le piemontais Odard, son homme de confiance avec la mission secrète de lui demander une avance de 60.000 roubles, dont elle avait besoin pour le coup d'Etat projeté. Elle s'est rappelée du rôle, assumé par le marquis de la Chétardie à l'avénement au trône de la Grand-Duchesse Elisabeth. Le baron de Breteuil, non content de refuser cette avance, sous prétexte que le roi lui avait recommandé de ne pas intervenir dans les affaires intérieures de la Russie, ne jugea pas même nécessaire de porter à la connaissance de son gouvernement cette démarche, si importante de l'Impératrice de Russie.

La veille du départ de l'ambassadeur, Odard se présenta chez lui une seconde fois, le mit au courant des décisions les plus secrètes, et lui dit à cette occasion: „Elle (l'Impératrice) vous fait demander, si le roi peut l'aider en cette circonstance de soixante mille roubles, et si vous avez assez de crédit à St.-Pétersbourg pour laisser cette somme déposée entre les mains d'une personne qui les lui remettra sur son propre reçu". Le baron de Breteuil commença par refuser sous prétexte de ne pas avoir à se mêler des affaires intérieures de la Russie, mais il se ravisa ensuite, et fit part à Odard qu'il donnerait la somme en question, si l'Impératrice lui en faisait la demande par écrit.

Malgré toute la gravité de cette communication secrète, le baron de Breteuil ne crut pas devoir ajourner son départ. Il quitta St.-Pétersbourg le 25 juin, en prévenant Odard que la déclaration écrite de l'Impératrice pouvait être éventuellement remise à M-r Bérenger, chargé d'affaires de France. On comprend que l'Impératrice devait être indignée de cette conduite de l'ambassadeur. Odard remit à Bérenger une note de la teneur suivante: „L'emplette que nous devions faire se fera sûrement bientôt, mais à beaucoup meilleur marché; ainsi on n'a pas besoin d'autres fonds" *).

Depuis ce moment l'Impératrice Catherine cessa toute relation avec l'ambassade de France. Une semaine après, le coup d'Etat eut lieu

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 196 et suiv.

Такой образъ дѣйствія французскаго посла тѣмъ болѣе непонятенъ, что онъ былъ предупрежденъ о возможности переворота самою супругою Петра III. Незадолго до того она послала къ барону Бретёлю своего довѣреннаго, пьемонтца Одара, съ секретнымъ порученіемъ попросить въ долгъ 60.000 рублей, которые были ей нужны для переворота. Она вспомнила о роли маркиза Шетарди при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны. Но баронъ Бретёль не только отказалъ на томъ основаніи, что король ему предписалъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, но даже не довелъ до свѣдѣнія своего правительства о такомъ знаменательномъ шагѣ русской Императрицы!

Наканунѣ отъѣзда французскаго посла, къ нему опять является Одаръ и открываетъ ему всю тайну и говоритъ: „Императрица приказала васъ спросить, можетъ ли король помочь ей въ настоящемъ дѣлѣ выдачею 60.000 рублей, и имѣете ли вы въ С.-Петербургѣ достаточно кредита, чтобъ оставить эту сумму у кого-либо, который бы ее выдалъ потомъ по ея ордеру?" Баронъ Бретёль сперва отказалъ подъ предлогомъ обязанности невмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, но потомъ передумалъ и сообщилъ Одару, что онъ дастъ требуемую сумму, если Императрица сама ему объ этомъ напишетъ.

Несмотря на чрезвычайную важность сдѣланнаго ему секретнѣйшаго сообщенія, Бретёль всетаки не счелъ нужнымъ отложить свой отъѣздъ. Онъ выѣхалъ 25-го іюня изъ Петербурга, предупредивъ только Одара, что требуемое имъ письменное заявленіе Императрицы можетъ быть вручено французскому повѣренному въ дѣлахъ, Беранже. Понятно, что Императрица была возмущена поведеніемъ французскаго посла и, по ея приказанію, Одаръ передалъ Беранже записку слѣдующаго содержанія: „Покупка, которую мы должны были сдѣлать, будетъ навѣрное сдѣлана въ скоромъ времени, но значительно дешевле. Такимъ образомъ нѣтъ надобности въ другихъ фондахъ" *).

Съ этого момента Императрица Екатерина Алексѣевна прекратила всѣ сношенія съ французскимъ посольствомъ. Черезъ недѣлю совер-

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 196 et suiv.

et Catherine II s'est trouvée sur le trône de Russie.

Lorsque les événements de St.-Pétersbourg et la conduite du baron de Breteuil furent connus à Versailles, tout le monde fut indigné de la légèreté et du manque de tact de l'ambassadeur. Il reçut une forte semonce du duc de Choiseul et du comte de Broglie, chef du „secret du roi". Celui-ci adressa de vifs reproches à Breteuil de ce qu'ayant connaissance du coup d'Etat projeté, il ne soit pas resté à St.-Pétersbourg, et qu'il ait poursuivi la route après avoir été informé de cette „intéressante révolution". Ce qui offre plus d'intérêts que les pièces du duc de Choiseul et du comte de Broglie, c'est la dépêche du roi Louis XV, datée du 10 septembre 1762, et qui contient les instructions à l'ambassadeur et les vues les plus explicites sur les relations mutuelles de la Russie et de la France.

Le roi commence par faire la caractéristique de la cour de Russie, signale les personnages qui constituent l'entourage de l'Impératrice et avec lesquels l'ambassadeur devra entretenir de bonnes relations; il s'applique ensuite à déterminer les vues de la politique française dans ses rapports avec la Russie. Le roi se prononce de la manière suivante sur le but essentiel de cette politique:

„Vous savez déjà et je le répéterai ici bien clairement *que l'unique objet de ma politique avec la Russie est de l'éloigner autant qu'il sera possible des affaires de l'Europe*".

Ces paroles, soulignées dans le texte original, servent le mieux à élucider la nature des relations mutuelles entre la Russie et la France, dans la seconde moitié du XVIII siècle. Les deux Puissances devaient nécessairement se heurter partout, malgré les assurances continuelles d'amitié et leur communauté d'action contre des ennemis communs. Aussi longtemps que la politique française poursuivait le but, signalé ci-dessus, il ne pouvait être question d'une alliance réelle entre la Russie et la France.

Le roi développait cette pensée avec beaucoup de franchise dans ses instructions au baron de Breteuil. La Russie et la France se heurtaient en premier lieu en Pologne, pour laquelle Louis XV entretenait des sentiments d'attachement particulier. Il ne pouvait être question d'une entente pour une action commune en Pologne.

шился государственный переворотъ и на императорскій престолъ вступила Екатерина II.

Когда въ Версалѣ узнали о случившемся въ Петербургѣ и о поведеніи барона Бретёля, всѣ возгорѣли негодованіемъ на легкомысліе и безтактность посла. Онъ получилъ строгій выговоръ отъ герцога Шуазеля и справедливые упреки отъ графа Брольи, главы секретнаго кабинета короля. Послѣдній далъ Бретёлю строжайшій выговоръ, что онъ, зная о готовившемся переворотѣ, не остался въ Петербургѣ и, узнавъ на пути объ „интересной революціи", всетаки продолжалъ свой путь. Но гораздо интереснѣе депешъ герцога Шуазеля и графа Брольи къ барону Бретёлю несомнѣнно представляется депеша самого короля Людовика XV, отъ 10-го сентября 1762 года, заключающая въ себѣ инструкцію послу и самый откровенный взглядъ на взаимныя отношенія Франціи и Россіи.

Король даетъ сперва характеристику русскаго Высочайшаго двора, указываетъ на лицъ, приближенныхъ къ Императрицѣ, съ которыми посолъ долженъ поддерживать добрыя отношенія, и затѣмъ переходитъ къ опредѣленію цѣлей французской политики въ отношеніяхъ съ Россіей. Главную цѣль этой политики опредѣляетъ король слѣдующимъ образомъ:

„Вы уже знаете, и я повторяю это здѣсь самымъ яснымъ образомъ, что *единственная цѣль моей политики въ отношеніи Россіи состоитъ въ томъ, чтобъ удалить ее, насколько возможно, отъ европейскихъ дѣлъ*".

Въ этихъ словахъ, подчеркнутыхъ въ подлинникѣ, заключается ключъ къ выясненію характера взаимныхъ отношеній между Россіею и Франціей во второй половинѣ XVIII вѣка. Обѣ державы должны были постоянно сталкиваться, несмотря на постоянныя объясненія въ дружбѣ и на общія дѣйствія противъ общихъ враговъ. Пока французская политика преслѣдовала вышеуказанную цѣль, не могло быть и рѣчи о настоящемъ союзѣ между Россией и Франціей.

Эту мысль весьма откровенно развивалъ король въ своей инструкціи барону Бретёлю. Прежде всего сталкивались Россія и Франція въ Польшѣ, къ которой Людовикъ XV питалъ особенныя чувства привязанности. О соглашеніи насчетъ общихъ дѣйствій въ Польшѣ не могло быть и рѣчи.

„Vous savez", écrit le roi à son ambassadeur, „que la Pologne est le principal objet de la correspondance secrète. et que, par conséquent, tout ce qui concerne ce pays doit l'être de même de votre attention".

Dans ces instructions du roi, ce sont surtout les passages concernant la Russie et son régime intérieur qui présentent un intérêt particulier. Le roi crut devoir donner à son ambassadeur des indications précises sur la situation intérieure d'un Empire, qui lui était inconnu. Ainsi recommandait-il au baron Breteuil de s'intéresser au sort du prince Ivan, c. à. d. de l'Empereur Jean Antonovitch, et d'entrer, si possible, en relation avec lui.

„On assure aussi", poursuit Louis XV, „que les seigneurs russes, commençant à connaître la différence qu'il y a entre les maximes de leur gouvernement et celles des autres Etats, ne seraient pas éloignés de s'affranchir du despotisme en formant une république, ou du moins en bornant l'autorité du souverain. Je sens qu'à moins d'un événement subit, ce ne peut être qu'un ouvrage long. Mais comme, d'une manière ou d'une autre, il en résultera l'affaiblissement de cet Empire, je ne doute pas que vous ne vous occupiez sérieusement à examiner les dispositions de la nation par rapport à l'Impératrice, au prince Ivan et aux desirs qu'elle peut former pour sa liberté".

„Tout ce qui peut la (nation) plonger dans le chaos et la faire rentrer dans l'obscurité est avantageux à mes intérêts! Il ne doit pas être question de ma part de former des liaisons avec la Russie, il suffira d'entretenir celles qui sont de bienséance et de détourner adroitement les engagements qu'on pourrait prendre contre mes vues" *).

Si l'on prend en considération les intentions de la France à l'égard de la Russie, telles qu'elles sont exposées dans les instructions ci-dessus, on comprend que l'avénement au trône de Cathérine II ne devait pas contribuer à améliorer les relations mutuelles des deux Puissances. Elles s'altérèrent, au contraire, encore davantage, parceque la nouvelle Impératrice n'avait aucun motif d'ajouter du prix à l'amitié de la cour de Versailles. La guerre de Sept ans, encore non terminée en 1762, manifesta l'im-

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 215.

„Вы знаете", пишетъ король своему послу, „что Польша главный предметъ секретной корреспонденціи, и потому все, относящееся до этой страны, должно быть также предметомъ вашего вниманія".

Но исключительный интересъ имѣютъ тѣ мѣста королевской инструкціи, которыя касаются Россіи и внутреннихъ ея порядковъ. Король считалъ нужнымъ дать своему послу точныя указанія относительно внутренняго положенія неизвѣстной ему Имперіи. Такъ, барону Бретёлю предписывается интересоваться судьбою „князя Ивана", т. е. Императора Іоанна Антоновича, и вступить съ нимъ въ сношенія, если это представится возможнымъ.

„Говорятъ также", продолжаетъ Людовикъ XV, „что русскіе вельможи, узнавъ разницу, существующую между началами отечественнаго правительства и порядками другихъ государствъ, не далеки отъ мысли свергнуть деспотію и устроить республику, или же, по меньшей мѣрѣ, ограничить власть Государя. Я сознаю, что если не случится что-нибудь внезапное, достигнуть этого можно только долгимъ трудомъ. Но какъ бы это ни случилось, тѣмъ или другимъ путемъ, послѣдствіемъ будетъ ослабленіе Имперіи, и потому я не сомнѣваюсь въ вашей готовности серьезно заняться изученіемъ какъ расположенія народа къ Императрицѣ и къ принцу Ивану, такъ и желаній народа возвратить ему свободу".

„Все, что въ состояніи ввергнуть эту Имперію", восклицаетъ король, *„въ хаосъ, и заставить ее вернуться въ мракъ, выгодно моимъ интересамъ!* Не можетъ быть рѣчи, съ моей стороны, о заключеніи съ Россіею какихъ либо союзовъ. Достаточно будетъ поддерживать нынѣ существующія отношенія, основанныя на приличіи, и искусно предупреждать обязательства, направленныя противъ нашихъ видовъ..." *).

Если имѣть въ виду изложенныя въ приведенной инструкціи намѣренія Франціи, то совершенно понятно будетъ, почему восшествіе на русскій престолъ Екатерины II нисколько не улучшило взаимныхъ отношеній обѣихъ державъ. Напротивъ, они еще ухудшились, потому что новая Императрица не имѣла никакихъ причинъ особенно дорожить дружбою Версальскаго двора. Еще продолжавшаяся въ 1762 году Семилѣтняя война обнаружила полное безсиліе

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 215.

puissance complète de la France, tandis que la Russie disposait du sort de la Prusse, son ennemi le plus dangereux. Il dependait de Catherine II de continuer la politique de Pierre III et de contracter une alliance avec Frédéric le Grand, ou bien de reprendre celle d'Elisabeth et de plonger le roi de Prusse dans un désastre inévitable. Catherine II n'adopta ni l'une, ni l'autre de ces deux politiques, elle préféra observer une stricte neutralité, proposer sa médiation aux belligérants pour la conclusion de la paix et créer un nouveau système politique, connu dans l'histoire sous le nom de „système du Nord". En vertu de cette combinaison la Russie, l'Angleterre, la Prusse et le Danemark devaient constituer une ligue en vue de sauvegarder la paix et la tranquillité au Nord de l'Europe *).

Aussi était-il prématuré, pour la cour de Versailles, de se montrer satisfaite de l'avénement au trône de Catherine II, lorsque la nouvelle lui en fut communiquée par le comte Tschernischew. Choiseul était convaincu que par haine pour son mari défunt, la nouvelle Impératrice ne manquerait pas de recommencer une campagne contre la Prusse. D'autre part, Catherine II ne semblait pas douter que la France ne consentit à accepter sa médiation pour la conclusion de la paix et à appuyer ses vues en Pologne et en Turquie. Il n'en fut rien, et les déceptions mutuelles amenèrent un refroidissement manifeste et la rupture de toute négociation diplomatique sérieuse. Nous nous bornons à constater ce fait positif, corroboré par de nombreux témoignages des archives.

Au moment de l'avénement au trône de Catherine II, la Russie était représentée à la cour de Versailles par le comte P. Tschernischew. Ayant appris la nouvelle du coup d'Etat qui venait de s'accomplir, il s'empressa de se rendre chez le duc de Choiseul pour lui communiquer ce fait important. Le ministre français ne put dissimuler sa grande satisfaction à ce sujet. Mais lorsque le ministre de Russie lui fit part du projet russe de médiation, Choiseul devint pensif et lui demanda, s'il devait considérer ces ouvertures comme une démarche personnelle, ou comme une communication formelle du ministère?

„Et comme je remarquai", poursuit Tschernischew son rapport du 15 (26) août 1762, „qu'il

*) Voir ce „Recueil des traités", t. VI, pag. 38 et suiv.

Франціи, между тѣмъ какъ отъ Россіи зависѣла судьба опаснѣйшаго ея врага — Пруссіи. Екатерина II могла продолжать политику Петра III и вступить въ союзъ съ Фридрихомъ Великимъ, и могла также воскресить политику Елизаветы Петровны и снова поставить прусскаго короля на край погибели. Екатерина II не примкнула ни къ политикѣ Петра III, ни къ системѣ Елизаветы Петровны. Она рѣшила сохранять полный нейтралитетъ, предложить воюющимъ державамъ свое посредничество для заключенія мира, и основать новую политическую систему, извѣстную въ исторіи подъ именемъ „Сѣверной системы". Въ силу этой системы Россія, Англія, Пруссія и Данія должны были составить союзъ, имѣющій цѣлью поддерживать миръ и спокойствіе на сѣверѣ Европы *).

Вотъ почему была преждевременна радость Версальскаго двора, когда графъ Чернышевъ сообщилъ ему о воцареніи Императрицы Екатерины II. Шуазель былъ убѣжденъ, что новая русская Императрица, изъ чувства ненависти къ своему покойному супругу, возобновитъ походъ противъ Пруссіи. Съ другой стороны, Екатерина II надѣялась на согласіе Франціи принять ея посредничество для заключенія мира и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на поддержку русскихъ видовъ въ Польшѣ и Турціи. Ничего подобнаго не случилось, и взаимное разочарованіе привело къ явному охлажденію и прекращенію всѣхъ серьезныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Мы ограничиваемся констатированіемъ этого положительнаго факта, подтверждаемаго всѣми архивными источниками.

Въ моментъ вступленія на престолъ Екатерины II представителемъ Россіи при Версальскомъ дворѣ былъ графъ П. Д. Чернышевъ. Получивъ извѣстіе о совершившемся переворотѣ, графъ Чернышевъ немедленно отправился къ герцогу Шуазелю для сообщенія этого важнаго факта. Французскій министръ не могъ скрыть своей большой радости. Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, посланникъ ему сообщилъ русское предложеніе о посредничествѣ, Шуазель задумался и спросилъ, что „сіе представленіе за партикулярное ли, или за формальное министерское почитать имѣеть?"

„И какъ я примѣтилъ", продолжаетъ графъ Чернышевъ свое донесеніе отъ 15-го (26-го)

*) См. настоящее „Собраніе трактатовъ", томъ VI, стр. 38 и слѣд.

avait accueilli cette communication avec déplaisir, je répondis qu'il pouvait l'accepter selon ses convenances, et en faire l'usage qu'il jugerait nécessaire et qui pût répondre aux intentions élevées et humanitaires de Votre Majesté Impériale".

Le comte Tschernischew assura, en même temps, le ministre français que l'Impératrice ne manquerait pas, en qualité de médiatrice, d'user d'une parfaite impartialité à l'égard de tous les belligérants. Toutefois, même à l'occasion de cet échange d'idées préalable, le comte Tschernischew ne put s'empêcher de remarquer que Choiseul accueillait avec beaucoup de défiance le projet russe de médiation. En effet, quelques jours après, Choiseul lui fit part que le cabinet de Versailles se trouvait dans la nécessité de décliner la médiation de la Russie, vu que des négociations de paix directes étaient déjà entamées entre la France, l'Angleterre et l'Espagne.

Au commencement d'octobre 1762, le comte Tschernischew quitta son poste à Paris et fut remplacé par le comte Soltikow.

Les instructions dont celui-ci fut muni le 20 août 1762, lui recommandaient d'appliquer tous ses efforts au rétablissement de la paix en Europe. Si pour atteindre ce but un congrès était jugé nécessaire, la Russie devait absolument prendre part à ses travaux. Mais Soltikow ne fut pas dans le cas d'entrer dans l'exercice de ses fonctions comme ministre de Russie à Paris. Lorsque le prince Galitzine, chargé d'affaires, fit une démarche auprès de Choiseul pour lui obtenir un passeport, le ministre français répondit qu'en vue du refus de l'Impératrice de recevoir le baron de Breteuil, le roi également n'avait pas l'intention de recevoir Soltikow. Toutefois, quelque temps après, il reçut le passeport requis et put se rendre à Paris, mais il n'y resta pas longtemps. Le roi de France ne reçut pas ses lettres de créance, et Soltikow ne cessa pas d'être malade, et bien que son séjour à Paris ne dura que quelques mois, il y fit beaucoup de dettes. Il en fut rappelé à la fin de 1762, et son successeur fut le prince Galitzine dont il a été question plus haut.

Le comte Soltikow avait des difficultés de quitter Paris, le gouvernement français voulait l'arrêter et ordonner la main mise de ses effets pour le remboursement des créanciers français:

августа 1762 г., „что оное непріятно было ему слышать, въ такомъ разсужденіи я ему отвѣтствовалъ на сіе, что онъ принять то можетъ по своему благоусмотрѣнію, равно какъ и произвесть оное въ такое употребленіе, которое бы могло соотвѣтствовать благому и человѣколюбивому намѣренію Вашего Императорскаго Величества".

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Чернышевъ увѣрялъ французскаго министра, что Императрица, въ качествѣ посредницы, навѣрное отнесется вполнѣ безпристрастно ко всѣмъ воюющимъ сторонамъ. Однако, уже при этомъ предварительномъ обмѣнѣ мыслей, графъ Чернышевъ не могъ не замѣтить, что Шуазель относится весьма подозрительно къ русскому посредничеству. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Шуазель ему сообщилъ, что Версальскій кабинетъ долженъ отклонить посредничество Россіи, ибо между Франціей, Англіей и Испаніей уже начались непосредственные переговоры о мирѣ.

Въ началѣ октября 1762 года графъ Чернышевъ покинулъ свой постъ въ Парижѣ и его преемникомъ явился графъ Салтыковъ.

Въ инструкціи графу Салтыкову отъ 20-го августа 1762 года было сказано, чтобъ онъ старался изъ всѣхъ силъ о возстановленіи мира въ Европѣ. Если для достиженія этой цѣли будетъ созванъ международный конгрессъ, то Россія непремѣнно должна участвовать въ его трудахъ. Но Салтыкову не суждено было даже вступить въ отправленіе своихъ обязанностей посланника. Когда князь Голицынъ, повѣренный въ дѣлахъ, спросилъ у Шуазеля паспортъ для Салтыкова, французскій министръ отвѣтилъ ему, что въ виду отказа Императрицы принять барона Бретёля, и Салтыковъ не будетъ принятъ королемъ. Однако потомъ Салтыковъ всетаки паспортъ получилъ и могъ пріѣхать въ Парижъ. Но здѣсь онъ не долго оставался. Король французскій не принялъ его вѣрительныхъ грамотъ, и Салтыковъ постоянно хворалъ. Но несмотря на свое болѣзненное состояніе, онъ въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ пребыванія своего въ Парижѣ успѣлъ надѣлать много долговъ. Въ концѣ 1762 года Салтыковъ былъ отозванъ изъ Парижа и его преемникомъ былъ назначенъ вышеупомянутый князь Голицынъ.

Однако, графъ Салтыковъ не могъ покинуть Парижа, потому что французское правительство хотѣло его арестовать и даже намѣрено было наложить запрещеніе на его вещи съ

le gouvernement russe protesta énergiquement contre ce procédé.

„Non seulement que nous ne saurions y consentir“, écrivait l'Impératrice au prince Galitzine à la date du 10 décembre 1762, „mais il nous est difficile d'admettre que Sa Majesté Très Chrétienne eut l'idée de retenir de force notre ministre dans ses domaines, un acte semblable devant être considéré comme une atteinte aux droits souverains et au respect que les chefs d'Etat se doivent mutuellement. Le chambellan Soltikow, en sa qualité de notre ministre, dûment accrédité, jouit de la protection du droit des gens et n'est justifiable que des tribunaux russes. Il n'y a pas de nation civilisée qui ne reconnaisse ce principe généralement admis“.

Cette protestation énergique ne laissa pas de produire son action. Le comte Solikow put librement quitter la France et ses effets ne furent point séquestrés, bien que le gouvernement français crut devoir invoquer à l'appui de ses droits le précédent d'un ministre du Portugal, dont les biens meubles furent saisis.

Il n'est pas moins certain que ce conflit ne devait pas contribuer à améliorer les relations mutuelles entre les cours de St.-Pétersbourg et de Versailles.

Le retour de Breteuil à St.-Pétersbourg, en septembre 1762, pour reprendre son poste, qu'il avait si inopportunément quitté, fut signalé par un incident encore plus fâcheux. A son arrivée, Breteuil exprima au Chancelier, comte Woronzow, le désir d'être présenté à l'Impératrice. Le jour de l'audience fut désigné. La veille, tard dans la soirée, le ministre de France se présenta chez le Chancelier et lui posa la question, „s'il pouvait espérer de recevoir du ministère Impérial, à la suite de sa lettre, le reversal requis, avant que l'audience ne lui fût accordée, vu qu'en l'absence de ce reversal, l'audience ne pourrait pas avoir lieu“.

„Très surpris de cette exigence intempestive, le Chancelier lui répondit qu'ayant reçu sa lettre dans le courant de l'après midi, il eut à peine le temps de la faire parvenir à Sa Majesté Impériale. C'est en ces termes que cet incident fut consigné au protocole de la conférence, du 25 août 1762.

Le but que visait le ministre de France en cherchant à obtenir le reversal, consistait à pré-

цѣлью удовлетворенія его французскихъ кредиторовъ. Противъ такого образа дѣйствія энергически протестовало русское правительство.

„Мы не токмо согласиться“, писала Императрица князю Голицыну 10 декабря 1762 года, „ниже представить себѣ можемъ, чтобъ Его Христіаннѣйшее Величество похотѣлъ поступить на неволное удержаніе нашего министра въ своихъ областяхъ, яко на такое дѣло, которое столь чувствително коснуться можетъ до собственныхъ правъ государскихъ и взаимнаго уваженія, чѣмъ они между собою другъ другу должны. Камергеръ Салтыковъ, яко нашъ публичный и аккредитованный министръ, пользуется одною только протекціею всенародныхъ правъ, а другихъ, кромѣ нашихъ, суда и власти надъ собою имѣть не можетъ. Нѣтъ благоучрежденнаго народа, который бы не зналъ сего всеобщаго правила“.

Этотъ энергическій протестъ произвелъ свое дѣйствіе: графъ Салтыковъ могъ свободно выѣхать изъ Франціи и на его вещи не было наложено запрещенія, хотя французское правительство настаивало на своемъ правѣ и сослалось на задержаніе вещей португальскаго посланника по распоряженію французскихъ властей.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что это столкновеніе не могло улучшить взаимныхъ отношеній между С.-Петербургскимъ и Версальскимъ дворами.

Болѣе серьезно было столкновеніе въ С.-Петербургѣ съ барономъ Бретёлемъ, который вернулся въ сентябрѣ 1762 года на свой покинутый такъ несвоевременно постъ. Вернувшись, Бретёль выразилъ Канцлеру, графу Воронцову, желаніе быть принятымъ Императрицею. Ему былъ назначенъ день аудіенціи. Но наканунѣ этого дня, поздно вечеромъ, французскій посланникъ явился къ Канцлеру и поставилъ вопросъ: „Получитъ ли онъ отъ здѣшняго министерства по письму своему требуемаго реверсала прежде, нежели аудіенція ему акордована будетъ, ибо, не получа сего реверсала, аудіенцію имѣть не можетъ“.

„Канцлеръ, оказавъ великое удивленіе о скоропостижномъ его требованіи помянутаго реверсала, сказалъ въ отвѣтъ, что получа его письмо того дня пополудни, едва имѣлъ времени оное послать Ея Императорскому Величеству“. Таковъ отчетъ объ этомъ случаѣ, записанный въ протоколѣ конференціи отъ 25-го августа 1762 года.

Цѣль „реверсала“, котораго добивался французскій посланникъ, заключалась въ томъ,

venir, par la reconnaissance du titre de l'Impératrice une atteinte quelconque à la dignité et aux droits honorifiques du roi de France. Sans un engagement formel de la part de Catherine II, le baron de Breteuil ne devait pas lui remettre ses lettres de créance. En vertu des instructions de son gouvernement, Breteuil déclinait l'audience aussi longtemps que le reversal ne lui serait remis ou qu'une convention spéciale à ce sujet ne serait signée.

Catherine II refusa catégoriquement la remise de ce document et, quant à la convention proposée, elle ordonna de faire au ministre de France une déclaration en ces termes: „Je ne concluerai point la convention, ma réponse a été déjà donnée, que je n'entendrai à aucun reversal et que cette convention en serait un, sous un autre nom".

Toutefois, désirant mettre fin à ces contestations interminables au sujet du titre Impérial, Catherine II donna l'ordre d'adresser aux ministres étrangers accrédités à sa cour une circulaire ayant pour objet de leur déclarer que le titre Impérial, adopté par les Souverains de Russie, ne portait aucune atteinte aux droits des autres souverains en matière de titre et d'étiquette.

Le baron de Breteuil se montra parfaitement satisfait de ce document et fut reçu en audience par l'Impératrice. Mais il resta fort peu de temps à son poste à la cour de Russie. Il demanda lui-même son rappel, en décembre 1762. La Russie, aussi bien que l'Impératrice qui venait de monter sur le trône, lui déplaisaient.

„L'Impératrice", écrivait-il à sa cour, „a une haute opinion de sa puissance et de sa grandeur. Elle m'a répété jusqu'à une trentaine de fois cette phrase: „un Empire aussi puissant, aussi vaste que le mien"! Elle m'a entretenu de nombreux projets au sujet du bien-être intérieur du pays. Elle m'avoua, qu'à son arrivée en Russie, la pensée de régner seule dans ce pays ne l'a jamais abandonnée. Tout en parlant de ses succès et de l'éclat de sa position, elle laissait percer une certaine inquiétude. Elle est sous le charme du pouvoir, mais il y a quelque chose qui l'agite et la trouble. Il est étonnant qu'une Souveraine qui passe pour si puissante, soit faible et indécise dès qu'il s'agit d'une question importante à résoudre, qui se heurte à quelque opposition à l'intérieur. Ce ton fier et hautain se manifeste seulement dans les affaires extérieures: premièrement, parceque ici

чтобы предупредить вслѣдствіе признанія за Императрицею императорскаго титула, умаленіе достоинства и почетныхъ правъ короля французскаго. Безъ торжественнаго обязательства со стороны Екатерины II, баронъ Бретёль не долженъ былъ вручать своей вѣрительной грамоты. Вслѣдствіе такого предписанія своего правительства, Бретёль отказался отъ аудіенціи, пока ему не будетъ выданъ „реверсалъ" или не будетъ подписана особенная по этому предмету конвенція.

Екатерина II на-отрѣзъ отказала въ выдачѣ реверсала и повелѣла объявить посланнику насчетъ предложенной имъ конвенціи: „что я не заключу конвенцію, что отвѣтъ мой былъ уже данъ,—что я не соглашусь ни на какой реверсалъ, и что эта конвенція была бы такимъ же реверсаломъ, только подъ другимъ названіемъ".

Однако, желая разъ навсегда положить конецъ нескончаемымъ спорамъ объ императорскомъ титулѣ, Императрица Екатерина II повелѣла сообщить всѣмъ аккредитованнымъ при ея дворѣ иностраннымъ министрамъ общую декларацію, въ которой объявлялось, что принятый русскими Государями императорскій титулъ нисколько не нарушаетъ правъ, по титулу или этикету, другихъ монарховъ.

Баронъ Бретёль остался вполнѣ доволенъ этимъ актомъ и былъ принятъ на аудіенціи Императрицею. Но Бретёль весьма недолго оставался на своемъ посту при русскомъ дворѣ. Въ декабрѣ 1782 года онъ самъ просилъ объ отозваніи; ему не нравилась ни Россія, ни вновь воцарившаяся Императрица.

„Императрица", доносилъ онъ своему двору, „высказывала мнѣ высокое мнѣніе о величіи и могуществѣ своего положенія. Она повторила быть можетъ, разъ тридцать: „Такая обширная, такая могущественная имперія, какъ моя!" Она мнѣ говорила о многихъ предположеніяхъ относительно внутренняго благосостоянія Россіи. Императрица мнѣ призналась, что, по прибытіи въ эту страну, ее не покидала мысль, что она будетъ здѣсь царствовать одна... Выставляя свои успѣхи и блескъ своего положенія, она обнаруживала вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойство, что ей не по-себѣ. Она въ обаяніи отъ престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ... Изумительно, какъ эта Государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ важномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри Имперіи. Ея

elle ne s'expose à aucun danger personnel, et secondement parceque ce ton à l'égard des puissances étrangères plait à ses sujets".

Dans cette caractéristique, peu flatteuse pour l'Impératrice, le baron de Breteuil perdit de vue une qualité essentielle qui lui était propre: c'était le talent de reconnaître la valeur des caractères et de distinguer les amis des ennemis. Le baron de Breteuil eut l'occasion de s'en convaincre à son audience de congé. Lorsqu'il annonça à l'Impératrice qu'il était nommé à Stockholm et qu'il se rendait à son poste, Catherine II lui dit en tout franchise: „Vous y serez mon ennemi", et comme il cherchait à l'assurer qu'elle se trompait, elle lui répondit: „Vous le serez, j'en suis sûre". Breteuil se mit alors à exalter l'honneteté et la droiture de la politique française. „Si votre ministère", répliqua l'Impératrice, „est tel que vous me le depeignez, sa franchise est une fausseté de plus".

Après la départ du baron de Breteuil, M-r Bérenger resta pendant deux ans, en qualité de chargé d'affaires, jusqu'à la nomination du marquis de Bausset comme ministre de France à la cour de Russie en 1765. Celui-ci mourut à Moscou, en 1767.

Les instructions de ce diplomate contiennent la confirmation en tous points des vues hostiles de la cour de Versailles au sujet de la Russie et de la politique de Catherine II *). Selon l'avis du duc de Choiseul-Praslin, il n'y a de communauté d'intérêts entre les deux pays que sur le terrain des intérêts commerciaux, et ce n'est que la conclusion d'un traité de commerce qu'on puisse désirer.

En ce qui concerne Catherine II, sa politique porte une empreinte de „fausseté", „d'inconséquence" et „d'ingratitude". On recommande à Bausset de lui baiser la main à l'audience, mais de refuser catégoriquement de baiser celle du grand-duc Cesarevitch. Considérant que „la vénalité est dans le cœur de tous les Russes", le duc de Choiseul prescrivait au marquis de Bausset de soudoyer les fonctionnaires qui pourraient lui être utiles, mais on lui recommande d'user d'une grande circonspection dans cette circonstance, pour ne pas tomber dans la situa-

*) Rambaud. Recueil, t, II, p. 224 et suiv.

гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ, потому что здѣсь нѣтъ личной опасности; во-вторыхъ, потому что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ".

Въ этой не особенно лестной характеристикѣ русской Императрицы со стороны барона Бретёля, послѣдній упустилъ изъ виду одно несомнѣнное качество, которое ей было присуще: это талантъ узнавать людей и различать друзей отъ враговъ. Въ этомъ талантѣ Екатерины II долженъ былъ убѣдиться самъ Бретёль на прощальной аудіенціи. Когда последній, прощаясь, сказалъ Императрицѣ, что назначенъ въ Стокгольмъ посланникомъ, куда и ѣдетъ, Екатерина II откровенно ему сказала: „Вы тамъ будете моимъ врагомъ". Когда онъ сталъ увѣрять ее, что она ошибается, она ему отвѣтила: „Вы будете моимъ врагомъ, я въ этомъ увѣрена". Тогда Бретёль сталъ выхвалять честность и прямоту французской политики. На это онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Если ваша миссія такова, какъ вы ее описываете, то ея прямота — новая ложь".

Послѣ отъѣзда барона Бретёля, секретарь французскаго посольства, Беранже, остался два года повѣреннымъ въ дѣлахъ, пока въ 1765 году не былъ назначенъ французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ маркизъ Боссе. Послѣдній скончался въ Москвѣ, въ 1767 году.

Въ данныхъ Боссе инструкціяхъ вполнѣ подтверждаются прежніе непріязненные взгляды Версальскаго двора на Россію и политику Екатерины II *). Только въ области торговыхъ интересовъ существуетъ, по словамъ герцога Шуазель-Пралэна, нѣкоторая общность интересовъ между обоими государствами, и желательно исключительно заключеніе между ними коммерческаго трактата.

Что касается Императрицы Екатерины II, то ея политика отличается „лукавствомъ", „непослѣдовательностью" и „неблагодарностью". Маркизу Боссе предписывается цѣловать ея руку на аудіенціи, но рѣшительно отказаться отъ цѣлованія руки Великаго Князя Цесаревича. Въ виду того, что „въ сердцѣ всѣхъ Русскихъ продажность", герцогъ Шуазель рекомендовалъ маркизу Боссе подкупать всѣхъ русскихъ чиновниковъ, которые могли быть ему полезными. Только въ этой операціи ему предписывается быть весьма осмотрительнымъ, чтобы не

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 224 et suiv.

tion embarrassante, dans laquelle s'est trouvé Breteuil qui fit cadeau d'une voiture à un certain M-r Yelaguine, en vue de s'assurer de son concours dans une circonstance donnée, mais celui-ci refusa de l'accepter et s'empressa d'informer l'Impératrice que le ministre de France fit une tentative de le suborner.

Simultanément avec le marquis de Bausset, il y avait à St.-Pétersbourg, en qualité d'agent secret du roi de France, Rossignol, qui occupait le poste de consul général. Après la mort de Bausset, il fut nommé chargé d'affaires, et occupa ce poste jusqu'à l'arrivée à St.-Pétersbourg de Sabatier de Cabre, en 1769. Celui-ci, nommé également chargé d'affaires, s'attira à juste titre l'animosité de Catherine II, par les calomnies qu'il se plaisait à répandre systematiquement sur le compte de la Russie, de l'Impératrice et de la nation russe.

En vue de ces dispositions des représentants français en Russie, on comprend que les relations mutuelles des deux Puissances devaient arriver peu à peu à un refroidissement complet. Les agents de la Russie à la cour de Versailles n'avaient ni le prestige, ni les talents nécessaires pour mettre un terme à cette altération progressive dans les rapports des deux cabinets. Après le prince D. A. Galitzine, le poste de chargé d'affaires fut occupé par N. K. Hotinsky dont les rapports se distinguaient par une incroyable pénurie de faits et de réfléxions. Quelquefois, dans le cours de toute une année, on avait de la peine a y trouver un seul fait qui pût offrir quelque intérêt pour la Russie, ou pour l'histoire.

Dans ces conditions, une divergence complète de vues devait se manifester entre les cabinets de St.-Pétersbourg et de Versailles dans toutes les questions politiques de quelque importance. Elle se produisit, en premier lieu, dans la question de Pologne. En février 1763 l'Impératrice Catherine II donna l'ordre de représenter à la cour de Versailles, „qu'en vue de l'âge et des accés inquiétants de Sa Majesté le roi de Pologne, il fallait s'attendre à sa mort prochaine“. Les intérêts de la Russie lui recommandent de prévenir l'explosion de troubles dans ce pays et de s'arrêter à l'élection d'un candidat convenable.

„D'après les principes“, poursuit le rescrit de février, „que la France a pris depuis longtemps pour sa gouverne, nous avons lieu de prévoir, qu'en vue d'étendre son influence, elle appliquera tous ses efforts pour favoriser le

попасться, какъ баронъ Бретёль, который напр. подарилъ нѣкоему Елагину карету за обѣщанныя услуги, а послѣдній отказался отъ этого подарка и донесъ Императрицѣ, что французскій посланникъ пытался его подкупить.

Рядомъ съ маркизомъ Боссе секретнымъ агентомъ французскаго короля состоялъ Россиньоль, занимавшій должность французскаго генеральнаго консула въ С.-Петербургѣ. Послѣ смерти маркиза Боссе Россиньоль былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, и этотъ постъ онъ занималъ до 1769 года, когда явился въ С.-Петербургъ Сабатье-де-Кабръ, какъ повѣренный въ дѣлахъ, вызвавшій рѣдкую ненависть къ нему Екатерины II въ справедливую отместку за его систематическое оклеветаніе Россіи, самой Императрицы и, наконецъ, всего русскаго народа.

Въ виду такого офиціальнаго представительства Франціи въ Россіи понятно будетъ, что взаимныя отношенія обѣихъ державъ должны были естественнымъ образомъ приближаться, мало-по-малу, къ пункту полнаго охлажденія. Представители Россіи при Версальскомъ дворѣ не имѣли ни престижа, ни способностей, чтобы остановить этотъ процессъ постепеннаго охлажденія. Послѣ князя Д. А. Голицына, русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ назначенъ Н. К. Хотинскій, котораго донесенія отличаются изумительною бѣдностью фактовъ и соображеній. Иногда за цѣлый годъ не встрѣчается въ этихъ донесеніяхъ ни одного интереснаго для Россіи, или историка, факта.

При такихъ обстоятельствахъ, полное разногласіе между С.-Петербургскимъ и Версальскимъ кабинетами весьма скоро обнаружилось во всѣхъ серьезныхъ политическихъ дѣлахъ и, прежде всего, въ Польскомъ вопросѣ. Въ февралѣ 1763 года Императрица Екатерина II приказала сообщить Версальскому двору, что „лѣта и болѣзненные припадки Его Величества короля Польскаго доходятъ нынѣ до такой степени, что должно съ нѣкоторою вѣроятностію ожидать ему скорой кончины“. Интересы Россіи требуютъ предупрежденія польскихъ смутъ и избранія хорошаго короля.

„По тѣмъ правиламъ“, продолжаетъ февральскій рескриптъ, „которыя давно поставила себѣ Франція въ систему, несумнѣнно предвидимъ мы, что сія корона, для распространенія своей инфлуенціи, всячески стараться будетъ о спо-

choix d'un prince qui lui serait redevable de son élection et se ferait par conséquent un devoir de s'inspirer de ses vues en toute chose. Des complications et des malentendus sérieux pourraient nécessairement surgir de cette dualité d'intentions, si un accord n'intervenait pas entre les deux cours".

En vertu de ces considérations ayant pour objet l'avantage des deux cours, „nous serions disposés d'entrer dans un échange d'idées avec Sa Majesté Très Chrétienne, en toute ranchise et amitié, afin que dans l'éventualité d'une vacance du trône en Pologne, nous puissions procéder en commun à l'élection d'un prince et d'après un plan concerté, qui répondit aux intérêts des deux Puissances". Catherine II chargea, en même temps, le prince Galitzine de s'informer habilement, si la France n'avait pas son propre candidat?

On put se convaincre bientôt que les idées de l'Impératrice et du roi de France differaient complétement dans la question de Pologne. Catherine II voulait établir sur le trône polonais un Piast, dans la personne de Poniatowsky, tandis que Louis XV s'énonça sans détour en faveur de la candidature du prince Saxe. Le duc de Choiseul avoua en même temps, en toute franchise, au ministre de Russie, „que si contre toute attente les libertés et les droits de la république de Pologne étaient violés, et si elle se trouvait dans le cas de réclamer formellement le secours des Français, ceux-ci seraient très embarrassés de le lui prêter actuellement pour ne pas s'engager à l'avenir dans des éventualités analogues et ne pas en arriver à une pareille extrémité".

Le prince Galitzine fut surpris de cette franchise du ministre français et crut pouvoir l'expliquer „par le déplorable état intérieur du pays". (Dépêche du prince Galitzine du 8 (19) avril 1764).

Le duc de Choiseul-Praslin fut le premier à confirmer cette hypothèse. Lorsque les armées russes occupèrent la Pologne, il exprima au prince Galitzine le désir du roi qu'elles en fussent retirées le plus tôt possible. „Dans un entretien intime", écrivait le prince Galitzine, à la date du 29 avril (10 mai) 1764, „il me dit que cette réclamation des Polonais l'embarrassait au plus haut dégré et qu'il ne savait pas quel parti prendre. Je veux bien croire, que cette réclamation embarrasse cette cour, non pas tant par la nécessité d'intervenir dans les affaires de

собствованіи выбору такого Государя, которой бы ей возведеніемъ своимъ одолжилъ, и потому видамъ ея въ дѣлахъ слѣдовать склоненъ былъ. Изъ такихъ двустороннихъ намѣреній и подвиговъ, есть ли не будутъ оные предварительно между обоими дворами соглашены, произойдутъ неминуемо непріятныя хлопоты и дальности".

На основаніи этихъ соображеній, для пользы обоихъ дворовъ, „готовы мы вступить съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ въ дружескія и откровенныя изъясненія, дабы на случай исправженія престола польскаго, дѣло избранія производить обще и по одинакимъ намѣреніямъ, кои бы интересамъ обоихъ дворовъ равно соотвѣтствовали". Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина II поручила князю Голицыну „хитро" узнать, не имѣетъ ли французское правительство своего кандидата?

Весьма скоро оказалось, что мнѣнія Императрицы и короля французскаго совершенно расходились относительно Польскаго вопроса. Екатерина II желала посадить на польскій престолъ Пяста, въ лицѣ Понятовскаго, между тѣмъ какъ Людовикъ XV прямо высказался за кандидатуру саксонскаго принца. Однако, въ тоже время, герцогъ Шуазель совершенно откровенно признавался русскому посланнику, что „ежели бы паче чаянія, вольность и права республики польской нарушены были, и она бъ въ томъ случаѣ ихъ (французовъ) помощь формально потребовала бы, они тѣмъ болѣе амбарасированы (*sic!*) будутъ съ охотою нынѣ много бъ оную подать, чтобъ никогда впредь въ подобныхъ происшествіяхъ себя не видѣть, и до такой крайности не дойтить".

Князь Голицынъ удивился такой откровенности французскаго министра и объяснилъ ее „худымъ состояніемъ здѣшняго государства". (Донесеніе князя Голицына отъ 8-го (19-го) апрѣля 1764 года).

Такое предположеніе вполнѣ подтвердилъ самъ герцогъ Шуазель-Праленъ. Когда русскія войска вступили въ Польшу, онъ выразилъ князю Голицыну, отъ имени короля, желаніе, что бъ они поскорѣе были бы выведены опять обратно. „Въ дружеской же конференціи", писалъ князь Голицынъ отъ 29-го апрѣля (10-го мая) 1764 г., „мнѣ сказалъ, что онъ признается, что рекламація Поляковъ его весьма амбарасируетъ, и онъ не знаетъ, что дѣлать. Я легко вѣрю, всемилостивѣйшая Государыня, что рекламація сія здѣшній дворъ амбарасируетъ не столько отъ

Pologne, que par suite de la situation critique du pays".

Parmi les nombreux arguments à l'appui de ce fait, le prince Galitzine signalait entr'autres le refus du parlement de Rouen d'enrégistrer le décret du roi au sujet de nouveaux impôts et redevances. „Cela prouve", écrivait-il, „les conditions déplorables de la situation économique et les difficultés qu'il y a de trouver des ressources pour réparer les pertes du trésor".

En présence de cet épuisement financier de la France, le prince Galitzine pensait qu'elle consentirait volontiers à une action commune en Pologne. Aussi crut-il devoir recommander à son gouvernement de chercher à s'entendre avec le cabinet de Versailles au sujet d'un candidat pour le trône de Pologne. Tel était dès le principe le désir de Catherine II. Mais à mesure que se manifestait l'impuissance complète du cabinet de Versailles de faire valoir son propre candidat et de contrecarrer les vues de la politique russe, Catherine II ne voyait plus aucun avantage à un accord avec la France. Elle s'entendit avec la Prusse et l'Autriche, fit entrer ses troupes en Pologne et établit Stanislas Poniatowsky sur le trône *).

Ainsi aucun accord ne put s'établir entre les deux Puissances au sujet de la question polonaise, et l'irritation du cabinet de Versailles ne manquait pas de se produire à toute occasion. Au commencement de l'année 1764 il surgit un nouveau conflit entre deux Puissances à l'occasion suivante.

On sait que l'Impératrice Catherine II s'appliquait, par l'organe de ses représentants, à répandre un manifeste, ayant pour objet d'inviter les étrangers à émigrer en Russie, à des conditions très avantageuses. Un grand nombre de Français, et particulièrement ceux du culte réformé, ayant eu connaissance de cet appel, témoignèrent au prince Galitzine le désir d'émigrer en Russie. Le gouvernement français, ayant appris qu'un mouvement de cette nature se produisait au sein de la population, s'en émut sérieusement et adressa des protestations catégoriques au prince Galitzine.

„A ma dernière visite à Versailles", écrivait-il le 1 (12) janvier 1764, „le duc de Praslin me déclara que le roi, son maître, se refusait de

*) Voir t. I et VI de la présente publication.

удаленія ихъ въ польскія дѣла, сколько отъ худого состоянія сего государства".

Въ видѣ одного изъ многихъ доказательствъ „худого состоянія" Франціи, князь Голицынъ привелъ, между прочимъ, отказъ Руанскаго парламента принять къ исполненію королевскій указъ о новыхъ податяхъ и налогахъ. „Сіе доказываетъ", писалъ онъ, „въ какой внутренняя здѣсь экономія конфузіи и сколь мало рессурсовъ находятъ государственную казну въ состояніе привести".

Имѣя въ виду такое „изнуренное" состояніе Франціи, князь Голицынъ полагалъ, что она охотно согласится съ Россіею относительно общихъ дѣйствій въ Польшѣ. Поэтому онъ рекомендовалъ своему правительству войдти въ соглашеніе съ Версальскимъ кабинетомъ насчетъ общаго кандидата на польскій престолъ. Таково было также первоначальное желаніе Императрицы Екатерины II. Но, по мѣрѣ того, какъ обнаруживалось полное безсиліе Версальскаго кабинета провести своего кандидата и препятствовать видамъ русской политики, Екатерина II не стала видѣть никакой пользы отъ соглашенія съ Франціей. Она согласилась съ Пруссіею и Австріею, ввела русскія войска въ Польшу и посадила Станислава Понятовскаго на польскій престолъ *).

Итакъ по Польскому вопросу не состоялось между обѣими державами никакого соглашенія, и неудовольствіе Версальскаго кабинета противъ Россіи обнаруживалось совершенно открыто и по всякому поводу.

Въ началѣ 1764 года возникло новое препирательство между обѣими державами по слѣдующему поводу. Извѣстно, что Императрица Екатерина II распространяла, чрезъ своихъ заграничныхъ представителей, манифестъ, приглашавшій иностранцевъ къ переселенію въ Россію на весьма льготныхъ условіяхъ. Узнавъ объ этомъ вызовѣ, многіе французы, въ особенности реформатскаго исповѣданія, изъявили князю Голицыну желаніе переселиться въ Россію. Когда французское правительство узнало объ этомъ движеніи въ средѣ французскаго населенія, оно серьезно встревожилось и обратилось съ категорическимъ протестомъ къ кн. Голицыну.

„Въ послѣднюю мою бытность въ Версалѣ", доносилъ онъ 1-го (12-го) января 1764 года, „дюкъ Депраленъ объявилъ мнѣ, что король,

*) Срав. томы I и VI настоящаго изданія.

croire que je me proposais d'engager les protestants français et d'autres de ses sujets à émigrer en Russie". Le roi ordonna de signifier au prince Galitzine „que si, contre toute attente, telle chose arrivait, Sa Majesté très Chrétienne ne saurait le considérer de sang froid, sachant tout le préjudice qui en résulterait pour le pays".

Le prince Galitzine fut très étonné de cet avertissement qui lui fut adressé au nom du roi. Ayant reçu le manifeste russe concernant cette matière, il n'eut pas encore la possibilité d'en parler avec qui que ce fût. Ainsi le gouvernement français ne put en avoir été informé qu'au moyen de la perlustration. On comprend qu'il s'empressa d'assurer le duc de Choiseul que l'Impératrice ne songeait pas à entretenir des intentions aussi perfides que celles d'entraîner des sujets français à émigrer en Russie. En avril 1764, il informait en même temps son gouvernement qu'il appliquait tous ses efforts pour répandre en France le manifeste Impérial. Il cherchait en outre des commissaires pour l'enrôlement des émigrés français.

Ce fut l'Impératrice qui lui inspira cette pensée en lui écrivant, au commencement du mois de mars, ce qui suit: „En réponse au rescrit sub № 32, concernant l'action à exercer pour engager les protestants français à une émigration en Russie, vous écrivez qu'il y en a peu à Paris et qu'ils sont plus nombreux aux environs de la Rochelle, mais qu'à défaut d'un correspondant sûr vous avez des difficultés de vous mettre en rapport avec eux. Je crois devoir vous faire observer qu'il serait facile de trouver des individus qui, moyennant une certaine rétribution, se chargeraient de la mission de se rendre sur les lieux, où les protestants sont en majorité, pour les engager sous main à émigrer en Russie en faisant valoir les avantages formulés actuellement dans nos manifestes. Il n'y aurait pas de nécessité de munir ces gens d'instructions écrites, pour qu'on ne puisse pas se douter que ce sont vos mandataires".

Cet appel, adressé aux protestants français d'émigrer en Russie devait nécessairement provoquer l'irritation et une vive protestation du gouvernement qui avait tout lieu de considérer cette manière d'agir de la Russie comme une violation manifeste de ses droits légitimes.

его Государь, хотя и не вѣрилъ, будто бы я намѣренъ стараться ангажировать протестантовъ французскихъ въ Россію выѣхать и при томъ другихъ многихъ его подданныхъ", тѣмъ не менѣе приказалъ сказать князю Голицыну, что „коли бъ оное, паче чаянія, случилось, Его Христіаннѣйшему Величеству не можно бъ было на то спокойно смотрѣть: вѣдая сколько то вреда сему государству принесетъ".

Князь Голицынъ былъ очень удивленъ такимъ предостереженіемъ, сдѣланнымъ ему отъ имени французскаго короля. Получивъ русскій манифестъ о переселеніи въ Россію, онъ еще не успѣлъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ. Стало быть, только посредствомъ перлюстраціи французское правительство могло узнать о русскомъ манифестѣ. Понятно, что князь Голицынъ не замедлилъ высказать увѣренія герцогу Шуазелю, что никакихъ подобныхъ богомерзкихъ намѣреній, какъ увлекать французовъ къ выселенію въ Россію его Государыня не имѣетъ. Но, въ апрѣлѣ 1764 года, онъ извѣщаетъ свое правительство, что всѣми способами старается распространять Екатерининскій манифестъ во Франціи. Сверхъ того, онъ искалъ комиссаровъ для увлеченія французскихъ эмигрантовъ.

На послѣднюю мысль навела князя Голицына сама Императрица, которая, въ самомъ началѣ марта 1764 года писала ему слѣдующее: „Отвѣтствуя вы на рескриптъ подъ № 32 о склоненіи французскихъ протестантовъ къ выѣзду на поселеніе въ Имперію нашу, доносите, что въ Парижѣ сихъ протестантовъ немного, но большее число оныхъ находятся около Рошеля, куда вамъ, по неимѣнію надежнаго корреспондента, писать опасно. Мы находимъ за нужное примѣтить вамъ на то, что кажется бы можно довольно сыскать такихъ людей, которые бы за нѣкоторую денежную плату приняли на себя комиссію, чтобъ съѣздить въ тѣ мѣста, гдѣ наибольше протестантовъ живутъ, и склонять ихъ подъ рукою къ выѣзду въ Имперію нашу, предъявляя дозволенныя нынѣ манифестами нашими выгоды. Нѣтъ нужды вамъ сихъ людей снабдѣвать письменными отъ себя наставленіями—чрезъ чтобъ догадывались что они посланы отъ васъ"...

Совершенно естественно, что призывъ къ французскимъ гугенотамъ переселиться въ Россію не могъ не вызвать неудовольствія и протеста со стороны французскаго правительства, которое было въ правѣ смотрѣть на подобныя дѣйствія русскаго правительства, какъ на яв-

Ainsi, dans les circonstances données le cabinet de Versailles avait des motifs suffisants pour adresser des reproches au gouvernement de Catherine II.

Ces sentiments de désaffection se manifestèrent encore une fois à l'occasion du titre Impérial, bien qu'on pouvait considérer cette contestation comme définitivement réglée par la déclaration de Catherine II de 1762. On y revint avec une nouvelle ardeur en 1766.

Le marquis de Bausset remit en janvier 1766 au Vice-Chancelier une lettre du roi de France, faisant part de la mort du dauphin. Cette lettre contenait une réserve au sujet du titre Impérial. Le Vice-Chancelier en fut exaspéré et ne put s'empêcher d'exprimer au ministre de France sa surprise de voir que la cour de Versailles ne cessait de faire des „chicanes“ à propos du titre et de l'étiquette russes, reconnus par tous les cabinets. En réponse à cette accusation le marquis de Bausset exhiba une dépêche du duc de Praslin dans laquelle celui-ci refusait au nom du roi de reconnaître à l'Impératrice le titre „Impérial“ trouvant que celui de Majesté était suffisant! Le duc de Choiseul-Praslin ne dissimulait pas son étonnement de voir le gouvernement russe insister, avec tant d'ardeur, sur cet adjectif: „Impérial“, si peu important en lui-même.

Pour répliquer à cette nouvelle chicane de la cour de Versailles, le Vice-Chancelier se montra encore plus surpris de ce que cette cour pût mettre tant d'insistance pour de semblables „bagatelles“. Le comte Panine refusa d'accepter la lettre de cabinet du roi, dans laquelle le terme: „Impérial“ se trouvait omis. (Rescrits au prince Galitzine du 15 janvier et du 24 mars 1766).

Le duc de Choiseul-Praslin ne changea pas d'avis et s'appliqua à démontrer au prince Galitzine que le roi consentirait volontiers à „ajouter le titre „Impérial“ à celui de „Votre Majesté“, si cette façon n'était pas tout-à-fait „contre les règles de leur langue et de leur protocole, qu'ils ne peuvent jamais changer *(sic!)*“. (Rapport du prince Galitzine du 22 mai 1766).

Le représentant de Russie fut tellement dérouté par cette habile argumentation du ministre français, qu'il ne fit aucune objection quant à l'impossibilité, d'après les règles de la langue française, d'écrire „Votre Majesté Impériale“. Le gouvernement russe crut devoir faire une observation sérieuse au prince Galitzine pour ce

ное нарушеніе его законныхъ правъ. Вотъ почему, въ данномъ случаѣ, Версальскій кабинетъ могъ сдѣлать справедливый упрекъ правительству Екатерины II.

Чувства неудовольствія обнаружились опять по случаю императорскаго титула, споръ о которомъ можно было считать оконченнымъ послѣ Екатерининской деклараціи 1762 года. Но въ 1766 году этотъ споръ возникъ съ новою силою.

Маркизъ Боссе представилъ, въ январѣ 1766 года, Вице-Канцлеру письмо французскаго короля, извѣщавшее о кончинѣ дофина. Въ этомъ письмѣ опять была сдѣлана оговорка на счетъ русскаго императорскаго титула. Это взбѣсило Вице-Канцлера, который высказалъ французскому посланнику свое великое удивленіе, что Версальскій дворъ не перестаетъ дѣлать „шиканы“ противъ русскаго всѣми признаннаго титула и этикета. Въ отвѣтъ на это обвиненіе маркизъ Боссе представилъ Вице-Канцлеру депешу герцога де Пралэнъ, въ которой послѣдній отказывается, именемъ короля, признать за Императрицею титулъ: „Императорскаго Величества“, но соглашается именовать ее просто: „Величествомъ“, находя, что послѣднее—достаточно! Герцогъ Шуазель-Пралэнъ удивляется упорству русскаго правительства настаивать на этомъ неважномъ прилагательномъ: „Императорское“.

Въ отвѣтъ на эту новую придирку Версальскаго двора Вице-Канцлеръ еще больше удивляется упорству, съ которымъ этотъ дворъ настаиваетъ на такихъ „пустякахъ“. Графъ Панинъ не принялъ французской грамоты, въ которой опущено было слово „Императорское“. (Рескрипты къ князю Голицыну отъ 15-го января и 24-го марта 1766 года).

Но герцогъ Шуазель-Пралэнъ остался при своемъ мнѣніи и доказывалъ князю Голицыну, что король охотно согласился бы „прибавить титулъ „Императорское“ къ титулу „Ваше Величество“, еслибъ такая манера писать и не противорѣчила совершенно правиламъ ихъ языка и ихъ протокола, которыхъ никогда они не могутъ измѣнить“ (sic!). (Донесеніе князя Голицына отъ 22-го мая 1766 г.).

Русскій посланникъ былъ до такой степени озадаченъ этою хитрою аргументаціею французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что ни слова не возразилъ на указанную ему невозможность, по правиламъ французскаго языка, писать: „Votre Majesté Impériale“. За такую ненаходчивость князь Голицынъ получилъ строгій

manque de présence d'esprit. Il aurait dû rappeler au duc de Choiseul que l'Impératrice n'exigeait nullement „une innovation dans la langue française ou dans l'étiquette, car depuis son avénement au trône toutes les lettres de cabinet du roi de France étaient écrites de telle façon, comme Nous le désirons, et ce n'est que depuis peu qu'un changement sous ce rapport fut introduit".

„Ce que nous désirons", poursuit le rescrit Impérial du 25 mars 1766, „c'est qu'ils continuent de faire, ce qu'ils faisaient eux-mêmes sans difficultés".

Mais la cour de Versailles ne songeait pas à faire des concessions quelconques. Les intérêts politiques et les questions vitales de la Russie et de la France étaient voués à l'oubli. L'attention des deux puissances était absorbée par la question du titre, ou par „des bagatelles", comme le disait le comte Panine. En août 1766 le marquis de Bausset disait au Vice-Chancelier, „avec une vive émotion et les larmes aux yeux", combien il était peiné que la question du titre ne fût pas encore terminée. Ayant reçu une autre nomination, il n'a pas la possibilité de présenter ses lettres de rappel à l'Impératrice qui ne manquera pas de désapprouver le titre tel qu'il s'y trouve consigné. (Dépêche du comte Panine du 21 août 1766).

Cette malheureuse contestation souleva la colère de l'Impératrice qui approuva entièrement les vues du Vice-Chancelier quand il s'exprima à ce sujet en termes suivants: „Plus la question au reste parait frivole, plus l'obstination avec laquelle on s'y arrête est extraordinaire". (Dépêche du comte Panine du 11 avril 1766).

En 1767 l'irritation mutuelle des cours de St.-Pétersbourg et de Versailles fut sur le point d'amener une rupture des relations diplomatiques. Après la mort du marquis de Bausset le cabinet de Versailles se refusa de nommer un nouveau ministre à la cour de Russie, et le prince Galitzine reçut l'ordre de remettre les affaires de la légation à son secrétaire Hotinsky. A la fin de 1767 le prince Galitzine quitta Paris.

Après son départ l'altération des rapports entre la Russie et la France avait atteint son apogée, et cette situation dura jusqu'à la retraite et l'exil du duc de Choiseul-Praslin, en décembre 1770. La conscience de sa faiblesse por-

выговоръ отъ своего правительства. Онъ долженъ быть напомнить герцогу Шуазелю, что Императрица никакой „новости во французскомъ языкѣ или этикетѣ не требуетъ", ибо, по вступленіи ея на престолъ, „всѣ грамоты Его Величества (короля французскаго) писаны были такимъ образомъ, какъ мы (Императрица) ихъ всегда имѣть желаемъ, и съ недавняго только времени сдѣлана въ этомъ отношеніи отмѣна".

„Мы потому хотимъ только", продолжаетъ Высочайшій рескриптъ отъ 25 марта 1766 года, „чтобъ продолжали они то, что сами безъ затрудненія уже дѣлали".

Однако Версальскій дворъ и не думалъ уступать. Всѣ политическіе интересы и жизненные вопросы Россіи и Франціи были забыты: вниманіе обѣихъ державъ всецѣло поглощалъ вопросъ о титулѣ или, какъ графъ Панинъ сказалъ, о „пустякахъ". Въ августѣ 1766 г. маркизъ Боссе, „съ немалымъ сокрушеніемъ и со слезами на глазахъ", говорилъ Вице-Канцлеру, какъ ему сердечно жаль, что еще не конченъ вопросъ о „титулатурѣ". Онъ получилъ другое назначеніе, а отзывной грамоты представить не можетъ, ибо Императрица не одобритъ прописаннаго въ ней титула. (Депеша графа Панина отъ 21-го августа 1766 года).

Этотъ злополучный споръ о титулѣ вызвалъ серьезный гнѣвъ Императрицы Екатерины II, которая вполнѣ одобрила взглядъ Вице-Канцлера, выраженный въ слѣдующихъ словахъ: „Впрочемъ, чѣмъ болѣе этотъ вопросъ кажется мизернымъ, тѣмъ болѣе исключительнымъ кажется упорство, съ которымъ на немъ останавливаются". (Депеша графа Панина отъ 11-го апрѣля 1766 г.).

Въ 1767 году взаимное раздраженіе дворовъ Петербургскаго и Версальскаго привело почти къ разрыву дипломатическихъ сношеній. Послѣ смерти маркиза Боссе, Версальскій кабинетъ отказался назначить новаго французскаго посланника при русскомъ дворѣ, и князь Голицынъ получилъ приказаніе передать дѣла миссіи секретарю оной, Хотинскому. Въ концѣ 1767 года князь Голицынъ покинулъ Парижъ.

Послѣ его отъѣзда, ухудшеніе отношеній между Россіей и Франціей достигаетъ высшей степени и продолжается до отставки и изгнанія герцога Шуазель-Пралэна, въ декабрѣ 1770 года. Сознаніе своего безсилія доводило

tait le premier ministre de France à une grande animosité contre la Russie, qui remportait un succès après l'autre sur le terrain politique et militaire. Grâce au concours de la Prusse et de l'Autriche, la politique russe triomphait ouvertement en Pologne. Sous l'action directe de la France, la Porte déclara la guerre à la Russie en 1768, et cette guerre fut l'occasion de nouveaux triomphes pour l'armée russe et de nouveaux succès diplomatiques pour Catherine II.

Ces événements signalés par tant d'éclat pour la Russie devaient nécessairement irriter le duc de Choiseul à un haut dégré, — il devait se convaincre de la déchéance irremissible de l'action de la France dans les affaires de l'Europe. Cette irritation devenait naturellement une cause de conflits et de contestations interminables. Ainsi en 1767 surgit un incident sérieux au sujet d'un courrier diplomatique français qui se plaignait d'avoir été maltraité par les autorités douanières russes, et dont les effets avaient été confisqués. Le duc de Choiseul menaça d'user de repressailles. En attendant, l'enquête avait constaté que les marchandises confisqués dont ce courrier était porteur étaient destinées à être vendues.

En 1769 le comte N. Panine adressa une plainte formelle au duc de Choiseul de ce que, dans le courant de cinq mois, toutes les lettres adressées par lui à Hotinsky, chargé d'affaires de Russie, avaient été interceptées par les autorités françaises. Choiseul répondit que rien de pareil ne pouvait arriver à la poste française.

Lorsque la flotte russe fit son entrée dans la Méditerrannée, sous le commandement de comte Orlow, en vue d'une campagne contre la Porte, le gouvernement français consentit à permettre aux bâtiments russes de faire escale dans les ports français, mais seulement „en cas de gros temps„ et pour se munir de vivres. Toutefois les bâtiments russes ne pouvaient pas faire relâche constitués en escadre, mais seulement chacun séparément. (Rapport de Hotinsky du 2 (13) septembre 1768).

Dans le cours de la guerre turco-russe, le comte de Saint-Priest, ministre de France à Constantinople, ne cessait d'intriguer contre la Russie, et la cour de Versailles se plaignait continuellement des cas fréquents de capture des navires de commerce français par les bâtiments russes dans la Méditerrannée. Le duc de Choiseul espérait, au moyen d'un traité de com-

французскаго перваго министра до крайняго озлобленія противъ Россіи, которая одерживала одну политическую и военную побѣду за другою. Въ Польшѣ русская политика, при союзномъ содѣйствіи Пруссіи и Австріи, открыто торжествовала. Подъ явнымъ вліяніемъ и энергическимъ воздѣйствіемъ Франціи, Турція объявила въ 1768 году войну Россіи, приведшую къ новому торжеству русскаго оружія и къ новымъ дипломатическимъ побѣдамъ Екатерины II.

Всѣ эти блестящія для Россіи событія должны были сильно озлоблять герцога Шуазеля, который воочію видѣлъ неудержимое паденіе французскаго вліянія въ европейскихъ дѣлахъ. Эта озлобленность естественнымъ образомъ приводила къ нескончаемымъ столкновеніямъ и спорамъ. Такъ, въ 1767 году возникло серьезное столкновеніе вслѣдствіе „оскорбленія", нанесеннаго русскими таможенными властями французскому дипломатическому курьеру, котораго вещи были конфискованы на русской таможнѣ. Герцогъ Шуазель угрожалъ репрессаліями. Но, по разслѣдованію, оказалось, что конфискованы были товары, которые курьеръ везъ для продажи!

Въ 1769 году графъ Н. И. Панинъ представилъ герцогу Шуазелю формальную жалобу на систематическій захватъ, въ продолженіе 5 мѣсяцевъ, французскими властями всѣхъ писемъ, адресованныхъ имъ къ русскому повѣренному въ дѣлахъ, Хотинскому. Шуазель отвѣтилъ, что ничего подобнаго не могло случиться на французской почтѣ.

Когда появился въ Средиземномъ морѣ русскій флотъ, подъ начальствомъ графа Орлова, для военныхъ дѣйствій противъ Турціи, французское правительство согласилось допускать заходъ русскихъ судовъ въ французскія гавани, но только „въ случаѣ непогоды" и для покупки припасовъ. Однако, русскія суда не получили права заходить цѣлою эскадрою, а только отдѣльно. (Донесеніе Хотинскаго отъ 2-го (13-го) сентября 1768 года).

Въ продолженіе русско-турецкой войны французскій посланникъ въ Константинополѣ, графъ Сенъ-При, продолжалъ неустанно интриговать противъ Россіи, и Версальскій дворъ не уставалъ жаловаться въ С.-Петербургѣ на захваты русскими судами въ Средиземномъ морѣ французскихъ коммерческихъ судовъ. Герцогъ Шуазель надѣялся, посредствомъ ком-

merce avec la Russie, assurer aux produits français un débit sur les marchés russes et croyait en même temps sauvegarder ainsi, d'une manière efficace, les droits de la France comme puissance neutre pendant la guerre maritime, à laquelle la Russie prenait part. Toutefois Catherine II ne jugea pas opportun de donner suite au désir du ministre français qui ne cessait de lui créer des embarras.

L'animosité du duc de Choiseul contre le gouvernement russe éclata avec une ardeur particulière en 1768, lorsqu'on reçut à Versailles la nouvelle du regrettable incident, survenu à Londres entre le comte de Châtelet, ambassadeur de France, et le comte Tschernischew, ministre de Russie *). L'Impératrice Catherine II était à juste titre indignée de la sortie inconvenante de l'ambassadeur de France qui, au milieu d'un grand bal, donné à la cour de St.-James, poussa le ministre de Russie, dans le but d'occuper une place au dessus de lui. Hotinsky fut chargé de demander des explications au duc de Choiseul et de lui adresser des plaintes au sujet de cette étrange conduite du comte de Châtelet.

Le duc de Choiseul écouta ces représentations du chargé d'affaires de Russie avec une visible impatience. Lorsque celui-ci exprima le désir que de semblables conflits entre les réprésentants des deux puissances ne se renouvellent plus, le ministre français répondit froidement qu'il ne saurait prendre d'engagements pour l'avenir, si les ministres de Russie prétendront vouloir occuper la première place. Les représentants de la France reçurent l'ordre de la prendre, le cas échéant, „par voie de fait". Lorsque Hotinsky éleva quelque objection au sujet de l'application de la force brutale, le duc de Choiseul déclara qu'il a été prescrit aux agents diplomatiques français de prendre les personnes que cela concerne „par le collet et de se battre l'épée à la main".

Ensuite, le duc de Choiseul exprima son étonnement de voir que la Russie eut subitement l'idée de contester à la France ses droits de „préséance". Il sait, par son expérience personnelle, que sous le régne d'Elisabeth, les représentants de Russie prenaient le pas toujours après ceux de France, dans les cours étrangères. Le comte Kayserling, ministre de Russie à la cour de Vienne, prenait le pas toujours après le duc de Choiseul, qui y occupait à cette

*) Voir t. X, de cette publication, p. 266 et suiv.

мерческаго трактата съ Россіею, не только обезпечить за французскими товарами сбытъ на русскомъ рынкѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полагалъ такимъ актомъ лучше охранить права французскаго нейтралитета во время морской войны, въ которой участвуетъ Россія. Однако Екатерина II не видѣла никакого основанія къ исполненію желаній интригующаго противъ нея французскаго министра.

Полный взрывъ неудовольствія герцога Шуазеля противъ русскаго правительства случился въ 1768 году, когда было получено въ Версалѣ извѣстіе о неприличномъ столкновеніи, бывшемъ въ Лондонѣ, между французскимъ посломъ, графомъ Шатлэ, и русскимъ посланникомъ, графомъ Чернышевымъ *). Императрица Екатерина II, была справедливо возмущена неприличною выходкою французскаго посла, который, во время блестящаго бала при С.-Джемскомъ дворѣ, оттолкнулъ русскаго посланника, съ цѣлью сѣсть выше его. Хотинскому было повелѣно потребовать разъясненій отъ герцога Шуазеля и представить жалобу на поведеніе Шатлэ.

Герцогъ Шуазель выслушалъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ. Когда послѣдній выразилъ желаніе, чтобъ такія столкновенія между представителями обѣихъ державъ больше не повторялись, французскій министръ хладнокровно отвѣтилъ, что онъ не можетъ ручаться за будущее, если русскіе посланники будутъ претендовать на первое мѣсто. Представители Франціи получили приказаніе, въ случаѣ надобности, брать „силою" принадлежащее имъ первое мѣсто. Когда же Хотинскій выразилъ нѣкоторое недоумѣніе по поводу примѣненія грубой силы, герцогъ Шуазель объяснилъ, что французскимъ дипломатическимъ агентамъ предписано брать кого слѣдуетъ „за шиворотъ и драться со шпагою въ рукѣ".

Вслѣдъ затѣмъ Шуазель выразилъ свое удивленіе по поводу того, что Россіи вдругъ пришла мысль оспаривать у Франціи ея первое мѣсто. Онъ знаетъ изъ личнаго опыта, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны представители Россіи всегда шли послѣ представителей Франціи при иностранныхъ державахъ. Графъ Кайзерлингъ, русскій посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, всегда занималъ мѣсто ниже герцога Шуазеля, занимав-

*) См. томъ X настоящаго изданія, стр. 266 и слѣд.

époque le poste d'ambassadeur de France. „La France", assurait Choiseul, „tenait déjà un rang dans l'Europe, avant que la Russie y fut connue et il serait injuste qu'elle le lui ravisse aujourd'hui".

Lorsque les Souverains de Russie, poursuivait son argumentation le ministre français, portaient le titre de Tsar, ils n'élevaient jamais de prétentions quant au droit de préséance, et ce n'est que depuis qu'on leur a concédé le titre impérial, qu'on a vu naître ces difficultés, apparemment par l'idée qu'on attache au titre d'Empereur auquel il a donné la définition de chef des Souverains".

Mais „la France", ajouta Choiseul, „n'est pas dans le cas de plier n'ayant pas besoin de la Russie, et si elle persiste dans ses prétentions, nous couperons court à ces disputes, en lui ôtant le titre Impérial *(sic!)*. Le roi le publiera par un manifeste et vous pouvez vous attendre que l'Espagne en fera autant. Nous avons fait une sottise de concéder ce titre, mais nous la réparerons ainsi pour toujours".

En présence de ce défi hautain, jeté à la Russie par le ministre français, Hotinsky se troubla et exprima le regret de ce que Choiseul se soit laissé entraîner par „la vivacité de son caractère". Ensuite il fit observer avec dignité que la Russie ne fera jamais de concessions en cette matière, qu'elle ne songe pas à porter atteinte aux droits d'autrui, mais qu'elle ne tolérera pas la violation des siens. Elle n'exige que „l'égalité", et rien de plus.

A cela le duc répondit catégoriquement que „cette égalité ne pouvait aucunement exister car là, où il y a un premier, il faut qu'il y ait un second!" En présence de cette réponse, le chargé d'affaires de Russie se persuada qu'il était impossible de convaincre le duc de Choiseul de l'inanité de ses prétentions et termina cet entretien en exprimant le regret de voir ainsi „se rompre le faible lien qui subsiste entre les deux Cours".

Le duc de Choiseul ne répondit qu'en „haussant les épaules".

Ces paroles, échappées au duc, attestent ce qu'il y avait de fiel et d'animosité accumulés dans son âme à l'égard de la Russie. On comprend que les agents diplomatiques qu'il nommait à St.-Pétersbourg étaient animés des mêmes sentiments hostiles. Ils n'étaient que les organes dociles du ministre qui les nommait.

шаго въ то время тамъ же постъ французскаго посла. „Францiя", доказывалъ Шуазель, „уже имѣла въ Европѣ свой рангъ раньше, чѣмъ Россія сдѣлалась извѣстною, и было бы несправедливо, еслибъ Россія теперь лишила ее своего мѣста".

Когда русскіе Государи, продолжалъ свою аргументацію французскій министръ, были извѣстны подъ титуломъ Царей, они никогда не претендовали на высшее мѣсто, и „только когда за ними признали императорскій титулъ, стали возникать затрудненія, очевидно вслѣдствіе особеннаго значенія, придаваемаго титулу Императора, который есть глава Государей".

„Но Франціи нѣтъ надобности уступать", прибавилъ Шуазель, „такъ какъ она не нуждается въ Россіи, и если она будетъ настаивать на своей претензіи, мы положимъ конецъ этимъ спорамъ, лишивъ ее императорскаго титула (sic!). Король обнародуетъ соотвѣтственный манифестъ и вы можете быть увѣреннымъ, что Испанія сдѣлаетъ тоже самое. Мы сдѣлали глупость признавъ этотъ титулъ, но мы ее исправимъ навсегда".

Выслушавъ такой дерзкій вызовъ, брошенный Россіи первымъ французскимъ министромъ, Хотинскій оробѣлъ и выразилъ сожалѣніе, что Шуазель увлекся „живостію своего характера". Но затѣмъ онъ съ достоинствомъ замѣтилъ, что Россія ничего не уступитъ, что она не думаетъ посягать на чужія права, но и не допуститъ нарушенія своихъ правъ. Она требуетъ только „равенства"— и больше ничего.

На это герцогъ Шуазель категорически отвѣтилъ: „Такое равенство немыслимо, ибо тамъ гдѣ имѣется первый, долженъ быть второй!" Такой отвѣтъ доказалъ русскому повѣренному въ дѣлахъ невозможность убѣдить герцога Шуазеля въ неосновательности его претензій, и онъ закончилъ свой разговоръ выраженіемъ сожалѣнія, что такимъ образомъ „прерывается слабая связь, еще существовавшая между обоими правительствами".

На это герцогъ Шуазель отвѣтилъ только „пожатіемъ плечъ".

Изъ этихъ откровенныхъ словъ герцога Шуазеля видно, насколько накопилось въ его душѣ неудовольствія и злобы въ отношеніи Россіи. Совершенно понятно, что назначаемые имъ въ С.-Петербургъ французскіе дипломатическіе агенты были воодушевлены такими же враждебными чувствами. Они были покорными

Sous ce rapport la palme d'honneur appartient à M-r Sabatier de Cabre qui en août 1769 occupa le poste de chargé d'affaires de France à la cour de Russie. Tous les actes de ce diplomate se distinguaient par une hostilité systématique à l'égard de Catherine II, de la Russie et de tout ce qui est russe *).

Lorsque Catherine II apprit à le connaître, elle s'exprima en ces termes sur son compte dans une lettre privée: „Sabatier que vous attendez avec tant d'impatience est, un gueux, qui vous mentira. Quoi qu'il vous dise, personne ne déteste plus la Russie, et moi particulièrement, que lui. S'il me loue, soyez assuré qu'il trahit sa pensée". Mais à son arrivée à St.-Pétersbourg Sabatier n'était pas encore connu comme un ennemi de la Russie dont la correspondance parut dans le fameux livre: „La Cour de Russie il y a cent ans".

Sabatier de Cabre ne mit pas beaucoup de temps à manifester les sentiments qu'il nourrissait à l'égard de la Russie, et le gouvernement russe eut à enregistrer un grand nombre de aits comme preuve de cette „animosité". S'il n'insista pas sur son rappel, ce fut uniquement pour éviter de nouveaux démêlés avec la cour de Versailles. Ce ne fut qu'après la chute du duc de Choiseul et son remplacement par le duc d'Aiguillon, que le gouvernement Impérial chargea Hotinsky d'exposer la manière d'agir de cette „créature" de l'ancien ministre. Des instructions dans ce sens furent données par le comte N. Panine à Hotinsky, dans sa dépêche du 4 (15) octobre 1771.

„Quelque sérieux", écrivait le Vice-Chancelier, „que fussent les motifs de jalousie de la cour de France à notre égard, provenant de la constellation politique de l'Europe à cette époque, l'animosité du duc de Choiseul ne se produisit pas moins avec une intensité particulière pendant toute la durée de son ministère. Tous les ministres et les chargés d'affaires de France, nommés par lui, arrivaient chez nous imbus de haine et de préventions contre nous et nos intérêts".

„En vous renseignant sur ces mauvaises dispositions de la cour de France à notre égard, je crois devoir ajouter que le chevalier de Cabre,

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 264 et suiv.

и послушными слугами назначившаго ихъ министра. Въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ несомнѣнно Сабатье-де-Кабру, который занялъ въ августѣ 1769 года постъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ. Образъ дѣйствія этого дипломата отличался систематическою враждебностью въ отношеніи Екатерины II, Россіи и всего русскаго *).

Когда Екатерина II его узнала, она писала про него въ частномъ письмѣ: „Сабатье, котораго вы съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаете, есть плутъ, который вамъ будетъ лгать. Чтобы онъ вамъ ни говорилъ, никто болѣе не ненавидитъ Россіи и меня въ особенности. чѣмъ онъ. Если онъ меня похвалитъ, будьте увѣрены, что онъ говоритъ неправду". Но когда Сабатье явился въ С.-Петербургѣ, онъ еще не былъ извѣстенъ, какъ врагъ Россіи, котораго переписка появилась въ пресловутомъ сочиненіи: „La Cour de Russie il y a cent ans".

Впрочемъ, Сабатье-де-Кабръ весьма скоро обнаружилъ питаемыя къ Россіи чувства, и русское правительство имѣло множество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о его „злобѣ". Оно не требовало его отозванія только потому, что не желало новой ссоры съ Версальскимъ дворомъ. Только послѣ паденія герцога Шаузеля и занятія его должности герцогомъ д'Эгильономъ, Императорское правительство поручило Хотинскому разоблачить образъ дѣйствія этой „креатуры" герцога Шуазеля. Это было сдѣлано графомъ Н. И. Панинымъ въ депешѣ къ К. Н. Хотинскому отъ 4-го (15-го) октября 1771 года.

„Сколь ни существенны", писалъ Вице-Канцлеръ, „причины зависти къ намъ французскаго двора, происходящія изъ того сопряженія дѣлъ и интересовъ, въ которомъ политика вся европейскихъ державъ обращается. Но тѣмъ однако же не меньше видна была особенная злость противъ насъ дюка Шуазеля во все время его министерства". Всѣ французскіе министры и повѣренные въ дѣлахъ „отъ Шуазеля употребляемые, одинъ послѣ другого пріѣзжали сюда такъ сказать отъ него напередъ взбѣшенными *(sic!)* противъ насъ и нашихъ дѣлъ".

„Введя васъ въ сіе познаніе злонамѣренности къ намъ французскаго двора, скажу, что аккредитованной при министерствѣ здѣшнемъ

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 264 et suiv.

occupant le poste de chargé d'affaires, semble surpasser sous ce rapport tous ses prédécesseurs, aussi serions-nous très heureux de nous débarasser de cet homme plein de noirceur, qui à épousé toutes les haines et les préventions de son protecteur, le duc le Choiseul".

En terminant le comte Panine prescrivait à Hotinsky, non pas d'insister sur le rappel de Sabatier, mais d'attirer, dans le cours de la conversation, l'attention du duc d'Aiguillon sur le fait que son prédécesseur avait pour principe d'envoyer en Russie, comme représentants de la France, des hommes animés d'une haine irascible pour ce pays; si le duc accueillait ces épanchements de sang froid, on pourrait lui signaler Sabatier comme une créature dangereuse de Choiseul.

En effet, Sabatier fut rappelé en 1772 et Durand fut chargé de le remplacer en qualité de ministre de France. Toutefois Hotinsky a soin de prévenir son gouvernement qu'il aurait tort de croire que le cabinet de Versailles ait voulu lui donner un sujet de satisfaction par ce changement de personnel. „L'état de santé de Sabatier", écrit-il au comte Panine, le 19 (30) juillet 1772, „qu'on semble prendre en considération pour son rappel, n'est qu'un faux prétexte. La véritable raison est que le duc est mécontent de lui, parce qu'il ne voit que par les yeux et n'entend que par les oreilles du prince Lobkovitz" (ambassadeur d'Autriche à la cour de St.-Pétersbourg).

La retraite de Choiseul fut un sujet de satisfaction pour l'Impératrice Catherine II, qui appréciait la valeur de cet homme d'Etat. Son habileté et son adresse en matière d'intrigues diplomatiques étaient connues de tout le monde, et l'Impératrice elle-même l'appelait „le cocher de l'Europe". Lorsque la catastrophe éclata et que, grâce à l'influence de M-me Dubarry, la nouvelle maîtresse de Louis XV, Choiseul fut, non seulement congédié, mais exilé dans ses terres, l'Impératrice ne put s'empêcher de le plaindre.

„En vérité", écrivait-elle en janvier 1771 à M-me Bielke, „j'ai si peu de rancune envers M-r de Choiseul que je le plains d'avoir été exilé; cet homme-là, en croyant me faire le plus grand mal, s'est toujours trompé, parceque ses flatteurs ne lui ont jamais dit que ce qui lui était agréable, et lui ont laissé éternellement ignorer la vérité; cela l'a jeté dans un labyrinthe de fausses démarches, dont à moi il ne

повѣренный въ дѣлахъ, Сабатье-де-Кабръ, едва не превосходитъ ли мѣры во всемъ томъ своихъ предшественниковъ, а потому мы бы весьма желали освободиться отъ сего столь чернодушно и подло облекшагося человѣка страстями своего протектора дюка Шуазеля".

Въ заключеніе графъ Панинъ не предписываетъ Хотинскому потребовать отозванія Сабатье, но, въ разговорѣ съ дюкомъ д'Эгильономъ, сказать, что Шуазель всегда посылалъ въ Россію представителями Франціи людей, проникнутыхъ ненавистью къ Россіи. Если герцогъ д'Эгильонъ хладнокровно его выслушаетъ, тогда ему можно будетъ указать на Сабатье, какъ на вредную креатуру герцога Шуазеля.

И дѣйствительно, въ 1772 году Сабатье былъ отозванъ и на его мѣсто, въ званіи посланника, былъ назначенъ Дюранъ. Но Хотинскій предупреждаетъ свое правительство не вѣрить, чтобъ это случилось изъ желанія Версальскаго кабинета угодить Россіи. „Слабое здоровье г-на Сабатье", писалъ онъ графу Панину отъ 19-го (30-го) іюля 1772 года, „въ разсужденіи котораго состоянія изъ Россіи отзывается, служитъ дюку Дегліону только подложествомъ *(sic!)* смѣнить его г-номъ Дюраномъ, а подлинное дѣло состоитъ въ томъ, что дюкъ онымъ Сабатье недоволенъ за то, что онъ все видитъ глазами и слышитъ ушами князя Лобковича" (австрійскаго посла при С.-Петербургскомъ дворѣ).

Отставка герцога Шуазеля несомнѣнно обрадовала Императрицу Екатерину II, которая знала цѣну этому государственному человѣку. Его ловкость и умѣнье въ дипломатическихъ интригахъ были общепризнаны, и сама Императрица называла его „кучеромъ Европы". Когда же случилась катастрофа съ герцогомъ Шуазелемъ и онъ былъ не только лишенъ, благодаря новой любовницѣ Людовика XV, г-жѣ Дюбарри, должности, но и былъ сосланъ на житье въ свое имѣніе, Императрица сожалѣла его.

„По истинѣ я такъ мало сержусь на г. Шуазеля", писала она въ январѣ 1771 года г-жѣ Бьелке, „что сожалѣю объ его ссылкѣ. Этотъ человѣкъ, думая дѣлать мнѣ величайшее зло, всегда ошибался, потому что его льстецы вѣчно говорили ему только пріятное и скрывали отъ него правду; это завлекло его въ лабиринтъ неправильныхъ дѣйствій, которыя окончательно послужили только къ моей славѣ. Я не чув-

m'est revenu par contre que de la gloire. Je n'ai aucune mauvaise volonté contre lui; il était étourdi comme un hanneton; les employés dont il s'est servi ici, étaient des monstres de méchanceté; mais qu'est-ce que de la mauvaise volonté? elle devient ridicule lorsqu'elle se montre dans de pareils individus" *).

Le duc d'Aiguillon qui occupa le poste élevé du duc de Choiseul, n'avait pas les capacités politiques de son prédécesseur. Mais, par esprit de contradiction et par hostilité contre lui, il voulut s'en tenir à une ligne politique qui fût à lui. En ce qui regarde la Russie, le duc d'Aiguillon partageait probablement les sentiments de son prédécesseur, mais pour faire acte d'indépendance, il s'appliquait de paraître plus équitable et plus favorablement disposé aux vues de l'Impératrice de Russie. Les paroles et ses actes ne trahissent pas une hostilité systématique à l'égard de la Russie et de ses intérêts politiques. Ces dispositions du nouveau ministre se manifestaient dans ses entretiens avec Hotinsky, chargé d'affaires de Russie, au sujet de la guerre turco-russe et du partage de la Pologne, ainsi que du rappel de Sabatier de Cabre.

Après une guerre avec la Turquie qui avait duré pendant trois ans, Catherine II désirait ardemment le rétablissement de la paix. Mais la Sublime Porte, sous l'influence de toute espèce de menées diplomatiques, hésitait de signer les conditions de paix, proposées par la Russie. Dans cet état de choses Hotinsky reçut l'ordre de traiter les affaires de Turquie dans un entretien intime avec le duc d'Aiguillon et de le persuader d'exercer une pression sur la Porte pour la décider à faire des concessions à la Russie qui était le vainqueur.

En avril 1772 l'entretien suivant s'est engagé entre Hotinsky et le duc d'Aiguillon:

Hotinsky. „En vérité, M-r le duc, vous devriez bien rendre service aux Turcs, à nous et à toute l'humanité, en persuadant la Porte à être plus conciliante".

Duc d'Aiguillon. „Comment voulez-vous que nous lui donnions un semblable conseil, quand c'est nous-mêmes qui avons poussé les Turcs à la guerre? D'ailleurs nous n'avons pas beaucoup de crédit. Nous avons fait une bêtise, en laissant passer votre flotte".

*) Recueil de la Société Impériale historique russe, t. XIII, p. 63.

ствую никакого желанія вредить ему; онъ былъ чрезвычайно вѣтреный человѣкъ; чиновники, служившіе при немъ здѣсь, были чудовищно злы; но что такое злоба? Она становится смѣшною, когда обнаруживается въ подобныхъ лицахъ" *).

Герцогъ д'Эгильонъ, занявшій высокій постъ герцога Шуазеля, не отличался государственными талантами послѣдняго. Но изъ чувства противорѣчія и вражды къ Шуазелю, онъ желалъ держаться своей собственной особенной политики. Въ отношеніи Россіи герцогъ д'Эгильонъ навѣрно вполнѣ раздѣлялъ чувства своего предшественника, но изъ желанія быть самостоятельнымъ, онъ старался казаться болѣе справедливымъ и расположеннымъ къ политическимъ видамъ русской Императрицы. Въ словахъ и дѣйствіяхъ герцога д'Эгильона не обнаруживается систематической враждебности въ отношеніи Россіи и ея политическихъ интересовъ. Но такое отношеніе новаго французскаго министра проглядывало въ его бесѣдахъ съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Хотинскимъ о русско-турецкой войнѣ и о раздѣлѣ Польши, а равно и въ отозваніи Сабатье-де-Кабра.

Послѣ трехлѣтней войны съ Турціей, Екатерина II искренно желала скорѣйшаго возстановленія мира. Но Высокая Порта, подъ вліяніемъ всевозможныхъ дипломатическихъ происковъ, не рѣшалась подписать предложенныя ей Россіею условія мира. Въ виду такого положенія вещей Хотинскій получилъ предписаніе вступить въ откровенную бесѣду съ герцогомъ д'Эгильономъ о турецкихъ дѣлахъ и уговорить его воздѣйствовать на Турцію въ смыслѣ большей уступчивости въ отношеніи ея побѣдительницы — Россіи.

Въ апрѣлѣ 1772 года между Хотинскимъ и герцогомъ д'Эгильономъ завязался слѣдующій разговоръ:

Хотинскій: „Право, герцогъ, надобно бы вамъ оказать услугу и Туркамъ, и намъ и всему человѣчеству, уговоривъ Порту быть посговорчивѣе".

Герцогъ д'Эгильонъ: „Какъ вы хотите, чтобъ мы подали такой совѣтъ, когда мы же и побудили Турокъ къ войнѣ? Сверхъ того, нашъ кредитъ не очень великъ. Сдѣлали глупость, что позволили пройти вашему флоту"...

*) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. XIII, стр. 63.

A une autre occasion le ministre français se prononça avec encore plus de franchise vis-à-vis du représentant de Russie.

„L'équilibre en Europe pourrait être facilement compromis", dit-il à Hotinsky, „si vous réussissez à prescrire aux Turcs la paix aux trois conditions suivantes: la libre navigation sur la Mer Noire, un port sur cette mer et l'indépendance des Tatars. Assurés de pareils avantages vous serez bientôt à Constantinople, et une fois là, qui pourrait vous en déloger"?

„Celui qui le voudrait", répondit Hotinsky.

D' Aiguillon. „Qui serait-ce?"

Hotinsky. „Vous tout les premiers, et ensuite les Autrichiens et les Anglais".

D' Aiguillon. „Ce sera trop tard".

Hotinsky. „Serait-ce possible que vous le pensiez sérieusement"?

D' Aiguillon. „Tout-à-fait sérieusement".

Hotinsky. „Dans ce cas, je vous avouerai en toute franchise que les avantages que nous cherchons à obtenir, flattent plutôt notre vanité, sans être d'une utilité réelle; en ce qui concerne la navigation, je vous signalerai, comme exemple, les résultats mesquins que nous avons obtenus sur la Baltique, à laquelle nous avons accés. Vous savez que notre commerce est entre les mains des étrangers et que, malgré tous nos efforts d'encourager la nation au commerce maritime, elle s'y prête à contre-cœur, ce qui prouve qu'elle n'a pas de dispositions pour ce genre d'occupation. Quant aux Tatars de Crimée, ils resteront indépendants".

D' Aiguillon. „Quelle peut-être leur indépendance? Vous leur avez donné un khan de votre choix, il sera à votre dévotion. Quand vous le jugerez convenable, vous les dirigerez sur la Hongrie et sur d'autres territoires autrichiens, où ils s'empresseront de répandre la ruine et la désolation avant que la cour de Vienne ait pu reprendre ses esprits et rappeler ses troupes, disséminées en Italie et dans les Flandres. Est-il possible de vous prescrire de limiter votre flotte dans la Mer Noire à 10, 20 ou 30 bâtiments et à un certain nombre de canons? Vous êtes sans cela très puissants par votre alliance avec le roi de Prusse; vous êtes obligé aujourd'hui d'être en bons termes avec lui et il ne vous refuse rien; avec le temps, vous saurez le rendre docile à vos volontés. Votre position est le meilleur gage de votre sécurité. Qui risquerait de vous attaquer à une pareille distance? D'ailleurs vous faites bien d'insister pour obtenir ces avantages. J'en aurais

Въ другой разъ французскій министръ еще болѣе откровенно высказался представителю Россіи.

„Равновѣсіе въ Европѣ нарушится", сказалъ онъ Хотинскому, „если вы успѣете предписать Туркамъ миръ на трехъ условіяхъ: свободное мореплаваніе по Черному морю, гавань на немъ и независимость Татаръ. Съ такими выгодами вы скоро будете и въ Константинополѣ, и тогда кто васъ оттуда выживетъ?"

„Кто захочетъ", отвѣтилъ Хотинскій.

Эгильонъ: „Кто же это?"

Хотинскій (съ улыбкою): „Вы первые, потомъ Австрійцы и Англичане".

Эгильонъ: „Тогда уже будетъ поздно".

Хотинскій: „Неужели вы серьезно такъ думаете?"

Эгильонъ: „Совершенно серьезно".

Хотинскій: „Въ такомъ случаѣ и я вамъ признаюсь, что выгоды, которыя мы себѣ выговариваемъ, болѣе славны для насъ, чѣмъ полезны, ибо что касается мореплаванія, то представляю вамъ въ примѣръ, какой успѣхъ имѣемъ мы на Балтійскомъ морѣ, которое намъ открыто. Вы знаете, что нашу торговлю производятъ чужіе народы, и, несмотря на всѣ старанія поощрять нашъ народъ къ морской торговлѣ, онъ на это не поддается, изъ чего ясно видно, что нѣтъ въ немъ къ этому промыслу склонности. Крымскіе Татары останутся независимыми".

Эгильонъ: „Какая можетъ быть ихъ независимость? Вы уже выбрали имъ и хана, который будетъ вамъ преданъ. Когда вамъ понадобится, пошлете вы ихъ на Венгрію и на другія австрійскія земли, которыя они разорятъ прежде, чѣмъ Вѣнскій дворъ успѣетъ оглянуться и собрать разсѣянныя по Италіи и Фландріи свои войска. Можно ли вамъ предписать, чтобъ вы имѣли на Черномъ морѣ только 10, 20 или 30 кораблей и о сколькихъ пушкахъ? Вы и такъ уже сильны съ королемъ прусскимъ; вы теперь должны быть дружны съ нимъ, и онъ все вамъ позволяетъ; но со временемъ и съ нимъ вы справитесь. Вы безопасны по своему положенію: кто пойдетъ нападать на васъ въ такую даль? Впрочемъ, вы дѣлаете хорошо, настаивая на полученіи этихъ выгодъ. Я бы тоже на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ; но сомнѣваюсь, чтобъ Турки вамъ уступили".

fait autant à votre place, mais je doute que les Turcs vous fassent des concessions".

En septembre 1772 Hotinsky remit au duc d'Aiguillon une déclaration au sujet du partage de la Pologne, qui fut accueilli très froidement. Le duc dit ensuite, après quelques moments de réflexion: „c'est le roi de Prusse qui recevra la meilleur part. Nous n'éprouvons aucun dépit de voir l'accroissement de ses forces, mais vous serez dans le cas de le regretter un jour. Voilà où nous en sommes à la suite de la politique du duc de Choiseul, tandis qu'en raison de la position des deux Etats nous aurions dû vivre en bonne intelligence, à notre avantage mutuel".

„En fin de compte", ajouta le duc d'Aiguillon, „nous aurions pu vous être plus utile que la Prusse et l'Autriche, mais vous nous avez mis de côté!"

Hotinsky lui répondit sans détour que pour notre part nous savons, comme il en est convenu lui-même, que c'est à la France que nous sommes redevables de la guerre de Turquie.

„Mais vous le savez très bien", répondit le ministre français, „que nous ne désirons rien de mieux que de vivre en bonne intelligence avec vous". (Rapport de Hotinsky du 20 septembre (1 octobre) 1772).

Le rappel de Sabatier et la nomination de Durand étaient la première preuve des dispositions amicales du duc d'Aiguillon à l'égard de la Russie.

„Je vous le confie à vous personnellement", dit le duc à Hotinsky, „que je tente de faire le premier pas à un rapprochement avec votre Cour, si je ne trouve pas de réciprocité de sa part, je devrai me retirer. Vous connaissez ma manière de voir; il me semble que l'animosité et les intrigues d'un seul individu (Choiseul) ne méritent que le mépris de la part de grands Etats".

Le premier pas que fit la France fut assez réussi. Durand remit ses lettres de créance, où le titre Impérial se trouvait au complet *). Le duc d'Aiguillon reconnut qu'il n'était pas contraire aux règles de la langue française de placer le mot „Impérial" après celui de „Sa Majesté". L'Impératrice, aussi bien que le comte N. Panine firent à Durand un accueil très gracieux, mais ni l'une ni l'autre ne croyaient à la sincérité des dispositions amicales du cabinet de Versailles.

*) Voir instructions à Durand: Rambaud, t. II, p. 286 et suiv.

Въ сентябрѣ 1772 года Хотинскій подалъ герцогу Эгильону декларацію относительно раздѣла Польши, которая была принята весьма холодно. Потомъ герцогъ сказалъ, послѣ нѣкотораго размышленія: „А королю прусскому достанется лучшая часть. Мы не досадуемъ, что онъ усиливается, но вы будете о томъ когда-нибудь жалѣть. Вотъ до чего довели поступки герцога Шуазеля, тогда какъ по положенію обоихъ нашихъ государствъ должны были бы мы жить въ дружбѣ, со взаимною выгодою".

„Наконецъ де", прибавилъ герцогъ д'Эгильонъ, „можетъ быть могли бы мы вамъ больше ихъ (т. е. Пруссіи и Австріи) услугъ оказать. но вы де насъ въ сторону отложили!"

Тогда Хотинскій ему „на сіе прямо сказалъ, что, съ другой стороны, мы то знаемъ какъ и онъ признаться имѣетъ, что мы Франціи должны турецкою войною".

„Но вы де вѣдаете", отвѣтилъ французскій министръ, „что мы лучшаго не ищемъ, какъ жить съ вами въ дружбѣ". (Донесеніе Хотинскаго отъ 20-го сентября (1-го октября) 1772 года).

Первымъ доказательствомъ дружескаго расположенія герцога д'Эгильона къ Россіи должно было служить отозваніе Сабатье и назначеніе на его мѣсто Дюрана.

„Я открою вамъ однимъ", сказалъ герцогъ Хотинскому, „что попытаюсь сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ вашимъ дворомъ; но, если онъ не будетъ отвѣчать тѣмъ же, то я отступлю. Вамъ довольно извѣстенъ образъ моихъ мыслей, и мнѣ кажется, что злоба и происки одного частнаго (sic!) человѣка (Шуазеля) должны быть презираемы великими государствами".

Первый шагъ со стороны Франціи былъ довольно удаченъ. Дюранъ представилъ вѣрительную грамоту, въ которой былъ полный императорскій титулъ *). Герцогъ д'Эгильонъ призналъ, что непротивно правиламъ французскаго языка, послѣ словъ „Sa Majesté", поставить еще слово: „Impériale". Какъ Императрица, такъ и графъ Н. И. Панинъ оказали Дюрану весьма ласковый пріемъ. Но оба не вѣрили въ искренность дружескаго расположенія Версальскаго кабинета.

*) См. инструкцію Дюрану у Rambaud, t. II, p. 286 et suiv.

Le duc d'Aiguillon s'empressa d'exprimer sa satisfaction au chargé d'affaires de Russie au sujet de l'accueil gracieux dont Durand fut honoré à la cour de St.-Pétersbourg.

La conversation suivante s'engagea entre les deux diplomates à ce sujet:

Hotinsky. „Il y a près d'un an que les affaires auraient pu être au point actuel, si vous eussiez, d'après mes insinuations, envoyé en Russie un homme de confiance“.

D'Aiguillon. „Vous savez que j'ai fait tout ce qui était en mon pouvoir. J'ai fait le premier pas et je suis loin d'en être honteux. J'en ai fait part à nos amis et à l'Espagne qui s'accordent avec nous à trouver que les plus raisonnables doivent être les premiers à faire des concessions“.

Hotinsky. „En conscience, nous n'aurions pas pu être les premiers à céder, mais une fois que les affaires ont abouti à une fin désirable pourquoi donner aux personnes, hostiles au rétablissement d'un accord entre la Russie et la France, la possibilité d'en retarder la réalisation par des contradictions provenant du côté de la France et se produisant en paroles et en actions“.

D'Aiguillon. „En quoi consistent ces contradictions?“

Hotinsky. „L'armistice est prolongé et le congrès sera rétabli à la suite des demandes réitérées des Turcs; il a été inséré dans la gazette de Paris que c'est à notre demande que les Turcs y auraient consenti; un pareil langage ferait supposer que vous persistez dans votre mauvais vouloir à notre égard“.

D'Aiguillon. „Je n'ai pas remarqué le passage que vous me signalez, dans le journal. Je crois me rappeler que cette nouvelle nous fut transmise de Vienne et probablement livrée à la publicité avec les autres, sans aucune arrière-pensée; et pour preuve que tout cela se fait sans mauvaise intention je puis vous envoyer, si vous le voulez, les épreuves des journaux et il vous sera loisible d'y effacer tout ce qui pourrait vous déplaire“.

Hotinsky. „Je vous en remercie, je ne le désire point. Tout ce que je vous demande: c'est de vouloir bien donner des ordres pour qu'à l'avenir on se taise ou qu'on parle avec plus de réserve de choses, auxquelles ma Cour ne saurait rester indifférente“.

D'Aiguillon. „Je vous le promets“.

Une journée se passa après cet entretien, et le lendemain, à une entrevue du duc d'Aiguillon

Герцогъ д'Эгильонъ выразилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ свою радость по поводу ласковаго пріема, котораго удостоился Дюранъ при русскомъ дворѣ.

По этому случаю между обоими дипломатами начался слѣдующій разговоръ:

Хотинскій: „Теперь уже около года, какъ дѣла могли бы быть въ настоящемъ положеніи, если бы, по тогдашнимъ моимъ внушеніямъ, вы послали въ Россію отъ себя человѣка“.

Эгильонъ: „Вы знаете, что я дѣлалъ то, что мнѣ было возможно. Мы сдѣлали первый шагъ, но я этого не стыжусь; я сообщилъ объ этомъ нашимъ друзьямъ и Испаніи, которая согласна съ нами: благоразумнѣйшіе должны первые уступить“.

Хотинскій: „По совѣсти, не могли мы первые уступить; но такъ какъ дѣла дошли уже до желаемаго конца, то для чего людямъ, враждебнымъ возстановленію согласія между Россіею и Франціею, даны способы къ отдаленію такого добраго дѣла противорѣчіями съ здѣшней стороны словами и дѣлами“.

Эгильонъ: „Въ чемъ состоитъ это противорѣчіе?“

Хотинскій: „Перемиріе продолжено, и конгрессъ будетъ возстановленъ вслѣдствіе повторительныхъ прошеній Турокъ; а въ парижской газетѣ напечатано, что Турки по нашему прошенію на это согласились: изъ такихъ заявленій, повидимому, можно заключить, что вы продолжаете намъ недоброхотствовать“.

Эгильонъ: „Я этого не замѣтилъ въ газетѣ, но помню, что такое извѣстіе прислано было изъ Вѣны, и вѣрно съ прочими извѣстіями не нарочно напечатано; а для доказательства, что это дѣлается безъ всякаго намѣренія, хотите — я велю вамъ присылать корректуры газетъ, и вы можете вычеркивать изъ нихъ все, что вамъ не понравится“.

Хотинскій: „Очень благодаренъ, я этого не желаю; прошу объ одномъ — приказать, чтобъ впередъ или умалчивали, или поскромнѣе упоминали о вещахъ, къ которымъ Дворъ мой не можетъ быть равнодушенъ“.

Эгильонъ: „Обѣщаю“.

Прошелъ день послѣ этого разговора. Когда, на другой день, опять встрѣтились герцогъ

avec le chargé d'affaires de Russie, une nouvelle conversation s'engagea, le ministre des affaires étrangères ayant reçu les premiers rapports du représentant de la France à St.-Pétersbourg.

D'Aiguillon. „Durand fut gracieusement reçu par l'Impératrice et toute la Cour l'accueillit avec bienveillance; il eut particulièrement à se louer des procédés du comte Panine qui lui dit: „Vous pouvez porter à la connaissance de votre Cour que nous n'avons pas d'engagements qui nous interdisent un accord avec la France". „Nous allons voir ce qui en adviendra dans la suite", ajouta d'Aiguillon de son propre chef.

Hotinsky. „Il faut s'attendre que les personnes qui ne désirent pas voir se rétablir la bonne intelligence entre les deux Cours s'appliqueront à y élever des obstacles et à faire durer les anciennes défiances, aussi serait-il désirable pour le moment de chercher à consolider les liens d'amitié sans le montrer d'une manière ostensible".

D'Aiguillon. „Ce n'est que des Prussiens qu'on pourrait s'attendre à de pareilles tentatives de discorde".

Hotinsky. „Il faut également se défier des Anglais, car bien que la France soit en paix avec eux pour le moment, on ne saurait perdre de vue que ce sont ses ennemis naturels".

D'Aiguillon. „Le ministre de Prusse ne manquera pas de vous attaquer pour savoir ce qu'il en est, mais j'espère que vous ne le mettrez pas au courant de notre entretien. Les ambassadeurs d'Autriche et de Sardaigne se sont plaints à moi qu'il les bombarde de questions pour obtenir des renseignements". (Rapport de Hotinsky du 8 (19) novembre 1772).

L'Impératrice Catherine II fit de sa main sur cette dépêche l'annotation suivante: „Cette dépêche marque bien l'esprit d'intrigues et l'envie de brouillonner de M-r d'Aiguillon" (original) *).

L'annotation de l'Impératrice confirme les sentiments de défiance qu'elle entretenait à l'égard de la politique française. On ne saurait contester que cette défiance ne fût parfaitement fondée, car de fait la cour de Versailles ne cessait d'intriguer en toute occasion contre la Russie. Catherine II était depuis six ans en guerre avec la Turquie et ce sont pour une grande part les intrigues de la France à Con-

*) Soloview. Histoire de Russie, t. XXVIII, ch. 4, pag. 871 et suiv. Ed. „Utilité Publique".

д'Эгильонъ и русскій повѣренный въ дѣлахъ, между ними завязался новый разговоръ вслѣдствіе полученія французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ первыхъ донесеній новаго представителя Франціи въ С.-Петербургѣ.

Эгильонъ: „Дюранъ былъ милостиво принятъ Императрицею, и всѣ придворные обошлись съ нимъ очень учтиво; онъ особенно хвалился ласковостью графа Панина, который сказалъ ему: „Вы можете донести своему Двору, что мы не имѣемъ обязательствъ, которыя запрещали бы намъ быть въ союзѣ съ Франціею". — „Увидимъ, что будетъ дальше", прибавляетъ отъ себя Эгильонъ.

Хотинскій: „Надобно теперь ожидать, что нежелающіе возстановленія между обоими Дворами дружбы станутъ всѣми средствами этому препятствовать и стараться продлить бывшее недовѣріе, и потому было бы лучше на первый разъ усиливать дружбу, не показывая этого явно".

Эгильонъ: „Больше не отъ кого ждать этихъ раздоровъ, какъ отъ Пруссаковъ".

Хотинскій: „И отъ Англичанъ надобно также остерегаться, ибо хотя Франція теперь съ ними и въ дружбѣ, не надобно, однако, забывать, что они естественные ея непріятели".

Эгильонъ: „Прусскій министръ, конечно, на васъ нападетъ, чтобъ что-нибудь узнать; но я надѣюсь, что вы ему не перескажете нашего разговора. Вѣнскій и сардинскій послы мнѣ жаловались, что онъ не даетъ имъ покоя своими разспросами о новостяхъ". (Донесеніе Хотинскаго отъ 8-го (19-го) ноября 1772 года).

На этой депешѣ Императрица Екатерина II собственноручно написала: „Эта депеша показываетъ ясно въ господинѣ Эгильонѣ интригантскій духъ и желаніе замутить" (это — переводъ) *).

Надпись Императрицы подтверждаетъ полное недовѣріе, съ которымъ она относилась къ французской политикѣ. Нельзя отрицать, что это недовѣріе было совершенно основательное, ибо на дѣлѣ Версальскій дворъ повсюду и неустанно интриговалъ противъ Россіи. Императрица Екатерина II воевала съ Турціей уже 6 лѣтъ и на эту разорительную войну она была вызвана, прежде всего, фран-

*) Ср. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVIII, глава, 4-я (стр. 871 и слѣд. изд. „Обществ. Польза").

stantinople qui l'ont forcée à cette guerre ruineuse. Elle serait très heureuse si la France pouvait décider la Porte à accepter les conditions de paix qu'elle lui proposait. Mais sachant qu'elle ne le ferait pas avec sincérité, elle déclina les ouvertures de médiation que lui fit à cette occasion la cour de Versailles. Le comte Panine répondit à Durand que la Russie ne saurait augmenter le nombre de ses engagements et se proposait de faire la paix avec la Porte directement.

La Russie se heurtait à cette même hostilité de la part de la France en Pologne et en Suède, où la politique russe poursuivait des buts déterminés, contraires à la politique traditionnelle de la cour de Versailles. Le partage de la Pologne se fit, grâce à une entente entre la Russie, la Prusse et l'Autriche. „Ici", écrivait Hotinsky de Paris, „on considère comme étrange l'entente des trois Cours et on lui attribue les visées les plus incroyables. Aussi je redoute que cette Cour n'use de toute espèce d'artifices pour jeter la terreur dans l'esprit des Anglais qui pourraient tomber dans ce piége et si non seconder la France dans ses entreprises, du moins être de connivence avec elle et celle-ci ne se ferait pas faute de faire bombance et de brouillonner".

Toutefois, malgré toutes ces menées de la France, les trois puissances alliées réussirent à régler les affaires de Pologne, exclusivement selon leurs vues et leurs intérêts. En vue de l'impuissance complète de la France, la Russie ne jugea pas nécessaire de lui faire des concessions et n'ajouta aucun prix à son amitié.

Le cabinet de Versailles se montrait tout aussi impuissant en Suède, où les vues politiques russes se trouvaient en contradiction directe avec celles de la France. Le coup d'Etat accompli par Gustave III fut un sujet de satisfaction pour le gouvernement français et d'inquiétude pour le cabinet de St.-Pétersbourg. Le duc d'Aiguillon ne put s'empêcher d'exprimer ses craintes à Hotinsky que la Russie ne songeât, dans son ressentiment, à attaquer la Suède. Hotinsky s'efforça en vain de le rassurer quant aux intentions de son gouvernement.

„C'est", dit-il au représentant de Russie, „comme si vous me disiez que vous restez à Versailles et que je visse de mes yeux que des chevaux sont attelés à votre voiture. Pourquoi ne voulez-vous pas obtenir des garan-

цузскими интригами въ Константинополѣ. Императрица была бы очень рада, еслибъ Франція побудила Турцію принять предложенныя ей условія мира. Но, зная, что Франція искренно этого не сдѣлаетъ, она отказалась принять предложенное ей Версальскимъ дворомъ посредничество между Россіею и Турціею. Графъ Панинъ отвѣчалъ Дюрану, что Россія не желаетъ увеличивать свои обязательства и надѣется заключить миръ съ Турціей непосредственно.

Такую же враждебность со стороны Франціи встрѣчала Россія въ Польшѣ и въ Швеціи, гдѣ русская политика преслѣдовала совершенно опредѣленныя цѣли, противныя традиціонной политикѣ Версальскаго двора. Раздѣлъ Польши совершился, благодаря союзу между Россіею, Пруссіей и Австріей. „Здѣсь согласіе трехъ Дворовъ", писалъ Хотинскій изъ Парижа, „почитается страннымъ для всѣхъ союзомъ, и невѣдомо, какихъ въ немъ видовъ не подозрѣваютъ. Потому опасаюсь я, чтобъ не употреблялъ здѣшній Дворъ всякихъ ухищреній напугать этимъ и Англичанъ, которые въ такую западню могутъ и попасться, и станутъ если не содѣйствовать Франціи въ ея предпріятіяхъ, то мирволить, а она не преминетъ всячески кутить *(sic!)* и мутить".

Однако, несмотря на всѣ французскія происки, три союзныя державы устроили польскія дѣла исключительно согласно собственнымъ своимъ видамъ и интересамъ. Полное безсиліе Франціи не могло заставить Россію сдѣлать ей какія-либо уступки или особенно дорожить ея дружбою.

Такое же безсиліе обнаруживалъ Версальскій кабинетъ въ Швеціи, гдѣ опять русскіе политическіе виды совершенно противорѣчили преслѣдуемымъ Франціею интересамъ. Совершенный шведскимъ королемъ Густавомъ III государственный переворотъ обрадовалъ французское правительство и опечалилъ Петербургскій кабинетъ. Герцогъ д'Эгильонъ даже высказалъ Хотинскому опасеніе, что Россія, изъ чувства негодованія, совершитъ нападеніе на Швецію. Хотинскій старался разувѣрить герцога д'Эгильона въ намѣреніи Россіи совершить нападеніе на Швецію. Но д'Эгильонъ не разувѣрился.

„Это все равно", отвѣтилъ онъ представителю Россіи, „какъ еслибы вы мнѣ говорили, что остаетесь въ Версали, а я собственными глазами видѣлъ изъ окна, что въ вашу карету лошади запряжены. Для чего вы не хотите

ties contre la Suède, en signant un traité avec nous?"

On comprend que dans ces conditions l'habileté diplomatique de Durand, aussi bien que les efforts consciencieux de Hotinsky devaient rester impuissants à amener un rapprochement réel entre la Russie et la France. Les circonstances étaient plus fortes que le bon vouloir des individus. L'animosité mutuelle des deux puissances est devenue si chronique, qu'on la considérait avec raison comme un facteur normal de la politique européenne. Il devait en résulter naturellement des défiances mutuelles qui constituèrent un obstacle à un rapprochement des deux puissances.

C'est avec ces sentiments que le comte Tschernischew accueillit les confidences que lui fit en décembre 1773 le marquis de Montalembert, un ami du duc d'Aiguillon. Tschernischew se trouvait par hazard à Paris, où il voyait souvent le marquis qu'il connaissait de longue date. Un jour celui-ci arriva chez Tschernischew et lui déclara que chargé par le duc d'Aiguillon il venait lui communiquer „que c'est le vif désir du roi, du ministre actuel et de la nation entière d'être en bonne intelligence avec la Russie et que tous déplorent la regrettable politique de Choiseul qui amena cette altération de rapports entre les deux Cours". Lorsque Tschernischew se refusa de s'engager dans cet entretien confidentiel, faute d'un mandat à cet effet, le marquis ne se laissa pas décourager et lui dit que „la pensée de l'union des deux Cours le poursuivait avec une telle persistance qu'il ne saurait fermer l'œil de la nuit, s'il ne lui en faisait pas la confidence". M-r de Montalembert insistait sur ce point que „de cette manière chacune des deux puissances serait à même de savoir dans quelle mesure elle pourrait compter l'une sur l'autre".

„Ce début sérieux ne laissa pas que de m'embarrasser quelque peu", poursuit le comte Tschernischew; il ne prêta pas moins toute son attention au marquis de Montalembert qui lui communiqua les trois points suivantes au nom de son ami le premier ministre de France: 1) La Russie a-t-elle l'intention d'attaquer la Suède? Cette question était évidemment un sujet de préoccupation pour le gouvernement français 2) La Russie se propose-t-elle de prendre part à un nouveau partage de la Pologne? Selon les assurances du marquis, c'était le désir manifeste de „l'odieux" roi de Prusse. 3) Le cabinet de Versailles est disposé à user de son action

со стороны Шведовъ обезпечиться заключеніемъ съ ними договора"?

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ ни дипломатическое искусство Дюрана, ни добросовѣстныя старанія Хотинскаго ничего не могли сдѣлать для дѣйствительнаго сближенія Россіи и Франціи. Обстоятельства были сильнѣе доброй воли отдѣльныхъ лицъ. Взаимная непріязнь обѣихъ державъ сдѣлалась настолько хроническою, что считалась нормальнымъ факторомъ европейской политики. Отсюда естественнымъ образомъ возникло непреодолимое взаимное недовѣріе, сдѣлавшееся препятствіемъ для дѣйствительнаго сближенія обѣихъ державъ.

Съ такимъ недовѣріемъ отнесся графъ Чернышевъ къ откровенностямъ, съ которыми къ нему обратился, въ декабрѣ 1773 года, маркизъ Монталамберъ, другъ герцога д'Эгильона. Чернышевъ случайно находился въ Парижѣ, гдѣ онъ часто видѣлся съ своимъ старымъ знакомымъ, маркизомъ Монталамберомъ. Однажды послѣдній приходитъ къ графу Чернышеву и говоритъ ему, что, по порученію отъ герцога д'Эгильона, онъ долженъ ему сообщить, „коль желаніе велико короля, нынѣшняго министерства и генерально народа быть въ дружбѣ съ Россіею и что всѣ сѣтуютъ и не прощаютъ безпутному министерству Шуазеля, что Дворы наши до такой холодности дошли". Когда же гр. Чернышевъ отказался вступить съ маркизомъ въ политическія откровенности въ виду отсутствія у него всякаго полномочія, Монталамберъ не успокоился, но объявилъ, что „онъ зараженъ будучи мыслями о соединеніи нашихъ Дворовъ, спокойно спать не можетъ, пока ихъ мнѣ не откроетъ". Маркизъ настаивалъ, что „каждая изъ сихъ державъ узнаетъ тогда, въ какомъ случаѣ одна на другую считать вѣрно можетъ".

„Амбарасировало меня нѣсколько", продолжаетъ гр. Чернышевъ, „такое серьезное начало", но онъ терпѣливо выслушалъ маркиза Монталамбера, который ему сообщилъ слѣдующіе вопросы своего друга, перваго французскаго министра. Во 1) имѣетъ ли Россія намѣреніе аттаковать Швецію? Этотъ вопросъ очевидно сильно безпокоилъ французское правительство. Во 2) намѣрена ли Россія участвовать въ новомъ раздѣлѣ Польши?—чего явно желаетъ, по словамъ маркиза, „ненавистный" прусскій король. Наконецъ, въ 3) Версальскій дворъ готовъ стараться при Портѣ, чтобъ она согласилась на всѣ справедливыя требованія Рос-

auprès de la Porte pour lui faire accepter les justes exigences de la Russie à la condition d'un rapprochement effectif entre les deux puissances.

Le comte Tschernischef donna le conseil au marquis de Montalembert de communiquer ces propositions au ministère Impérial par l'entremise de Durand. Le marquis répondit que celui-ci n'inspirait pas de confiance, parcequ'il avait été nommé à ce poste par le duc de Choiseul. La-dessus Tschernischew demanda naturellement au marquis „pourquoi on le gardait à St.-Pétersbourg"?

Enfin, en 1775, le cabinet de Versailles se persuada lui-même de l'inutilité de sa présence dans cette capitale; il en fut rappelé et remplacé par le marquis de Juigné qui resta à ce poste pendant deux ans. Le chevalier de Corberon, qui était de son temps secrétaire de légation, fut appelé à lui succéder. Il avait une opinion peu flatteuse de son chef qu'il trouvait „très borné"*).

Louis XV mourut en 1775 et Louis XVI monta sur le trône de France. Au moment de cette mort personne en France „ne savait à qui se confier et à quoi s'attendre". Le duc de Choiseul-Praslin revint de ses terres à Versailles dans l'espoir de reprendre son ancienne position. Mais il n'y resta que trois jours et retourna dans ses propriétés. Le duc d'Aiguillon donna sa démission et fut remplacé par le comte de Vergennes.

Louis XVI n'approuvait nullement le système politique du duc de Choiseul et se refusait de comprendre pourquoi la France dépensait tant d'argent en subsides aux puissances étrangères.

„Qu'est ce que cela me regarde", disait le nouveau roi, „que la Russie fasse la guerre à la Turquie, et que des confédérations se constituent en Pologne, et pourquoi donner des subsides à la Suède et au Danemark? Je vais réduire toutes ces dépenses."

Malheureusement les bonnes intentions du nouveau roi étaient impuissantes à améliorer la situation de la France et à conjurer l'orage,

*) Voir Un diplomate français à la Cour de Catherine II, 1775—1780. Journal intime du chevalier de Corberon, publié par Labande. Paris (1901, 2 vls.), t. I, p. 68.

сіи подъ условіемъ дѣйствительнаго сближенія обѣихъ державъ.

Графъ Чернышевъ совѣтовалъ маркизу Монталамберу сообщить всѣ эти предложенія чрезъ Дюрана Императорскому министерству. На это маркизъ отвѣтилъ, что къ Дюрану довѣрія не имѣютъ, ибо онъ еще былъ назначенъ на свой постъ герцогомъ Шуазелемъ. Тогда гр. Чернышевъ невольно спросилъ маркиза: „Да зачѣмъ же вы его держите въ С.-Петербургѣ?"

Наконецъ, въ 1775 году самъ Версальскій кабинетъ убѣдился, что Дюранъ безполезенъ въ С.-Петербургѣ, и онъ былъ отозванъ. На его мѣсто былъ назначенъ маркизъ де Жюйнье, который оставался на своемъ посту 2 года и потомъ уѣхалъ. Его замѣстилъ шевалье де Корберонъ, бывшій секретарь французской миссіи при Жюйнье. Мнѣніе Корберона о своемъ начальникѣ и предшественникѣ было не особенно лестное: онъ его считалъ „весьма ограниченнымъ" *).

Въ 1775 году скончался Людовикъ XV и на французскій престолъ вступилъ Людовикъ XVI. Въ моментъ смерти Людовика XV никто во Франціи „не зналъ, на кого полагаться, чему вѣрить и чего ожидать". Герцогъ Шуазель-Пралэнъ пріѣхалъ въ Версаль изъ своего изгнанія въ надеждѣ занять прежнее свое положеніе. Но онъ оставался всего три дня и опять уѣхалъ въ свое имѣніе. Герцогъ д'Эгильонъ вышелъ въ отставку и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Верженъ.

Людовикъ XVI совсѣмъ не одобрялъ политической системы герцога Шуазеля и отказывался понять, почему Франція тратила столько денегъ на субсидіи разнымъ иностраннымъ державамъ.

„Какая мнѣ нужда", говорилъ новый король, „что Россія ведетъ войну съ Турками, а въ Польшѣ дѣлаются конфедераціи, и зачѣмъ давать субсидіи Швеціи и Даніи?—Я всѣ эти расходы сокращу".

Но, къ сожалѣнію, добрыя намѣренія новаго французскаго короля не могли улучшить плачевнаго состоянія Франціи и остановить на-

*) Срав. Un diplomate français à la Cour de Catherine II, 1775—1780. Journal intime du chevalier de Corberon, publié par Labande. Paris (1901, 2 vls.). t. I, p. 68.

grondant de la révolution. Ces bonnes intentions ne pouvaient également pas modifier les relations entre la Russie et la France qui continuaient à rester hostiles.

En 1773 le prince J. Bariatinsky fut nommé ministre de Russie à la cour de Versailles. Les instructions dont il fut muni le 8 août 1773 présentent un intérêt tout particulier, parcequ'elles constatent l'état réel des rapports mutuels entre la Russie et la France.

On recommande, en premier lieu, au prince Bariatinsky de prendre le titre de „Legatus", c'est-à-dire ministre plénipotentiaire, et de n'y renoncer à aucune condition. Après quelques conseils donnés au sujet de l'étiquette, des visites etc., les instructions poursuivent dans ces termes: „pendant toute la durée de sa mission le général-major prince Bariatinsky aura soin d'observer en toute chose une conduite qui réponde à sa naissance et à son rang et devra s'appliquer particulièrement au début à faire une bonne impression et à gagner les sympathies de la Cour, du public et surtout du Ministère, car cette voie est la plus sûre et la plus directe pour obtenir la confiance et l'estime publiques".

Après avoir passé en revue les rapports de la Russie avec la Prusse, l'Autriche, la Suède, le Danemark et la Pologne, les instructions s'arrêtent à ceux de la Russie avec la France. En présence de l'accord de la Russie avec la Prusse, la cour de Vienne crut devoir favoriser les intérêts français au préjudice des intérêts russes.

„La France n'était pas moins très préoccupée en voyant l'influence de la Russie s'accroître au détriment de la sienne; le duc de Choiseul, premier ministre, voyait son honneur intéressée dans la question et ne se faisait aucun scrupule de recourir à tous les moyens permis ou non. Jetant l'alarme dans toutes les cours alliées de la France, il cherchait à répandre ses intrigues partout où il pouvait se heurter à nos efforts tendant à l'affermissement de la paix générale".

„En *Suède*, en semant la discorde au sein de la nation, il s'efforçait par tous les moyens de détruire ses libertés et de faire ainsi de ce pays un voisin dangereux et agressif. Il bernait le *Danemark* par de belles promesses en lui faisant entendre que la Russie le tromperait. En *Pologne*, il cherchait, à surexciter le fanatisme de ses populations superstitueuses et faciles à

двигающуюся ужасную грозу въ видѣ „великой" французской революціи. Не могли также измѣнить эти добрыя намѣренія отношеній между Россіею и Франціею, которыя продолжали быть непріязненными.

Въ 1773 году русскимъ посланникомъ при Версальскомъ дворѣ былъ назначенъ князь И. С. Барятинскій. Данныя ему инструкціи отъ 8-го августа 1773 года представляютъ особенный интересъ, потому что ими констатируется дѣйствительное положеніе взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи.

Барятинскому предписывается, прежде всего, называться „Legatus", т. е. полномочный министръ, и ни за что не отступать отъ этого требованія. Послѣ объясненія ему всѣхъ требованій этикета, визитовъ и т. п., инструкція продолжаетъ: „чтобъ Г. Генералъ-маіоръ (т. е. Барятинскій) во все время будущаго своего министерства, наблюдая скромное званіе породы и качества его и во всѣхъ частяхъ соотвѣтствующее поведеніе, паче всего въ самомъ началѣ употребилъ всевозможное стараніе подать о себѣ выгоднѣйшія импрессіи и сдѣлать персону свою пріятною Двору, и всей публикѣ, а особливо Министерству, ибо сей путь есть лучшій, надежнѣйшій и кратчайшій къ пріобрѣтенію общаго почтенія и повѣренности".

Послѣ обзора отношеній Россіи къ Пруссіи, Австріи, Швеціи, Даніи и Польшѣ, инструкція переходитъ къ характеристикѣ отношеній Россіи къ Франціи. Вѣнскій дворъ, видя союзъ Россіи съ Пруссіей, сталъ потворствовать французскимъ интересамъ на счетъ русскихъ.

„Франція, вопреки сему сугубо огорчалась, чувствуя, что инфлуэнція Россіи рождается и основывается на примѣтномъ ущербѣ собственной ея, первенствующій же министръ, дюкъ Шуазель, полагая въ томъ персональную свою честь, сталъ хвататься за всѣ позволенные и непозволенные способы. Онъ, бія въ набатъ у всѣхъ Франціи союзныхъ дворовъ, распространилъ интриги свои повсюду, гдѣ только могъ повстрѣчаться съ нашими къ утвержденію общей тишины клонящимися операціями".

„Въ *Швеціи*, растравляя разномысліе націи, искалъ онъ всѣми мѣрами опровергнуть вольности ея и тѣмъ самымъ сдѣлать для насъ изъ сей короны опаснаго и активнаго сосѣда. *Данію* обольщалъ выгоднѣйшими предложеніями, внушая ей прямо, что Россія ее обманетъ... Въ *Польшѣ* вселялъ между легкомысленными и суевѣрными людьми фанатичество,

entraîner, et quand le pays était en pleine insurrection, il secondait les rebelles, sans le cacher, par des conseils, des subsides et des troupes.“

„Ses efforts se concentraient surtout sur la *Porte Ottomanne* où les moyens les plus odieux furent mis en oeuvre pour la pousser à la guerre“. En un mot les „chicanes“ et „l'hostilité“ de la France se retrouvaient partout. On peut signaler ici „les difficultés, soulevées d'une manière si inopportune au sujet du titre Impérial à inscrire dans le corps des lettres de cabinet du roi, malgré que l'usage en était consacré par de nombreux précédents, ainsi que l'arrogante conduite de l'ambassadeur de France à Londres à un grand bal au palais où il usa de violence pour prendre la place de notre représentant“.

En ce qui regarde l'Angleterre, il est certain que „si l'une des maisons de Bourbons se montrait en mer, la cour de Londres n'hésiterait pas à l'aborder avec des forces supérieures et accepterait le combat avec empressement“.

Passant à la caractéristique des visées de la politique du cabinet de Versailles à l'égard de la Russie, le comte N. Panine poursuit en ces termes:

„Le système de la France consiste principalement à créer des obstacles à l'accroissement de notre influence et de notre position qui se trouvent aujourd'hui au moins au niveau de celles de la cour de Versailles, et à réduire ainsi la Russie au rang d'une puissance secondaire, comme elle l'était autrefois, n'agissant pas par elle-même et forcée de se plier aux intérêts d'autrui. Les ministres français à toutes les cours agissent aujourd'hui en se conformant à ce projet, bien que le duc d'Aiguillon ait adopté une attitude plus correcte, en observant des convenances au dehors“. Il proposa même son concours pour la conclusion de la paix avec la Porte, mais, „en dépit de cette bienveillance extérieure, ils ne poursuivent pas moins tous le même but: celui de nous enlever, d'une manière ou d'une autre, notre liberté d'action dans les affaires de l'Europe et la possibilité d'agir avec indépendance, selon les vues de la politique russe“.

Finalement le gouvernement français eut l'idée „de changer de front et d'établir ses batteries chez nous“ à propos des affaires de Suède et du congrès de Fokschany, convoqué en vue de la conclusion de la paix avec la Turquie. Ce plan astucieux, de nous faire sentir l'insuffisance

а когда оное полнымъ пламенемъ возгорѣло, въ то время мятежникамъ, оружіе противу насъ воспріявшимъ, помогалъ не только тайно, но и явно совѣтомъ, деньгами и людьми“.

„Главное же его стремленіе было при *Портѣ Оттоманской*, гдѣ самыя ненавистнѣйшія средства истощены были къ приведенію ея на войну“. Словомъ, вездѣ французскіе „шиканы“ и „обиды“. Сюда принадлежитъ „учиненное вдругъ нескладное затрудненіе въ разсужденіи Императорской титулатуры, въ корпусѣ королевскихъ Ея Императорскому Величеству грамотъ, несмотря на прежніе примѣры, такъ же и нахальное въ Лондонѣ отхваченіе у нашего посла французскимъ занятаго имъ мѣста въ королевскомъ дворцѣ и на публичномъ балѣ“.

Что касается до Англіи, „то Лондонскій Дворъ, при всякомъ случаѣ, когда только которой ни есть изъ Бурбонскихъ домовъ въ море покажется, съ превосходными силами вопреки ему предстанетъ, и весьма легко пойдетъ тамъ на драку“...

Переходя затѣмъ къ опредѣленію цѣлей политики Версальскаго двора въ отношеніи Россіи, графъ Н. И. Панинъ продолжаетъ:

„Общая Франціи система противу насъ состоитъ въ томъ, чтобъ инфлуэнція и знатности Имперіи, которыя нынѣ собственнымъ Версальскаго двора вездѣ, по крайней мѣрѣ равновѣсить начали, поставлять сильнѣйшія препоны и чрезъ посредство оныхъ стараться возвратить Россію въ прежнее положеніе Державы не собою дѣйствующей, а повинующейся чужимъ интересамъ. Вслѣдствіе сего плана дѣйствуютъ нынѣ при всѣхъ дворахъ французскіе министры“, хотя дюкъ д'Егильонъ сталъ вести себя порядочнѣе, соблюдая „наружную пристойность“. Онъ даже предложилъ содѣйствовать заключенію мира съ Турціею, „однакожъ внутренно, при всемъ ихъ наружномъ доброжелательствѣ, не заключаютъ они въ себѣ другой цѣли, кромѣ той же самой, чтобъ вывести насъ однимъ или другимъ образомъ изъ собственнаго въ общихъ дѣлахъ дѣйствованія, по независимымъ правиламъ, собственной же россійской политики“.

Французское правительство наконецъ вздумало „перевернуться и настроить батареи свои у насъ самихъ“ насчетъ Швеціи и Фокшанскаго конгресса, собиравшагося для заключенія мира съ Турціею. „Тонкая сія мысль, чтобъ дать намъ въ собственномъ нашемъ дѣлѣ ощутить

de nos ressources dans notre propre cause, fut déjoué par la perspicacité de l'Impératrice qui pénétra jusqu'au fond de ce tissu d'intrigues".

Telles étaient les instructions dont le prince J. Bariatinsky fut muni, et qui exposaient avec netteté les relations mutuelles entre la Russie et la France. A la lecture de cette pièce, le prince dut se convaincre qu'il devait accueillir avec une grande circonspection toutes les ouvertures du cabinet de Versailles. En terminant, le comte Panine lui-prescrivait catégoriquement de prendre les communications éventuelles du ministre français *ad referendum* et de répondre „en termes généraux, en ajoutant de son propre chef ce qu'il jugerait convenable et en effleurant les questions sans engager la responsabilité de sa Cour".

Le prince Bariatinsky arriva à Paris en janvier 1774 et reçut un accueil très gracieux de la part de Louis XV. Les premiers entretiens avec le duc d'Aiguillon trahirent le vif désir du cabinet de Versailles de se charger de la médiation entre la Russie et la Porte. Le ministre de Russie déclina catégoriquement toute pensée de cette médiation. Lorsque la nouvelle de la signature de la paix de Koutchouk-Kainardji, si honorable pour la Russie, fut reçue à Paris, le mécontentement du roi Louis XVI et du comte de Vergennes se manifestèrent ouvertement.

„C'est incroyable", écrivait Bariatinsky, „jusqu'à quel degré on pousse ici la jalousie de nos succès. Les polonais, établis ici, en éprouvent un profond dépit. L'ambassadeur d'Autriche me témoigne peu de franchise; s'il me dit quelque chose, c'est toujours en termes vagues et souvent équivoques".

Dans les premières années du règne de Louis XVI les rapports entre la France et la Russie portaient, comme autrefois, une empreinte de défiance mutuelle et de tiédeur traditionnelle Aussi les rapports du prince Bariatinsky durant les premiers cinq ans de son séjour à la cour de Versailles sont-ils très incolores. Ils offrent remarquablement peu d'intérêt. Il adresse sans cesse à sa cour des dépêches chiffrées dans lesquelles il communique des renseignements obtenus „soit d'un ami sûr" qui lui aurait affirmé etc., ou bien il manda qu'il aurait appris de quelque autre „source autorisée" etc. Mais quel est après tout le sujet de ses informations? Il parle d'in-

недостатокъ собственныхъ нашихъ пособій; но тонкость Франціи не устояла однакожъ противу мудрости Ея Императорскаго Величества, проникнувшей весьма скоро весь оный копъ".

Такова инструкція для князя И. С. Барятинскаго, весьма точно опредѣлившая взаимныя отношенія Россіи и Франціи. Изъ этой инструкціи князь не могъ не вынести убѣжденія, что ему нужно относиться весьма осторожно ко всѣмъ предложеніямъ Версальскаго кабинета. Графъ Панинъ, въ заключеніе категорически ему предписалъ всѣ дѣлаемыя ему французскимъ министромъ сообщенія принимать только на донесеніе и отдѣлываться „генеральными терминами, прибавляя съ легка, и какъ бы собственно отъ себя, и отнюдь не именемъ Двора".

Въ январѣ 1774 года князь Барятинскій прибылъ въ Парижъ и удостоился со стороны Людовика XV благосклоннаго пріема. Въ первыхъ же разговорахъ съ герцогомъ д'Эгильономъ выяснилось пламенное желаніе Версальскаго кабинета принять на себя посредничество между Россіею и Турціею. Но русскій посланникъ категорически отклонилъ всякую мысль о такомъ посредничествѣ. Когда затѣмъ было получено въ Парижѣ извѣстіе о подписаніи почетнѣйшаго для Россіи Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго трактата, крайнее неудовольствіе короля Людовика XVI и графа Верженъ обнаружилось совершенно открытымъ образомъ.

„Невѣроятно", писалъ Барятинскій, „до какой степени простирается здѣсь завистъ къ нашимъ успѣхамъ. Находящіеся здѣсь Поляки въ великомъ горѣ. Австрійскій посолъ очень мало оказываетъ мнѣ откровенности; если что говоритъ, то въ общихъ, съ двойнымъ смысломъ выраженіяхъ".

Въ первые годы царствованія Людовика XVI отношенія Франціи и Россіи отличались прежнимъ взаимнымъ недовѣріемъ и традиціонною безцвѣтностію. Эта безцвѣтность наложила свою печать на всѣ донесенія князя Барятинскаго за первыя 5 лѣтъ его пребыванія при Версальскомъ дворѣ. Безсодержательность донесеній князя Барятинскаго феноменальна. Онъ постоянно пишетъ шифрованныя депеши, въ которыхъ сообщаетъ своему Двору свѣдѣнія, полученныя имъ отъ „надежнѣйшаго пріятеля", который его „увѣрялъ", или же почерпнутыя „изъ вѣрнаго источника". Но спрашивается, что же онъ узналъ? Онъ сооб-

trigues d'amour à la cour, d'une rixe entre le comte d'Artois et le duc de Bourbon, et en général de tous les potins de cour à Versailles. De temps à autre, il communique quelques renseignements sur les affaires d'Allemagne, il parle des rumeurs qui circulent au sujet de la guerre entre la France et l'Angleterre, de la mort de Voltaire etc. Il est évident que pendant des mois entiers, il ne voyait pas le comte de Vergennes et n'avait aucun entretien politique ni avec lui, ni avec le roi de France.

En attendant on aurait tort de dire que les matières fissent défaut pour un échange d'idées de cette nature. A l'explosion de la guerre pour la succession de Bavière, Catherine II prescrivit au prince Bariatinsky de faire des représentations au cabinet de Versailles en vue d'une intervention commune dans cette affaire. Le comte de Vergennes accueillit ces ouvertures avec empressement, et grâce à l'intervention commune de la Russie et de la France, le congrès de Teschen fut convoqué; le prince N. Repnine et le baron de Breteuil qui siégeaient à cette assemblée, réussirent à terminer pacifiquement la guerre qui avait éclaté en Allemagne*).

Catherine II fut très satisfaite des résultats du congrès de Teschen, obtenus par les efforts combinés de la Russie et de la France. Elle était en outre très reconnaissante des services que la cour de Versailles avait rendus à la Russie en 1778, à un moment, où des malentendus sérieux semblaient surgir dans ses rapports avec la Porte Ottomane au sujet des Tatars de Crimée. La France agit en effet dans cette circonstance en amie de la Russie; grâce à l'action énergique du comte de Saint-Priest, ministre de France à Constantinople, la Turquie consentit de signer en 1779 la convention „explicative" avec les conditions, proposées par la Russie. Le comte de Saint-Priest reçut de l'Impératrice, en témoignage de sa reconnaissance, l'ordre de Saint-André, enriché de diamants et 15.000 ducats. (Dépêche du comte Panine au prince Bariatinsky du 23 avril 1779).

Au commencement de l'année 1780 Catherine II donna le jour à la fameuse *Neutralité armée*. Dans le rescrit Impérial du 27 février

*) Voir le tome LXV de la Société Impériale historique russe que nous avons publiée et qui contient les pièces, tirées des archives du prince Repnine, concernant le congrès de Teschen. Voir également le présent „Recueil des traités" t. II, p. 61 et suiv.; t. VI, pag. 107 et suiv.

щаетъ о придворныхъ любовныхъ интригахъ, о дракѣ между графомъ д'Артуа и герцогинею Бурбонскою и, вообще, о всѣхъ сплетняхъ при Версальскомъ дворѣ. Изрѣдка князь сообщаетъ кое-какія свѣдѣнія о германскихъ дѣлахъ, о томъ, что говорится въ публикѣ о войнѣ Франціи съ Англіею, о смерти Вольтера и т. п. Князь, очевидно, въ продолженіе мѣсяцевъ не видалъ графа Верженя и не имѣлъ ни съ нимъ, ни съ королемъ французскимъ никакихъ бесѣдъ.

Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ не было матеріаловъ для такихъ бесѣдъ. Когда возникла война за Баварское наслѣдіе, Императрица Екатерина II предписала князю Барятинскому сдѣлать Версальскому кабинету „репрезентацію" и предложить общее вмѣшательство въ это дѣло. Графъ Верженъ принялъ весьма благосклонно русское предложеніе и, благодаря общему посредничеству Россіи и Франціи, былъ созванъ Тешенскій конгрессъ, на которомъ князю Н. В. Репнину и барону Бретелю удалось мирно покончить возникшую въ Германіи войну *).

Императрица Екатерина II была очень довольна результатомъ Тешенскаго конгресса, достигнутымъ общими усиліями Россіи и Франціи. Еще болѣе была она благодарна за дѣйствительную услугу, оказанную Версальскимъ дворомъ Россіи въ 1778 году, когда изъ-за крымскихъ Татаръ возникло опасное недоразумѣніе съ Оттоманскою имперіею. Въ данномъ случаѣ Франція дѣйствовала весьма дружескимъ образомъ: благодаря энергическому воздѣйствію французскаго посланника въ Константинополѣ, графа Сенъ-При, Турція согласилась подписать въ 1779 году „изъяснительную" конвенцію съ условіями, предложенными Россіею. Графъ Сенъ-При получилъ отъ благодарной русской Императрицы орденъ Андрея Первозваннаго съ брильянтами и 15.000 червонцевъ. (Депеша гр. Панина къ кн. Барятинскому отъ 23-го апрѣля 1779 года).

Въ началѣ 1780 года Екатерина II вызвала къ жизни свой знаменитый *Вооруженный нейтралитетъ*. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ

*) См. изданный нами т. LXV И. Р. Истор. Общества, содержащій бумаги изъ архива кн. Репнина, относящіяся до Тешенскаго конгресса. Срав. также настоящее „Собраніе трактатовъ", т. II, стр. 61 и слѣд.; т. VI, стр. 107 и слѣд.

1780 se trouvent exposées les circonstances qui déterminèrent l'Impératrice à prendre des mesures efficaces pour la défense du commerce des neutres. Nous eûmes déjà l'occasion d'exposer l'histoire de ce vaste projet de Catherine II d'après les renseignements puisés aux archives du Ministère des Affaires Etrangères*). Nous croyons devoir les compléter aujourd'hui par de nouvelles données, concernant les pourparlers diplomatiques entre la Russie et la France à ce sujet.

En vue de la nécessité de sauvegarder les intérêts du commerce de neutres, est-il dit dans le rescrit de février, „nous avons reconnu comme un devoir impérieux de notre politique, avant que la violation du pavillon de commerce russe ne devînt une coutume fatale, de prendre en temps utile toutes les mesures qui se trouvent en notre pouvoir pour en assurer la sécurité, avec la ferme intention de nous conformer, au cours de cette guerre, aux principes les plus stricts d'impartialité et de neutralité".

„En conséquence, nous nous sommes décidés pour le moment, et aussi longtemps que nous ne serons pas dans la nécessité de recourrir à des moyens plus energiques, de nous arrêter aux deux mesures suivantes: 1) d'expédier dans le cours de cet été, deux vaisseaux et deux frégates dans la mer du Nord avec la mission d'en éloigner tous les armateurs et d'assurer le libre accès de nos ports à toutes les nations amies".

„2) D'armer 15 vaisseaux et 4 frégattes, faisant partie de notre flotte à Cronstadt, et de les tenir prêts à entrer en campagne aussitôt que nous en donnerons l'ordre".

En vue d'éclairer l'esprit des puissances belligérantes sur les motifs de ces mesures et leur but, l'Impératrice prit la résolution d'adresser à „toute l'Europe" une déclaration ayant pour objet de démontrer la légitimité de ces exigences et de ces dispositions. Le prince Bariatinsky reçut l'ordre de remettre cette déclaration au comte de Vergennes et „d'observer soigneusement l'impression" qu'elle aura produite

*) Voir le présent „Recueil de traités", t. II, pag. 118 et suiv.; t. VI, pag. 108 et suiv.; t. X, pag. 303 et suiv.

27 февраля 1780 года на имя князя Барятинскаго изложены извѣстныя обстоятельства, заставившія Императрицу принять дѣйствительныя мѣры для защиты нейтральной торговли. На основаніи источниковъ изъ Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ мы уже имѣли случай изложить исторію великаго плана Екатерины II *). Въ настоящее время мы можемъ дополнить прежде сообщенные факты новыми данными, относящимися въ частности до дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Франціею по этому предмету.

Въ виду необходимости охранять права нейтральной торговли, сказано въ февральскомъ рескриптѣ, „признали Мы необходимымъ уже долгомъ политики нашей благовременно, и прежде чѣмъ оскорбленіе Россійскаго торговаго флага преобразится въ вредную привычку, употребить, съ своей стороны, къ совершенному огражденію и обезпеченію его, всѣ отъ насъ и державы нашей зависящія пособія, съ твердымъ однакожъ предположеніемъ свято и ненарушимо согласовать оныя въ продолженіи настоящей войны съ правилами строжайшаго безпристрастія и нейтралитета".

„Вслѣдствіе того рѣшились мы на первый случай, и доколѣ крайняя необходимость не принудитъ насъ, противъ воли и желанія, къ сильнѣйшимъ поступкамъ, на слѣдующія двѣ мѣры: 1) на отправленіе и нынѣшнимъ лѣтомъ въ Сѣверное море двухъ кораблей и двухъ фрегатовъ, для удаленія изъ тамошнихъ водъ всякихъ арматоровъ, и обезпеченія къ портамъ нашимъ свободнаго плаванія всѣхъ вообще дружескихъ народовъ".

„Во 2-хъ, на вооруженіе изъ флота при Кронштадтѣ 15 кораблей и 4 фрегатовъ, и на со держаніе ихъ въ такой готовности, чтобъ они по первому повелѣнію въ море пуститься могли".

Съ цѣлью же объяснить воюющимъ державамъ мотивы принятыхъ мѣръ и цѣль ихъ Императрица рѣшилась „всей Европѣ" особенною декларацією доказать законность ея требованій и мѣропріятій. Сообщенную князю Барятинскому декларацію, онъ долженъ былъ вручить графу Вержень и при передачѣ „бдительно примѣчать, какую импрессію" она произведетъ на него. Императрица также желаетъ

*) См. настоящее „Собр. трактатовъ", т. II, стр. 118 и слѣд., т. VI, стр. 108 и слѣд., т. X, стр. 303 и слѣд.

sur lui; l'Impératrice désirait également connaître la „sensation *(sic!)* que cette pièce aura produite dans le public".

Enfin, en juin 1780 Catherine II donna l'ordre à son représentant à la cour de Versailles d'attester sa ferme résolution d'appuyer par tous les moyens la stricte observation par les belligérants des principes du droit maritime qu'elle venait de proclamer, et de les maintenir dans la voie dans laquelle ils se sont déjà engagés, tendant à respecter plus scrupuleusement le droit des neutres.

„Mais comme en réalité", ecrivait-elle au prince Bariatinsky le 7 juin 1780, „le résultat obtenu ne saurait être attribué qu'à la fermeté dont nous avons fait preuve, et non à un revirement dans les idées et les principes des puissances qui sont restés fidèles aux anciens préjugés et aux anciennes coutumes, nous avons jugé opportun" de partager notre flotte en trois escadres et de les envoyer dans la mer du Nord, dans la Méditerranée et l'océan Atlantique, „en vue de sauvegarder la navigation russe et celle de nos alliés; nous avons pris cette résolution pour achever sans obstacle l'oeuvre commencée par nous et déjà en voie de progrès, d'un nouveau système de neutralité maritime, reposant sur le droit naturel et pour faire de ce système une loi définitive, formulée avec précision et acceptée de tous au grand avantage des nations".

Lorsque le prince Bariatinsky remit au comte de Vergennes la déclaration de Catherine II au sujet de la neutralité armée, celui-ci ne dissimula pas son enthousiasme; il interprêta évidemment cette disposition de l'Impératrice comme un acte d'intervention indirecte dans la guerre entre la France et l'Angleterre, et non au profit de celle-ci.

„Cet acte de Sa Majesté Impériale", dit-il au prince Bariatinsky, „va couronner glorieusement son règne. Dieu donne que toutes les puissances requérentes et belligérentes, que toute l'Europe enfin comprennent les vues hautement humanitaires et perspicaces de votre Souveraine" *(sic!)*. „Il faut convenir", ajouta-t-il, „que ce qui distingue particulièrement les sages dispositions de Sa Majesté, c'est le respect de la justice et la fermeté. Pour notre part, nous avons toujours estimé que la bonne intelligence avec la Russie était toujours profitable pour nos intérêts mutuels, mais nous ajoutons un prix tout particulier aux bonnes relations actuelles, sous le règne de votre grande Souveraine. Je puis vous assurer que vous ne sauriez

знать „о производимой декларацією и въ публикѣ санзаціи" *(sic!)*.

Наконецъ, въ іюнѣ 1780 года, Императрица Екатерина II приказала своему представителю при Версальскомъ дворѣ подтвердить рѣшимость ея обезпечить всѣми силами дѣйствительное соблюденіе воюющими державами провозглашенныхъ ею началъ международнаго морскаго права и удерживать ихъ на пути большаго уваженія правъ нейтральныхъ, на который онѣ уже теперь вступили.

„Но какъ въ существѣ вещей", писала она князю Барятинскому 7-го іюня 1780 года, „сей самой выгодный оборотъ надлежитъ единственно относить къ изъявленной нами твердости, а отнюдь не къ перемѣнѣ дѣятельной въ мысляхъ и правилахъ тѣхъ державъ, поколику оныя у нихъ основаны на старой привычкѣ и на старыхъ предразсудкахъ; то дабы зачатое нами и такъ далеко уже доведенное зданіе новой системы морскаго нейтралитета по первоначальнымъ естественнымъ правамъ безостановочно довести до конца, и узаконить навсегда къ общенародной пользѣ въ истинномъ его свѣтѣ и разумѣніи, рѣшились мы" раздѣлить флотъ на 3 эскадры и отправить ихъ въ Сѣверное, Средиземное море и Атлантическій океанъ для охраненія русскаго и союзниковъ мореплаванія.

Когда князь Барятинскій вручилъ графу Вержень Екатерининскую декларацію о Вооруженномъ нейтралитетѣ, графъ не скрылъ своего восторга; онъ очевидно усмотрѣлъ въ этомъ дѣйствіи русской Императрицы косвенное вмѣшательство Россіи въ войну Франціи съ Англіею и не въ пользу послѣдней державы.

„Сей Ея Императорскаго Величества поступокъ", сказалъ графъ Вержень кн. Барятинскому, „увѣнчаетъ славное ея царствованіе. Боже дай только, чтобъ всѣ приглашающія и воюющія державы, и можно сказать, и вся Европа поняли прямой видъ человѣколюбивой и прозорливой вашей монархини" *(sic!)*. Должно признаться", прибавилъ онъ, „во всѣхъ премудрыхъ Ея Величества дѣлахъ первыя правила суть наблюденіе достоинствъ правосудія и твердость. Мы, съ своей стороны, всегда почитали, что добрая дружба съ Россіею для взаимныхъ интересовъ весьма полезна, но настоящее дружеское нынѣ съ вами сношеніе почитаемъ мы еще болѣе пріятнымъ подъ царствованіемъ великой вашей монархини. И я васъ увѣрлю,

attester aussi souvent que nous l'aurions désiré, l'amitié sincère du roi, mon Maître, pour Sa Majesté l'Impératrice".

„Je vous dirai plus, la nation entière applaudit à l'amitié et à la bonne intelligence qui viennent de s'établir avec la Russie".

A la suite de ces compliments à l'adresse de Catherine II, le ministre français crut devoir s'étendre sur le désintéressement de la France pendant la dernière guerre, et sur la piraterie des Anglais en mer etc. „Nous partageons complétement", dit le comte de Vergennes, „les idées et les principes de l'Impératrice. Nous ne désirons rien d'autre que la justice, et que les gouvernements et les peuples jouissent des bénéfices de leurs produits et de leur industrie. Par sa récente déclaration Sa Majesté l'Impératrice démontre au monde entier l'évidence de cette vérité incontestable".

Tel fut l'accueil flatteur que le gouvernement français fit à la déclaration de Catherine II. Le prince Bariatinsky avait encore à rendre compte de la sensation que ce document produisit dans le public français.

„Je ne saurais vous décrire", écrit-il au comte Panine, „l'effet produit sur l'esprit de la nation. On s'attroupe dans les lieux publiques et on acclame l'Impératrice par des cris d'enthousiasme; on l'exalte comme le défenseur du genre humain et de ses libertés et on proclame à l'unanimité que la paix du monde est entre ses mains".

„Les hommes sensés assurent", poursuit le ministre de Russie, „que non seulement la paix en sera la conséquence nécessaire, mais que cette déclaration est le plus sûr moyen pour le rétablissement de l'équilibre en Europe; mais il importe de proclamer des réglements précis et détaillés pour protéger pour toujours les droits de la navigation contre la piraterie de l'Angleterre".

„Les hommes sensés" assuraient en outre à Paris que" le caractère national des Anglais comporte plus de brutalité, d'intrépidité, et l'on peut dire, de sauvagerie *(sic!)* que celui des Français et des Espagnols". Aussi n'a-t-on lieu de redouter que les Anglais, et non pas les Français et les Espagnols. (Rapport du prince Bariatinsky du 2 (13) avril 1780).

Aussi tous les gens raisonnables en France, mandait le prince Bariatinsky en juin 1780, n'aspirent qu'à „la promulgation d'un réglement maritime, assurant le droit des neutres en cas de guerre".

что вы не можете такъ часто подтверждать, какъ мы желаемъ истинной дружбы короля, моего Государя, къ Государынѣ Императрицѣ".

„Я еще вамъ скажу и болѣе, вся нація о пребывающей настоящей дружбѣ и согласіи съ Россіею оказывается весьма довольною".

Вслѣдъ за этими комплиментами по адресу Екатерины II, французскій министръ сталъ распространяться о безкорыстіи Франціи во время происходящей войны, о пиратствѣ Англичанъ на морѣ и т. п. „Мы", сказалъ графъ Верженъ, „совершенно находимся въ равныхъ мнѣніяхъ и правилахъ съ Государынею Императрицею. Мы желаемъ правосудія, и чтобъ каждая держава или народы свободно пользовались прибылью отъ своихъ продуктовъ и рукомесловъ. Ея Императорское Величество послѣднею декларацією всему свѣту открываетъ глаза о сей неоспоримой истинѣ".

Таковъ былъ лестный пріемъ, оказанный французскимъ правительствомъ Екатерининской деклараціи. Барятинскому осталось еще дать отчетъ о „санзаціи", которую этотъ актъ произвелъ въ французской публикѣ.

„Я не могу", писалъ онъ графу Панину, „описать Вашему Сіятельству, какую сенсацію оное здѣсь производитъ въ публикѣ. Сходятся толпами въ публичныхъ сборищахъ и съ восхищеніемъ о высочайшемъ имени Ея Императорскаго Величества кричатъ, яко о защитницѣ человѣческаго рода и прямой ея вольности, и генерально и единогласно заключаютъ: миръ теперь есть въ рукахъ Ея Величества".

„Благоразумные же люди говорятъ", продолжаетъ посланникъ, „что, конечно, не токмо послѣдствіемъ будетъ миръ, но и оной путь свойственъ къ востановленію сущаго равновѣсія въ Европѣ, но надлежитъ предписать точныя и обстоятельныя узаконенія, дабы мореплавателей единожды навсегда охранить отъ производимаго пиратства отъ Англіи".

Сверхъ того „благоразумные люди" говорили въ Парижѣ, что „въ характерѣ англійской націи болѣе суровости, отважности и, можно сказать, и дикости *(sic!)*, нежели во французскомъ и гишпанскомъ народахъ". Поэтому нужно только бояться Англичанъ, но не Французовъ или Испанцевъ. (Донесеніе князя Барятинскаго отъ 2-го (13-го) апрѣля 1780 года).

Сверхъ того, доносилъ князь Барятинскій въ іюнѣ 1780 года, всѣ здравомыслящіе люди во Франціи мечтаютъ „о сочиненіи общественнаго морскаго регламента на случай войны для нейтральныхъ державъ".

Prenant en considération ce langage si explicite du comte de Vergennes et l'enthousiasme avec lequel le public français accueillit la déclaration de la neutralité armée, on est autorisé à conclure que le gouvernement français appréciait à sa juste valeur la haute partie des intentions de Catherine II. Ce résultat est d'autant plus satisfaisant que juste un an avant la proclamation de la déclaration susmentionnée, le gouvernement français était d'un avis tout opposé. Lorsqu'en mars 1779, le prince Bariatinsky déclara au comte de Vergennes que la Russie se proposait de sauvegarder, par des mesures militaires, l'inviolabilité de sa flotte neutre, le ministre français trouvait que cette déclaration était contraire aux communications antérieures, adressées à la cour de Versailles et conçues dans un esprit amical, tandis que la teneur de celle-ci „trahissait une certaine partialité pour l'Angleterre".

En général, en 1779, le comte de Vergennes répéta à plusieurs reprises qu'il „ne comprenait pas la véritable signification de cette pièce", et pensait qu'en prenant la défense du commerce des neutres, l'Impératrice favorisait „en quelque sorte les espérances des Anglais, en leur accordant certaines facilités". (Rapport du prince Bariatinsky du 28 mars (8 avril) 1779).

Un an après, le comte de Vergennes fut d'un avis tout opposé et ne cessait d'exalter l'initiative généreuse de l'Impératrice dans cette grande œuvre de la défense du droit des neutres contre la violence des belligérants, en général, et de l'Angleterre, en particulier.

A mesure que les puissances neutres, et même les belligérants comme la France et l'Espagne, montraient de la sympathie pour l'idée de la neutralité armée, Catherine II songea sérieusement à profiter de ce rôle éclatant de défenseur des neutres pour assumer celui tout aussi honorifique de médiateur et de pacificateur à l'égard des belligérants.

Dans sa dépêche au prince Bariatinsky du 27 octobre 1780, le comte Panine signale, sans la moindre équivoque, cette généreuse pensée qui avait germé dans l'esprit de Catherine II.

„Sa Majesté", écrivait le comte Panine, „s'étant imposé le devoir de prendre sous sa protection les intérêts du commerce et de la navigation, invita également les autres puissances intéressées dans la question à y participer, non

Принимая въ соображеніе всѣ эти заявленія графа Вержень и восторгъ французской публики по поводу Вооруженнаго нейтралитета Екатерины II, можно только заключить, что французское правительство совершенно вѣрно оцѣнило огромное значеніе великой мысли Екатерины II. Такое заключеніе представляется тѣмъ болѣе отраднымъ, что ровно за годъ до обнародованія Екатерининской деклараціи, французское правительство держалось совершенно противоположнаго мнѣнія. Когда князь Барятинскій, въ мартѣ 1779 года, заявилъ графу Вержень, что Россія намѣрена военными мѣрами охранять неприкосновенность своего нейтральнаго флага, графъ Вержень находилъ, что такое заявленіе противорѣчитъ предыдущимъ „отъ насъ дружескимъ французскому двору увѣреніямъ", ибо „по содержанію оной деклараціи она оказываетъ болѣе пристрастія къ Англіи".

Вообще тогда, въ 1779 году, графъ Вержень неоднократно повторялъ, что онъ „оной деклараціи точное содержаніе не весьма разумѣетъ", и думалъ, что, защищая права нейтральной торговли, Императрица подаетъ Англичанамъ „нѣкоторый образъ надежды, яко бы болѣе оказываетъ къ нимъ снисхожденіе". (Донесеніе князя Барятинскаго отъ 28-го марта (8-го апрѣля) 1779 г.).

Черезъ годъ графъ Вержень былъ совершенно другого мнѣнія и восторгался великодушнымъ почином русской Императрицы въ дѣлѣ защиты правъ нейтральныхъ народовъ противъ насилій со стороны воюющихъ державъ вообще и Англіи, въ особенности.

Чѣмъ съ большимъ сочувствіемъ нейтральныя государства, и даже воюющія державы, какъ Франція и Испанія, стали относиться къ идеѣ Вооруженнаго нейтралитета, тѣмъ больше укрѣплялась въ умѣ Екатерины II мысль воспользоваться своею блестящею ролью защитницы нейтралитета для принятія на себя не менѣе почетной роли посредницы и миротворицы въ отношеніи воюющихъ государствъ.

На эту великодушную мысль, зародившуюся въ головѣ Императрицы Екатерины II, совершенно недвусмысленно указываетъ депеша графа Панина къ князю Барятинскому отъ 27-го октября 1780 года.

„Ея Величество", писалъ графъ Панинъ, „поставя себѣ въ долгъ обезпечить и охранить на время войны торговые промыслы и плаваніе своихъ подданныхъ, не для того всемѣрно пригласила къ таковому же подвигу и другія

pour causer à l'un des belligérants un dépit ou un préjudice quelconque, mais uniquement pour assurer les privilèges et les immunités du pavillon neutre qui lui appartiennent de droit, et qui étaient violés sans scrupule dans un grand nombre de cas".

„Sa Majesté Impériale s'est inspirée ici de ses sentiments de sympathie pour les souffrances des nations, et c'est guidée par ces mêmes sentiments qu'elle serait heureuse de voir les souverains, actuellement en guerre, rechercher les moyens raisonnables et efficaces pour en arriver à une reconciliation, fut-ce même au prix de quelques sacrifices et de quelques concessions".

„Sa Majesté ne saurait prendre sur elle d'apprécier les causes qui ont déterminé les puissances à la guerre, ni leurs vues et leurs espérances, mais Elle ne pense pas moins que pour chacune d'elles, les dépenses d'une campagne dépasseraient de beaucoup les avantages qu'elle serait en fin de compte dans le cas d'en retirer, ou les concessions qu'elle se trouverait dans la nécessité de faire. Sa Majesté ne poursuit aucune autre pensée que celle de donner satisfaction à ses aspirations pour le bien de l'humanité".

„Sa Majesté s'estimerait heureuse de donner à chacune des puissances belligérantes des témoignages encore plus éclatans de son amitié et de sa bienveillance et, comme vous connaissez la manière de voir de l'Impératrice, cela ne dépendrait que de leur propre bon vouloir et de leur résolution d'agir en conformité avec les principes, professés par l'Impératrice".

„Sa Majesté a daigné ordonner", dit le comte Panine en terminant sa dépêche, „de faire des communications dans ce sens aux cours d'Angleterre et de Madrid, afin de connaître plus intimement leurs dispositions actuelles et de pouvoir y conformer les démarches ultérieures de Sa Majesté pour le rétablissement de la paix en Europe".

En énonçant ainsi le désir de l'Impératrice de contribuer au rétablissement de la paix, le comte Panine a soin de recommander au représentant de Russie de ne point imposer la médiation russe et de ne pas en faire même l'objet d'une proposition formelle.

Catherine II sut diriger les négociations à ce sujet d'une manière si habile que les belligérants

въ коммерческой навигаціи интересованныя области, чтобъ тѣмъ которой-либо изъ воюющихъ державъ нанесть досаду или предосужденіе; но единственно въ намѣреніи доставить нейтральному флагу принадлежащія ему права и преимущества, кои во многихъ случаяхъ безъ всякой пощады пренебрегаемы и оскорбляемы были".

„Ея Императорское Величество, руководствовавшись тутъ человѣколюбіемъ своимъ, сострадающимъ бѣдствованію народовъ, побуждается онымъ и далѣе еще желать, дабы воюющіе между собою Государи... могли какъ наискорѣе изыскать резонабельныя и на всѣ стороны сносныя средства къ примиренію своему, хотя бъ то было съ пожертвованіемъ или замѣною нѣкоторыхъ меньше важныхъ уступокъ или снисхожденій"...

„Ея Величество не беретъ на себя судить ихъ (воюющихъ державъ) побудительныя причины, ихъ виды и ихъ надежды, но думаетъ, однакожъ, что для всякой изъ нихъ расходы одной кампаніи дороже обходятся, нѣжели что могутъ стоять пріобрѣтаемыя на послѣдокъ выгоды, или же приносимыя въ жертву снисхожденія.... Ея Величество не имѣетъ подлинно другой цѣли, кромѣ удовлетворенія благотворительнымъ своимъ склонностямъ въ пользу человѣчества"...

„Ея Величество охотно бы хотѣла дружбу и благонамѣреніе свое доказать каждой воюющей державѣ другими больше дѣятельными опытами, а что таковое испытаніе, сколько вы по извѣстному образу мыслей Ея Императорскаго Величества судить можете, зависитъ отъ собственнаго сей державы произволенія, согласно съ исповѣдуемыми отъ Ея Величества правилами".

„Сіе самое внушеніе", оканчиваетъ свою депешу графъ Панинъ, „повелѣла Ея Императорское Величество нынѣ же учинить и дворамъ аглинскому и мадридскому, дабы вездѣ познать короче настоящія расположенія и онымъ сообразовать дальнѣйшіе Ея Величества подвиги къ возстановленію общаго въ Европѣ мира".

Высказывая такимъ образомъ желаніе Императрицы Екатерины II содѣйствовать возстановленію мира, графъ Панинъ, однако, вмѣняетъ въ обязанность представителю Россіи не навязывать русскаго посредничества и даже не дѣлать формальнаго предложенія.

Екатерина II съумѣла вести переговоры о посредничествѣ Россіи настолько искуснымъ

lui adressèrent eux-mêmes la prière de se charger de cette mission honorifique.

Mais avant d'exposer les conditions auxquelles la Russie consentit à participer à la conclusion des traités de paix de Versailles, nous croyons devoir faire mention de quelques circonstances secondaires.

Dans ce nombre nous avons à signaler la nomination du marquis de Vérac au poste de ministre de France à la Cour Impériale. En vertu de ses instructions, il fut appelé à appliquer tous ses efforts pour le maintien des bonnes relations entre la Russie et la France. On lui recommandait, en conséquence, d'user de tous les moyens à sa disposition pour gagner les sympathies de l'Impératrice, de flatter sa vanité, d'exalter ses exploits et de s'assurer de la confiance des personnages influents à la cour de Russie.

„Le principal objet de la mission du marquis de Vérac", est-il dit dans les instructions du 6 mai 1780, „est de faire en sorte que la cour de Russie s'accoutume à compter sur la justice et la franchise du roi, et que l'Impératrice et ses ministres soient persuadés qu'il ne peut résulter qui de très bons effets de la confiance que a commencé à s'établir entre les deux Cours" *).

Le marquis de Vérac s'appliqua en effet à complaire à l'Impératrice et à établir des relations plus amicales entre son gouvernement et la Russie. Ce qui rendait ce résultat plus facile à obtenir, c'est le fait que la France, par la force des choses, se trouvait dans la nécessité de renoncer aux traditions séculaires de sa politique extérieure. Elle se vit forcée d'abandonner à leur sort la Pologne et la Suède. En ce qui regarde la Turquie, l'impuissance complète de cet Etat excluait la possibilité d'une alliance avantageuse avec lui. En vue de cette impuissance et de cette situation désespérée de la Porte, le cabinet de Versailles se rendit compte de l'utilité d'un accord avec la Russie victorieuse. Aussi l'ambassadeur de France à Constantinople appliquait-il ses efforts pour arrêter la Porte de tout acte provocateur envers la Russie.

Les ministres français, le comte de Maurepas et le comte de Vergennes ne cessaient de répéter que „l'amitié entre la Russie et la France est indiquée par la nature et offre des avan-

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 352 et suiv.

образомъ, что воюющія державы сами обратились къ ней съ просьбою принять на себя почетную роль посредницы.

Однако, раньше, чѣмъ излагать условія участія Россіи въ заключеніи Версальскихъ мирныхъ трактатовъ, необходимо упомянуть о нѣкоторыхъ второстепенныхъ обстоятельствахъ.

Сюда относится назначеніе маркиза Верака на постъ французскаго посланника при Императорскомъ дворѣ. Въ силу полученныхъ маркизомъ инструкцій, онъ долженъ былъ стараться всѣми силами поддерживать дружескія отношенія между Россіею и Франціею. Въ виду этой цѣли онъ долженъ былъ всѣми средствами завоевать доброе расположеніе самой Императрицы, льстить ея тщеславію, восхвалять ея подвиги и пріобрѣсти довѣріе всѣхъ вліятельныхъ при русскомъ дворѣ личностей.

„Главная цѣль миссіи маркиза Верака", сказано въ инструкціи отъ 6-го мая 1780 года, „состоитъ въ томъ, чтобъ русскій дворъ привыкался разсчитывать на справедливость и искренность короля, и чтобъ Императрица и ея министры были убѣждены въ томъ, что только самыя хорошія послѣдствія могутъ вытекать изъ довѣрія, зародившагося между обоими Дворами" *).

Маркизъ Веракъ дѣйствительно старался угодить Императрицѣ и установить болѣе дружескія отношенія между его правительствомъ и Россіею. Это было совершенно возможно, ибо Франція, силою обстоятельствъ, должна была отказаться отъ вѣковыхъ основъ своей внѣшней политики. Она принуждена была бросить на произволъ судьбы Польшу и Швецію. Что же касается Турціи, то совершенное безсиліе этого государства не допускало мысли о выгодномъ съ нимъ союзѣ. Напротивъ, безпомощность Турціи убѣдила Версальскій дворъ въ крайней желательности дружбы и союза съ Россіею—побѣдительницею Турціи. Поэтому французскій посолъ въ Константинополѣ продолжалъ останавливать Порту отъ вызывающихъ дѣйствій противъ Россіи.

Французскіе же министры, графы Морэпа и Верженъ, постоянно твердили, что „дружба между Россіею и Франціею натуральная и сопряжена со взаимною выгодностію". (Донесеніе

*) Rambaud Recueil, t. II, p. 352 et suiv

tages mutuels". (Rapport du prince Bariatinsky du 23 mai (3 juin) 1799).

Il est vrai que des malentendus et des divergences surgissaient quelquefois entre le comte d'Ostermann, qui avait remplacé le comte N. Panine, et le marquis de Vérac, mais ils n'avaient jamais de suites fâcheuses.

Ainsi le marquis avait-il, dans le cours de l'année 1782, de fréquentes discussions avec le Vice-Chancelier au sujet du droit de M-r Lesseps, consul de France à St.-Pétersbourg, de conclure, dans sa chancellerie, des stipulations dans lesquelles l'une des parties contractantes étaient des sujets russes. Le ministre de France assurait que le consul était autorisé à le faire; le comte Ostermann le niait catégoriquement et insistait pour que cette coutume française fut abandonnée. Un jour ce débat dura pas moins de quatre heures! Le Vice-Chancelier ne céda pas dans cette question et obtint que défense fut faite au consul de conclure dans l'enceinte du consulat des contrats dans lesquels l'une des parties se trouvait être sujet russe.

Il est certain que la présence en France du Grand-Duc Paul Petrovitch et de la Grand-Duchesse Marie Feodorovna, qui voyageaient incognito sous le nom de „Comte et Comtesse du Nord", contribua pour beaucoup au rapprochement entre les deux puissances. Le prince Bariatinsky prit toutes les mesures pour recevoir le couple princier dans son hôtel, et loua éventuellement plusieurs „maisons garnies". Le roi proposa aux voyageurs de descendre au palais de Versailles.

Le Grand-Duc arriva avec son épouse à Paris à la mi-mai 1782 et descenda à l'hôtel du prince Bariatinsky. Le roi organisa en l'honneur de ses hôtes augustes un concert au palais de Versailles, auquel les dames russes, se trouvant à Paris, étaient également invitées. „Par déférence pour le couple princier", écrivait le prince Bariatinsky, „toutes les dames russes furent affranchies de l'usage, généralement admis par l'étiquette, de baiser la jupe".

Le concert fut brillant. Après cette fête, le Grand-Duc Paul et son épouse prirent congé du roi Louis XVI et de la reine et se rendirent dans les appartements qui leur étaient destinés.

„Pendant qu'ils traversaient les salles du palais", écrivait le prince Bariatinsky, à la date du 12 (23) mai 1782, „la foule y était si nom-

князя Барятинскаго отъ 23-го мая (3-го іюня) 1779 года).

Правда, между графомъ Остерманомъ, преемникомъ графа Н. И. Панина, и маркизомъ Веракомъ иногда случались недоразумѣнія и несогласія. Но они обыкновенно кончались благополучно.

Такъ, маркизъ долго спорилъ, въ 1782 году, съ Вице-Канцлеромъ по вопросу о правѣ французскаго консула въ С.-Петербургѣ, Лессепса, заключать въ своей канцеляріи обязательства, въ которыхъ стороною были русскіе подданные. Французскій посланникъ доказывалъ, что консулъ имѣетъ на это право; графъ Остерманъ категорически отрицалъ это право и требовалъ отмѣны французской практики. Маркизъ Веракъ однимъ разъ спорилъ объ этомъ вопросѣ съ гр. Остерманомъ въ продолженіи 4 часовъ! Но Вице-Канцлеръ не уступилъ и добился предписанія консулу не заключать въ консульствѣ договоровъ, въ которыхъ стороною являются русскіе подданные.

Нѣтъ сомнѣнія, что особенно содѣйствовало сближенію между обѣими державами пребываніе во Франціи В. К. Павла Петровича и В. К. Маріи Ѳеодоровны, путешествовавшихъ инкогнито съ титуломъ: „comte et comtesse du Nord". Князь Барятинскій устроилъ свой домъ для великокняжеской четы и, кромѣ того, нанялъ „на случай" еще нѣсколько „меблированныхъ домовъ". Въ Версалѣ король предложилъ имъ жить во дворцѣ.

Великій Князь съ супругою прибылъ въ Парижъ въ половинѣ мая 1782 года и остановился въ домѣ князя Барятинскаго. Въ честь своихъ высокихъ гостей король устроилъ, между прочимъ, концертъ въ Версальскомъ дворцѣ, на который были также приглашены русскія дамы, находившіяся въ Парижѣ. Изъ уваженія къ великокняжеской четѣ, доносилъ князь Барятинскій, всѣ русскія дамы „были освобождены отъ обыкновеннаго здѣсь этикета цѣлованія юпки".

Концертъ былъ блестящій. Послѣ концерта В. К. Павелъ Петровичъ съ супругою простились съ королемъ Людовикомъ XVI и съ королевою и отправились въ свои временные покои.

„Проходя по королевскимъ покоямъ", доноситъ князь Барятинскій отъ 12-го (23-го) мая 1782 года, „до тѣхъ, которые для нихъ на-

breuse qu'on avait de la peine à marcher à deux de front. Tout le monde frappait des mains". Lorsque le Grand-Duc et la Grand-Duchesse se rendirent à la Comédie française, dans la salle et les couloirs le public se tenait debout et applaudissait avec enthousiasme. „La nation entière s'associait à ces démonstrations", écrivait le ministre de Russie.

Leurs Altesses Impériales honorèrent l'Académie française également de leur visite. D'Alembert était à cette époque secrétaire perpétuel. Des discours y furent prononcés et des morceaux de poésie déclamés en leur honneur.

Le prince de Condé donna à cette occasion une fête à Chantilly, dont l'éclat fit une grande impression en France. Il y eut dans le magnifique parc du château, sur l'Isle d'Amour, des spectacles, des dîners et des soupers avec une splendide illumination. Tout était organisé „avec une grande magnificence et un goût exquis et l'accueil du prince fut si gracieux qu'au moment des adieux, non seulement les hôtes augustes, mais même un grand nombre parmi les invités en furent profondément touchés".

Leurs Altesses Impériales quittèrent Paris le 8 (19) mai 1782. (Rapport du prince Bariatinsky du 12 (23) mai 1782).

Passons à la médiation de la Russie pour la conclusion du traité de paix de Versailles.

En février 1781, Hotinsky, chargé d'affaires de Russie à Paris reçut de St.-Pétersbourg une dépêche, signée par le comte Panine et le comte Ostermann, portant que l'Impératrice „reçut, depuis peu, de Sa Majesté Britannique l'invitation formelle de se charger de la médiation en commun avec Sa Majesté l'Empereur Romain". En vue du consentement de celui-ci à cette médiation, l'Impératrice exprima également son adhésion et proposa de convoquer un congrès de paix à Vienne. Toutefois il importe que les autres belligérants, et particulièrement les deux cours de Bourbon, y donnent également leur consentement.

Hotinsky adressa à ce sujet des ouvertures formelles à la cour de Versailles. Par une note du 7 février 1782, le marquis de Vérac informa le Vice-Chancelier que la cour de Versailles acceptait avec reconnaissance la médiation de l'Impératrice de Russie et de l'Empereur Romain à condition que cette proposition fût ac-

значены, во всѣхъ компатахъ столько было много людей, что съ нуждою можно было итти двумъ человѣкамъ въ рядъ. Плесканіе въ ладоши было генеральное". Когда Великій Князь и Великая Княгиня пошли въ Comédie Française, публика, въ залѣ и въ коридорахъ, стояла и рукоплескала. „Весь народъ плескалъ же въ ладоши", писалъ посланникъ.

Ихъ Императорскія Высочества были также во французской Академіи, въ которой непремѣннымъ секретаремъ былъ въ то время знаменитый д'Аламберъ. Въ Академіи, въ честь Ихъ Высочествъ, были произнесены рѣчи и читаны стихи.

Въ замкѣ Шантильи принцъ Конде устроилъ въ честь великокняжеской четы такой блестящій праздникъ, что о немъ долго говорили во Франціи. Въ чудномъ паркѣ этого замка и на l'Isle d'Amour были устроены театральныя представленія, обѣды и ужины при великолѣпной иллюминаціи. Все было устроено „съ совершеннымъ вкусомъ и равнымъ великолѣпіемъ и сей принцъ (Конде) оказалъ Ихъ Высочествамъ столько учтивостей и ласки, что не токмо они, взаимно прощаясь, но и многіе предстоящіе были тронуты до чувствительности".

Ихъ Императорскія Высочества уѣхали 8-го (19-го) мая 1782 года. (Донесеніе князя Барятинскаго отъ 12-го (23-го) мая 1782 года).

Обратимся теперь къ посредничеству Россіи при заключеніи Версальскаго мирнаго трактата.

Въ февралѣ 1781 года повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, Хотинскій, получилъ изъ С.-Петербурга депешу, подписанную графами Панинымъ и Остерманомъ, въ которой было сказано, что Императрица „получила недавно отъ Его Британскаго Величества формальное приглашеніе принять на себя медіацію совокупно съ Е. В. Императоромъ Римскимъ". Въ виду согласія послѣдняго на такое посредничество Императрица также выразила „охоту и податливость" и предложила собрать мирный конгрессъ въ Вѣнѣ. Однако, необходимо, чтобъ и другія воюющія державы, въ частности оба Бурбонскіе двора, согласились на это посредничество.

Хотинскій сдѣлалъ Версальскому двору формальное предложеніе посредничества. Нотою отъ 7 февраля 1782 года маркизъ Веракъ увѣдомилъ Вице-Канцлера, что Версальскій дворъ съ благодарностью принимаетъ посредничество русской Императрицы и Императора Римскаго, подъ условіемъ, чтобъ это предложеніе было

ceptée également par tous les autres belligérants et par les Américains, en particulier.

также принято всѣми другими воюющими державами, въ частности и Американцами.

En attendant, l'Angleterre refusa catégoriquement d'admettre au congrès les représentants des Etats-Unis d'Amérique. En présence de ce refus, les négociations de paix, entamées à Vienne, n'aboutirent à aucun résultat et durent être transférées à Paris et à Versailles.

Между тѣмъ Англія наотрѣзъ отказалась допустить на мирный конгрессъ представителей Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Вслѣдствіе такого отказа начатые въ Вѣнѣ мирные переговоры не привели къ желательному результату и были перенесены въ Парижъ и Версаль.

En vue d'y participter, l'Impératrice Catherine II désigna le prince Bariatinsky et le conseiller d'Etat Morkow, en qualité d'arbitres. Les instructions dont ils furent munis le 9 mars 1783 méritent une sérieuse attention.

Для участія въ мирныхъ переговорахъ Императрица Екатерина II назначила посланника князя Барятинскаго и статскаго совѣтника Моркова быть посредниками между воюющими державами. Инструкція обоимъ посредникамъ отъ 9-го марта 1783 года заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Les belligérants ayant fait un appel à l'Impératrice et à l'Empereur Romain pour les prier de se charger de la médiation, l'ordre fut donné à Morkow de se rendre à Paris et de poursuivre, en commun avec le prince Bariatinsky, les pourparlers de paix.

Вслѣдствіе заявленнаго воюющими державами Императрицѣ и Римскому Императору желанія, сказано въ инструкціи, чтобъ они приняли на себя посредничество, Императрица поручила Моркову отправиться въ Парижъ и, вмѣстѣ съ княземъ Барятинскимъ, вести переговоры о мирѣ.

Le Chancelier d'Autriche, prince de Kaunitz, crut devoir signaler que l'occasion semblait favorable de consacrer les principes de la neutralité armée par un traité définitif. L'Impératrice ne se dissimulait pas les difficultés qu'il y aurait à obtenir ce résultat. On ne crut pas moins devoir prescrire au prince Galitzine, ministre de Russie à Vienne, de faire à l'Empereur Romain les représentations suivantes à ce sujet:

Австрійскій Канцлеръ, князь Кауницъ, указалъ на удобный случай узаконить правила Вооруженнаго нейтралитета въ окончательномъ мирномъ трактатѣ. Императрица видитъ огромныя трудности для достиженія этой цѣли. Однако, князю Голицыну, русскому посланнику въ Вѣнѣ, предписано представить Римскому Императору слѣдующія по этому предмету соображенія:

1. La médiation présente une occasion favorable pour „décider l'Angleterre, la France et l'Espagne à consacrer les principes de neutralité“ par un traité de paix.

Во 1) посредничество представляется удобнымъ случаемъ для „преклоненія Англіи, Франціи и Гишпаніи къ узаконенію правилъ нейтралитета“ въ мирномъ трактатѣ.

2. S'il est reconnu que cette proposition sera déclinée par les belligérants, ou par l'Angleterre seule, il serait préférable de s'en abstenir.

Во 2) если очевидно, что такое предложеніе будетъ отвергнуто воюющими державами или одною Англіею, то лучше его не дѣлать.

3. La France et l'Espagne n'éleveront probablement pas de difficultés à ce sujet, „car elles ont eu l'occasion d'éprouver sur le fait les avantages que l'application de ce système leur a procurés dans le cours de la guerre“.

Въ 3) Франція и Испанія, вѣроятно, затрудненія не сдѣлаютъ, „ибо онѣ на дѣлѣ испытали, колико имъ посреди войны дѣйствія той системы выгодны были“.

4. En refusant d'accepter les principes de la neutralité armée, „l'Angleterre se trouverait en quelque sorte en contradiction avec ses propres actes, vu qu'elle s'y soumettait en pratique, si non en reconnaissant leur justesse, du moins par la nécessité de céder à la force des choses“.

Въ 4) „что Англія непризнаніемъ правилъ морскаго нейтралитета нѣкоторымъ образомъ воспрекословитъ собственному своему поведенію, когда она въ самомъ дѣлѣ имъ повиновалась, есть ли не изъ удостовѣренія въ правости ихъ, по крайней мѣрѣ уступая нуждѣ обстоятельствъ“.

5. „Nous sommes loin de penser que les quatre principes de neutralité armée, établis

Въ 5) „что мы весьма удалены установленныя нами четыре первыя правила морскаго

par nous, puissent suffire à tous les cas pouvant se présenter dans la pratique, mais quels qu'ils soient, ils ont été d'une grande utilité, et leur propagation, sous leur forme actuelle, nous semble désirable pour le bien des nations".

6. Les deux Cours Impériales n'accorderont leur garantie aux traités que si les puissances belligérantes consentent à insérer dans le texte de ces actes les règles de neutralité.

Ces principes généraux, communiqués d'ordre suprême au prince Galitzine, devaient servir également de gouverne aux arbitres russes au congrès de Versailles.

Malheureusement il fut impossible d'inclure les principes de neutralité armée dans les traités de Versailles: tous les belligérants aspiraient à la paix et craignaient d'en retarder la signature par quelque nouvelle complication Le comte de Vergennes dit aux arbitres russes que l'Angleterre ne consentiraient d'aucune manière à l'insertion de la déclaration de Catherine II dans le texte des instruments.

En attendant la France se trouvait obligée, par la force des circonstances comme l'assurait le comte de Vergennes d'user „de ménagements à l'égard de l'Angleterre". (Rapport du prince Bariatinsky du 30 avril (11 mai) 1782).

Le prince Bariatinsky et Morkow eurent lieu de se convaincre de cette opposition catégorique de l'Angleterre, par suite d'une conversation qu'ils eurent à ce sujet avec le duc de Manchester, plénipotentiaire anglais. Ils en rendent compte en termes suivants dans leur rapport collectif du 18 (29) mai 1783:

„Ils déclarèrent au duc de Manchester que, selon eux, le moyen le plus efficace de sauvegarder la liberté du commerce et de la navigation, serait de faire reconnaitre par toutes les puissances les principes, professés par Sa Majesté l'Impératrice, pour assurer la sécurité des droits des neutres et auxquels l'Angleterre seule refusait son adhésion. L'occasion nous semble favorable pour l'Angleterre de les reconnaître en faisant insérer un article à ce sujet dans le traité définitif; ce serait le moyen le plus sûr de consacrer ce système et de le rendre obligatoire pour toutes les nations et pour tous les temps".

„Le duc de Manchester nous fit là-dessus la réponse suivante":

нейтралитета почитать достаточными на всѣ возможные случаи, но что, по крайней мѣрѣ, каковы они есть, много уже пользы принесли, и что потому общее благо требуетъ распространять ихъ въ настоящемъ образѣ сколько можно болѣе".

Въ 6) ручательство мирныхъ трактатовъ со стороны обоихъ Императорскихъ Дворовъ можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если правила нейтралитета будутъ приняты воюющими державами въ трактатѣ.

Эти основныя положенія, сообщенныя по Высочайшему повелѣнію князю Голицыну, были также даны въ руководство обоимъ русскимъ посредникамъ на Версальскомъ мирномъ конгрессѣ.

Однако, не было никакой возможности включить начала Вооруженнаго нейтралитета въ Версальскіе мирные трактаты: всѣ воюющія державы жаждали мира и не согласились затруднять этимъ вопросомъ подписаніе мирныхъ трактатовъ. Графъ Верженъ сказалъ русскимъ посланникамъ, что Англія ни за что не согласится на включеніе въ мирные трактаты Екатерининской деклараціи о нейтральной торговлѣ.

Между тѣмъ обстоятельства принуждаютъ Францію, по словамъ графа Верженъ, имѣть „противъ Англіи всевозможные менажементы", какъ доносилъ князь Барятинскій 30 апрѣля (11 мая) 1783 года.

Въ категорическомъ несогласіи Англіи князь Барятинскій и Морковъ могли убѣдиться изъ разговора, который они имѣли объ этомъ предметѣ съ англійскимъ уполномоченнымъ, герцогомъ Манчестеромъ. Въ общемъ донесеніи отъ 18-го (29-го) мая 1783 года, они даютъ слѣдующій отчетъ объ этомъ разговорѣ.

Они сказали герцогу Манчестеру: „мы думаемъ, что нѣтъ лучшаго способа къ предохраненію вѣрности торговли и мореплаванія какъ то, чтобъ всѣ державы генерально признали правила, которыя Ея Императорское Величество соизволитъ исповѣдывать о вольной торговлѣ и мореплаваніи нейтральныхъ, и къ которымъ не приступили они одни (Англичане). Теперь же намъ кажется, представляется лучшайшій (*sic!*) для сего способъ, чтобъ оныя правила Англіи признать включеніемъ артикула въ дефинитивномъ трактатѣ; что симъ посредствомъ оная система сдѣлается утвердительною генерально для всѣхъ народовъ и на всегдашнія времена".

На это „дюкъ Манчестеръ намъ отвѣчалъ":

„Nous pensons également que ce système est le plus rationnel *(sic!)* pour le bien de toutes les nations, mais vous savez que, d'après les principes de notre constitution, le roi n'est pas toujours libre de ses actes. Ainsi, quelque désireux qu'il soit d'adhérer à cette déclaration, il ne saurait le faire sans consulter préalablement le parlement. Il serait inopportun d'en faire la proposition dans ce moment, car ce serait créer un obstacle à la signature du traité définitif".

„Ainsi je ne pense pas qu'il fût possible de consigner ces clauses dans le texte du traité, mais elles doivent être considérées comme une question distincte. Du reste, je n'ai pas les pouvoirs nécessaires pour la traiter, ma mission se borne à la signature de la paix. Cette affaire une fois réglée, je suis tout disposé à reprendre des pourparlers avec vous, quand il vous plaira, au sujet de la reconnaissance des principes à établir pour assurer le commerce et la navigation des neutres" *).

En présence de cette réponse les arbitres russes n'ont pas jugé possible d'insister davantage sur leur proposition.

„Nous avons cru devoir faire observer au duc", poursuivent-ils dans leur rapport, „que tout ce que nous avons dit n'était qu'un entretien purement confidentiel et qu'on ne saurait d'aucune manière le considérer comme une proposition formelle... sachant que Votre Majesté Impériale avait pour ce système une affection (terme dont nous avons usé) et cela non pour son profit, mais pour le bien général des nations".

Lorsque le prince Bariatinsky et Morkow rapportèrent au comte de Vergennes leur conversation avec le duc de Manchester, le ministre français leur dit: „Tâchons pour le moment de terminer l'affaire pour laquelle nous sommes convoqués".

En présence des faits ci-dessus mentionnés, on reconnut l'impossibilité d'insérer dans les traités de paix de Versailles la déclaration de Catherine II au sujet de la neutralité armée.

En vertu de leurs pleinpouvoirs du 17 mars 1783, le prince Bariatinsky et Morkow participèrent aux négociations de paix qui se terminèrent en août 1783 par la signature à Versailles des traités de paix ci-dessous. Il est vrai

*) Pour se rendre compte de vues de l'Angleterre sur la neutralité armée, voir le présent „Recueil des traités", t. X, pag. 316 et suiv.

„Мы, конечно, и сами думаемъ, что сія система для общей пользы всѣхъ народовъ есть натуральная (*sic!*); но вы знаете по конституціи нашего правленія король не во всемъ властенъ. Слѣдовательно, сколько бы Его Величество не желалъ, съ своей стороны къ симъ правиламъ приступить, но безъ соглашенія съ парламентомъ этого сдѣлать не можетъ. Предложить же теперь объ ономъ конечно нельзя, ибо мы поставимъ тѣмъ себѣ препону къ скорому окончанію дефинитивнаго трактата".

„Итакъ сего дѣла въ мирные пункты и не думаю я, чтобъ можно было включить, а оное совсѣмъ почитать должно постороннимъ. Я же на оное и не уполномоченъ; мнѣ только повѣрено подписаніе мира. По окончаніи же сего дѣла, я съ вами по поводу признанія правилъ вольной торговли и мореплаванія нейтральныхъ, когда вамъ будетъ угодно, въ разговоры вступать буду"*).

Выслушавъ этотъ отвѣтъ, русскіе посредники не считали далѣе возможнымъ настаивать на своемъ предложеніи.

„Мы ему дали примѣтить", продолжаютъ они въ своемъ донесеніи, „что все между нами говоренное ничто иное есть какъ конфидентный разговоръ,... а не почиталъ бы онъ оное пропозиціею... Вѣдая, что Ваше Императорское Величество къ сей системѣ имѣть соизволите (употребляя сіе слово) affection и конечно не для своихъ выгодъ, а болѣе для общенародныхъ"...

Когда князь Барятинскій и Морковъ сообщили графу Вержень о разговорѣ съ герцогомъ Манчестеромъ, графъ сказалъ: „постараемся теперь сперва окончить то дѣло, для котораго мы созваны".

Въ виду только что изложенныхъ обстоятельствъ, включеніе Екатерининской декларація о Вооруженномъ нейтралитетѣ въ Версальскіе мирные трактаты оказалось совершенно невозможнымъ.

Въ силу своихъ полномочій отъ 17-го марта 1783 года, князь Барятинскій и Морковъ участвовали въ мирныхъ переговорахъ, окончившихся въ августѣ 1783 года подписаніемъ, въ Версалѣ, нижеслѣдующихъ мирныхъ тракта-

*) Для выясненія взгляда Англіи на Вооруженный нейтралитетъ срав. настоящее „Собр. трактатовъ", т. X, стр. 316 и слѣд.

que les plénipotentiaires des Etats belligérants et particulièrement ceux de l'Angleterre s'efforçaient de régler tous leurs différents par des pourparlers directs. Aussi le rôle des médiateurs russes fut il moins actif que ne l'est celui des médiateurs en général.

Quoiqu'il en fût, les représentants de Russie prirent part aux travaux du congrès de paix de Versailles en qualité de médiateurs, et ils signèrent une déclaration spéciale (№ 485) confirmant cette participation, comme ce fut le cas au congrès de Teschen de 1779.

Par un rapport collectif du 31 août (11 septembre) 1783, le prince Bariatinsky et Morkow transmirent à St.-Pétersbourg les pièces authentiques des traités de Versailles.

Enfin les représentants de toutes les puissances belligérantes, participant à la conclusion des traités de Versailles, exprimèrent leur gratitude aux deux „arbitres".

C'est ainsi que se trouve confirmé par des documents le fait peu connu de la participation de la Russie à la conclusion du traité de paix de Versailles de 1783 *).

товъ. Правда, уполномоченные воюющихъ державъ, и въ особенности Англіи, старались непосредственными переговорами разрѣшить всѣ свои взаимныя претензіи. Поэтому роль русскихъ посредниковъ была менѣе дѣятельна, нежели обыкновенно бываетъ роль посредниковъ.

Но, во всякомъ случаѣ, представители Россіи участвовали въ трудахъ Версальскаго мирнаго конгресса въ качествѣ посредниковъ и они подписали особенную декларацію (№ 485) въ подтвержденіе своего участія, подобно тому какъ это было сдѣлано на Тешенскомъ конгрессѣ 1779 года.

При общемъ донесеніи князя Барятинскаго и Моркова отъ 31-го августа (11-го сентября) 1783 года, они препроводили въ С.-Петербургъ „оригиналы" Версальскихъ трактатовъ.

Наконецъ, оба посредника удостоились искренней благодарности отъ представителей всѣхъ воюющихъ державъ, участвовавшихъ въ заключеніи Версальскихъ мирныхъ трактатовъ.

Такимъ образомъ подтверждается документально мало извѣстный фактъ объ участіи Россіи въ заключеніи Версальскаго мира 1783 года *).

№ 479.

Au nom de la Très Sainte et Indivisible Trinité, Père, Fils et Saint Esprit. Ainsi soit il.

Soit notoire à tous ceux qu'il appartiendra, ou peut appartenir en matière quelconque. Le sérénissime et très puissant Prince George Trois, par la grâce de Dieu, Roi de la Grande Bretagne, de France et d'Irlande, duc de Brunsvie et de Lunebourg, Archi-Trésorier et Electeur du Saint Empire Romain etc.

Et le sérénissime et très puissant Prince Louis Seize, par la grâce de Dieu, Roi Très Chrétien.

№ 479.

Во имя пресвятыя и нераздѣлимыя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Да будетъ вѣдомо всѣмъ, кому будетъ или можетъ въ какомъ-либо отношеніи сіе надлежать. Свѣтлѣйшій и Державнѣйшій Государь Георгъ III, Божіею милостью король Великобританіи, Франціи и Ирландіи, герцогъ Брауншвейгскій и Люнебургскій, Верховный Казначей и курфюрстъ Священной Римской имперіи и пр.

и Свѣтлѣйшій и Державнѣйшій Государь Людовикъ XVI, Божіею милостью Христіаннѣйшій король,

*) Voir le récent traité sur la paix de Versailles: Doniol. „Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique", Paris 1899.

*) Срав. новѣйшее изслѣдованіе о Версальскомъ мирѣ: Doniol. Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique. Paris 1899.

Désirant également de faire cesser la guerre qui affligeait depuis plusieurs années leurs Etats respectifs, avaient agréé l'offre que Leurs Majestés l'Empereur des Romains et l'Impératrice de toutes les Russies Leur avaient faite de leur entremise et de leur médiation.

Mais Leurs Majestés Britannique et Très Chrétienne, animées d'un désir mutuel d'accélérer le rétablissement de la paix, se sont communiqué leur louable intention et le Ciel l'a tellement bénie qu'elles sont parvenues à poser les fondements de la paix, en signant les articles préliminaires à Versailles le 20 janvier de la présente année.

Leurs dites Majestés le Roi de la Grande Bretagne et le Roi Très Chrétien se faisant un devoir de donner à Leurs Majestés Impériales une marque éclatante de leur reconnaissance de l'offre généreuse de leur médiation, les ont invitées de concert à concourir à la consommation du grand et salutaire ouvrage de la paix, en prenant part comme médiateurs au traité définitif à conclure entre Leurs Majestés Britannique et Très Chrétienne.

Leurs dites Majestés Impériales, ayant bien voulu agréer cette invitation, Elles ont nommé pour les représenter, savoir:

S. M. L'Empereur des Romains

Le très illustre et très excellent seigneur Florimond comte de Mercy-Argenteau, vicomte de Loo, baron de Crichegnée, chevalier de la Toison d'or, chambellan, conseiller d'Etat intime

одинаково желая прекратить войну, нѣсколько лѣтъ удручающую ихъ государства, согласились принять сдѣланное имъ со стороны Ихъ Величествъ Римскаго Императора и Императрицы Всероссійской предложеніе объ ихъ вступленіи въ это дѣло и о посредничествѣ.

Но Ихъ Британское и Христіаннѣйшее Величества, будучи одушевлены взаимнымъ желаніемъ ускорить возстановленіе мира, сообщили другъ другу о таковомъ похвальномъ своемъ намѣреніи, и Небо благословило его въ такой степени, что имъ удалось установить основанія сего мира подписаніемъ предварительныхъ статей въ Версалѣ, 20-го января сего года.

Ихъ реченныя Величества король Великобританіи и Христіаннѣйшій король, вмѣняя себѣ въ долгъ представить Ихъ Императорскимъ Величествамъ блестящее доказательство своей признательности за великодушное предложеніе ихъ посредничества, сообща пригласили ихъ содѣйствовать завершенію великаго и спасительнаго дѣла мира, ихъ участіемъ, въ качествѣ посредниковъ въ окончательномъ трактатѣ, подлежащемъ заключенію между Ихъ Британскимъ и Христіаннѣйшимъ Величествами.

Ихъ реченныя Императорскія Величества, соблаговоливъ принять сіе приглашеніе, назначили своими представителями:

Е. В. Римскій Императоръ

сіятельнѣйшаго и превосходительнѣйшаго сеньера Флоримонъ графа де Мерси-Аржанто, виконта де Лоо, барона де Кришенье, кавалера Золотого Руна, камергера, дѣйств. тайн. госуд. совѣт-

actuel de S. M. Impériale et Royale Apostolique, et son ambassadeur auprès de Sa Majesté Très Chrétienne.

Et S. M. l'Impératrice de toutes les Russies,

le très illustre et très excellent seigneur prince Iwan Bariatinskoy, lieutenant-général des armées de S. M. Impériale de toutes les Russies, chevalier des ordres de S-te Anne et de l'épée de Suède, et son ministre plénipotentiaire près S. M. Très Chrétienne.

Et le seigneur Arcadi de Morcoff, conseiller d'Etat de S. M. Impériale de toutes les Russies et son Ministre plénipotentiaire prés S. M. Très Chrétienne.

En conséquence, Leurs dites Majestés le Roi de la Grande Bretagne et le Roi Très Chrétien ont nommé et constitué pour Leurs plénipotentiaires chargés de conclure et signer le traité de paix définitif, savoir:

Le Roi de la Grande Bretagne:

le très illustre et très excellent seigneur George duc et comte de Manchester, vicomte de Mandeville, baron de Kimbolton, lord Lieutenant et custos Rotulorum de la comté de Huntingdon, Conseiller privé actuel de S. M. Britannique et son ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près Sa Majesté Très Chrétienne.

Et le Roi Très Chrétien:

le très illustre et très excellent seigneur Charles Gravier comte de Vergennes, baron de Welferding etc.

Lesquels, après avoir échangé leurs pleinpouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivants.

ника Его Императорскаго и Королевскаго Апостолическаго Величества, и его посла при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ;

Е. В. Императрица Всероссійская—

сіятельнѣйшаго и превосходительнѣйшаго сеньера князя Ивана Барятинскаго, генералъ-лейтенанта армій Ея Императорскаго Всероссійскаго Величества, кавалера орденовъ св. Анны и Шведскаго меча, и своего полномочнаго министра при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ;

и сеньера Аркадія Моркова, статскаго совѣтника Ея Императорскаго Всероссійскаго Величества и своего полномочнаго министра при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ.

Вслѣдствіе сего, Ихъ реченныя Величества король Великобританіи и Христіаннѣйшій король назначили и утвердили своими уполномоченными къ заключенію и подписанію окончательнаго мирнаго трактата, а именно:

Король Великобританіи —

сіятельнѣйшаго и превосходительнѣйшаго сеньера Жоржа герцога и графа Манчестера, виконта Мандевилль и пр., барона Кимболтонъ, лорда намѣстника и хранителя свитковъ графства Хунтингдонскаго, дѣйств. тайн. совѣтника Е. В. Британскаго и своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ;

и Христіаннѣйшій король —

сіятельнѣйшаго и превосходительнѣйшаго сеньера Шарля Гравье графа де Верженъ, барона Вельфердингъ и пр.

Которые, по размѣнѣ своихъ обоюдныхъ полномочій, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Article I.

Il y aura une paix chrétienne universelle et perpetuelle, tant par mer que par terre et une amitié sincère et constante sera rétablie entre Leurs Majestés Britannique et Très Chrétienne et entre Leurs héritiers et successeurs, royaumes, Etats, provinces, pays, sujets et vassaux de quelque qualité et condition qu'ils soient, sans exception de lieux et de personnes; en sorte que les Hautes Parties contractantes apporteront la plus grande attention à maintenir entre Elles et Leurs dits Etats et sujets cette amitié et correspondance réciproque sans permettre dorénavant que de part ou ni d'autre on commette aucune sorte de hostilités par mer ou par terre pour quelque cause ou sous quelque prétexte que ce puisse être; et on évitera soigneusement tout ce qui pourrait altérer à l'avenir l'union heureusement rétablie, s'attachant au contraire à se procurer réciproquement à toute occasion possible tout ce qui pourrait contribuer à leur gloire, intérêts et avantages mutuels, sans donner aucun secours ou protection, directement ou indirectement à ceux qui voudraient porter quelque préjudice à l'une ou à l'autre des dites Hautes Parties contractantes. Il y aura un oubli et amnistie générale de tout ce qui a pu être fait ou commis avant ou depuis le commencement de la guerre qui vient de finir.

Статья I.

Пребудетъ христіанскій всеобщій и вѣчный миръ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, и искренняя и постоянная дружба возстановится между Ихъ Британскимъ и Христіаннѣйшимъ Величествами, ихъ наслѣдниками и преемниками, королевствами, государствами, провинціями, землями, подданными и вассалами, какого бы ни было званія и состоянія, не исключая никакихъ ни мѣстъ, ни лицъ. Вслѣдствіе сего высокія договаривающіяся стороны приложатъ величайшее вниманіе къ тому, чтобы поддержать эту дружбу и взаимныя сношенія между собою и ихъ сказанными государствами и подданными, не позволяя отнынѣ ни съ той, ни съ другой стороны совершать никакихъ враждебныхъ дѣйствій ни на морѣ, ни на сушѣ по какой бы причинѣ или подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Онѣ будутъ тщательно избѣгать всего, что могло бы въ будущемъ измѣнить счастливо возстановленное единеніе, стараясь, напротивъ, при всякомъ случаѣ предоставлять другъ другу все то, что могло бы споспѣшествовать ихъ обоюдной славѣ, интересамъ и выгодамъ, не оказывая никакой ни помощи, ни покровительства, ни прямо, ни косвенно, тѣмъ, кто пожелалъ бы причинить какой-либо вредъ той или другой высокой договаривающейся сторонѣ. Все, что могло бы быть учинено или совершено ранѣе или со времени только что оконченной войны, предается забвенію и общей амнистіи.

Article II.

Les traités de Westphalie de 1648, les traités de paix de Nimègue de 1678

Статья II.

Основаніемъ и опорою мира и настоящаго трактата служатъ Вестфаль-

et 1679, de Ryswick de 1697, ceux de paix et de commerce d'Utrecht de 1713, celui de Bade de 1714, le traité de la triple alliance de la Haye de 1717, celui de la quadruple alliance de Londres de 1718, le traité de paix de Vienne 1738, le traité définitif d'Aix-la-Chapelle de 1748 et celui de Paris de 1763 servent de base et de fondement à la paix et au présent traité; et pour cet effet ils sont tous renouvellés et confirmés dans la meilleure forme, ainsi que tous les traités en général qui subsistaient entre les Hautes Parties contractantes avant la guerre et nommément tous ceux qui sont spécifiés et renouvellés dans le susdit traité définitif de Paris, dans la meilleure forme, et comme s'ils étaient insérés ici mot à mot en sorte qu'ils devront être observés exactement à l'avenir dans toute leur teneur et réligieusement exécutés de part et d'autre dans tous les points, auxquels il n'est pas dérogé par le présent traité de paix.

скіе трактаты 1648 года, мирные трактаты Нимвегенскіе 1678 и 1679 годовъ, Рисвикскій 1697 года, трактаты о мирѣ и торговлѣ Утрехтскіе 1713, трактатъ Баденскій 1714, трактатъ тройственнаго союза Гаагскій 1717, четверного союза Лондонскій 1718, мирный Вѣнскій трактатъ 1738, окончательный трактатъ Ахенскій 1748 и трактатъ Парижскій 1763 года. На сей конецъ они всѣ возобновляются и подтверждаются самымъ формальнымъ образомъ, равно какъ и всѣ вообще трактаты, которые существовали между высокими договаривающимися сторонами до войны, и именно всѣ тѣ, кои поименованы и возобновлены въ вышеупомянутомъ окончательномъ Парижскомъ трактатѣ самымъ формальнымъ образомъ и считаются какъ бы записанными сюда отъ слова до слова, такъ что на будущее время они должны быть въ точности соблюдаемы во всемъ ихъ содержаніи и обоюдно свято исполняемы во всѣхъ постановленіяхъ, кои не отмѣнены настоящимъ мирнымъ трактатомъ.

Article III.

Tous les prisonniers faits de part et d'autre tant par terre que par mer et les otâges enlevés ou donnés pendant la guerre et jusqu'à ce jour, seront restitués sans rançon dans six semaines au plus tard à compter du jour de l'échange de la ratification du présent Traité, chaque partie soldant respectivement les avances qui auront été faites pour les subsistances et l'entretien des prisonniers par le souverain du pays où ils auront été retenus conformément aux reçus et Etats constatés et autres titres

Статья III.

Всѣ плѣнные, взятые той и другой стороною какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, и заложники, задержанные или данные во время войны и до сего дня, будутъ возвращены безъ выкупа, не позже шести недѣль, считая со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата, при чемъ каждая сторона уплачиваетъ другой авансовые расходы, которые были сдѣланы на прокормленіе и содержаніе плѣнныхъ государемъ той страны, гдѣ они отбывали свой плѣнъ, по роспискамъ и засвидѣтельствован-

autentiques qui seront fournis de part et d'autre.

Et il sera donné réciproquement des sûretés pour le payement des dettes que les prisonniers auraient pu contracter dans les Etats où ils auraient été détenus jusqu'à leur entière liberté.

Et tous les vaisseaux, tant de guerre que marchands, qui auraient été pris depuis l'expiration des termes convenus pour la cessation des hostilités par mer, seront particulièrement rendus de bonne foi avec tous leurs équipages et cargaisons.

Et l'on procédera à l'exécution de cet article immédiatement après l'échange des ratifications de ce traité.

ным вѣдомостям и другим подлинным документам, которые будутъ представлены сторонами.

Взаимно будутъ даны ручательства въ томъ, что долги, которые могли бы быть сдѣланы плѣнными въ государствахъ, въ коихъ они содержались до совершеннаго своего освобожденія, будутъ уплачены.

Всѣ корабли, какъ военные, такъ и купеческіе, которые были бы взяты по истеченіи сроковъ, условленныхъ для прекращенія военныхъ дѣйствій на морѣ, будутъ возвращены особо добросовѣстнымъ образомъ со всѣмъ ихъ экипажемъ и грузами.

Къ исполненію этой статьи будетъ приступлено немедленно по размѣнѣ ратификацій сего трактата.

Article IV.

S. M. le Roi de la Grande Bretagne est maintenu dans la propriété de l'isle de Terre-Neuve et des isles adjacentes, ainsi que le tout lui a été assuré par l'article 13 du traité d'Utrecht, à l'exception des isles de St. Pierre et Miquelon, lesquelles sont cédées en toute propriété par le présent traité à S. M. Très Chrétienne.

Статья IV.

Е. В. король Великобританскій сохраняетъ за собою владѣніе островомъ Ньюфаунлендомъ и прилегающими къ нему островами, какъ все это обезпечено ему статьею 13-ю Утрехтскаго трактата, за исключеніемъ острововъ св. Петра и Микелонъ, которые уступаются настоящимъ трактатомъ въ полную собственность Его Христіаннѣйшаго Величества.

Article V.

S. M. Très Chrétienne pour prévenir les querelles qui ont eu lieu jusqu'à présent entre les deux nations anglaise et française consent à renoncer au droit de pêche qui lui appartient, en vertu de l'article 13 du traité susmentionné d'Utrecht, depuis le cap Bonavista jusqu'au cap St. Jean, situé sur la côte orientale de Terre-Neuve par les 50 de-

Статья V.

Его Христіаннѣйшее Величество для предупрежденія споровъ, которые происходили до настоящаго времени между французскимъ и англійскимъ народомъ, соглашается отказаться отъ принадлежащаго ему въ силу 13-й статьи вышеупомянутаго Утрехтскаго трактата права рыбныхъ ловель отъ мыса Бонависта до мыса св. Іоанна, нахо-

grés de latitude septentrionale, et S. M. le Roi de la Grande Bretagne consent de son côté que la pêche assignée aux sujets de S. M. Très Chrétienne, commençant au dit cap St. Jean, passant par le Nord et descendant par la côte occidentale de l'île de Terre-Neuve, s'étende jusqu'à l'endroit appellé cap Raye, situé au 47 degré 50 minutes de latitude.

Les pêcheurs français jouiront de la pêche qui leur est assignée par le présent article comme ils ont eu droit de jouir de celle qui leur est assignée par le traité d'Utrecht.

Article VI.

A l'égard de la pêche dans le golfe St .Laurent les Français continueront à l'exercer conformément à l'article 5 du traité de Paris.

Article VII.

Le Roi de la Grande Bretagne restitue à la France l'isle de S-te. Lucie dans l'état où elle s'est trouvée lorsque les armes britanniques en on fait la conquête. Et S. M. Britannique cède et garantit à S. M. Très Chrétienne l'isle Tabago. Les habitants protestants de la dite isle ainsi que ceux de la même réligion qui se seront établis à S-te. Lucie pendant que cette isle était occupée par les armes britanniques, ne seront point troublés dans l'exercice de leur culte.

Et les habitants britanniques ou autres qui auraient été sujets du Roi

дящагося на восточномъ берегу Ньюфаунлэнда, на 50° сѣверной широты. Съ своей стороны, Е. В. король Великобритапіи соглашается, чтобы предоставленное подданнымъ Его Христіаннѣйшаго Величества рыболовство, начинаясь отъ сказаннаго мыса св. Іоанна, огибая сѣверъ и спускаясь по западному берегу острова Ньюфаунлэнда, доходило до мѣста, называемаго мысомъ Райи, лежащаго на 47° 50' широты.

Французскіе рыбаки будутъ пользоваться рыболовствомъ, которое предоставлено имъ настоящею статьею, такъ же, какъ они имѣли право пользоваться рыболовствомъ, которое предоставлено имъ Утрехтскимъ трактатомъ.

Статья VI.

Что касается рыболовства въ заливѣ св. Лаврентія, то Французы будутъ производить таковое согласно 5 статьѣ Парижскаго трактата.

Статья VII.

Король Великобританскій возвращаетъ Франціи островъ св. Люсіи въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, когда его завоевали британскія войска. Его Британское Величество уступаетъ и гарантируетъ Его Христіаннѣйшему Величеству островъ Табаго. Протестантскіе жители названнаго острова, равно какъ и жители той же вѣры, которые поселились на св. Люсіи въ то время, когда этотъ островъ былъ занятъ британскими войсками, отнюдь не будутъ имѣть помѣшательства въ отправленіи своей вѣры.

Британскіе и иные жители, которые были подданными Великобританскаго

de la Grande Bretagne dans les susdites isles conserveront leurs propriétés aux mêmes titres et conditions auxquelles ils les ont acquises; ou bien ils pourront se retirer en toute sûreté et liberté où bon leur semblera et auront la faculté de vendre leurs biens, pourvu que ce soit à des sujets de S. M. Très Chrétienne et de transporter leurs effets ainsi que leurs personnes sans être gênés dans leur émigration sous quelque prétexte que cela puisse être, hors celui de dettes ou de procés criminels. Le terme, fixé à cette émigration, est de dix huit mois, à compter du jour de l'échange des ratifications du présent traité.

короля на вышеназванныхъ островахъ, сохранятъ свою собственность на тѣхъ же основаніяхъ и условіяхъ, на которыхъ они ее пріобрѣли; или же они могутъ, ничего не опасаясь, и вполнѣ свободно удалиться, куда имъ вздумается, и могутъ продать свое имущество, но только подданнымъ Его Христіаннѣйшаго Величества, и перевезти свою движимость, не подвергаясь ни въ этомъ, ни въ личномъ отношеніи никакимъ стѣсненіямъ при своемъ выселеніи ни подъ какимъ предлогомъ, кромѣ какъ въ случаѣ долговъ или уголовныхъ дѣлъ. Срокъ для сего полагается въ 18 мѣсяцевъ, считая со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата.

Et pour d'autant mieux assurer les propriétés des habitants de la susdite isle de Tabago, le Roi Très Chrétien donnera des lettres patentes portant abolition du droit d'aubaine dans la dite isle.

Дабы еще лучше обезпечить собственность жителей названнаго острова Табаго, Христіаннѣйшій король выдастъ грамоты объ отмѣнѣ пошлины съ имущества, вывозимаго переселенцами на этомъ островѣ.

Article VIII.

Le Roi Très Chrétien restitue à la Grande Bretagne les isles de la Grenade et les Grenadins, St. Vincent, la Dominique, St. Christophe, Nevis et Monserrat; et les places de ces îles seront rendues dans l'état oú elles étaient, lorsque la conquête en a été faite. Les mêmes stipulations insérées dans l'article précédent auront lieu en faveur des sujets français à l'égard des isles dénommées dans le présent article.

Статья VIII.

Христіаннѣйшій король возвращаетъ Великобританіи острова Гренадъ и Гренаденъ, св. Винцента, Доминикъ, св. Кристофа, Неви и Монсерра. Крѣпости этихъ острововъ будутъ сданы въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ были во время ихъ завоеванія. Постановленія, внесенныя въ предшедшую статью, одинаково будутъ дѣйствовать въ пользу французскихъ подданныхъ на названныхъ въ настоящей статьѣ островахъ.

Article IX.

Le Roi de la Grande Bretagne cède en toute propriété et garantit à Sa Majesté Très Chrétienne la rivière de Séné-

Статья IX.

Король Великобританскій уступаетъ въ полную собственность и гарантируетъ Его Христіаннѣйшему Величе-

gale et ses dépendances avec les forts de St.Louis, Podor, Galam, Arguin et Portendic; et Sa Majesté Britannique restitue à la France l'isle de Gorée laquelle sera rendue dans l'état où elle se trouvait lorsque la conquête en a été faite.

Article X.

Le Roi Très Chrétien garantit de son côté au Roi de la Grande Bretagne la possession du fort James et de la rivière de Gambie.

Article XI.

Pour prévenir toute discussion dans cette partie du monde, les deux Hautes Parties contractantes nommeront, dans trois mois après l'échange des ratifications du présent traité, des commissaires, lesquels seront chargés de déterminer et de fixer les bornes des possessions respectives. Quant à la traite de la gomme, les Anglais auront la liberté de la faire depuis l'embouchure de la rivière de St.Jean jusqu' à la baye et fort de Portendic inclusivement: bien entendu qu'ils ne pourront faire dans la dite rivière St. Jean sur la côte, ainsi que dans la baye de Portendic, aucun établissement permanent de quelque nature que cela puisse être.

Article XII.

Pour ce qui est du reste des côtes d'Afrique, les sujets anglais et français continueront à les fréquenter selon l'usage qui a eu lieu jusqu'à présent.

Article XIII.

Le Roi de la Grande Bretagne restitue à Sa Majesté Très Chrétienne tous

ству рѣку Сенегалъ и прилежащія къ ней земли съ фортами: Сенъ Луи, Подоръ, Галамъ, Аргуенъ и Портандикъ, а Е. В. Британское возвращаетъ Франціи островъ Горэ, который будетъ сданъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился во время завоеванія.

Статья X.

Съ своей стороны Его Христіаннѣйшее Величество гарантируетъ Великобританскому королю владѣніе фортомъ Джемсъ и рѣкою Гамбіею.

Статья XI.

Для предупрежденія всякаго спора въ этой части свѣта обѣ высокія договаривающіяся стороны назначатъ въ трехмѣсячный срокъ по обмѣнѣ ратификацій настоящаго трактата коммиссаровъ, на коихъ будетъ возложено опредѣленіе и установленіе границъ обоюдныхъ владѣній. Что касается торговли камедью, то Англичанамъ предоставляется производить таковую отъ устья рѣки Сенъ Жанъ до залива и форта Портандикъ включительно; но при этомъ разумѣется, что они не могутъ устраивать на сказанной р. Сенъ Жанъ, на берегу, равно какъ въ заливѣ Портандикъ, никакого постояннаго учрежденія, какого бы ни было рода.

Статья XII.

Остальную часть Африканскихъ береговъ французскіе и англійскіе подданные будутъ продолжать посѣщать, какъ было въ обычаѣ до сего времени.

Статья XIII.

Король Великобританскій возвращаетъ Его Христіаннѣйшему Величе-

les établissements qui lui appartenaient au commencement de la guerre présente, sur la côte d'Orixa et dans le Bengale, avec la liberté d'entourer Chandenagore d'un fossé pour l'écoulement des eaux; et Sa Majesté Britannique s'engage à prendre les mesures qui seront en son pouvoir pour assurer aux sujets de la France dans cette partie de l'Inde comme sur les côtes d'Orixa, de Coromandel et de Malabar un commerce sûr, libre et indépendant, tel que le faisait la Compagnie française des Indes Orientales, soit qu'ils le fassent individuellement ou en corps de compagnie.

ству всѣ учрежденія, которыя принадлежали ему въ началѣ настоящей войны на берегу Орисса и въ Бенгалѣ, съ правомъ окружить Шанденагоръ рвомъ для стока водъ. Его Британское Величество обязывается принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы обезпечить французскимъ подданнымъ въ этой части Индіи, какъ и на берегахъ Орисса, Коромандельскомъ и Малабарскомъ, такую же безопасную, свободную и независимую торговлю, какую вела французская компанія Восточной Индіи, при томъ будутъ ли ее производить отдѣльныя лица, или товарищества.

Article XIV.

Pondychery sera également rendu et garanti à la France de même que Karikal: et Sa Majesté Britannique procurera pour servir d'arrondissement à Pondichery, les deux districtes de Valanour et de Bahour, et à Karikal les quatre Magans qui l'avoisinent.

Статья XIV.

Равнымъ образомъ будетъ возвращенъ и гарантированъ Франціи Пондишери, также и Карикалъ. Его Британское Величество предоставитъ для округленія Пондишери два участка Валануръ и Бахуръ, а Карикалу четыре сосѣднихъ магана.

Article XV.

La France rentrera en possession de Mahé ainsi que de son comptoir à Suratte, et les Français feront le commerce dans cette partie de l'Inde conformément aux principes établis dans l'article XIII de ce traité.

Статья XV.

Франція снова получаетъ въ свое владѣніе Махэ, равно и свою контору въ Сюраттѣ, и Французы будутъ производить торговлю въ этой части Индіи на началахъ, установленныхъ въ XIII статьѣ сего трактата.

Article XVI.

Les ordres ayant été envoyés dans l'Inde par les Hautes Parties contractantes, en conformité de l'article XVI des préliminaires, il est convenu de nouveau que si dans le terme de quatre mois les alliés respectifs de Leurs Majestés Britannique et Très Chrétienne n'ont pas ac-

Статья XVI.

Высокія договаривающіяся стороны, сообразуясь съ XVI статьею прелиминарнаго трактата, послали въ Индію распоряженія и снова постановляютъ, что если въ четырехмѣсячный срокъ союзники Ихъ Британскаго и Христіаннѣйшаго Величествъ не приступятъ къ

cédés à la présente pacification ou fait leur accomodement séparé, Leurs dites Majestés ne leur donneront aucune assistance directe ou indirecte contre les possessions britanniques ou françaises ou contre les anciennes possessions de leurs alliés, telles qu'elles se trouvaient en l'année 1776.

настоящему миру, или заключать отдѣльное соглашеніе, то Ихъ реченныя Величества не окажутъ имъ никакого, ни прямого, ни косвеннаго содѣйствія противъ британскихъ или французскихъ владѣній, или противъ старыхъ владѣній ихъ союзниковъ, какими они были въ 1776 году.

Article XVII.

Le Roi de la Grande Bretagne voulant donner à S. M. Très Chrétienne une preuve sincère de réconciliation et d'amitié et contribuer à rendre solide la paix rétablie entres Leurs dites Majestés, consent à l'abrogation et supression de tous les articles relatifs à Dunkerque, à compter du traité de paix conclu à Utrecht en 1713 inclusivement jusqu'à ce jour.

Статья XVII.

Король Великобританскій, желая дать Его Христіаннѣйшему Величеству искреннее доказательство примиренія и дружбы и содѣйствовать укрѣпленію возстановленнаго между Ихъ реченными Величествами мира, соглашается на отмѣну и уничтоженіе всѣхъ статей, касающихся Дюнкирхена, начиная съ мирнаго трактата, заключеннаго въ Утрехтѣ, въ 1713 году, и до сего дня.

Article XVIII.

Aussitôt après l'échange des ratifications, les deux Hautes Parties contractantes nommeront des commissaires pour travailler à de nouveaux arrangements de commerce entre les deux nations sur le fondement de la réciprocité et de la convenance mutuelle, lesquels arrangements devront être terminés et conclus dans l'espace de deux ans à compter du 1 janvier de l'année 1784.

Статья XVIII.

Немедленно по размѣнѣ ратификацій обѣ Высокія договаривающіяся стороны назначатъ комиссаровъ для разработки новыхъ соглашеній о торговлѣ между двумя народами на основѣ взаимности и обоюдной пользы, каковыя соглашенія должны быть окончены и заключены въ продолженіе двухъ лѣтъ, считая съ 1 января 1784 года.

Article XIX.

Tous les pays et territoires qui pourraient être conquis ou pourraient l'être dans quelque partie du monde que ce soit par les armes de S. M. Britannique ou par celles de S. M. Très Chrétienne qui ne sont pas compris dans le présent traité, ni à titre de cessions, ni à titre de restitutions, seront rendus sans

Статья XIX.

Всѣ земли и территоріи, которыя могли быть завоеваны въ какой бы ни было части свѣта оружіемъ Его Британскаго или Его Христіаннѣйшаго Величествъ и которыя не включены въ настоящій трактатъ ни въ качествѣ уступаемыхъ, ни въ качествѣ возстановляемыхъ владѣній, будутъ отданы

difficultés et sans exiger de compensation.

Article XX.

Comme il est nécessaire d'assigner une époque fixe pour les restitutions et évacuations à faire par chacune des Hautes Parties contractantes, il est convenu que le Roi de la Grande Bretagne fera évacuer les îles de St. Pierre et de Miquelon trois mois après la ratification du présent traité ou plûtot si faire se peut; S-te Lucie aux Antilles et Gorée en Afrique trois mois après la ratification du présent traité ou plûtot si faire se peut.

Le Roi de la Grande Bretagne rentrera également en possession au bout de trois mois après la ratification du présent traité, ou plutôt si faire se peut, des îles de la Grenade, les Grenadins, St. Vincent, la Dominique, St. Christophe, Névis et Montsérat.

La France sera mise en possession des villes et comptoirs qui lui sont restitués aux Indes Orientales et des territoires qui lui sont procurés pour servir d'arrondissement à Pondicherry et à Karikal six mois après la ratification du présent traité ou plutôt si faire se peut. La France remettera au bout du même terme de six mois les villes et territoires, dont ses armes se seraient emparées sur les Anglais ou sur leurs alliés dans les Indes Orientales.

En conséquence de quoi les ordres seront envoyés par chacune des Hautes Parties contractantes avec des passe-

обратно безъ затрудненій и безъ требованія вознагражденія.

Статья XX.

Въ виду необходимости назначить опредѣленный срокъ для сдачи и очищенія земель каждою изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, постановляется, что король Великобританскій очиститъ острова св. Петра и Микелонъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи настоящаго трактата, или и ранѣе, если это будетъ возможно; св. Люсіи въ Антиллахъ и Горэ въ Африкѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи настоящаго трактата, или ранѣе, если это будетъ возможно.

Равнымъ образомъ Великобританскій король вступитъ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи настоящаго трактата, или ранѣе, если это будетъ возможно, во владѣніе островами Гренадъ, Гренаденъ, св. Винцента, Доминикъ, св. Кристофа, Неви и Монсерра.

Франція вступитъ во владѣніе городами и конторами, которыя ей возвращаются въ Восточной Индіи, и землями, которыя ей предоставляются для округленія въ Пондишери и Карикалѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ ратификаціи настоящаго трактата, или ранѣе, если это будетъ возможно. По прошествіи такого же шестимѣсячнаго срока Франція сдастъ города и земли, которые были ею завоеваны у Англичанъ или ихъ союзниковъ въ Восточной Индіи.

Вслѣдствіе сего каждою Высокою договаривающеюся стороною будутъ посланы приказанія съ обоюдными пас-

ports réciproques pour les vaisseaux qui les porteront immédiatement après la ratification du présent traité.

портами для кораблей, которые повезутъ ихъ немедленно послѣ ратификаціи настоящаго трактата.

Article XXI.

La décision des prises et des saisies, faites antérieurement aux hostilités, sera remise aux cours de justice respective; de sorte que la validité des dites prises et saisies sera décidée selon le droit des gens et les traités dans les cours de justice de la nation qui aura fait la capture ou ordonné les saisies.

Статья XXI.

Рѣшеніе о призахъ и захватахъ, сдѣланныхъ до начала военныхъ дѣйствій, будетъ предоставлено подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, и именно законность сказанныхъ призовъ и захватовъ будетъ опредѣлена согласно международному праву и трактатамъ въ судебныхъ мѣстахъ того государства, которое сдѣлало призъ или предписало о захватахъ.

Article XXII.

Pour empêcher le renouvellement des procés qui ont été terminés dans les îles conquises par l'un et l'autre des Hautes Parties contractantes, il est convenu que les jugements rendus en dernier ressort et qui ont acquis force de choses jugées seront maintenus et exécutés selon leur forme et teneur.

Статья XXII.

Дабы воспрепятствовать возобновленію тяжбъ, оконченныхъ на островахъ, завоеванныхъ тою и другою Высокою договаривающеюся стороною, постановляется, что тѣ послѣдовавшіе въ послѣдней инстанціи приговоры, которые вошли въ законную силу, будутъ считаться дѣйствительными и подлежать исполненію согласно ихъ формѣ и содержанію.

Article XXIII.

Leurs Majestés Britannique et Très Chrétienne promettent d'observer sincèrement et de bonne foi tous les articles contenus et établis dans le présent traité et Elles ne souffriront pas qu'il y soit fait de contravention directe ou indirecte par leurs sujets respectifs, et les susdites Hautes Parties contractantes se garantissent généralement et réciproquement toutes les stipulations du présent traité.

Статья XXIII.

Ихъ Британское и Христіаннѣйшее Величества обѣщаютъ искренно и добросовѣстно соблюдать всѣ статьи, содержащіяся и постановленныя въ настоящемъ трактатѣ; они не потерпятъ ни прямого, ни косвеннаго нарушенія ихъ со стороны обоюдныхъ ихъ подданныхъ, и реченныя Высокія договаривающіяся стороны вообще и взаимно гарантируютъ другъ другу всѣ обязательства настоящаго трактата.

Article XXIV.

Les ratifications solemnelles du présent traité, expédiées en bonne et due forme, seront échangées en cette ville de Versailles entre les Hautes Parties contractantes dans l'espace d'un mois ou plutôt, s'il est possible, à partir du jour de la signature du présent traité.

En foi de quoi, etc.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Manchester.

(L. S.) Gravier de Vergennes.

Статья XXIV.

Торжественныя ратификаціи настоящаго трактата, учиненныя въ законной и надлежащей формѣ, будутъ размѣнены въ семъ городѣ Версалѣ между Высокими договаривающимися сторонами въ теченіе мѣсяца, или ранѣе, если будетъ возможно, считая со дня подписанія настоящаго трактата.

Въ удостовѣреніе сего и пр.

Учинено въ Версалѣ, 3 сентября 1783 г.

(М. П.) Манчестеръ.

(М. П.) Гравье де Верженъ.

Articles séparés.

I.

Quelquesuns des titres employés par les Puissances contractantes soit dans les pleinpouvoirs et autres actes pendant le cours de la négociation, soit dans le préambule du présent traité n'étant pas généralement reconnus, il a été convenu qu'il ne pourrait jamais en résulter aucun préjudice pour l'une ni l'autre des dites parties contractantes et que les titres pris ou omis de part ou d'autre à l'occasion de la dite négociation et du présent traité ne pourront être cités ni tirés à conséquence.

Отдѣльныя статьи.

I.

Нѣкоторыя изъ правооснованій, приведенныхъ договаривающимися Державами какъ въ полномочіяхъ и другихъ актахъ во время происходившихъ переговоровъ, такъ и въ вводной части настоящаго трактата, нельзя считать общепризнанными. Вслѣдствіе сего постановляется, что отсюда отнюдь не будетъ проистекать никакого вреда ни для той, ни для другой изъ реченныхъ договаривающихся сторонъ и что правооснованія, принятыя или опущенныя тою или другою стороною по случаю сказанныхъ переговоровъ и настоящаго трактата, не послужатъ поводомъ ссылаться на это обстоятельство или выводить изъ него какія-либо заключенія.

II.

Il a été convenu et arrêté que la langue française employée dans tous les exemplaires du présent traité ne formera point un exemple qui puisse être allé-

II.

Стороны согласились и постановили, что употребленный во всѣхъ экземплярахъ сего трактата французскій языкъ не будетъ имѣть значенія обя-

gué ni tirer à conséquences, ni porter préjudice, en aucune manière à l'une ni à l'autre des Puissances contractantes, et que l'on se conformera à l'avenir à ce qui a été observé et doit être observé à l'égard et de la part des Puissances qui sont en usage et en possession de donner et de recevoir des exemplaires de semblables traités en une autre langue que la française, le présent traité ne laissant pas d'avoir la même force et vertu que si le susdit y avait été observé.

En foi de quoi, etc.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Manchester.

(L. S.) Gravier de Vergennes.

Nous soussignés, ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de S. M. Britannique et plénipotentiaire de S. M. Très Chrétienne, attestons que la présente copie est parfaitement conforme à l'original fait double.

En foi de quoi, etc.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Manchester.

(L. S.) Gravier de Vergennes.

зательнаго примѣра и не дастъ права ни на какія заключенія и никоимъ образомъ не послужитъ къ предосужденію той или другой договаривающейся державы, и что впредь будетъ принимаемо въ соображеніе то, что соблюдалось и что должно соблюдать въ отношеніи и со стороны тѣхъ державъ, которыя придерживаются обычая и правила давать и получать экземпляры подобныхъ трактатовъ не на французскомъ, а на другомъ языкѣ; настоящій же трактатъ будетъ имѣть такую же силу и значеніе, какъ еслибъ сказанный обычай былъ въ немъ соблюденъ.

Въ удостовѣреніе сего и т. д.

Въ Версалѣ, 3 сентября 1783 года.

(М. П.) Манчестеръ.

(М. П.) Гравье де Верженъ.

Мы, нижеподписавшіеся, чрезвычайный и полномочный посолъ Е. В. Британскаго и уполномоченный Его Христіаннѣйшаго Величества свидѣтельствуемъ, что настоящая копія совершенно согласна съ оригиналомъ, составленнымъ въ двухъ экземплярахъ.

Въ удостовѣреніе сего и пр.

Въ Версалѣ, 3 сентября 1783 года.

(М. П.) Манчестеръ.

(М. П.) Гравье де Верженъ.

№ 480.

Déclaration.

Le Roi étant entièrement d'accord avec S. M. Très Chrétienne sur les articles du Traité définitif cherchera tous les moyens qui pourront non seulement en assurer l'exécution avec la

№ 480.

Декларація.

Король, будучи вполнѣ согласенъ съ Христіаннѣйшимъ Величествомъ относительно статей окончательнаго трактата, приложитъ стараніе не только изыскать всѣ способы, которые помогли

bonne foi et la ponctualité qui lui sont connues, mais de plus donnera de son côté toute l'efficace possible aux principes qui empêcheront jusqu'au moindre germe de dispute à l'avenir.

A cette fin, et pour que les pêcheurs des deux nations ne fassent point naître des querelles journalières, S. M. Britannique prendra les mesures les plus positives pour prévenir que ses sujets ne troublent en aucune manière par leur concurrence la pêche des Français pendant l'exercice temporaire qui leur est accordé sur les côtes de l'isle de Terre-Neuve; est Elle fera retenir à cet effet les établissements sédentaires qui y seront formés.

S. M. Britannique donnera des ordres pour que les pêcheurs français ne soient pas gênés dans la coupe du bois nécessaire pour la réparation de leurs echaffaudages, cabanes et bâtiments de pêche.

L'article 13 du traité d'Utrecht, et la méthode de faire la pêche qui a été de tout temps reconnue, sera le modèle sur lequel la pêche s'y fera. On n'y contreviendra pas ni d'une part ni de l'autre. Les pêcheurs français ne bâtissant rien que leurs echaffaudages, se bornant à réparer leurs bâtiments de pêche, et n'y hivernant point. Les sujets de S. M. Britannique de leur part ne molestant aucunement les pêcheurs français durant leurs pêches, ni ne dérangeant leurs echaffaudages durant leur absence.

Le Roi de la Grande Bretagne en cé-

бы ему обезпечить ихъ исполненіе съ свойственною ему добросовѣстностью и точностью, но и съ своей стороны придастъ всевозможную силу тѣмъ началамъ, которыя устранятъ въ будущемъ малѣйшій поводъ къ спору.

На сей конецъ и для того, чтобы рыбаки обѣихъ націй не вступали въ ежедневныя пререканія, Е. В. Британское приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы предупредить со стороны своихъ подданныхъ какое бы ни было происходящее отъ ихъ конкуренціи помѣшательство рыболовству Французовъ въ теченіе временнаго дозволеннаго имъ производства его по берегамъ острова Ньюфаунлэнда и для сего онъ сохранитъ постоянныя заведенія, которыя будутъ тамъ устроены.

Е. В. Британское дастъ повелѣнія, чтобы французскимъ рыбакамъ не воспрещалась рубка лѣса, необходимаго для поправокъ ихъ помостовъ, хижинъ и рыболовныхъ строеній.

Статья 13-я Утрехтскаго трактата и способъ рыболовства, который былъ признаваемъ во всѣ времена, послужатъ руководствомъ, согласно съ которымъ будетъ тамъ производиться рыбная ловля. Ни съ той, ни съ другой стороны они не должны быть нарушаемы. Французскіе рыбаки не будутъ ничего строить, кромѣ помостовъ, будутъ ограничиваться лишь поправками своихъ рыболовныхъ строеній и не будутъ тамъ зимовать. Подданные Его Британскаго Величества, съ своей стороны, не будутъ никоимъ образомъ ни безпокоить французскихъ рыбаковъ во время ихъ рыболовства, ни ломать ихъ помостовъ въ ихъ отсутствіе.

Король Великобританскій, уступая

dant les isles de St. Pierre et de Miquelon à la France, les regarde comme cédées afin de servir réellement d'abri aux pêcheurs français et dans la confiance entière que ces possessions ne deviendront point un objet de jalousie entre les deux nations, et que la pêche entre les dites isles et celle de Terre-Neuve sera bornée à mi-canal.

A l'égard des Indes, la Grande Bretagne ayant accordé à la France tout ce qui peut constater et confirmer le commerce que celle-ci demande d'y faire, S. M. se répose avec confiance sur les assurances répétées de la Cour de Versailles que la faculté d'entourer Chandenagore d'un fossé pour l'écoulement des eaux ne sera point exercée de manière à le faire devenir un objet d'ombrage.

L'état nouveau où le commerce pourra peut-être se trouver dans toutes les parties du monde, demandera des révisions et des explications des traités subsistants; mais une abrogation entière des ces traités, dans quelque temps que ce fût, jetterait dans le commerce une confusion qui lui serait infiniment nuisible.

Dans des traités de cette espèce, il y a non seulement des articles qui sont purement relatifs au commerce, mais beaucoup d'autres qui assurent réciproquement aux sujets respectifs des privilèges, des facilités pour la conduite de leurs affaires, des protections personnelles, et d'autres avantages, qui ne sont ni ne doivent être d'une nature à changer comme les détails qui ont purement

Франціи острова Св. Петра и Микелонъ, считаетъ, что эта уступка сдѣлана на тотъ конецъ, чтобы означенные острова служили въ дѣйствительности убѣжищемъ для французскихъ рыбаковъ, и питаетъ полную увѣренность, что владѣнія эти не сдѣлаются предметомъ зависти между двумя націями, и что рыболовство между этими островами и островомъ Ньюфаунлэндомъ будетъ ограничиваться срединною чертою между ними.

По отношенію къ Индіи Великобританія предоставила Франціи все, что можетъ обезпечить и утвердить торговлю, производства которой она тамъ требуетъ, при чемъ Его Величество относится съ довѣріемъ къ неоднократно даннымъ обѣщаніямъ Версальскаго двора, что право обнести Шандепагоръ рвомъ для стока водъ не будетъ осуществлено такимъ образомъ, чтобы давать поводъ къ подозрѣніямъ.

Новое положеніе, въ коемъ можетъ быть будетъ находиться торговля во всѣхъ частяхъ свѣта, потребуетъ пересмотра и объясненій существующихъ трактатовъ; но полная отмѣна сихъ трактатовъ, когда бы таковая ни послѣдовала, внесла бы въ торговлю смятеніе, которое было бы для нея въ высшей степени зловредно.

Въ трактатахъ сего рода имѣются не только статьи, относящіяся чисто къ торговлѣ, но много и другихъ, которыя обоюдно обезпечиваютъ подлежащимъ подданнымъ привилегіи, облегченія въ веденіи ихъ дѣлъ, покровительства личныя и иныя выгоды, которыя не суть и не должны быть такого свойства, чтобы измѣняться подобно подробностямъ, которыя чисто относят-

rapport à la valeur des effets et des marchandises variables par des circonstances de toute espêce.

Par conséquent, lorsqu'on travaillera sur l'état du commerce entre les deux nations, il conviendra de s'entendre que les changements qui pourront se faire dans les traités subsistants ne porteront que sur des arrangements purement de commerce et que les privilèges, et les avantages mutuels et particuliers, soient de part et d'autre non seulement conservés, mais même augmentés si faire se pouvait.

Dans cette vue Sa Majesté s'est prêtée à la nomination de part et d'autre des commissaires qui travailleront uniquement sur cet objet.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Manchester.

ся къ стоимости вещей и товаровъ, измѣнчивыхъ въ зависимости отъ всякаго рода обстоятельствъ.

Вслѣдствіе сего, при разработкѣ вопроса о торговлѣ между двумя націями, надлежитъ согласиться о томъ, чтобы тѣ перемѣны, которыя могутъ послѣдовать въ существующихъ трактатахъ, касались только постановленій чисто торговыхъ, а привилегіи и взаимныя и особенныя *выгоды*, съ той и другой стороны, не только были бы сохранены, но даже, если возможно, и умножены.

Въ этихъ видахъ Его Величество изъявилъ готовность къ назначенію обоюдныхъ комиссаровъ, которые посвятятъ свои труды единственно этому предмету.

Въ Версалѣ, 3 сентября 1783 года.

(М. П.) Манчестеръ.

№ 481.

Contre-Déclaration.

Les principes qui ont dirigé le Roy dans tout le cours des négociations qui ont précédé le rétablissement de la paix ont dû convaincre le Roy de la Grande Bretagne que Sa Majesté n'a eu d'autre but que de la rendre solide et durable, en prevenant, autant qu'il est possible, dans les quatre parties du monde tout sujet de discution et de querelles.

Le Roy de la Grande Bretagne met indubitablement trop de confiance dans la droiture des intentions de Sa Majesté, pour ne point se reposer sur l'attention constante, qu'Elle aura d'empêcher que les îles St. Pierre et Miquelon

№ 481.

Контръ-декларація.

Начала, коими руководствовался Король въ теченіе всѣхъ переговоровъ, которые предшествовали возстановленію мира, должны были убѣдить Великобританскаго короля, что Его Величество не имѣлъ иной цѣли, кромѣ той, чтобы сдѣлать миръ прочнымъ и продолжительнымъ, предупреждая, насколько возможно, во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта всякій поводъ къ спору и къ пререканіямъ.

Король Великобританскій, безъ сомнѣнія, питаетъ настолько довѣрія къ прямотѣ намѣреній Его Величества, чтобы быть спокойнымъ относительно постояннаго вниманія, которое Его Величество будетъ прилагать къ от-

ne deviennent un objet de jalousie entre les deux nations.

Quant à la pêche sur les côtes de Terre-Neuve qui a été l'objet des nouveaux arrangements, dont les deux Souverains sont convenus sur cette matière, elle est suffisamment exprimée par l'article V du traité de paix, signé cejourd'hui, et par la déclaration remise également cejourd'hui par l'ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de S. M. Britannique; et Sa Majesté déclare qu'Elle est pleinement satisfaite à cet égard.

Pour ce qui est de la pêche entre l'île de Terre-Neuve et celles de St. Pierre et Miquelon, elle ne pourra se faire de part et d'autre que jusqu'à mi-canal, et Sa Majesté donnera les ordres les plus précis, pour que les pêcheurs français n'outrepassent point cette ligne; Sa Majesté est dans la ferme confiance que le Roy de la Grande Bretagne donnera de pareils ordres aux pêcheurs anglais.

Le désir du Roy de maintenir la paix, comprend l'Inde aussi bien que les autres parties du monde; aussi S. M. Britannique peut être assurée que Sa Majesté ne permettera jamais qu'un objet aussi inoffensif et aussi innocent que le fossé dont il s'agit d'entourer Chandernagor puisse donner de l'ombrage à la Cour de Londres.

Le Roy en proposant de nouveaux arrangements de commerce n'a eu d'autre but que de rectifier, d'après les règles de la réciprocité et d'après la convenance mutuelle, ce que le traité de com-

къ отвращенію того, чтобы острова Св. Петра и Микелонъ не сдѣлались предметомъ зависти между двумя націями.

Что касается рыболовства по берегамъ Ньюфаунлэнда, бывшаго предметомъ новыхъ постановленій, по коимъ оба Государя пришли къ соглашенію, то оно достаточно опредѣлено статьею V мирнаго, нынѣ подписаннаго трактата и деклараціею, врученною равнымъ образомъ нынѣ же чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ Его Британскаго Величества, и Его Величество объявляетъ полное свое по сему предмету удовольствіе.

Въ отношеніи же рыболовства между островомъ Ньюфаунлэндомъ и островами Св. Петра и Микелонъ, постановляется, что оно не будетъ производиться съ обѣихъ сторонъ иначе, какъ до средины между ними, и Его Величество дастъ самыя точныя повелѣнія, чтобы французскіе рыбаки не переходили за эту черту; Его Величество питаетъ твердую увѣренность, что и король Великобританскій дастъ подобныя же повелѣнія англійскимъ рыбакамъ.

Желаніе Короля сохранить миръ обнимаетъ Индію точно такъ же, какъ и другія части свѣта; посему Е. В. Британское можетъ быть увѣренъ въ томъ, что Его Величество никогда не допуститъ, чтобы столь безобидный и невинный предметъ, какъ ровъ, коимъ предполагается окружить Шандернагоръ, могъ вызвать въ Лондонскомъ дворѣ подозрѣнія.

Король, предлагая новыя торговыя постановленія, не имѣлъ въ виду иной цѣли, кромѣ той, чтобы исправить, на началахъ взаимности и обоюдной пользы, то, что торговый трактатъ, подписан-

merce signé à Utrecht en 1713 peut renfermer de défectueux, le Roy de la Grande Bretagne peut juger par là que l'intention de Sa Majesté n'est aucunement de détruire toutes les stipulations renfermées dans le susdit traité.

Elle déclare au contraire dès à présent, qu'Elle est disposée à maintenir tous les privilèges, facilités et avantages, énoncés dans ce même traité en tant qu'ils seront réciproques ou qu'ils seront remplacés par des avantages équivalents.

C'est pour parvenir à ce but désiré, de part et d'autre, que des commissaires seront nommés pour travailler sur l'état du commerce entre les deux nations, et qu'il sera accordé un espace de temps considérable pour achever leur travail. Sa Majesté se flatte que cet objet sera suivi avec la même bonne foy et avec le même esprit de conciliation qui ont présidé à la rédaction de tous les autres points renfermés dans le traité définitif et Sa dite Majesté est dans la ferme confiance que les commissaires respectifs apporteront la plus grande célérité à la confection de cet important ouvrage.

Donné à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Gravier de Vergennes.

ный въ Утрехтѣ въ 1713 году, могъ заключать въ себѣ неудовлетворительнаго. Великобританскій король можетъ судить отсюда, что въ намѣренія Его Величества вовсе не входило уничтожить всѣ обязательства, которыя внесены въ сказанный трактатъ.

Напротивъ, Его Величество симъ объявляетъ, что онъ готовъ сохранить всѣ привилегіи, облегченія и выгоды, установленныя въ этомъ трактатѣ, насколько они будутъ взаимными или будутъ замѣнены равными выгодами.

Для достиженія именно этой желаемой обѣими сторонами цѣли и будутъ назначены комиссары для трудовъ по вопросу о торговлѣ между двумя народами и для окончанія ихъ работы будутъ положенъ значительный срокъ времени. Его Величество льститъ себя надеждою, что этотъ предметъ будетъ обсужденъ съ такою же добросовѣстностью и съ такимъ же духомъ примиренія, какіе служили руководствомъ при редакціи всѣхъ другихъ постановленій, вошедшихъ въ окончательный трактатъ, и Его реченное Величество питаетъ твердую увѣренность, что обоюдные комиссары внесутъ величайшую быстроту въ исполненіе сего важнаго дѣла.

Въ Версалѣ, 3 сентября 1783 года.

(М. П.) Гравье де-Верженъ.

№ 482.

Au nom de la très-Sainte et indivisible Trinité, Père, Fils et Saint-Esprit. Ainsi soit il.

Soit notoire à tous ceux qu'il appartiendra, ou peut appartenir en manière quelconque.

№ 482.

Во имя пресвятыя и нераздѣлимыя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Да будетъ вѣдомо всѣмъ, кому сіе надлежитъ, или можетъ въ какомъ - либо отношеніи надлежать.

Le sérénissime et très puissant Prince Charles III, par la grâce de Dieu Roi d'Espagne et des Indes etc.

et le sérénissime et très puissant Prince George III, par la grâce de Dieu Roi de la Grande Bretagne, Duc de Brunswik et de Lunebourg, Architrésorier et Electeur du Saint Empire Romain etc.

désirant également de faire cesser la guerre qui affligeait depuis plusieurs années leurs Etats respectifs, avaient agréé l'offre que Leurs Majestés l'Empereur des Romains et l'Impératrice de toutes les Russies leur avaient faite de leur entremise et de leur médiation.

Mais Leurs Majestés Catholique et Britannique, animées du désir mutuel d'accélerer le rétablissement de la paix, se sont communiqués leur louable intention et le Ciel l'a tellement bénie, qu'Elles sont parvenues à poser les fondements de la paix en signant des articles préliminaires à Versailles le 20 janvier de la présente année.

Leurs dites Majestés le Roi d'Espagne et le Roi de la Grande Bretagne, se faisant un devoir de donner à Leurs Majestés Impériales une marque éclatante de leur reconnaissance de l'offre généreuse de leur médiation, les ont invités de concert à concourir à la consommation du grand et salutaire ouvrage de la paix, en prenant part, comme médiateurs au traité définitif à conclure entre Leurs Majestés Catholique et Britannique.

Leurs dites Majestés Impériales ayant bien voulu agréer cette invitation, Elles

Свѣтлѣйшій и державнѣйшій Государь Карлъ III, Божіею милостью король Испаніи и Индій и пр.

и свѣтлѣйшій и державнѣйшій Государь Георгъ III, Божіею милостью король Великобританіи, герцогъ Брауншвейгскій и Люнебургскій, верховный казначей и курфюрстъ Священной Римской Имперіи и пр.,

одинаково желая прекратить войну, нѣсколько лѣтъ удручающую ихъ государства, согласились принять сдѣланное имъ со стороны Ихъ Величествъ Римскаго Императора и Императрицы Всероссійской предложеніе объ ихъ вступленіи въ это дѣло и о посредничествѣ.

Но Ихъ Католическое и Британское Величества, будучи одушевлены взаимнымъ желаніемъ ускорить возстановленіе мира, сообщили другъ другу о таковомъ похвальномъ своемъ намѣреніи, и Небо благословило его въ такой степени, что имъ удалось установить основанія сего мира подписаніемъ предварительныхъ статей въ Версалѣ 20-го января сего года.

Ихъ реченныя Величества король Испанскій и король Великобританскій, вмѣняя себѣ въ долгъ дать Ихъ Императорскимъ Величествамъ блестящее доказательство своей признательности за великодушное предложеніе ихъ посредничества, сообща пригласили ихъ содѣйствовать завершенію великаго и спасительнаго дѣла мира, ихъ участіемъ, въ качествѣ посредниковъ, въ окончательномъ трактатѣ, подлежащемъ заключенію между Ихъ Католическимъ и Британскимъ Величествами.

Ихъ реченныя Императорскія Величества, соблаговоливъ принять это

ont nommé pour les représenter, savoir:

S. M. l'Empereur des Romains

le très illustre et très excellent seigneur Florimond comte de Mercy-Argenteau, vicomte de Loo, baron de Crichegnée, chevalier de la Toison d'or, chambellan, conseiller d'Etat intime actuel de S. M. Impériale et Royale-Apostolique, et son ambassadeur auprès de Sa Majesté Très Chrétienne,

et S. M. l'Impératrice de toutes les Russies:

le trés illustre et très excellent seigneur prince Iwan Bariatinskoy, lieutenant général des armées de S. M. Impériale de toutes les Russies, chevalier des ordres de S-te Anne, et de l'épée de Suède, et son Ministre plénipotentiaire près S. M. Très Chrétienne,

et le seigneur Arcadi de Morcoff, conseiller d'Etat de S. M. Impériale de toutes les Russies, et son Ministre plénipotentiaire près S. M. Très Chrétienne.

En conséquence, Leurs dites Majestés le Roy d'Espagne et le Roy de la Grande Bretagne ont nommé et constitué pour leurs plénipotentiaires chargés de conclure et signer le traité de paix définitif, savoir:

Le Roy d'Espagne

le très illustre et très excellent seigneur Pierre Paul Albarca de Bolea, Ximenez d'Urréa etc., comte d'Aranda et Castelflorido, marquis de Torres, etc.

et le Roy de la Grande Bretagne,

le très illustre et très excellent sei-

приглашеніе, назначили своими представителями:

Е. В. Римскій Императоръ

сіятельнѣйшаго и превосходительнѣйшаго сеньера Флоримонъ графа де Мерси-Аржанто, виконта де Лоо, барона де Кришенье, кавалера Золотого Руна, камергера, дѣйств. тайн. государственнаго совѣтника Его Императорскаго и Королевскаго Апостолическаго Величества, и своего посла при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ,

и Е. В. Императрица Всероссійская:

сіятельнѣйшаго и превосходительнѣйшаго сеньера князя Ивана Барятинскаго, генералъ-лейтенанта армій Ея Императорскаго Всероссійскаго Величества, кавалера орденовъ Св. Анны и шведскаго Меча, и своего полномочнаго министра при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ.

и сеньера Аркадія Моркова, статскаго совѣтника Ея Императорскаго Всероссійскаго Величества и своего полномочнаго министра при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ.

Вслѣдствіе сего Ихъ реченныя Величества король Испанскій и король Великобританскій назначили и утвердили своими уполномоченными къ заключенію и подписанію окончательнаго мирнаго трактата, а именно:

Король Испанскій

сіятельнѣшаго и превосходительнѣйшаго сеньера Петра Павла Албарка де Болеа, Хименецъ д'Урреа и пр., графа д'Аранда и Кастельфлоридо, маркиза де Торресъ и пр., своего посла при Христіаннѣйшемъ королѣ,

и Король Великобританскій

сіятельнѣйшаго и превосходитель-

gneur George duc et comte de Manchester, vicomte de Mandeville etc., et son ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près Sa Majesté Très Chrétienne,

lesquels après avoir échangé leurs pleinspouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivants:

Article I.

Il y aura une paix chrétienne, universelle et perpétuelle, tant par mer, que par terre, et une amitié sincère et constante sera rétablie entre Leurs Majestés Catholique et Britannique, et entre leurs héritiers et successeurs, royaumes, Etats, provinces, pays, sujets et vassaux de quelque qualité et condition qu'ils soyent, sans exception des lieux, ni de personnes; en sorte que les Hautes Parties contractantes apporteront la plus grande attention à maintenir entre Elles, et leurs dits Etats et sujets cette amitié et correspondance réciproque, sans permettre dorénavant, que de part ni d'autre on commette aucunes sortes d'hostilités par mer, ou par terre, pour quelque chose, ou sous quelque prétexte que ce puisse être, et on évitera soigneusement tout ce qui pourrait altérer à l'avenir l'union heureusement rétablie, s'attachant au contraire à se procurer réciproquement en toute occasion, tout ce qui pourrait contribuer à leur gloire, intérêts et avantages mutuels, sans donner aucun secours, ou protection directement, ou indirectement à ceux qui voudraient porter quelque préjudice à l'une ou à l'autre de dites Hautes Parties contractantes: il y aura un oubli et amnistie générale de tout ce qui a pû être fait ou commis avant ou depuis

нѣйшаго сеньера Жоржа герцога и графа Манчестера, виконта Мандевилль и пр., своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Христіаннѣйшемъ Величествѣ,

которые, по размѣнѣ своихъ обоюдныхъ полномочій, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ:

Статья I.

Пребудетъ христіанскій, всеобщій и вѣчный миръ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, и искренняя и постоянная дружба возстановится между Ихъ Католическимъ и Британскимъ Величествами, ихъ наслѣдниками и преемниками, королевствами, государствами, провинціями, землями, подданными и вассалами, какого бы ни было званія и состоянія, не исключая никакихъ ни мѣстъ, ни лицъ. Вслѣдствіе сего Высокія договаривающіяся стороны приложатъ величайшее вниманіе къ тому, чтобы поддержать эту дружбу и взаимныя сношенія между собою и ихъ сказанными государствами и подданными, не позволяя отнынѣ ни съ той, ни съ другой стороны совершать никакихъ враждебныхъ дѣйствій ни на морѣ, ни на сушѣ, по какой бы причинѣ или подъ какимъ бы предлогомъ то ни было. Онѣ будутъ тщательно избѣгать всего, что могло бы въ будущемъ измѣнить счастливо возстановленное единеніе, стараясь, напротивъ, при всякомъ случаѣ предоставлять другъ другу все то, что могло бы споспѣшествовать ихъ обоюдной славѣ, интересамъ и выгодамъ, не оказывая никакой ни помощи, ни покровительства, ни прямо, ни косвенно, тѣмъ, кто пожелалъ бы причинить какой-либо вредъ той или другой высокой

le commencement de la guerre qui vient de finir.

Article II.

Les traités de Westphalie de 1648; ceux de Madrid de 1667 et de 1670; ceux de paix et de commerce d'Utrecht de 1713: celui de Bade de 1714; de Madrid 1715; de Séville de 1729; le traité définitif d'Aix-la-Chapelle de 1748; le traité de Madrid 1750, et le traité définitif de Paris 1763, servent de base et de fondement à la paix et au présent traité; et pour cet effet ils sont tous renouvellés et confirmés dans la meilleure forme, ainsi que tous les traités en général, qui subsistaient entre les Hautes Parties contractantes avant la guerre, et nommément tous ceux qui sont spécifiés et renouvellés dans le susdit traité définitif de Paris, dans la meilleure forme, et comme s'ils étaient insérés ici mot à mot; en sorte qu'ils devront être observés exactement à l'avenir dans toute leur teneur, et religieusement exécutés de part et d'autre, dans tous les points auxquels il n'est pas dérogé par le présent traité de paix.

Article III.

Tous les prisonniers, faits de part et d'autre, tant par terre, que par mer, et les otâges enlevés, ou donnés pendant la guerre, et jusqu'à ce jour, seront restitués sans rançon dans six semaines au plus tard, à compter du jour de l'échange de la ratification du présent

договаривающейся сторонѣ. Все, что могло бы быть учинено или совершено ранѣе или со времени только что оконченной войны, предается забвенію и общей амнистіи.

Статья II.

Основаніемъ и опорою мира и настоящаго трактата служатъ: Вестфальскіе трактаты 1648 года; Мадридскіе 1667 и 1670 годовъ; трактаты о мирѣ и торговлѣ Утрехтскіе 1713; трактатъ Баденскій 1714; Мадридскій 1715; Севилльскій 1729; окончательный трактатъ Ахенскій 1748; трактатъ Мадридскій 1750 и окончательный Парижскій 1763 года. На сей конецъ они всѣ возобновляются и подтверждаются самымъ формальнымъ образомъ, равно какъ и всѣ вообще трактаты, которые существовали между высокими договаривающимися сторонами до войны, и именно всѣ тѣ, кои поименованы и возобновлены въ вышепомянутомъ окончательномъ Парижскомъ трактатѣ самымъ формальнымъ образомъ, и считаются какъ бы занесенными сюда отъ слова до слова, такъ что на будущее время они должны быть въ точности соблюдаемы во всемъ ихъ содержаніи и обоюдно свято исполняемы во всѣхъ постановленіяхъ, кои не отмѣнены настоящимъ мирнымъ трактатомъ.

Статья III.

Всѣ плѣнные, взятые тою и другою стороною какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, и заложники, задержанные или данные во время войны и до сего дня, будутъ возвращены безъ выкупа, не позже шести недѣль, считая со дня размѣна ратификацій настоящаго трак-

traité: chaque Couronne soldant respectivement les avances qui auront été faites pour la subsistance et l'entretien de ces prisonniers, par le Souverain du pays, où ils auront été détenus, conformément aux reçus et Etats constatés, et autres titres authentiques, qui seront fournis de part et d'autre.

Et il sera donné réciproquement des sûretés pour le payement des dettes que les prisonniers auraient pu contracter dans les Etats, où ils auraient été détenus jusqu'à leur entière liberté.

Et tous les vaisseaux, tant de guerre, que marchands, qui auraient été pris depuis expiration des termes convenus pour la cessation des hostilités par mer, seront particulièrement rendus de bonne foi, avec tous leurs équipages et cargaisons.

Et on procédera à l'exécution de cet article, immédiatement après l'échange des ratifications de ce traité.

Article IV.

Le Roy de la Grande Bretagne cède en toute propriété de S. M. Catholique l'île de Minorque. Bien entendu que les mêmes stipulations insérées dans l'article suivant auront lieu en faveur des sujets britanniques, à l'égard de la sus-dite île.

Article V.

S. M. Britannique cède en outre, et garantit en toute propriété à S. M. Catholique la Floride orientale, ainsi que la Floride occidentale. S. M. Catholique convient que les habitans britanniques,

тата, при чемъ каждое государство уплачиваетъ авансовые расходы, которые были сдѣланы на прокормленіе и содержаніе плѣнныхъ государемъ той страны, гдѣ они отбывали свой плѣнъ, по роспискамъ и засвидѣтельствованнымъ вѣдомостямъ и другимъ подлиннымъ документамъ, которые будутъ представлены сторонами.

Взаимно будутъ даны ручательства въ томъ, что долги, которые могли быть сдѣланы плѣнными въ государствахъ, въ коихъ они содержались до совершеннаго своего освобожденія, будутъ уплачены.

Всѣ корабли, какъ военные, такъ и купеческіе, которые были бы взяты по истеченіи сроковъ, условленныхъ для прекращенія военныхъ дѣйствій на морѣ, будутъ возвращены особо добросовѣстнымъ образомъ, со всѣмъ ихъ экипажемъ и грузами.

Къ исполненію сей статьи будетъ приступлено немедленно по размѣнѣ ратификацій сего трактата.

Статья IV.

Король Великобританскій уступаетъ въ полную собственность Его Католическаго Величества островъ Минорку. При семъ разумѣется, что постановленія, занесенныя въ слѣдующую статью, будутъ имѣть силу въ пользу британскихъ подданныхъ на вышепомянутомъ островѣ.

Статья V.

Его Британское Величество уступаетъ, кромѣ того, и гарантируетъ полную собственность Его Католическому Величеству на Флориду восточную, равно какъ и на Флориду западную.

ou autres, qui auraient été sujets du Roy de la Grande Bretagne dans les dits pays, pourront se retirer en toute sûreté et liberté où bon leur semblera, et pourront vendre leurs biens, et transporter leurs effets, ainsi que leurs personnes, sans être génés dans leur émigration, sous quelque prétexte que ce puisse être, hors celui de dettes ou de procès criminel; le terme limité pour cette émigration étant fixé à l'espace de dix huit mois, à compter du jour de l'échange des ratifications du présent traité; mais si par la valeur des possessions des propriétaires anglais, ils ne pussent pas s'en défaire dans le dit terme, alors S. M. Catholique leur accordera des délais proportionés à cette fin. Il est de plus stipulé, que S. M. Britannique aura la faculté de faire transporter de la Floride orientale tous les effets qui peuvent lui appartenir, soit artillerie ou autres.

Его Католическое Величество изъявляетъ согласіе на то, чтобы жители британскіе или иные, состоящіе въ подданствѣ Великобританскаго короля въ сказанныхъ земляхъ, могли въ полной безопасности и свободно удалиться, куда имъ вздумается, и могли продать свои имѣнія и вывезти свою движимость, не подвергаясь ни въ этомъ, ни въ личномъ отношеніи никакимъ стѣсненіямъ при своемъ выселеніи, ни подъ какимъ предлогомъ, кромѣ какъ въ случаѣ долговъ или уголовнаго дѣла. Предѣльный срокъ для сего выселенія устанавливается въ 18 мѣсяцевъ, считая со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата. Но еслибъ англійскіе собственники, вслѣдствіе цѣнности ихъ владѣній, не могли отчудить ихъ въ сказанный срокъ, то Его Католическое Величество дастъ имъ на сей конецъ соотвѣтственныя отсрочки. Сверхъ того постановляется, что Его Британское Величество будетъ имѣть право вывезти изъ восточной Флориды всѣ могущія принадлежать ему вещи, какъ то: артиллерію и другія.

Article VI.

L'intention des deux Hautes Parties contractantes étant de prévenir autant qu'il est possible tous les sujets de plainte et de mésintelligence auxquels a précédement donné lieu la coupe du bois de teinture, ou de campêche; et plusieurs établissements anglais s'étant formés et répandus sous ce prétexte dans le continent espagnol; il est expressément convenu, que les sujets de S. M. Britannique auront la faculté de couper, charger et transporter le bois de teinture dans le district qui se trouve compris

Статья VI.

Принимая во вниманіе, что намѣреніе обѣихъ Высокихъ договаривающихся сторонъ заключается въ томъ, чтобы, насколько возможно, предупредить всѣ поводы къ жалобамъ и несогласіямъ, къ коимъ въ прежнее время приводила рубка красильнаго дерева, или кампеша, и такъ какъ многія англійскія заведенія для сей цѣли образовались и распространились на испанскомъ континентѣ, то положительно постановляется, что подданные Его Британскаго Величества будутъ имѣть право рубить, грузить и

entre les rivières *Walliz* ou *Bellese*, et *Rio-Hondo* en prenant le cours des dites deux rivières pour des limites inneffaçables; de façon que leur navigation soit commune aux deux nations, à savoir par la rivière *Walliz* ou *Bellese*, depuis la mer en remontant jusque vis-à-vis d'un lac, ou bras mort qui s'introduit dans les terres, et forme un isthme, ou gorge avec un autre pareil bras, qui vient du côté de *Rio-Nuevo*, ou *Neu-River*; de façon que la ligne divisoire traversera en droiture ledit isthme, et aboutira à un autre lac produit par les eaux de *Rio-Nuevo* ou *Neu-River* jusqu'à son courrant; ladite ligne continuera par le cours de *Rio-Nuevo* en descendant jusque vis-à-vis d'un ruisseau dont la carte marque la source entre *Rio-Nuevo* et *Rio-Hondo* et va se décharger dans le *Rio-Ondo*; lequel ruisseau servira de limite aussi commune jusqu'à sa jonction avec *Rio-Ondo*, et de là en descendant *Rio-Hondo* jusqu'à la mer; ainsi que le tout est marqué sur la carte, dont les plénipotentiaires des deux Couronnes ont jugé convenable de faire usage pour fixer les points concertés, afin qu'il règne une bonne correspondance entre les deux nations, et que les ouvriers, coupeurs et travailleurs anglais ne puissent outrepasser par l'incertitude des limites.

Des commissaires respectifs détermineront les endroits convenables dans le territoire ci-dessus désigné pour que les sujets de S. M. Britannique, occupés à l'exploitation du bois, puissent y bâtir sans empêchement les maisons, et les

перевозить красильное дерево на участкѣ, который находится между рѣками Валлизъ или Беллезе и Ріо-Хондо, причемъ теченіе названныхъ двухъ рѣкъ принимается за неотмѣняемыя границы, такъ что судоходство на нихъ будетъ общимъ для двухъ народовъ, а именно: по рѣкѣ Валлизъ или Беллезе отъ моря вверхъ по теченію до озера, или мертваго рукава, который вдается въ земли и образуетъ перешеекъ или горло съ другимъ подобнымъ же рукавомъ, который идетъ со стороны Ріо-Нуево, или Ней-Риверъ, такъ что раздѣльная черта прямо пересѣчетъ сказанный перешеекъ и упрется въ другое озеро, образуемое водами Ріо-Нуево или Ней-Риверъ до его теченія; упомянутая линія будетъ продолжаться по теченію Ріо-Нуево, спускаясь до ручья, источникъ коего обозначается на картѣ между Ріо-Нуево и Ріо-Хондо и который впадаетъ въ Ріо-Ондо; этотъ ручей будетъ составлять также общую границу до своего соединенія съ Ріо-Ондо, и отсюда она пойдетъ внизъ по Ріо-Хондо до моря. Все это обозначено на картѣ, которою уполномоченные обоихъ государствъ разсудили за благо воспользоваться, дабы установить условленные пункты, съ тѣмъ, чтобы между обоими народами царствовали добрыя сношенія и чтобы рабочіе, порубщики и мастеровые англійскіе не могли переходить за границы, по ихъ неизвѣстности.

Обоюдные комиссары опредѣлятъ удобныя мѣста на вышеозначенной территоріи, гдѣ бы подданные Его Британскаго Величества, занимающіеся эксплоатаціей дерева, могли безпрепятственно строить дома и магазины,

magazins qui seront nécessaires pour eux, pour leurs familles et pour leurs effets; et S. M. Catholique leur assure la jouissance de tout ce qui est porté par le présent article: biet entendu qui ces stipulations ne seront censées déroger en rien aux droits de Sa Souveraineté.

Par conséquent, tous les Anglais qui pourraient se trouver dispersés par tout ailleurs, soit sur le continent espagnol, soit sur les îles quelconques dépendantes du susdit continent espagnol et par telle raison que ce fut sans exception, se réuniront dans le canton qui vient d'être circonscrit dans le terme de dix-huit mois à compter de l'échange des ratifications: et pour cet effet, il leur sera expédié des ordres de la part de S. M. Britannique; et de celle de S. M. Catholique, il sera ordonné à ses gouverneurs d'accorder aux dits Anglais dispersés toutes les facultés possibles pour qu'ils puissent se transférer à l'établissement convenu par le présent article, ou se retirer par tout où bon leur semblera.

Il est aussi stipulé que si actuellement il y avait dans la partie désignée des fortifications érigées précédemment, S. M. Britannique les fera toutes démolir, et Elle ordonnera à ses sujets de ne point en former des nouvelles. Il sera permis aux habitans anglais, qui s'établiront pour la coupe du bois, d'exercer librement la pêche pour leur subsistance sur les côtes du district convenu ci-dessus ou des îles qui se trouveront vis-à-vis du dit canton sans être en aucune façon inquiétés pour cela, pourvu qu'ils ne s'établissent en aucune manière sur les dites îles.

необходимые для нихъ, для ихъ семействъ и ихъ имущества, и Его Католическое Величество обезпечитъ имъ пользованіе всѣмъ тѣмъ, что установлено настоящею статьею, разумѣя при семъ, что эти постановленія ни въ чемъ не отмѣнятъ правъ его верховной власти.

Вслѣдствіе сего, всѣ Англичане, которые находились бы въ другихъ мѣстахъ, на испанскомъ континентѣ, или на какомъ-либо изъ островъ, принадлежащихъ къ этому континенту, по какой бы ни было причинѣ, соберутся въ кантонѣ, который только что очерченъ, въ срокъ въ 18 мѣсяцевъ, считая съ размѣна ратификацій. Для сего имъ будутъ посланы повелѣнія отъ Его Британскаго Величества, а Его Католическое Величество прикажетъ своимъ губернаторамъ предоставить сказаннымъ Англичанамъ всевозможныя облегченія для перехода ихъ на поселеніе, условленное въ настоящей статьѣ, или же удалиться, куда имъ вздумается.

Равнымъ образомъ постановляется, что еслибъ нынѣ на упомянутомъ участкѣ оказались укрѣпленія, сооруженныя въ прежнее время, то Его Британское Величество прикажетъ всѣ ихъ снести и дастъ своимъ подданнымъ повелѣніе не строить новыхъ. Англійскимъ жителямъ, которые водворятся для рубки дерева, будетъ дозволено свободно заниматься для своего прокормленія рыболовствомъ по берегамъ сказаннаго участка или на островахъ, которые будутъ находиться противъ него, не подвергаясь за сіе никакимъ безпокойствамъ, лишь бы они отнюдь не поселялись на сихъ островахъ.

Article VII.

S. M. Catholique restituera à la Grande Bretagne les îles de Providence et de Bahama, sans exception, dans le même état ou elles étaient, quand elles ont été conquises par les armes du Roy d'Espagne. Les mêmes stipulations insérées dans l'article V de ce traité, auront lieu en faveur des sujets espagnols, à l'égard des îles dénomées dans le présent article.

Статья VII.

Его Католическое Величество возвращаетъ Великобританіи острова Провидѣнія и Бахамскіе, всѣ безъ исключенія, въ томъ состояніи, въ какомъ опи находились, когда были завоеваны Испанскимъ королемъ. Постановленія, внесенныя въ V статью сего трактата, будутъ имѣть силу одинаково въ пользу испанскихъ подданныхъ на островахъ, въ настоящей статьѣ означенныхъ.

Article VIII.

Tous les pays et territoires qui pourraient avoir été conquis, ou qui pourraient l'être dans quelque partie du monde que ce soit, par les armes de S. M. Catholique, ainsi que par celles de S. M. Britannique, qui ne sont pas compris dans le présent traité, ni à titre de cessions, ni à titre de restitutions, seront rendus sans difficulté et sans exiger de compensation.

Статья VIII.

Всѣ земли и территоріи, которыя были бы или могли быть завоеваны въ какой бы ни было части свѣта Его Католическимъ или Его Британскимъ Величествомъ и которыя не включены въ настоящій трактатъ ни въ качествѣ уступаемыхъ, ни въ качествѣ возвращаемыхъ земель, будутъ отданы обратно безъ затрудненій и не требуя вознагражденія.

Article IX.

Aussitôt après l'échange des ratifications, les deux Hautes Parties contractantes nommeront des commissaires pour travailler à des nouveaux arrangements de commerce entre les deux nations sur le fondement de la réciprocité et de la convenance mutuelle; lesquels arrangements devront être terminés et conclus dans l'espace de deux ans à compter du premier janvier 1784.

Статья IX.

Немедленно по размѣнѣ ратификацій обѣ Высокія договаривающіяся стороны назначатъ комиссаровъ для разработки новыхъ соглашеній о торговлѣ между двумя націями на основѣ взаимности и обоюдной пользы, каковыя соглашенія должны быть окончены и заключены въ теченіе двухъ лѣтъ, считая отъ перваго января 1784 года.

Article X.

Comme il est nécessaire d'assigner une époque fixe pour les restitutions et évacuations à faire par chacune des Hautes Parties contractantes; il est con-

Статья X.

Въ виду необходимости назначить опредѣленное время для сдачи и очищенія земель, которыя должны быть произведены каждою изъ высокихъ

venu que le Roy de la Grande Bretagne fera évacuer la Floride orientale trois mois après la ratification du présent traité, ou plus tôt si faire se peut.

договаривающихся сторонъ, постановляется, что Великобританскій король повелитъ очистить восточную Флориду въ трехмѣсячный срокъ по ратификаціи настоящаго трактата, или и ранѣе, если будетъ возможно.

Le Roy de la Grande Bretagne rentrera également en possession des îles de Providence et de Bahama, sans exception, dans l'espace de trois mois après la ratification du présent traité, ou plus tôt si faire se peut.

Равнымъ образомъ Великобританскій король вступитъ во владѣніе островами Провидѣнія и Багамскими, всѣми безъ исключенія, въ трехмѣсячный срокъ по ратификаціи настоящаго трактата, или и ранѣе, если будетъ возможно.

En conséquence de quoi, les ordres nécessaires seront envoyés par chacune des Hautes Parties contractantes, avec les passeports réciproques pour les vaisseaux qui les porteront, immédiatement après la ratification du présent traité.

Вслѣдствіе сего каждою изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ посланы необходимыя приказанія, съ обоюдными паспортами, на корабли, которые ихъ повезутъ немедленно вслѣдъ за ратификаціей настоящаго трактата.

Article XI.

Leurs Majestés Catholique et Britannique promettent d'observer sincèrement et de bonne foi tous les articles contenus et établis dans le présent traité et Elles ne souffriront pas qu'il y soit fait de contravention directe ni indirecte, par leurs sujets respectifs; et les susdites Hautes Parties contractantes se garantissent généralement et réciproquement toutes les stipulations du présent traité.

Статья XI.

Ихъ Католическое и Британское Величества обѣщаютъ соблюдать искренно и добросовѣстно всѣ содержащіяся и постановленныя въ настоящемъ трактатѣ статьи и не потерпятъ ихъ нарушенія, ни прямого, ни косвеннаго, со стороны обоюдныхъ своихъ подданныхъ. Высокія договаривающіяся стороны гарантируютъ другъ другу вообще и взаимно всѣ постановленія настоящаго трактата.

Article XII.

Les ratifications solemnelles du présent traité, expédiées en bonne et due forme, seront échangées en cette ville de Versailles entre les Hautes Parties contractantes dans l'espace d'un mois, ou plus tôt, s'il est possible, à

Статья XII.

Торжественныя ратификаціи настоящаго трактата, учиненныя въ правильной и надлежащей формѣ, будутъ размѣнены между Высокими договаривающимся сторонами въ семъ городѣ Версалѣ въ теченіе одного мѣсяца или

compter du jour de la signature du présent traité.

En foi de quoi etc.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Le comte d'Aranda
(L. S.) Manchester.

Articles séparés.

Article I.

Quelques uns des titres employés par les Puissances contractantes, soit dans les pleinspouvoirs et autres actes pendant le cours de la négociation, soit dans le préambule du présent traité n'étant pas généralement reconnus, il a été convenu, qu'il ne pourrait jamais en résulter aucun préjudice pour l'une ni l'autre des dites Parties contractantes et que les titres pris ou omis, de part et d'autre à l'occasion de la dite négociation et du présent traité, ne pourront être cités ni tirés à conséquence.

Article II.

Il a été convenu et arrêté que la langue française, employée dans tous les exemplaires du présent traité, ne formera point un exemple, qui puisse être allégué, ni tirer à conséquence ni porter préjudice en aucune manière ni à l'une, ni à l'autre des Puissances contractantes, et que l'on se conformera à l'avenir à ce qui a été observé et doit être observé à l'égard et de la part des Puissances, qui sont en usage et en possession de donner et de recevoir des exemplaires de semblables traités en une autre langue que la fran-

ранѣе, если будетъ возможно, считая со дня подписанія настоящаго трактата.

Въ удостовѣреніе сего и т. д.

Въ Версалѣ, 3-го сентября 1783 года.

(М. П.) графъ д'Аранда.
(М. П.) Манчестеръ.

Отдѣльныя статьи.

Статья I.

Нѣкоторыя изъ правооснованій, приведенныхъ договаривающимися Державами какъ въ полномочіяхъ и другихъ актахъ во время происходившихъ переговоровъ, такъ и въ вводной части настоящаго трактата, нельзя считать общепризнанными. Вслѣдствіе сего постановляется, что отсюда отнюдь не будетъ проистекать никакого вреда ни для той, ни для другой изъ реченныхъ договаривающихся сторонъ, и что правооснованія, принятыя или опущенныя тою или другою стороною по случаю сказанныхъ переговоровъ и настоящаго трактата не послужатъ поводомъ ссылаться на это обстоятельство, или выводить изъ сего какія-либо заключенія.

Статья II.

Стороны согласились и постановили, что употребленный во всѣхъ экземплярахъ сего трактата французскій языкъ не будетъ имѣть значенія обязательнаго примѣра и не дастъ права ни на какія заключенія и никоимъ образомъ не послужитъ къ предосужденію той или другой договаривающейся державы, и что впредь будетъ принимаемо въ соображеніе то, что соблюдалось и что должно соблюдать въ отношеніи и со стороны тѣхъ державъ, которыя придерживаются обычая и

çaise: le présent traité ne laissant pas d'avoir la même force et vertu que si le susdit usage y avait été observé.

En foi de quoi etc.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Le comte d'Aranda.

(L. S.) Machester.

правила давать и получать экземпляры подобныхъ трактатовъ не на французскомъ, а на другомъ языкѣ; настоящій же трактатъ будетъ имѣть такую же силу и значеніе, какъ еслибъ сказанный обычай былъ въ немъ соблюденъ.

Въ удостовѣреніе сего и т. д.

Въ Версалѣ, 3-го сентября 1783 года.

(М. П.) графъ д'Аранда.

(М. П.) Манчестеръ.

№ 483.

Déclaration.

L'état nouveau où le commerce pourra peut être se trouver dans toutes les parties du monde, demandera des révisions et des explications des Traités subsistants; mais une abrogation entière de ces Traités, dans quelque temps que ce fût, jetterait dans le commerce une confusion qui lui seroit infiniment nuisible.

Dans des Traités de cette espèce, il y a non seulement des articles qui sont purement relatifs au commerce, mais beaucoup d'autres qui assurent réciproquement aux sujets respectifs des privilèges, des facilités pour la conduite de leurs affaires, des protections personelles et d'autres avantages, qui ne sont ni ne doivent être d'une nature à changer comme les détails qui ont purement rapport à la valeur des effets et des marchandises variables par des circonstances de toute espèce.

Par conséquent, lorsqu'on travaillera sur l'état du commerce entre les deux nations, il conviendra de s'entendre que les changements qui pourront se faire dans les traités subsistants ne porteront

№ 483.

Декларація.

Новое положеніе, въ коемъ, быть можетъ, будетъ находиться торговля во всѣхъ частяхъ свѣта, потребуетъ пересмотра и объясненій существующихъ трактатовъ; но полная отмѣна сихъ трактатовъ, когда бы таковая ни послѣдовала, внесла бы въ торговлю смятеніе, которое было бы для нея въ высшей степени вредно.

Въ трактатахъ сего рода имѣются не только статьи, относящіяся чисто къ торговлѣ, но много и другихъ, которыя обоюдно обезпечиваютъ подлежащимъ подданнымъ привилегіи, облегченія въ веденіи ихъ дѣлъ, покровительства личныя и иныя выгоды, которыя не суть и не должны быть такого свойства, чтобы измѣняться подобно подробностямъ, которыя чисто относятся къ стоимости вещей и товаровъ, измѣнчивыхъ въ зависимости отъ всякаго рода обстоятельствъ.

Вслѣдствіе сего, при разработкѣ вопроса о торговлѣ между двумя націями надлежитъ согласиться о томъ, чтобы тѣ перемѣны, которыя могутъ послѣдовать въ существующихъ трак-

que sur des arrangements purement de commerce et que les privilèges et les avantages mutuels et particuliers, soient de part et d'autre non seulement conservés, mais même augmentés, si faire se pouvait.

Dans cette vue Sa Majesté s'est prêtée à la nomination de part et d'autre des commissaires qui travailleront uniquement sur cet objet.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Manchester.

татахъ, касались бы только постановленій чисто торговыхъ, а привилегіи и взаимныя и особыя выгоды съ той и другой стороны не только были бы сохранены, но даже, если возможно, и умножены.

Въ этихъ видахъ Его Величество изъявилъ готовность къ назначенію обоюдныхъ комиссаровъ, которые посвятятъ свои труды единственно этому предмету.

Въ Версалѣ, 3-го сентября 1783 года.

(М. П.) Манчестеръ.

№ 484.

Contre-déclaration.

Le Roy Catholique, en proposant de nouveaux arrangements de commerce, n'a eu d'autre but, que de rectifier d'après les règles de la réciprocité et d'après la convenance mutuelle ce que les traités de commerce précédents peuvent renfermer de défectueux; le Roy de la Grande Bretagne peut juger par là, que l'intention de S. M. Catholique n'est aucunement de détruire toutes les stipulations renfermées dans les susdits traités; Elle déclare au contraire dès-à-présent, qu'Elle est disposée à maintenir tous les privilèges, facilités et avantages énoncés dans les anciens traités en tant qu'ils seront réciproques, ou qu'ils seront remplacés par des avantages équivalents. C'est pour parvenir à ce but désiré, de part et d'autre, que des commissaires seront nommés pour travailler sur l'état du commerce entre les deux nations, et qu'il a été accordé une espace de temps considérable pour achever leur travail. S. M. Catholique se flatte que cet objet

№ 484.

Контръ - декларація.

Король Католическій, предлагая новыя торговыя постановленія, не имѣлъ въ виду иной цѣли, кромѣ той, чтобы исправить, на началахъ взаимности и обоюдной пользы, то, что въ предшествующихъ торговыхъ трактатахъ могло содержаться неудовлетворительнаго. Великобританскій король можетъ судить отсюда, что въ намѣренія Его Католическаго Величества вовсе не входило уничтожить всѣ обязательства, которыя содержатся въ упомянутыхъ трактатахъ. Напротивъ, Его Величество симъ объявляетъ, что онъ готовъ сохранить всѣ привилегіи, облегченія и выгоды, установленныя въ старыхъ трактатахъ, насколько они будутъ взаимными, или будутъ замѣнены равными выгодами. Для достиженія именно этой желаемой обѣими сторонами цѣли и будутъ назначены комиссары для трудовъ по вопросу о торговлѣ между двумя націями и для окончанія ихъ работы будетъ положенъ значительный срокъ времени. Его Като-

sera suivi avec la même bonne foi, et avec le même esprit de conciliation, qui ont présidé à la rédaction de tous les autres points renfermés dans le traité définitif; et Sa dite Majesté est dans la même confiance que les commissaires respectifs apporteront la plus grande célérité à la confection de cet important ouvrage.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Le comte d'Aranda.

лическое Величество льститъ себя надеждою, что этотъ предметъ будетъ обсужденъ съ такою же добросовѣстностью и съ такимъ же духомъ примиренія, какіе служили руководствомъ при редакціи всѣхъ другихъ постановленій, вошедшихъ въ окончательный трактатъ, и Его реченное Величество питаетъ твердую увѣренность, что обоюдные комиссары внесутъ величайшую быстроту въ исполненіе сего важнаго дѣла.

Въ Версалѣ, 3-го сентября 1783 года.

(М. П.) Графъ д'Аранда.

№ 485.

Déclaration.

Nous Ministres plénipotentiaires de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies ayant servi de médiateurs à l'ouvrage de la pacification, déclarons que le Traité de paix, signé aujourd'hui à Versailles entre S. M. Britannique et S. M. Catholique avec les deux articles séparés y annexés et qui en font partie, de même qu'avec toutes les clauses, conditions et stipulations, qui y sont contenues, a été conclu par la médiation de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies.

En foi de quoi etc.

Fait à Versailles, le 3 septembre 1783.

(L. S.) Prince Iwan Bariatinskoy.

(L. S.) A. Morcoff.

Une déclaration identique fut signé le même jour par le représentant de S. M. Impériale et Royale Apostolique M. le comte Mercy d'Argenteau.

№ 485.

Декларація.

Мы, уполномоченные министры Ея Императорскаго Всероссійскаго Величества, дѣйствуя въ качествѣ посредниковъ въ дѣлѣ умиротворенія, объявляемъ, что трактатъ о мирѣ, подписанный сегодня въ Версалѣ, между Е. В. Британскимъ и Е. В. Католическимъ, съ двумя приложенными къ нему отдѣльными статьями, входящими въ его составъ, равно и со всѣми постановленіями, условіями и обязательствами, въ ономъ содержащимися, былъ заключенъ при посредничествѣ Ея Императорскаго Всероссійскаго Величества.

Въ удостовѣреніе сего и т. д.

Въ Версалѣ, 3-го сентября 1783 года.

(М. П.) Князь Иванъ Барятинскій.

(М. П.) А. Морковъ.

Идентичная декларація была подписана въ тотъ же день представителемъ Его Императорскаго и Королевскаго Апостолическаго Величества графомъ Мерси д'Аржанто.

№ 486.

1786, 31 décembre (11 janvier 1787). Traité de commerce de St.-Pétersbourg avec la France. (Recueil complet des Lois № 16489).

Dans le cours des négociations au sujet des traités de paix de Versailles, la question d'Orient fut de nouveau mise à l'ordre du jour. Un antagonisme sérieux surgit entre la Russie et la Porte Ottomane à la suite de l'occupation de la Crimée par les armées russes. Catherine II s'efforça de prévenir l'explosion d'une guerre, quoi qu'elle était si bien informée quant à l'impuissance de la Turquie qu'elle méditait, précisément à cette époque, avec l'Empereur Ioseph II le projet du rétablissement de l'Empire de Byzance et de l'expulsion définitive des Turcs de l'Europe *).

Mais le plan de l'Impératrice n'avait pas entièrement mûri, il lui fallait encore quelque temps pour le mettre à exécution. Elle comptait dans cette circonstance sur le gracieux concours de la cour de Versailles, qui conservait toujours une grande influence à la cour du Sultan. Catherine II demanda qu'il fut prescrit au comte de Saint-Priest de détourner la Porte d'une déclaration de guerre à la Russie et de la persuader de se soumettre à ses exigences.

„Nous avons lieu d'attendre des lumières et de l'amitié de Sa Majesté très Chrétienne", écrivait-elle au prince Bariatinsky et à Morkow à la date du 11 juin 1783, „qu'elle ne trouvera dans l'incorporation de la Crimée, de Taman et de Kouban rien qui pût compromettre notre paix avec la Turquie. Les Turcs étaient les premiers à attaquer les Tatars et à porter atteinte à la paix".

Mais tout en désirant que la France exerçât une pression sur la Porte en vue d'arrêter ses velléités belliqueuses, Catherine II refusa péremptoirement d'admettre la médiation formelle de la cour de Versailes. Aussi, lorsque le marquis de Verac se rendit chez le Vice-Chancelier en juin 1783, pour lui faire des ouvertures à ce sujet, le compte Osterman les déclina catégoriquement.

*) Voir le présent Recueil des traités, t. II, p. 133 et suiv.

№ 486.

1786 г., декабря 31-го (1787 г., января 11-го). С.-Петербургскій коммерческій трактатъ съ Франціею. (П. С. З. № 16489).

Во время переговоровъ о Версальскихъ мирныхъ трактатахъ Восточный вопросъ опять былъ поставленъ на очередь. Между Россіею и Оттоманскою имперіею возникла открытая вражда по поводу занятія Крыма русскими войсками. Екатерина II старалась предупредить возникновеніе войны, хотя безсиліе Турціи было ей настолько извѣстно, что она, вмѣстѣ съ Римскимъ Императоромъ Іосифомъ II, составляла именно въ то время планъ возстановленія прежней Византійской имперіи и окончательнаго изгнанія Турокъ изъ Европы *).

Но планъ Императрицы еще не вполнѣ созрѣлъ и ей нужно было время для лучшаго его подготовленія. Съ этою цѣлью она разсчитывала на любезное содѣйствіе Версальскаго двора, который все еще сохранялъ большое вліяніе при дворѣ турецкаго султана. Екатерина II желала, чтобъ графу Сенъ-При было предписано остановить Порту отъ объявленія войны Россіи и убѣдить ее подписать требованія Россіи.

„Мы отъ дружбы и просвѣщенія Его Христіаннѣйшаго Величества неизмѣнно ожидаемъ", писала Императрица Князю Барятинскому и Моркову 11-го іюня 1783 года, „что онъ въ присоединеніи Крыма, Тамана и Кубани не найдетъ ничего такого, чтобы сохраненію мира нашего съ Портою препятствовать могло". Турки сами постоянно нападали на Татаръ и вызывали нарушенія мира.

Однако, желая воздѣйствія Франціи на Турцію въ смыслѣ усмиренія ея воинственныхъ порывовъ, Екатерина II на отрѣзъ отказалась допустить формальное посредничество Версальскаго двора. Поэтому, когда маркизъ Веракъ пришелъ, въ іюнѣ 1783 года, къ Вице-Канцлеру и предложилъ посредничество Франціи между Россіею и Оттоманскою имперіею, графъ Остерманъ категорически отклонилъ это предложеніе.

*) Срав. наст. „Собр. трактатовъ", т. II, стр. 133 и слѣд.

Le comte de Vergennes comprit qu'il n'avait plus à insister sur ses propositions. Aussi s'empressa-t-il de déclarer au prince Bariatinsky que le roi était satisfait de la gracieuse réponse du gouvernement russe admettant les bons offices et non la médiation. Le ministre français dit entr'autre au représentant de Russie ce qui suit:

„Je vous prie de donner à votre ministère les assurances les plus formelles que, dès le début de vos complications avec la Porte, nous n'avons cessé de lui donner les mêmes conseils savoir de s'efforcer de terminer cette affaire par un arrangement à l'amiable. Pour le moment, j'ai l'ordre du roi de lui faire comprendre que pour elle, dans les conjonctures actuelles, la paix est bien plus préférable que la guerre. „Mais le roi ne désire pas être“ arbitre dans cette cause, et encore moins se porter garant de l'arrangement éventuel à conclure“. Le comte de Vergennes crut devoir en outre rappeler les paroles suivantes, énoncées par Louis XVI au sujet du conflit turco-russe:

„Quel que soit l'origine de ce conflit, je resterai, pour ma part, immuable dans mon désir de maintenir da tranquillité générale, en tant que cela dépendra de mes moyens“. A ces paroles du roi, le comte ajouta de son propre chef:

„Je pense qu'en donnant la promesse à la Porte de ne pas créer de flotte dans la mer Noire, en temps de paix et d'établir en Crimée un prince (sic!) sur le même pied que sous le régime turc, Sa Majesté Impériale pourrait facilement par ces deux moyens amener la Turquie à l'apaisement désiré“. (Rapport du prince Bariatinsky du 17 (28) septembre 1783.).

On comprend que l'Impératrice Catherine II ne partageait nullement les vues du comte de Vergennes au sujet du conflit turco-russe. Elle ne songeait pas à renoncer au droit d'avoir une flotte dans la mer Noire et ne pensait pas à établir en Crimée un nouveau prince tatar, „vassal de la Turquie“. Aussi ne put-elle accueillir qu'avec défiance les bons offices de la cour de Versailles.

Par conséquent, lorsque le comte de Vergennes assurait au prince Bariatinsky, „avec un ton de courtoisie“ que les Turcs ne manqueraient

Графъ Верженъ понялъ, что настаивать на своемъ предложенін онъ не можетъ. Поэтому онъ заявилъ князю Барятинскому, что король доволенъ любезнымъ отвѣтомъ русскаго правительства, допускавшаго добрыя услуги, но не посредничество. Французскій министръ сказалъ, между прочимъ, русскому посланнику слѣдующее:

„Между тѣмъ прошу васъ сдѣлать вашему министерству наисильнѣйшія увѣренія, что наши внушенія Портѣ съ самаго начала замѣшательствъ между вами были въ одинаковыхъ израженіяхъ, т. е. прилагать стараніе о прекращеніи сего дѣла полюбовнымъ образомъ. А теперь я имѣю повелѣніе отъ Короля именно ей (Портѣ) совѣтовать, что миръ для нея въ настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть предпочтительнѣе войны“. Но Король не желаетъ быть ни „медіаторомъ, а менѣе еще быть гарантомъ“. Этого еще мало. Графъ Верженъ привелъ слѣдующія слова Людовика XVI, сказанныя ему по поводу русско-турецкаго столкновенія:

„Каковою формою и какою стороною сіе дѣло не было бы начато, я, съ своей стороны, льщусь доказать непремѣнность моихъ сентиментовъ къ удержанію генеральнаго спокойствія, поелику достанетъ моихъ къ тому силъ“. Къ этимъ словамъ своего короля графъ Верженъ отъ себя прибавилъ:

„Я думаю, если бъ Ея Императорское Величество соизволила теперь дать Портѣ обѣщаніе, что флота на Черномъ морѣ заводить никогда не будетъ въ мирныя съ нею времена; чтобъ въ Крыму сдѣлали принца (sic!) на такомъ основаніи, какъ они были подъ державою турецкою, я предполагаю, что сими двумя способами Порту легко можно будетъ привесть къ спокойствію“. (Донесеніе князя Барятинскаго отъ 17-го (28-го) сентября 1783 года).

Понятно, что Императрица Екатерина II совсѣмъ не раздѣляла точку зрѣнія графа Верженъ на русско-турецкое столкновеніе. Она не думала отказываться отъ своего права заводить свой флотъ на Черномъ море и никогда не помышляла о воцареніи въ Крыму новаго турецкаго принца „подъ державою турецкою“. Поэтому Императрица не могла не относиться подозрительно къ обѣщаннымъ добрымъ услугамъ Версальскаго двора.

Поэтому когда графъ Верженъ увѣрялъ князя Барятинскаго „съ видомъ ласковымъ“, что Турки должны будутъ уступить, хота

pas de céder, bien qu'on ne pût s'empêcher de convenir que par la conquête de la Crimée la Russie ne mit à la Porte „de grandes lunettes", la jalousie et les préoccupations de la cour de Versailles se trahissaient visiblement.

Le comte de Vergennes demanda au ministre de Russie „s'il savait que les bateaux mettent souvent 36 heures pour la traversée de Cafa et Balaklava à Constantinople?" (Rapport du prince Bariatinsky du 21 juillet (1 août) 1783).

Dans ces conditions il était difficile de s'attendre de la part du ministre français à un concours sincere aux vues de la politique russe en Turquie. La France ne rendit pas moins un grand service à la Russie à la conclusion de la convention de Constantinople en 1784 qui consacrait l'incorporation définitive de la Crimée à l'Empire des Tsars. Mais ce fut le comte de Saint-Priest, ambassadeur de France près de la Porte, qui rendit ce service au cabinet russe: de sa propre initiative il exerça une pression énergique sur le gouvernement turc et le força de se soumettre aux exigences de la Russie. Le comte de Vergennes était loin d'approuver cette conduite et disait en parlant de ce diplomate: „nous avons à Constantinople un ambassadeur de la Russie et non de la France". Quoi qu'il en fût, Catherite II emporta une nouvelle victoire diplomatique éclatante, et le comte de Saint-Priest reçut d'elle de magnifiques cadeaux, et le comte de Vergennes — des remercîments peu chaleureux *).

Il est évident que la cour de Versailles laissa échapper le moment opportun pour un rapprochement réel avec la Russie. Toutefois une certaine intimité semble s'établir à partir de 1785 grâce aux capacités éminentes du comte de Ségur, nouvellement nommé au poste de ministre de France à St.-Pétersbourg. Il réussit à obtenir les bonnes grâces de l'Impératrice et la confiance du prince Potemkine qui exerçait une grande influence sur la politique extérieure de la Russie depuis la retraite du comte N. Panine.

Les instructions données au comte de Ségur représentent sous un jour assez pessimiste l'état des relations entre la Russie et la France. „Le Roi", y est-il dit, „est persuadé que tous les efforts qu'il pourrait faire pour gagner l'amitié de Catherine II seraient inutiles; que tant que cette princesse existera, sa conduite personnelle

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. II, p. 391.

нельзя не согласиться, что завоеваніемъ Крыма Россія ставитъ Портѣ „des grandes lunettes", то зависть и опасенія Версальскаго двора выступали слишкомъ ясно.

„Вѣдаете ли вы", спросилъ графъ Верженъ русскаго посланника, „что изъ Кафы и изъ Балаклавы въ Царьградъ суда часто приходятъ въ 36 часовъ?" (Донесеніе князя Барятинскаго отъ 21-го іюля (1-го августа) 1783 г.).

Такимъ образомъ трудно было ожидать отъ перваго французскаго министра искренняго содѣйствія видамъ русской политики въ Турціи. Между тѣмъ, всетаки Франція оказала Россіи большую услугу при заключеніи Константинопольской конвенціи 1784 года, которою было утверждено окончательное присоединеніе Крыма къ русскимъ владѣніямъ. Только эту услугу оказалъ графъ Сенъ-При, французскій посолъ при Портѣ, который, по собственной инціативѣ, энергическимъ образомъ воздѣйствовалъ на турецкое правительство и заставилъ его подчиниться требованіямъ Россіи. Графъ Верженъ совсѣмъ не одобрялъ такое поведеніе графа Сенъ-При, говоря о немъ, „что мы имѣемъ въ Константинополѣ не посла Франціи, но посла Россіи". Какъ бы то ни было, Екатерина II одержала новую блестящую дипломатическую побѣду, и графъ Сенъ-При получилъ отъ нея чудные подарки, а графъ Верженъ только „холодную благодарность" *).

Очевидно, что Версальскій дворъ упустилъ благопріятный случай для дѣйствительнаго сближенія съ Россіею. Впрочемъ, съ 1785 года нѣкоторое сближеніе имѣетъ мѣсто, благодаря выдающимся способностямъ новаго французскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ, графа Сегюру. Послѣднему удалось войти въ особенную милость самой Императрицы и заслужить особенное довѣріе князя Потемкина, огромное вліяніе котораго на внѣшнюю политику Россіи, послѣ отставки графа Н. И. Панина, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію.

Инструкція, данная графу Сегюру, рисуетъ довольно безотрадную картину взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи. „Король", говорится въ ней, „убѣжденъ, что всѣ его усилія, которыя онъ могъ бы сдѣлать для пріобрѣтенія дружбы Екатерины II, были бы безполезны. Пока живетъ эта Государыня, его личное по-

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. II, p. 391.

vis-à-vis d'elle doit se borner à de simples égards; et que, quant aux affaires générales, le ministre de Sa Majesté à St. Pétersbourg doit s'attacher uniquement à prouver que la politique de Sa Majesté tend à conserver à chacun, sans réserve, ses droits et ses propriétés" *).

Lorsque le comte de Ségur arriva à St.-Pétersbourg, en mars 1785, les représentants de l'Autriche et de l'Angleterre jouaient incontestablement le premier rôle à la cour de Russie. Grâce à l'habileté, à l'esprit et l'aimabilité séduisante du comte de Ségur tout cela changea dans le cours de 2 à 3 mois. Le nouveau ministre de France devint persona gratissima auprès de l'Impératrice, et le „magnifique" prince Potemkine fut séduit par la finesse de son esprit et le charme de ses manières.

Toutefois le comte de Ségur dut se convaincre bientôt que tous ses moyens de séduction seraient impuissants à éblouir Catherine II quant à ses plans politiques. Sous ce rapport. il eut l'occasion de recevoir des réponses auxquelles il ne s'attendait nullement. Ce fut en particulier le cas dans les affaires de Turquie

Ainsi, en septembre 1785 le comte de Ségur dit au Vice-Chancelier, comte Osterman, que „comme il l'assurait antérieurement et peut l'affirmer encore aujourd'hui, la Porte ne se proposait pas d'entreprendre des hostilités; ses préoccupations et ses préparatifs militaires dont il a été question, sont en quelque sorte justifiés par l'agitation de ses sujets grecs provoquée par les consuls de Russie (sic!); par un zèle exagéré pour la foi, ceux-ci leur firent espérer la protection du gouvernement russe, mais aujourd'hui ce prétexte des armements se trouve écarté par suite de l'apaisement des Grecs".

A ce requisitoire étrange du ministre de France, le Vice-Chacelier répondit aussitôt „qu'il peut donner l'assurance sur la foi des rapports consulaires que ces agents n'ont jamais encouragé des troubles et qu'il n'y en a pas eu dans les lieux de leur résidence, si ce n'est que les Turcs eux-mêmes n'ont pas voulu admettre quelques consuls à l'exercice de leurs fonctions". (Mémoire de la conférence du 24 septembre 1785.).

*) Rambaud, Recueil, t. II, p. 389 et suiv.

веденіе въ отношеніи къ ней должно ограничиваться простою вѣжливостью, и въ области общихъ политическихъ дѣлъ, посланникъ Его Величества въ С.-Петербургѣ долженъ единственно стараться о томъ, чтобъ доказать, что политика Его Величества желаетъ сохранять за каждымъ, безъ исключенія, его права и владѣнія" *).

Когда графъ Сегюръ прибылъ, въ мартѣ 1785 года, въ С.-Петербургъ, представители Австріи и Англіи несомнѣнно играли при русскомъ дворѣ первенствующую роль. Благодаря ловкости, уму и чарующей любезности графа Сегюръ, все измѣнилось черезъ 2—3 мѣсяца. Новый французскій посланникъ сдѣлался у Императрицы persona gratissima и „великолѣпный" князь Потемкинъ былъ очарованъ остроуміемъ и изящными его манерами.

Однако и графъ Сегюръ долженъ былъ скоро убѣдиться въ томъ, что его способность очаровывать людей нисколько не могла затуманить глазъ Екатерины II насчетъ ея политическихъ плановъ. Въ этомъ отношеніи графъ Сегюръ получалъ неоднократно отповѣди, которыхъ онъ совсѣмъ не ожидалъ. Это въ особенности случалось по турецкимъ дѣламъ.

Такъ, въ сентябрѣ 1785 года, графъ Сегюръ сказалъ Вице-Канцлеру графу Остерману, что „какъ онъ прежде увѣрялъ, такъ и нынѣ повторительно увѣрить можетъ, что Порта Оттоманская не намѣрена предпринимать непріятельскія дѣйствія; разглашенная же заботливость ея и пріуготовленія происходили отъ оказавшагося въ подданныхъ ихъ Грекахъ возмущенія, произведеннаго прибывшими въ области ея консулами Россійскими (sic!), кои изъ крайней ревности къ закону обнадеживали ихъ покровительствомъ здѣшнимъ, но теперь уже и сей поводъ къ вооруженію отвращенъ успокоеніемъ тѣхъ Грековъ".

На эту странную обвинительную рѣчь французскаго посланника немедленно отвѣчалъ Вице-Канцлеръ, „что онъ увѣрить можетъ, что по всѣмъ донесеніямъ консуловъ Россійскихъ не видно, чтобъ отъ нихъ поданъ былъ какой-либо поводъ къ возмущеніямъ, и что въ мѣстахъ ихъ пребыванія и иныхъ безпокойствъ оказываемо не было, какъ только отъ самыхъ Турокъ, недопускавшихъ нѣкоторыхъ консуловъ къ исправленію ихъ должности". (Конференціальная записка отъ 24-го сентября 1785 года).

*) Rambaud, Recueil, t. II, p. 389 et suiv.

Sur ce rapport, rendant compte de l'entretien du Vice-Chancelier avec le comte de Ségur, Catherine II fit l'annotation suivante en langue russe: „Il faut déshabituer le comte de Ségur de s'ériger en tuteur de la Turquie et pour cela *l'absence de réponse* est la meilleure des réfutations".

Le comte de Ségur était plus heureux dans ses efforts consacrés à la conclusion d'un traité de commerce entre la France et la Russie. Ses instructions disaient que le roi doutait de la possibilité de conclure un pacte de cette nature. Ce n'est que „l'avidité des ministres russes" qui pourrait les déterminer à entrer en pourparlers à ce sujet „dans l'espoir d'obtenir quelques présents".

Le comte de Ségur réussit à conclure le premier traité de commerce entre la France et la Russie, non par des présents, mais grâce à son esprit et à son habileté. Il profita de son intimité avec le prince Potemkine pour lui exposer les avantages pour la Russie d'un semblable traité. Il lui fit comprendre combien il serait profitable pour le midi de la Russie d'entretenir des relations de commerce directes avec la France. Les territoires nouvellement acquis par la Russie sur le littoral de la mer Noire avaient besoin d'importations étrangères, et la France était appelée par la force des choses à être le fournisseur de tout ce qui était nécessaire à ce pays. La France occupait le premier rang dans le commerce du Levant. Les relations directes entre les ports de commerce de France et de Russie devaient offrir des avantages mutuels, en écartant l'entremise de l'Angleterre, très coûteuse.

Le comte de Ségur ouvrit ces pourparlers en juillet 1785, en remettant au Vice-Chancelier une note contenant la proposition formelle de conclure un traité de commerce. A la même date, le comte de Vergennes remit une note analogue au conseiller privé J. Simoline, qui venait d'occuper le poste de ministre de Russie à Paris, à la suite du rappel du prince Bariatinsky. Dans ces deux actes la cour de Versailles s'attachait à démontrer toute l'utilité des opérations commerciales directes entre les deux Etats sur la base de la nation la plus favorisée.

L'Impératrice accueillit avec empressement les ouvertures du gouvernement français, et le Vice-Chancelier déclara au comte de Ségur que l'Impératrice constatait avec satisfaction cette communauté de vues au sujet de l'utilité

На этомъ отчетѣ о бесѣдѣ, бывшей между Вице-Канцлеромъ и графомъ Сегюръ, Императрица Екатерина II собственноручно сдѣлала слѣдующую надпись на русскомъ языкѣ: „Отвадить надобно графа Сегюра быть опекуномъ Турокъ и для того *не отвѣтъ* есть лучеѣ опровержеціе".

Болѣе счастливъ былъ графъ Сегюръ въ своихъ стараніяхъ добиться заключенія торговаго трактата между Франціею и Россіею. Въ инструкціи графу Сегюру было сказано, что французскій король сомнѣвается въ возможности заключенія съ Россіею коммерческаго трактата. Только можетъ быть извѣстное „корыстолюбіе русскихъ министровъ" побудитъ ихъ вступить въ переговоры объ этомъ предметѣ, „въ надеждѣ получить кое-какіе подарки".

Графъ Сегюръ достигъ заключенія перваго коммерческаго трактата между Франціею и Россіею не подарками, но своимъ умомъ и ловкостью. Онъ воспользовался близостью къ князю Потемкину, чтобъ убѣдить послѣдняго въ огромной пользѣ для Россіи торговаго трактата. Онъ доказывалъ огромную выгоду для южной Россіи отъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Франціею. Новыя пріобрѣтенныя Россіею на Черномъ морѣ владѣнія нуждались въ привозѣ иностранныхъ товаровъ, и Франція могла быть естественною поставщицею всѣхъ необходимыхъ для этого края вещей. Въ левантійской торговлѣ занимала тогда Франція первое мѣсто. Непосредственныя же между французскими и русскими портами торговыя сношенія должны были быть обоюдно выгодны, устраняя дорого стоющее посредничество Англичанъ.

Въ іюлѣ 1785 года графъ Сегюръ открылъ эти переговоры врученіемъ Вице-Канцлеру ноты съ формальнымъ предложеніемъ заключить торговый трактатъ. Въ томъ же мѣсяцѣ графъ Верженъ вручилъ такую же ноту Тайному Совѣтнику И. М. Симолину, только что занявшему постъ русскаго посланника въ Парижѣ, послѣ отозванія князя Барятинскаго. Въ обоихъ актахъ Версальскій дворъ доказывалъ всю пользу непосредственныхъ торговыхъ оборотовъ между обоими государствами на началѣ наиболѣе благопріятствуемой націи.

Императрица Екатерина II отнеслась весьма сочувственно къ предложенію французскаго правительства, и графу Сегюру было объявлено Вице-Канцлеромъ, что Императрица съ удовольствіемъ констатируетъ общность взгля-

des opérations commerciales. On remit en même temps au ministre de France un acte, dans lequel se trouvaient exposés les fameux „principes fondamentaux" pour les traités de commerce à conclure par la Russie avec les puissances étrangères. Ce n'est que sur la base de ces principes que le gouvernement Impérial consentait à engager des pourparlers sérieux au sujet d'un traité de commerce avec la France *).

D'après l'ordre établi, la proposition du gouvernement français fut soumise à l'examen du comte Worontzow, président du Collége de commerce, qui l'accueillit également avec bienveillance. A son avis, le traité avec le Danemarc devait être adopté comme base pour les négociations avec la France. On pouvait en outre affranchir les Français de l'obligation de payer les droits en écus (ефимки); on devait stipuler que les vaisseaux russes ne fussent pas obligés de payer dans les ports français plus de droits de tonnage que les vaisseaux hollandais; que les sujets russes fussent libérés de l'obligation de s'acquitter du droit d'aubaine; que le commerce de la mer Noire fut reservé aux Français avec des droits de douane fixés par le tarif russe, et enfin que la réduction des droits sur les vins de France ne fût pas admise. (Lettre du comte Worontzow au comte Bezborodko en date du 24 juillet 1785).

En vue de cet empressement du Collège de commerce à accueillir les ouvertures de la France, le Vice-Chancelier, comte Osterman, chargea Simoline d'entrer en pourparlers avec le comte de Vergennes pour la conclusion d'un traité de commerce. Par une dépêche du 6 février 1786, Simoline reçut des instructions détaillées à ce sujet. Le gouvernement Impérial, y est-il dit, est désireux de conclure un traité de commerce avec la France, mais il ne saurait consentir à faire à ce pays le sacrifice de ses intérêts commerciaux et des engagements, qui unissent la Russie aux nations étrangères. Il ne saurait encore moins être question d'écarter la concurrence des autres marchandises étrangères avec celles de France.

Les divergences entre les deux puissances portaient principalement sur les trois questions suivantes: 1) la situation faite aux consuls; 2) l'importation des vins de France en

*) Ces „principes fondamentaux" se trouvent insérés dans le présent Recueil, t. II, page 131 et suiv.

довъ на пользу торговыхъ оборотовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ французскому посланнику былъ врученъ актъ, въ которомъ были изложены знаменитые „*Основные принципы*" для торговыхъ трактатовъ, заключаемыхъ Россіею съ иностранными державами. Только на основаніи этихъ „основныхъ принциповъ" Императорское правительство соглашалось вступить въ серьезные переговоры о коммерческомъ трактатѣ съ Франціею *).

По установленному порядку предложеніе французскаго правительства было сообщено на заключеніе президенту Коммерцъ-Коллегіи, графу Воронцову, который также отнесся къ нему благосклонно. По его мнѣнію, въ основаніе переговоровъ съ Франціею слѣдуетъ положить торговый трактатъ Россіи съ Даніею. Затѣмъ можно освободить Французовъ отъ платежа пошлинъ ефимками; выговорить, чтобъ русскіе корабли не платили во Франціи больше ластовыхъ денегъ, нежели тамъ платятъ голландскіе корабли; освободить русскихъ подданныхъ отъ droit d'aubaine; предоставить черноморскую торговлю Французамъ съ платежемъ пошлинъ по русскому таможенному тарифу и, наконецъ, отказать въ сбавкѣ пошлинъ съ французскихъ винъ. (Письмо графа Воронцова къ графу Безбородко отъ 24-го іюля 1785 года).

Въ виду такого сочувствія Коммерцъ-Коллегіи, Вице-Канцлеръ, графъ Остерманъ, поручилъ Симолину вступить съ графомъ Верженъ въ переговоры о заключеніи коммерческаго трактата. Въ депешѣ отъ 6-го февраля 1786 года, Симолинъ получилъ подробную инструкцію по этому предмету. Императорское правительство, говорится въ этой инструкціи, согласно заключить съ Франціею торговый трактатъ, но оно несогласно пожертвовать въ угоду Франціи своими торговыми интересами и обязательствами, связующими Россію съ другими иностранными народами. Меньше всего намѣрена Россія устранять конкуренцію другихъ иностранныхъ товаровъ съ французскими.

Но главными предметами разногласія между обѣими державами были слѣдующіе три вопроса: 1) относительно положенія консуловъ, 2) насчетъ ввоза французскихъ винъ въ Рос-

*) Эти „Основные принципы" отпечатаны въ настоящемъ „Собр. трактатовъ", т. II, стр. 131 и слѣд.

Russie et 3) la clause de la nation la plus favorisée.

Le gouvernement français insistait que les consuls fussent reconnus „comme des agents de commerce compris sous la protection du droit des gens et devant par conséquent jouir d'une liberté et franchise personnelle.“ Le gouvernement russe était d'un avis différent à ce sujet et, refusant de reconnaître des privilèges aux consuls, désirait les voir soumis à la juridiction des tribunaux et des autorités russes.

En ce qui regarde l'importation des vins de France, le gouvernement russe refusa la réduction des droits de douane sur cet article pour ne pas causer de préjudice à l'importation des vins d'Espagne et de Portugal.

Enfin, le gouvernement russe refusa d'inclure dans le traité de commerce la clause de la nation la plus favorisée, car „l'expérience nous a démontrée que cette détermination a plus d'une fois donné lieu à des prétentions mal fondées, et à des applications tout-à-fait fausses et incompatibles avec le véritable esprit de commerce.“

Le Vice-Chancelier exprime, en terminant, les remercîments de l'Impératrice au roi de France pour son consentement d'inclure dans le traité de commerce les principes de la neutralité armée, „qui intéresse également toutes les nations.“

C'est en conformité avec ces principes généraux que fut rédigé le premier projet russe d'un traité de commerce avec la France, qui fut remis au comte de Ségur. Dans une note remise à ce diplomate le 5 février 1786, le Vice-Chancelier crut devoir donner lui-même quelques explications à ce sujet. Selon lui les articles du projet russe peuvent être groupés en trois catégories: la première comprend ceux concernant la neutralité armée, la seconde — ceux „respectifs à la police des mers“ et enfin la troisième traite des avantages de commerce à assurer aux Etats contractants.

En ce qui regarde les deux premières categories, il y a accord complet entre les deux gouvernements. Ce n'est que la troisième qui soulève de sérieux malentendus, vu que le gouvernement russe ne consent pas à une réduction de droits sur les vins de France et insiste sur la soumission des consuls français à la juridiction des tribunaux russes. Le gouvernement français, de son côté, n'admettait pas l'inscription des négociants et des artisans fran-

сію и 3) относительно формулы наиболѣе благопріятствуемой націи.

Французское правительство настаивало на признаніи консуловъ „коммерческими агентами, находящимися подъ покровительствомъ международнаго права и долженствующими вслѣдствіе этого пользоваться личною свободою и неприкосновенностью“. Русское правительство было другого мнѣнія: оно не желало признавать за консулами никакихъ преимуществъ и настаивало на ихъ подчиненности мѣстнымъ судамъ и властямъ.

Что же касается условій ввоза въ Россію французскихъ винъ, то русское правительство отказывалось сбавить съ нихъ таможенныя пошлины и такимъ образомъ уменьшить привозъ испанскихъ и португальскихъ винъ.

Наконецъ, русское правительство отказывалось включить въ коммерческій трактатъ статью о наиболѣе благопріятствуемой націи, ибо „опытъ доказалъ намъ, что это опредѣленіе неоднократно вызывало неосновательныя претензіи и совершенно несогласное съ дѣйствительнымъ духомъ торговли и ложное примѣненіе“.

Въ заключеніе Вице-Канцлеръ выражаетъ благодарность Императрицы французскому королю за его согласіе включить въ коммерческій трактатъ начала вооруженнаго нейтралитета, имѣющія „общій интересъ для всѣхъ народовъ“.

Согласно съ этими основными положеніями былъ составленъ первый русскій проектъ торговаго трактата съ Франціею, который былъ врученъ графу Сегюру. Самъ Вице-Канцлеръ, въ нотѣ отъ 5-го февраля 1786 года, поданной графу Сегюру, далъ объясненіе этого проекта. По его словамъ всѣ статьи русскаго проекта раздѣляются на 3 категоріи: первая категорія обнимаетъ статьи, относящіяся до вооруженнаго нейтралитета; вторая — до „полиціи на морѣ“ и, наконецъ, третья — взаимныхъ торговыхъ выгодъ договаривающихся государствъ.

Въ отношеніи первыхъ двухъ категорій — полное между обоими правительствами согласіе. Только третья категорія вызываетъ серьезныя недоразумѣнія, ибо русское правительство не соглашается на сбавку пошлинъ съ французскихъ винъ и настаиваетъ на подчиненности французскихъ консуловъ русскимъ судамъ. Французское же правительство не допускало записыванія французскихъ купцовъ и ремесленниковъ въ русскія гильдіи, вызы-

çais dans les guildes russes, ce qui impliquait leur naturalisation russe.

Les pourparlers au sujet de la conclusion du traité de commerce se poursuivèrent jusqu'à la fin de 1786 et se terminèrent par une victoire éclatante du comte de Ségur. Le gouvernement russe consentit à une réduction des droits sur les vins de France et accepta la clause de la nation la plus favorisée. C'est le dernier jour de l'année 1786 que fut signé le premier traité de commerce entre la Russie et la France.

вавшаго причисленіе ихъ къ русскимъ подданнымъ.

Переговоры о заключеніи коммерческаго трактата продолжались до самаго конца 1786 года и окончились блестящею побѣдою графа Сегюра. Русское правительство сбавило пошлины съ привозныхъ французскихъ винъ и также согласилось принять формулу о наиболѣе благопріятствуемой націи. Въ послѣдній день 1786 года первый коммерческій трактатъ между Россіею и Франціею былъ подписанъ.

Au nom de la Très-Sainte et indivisible Trinité.

Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et S. M. le Roi de France, désirant encourager le commerce et la navigation directs entre leurs sujets respectifs par la confection d'un Traité d'amitié, de commerce et de navigation, ont choisi et nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Impératrice de toutes les Russies,

le sieur Jean comte d'Osterman, son Vice Chancelier, Conseiller Privé actuel, Sénateur et chevalier des ordres de St. André, de St. Alexandre Newsky, etc.;

le sieur Alexandre comte de Woronzow, Conseiller Privé actuel, Sénateur, Président du Collège de Commerce, chambellan actuel et chevalier de l'ordre de St. Alexandre Newsky et grand' croix de celui de St. Wladimir de la première classe;

le sieur Alexandre comte de Bezborodko, Premier Maître de sa Cour, Conseiller Privé, Directeur général des Postes et chevalier de l'ordre de St. Alexandre Newsky et grand' croix de celui de St. Wladimir de la première classe;

et le sieur Arcadi de Morcoff, Con-

Во имя пресвятыя и нераздѣльныя Троицы.

Ея Величество Императрица Всероссійская и Е. В. Король французскій, желая ободрить безпосредственную торговлю и плаваніе между ихъ взаимными подданными заключеніемъ трактата дружбы, торговли и плаванія, избрали и назначили къ сему своими полномочными и именно:

Ея Величество Императрица Всероссійская,

графа Ивана Остермана, своего Вице-Канцлера, Дѣйств. Тайнаго Совѣтника, Сенатора и орденовъ Св. Андрея Первозваннаго, Святаго Александра Невскаго, и т. д. кавалера;

графа Александра Воронцова, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Коммерцъ-коллегіи президента, Дѣйств. камергера и орденовъ Св. Александра Невскаго и равно-апостольнаго Князя Владиміра большого креста первой степени кавалера;

графа Александра Безбородка, своего гофмейстера, Тайнаго Совѣтника, главнаго Директора почтъ, орденовъ Святаго Александра Невскаго и равноапостольнаго Князя Владимира большого креста первой степени кавалера, и

Аркадія Моркова, Дѣйств. Статскаго

seiller d'Etat actuel, Membre du Collège des Affaires étrangères et grand' croix de l'ordre de St. Wladimir de la seconde classe;

et S. M. le Roi de France et de Navarre,

le sieur Louis Philippe comte de Ségur, chevalier de l'ordre royal et militaire de Saint Louis, chevalier commandeur des ordres de Saint Lazare et de Notre Dame du Mont Carmel, Membre de l'Association Américaine de Cincinnatus, colonel de Dragons et Ministre plénipotentiaire de S. M. Très-Chrétienne auprès de S. M. l' Impératrice de toutes les Russis,

lesquels plénipotentiaires, après s'être respectivement communiqués leurs pleinpouvoirs, sont entrés en conférence, et ayant mûrement discuté la matière, ont conclu et arrêté les articles suivants.

Article I.

Il y aura une paix perpétuelle, bonne intelligence et sincère amitié entre S. M. l'Impératrice de toutes les Russies et S. M. le Roi de France, leurs héritiers et successeurs de part et d'autre, ainsi qu'entre leurs sujets respectifs. A cet effet les Hautes parties contractantes s'engagent, tant pour elles-mêmes, que pour leurs héritiers et successeurs et leurs sujets sans aucune exception, non seulement à éviter tout ce qui pourrait tourner à leur préjudice respectif, mais encore à se donner mutuellement des témoignages d'affection et de bienveillance, tant par terre, que par mer et dans les eaux douces, à s'entr'aider par toute sorte de secours et de bons offices, en ce

Совѣтника, Коллегіи иностранныхъ дѣлъ члена и ордена Св. равноапостольнаго Князя Владимира большого креста второй степени кавалера;

а Е. В. Король французскій и наварскій,

Людовика Филиппа, графа Сегюра, кавалера ордена королевскаго и военнаго Св. Людовика, командора орденовъ Св. Лазаря и пресвятыя Богородицы горы Кармалскія, члена общества Американскаго цинцинатова, полковника драгунскаго и полномочнаго своего Министра при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ,

которые полномочные сообща взаимно свои полныя мочи, вступили въ переговоры и по зрѣломъ разсужденіи заключили и постановили слѣдующія статьи:

Статья I.

Да будетъ непрерывный миръ, доброе согласіе и искренная дружба между Е. В. Императрицею Всероссійскою и Е. В. Королемъ французскимъ, ихъ наслѣдниками и преемниками, съ одной и другой стороны, равно какъ и между ихъ взаимными подданными. Вслѣдствіе чего Высокія договаривающіяся стороны обязываются какъ за себя, такъ за наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ и подданныхъ безъ всякаго изъятія, не только избѣгать всего того, что могло бы обратиться въ предосужденіе одной или другой стороны, но еще и оказывать взаимно знаки благосклонности и доброжелательства какъ на сухомъ пути, такъ на морѣ и на прѣсныхъ водахъ, и дѣлать всякую

qui concerne le commerce et la navigation.

Article II.

Les sujets russes jouiront en France, ainsi que les Français en Russie, d'une parfaite liberté de commerce, conformément aux lois et règlements, qui subsistent dans les deux monarchies, sans qu'on puisse les troubler ni inquiéter en aucune manière.

Article III.

Une parfaite liberté de conscience sera accordée aux sujets français en Russie, conformément aux principes d'une entière tolérance, qu'on y accorde à toutes les religions. Ils pourront librement s'acquitter des devoirs et vacquer au culte de leurs religions, tant dans leurs maisons, que dans les églises publiques, qui y sont établies, sans éprouver jamais la moindre difficulté à cet égard. Les sujets russes en France jouiront également d'une parfaite liberté du culte de leur religion dans leurs propres maisons, à l'égal des autres nations, qui ont des traités de commerce avec la France.

Article IV.

Les deux Puissances contractantes accordent à leurs sujets respectifs dans tous les pays de leur domination, où la navigation et le commerce sont permis, les droits, franchises et exemptions dont y jouissent les nations européennes les plus favorisées, et veulent qu'en conséquence ils profitent de tous les avantages, au moyen desquels leur commerce pourra s'étendre et fleurir, de façon cependant qu'à l'exception des susdits

помощь и добрыя услуги во всемъ, что касается до торговли и плаванія.

Статья II.

Россійскіе подданные во Франціи, равно какъ и французскіе въ Россіи, имѣютъ пользоваться совершенною вольностію торговли, сообразуясь законамъ и учрежденіямъ, существующимъ въ обѣихъ монархіяхъ, безъ всякаго помѣшательства и безпокойства.

Статья III.

Совершенная свобода вѣры дозволится французскимъ подданнымъ въ Россіи на основаніи совершенной терпимости дарованной въ оной всѣмъ вѣрамъ. Они могутъ свободно исполнять должности вѣры своея, отправлять богослуженіе по ихъ закону какъ въ своихъ домахъ, такъ и въ церквахъ, не претерпѣвая въ томъ никакого и никогда затрудненія. Россійскіе подданные во Франціи будутъ равномѣрно пользоваться совершенною свободою въ отправленіи богослуженія по ихъ закону въ собственныхъ домахъ, наравнѣ съ другими народами, имѣющими трактаты торговли съ Франціею.

Статья IV.

Обѣ договаривающіяся Державы дарують взаимнымъ своимъ подданнымъ во всѣхъ земляхъ ихъ владѣній, гдѣ плаваніе и торговля позволены, права свободности и изъятія, каковыми въ оныхъ пользуются наиболѣе пріятствуемые народы, и опредѣляютъ, чтобъ они вслѣдствіе сего пользовались всѣми выгодами, посредствомъ коихъ торговля ихъ могла бы распространиться и процвѣтать, такимъ одна-

droits, franchises et prérogatives, autant qu'elles leur seront nommément accordées ci-dessous, ils soient soumis dans leur commerce et trafic aux tarifs, ordonnances et lois établies dans les Etats respectifs.

ко жъ образомъ, чтобъ исключая помянутыя права, свободности и преимущества, кои имъ будутъ имянно позволены въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, они подчинены были, по своей торговлѣ и промысламъ, тарифамъ, указамъ и законамъ введеннымъ во взаимныхъ областяхъ.

Article V.

Dans tous les ports et grandes villes de commerce des Etats respectifs, dont l'entrée et le commerce sont ouverts aux nations européennes, les deux Puissances contractantes pourront établir des Consuls-Généraux, Consuls et Vice-Consuls, qui jouiront de part et d'autre des privilèges, prérogatives et immunités, attachées à ces places dans le pays de leur résidence; mais pour ce qui regarde le jugement de leurs affaires, et relativement aux tribunaux des lieux, où ils résident, ils seront traités comme ceux des nations les plus favorisées, avec lesquelles les deux Puissances ont des traités de commerce. Les susdits Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls ne pourront point être choisis à l'avenir parmi les sujets nés de la Puissance chez laquelle ils doivent résider, à moins qu'ils n'ayant obtenu une permisson expresse de pouvoir être accrédités auprès d'elle en cette qualité. Au reste cette exception ne saurait avoir un effet rétroactif à l'égard de ceux, qui auraient été nommés aux susdites places avant la confection du présent traité.

Статья V.

Во всѣхъ портахъ и большихъ торговыхъ городахъ взаимныхъ государствъ, въ кои входъ и торговля открыты европейскимъ народамъ, обѣ договаривающіяся Державы могутъ учреждать Генеральныхъ Консуловъ, Консуловъ и Вице-Консуловъ, которые, съ одной и другой стороны, будутъ пользоваться привилегіями, преимуществами и изъятіями, присвоенными симъ званіямъ въ мѣстѣ ихъ пребыванія; но что касается до разбирательства ихъ дѣлъ, и относительно судебныхъ мѣстъ въ городахъ, гдѣ они имѣютъ свои пребыванія, съ ними поступаемо будетъ наравнѣ, какъ съ самыми благопріятствуемыми народами, съ коими обѣ Державы имѣютъ торговые трактаты. Вышепомянутые Генеральные Консулы, Консулы или Вице-Консулы, не могутъ быть впредь избираемы изъ природныхъ подданныхъ той Державы, во владѣніяхъ коея они должны имѣть свое пребываніе, развѣ получатъ особливое позволеніе быть аккредитованными при оной въ семъ качествѣ. Впрочемъ сіе исключеніе не можетъ относиться къ тѣмъ, кои были опредѣлены на вышепомянутыя мѣста до заключенія настоящаго трактата.

Article VI.

Les Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls des deux Puissances contractantes auront respectivement l'autorité exclusive sur les équipages des navires de leur nation dans les ports de leur résidence, tant pour la police générale des gens de mer, que pour la discussion et le jugement des contestations, qui pourront s'élever entre les équipages.

Article VII.

Lorsque les sujets commerçants de l'une ou de l'autre des Puissances contractantes auront entr'eux des procès ou autres affaires à régler, ils pourront d'un consentement mutuel, s' adresser à leurs propres Consuls, et les décisions de ceux-ci seront non seulement valables et légales, mais ils auront le droit de demander en cas de besoin main forte au Gouvernement pour faire exécuter leur sentence. Si l'une des deux parties ne consentait pas à recourir à l'autorité de son propre Consul, elle pourra s'adresser aux tribunaux ordinaires du lieu de sa résidence, et toutes les deux seront tenues de s'y soumettre. En cas d'avarie sur un bâtiment russe, si les Russes seuls en ont souffert, les Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls de Russie en prendront connaissance, et seront chargés de régler ce qui yaura rapport; de même si dans ce cas les Français sont seuls à souffrir des avaries survenues dans un bâtiment français, les Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls français en prendront connaissance, et seront chargés de régler ce qui y aura rapport.

Статья VI.

Генеральные Консулы, Консулы и Вице-Консулы обѣихъ договаривающихся Державъ будутъ имѣть взаимно исключительную власть надъ экипажемъ кораблей ихъ націй въ портахъ пребыванія ихъ, какъ въ разсужденіи общаго благочинія мореходцовъ, такъ разбирательства и суда споровъ, могущихъ произойти между экипажемъ.

Статья VII.

Ежели торгующіе подданные одной или другой изъ договаривающихся Державъ будутъ имѣть между собою тяжбы, или какія другія дѣла, они съ общаго согласія могутъ прибѣгнуть къ ихъ собственнымъ Консуламъ, которыхъ рѣшенія признаны будутъ не токмо дѣйствительными и законными, но они будутъ имѣть право въ случаѣ нужды просить помощи у Правленія для произведенія въ дѣйство ихъ приговора. Буде которая изъ двухъ сторонъ не захочетъ отдаться на судъ собственнаго своего Консула, оная можетъ прибѣгнуть къ обыкновеннымъ земскимъ судамъ, учрежденнымъ въ мѣстѣ пребыванія Консула, и обѣ будутъ обязаны онымъ повиноваться. Въ случаѣ аваріи или ущерба, приключившагося на россійскомъ суднѣ, ежели одни только Россіяне претерпѣли въ томъ, россійскіе Генеральные Консулы, Консулы и Вице-Консулы о томъ соберутъ свѣдѣнія и имѣютъ одни разобрать все до онаго относящееся. Равномѣрно же, буде одни только Французы претерпятъ аваріи, приключившіяся съ французскимъ судномъ, французскіе

Генеральные Консулы, Консулы и Вице-Консулы о томъ развѣдаютъ и имѣютъ одни разобрать все до оныхъ относящееся.

Article VIII.

Toutes les affaires des marchands français trafiquants en Russie seront soumises aux tribunaux établis pour les affaires des négociants, où elles seront jugées promptement d'après les lois qui y sont en vigueur, ainsi que cela se pratique avec les autres nations, qui ont des Traités de commerce avec la Cour de Russie. Les sujets russes dans les Etats de S. M. Très-Chrétienne seront également sous la protection des lois du Royaume, et traités à cet égard comme les autres nations, qui ont des Traités de commerce avec la France.

Статья VIII.

Всѣ дѣла французскихъ купцовъ, торгующихъ въ Россіи, будутъ подлежать судебнымъ мѣстамъ учрежденнымъ для купеческихъ дѣлъ, гдѣ они будутъ судимы безъ замедленія на основаніи существующихъ законовъ, такъ какъ сіе дѣлается и съ другими націями, имѣющими торговые трактаты съ россійскимъ Дворомъ. Россійскіе подданные въ областяхъ Его христіаннѣйшаго Величества будутъ равномѣрно подъ покровительствомъ законовъ Королевства, и съ ними поступаемо будетъ, какъ и съ другими націями, кои имѣютъ торговые трактаты съ Франціей.

Article IX.

Les sujets des Hautes Parties contractantes pourront s'assembler avec leurs Consuls en corps de factorie et faire entr'eux pour l'intérêt commun de la factorie les arrangements, qui leur conviendront, en tant qu'ils n'auront rien de contraire aux lois, statuts et réglements du pays ou de l'endroit où ils seront établis.

Статья IX.

Подданные Высокихъ договаривающихся сторонъ могутъ составлять съ ихъ Консулами корпусъ факторіи и дѣлать между собою для общей пользы распоряженія по ихъ соизволенію, но только бы оныя не были ни въ чемъ противны законамъ, постановленіямъ и учрежденіямъ земли, или мѣста, гдѣ они поселятся.

Article X.

Les sujets des Hautes Parties contractantes payeront pour leurs marchandises les douanes et autres droits fixés par les tarifs actuellement en force, ou qui existeront à l'avenir dans les Etats respectifs. Mais pour encourager le commerce des sujets français

Статья X.

Подданные Высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ платить за ихъ товары пошлины и другіе поборы, установленные тарифами нынѣ дѣйствующими, или впредь быть имѣющими во взаимныхъ областяхъ; но Ея Императорское Величество, дабы

avec la Russie, Sa Majesté Impériale leur accorde la prérogative de pouvoir acquitter les droits de douanes, dans toute l'étendue de son Empire, en monnaie courante de Russie, sans être assujettis à les payer comme ci-devant en rixdalers, de façon que pour chaque rixdaler il ne sera exigé d'eux que 125 copecks; mais la susdite facilité n'aura point lieu dans le port de Riga, où les sujets russes eux-mêmes doivent payer les droits de douane pour toute espèce de marchandises en rixdalers effectifs.

En réciprocité de cet avantage, S. M. Trés-Chrétienne voulant aussi de son côté promouvoir la navigation directe des sujets russes avec ses Etats, leur accorde en totalité l'exemption du droit de frêt, établi en France sur les navires étrangers; si ce n'est lorsque les navires russes chargeront des marchandises de France dans un port de France pour les transporter dans un autre port du même Royaume et les y déchargeront, auquel cas les dits navires acquitteront le droit dont il s'agit aussi longtemps que les autres nations seront obligées de l'acquitter.

ободрить торговлю французскихъ подданныхъ съ Россіею, даруетъ имъ преимущество платить пошлины во всемъ пространствѣ Ея Имперіи россійскою ходячею монетою, не подвергая ихъ попрежнему платить оныя ефимками, такимъ образомъ, что за каждый ефимокъ будетъ отъ нихъ взимаемо только по 125 копѣекъ; однакожъ вышепомянутое облегченіе не касается до Рижскаго порта, въ коемъ и сами россійскіе подданные должны платить пошлины за всякіе товары настоящими ефимками.

Во взаимство сея выгоды Его христіаннѣйшее Величество, желая такожъ споспѣшествовать безпосредственному плаванію россійскихъ подданныхъ въ его областяхъ, освобождаетъ ихъ совершенно отъ учрежденныхъ во Франціи пошлинъ съ фрахта, взимаемыхъ съ иностранныхъ судовъ, развѣ суда россійскія нагрузятся французскими товарами въ французскомъ портѣ, для перевозу ихъ въ другой портъ того же государства и оные тамъ выгрузятъ, въ которомъ случаѣ реченныя суда должны будутъ платить ту пошлину до тѣхъ поръ, пока другіе народы къ платежу оныя будутъ обязаны.

Article XI.

Afin de favoriser encore plus particulièrement le commerce direct entre les provinces méridionales des Etats respectifs, Sa Majesté Impériale s'engage à faire participer les négociants français à l'avantage accordé à ses sujets par le 6-me article de son Edit du 27 septembre 1782, servant d'introduction au tarif général des douanes de Russie, énoncée en ces termes: „Quoique ce tarif général doive servir aussi

Статья XI.

Къ вящшему еще ободренію безпосредственной торговли между полуденными провинціями взаимныхъ государствъ, Ея Императорское Величество обязуется позволить французскимъ купцамъ соучаствовать въ выгодѣ, дарованной ея поданнымъ 6 статьею указа отъ 27 сентября 1782 года, служащаго введеніемъ къ общему тарифу россійскихъ таможенъ, который гласитъ слѣдующее: „Хотя сей общій тарифъ

pour tous Nos ports, situés sur la mer Noire et sur celle d'Asoph, cependant Nous diminuons dans les dits ports d'un quart les droits fixés par ce tarif, afin d'y encourager le commerce de Nos sujets et des nations, avec lesquelles Nous stipulerons à cet égard des avantages réciproques, en compensation des prérogatives qu'elles accorderont à Notre commerce. Excluant cependant de cette diminution les marchandises, nommément spécifiées dans le présent tarif, comme devant payer les mêmes droits dans les ports de la mer Noire, que dans les autres douanes de Notre Empire, aussi bien que celles pour lesquelles le présent tarif détermine des droits particuliers dans les ports de la mer Noire".

En faveur de cet avantage, le Roi Très-Chrétien entend, que les denrées et marchandises russes, venant des dits ports dans celui de Marseille ou autres soient exemptes du droit de 20 pour cent et de 10 par livre qui font ensemble 30 pour cent, que les étrangers sont obligés de payer pour les marchandises du Levant, qu'ils y introduisent, à condition que les capitaines des bâtiments russes fourniront la preuve authentique par des certificats des Consuls ou Vice-Consuls de France, ou à leur défaut des douaniers ou juges locaux, que ces denrées ou marchandises sont du crû de la Russie, et ont été expédiées des dits ports et non d'autres, non plus que d'aucune place de la domination de la Porte Ottomanne.

имѣетъ служить и для всѣхъ портовъ нашихъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ лежащихъ; но мы для ободренія тамошняго торга уменьшаемъ платежъ пошлинъ по оному четвертою частію въ пользу подданныхъ нашихъ и тѣхъ народовъ, съ которыми будутъ у насъ сдѣланы точныя о томъ постановленія въ замѣну пріобрѣтаемыхъ отъ нихъ выгодъ и облегченій для россійской торговли. Исключаются изъ таковаго уменьшенія въ пошлинахъ тѣ товары, о коихъ именно въ тарифѣ показано, чтобъ собирать съ нихъ пошлину и въ черноморскихъ портахъ наравнѣ съ другими таможнями, или гдѣ точно же сказано въ томъ тарифѣ, какую пошлину при черноморскихъ портахъ брать".

Въ соотвѣтствованіе сея выгоды Его Христіаннѣйшее Величество соизволяетъ, чтобъ россійскіе съѣстные припасы и товары, привозимые изъ помянутыхъ портовъ въ Марсельскій или другіе, были свободны отъ пошлины, платимой по 20 со ста и по 10 су съ ливра, что составляетъ вмѣстѣ 30 со ста, кои обязаны платить иностранцы съ привозимыхъ ими въ оные левантскихъ товаровъ, съ тѣмъ только, чтобъ капитаны или корабельщики россійскихъ судовъ предъявляли неоспоримое доказательство чрезъ свидѣтельства Консуловъ или Вице-Консуловъ французскихъ, или гдѣ оныхъ нѣтъ, отъ таможенныхъ надзирателей, или отъ мѣстныхъ судей, что оные съѣстные припасы или товары суть точно произращенія россійскія, и отправлены изъ реченныхъ портовъ, а не изъ другихъ, ниже изъ какого-либо мѣста владѣній Оттоманской Порты.

Il est convenu que les vaisseaux russes, expédiés des ports de la mer Noire, ne pourront aborder que dans ceux de Marseille et de Toulon, les seuls où il soit permis aux vaisseaux français de se présenter.

Quant aux droits qui se perçoivent dans les ports de la Méditerrannée sur les vaisseaux et les marchandises étrangères, le Roi Très-Chrétien déclare; que les bâtiments russes, venant de la mer Noire, seront traités à l'égal des français.

Сверхъ того соглашенось, чтобъ россійскія суда, отправляющіяся изъ черноморскихъ портовъ, не приставали въ другіе порты, кромѣ Марсельскаго и Тулонскаго, въ кои одни только позволено входить и французскимъ судамъ.

Что же касается до поборовъ въ портахъ Средиземнаго моря, взимаемыхъ съ иностранныхъ кораблей и товаровъ, Его Христіаннѣйшее Величество объявляетъ, что съ россійскими судами, приходящими изъ Чернаго моря, будетъ поступаемаго наравнѣ съ французскими.

Article XII.

S. M. l'Impératrice de Russie, pour contribuer de son mieux à l'extension du commerce et de la navigation directs des sujets de S. M. Très-Chrétienne dans les Etats de sa domination, leur accorde encore les avantages suivants:

1) Tous les vins de France, hors ceux de Bourgogne et de Champagne, qui seront importés en Russie par les ports la mer Baltique et de la mer Blanche sur des navires russes ou français, et pour compte des sujets respectifs y jouiront d'une diminution de 3 roubles de droits d'entrée sur chaque oxhofft ou barrique de 240 bouteilles, de manière qu'au lieu de 15 roubles, qu'en vertu du tarif général ces vins ont payé jusqu'ici par oxhofft, ils ne payeront à l'avenir que 12 roubles; et lorsque les dits vins entreront en Russie par les ports de la mer Noire et sous la même condition d'être propriété russe ou française et chargés sur des navires appartenants à l'une ou à l'autre nation, ils jouiront

Статья XII.

Е. В. Императрица Всероссійская, для вящшаго споспѣшествованія распространенію бозпосредственной торговли и мореплаванія подданныхъ Его Христіаннѣйшаго Величества въ областяхъ своего владѣнія даруетъ имъ слѣдующія выгоды:

1) Всѣ французскія вина, выключая бургонскія и шампанскія, кои будутъ привозимы въ Россію чрезъ порты Балтійскаго и Бѣлаго морей, на россійскихъ или французскихъ судахъ и на счетъ взаимныхъ подданныхъ, будутъ пользоваться въ оныхъ, съ каждаго оксофта мѣрою въ 240 бутылокъ, сбавкою трехъ рублей пошлинъ съ привоза, такъ что, вмѣсто 15 рублей, платимыхъ до сего по общему тарифу съ оксофта сихъ винъ, будутъ впредь платить только 12 рублей. Но когда помянутыя вина привезены будутъ въ Россію чрезъ черноморскіе порты и подъ тѣмъ же условіемъ, что они собственные Россіянъ или Французовъ и нагружены на корабли, принадле-

outre la diminution susdite du bénéfice de 25 pour cent, que le tarif général accorde pour l'encouragement du commerce des ports de la mer Noire, et par conséquent les droits d'entrée de ces vins y seront reduits à 9 roubles par oxhofft. Il s'ensuit qu'aussitôt que les vins en question cesseront d'être propriété russe ou française, ou qu'ils seront importés dans les ports de Russie sur des navires étrangers, ils ne pourront plus participer aux avantages susmentionnés, mais ils seront strictement assujettis au tarif général.

жащіе тому или другому народу; оные будутъ пользоваться, кромѣ вышеозначеннаго уменьшенія, уступкою 25 процентовъ со ста, которая общимъ тарифомъ даруется въ ободреніе торговли черноморскихъ портовъ, и, слѣдовательно, пошлина съ привоза сихъ винъ будетъ взимаема въ оныхъ только по 9 рублей съ оксофта. Изъ сего слѣдуетъ, что какъ скоро помянутыя вина не будутъ принадлежать Россіянамъ или Французамъ, или если оныя будутъ привезены въ россійскіе порты на чужихъ судахъ, то оныя не будутъ уже болѣе участвовать въ вышеписанныхъ выгодахъ, но имѣютъ точно подлежать общему тарифу.

2) Les vins de Champagne et de Bourgogne jouiront d'une diminution de 10 copecks par bouteille de droits d'entrée dans les ports de la mer Baltique et de la mer Blanche, de sorte que le premier de ces vins, qui d'après le tarif général a payé jusqu'ici 60 copecks par bouteille, ne payera plus que 50 copecks; et l'autre sera porté de 50 à 40 copeck par bouteille. Il sera outre cela accordé à ces vins en sus de la dite diminution le bénéfice de 25 pour cent pour les ports de la mer Noire, moyennant lequel les droits d'entrée pour le Champagne y seront reduits à $37^1/_2$ copecks par bouteille et ceux de Bourgogne à 30 copecks par bouteille. Dans l'un toute fois comme dans l'autre cas cette importation se sera également sur des navires russes ou français et pour compte des sujets respectifs, puisque si ces vins n'étaient pas de la propriété de l'une ou de l'autre nation, ou qu'ils fussent importés sur des navires étrangers, ils seront absolument soumis au tarif général.

2) Шампанскія и бургонскія вина будутъ пользоваться уменьшеніемъ 10 копѣекъ съ бутылки въ пошлинѣ съ привоза въ портахъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, такимъ образомъ, что съ перваго изъ сихъ винъ, съ котораго по общему тарифу платилось донынѣ по 60 копѣекъ съ бутылки, будетъ платиться по 50 коп.; а съ другаго вмѣсто 50, по 40 копѣекъ съ бутылки. Сверхъ сего, кромѣ вышепомянутой сбавки съ сихъ винъ, будетъ сдѣлана уступка 25 процентовъ со ста въ черноморскихъ портахъ, посредствомъ которой пошлина съ привоза шампанскаго вина будетъ взимаема въ оныхъ по $37^1/_2$ коп. съ бутылки, а съ бургонскаго по 30 копѣекъ съ бутылки. Въ обоихъ же случаяхъ сей привозъ долженъ быть равномѣрно на россійскихъ или французскихъ судахъ и на счетъ взаимныхъ подданныхъ; ибо если сіи вина не будутъ принадлежать тому, или другому народу, или привезутся на чужихъ судахъ, то

3) Les savons de Marseille que les sujets français importeront dans les Etats de Russie, jouiront pareillement d'une diminution de droits, de sorte qu'au lieu de 6 roubles par poud, qu'ils ont payés jusqu'à présent, il ne seront plus soumis qu'à la même taxe, que payent actuellement les savons pareils de Venise et de Turquie, savoir un rouble par poud.

En compensation de cet avantage S. M. le Roi Très-Chrétien accorde:

1) Que les fers de Russie en, barres ou en assortiment lorsqu'ils seront importés sur des vaisseaux français ou russes ne seront assujettis qu'aux mêmes droits que payent ou payeront les fers de la nation la plus favorisée.

2) Que les suifs en pain, 3) les cires jaunes et blanches en balles et en grain venant de Russie jouiront d'une diminution de 20 pour cent sur les droits d'entrée, que payent aujourd'hui en France les susdites denrées par le tarif actuel.

Il est entendu, que cette diminution n'aura lieu que lorsque ces denrées seront transportées sur des navires français ou russes.

Article XIII.

Le but des Hautes Parties contractantes en accordant les avantages stipulés dans les Articles précédents X, XI et XII étant uniquement d'encourager le commerce et la navigation directs entre les deux Monarchies, les sujets respectifs ne jouiront des dites prérogatives et exemptions qu'à condition de prouver la propriété de leurs marchandises par des certificats en due forme,

оныя совершенно имѣютъ подлежать общему тарифу.

3) На мыло марсельское, привозимое подданными французскими въ области россійскія, будетъ такъ же сдѣлана сбавка въ пошлинахъ, такъ что вмѣсто 6 рублей съ пуда, которые они до нынѣ платили, будутъ платить равную пошлину каковая теперь платится съ подобныхъ венеціанскаго и турецкаго мылъ, то есть по рублю съ пуда.

Въ замѣну сея выгоды, Е. В. христіаннѣйшій Король обѣщаетъ:

1) Чтобы россійское полосное или сортовое желѣзо, привезенное на французскихъ или россійскихъ судахъ, подлежало равнымъ пошлинамъ, каковыя взимаютъ или будутъ взиматься съ желѣза наиболѣе пріятствуемаго народа.

2) Пошлину съ привоза сала въ кринкахъ, 3) съ воску желтаго и бѣлаго въ каткахъ и въ сотахъ, привозимыхъ изъ Россіи, уменшить 20 со ста, которая взимается нынѣ съ помянутыхъ товаровъ во Франціи по настоящему тарифу.

Разумѣется однакожъ, что сіе уменшеніе тогда только настоять имѣетъ, когда сіи товары будутъ привезены на россійскихъ или французскихъ судахъ.

Статья XIII.

Какъ намѣреніе Высокихъ договаривающихся Сторонъ въ позволеніи прописанныхъ, въ X, XI и XII статьяхъ, выгодъ, клонится единственно къ ободренію безпосредственной торговли и мореплаванія между обѣими монархіями; то взаимные подданные будутъ пользоваться означенными преимуществами и изъятіями не инако, какъ по доказательствамъ собственности своихъ

et les deux Puissances contractantes s'engagent réciproquement à publier chacune de son côté une défense expresse à leurs sujets d'abuser de ces avantages en se donnant pour propriétaires de navires ou de marchandises, qui ne leur appartiendraient pas, sous peine à celui ou à ceux, qui auraient ainsi fraudé les droits en prêtant leur nom à quelqu'autre négociant étranger, d'être traité selon la rigueur des lois et réglements émanés à cet égard dans les Etats respectifs.

товаровъ, свидѣтельствами въ надлежащей формѣ, и обѣ договаривающіяся Державы обязуются взаимно обнародовать каждая съ своей стороны строгое запрещеніе подданнымъ своимъ употреблять во зло сіи выгоды называясь хозяевами кораблей или товаровъ имъ непринадлежащихъ, подъ опасеніемъ, что съ тѣмъ или съ тѣми, кои такимъ образомъ учинятъ подлогъ въ пошлинахъ, позволяя принимать имя свое другому какому иностранному купцу, будетъ поступлено по строгости законовъ и учрежденій установленныхъ для сего во взаимныхъ областяхъ.

Article XIV.

Pour constater la propriété française des marchandises importées en Russie, on devra produire des certificats en due forme des Consuls Généraux, Consuls ou Vice-Consuls de Russie résidants en France; mais si le navire a fait voile d'un port, où il n'y ait pas de Consul Général, Consul ou Vice-Consul de Russie, on se contentera de pareils certificats, soit du Magistrat du lieu, soit de la douane ou de telle autre personne, préposée à cet effet.

Les Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls de Russie en France ne pourront rien exiger au delà de la valeur d'un rouble réduit en monnaie de France pour l'expédition d'un tel certificat ou autre document de cette espèce.

Pour constater pareillement la propriété russe des marchandises importées en France on devra produire des certificats des Consuls-Généraux, Consuls

Статья XIV.

Для удостовѣренія о собственности французской, касательно товаровъ, привезенныхъ въ Россію, должно будетъ предъявить въ надлежащей формѣ свидѣтельства отъ Генеральныхъ Консуловъ, Консуловъ или Вице-Консуловъ россійскихъ во Франціи; но буде корабль шелъ изъ порта, гдѣ нѣтъ Генеральнаго Консула, Консула или Вице-Консула россійскаго, тогда достаточными признаны будутъ таковыя свидѣтельства отъ тамошняго магистрата, или отъ таможни, или отъ какой другой къ сему опредѣленной особы.

Россійскіе Генеральные Консулы, Консулы или Вице-Консулы во Франціи, за выдачу таковаго свидѣтельства, или другого какого ни есть подобнаго сему вида, не могутъ требовать ничего сверхъ одного рубля приведеннаго во французскую монету.

Равнымъ образомъ для утвержденія собственности россійской касательно товаровъ, привезенныхъ во Францію, должно будетъ представить также сви-

ou Vice-Consuls de France, résidants en Russie, également rédigés en due forme; mais si le navire a fait voile d'un port, où il n'y ait pas de Consul-Général, Consul ou Vice-Consul de France, on se contentera d'un tel certificat de la douane ou du Magistrat du lieu, d'où le navire aura été expédié.

Les dits Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls ne pourront rien exiger au delà d'un rouble pour l'expédition, soit d'un tel certificat, soit d'un acquit à caution, ou autre document nécessaire.

дѣтельства въ надлежащей формѣ отъ Генеральныхъ Консуловъ, Консуловъ или Вице-Консуловъ французскихъ, пребывающихъ въ Россіи. Но буде корабль шелъ изъ порта, гдѣ нѣтъ Генеральнаго Консула, Консула или Вице-Консула французскаго, довольно будетъ таковаго свидѣтельства отъ таможни или магистрата того мѣста, откуда корабль отправился.

Реченные Генеральные Консулы, Консулы или Вице-Консулы, не могутъ требовать ничего сверхъ одного рубля за доставленіе таковаго свидѣтельства или письменнаго ручательства, или какого другого нужнаго доказательства.

Article XV.

Les Hautes Parties contractantes conviennent que leurs Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls, négociants et marchands, qui ne seront point naturalisés jouiront réciproquement dans les deux Etats de toutes les exemptions d'impôts et charges personnels, dont jouissent ou jouiront dans les mêmes Etats les Consuls-Généraux, Consuls ou Vice-Consuls, négociants et marchands de la nation la plus favorisée.

Les sujets respectifs qui obtiendront des lettres de naturalité, ou le droit de bourgeoisie, soit en Russie, soit en France, seront tenus à supporter les mêmes charges et taxes imposées sur les sujets nés de l'Etat, attendu qu'ils jouiront aussi d'une parfaite égalité d'avantages avec ceux-ci.

Статья XV.

Высокія договаривающіяся Стороны соглашаются, чтобъ Генеральные ихъ Консулы, Консулы или Вице-Консулы, торгующіе люди и купцы, кои не будутъ натурализованы, взаимно въ обѣихъ Державахъ свободны были отъ налоговъ и личныхъ тягостей, отъ коихъ увольняются или впредь будутъ уволены въ сихъ самыхъ государствахъ Генеральные Консулы, Консулы или Вице-Консулы, торгующіе люди и купцы наиболѣе пріятствуемаго народа.

Взаимные подданные, кои будутъ натурализованы или пріобрѣтутъ право мѣщанства въ Россіи или во Франціи, обязаны сносить равныя тягости и подати, какими обложены природные подданные государства, поелику они наравнѣ съ сими будутъ пользоваться всѣми выгодами.

Article XVI.

Les nations qui sont liées avec la France par des traités de commerce

Статья XVI.

Какъ народы, сопряженные съ Франціею торговыми трактатами, освобо-

étant affranchies du droit d'aubaine dans les Etats de S. M. Très-Chrétienne, Elle consent, que les sujets russes ne soient pas réputés aubains en France et conséquement ils seront exempts du droit d'aubaine ou autre droit semblable sous quelle dénomination qu'il puisse être; ils pourront librement disposer par testament, donation ou autrement de leurs biens meubles et immeubles en faveur de telles personnes que bon leur semblera, et lesdits biens délaissés par la mort d'un sujet russe seront dévolus sans le moindre obstacle à ses héritiers légitimes par testament ou *ab intestat*, soit qu'ils résident en France ou ailleurs, sans qu'ils aient besoin d'obtenir des lettres de naturalité, et sans que l'effet de cette concession puisse leur être contesté ou empêché sous quelque prétexte que ce soit.

Ils seront également exempts du droit de détraction ou autre de ce genre, aussi longtemps qu'il n'en sera point établi de pareils dans les Etats de S. M. l'Impératrice de toutes les Russies.

Les susdits héritiers présents, ainsi que les exécuteurs testamentaires pourront se mettre en possession de l'héritage dès qu'ils auront légalement satisfait aux formalités prescrites par les lois de S. M. Très-Chrétienne et ils disposeront selon leur bon plaisir de l'héritage, qui leur sera échu après avoir acquitté les autres droits établis par les lois et non désignés dans le présent Article.

Mais si les héritiers étaient absents ou mineurs et par conséquent hors d'état de faire valoir leurs droits, dans

ждены отъ права называемаго droit d'aubaine, то Его Величество соизволяетъ, чтобъ и россійскіе подданные не подлежали оному во Франціи, и слѣдовательно, были бы свободны отъ реченнаго или другого подобнаго сему права, подъ какимъ бы названіемъ оное ни было; они вольны отказывать, дарить или инако располагать своимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, въ пользу тѣхъ, кому имъ за благо разсудится, и помянутыя имѣнія, оставшіяся по смерти россійскаго подданнаго, будутъ возвращены безъ малѣйшаго препятствія, по завѣщанію, или безъ онаго, законнымъ его наслѣдникамъ, во Франціи ли живущимъ или индѣ, не требуя, чтобъ они были натурализованы, и не дѣлая имъ въ исполненіи по сему уступленію никакихъ прекословій, или затрудненій подъ какимъ бы то предлогомъ ни было.

Они будутъ тако жъ свободны отъ учетнаго права (Droit de détraction) или другого сего рода, до тѣхъ поръ, пока не будетъ учреждено таковыхъ же въ областяхъ Е. В. Императрицы Всероссійской.

Вышереченные наслѣдники, налицо находящіеся, равно какъ и исполнители завѣщанія, могутъ вступить въ наслѣдство, какъ скоро законно удовлетворятъ обрядамъ, предписаннымъ законами Его Христіаннѣйшаго Величества, и располагать по ихъ волѣ наслѣдствомъ, которое имъ выдано будетъ по внесеніи ими другихъ податей, учрежденныхъ законами и не означенныхъ въ сей статьѣ.

Но если наслѣдники въ отсутствіи или малолѣтны и, слѣдовательно, не въ состояніи вступить въ право свое, въ

ce cas l'inventaire de toute la succession devra être fait sous l'autorité des juges du lieu par un notaire public, accompagné du Consul ou Vice-Consul de Russie, s'il y en a un dans l'endroit, et sous l'inspection du Procureur du Roi ou du Procureur-Fiscal. Et s'il n'y avait pas de Consul ou Vice-Consul dans l'endroit on appellera comme témoins deux personnes dignes de foi. Après ce préalable la succession sera déposée entre les mains du Consul ou Vice-Consul, ou à son défaut, entre les mains de deux personnes désignées par le procureur du Roi ou Procureur-Fiscal, afin que les dits biens soient gardés pour les légitimes héritiers ou véritables propriétaires.

En cas qu'il y ait des mineurs et qu'il ne se présentât en France aucun parent, qui pût remplir par provision la tutele ou curatele, elle sera confiée au Consul ou Vice-Consul de Russie, ou à son défaut à une personne désignée par le Procureur du Roi ou le Procureur-Fiscal, jusqu'à ce que les parents du défunt aient nommé un tuteur ou curateur; dans le cas, où il s'éleverait des contestations sur l'héritage d'un Russe mort en France les tribunaux du lieu, où les biens du défunt se trouveront, devront juger le procès suivant les lois de la France.

Quoique les Russes doivent jouir en France de tous les droits attachés à la propriété, de même que les Français et l'acquérir par les mêmes voies légitimes sans avoir besoin de lettres de naturalité pendant le temps de leur séjour dans le Royaume; ils ne pourront

такомъ случаѣ опись всего наслѣдства должна быть сдѣлана, подъ начальствомъ судей того мѣста, публичнымъ нотаріусомъ, обще съ Консуломъ или Вице-Консуломъ россійскимъ, буде оный тамъ будетъ, и подъ присмотромъ королевскаго прокурора или прокурора-фискала; но буде нѣтъ тамъ Консула или Вице-Консула, то призвать двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей. По сдѣланіи же сего, наслѣдство будетъ поручено Консулу или Вице-Консулу, а въ небытность онаго, двумъ особамъ назначеннымъ отъ королевскаго прокурора или прокурора-фискала, дабы помянутое имѣніе было сохранено для законныхъ наслѣдниковъ или прямыхъ хозяевъ.

Когда же наслѣдники будутъ малолѣтны и во Франціи не явится никого изъ родственниковъ, который бы могъ на случай принять опеку или смотрѣніе, оная будетъ ввѣрена Консулу или Вице-Консулу россійскому, а въ небытность онаго, особѣ назначенной королевскимъ прокуроромъ или прокуроромъ-фискаломъ, до тѣхъ поръ, пока родственники умершаго назначатъ опекуна или попечителя; если о наслѣдствѣ Россіянина умершаго во Франціи, произошли бы какіе споры, суды того мѣста, гдѣ находится имѣніе умершаго, должны будутъ разбирать тяжбу на основаніи французскихъ законовъ.

Хотя Россіяне имѣютъ пользоваться во Франціи всѣми правами, принадлежащими къ собственности наравнѣ съ Французами и оную пріобрѣтать тѣми же законными путями, не имѣя нужды быть натурализованы во время ихъ жительства въ королевствѣ; но

néanmoins conformément aux lois établies pour les étrangers posséder aucun office, dignités, bénéfices, ni remplir aucune fonction publique, à moins d'avoir obtenu des lettres-patentes à ce nécessaires, duement enregistrées dans les Cours souveraines du Royaume.

Bien que le droit d'aubaine n'existe pas en Russie S. M. l'Impératrice de toutes les Russies, afin de prévenir tout doute quelconque à cet égard, s'engage à faire jouir dans toute l'étendue de son Empire les sujets du Roi Très-Chrétien d'une entière et parfaite réciprocité relativement aux stipulations renfermées dans le présent Article.

они не могутъ однакожъ, вслѣдствіе установленныхъ законовъ о иностранцахъ, имѣть никакого служенія, достоинства, помѣстій, ниже отправлять какое-либо публичное званіе, не получа на то нужнаго патента, записаннаго надлежащимъ образомъ въ главныхъ судахъ королевства.

Хотя вышеписанное право droit d'aubaine и не существуетъ въ Россіи, однако жъ Е. В. Императрица Всероссійская, для предваренія въ семъ всякаго сомнѣнія, обѣщаетъ позволить во всемъ пространствѣ своей Имперіи подданнымъ Его Христіаннѣйшаго Величества пользоваться полною и совершенною взаимностію относительно постановленій, заключающихся въ сей статьѣ.

Article XVII.

Pour prévenir les fraudes des droits de douane soit par la contrebande, soit de quelqu'autre manière, les Hautes Parties contractantes conviennent réciproquement, que pour tout ce qui regarde la visite des navires marchands, les déclarations des marschandises, le temps de les présenter, la manière de les vérifier et en général pour tout ce qui concerne les précautions à prendre contre la contrebande et les peines à infliger aux contrebandiers, l'on observera dans chaque pays les lois, réglements et coutumes, qui y sont établis, ou qu'on y établira à l'avenir.

Dans tous les cas susmentionnés les deux Puissances contractantes s'engagent réciproquement à ne pas traiter les sujets respectifs avec plus de rigueur que ne le sont leurs propres sujets,

Статья XVII.

Для предупрежденія обмановъ въ таможенныхъ пошлинахъ чрезъ заповѣдные товары или инымъ какимъ образомъ, Высокія договаривающіяся Стороны соглашаются взаимно во всемъ, что касается до осмотра купеческихъ судовъ, объявленія товаровъ, времени подачи оныхъ, образа ихъ повѣрять и вообще во всемъ, что надлежитъ до предосторожностей, каковыя должно предпринимать въ разсужденіи контрабанды и наказанія контрабандщиковъ, поступать въ каждомъ государствѣ, по законамъ, учрежденіямъ и обычаямъ, тамъ установленнымъ или впредь установиться имѣющимъ.

Во всѣхъ же вышеозначенныхъ случаяхъ обѣ договаривающіяся Державы обязываются равномѣрно съ взаимными подданными поступать не строже, какъ поступаютъ съ собственными своими

lorsqu'ils tombent dans les mêmes contraventions.

Article XVIII.

Lorsque les navires russes ou français seront obligés soit par des tempêtes, soit pour se soustraire à la poursuite des ennemis ou de quelque pirate ou enfin pour quelqu'autre accident, de se refugier dans les ports des Etats respectifs, ils pourront s'y radouber, se pourvoir de toutes les choses nécessaires et se mettre en mer librement, sans subir la moindre visite, ni payer aucuns droits de douane, ni d'entrée, excepté seulement les droits de fanaux et de ports, pourvu que pendant leur séjour dans ces ports, on ne tire aucune marchandise des dits navires, encore plus qu'on n'expose quoi que ce soit en vente; mais si le maître ou patron d'un tel navire jugeait à propos de vendre quelque marchandise, il sera tenu à se conformer aux lois, ordonnances et tarifs de l'endroit, où il aura abordé.

Article XIX.

Les vaisseaux de guerre des deux Puissances contractantes trouveront également dans les États respectifs les rades, rivières, ports et havres ouverts, pour entrer ou sortir, demeurer à l'ancre tant qu'il leur sera nécessaire sans subir aucune visite en se conformant aux lois générales de police et à celles des bureaux de santé, établis dans les États respectifs. Dans les ports fortifiés des villes, où il y a garnison, il ne pourra pas entrer plus de cinq vaisseaux de guerre à la fois, à moins qu'on n'en ait obtenu la permission pour un plus grand nombre.

подданными, впадшими въ подобныя преступленія.

Статья XVIII.

Ежели россійскія, или французскія суда бурею или для спасенія себя отъ погони непріятельской, или морскихъ разбойниковъ, или какимъ другимъ случаемъ будутъ принуждены входить въ порты взаимныхъ областей; то они могутъ тамъ починиваться, запасаться всѣмъ нужнымъ и плыть свободно въ море, не подвергаясь никакому осмотру ни платежамъ таможенныхъ пошлинъ ниже за входъ, выключая только пошлины маячныя и портовыя, лишь бы оныя во время своего пребыванія въ сихъ портахъ не выносили никакихъ товаровъ съ помянутыхъ судовъ, а тѣмъ меньше ничего бы въ продажу не пускали; но, буде хозяинъ или начальникъ таковаго судна разсудитъ за благо продать какой товаръ, то обязанъ согласоваться законамъ, указамъ и тарифамъ того мѣста гдѣ онъ присталъ.

Статья XIX.

Военные корабли обѣихъ договаривающихся Державъ будутъ имѣть такъ же во взаимныхъ областяхъ, рейды, рѣки, порты и пристани, отверстые для входа или выхода, стоянія на якоряхъ, сколько имъ нужно будетъ, не подвергаясь никакому осмотру, только бы сообразовались съ общими законами благочинія и карантинными постановленіями учрежденными во взаимныхъ областяхъ. Въ укрѣпленные же порты городовъ, гдѣ есть гарнизоны, не могутъ войти вмѣстѣ болѣе пяти военныхъ кораблей, не истребовавъ особаго дозволенія на входъ превосходнаго числа.

On facilitera aux dits vaisseaux de guerre les moyens de se ravitailler et radouber dans les ports respectifs en leur fournissant les vivres et rafraichissements au prix courant francs et libres de droits de douane, ainsi que les agrêts, bois, cordages et apparaux, qui leur seront nécessaires au prix courant des arsenaux des Etats respectifs autant que le besoin pressant de l'Etat n'y mettra pas un obstacle légitime.

Симъ военнымъ кораблямъ облегчены будутъ средства къ снабженію себя нужными припасами, къ починкѣ кораблей во взаимныхъ портахъ, доставляя имъ съѣстное и питейное по настоящей цѣнѣ и безъ платежа таможенныхъ пошлинъ, равно какъ и корабельныя снасти, лѣсъ, канаты и прочіе снаряды, кои имъ понадобятся, по настоящей же цѣнѣ въ арсеналахъ взаимныхъ областей, буде только государственная крайняя нужда законно въ томъ не воспрепятствуетъ.

Article XX.

Les Hautes Parties contractantes pour éviter toutes les difficultés, auxquelles les différents pavillons et les différents grades des officiers donnent lieu, lorsqu'il est question des saluts en mer ou à l'entrée des ports, sont convenues de déclarer, qu'à l'avenir les saluts n'auront plus lieu ni en mer, ni à l'entrée des ports entre les vaisseaux des deux nations de quelqu'espèce qu'ils soient, et quelque soit le grade des officiers, qui les commanderont.

Статья XX.

Высокія договаривающіяся Стороны для избѣжанія всѣхъ затрудненій, къ коимъ подаютъ поводъ разные флаги, и разныя степени офицерскихъ чиновъ при случаѣ салютація на морѣ, или при входѣ въ порты, согласились объявить, что впредь не будетъ никакихъ салютацій ни на морѣ, ни при входѣ въ порты между кораблями обоихъ народовъ, какого бы они рода ни были, и какую бы степень ни имѣли командующіе оными офицеры.

Article XXI.

Aucun vaisseau de guerre d'une des Puissances contractantes, ni personne de son équipage ne pourra être arrêté dans les ports de l'autre Puissance. Les commandants des dits vaisseaux devront s'abstenir scrupuleusement de donner aucun asile sur leurs bords aux déserteurs, contrebandiers, fugitifs quels qu'ils soient, criminels ou malfaiteurs et ne devront faire aucune difficulté de les livrer à la réquisition du gouvernement.

Статья XXI.

Никакой военной корабль одной изъ договаривающихся Державъ, ниже кто-либо изъ экипажа онаго, не можетъ быть задержанъ въ портахъ другой Державы; начальники же сихъ кораблей должны рачительно воздерживаться, чтобъ не давать никакого убѣжища на своихъ корабляхъ дезертерамъ, контрабандщикамъ и другимъ какимъ бы то ни было бѣглецамъ, преступникамъ или злодѣямъ и не дѣлать ни малѣйшаго затрудненія въ выдачѣ оныхъ по требованію правительства.

Article XXII.

Aucun bâtiment marchand des sujets respectifs ni personne de son équipage ne pourra être arrêté ni les marchandises saisies dans les ports l'autre Puissance, excepté le cas de saisie ou d'arrêt de justice, soit pour dettes personnelles contractées dans le pays même par les propriétaires du navire ou de sa cargaison, soit pour avoir reçu à bord des marchandises déclarées contrebande par le tarif des douanes; soit pour y avoir recélé des effets qui y auraient été cachés par des banqueroutiers ou autres débiteurs au préjudice de leurs créanciers légitimes; soit pour avoir voulu favoriser la fuite ou l'évasion de quelque déserteur de troupes de terre ou de mer, de contrebandiers ou de quelqu'autre individu que ce soit, qui ne serait pas muni d'un passeport légal: De tels fugitifs devant être remis au gouvernement aussi bien que les criminels, qui auraient pu se réfugier sur un tel navire; mais le gouvernement dans les Etats respectifs apportera une attention particulière à ce que les dits navires ne soient pas retenus plus longtemps qu'il ne sera absolument nécessaire.

Dans tous les cas susmentionnés, ainsi qu'à l'égard des délits personnels, chacun sera soumis aux peines établies par les lois du pays où le navire et l'équipage auront abordé et l'on y procédera selon les formes judiciaires de l'endroit où le délit aura été commis.

Статья XXII.

Никакое купеческое судно взаимныхъ подданныхъ и никто изъ его экипажа не можетъ быть задержанъ, ни товары захвачены въ портахъ другой Державы, выключая случай судебнаго задержанія, или захвата по долгамъ ли личнымъ нажитымъ въ той землѣ хозяевами ли судна или груза онаго или за принятіе на корабль заповѣдныхъ по таможеннымъ тарифамъ товаровъ; или за утайку вещей, кои на ономъ будутъ спрятаны банкрутами или другими должниками во вредъ ихъ законныхъ заимодавцовъ, или за умыслъ ихъ способствовать въ побѣгѣ или укрывательствѣ какому-либо дезертеру сухопутныхъ или морскихъ силъ, контрабандщикамъ или кому другому не имѣющему законнаго паспорта; ибо таковые бѣглецы должны быть выданы правительству, равно какъ и преступники, кои могли бы скрыться на такомъ суднѣ; но правительство во взаимныхъ областяхъ будетъ имѣть особенное вниманіе, чтобъ помянутые корабли не были задерживаемы долѣе надлежащаго.

Во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ, равно и въ личныхъ преступленіяхъ каждый будетъ подверженъ наказаніямъ по законамъ установленнымъ въ той землѣ, гдѣ пристанетъ судно и служители онаго, и судимъ по обрядамъ того мѣста, гдѣ преступленіе учинено.

Article XXIII.

Si un matelot déserte de son vaisseau il sera livré à la réquisition du

Статья XXIII.

Ежели матросъ бѣжитъ съ своего судна, оной выданъ будетъ по требо-

maître ou patron de l'équipage auquel il appartiendra, et en cas de rébellion le propriétaire du navire ou le patron de l'équipage pourra requérir main forte pour ranger les révoltés à leur devoir, ce que le gouvernement dans les Etats respectifs devra s'empresser de lui accorder, ainsi que tous les secours, dont il pourrait avoir besoin pour continuer son voyage sans risque et sans retard.

ванію хозяина или корабельщика того судна, къ коему онъ принадлежитъ, а въ случаѣ возмущенія хозяинъ судна или корабельщикъ можетъ требовать вооруженной помощи, для приведенія возмутившихся къ ихъ должностямъ, которую правительство во взаимныхъ областяхъ должно будетъ неукоснительно подавать, равно какъ и всѣ нужныя ему пособія для продолженія его пути безопасно и безостановочно.

Article XXIV.

Les navires de l'une des Hautes Parties contractantes ne pourront sous aucun prétexte être contraints en temps de guerre de servir dans les flottes ou escadres de l'autre, ni de se charger d'aucun transport.

Статья XXIV.

Суда одной изъ Высокихъ договаривающихся Державъ не могутъ ни подъ какимъ предлогомъ быть принуждаемы въ военное время служить во флотахъ или эскадрахъ другой, ниже взяты быть подъ какой-либо перевозъ.

Article XXV.

Les vaisseaux russes ou français, ainsi que leur équipage tant matelots, que passagers soit nationaux, soit même sujets d'une Puissance étrangère, recevront dans les Etats respectifs toute l'assistance et protection, qu'on doit attendre d'une Puissance amie, et aucun individu appartenant à l'équipage des dits navires, non plus que les passagers ne pourra être forcé d'entrer malgré lui au service de l'autre Puissance. Ne pourront cependant rester à l'abri de cette dernière franchise les sujets de chacune des deux Puissances contractantes, qui se trouveront à bord appartenant à l'autre, lesquels sujets elles seront toujours libres de réclamer.

Статья XXV.

Россійскіе или французскіе корабли, также ихъ экипажъ какъ матросы, такъ и пассажиры природные или подданные иностранной Державы, будутъ имѣть во взаимныхъ областяхъ всякое пособіе и покровительство, какого только можно ожидать отъ дружественной Державы, и никто изъ принадлежащихъ служителей къ помянутымъ судамъ, ниже пассажиры не могутъ быть приневолены противъ ихъ желанія вступить въ службу другой Державы; однакожъ не могутъ ограждаться сею послѣднею свободою подданные каждой изъ обѣихъ договаривающихся Державъ, кои будутъ находиться на кораблѣ, принадлежащемъ другой, которыхъ подданныхъ онѣ вольны всегда требовать обратно.

Article XXVI.

Lorsqu'une des Hautes Parties contractantes sera en guerre contre d'autres Etats, les sujets de l'autre Puissance contractante n'en continueront pas moins leur navigation et leur commerce avec ces mêmes Etats, pourvu qu'ils s'astreignent à ne point leur fournir les effets réputés contrebande, comme il sera spécifié ci-après.

S. M. Très-Chrétienne saisit avec plaisir cette occasion de faire connaître la parfaite conformité de ses principes sur le cas dont il s'agit, avec ceux, que S. M. l'Impératrice de toutes les Russies a manifestés pour la sûreté et l'avantage du commerce des nations neutres dans sa déclaration du 28 Février 1780.

Статья XXVI.

Если одна изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ будетъ имѣть войну съ другими государствами, подданные другой договаривающейся Державы не смотря на то, могутъ безпрепятственно производить свое плаваніе и торговлю съ тѣми самыми государствами, только бы воздержались отъ снабдѣнія ихъ заповѣдными товарами, кои послѣ именно означатся.

Его Христіаннѣйшее Величество съ удовольствіемъ пріемлетъ сей случай къ изъявленію совершенной сообразности своихъ правилъ въ настоящемъ случаѣ съ тѣми, кои Е. В. Императрица Всероссійская обнародовать изволила для безопасности и выгоды торговли нейтральныхъ народовъ въ своей декларацiи отъ 28 февраля 1780 года.

Article XXVII.

Les Hautes Parties contractantes s'engagent en conséquence, lorsqu'elles seront en guerre avec quelque Puissance que ce soit, à observer scrupuleusement les principes fondamentaux des droits du commerce et de la navigation marchande des peuples neutres et nommément les quatre axiomes suivants:

1) Que les vaisseaux neutres pourront naviguer librement de port en port et sur les côtes des nations en guerre.

2) Que les effets appartenants aux sujets des Puissances en guerre seront libres sur les vaisseaux neutres à l'exception de la contrebande de guerre, comme il sera détaillé ci-après.

3) Que pour déterminer ce qui ca-

Статья XXVII.

Вслѣдствіе чего Высокія договаривающіяся Стороны обязываются, въ случаѣ войны съ какою бы то ни было Державою, наблюдать во всей точности начала, на коихъ основаны права торговли и купеческаго плаванія нейтральныхъ народовъ, и именно слѣдующія четыре законоположенія:

1) Чтобъ корабли нейтральные могли свободно плавать отъ одной пристани къ другой и у береговъ воюющихъ народовъ.

2) Чтобъ товары, принадлежащіе подданнымъ воюющихъ Державъ, были свободны на нейтральныхъ корабляхъ, выключая заповѣдные военные товары, какъ сіе будетъ послѣ означено.

3) Что для опредѣленія того, что

racterise un port bloqué, on n'accordera cette dénomination qu'à celui, qui sera attaqué par un nombre de vaisseaux proportionné à la force de la place et qui en seront suffisamment proches pour qu'il y ait un danger évident d'entrer dans le dit port.

4) Que les vaisseaux neutres ne pourront être arrêtés que sur de justes causes et de faits évidents; qu'ils seront jugés sans retard; que la procédure sera uniforme, prompte et légale et qu'outre les dédommagements, qu'on accordera toujours à ceux, qui en auront souffert, sans avoir été en faute, il sera donné une satisfaction complette pour l'insulte faite au pavillon.

может ознаменовать блокированный портъ, долженъ почитаться таковымъ только тотъ, который будетъ осажденъ числомъ кораблей, соразмѣрнымъ силѣ того мѣста, и кои будутъ подведены къ оному столь близко, чтобъ существовала очевидная опасность для входа въ оный.

4) Чтобъ нейтральные корабли не могли быть остановлены иначе, какъ по справедливымъ причинамъ и по очевиднымъ дѣйствіямъ, чтобъ оные были судимы безъ замедленія, чтобъ судопроизводство было всегда единообразно, скоро и законно и чтобъ всегда тѣмъ, кои невинно въ томъ претерпѣли, кромѣ награжденія за понесенные ими убытки, было доставлено совершенное удовлетвореніе за обиду причиненную флагу.

Article XXVIII.

En conséquence des ces principes les Hautes Parties contractantes s'engagent réciproquement, en cas que l'une d'entr'elles fût en guerre contre quelque Puissance que ce soit, de n'attaquer jamais les vaisseaux de ses ennemis que hors de la portée du canon des côtes de son Alliée. Elles s'obligent de même mutuellement d'observer la plus parfaite neutralité dans les ports, havres, golfes et autres eaux, comprises sous le nom d'eaux closes, qui leur appartiennent respectivement.

Статья XXVIII.

Вслѣдствіе сихъ правилъ Высокія договаривающіяся Стороны обязуются взаимно, въ случаѣ, если одна изъ нихъ будетъ имѣть войну съ какою бы то ни было Державою, не нападать никогда на непріятельскіе корабли далѣе пушечнаго выстрѣла разстояніемъ отъ береговъ союзной ей Державы. Онѣ такожъ обязываются взаимно наблюдать совершеннѣйшій нейтралитетъ въ принадлежащихъ имъ портахъ, пристаняхъ, заливахъ и другихъ водахъ, кои разумѣются подъ именемъ запертыхъ водъ.

Article XXIX.

On comprendra sous le nom de marchandises de contrebande de guerre ou défendues les armes à feu, canons, arquebuses, fusils, mortiers, petards, bombes, grénades, saucisses, cercles

Статья XXIX.

Подъ названіемъ заповѣдныхъ военныхъ товаровъ разумѣются огнестрѣльныя оружія, пушки, мускеты, ружья, мортиры, петарды, бомбы, гранаты, пороховыя кишки, смоляныя хомутины,

poissés, affuts, fourchettes, bandouillers, poudre à canon, mêches, salpêtre, balles, piques, épées, morions, casques, cuirasses, hallebardes, javelines, fourreaux de pistolets, baudriers, selles et brides et tous autres semblables genres d'armes et d'instruments de guerre servant à l'usage des trouppes. On en excepte cependant la quantité, qui peut être nécessaire pour la défense du navire et de ceux, qui en composent l'équipage.

Mais tous les effets et marchandises, qui ne sont pas nommément spécifiés dans le présent article passeront librement sans être assujettis à la moindre difficulté et ne pourront jamais être réputés munitions de guerre ou navales ni sujets par conséquent à être confisqués.

лафеты, вилы, перевязи, порохъ, фитили, селитра, пули, пики, шпаги, шишаки, шлемы, кирасы, галлебарды, копья, пистолетные ушки, портупеи, сѣдла, узды и всѣ прочія сему подобныя орудія и снаряды, служащіе къ употребленію войскъ. Изъ сего однакожъ выключается количество нужное для защищенія корабля и тѣхъ, кои составляютъ экипажъ онаго.

Но всѣ вещи и товары, кои именно не означены въ сей статьѣ, будутъ свободно и безпрепятственно проходить и не могутъ никогда почитаться военными или корабельными снарядами и, слѣдовательно, быть конфискованными.

Article XXX.

Quoique par l'Article XXIX la contrebande de guerre soit si clairement exprimée, que tout ce qui n'y est pas nommément spécifié doit être entièrement libre et à l'abri de toute saisie, cependant les Hautes Parties contractantes voulant ne laisser aucun doute sur de telles matières jugent à propos de stipuler, qu'en cas de guerre de l'une d'entr'elles contre quelqu'autre Etat que ce soit, les sujets de l'autre Puissance contractante qui sera restée neutre dans cette guerre, pourront librement acheter ou faire construire pour leur propre compte et en quelque temps, que ce soit, autant de navires, qu'ils voudront chez la Puissance en guerre avec l'autre Partie contractante, sans être assujettis à aucune difficulté de la part de celle-ci, à condition, que les

Статья XXX.

Хотя XXIX статьею военные заповѣдные товары столь ясно ознаменованы, что все въ оной именно неупомянутое долженствуетъ быть совершенно свободно и безопасно отъ всякаго захвата; однакожъ Высокія договаривающіяся Стороны, желая отвратить всякое по сему сомнѣніе, за благо разсудили постановить, чтобъ въ случаѣ войны одной изъ нихъ съ какою бы то ни было другою Державою, подданные другой договаривающейся Державы, которая пребудетъ нейтральною въ сей войнѣ, могли свободно покупать или строить на свой собственный счетъ и въ какое бы то ни было время столько кораблей, сколько захотятъ въ областяхъ воюющей съ другою договаривающеюся Стороною безъ всякаго со стороны сея въ томъ затрудненія,

dits navires soient munis de tous les documents nécessaires pour constater la propriété légale des sujets de la Puissance neutre.

Article XXXI.

Lorsqu'une des deux Puissances contractantes sera engagée dans une guerre contre quelqu'autre Etat, ses vaisseaux de guerre ou armateurs particuliers auront le droit de faire la visite des navires marchands appartenants aux sujets de l'autre Puissance contractante, qu'ils recontreront naviguants sans escorte sur les côtes ou en pleine mer, mais en même temps qu'il est expressément défendu à ces derniers de jeter aucun papier en mer dans un tel cas, il n'est pas moins strictement ordonné aux dits vaisseaux de guerre ou armateurs de ne jamais approcher des dits navires marchands qu'à la distance au plus de la demi-portée du canon, et afin de prévenir tout désordre et violence, les Hautes Parties contractantes conviennent que les premiers ne pourront jamais envoyer au délà de deux ou trois hommes des leurs chaloupes à bord des derniers pour faire examiner les passeports et lettres de mer, qui constateront la propriété et les chargements des dits navires marchands; et pour mieux prévenir tous accidents, les Hautes Parties contractantes sont convenues de se communiquer réciproquement la forme des documents et lettres de mer, et d'en joindre les modèles aux ratifications.

Mais en cas que ces navires marchands fussent escortés par un ou plusieurs vaisseaux de guerre, la simple

съ тѣмъ только, чтобъ помянутые корабли были снабдѣны всѣми нужными письменными видами для доказательства законной собственности подданныхъ нейтральной Державы.

Статья XXXI.

Если одна изъ двухъ договаривающихся Державъ будетъ воевать съ какимъ другимъ государствомъ, военные ея корабли или частные арматоры имѣютъ право осматривать купеческія суда, принадлежащія подданнымъ другой договаривающейся Державы, встрѣченныя ими на пути безъ конвоя у береговъ или въ открытомъ морѣ; но какъ симъ послѣднимъ именно запрещается бросать въ семъ случаѣ въ море какія либо бумаги, такъ и помянутымъ военнымъ кораблямъ или арматорамъ наиточнѣйше предписывается, никогда не подходить къ онымъ купеческимъ судамъ ближе полувыстрѣла пушечнаго; а для предупрежденія всякаго безпорядка и насилія Высокія договаривающіяся Стороны соглашаются, чтобъ первые не могли никогда посылать на своихъ шлюпкахъ болѣе двухъ или трехъ человѣкъ на корабль къ послѣднимъ для освидѣтельствованія паспортовъ и морскихъ бумагъ, коими утверждается собственность и грузъ упоминаемыхъ купеческихъ судовъ; для вящшаго жъ предваренія всѣхъ случаевъ, Высокія договаривающіяся Стороны согласились сообщить взаимно форму доказательствъ и морскихъ бумагъ и приложить образцы оныхъ къ ратификаціямъ.

Но ежели сіи купеческія суда будутъ конвоированы однимъ или многими военными кораблями, то простое объявле-

déclaration de l'officier commandant de l'escorte, que les dits navires n'ont à bord aucune contrebande de guerre devra suffire pour qu'aucune visite n'ait lieu.

Article XXXII.

Dès qu'il aura apparu par l'inspection des documents des navires marchands rencontrés en mer, ou par l'assurance verbale de l'officier commandant leur escorte, qu'ils ne sont point chargés de contrebande de guerre, ils pourront aussitôt continuer librement leur route.

Mais si malgré cela les dits navires marchands étaient molestés ou endommagés de quelque manière que ce soit par les vaisseaux de guerre ou armateurs de la Puissance belligérante, les commandants de ces derniers répondront en leurs personnes et leurs biens de toutes les pertes et dommages, qu'ils auront occasionnés et il sera de plus accordé une réparation satisfaisante pour l'insulte faite au pavillon.

Article XXXIII.

En cas qu'un tel navire marchand ainsi visité en mer eût à bord de la contrebande de guerre, il ne sera point permis de briser les écoutilles, ni d'ouvrir aucune caisse, coffre, malle, ballots ou tonneaux, ni déranger quoique ce soit du dit navire. Le patron du dit bâtiment pourra même, s'il le juge à propos livrer sur le champ la contrebande de guerre à son capteur, lequel devra se contenter de cet abandon volontaire, sans retenir, molester ni inquiéter en aucune manière le navire ni l'équipage, qui pourra dès ce moment

ніе офицера, начальствующаго надъ конвоемъ, что на сихъ судахъ нѣтъ никакихъ заповѣдныхъ военныхъ товаровъ, должно быть достаточно, чтобъ не дѣлать никакого осмотру.

Статья XXXII.

Какъ скоро, по освидѣтельствованіи доказательствъ купеческихъ судовъ, встрѣченныхъ на морѣ, или по словесному увѣренію офицера, начальствующаго надъ конвоемъ, окажется, что они не нагружены заповѣдными военными товарами, то оныя могутъ тогда же свободно продолжать свой путь.

Но если, не смотря на то, сіи купеческія суда претерпятъ обиду или вредъ какимъ бы то образомъ ни было отъ военныхъ кораблей или арматоровъ воюющей Державы, начальники сихъ послѣднихъ должны будутъ за всѣ причиненные ими убытки и вредъ отвѣчать лично и имѣніемъ своимъ, а сверхъ того и обида, причиненная флагу, совершенно удовлетворится.

Статья XXXIII.

Буде же въ ономъ купеческомъ суднѣ по таковому осмотру на морѣ найдутся заповѣдные военные товары, то не дозволяется отбивать люкъ, ни раскрывать какихъ-либо ящиковъ, сундуковъ, бауловъ, тюковъ, или бочекъ, ниже что-либо трогать съ мѣста въ помянутомъ суднѣ. Но корабельщикъ судна можетъ, если за благо разсудить, выдать тотчасъ заповѣдные военные товары своему взятелю, который долженъ быть доволенъ сею самопроизвольною выдачею и, не дѣлая никакого задержанія, обиды и безпокойства судну и служи-

même poursuivre sa route en toute liberté. Mais s'il refuse de livrer la contrebande de guerre, dont il serait chargé, le capteur aura seulement le droit de l'emmener dans un port où l'on instruira son procès devant les juges de l'amirauté selon les lois et formes judiciaires de cet endroit et après qu'on aura rendu la dessus une sentence définitive; les seules marchandises reconnues pour contrebande de guerre seront confisquées et tous les autres effets non désignés dan l'Article XXIX seront fidèlement rendus; il ne sera pas permis d'en retenir quoique ce soit sous prétexte de frais ou d'amendes.

Le patron d'un tel navire ou son représentant ne sera point obligé d'attendre malgré lui la fin de la procédure, mais il pourra se remettre en mer librement avec son vaisseau, tout son équipage et le reste de sa cargaison, aussitôt qu'il aura livré volontairement la contrebande de guerre qu'il avait à bord.

телямъ онаго, позволить ему тогда же продолжать свободно путь свой. Ежели жъ онъ не захочетъ выдать нагруженныхъ у него заповѣдныхъ военныхъ товаровъ, то взятель имѣетъ только право отвести его въ портъ, гдѣ разсмотрится его дѣло предъ судьями въ Адмиралтействѣ по законамъ и судебнымъ обрядамъ того мѣста и, по учиненіи на то рѣшительнаго приговора, одни только товары, признанные военными заповѣдными, будутъ отобраны, а всѣ прочія вещи, не означенныя въ XXIX статьѣ, вѣрно возвращены, изъ коихъ при томъ не позволяется что-либо удержать подъ предлогомъ издержекъ или пени.

Корабельщикъ таковаго судна или занимающій мѣсто онаго не будетъ обязанъ дожидаться противъ воли окончанія судопроизводства, но можетъ свободно плыть въ море съ своимъ кораблемъ, экипажемъ и остальнымъ своимъ грузомъ, отдавъ добровольно заповѣдные военные товары, кои имѣлъ на своемъ суднѣ.

Article XXXIV.

En cas de guerre de l'une des Hautes Parties contractantes contre quelqu'autre Etat, les sujets de ses ennemis, qui se trouveront au service de la Puissance contractante, qui sera restée neutre dans cette guerre ou ceux d'entr'eux, qui seront naturalisés ou auront acquis le droit de bourgeoisie dans ses Etats même pendant la guerre, seront envisagés par l'autre Partie belligérante et traités sur le même pied, que les sujets nés de la Puissance neutre sans la moindre différence entre les uns et les autres.

Статья XXXIV.

Въ случаѣ войны одной изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ съ другимъ государствомъ, подданные ея непріятелей, кои будутъ находиться въ службѣ договаривающейся Державы, пребывающей нейтральною въ сей войнѣ, или тѣ изъ нихъ, кои будутъ натурализованы или получатъ право мѣщанства въ ея областяхъ, даже и во время войны, будутъ другою воюющею стороною почитаться и приниматься на ряду съ природными подданными нейтральной Державы безъ малѣйшаго между ними различія.

Article XXXV.

Si les navires des sujets des Hautes Parties contractantes échouaient ou faisaient naufrage sur les côtes des Etats respectifs, on s'empressera de leur donner tous les secours et assistance possibles, tant à l'égard des navires et effets, qu'envers les personnes qui composeront l'équipage. A cet effet on avisera le plus promptement qu'il sera possible le Consul ou Vice-Consul de la nation du navire naufragé, et on lui remettra à lui ou à son agent la direction du sauvetage et où il ne se trouverait ni Consuls ni Vice-Consuls, les officiers préposés de l'endroit veilleront au dit sauvetage et y procéderont en tout point de la manière usitée à l'égard des sujets mêmes du pays, en n'exigeant rien au delà des frais et droits auxquels ceux-ci sont assujettis en pareil cas sur leur propre côte et on procédera de part et d'autre avec le plus grand soin, pour que chaque effet sauvé d'un tel navire naufragé ou échoué soit fidélement rendu au légitime propriétaire.

Статья XXXV.

Буде корабли подданныхъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ сядутъ на мель или претерпятъ кораблекрушеніе у береговъ взаимныхъ государствъ, онымъ будутъ подаваемы всевозможныя вспоможенія и пособія, какъ въ разсужденіи кораблей и товаровъ, такъ и людей, составляющихъ экипажъ. Въ семъ случаѣ должно будетъ увѣдомить наискорѣе Консула или Вице-Консула того народа, которому принадлежитъ сокрушенный корабль, и препоручить ему или его агенту смотрѣніе за спасеніемъ; а гдѣ нѣтъ Консула или Вице-Консула, то имѣютъ смотрѣть надъ помянутымъ спасеніемъ опредѣленные начальники того мѣста, и поступать во всемъ какъ бы то было для самихъ подданныхъ тоя земли, не требуя ничего, кромѣ расходовъ и поборовъ, кои взимаются съ сихъ послѣднихъ въ подобномъ случаѣ на ихъ собственныхъ берегахъ; съ обѣихъ же сторонъ будетъ наблюдаемо съ наибольшимъ раченіемъ, чтобъ каждая спасенная вещь судна, претерпѣвшаго крушеніе или сѣвшаго на мель, была вѣрно возвращена законному хозяину.

Article XXXVI.

Les procès et autres affaires civiles concernant les sujets commerçants respectifs, seront réglés et jugés par les tribunaux du pays auxquels ressortissent les affaires de commerce des nations avec les quelles les Hautes Parties contractantes ont des Traités de commerce. Ces tribunaux leur rendront la plus prompte et la plus exacte justice, conformément aux lois et formes judi-

Статья XXXVI.

Тяжебныя и другія гражданскія дѣла, касающіяся до взаимныхъ торгующихъ подданныхъ, будутъ разбираемы и судимы въ земскихъ судахъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ торговыя дѣла народовъ, съ коими Высокія договаривающіяся Стороны имѣютъ торговые трактаты. Сіи суды будутъ оказывать имъ скорѣйшее и точнѣйшее правосудіе сообразно законамъ и судебнымъ обря-

ciaires prescrites aux susdits tribunaux. Les sujets respectifs pourront confier le soin de leurs causes à tels avocats, procureurs ou notaires que bon leur semblera, pourvu qu'ils soient avoués par le gouvernement.

Article XXXVII.

Lorsque les marchands russes et français feront enrégistrer aux douanes respectives leurs contrats ou marchés pour vente ou achats de marchandises par leurs commis, expéditeurs ou autres gens employés par eux, les douanes où ces contrats s'enrégistreront devront soigneusement examiner si ceux, qui contractent pour le compte de leurs commettants sont munis par ceux-ci d'ordres ou pleinpouvoirs en bonne forme, auquel cas les dits commettants seront responsables, comme s'il avaient contracté eux mêmes en personne. Mais si les dits commis, expéditeurs ou autres gens employés par les susdits marchands ne sont pas munis d'ordres ou pleinpouvoirs suffisants, ils ne devront pas en être crus sur leur parole, et quoique les douanes soient dans l'obligation d'y veiller, les contractants ne seront pas moins tenus de prendre garde eux-mêmes, que les accords ou contrats, qu'ils feront ensemble, n'outrepassent pas les termes des procurations ou pleinpouvoirs confiés par les propriétaires des marchandises, ces derniers n'étant tenus à répondre que de l'objet et de la valeur énoncés dans leurs pleinpouvoirs.

Article XXXVIII.

Les Hautes Parties contractantes s'engagent réciproquement à accorder toute

дамъ, предписаннымъ помянутымъ судамъ. Взаимные подданные могутъ ввѣрять хожденіе за ихъ дѣлами тѣмъ изъ стряпчихъ, прокуроровъ или нотаріусовъ, кому заблагоразсудятъ, только бы оные были признаны правительствомъ.

Статья XXXVII.

Когда россійскіе и французскіе купцы будутъ записывать во взаимныхъ таможняхъ свои договоры или торги для продажи или покупки товаровъ чрезъ своихъ конторщиковъ, экспедиторовъ или другихъ употребляемыхъ ими людей, таможни, въ коихъ сіи договоры будутъ записываться, должны рачительно смотрѣть, имѣютъ ли договаривающіеся на счетъ своихъ поручителей отъ нихъ приказанія или полномочія въ надлежащей формѣ, въ коемъ случаѣ реченные поручители будутъ отвѣчать за сіе такъ точно, какъ будто бы они сами лично договаривались. Но если сіи конторщики, экспедиторы или другіе употребленные помянутыми купцами люди не снабдѣны достаточными приказаніями или полномочіями, то не должно вѣрить ихъ словамъ; и хотя таможни имѣютъ за симъ смотрѣть, однакожъ договаривающіеся, не взирая на то, обязаны сами имѣть осторожность, чтобъ условія или договоры, кои они между собою заключаютъ, не превышали довѣренностей или полномочій, данныхъ хозяевами товаровъ, поелику сіи послѣдніе отвѣчаютъ только за вещь и за цѣну, означенныя въ ихъ полномочіяхъ.

Статья XXXVIII.

Высокія договаривающіяся Стороны обязываются взаимно подавать всевоз-

l'assistance possible aux sujets respectifs contre ceux, qui n'auront pas rempli les engagements d'un contrat fait et enrégistré selon les lois et formes prescrites et le gouvernement de part et d'autre employera, en cas de besoin, l'autorité nécessaire, pour obliger les parties à comparaître en justice dans les endroits, où les dits contrats auront été conclus et enrégistrés et pour procurer l'exacte et entière exécution de tout ce qu'on y aura stipulé.

можное вспоможеніе взаимнымъ подданнымъ противу тѣхъ, кои не исполнятъ обязательствъ договора, заключеннаго и записаннаго по учрежденнымъ законамъ и обрядамъ, и правительство съ обѣихъ сторонъ употребитъ въ случаѣ надобности потребную власть, дабы принудить отвѣтчиковъ явиться къ суду въ тѣ мѣста, въ коихъ тѣ договоры заключены и записаны, и заставить ихъ точно и совершенно исполнить все то, что въ оныхъ постановлено.

Article XXXIX.

On prendra réciproquement toutes les précautions nécessaires pour que le brac soit confié à des gens connus par leur intelligence et probité, afin de mettre les sujets respectifs à l'abri du mauvais choix des marchandises et des emballages frauduleux. Et chaque fois qu'il y aura des preuves suffisantes de mauvaise foi, contravention ou négligence de la part des bracqueurs ou gens préposés à cet effet, ils en répondront en leurs personnes et leurs biens et seront obligés de bonifier les pertes, qu'ils auront causées.

Статья XXXIX.

Будутъ взаимно приняты всѣ нужныя предосторожности, дабы бракъ былъ ввѣренъ людямъ, извѣстнымъ по ихъ знанію и честности въ охраненіе взаимныхъ подданныхъ отъ худого выбора товаровъ и подложныхъ укладокъ. И каждый разъ, когда найдутся достаточныя доказательства обмана, подлога или небреженія со стороны браковщиковъ или людей къ сему опредѣленныхъ, они за сіе должны будутъ отвѣчать лично и имѣніемъ своимъ и обязаны удовлетворить причиненные ими убытки.

Article XL.

Les marchands français établis ou qui s'établiront en Russie peuvent et pourront acquitter les marchandises qu'ils y achètent en la même monnaie courante de Russie, qu'ils reçoivent pour leurs marchandises vendues, à moins que dans les contrats ou accords faits entre le vendeur et l'acheteur, il n'ait été stipulé le contraire. Ceci doit s'entendre réciproquement de même pour les marchands russes établis ou qui s'établiront en France.

Статья XL.

Французскіе купцы, поселившіеся или кои поселятся въ Россіи, могутъ теперь и впредь платить за покупаемые ими товары тою же ходячею россійскою монетою, какую они получаютъ за продаваемые ими товары, развѣ въ договорахъ или условіяхъ, сдѣланныхъ между продавцемъ и покупщикомъ, будетъ постановлено тому противное. Сіе самое должно взаимно простираться и на россійскихъ купцовъ, поселившихся или кои поселятся во Франціи.

Article XLI.

Les sujets respectifs auront pleine liberté de tenir dans les endroits, où ils seront domiciliés leurs livres de commerce en telle langue, qu'ils voudront sans que l'on puisse rien leur prescrire à cet égard, et l'on ne pourra jamais exiger d'eux de produire leurs livres de compte ou de commerce excepté pour leur justification en cas de banqueroute ou de procès. Mais dans ce dernier cas, ils ne seront obligés de présenter, que les articles nécessaires à l'éclaircissement de l'affaire, dont il sera question.

Статья XLI.

Взаимные подданные будутъ имѣть совершенную свободу вести въ мѣстахъ ихъ пребыванія купеческія книги, на какомъ языкѣ они захотятъ, въ чемъ имъ ничего предписываемо быть не можетъ; и вслѣдствіе сего нельзя никогда отъ нихъ требовать предъявленія сихъ счетныхъ или купеческихъ книгъ, какъ токмо для ихъ оправданія въ случаѣ банкрутства или тяжбы. Но и въ семъ послѣднемъ случаѣ они будутъ обязаны представлять только статьи, нужныя къ объясненію дѣла.

Article XLII.

S'il arrivait qu'un sujet russe établi en France ou un sujet français établi en Russie fit banqueroute, l'autorité des magistrats et des tribunaux du lieu sera requise par les créanciers pour nommer les curateurs de la masse, auxquels seront confiés tous les effets, livres et papiers de celui, qui aura fait banqueroute. Les Consuls ou Vice-Consuls respectifs pourront intervenir dans les affaires pour les créanciers et débiteurs de leur nation absents, en attendant que ceux-ci ayent envoyé leurs procurations, et il leur sera donné copie des actes, qui pourront intéresser les sujets de leur Souverain, afin qu'ils soient en état de leur en faire parvenir la connaissance.

Les dits créanciers pourront aussi former des assemblées pour prendre entr'eux les arrangements, qui leur conviendront concernant la distribution de la dite masse. Dans ces assemblées le suffrage de ceux des créanciers, qui

Статья XLII.

Ежели подданный россійскій во Франціи или подданный французскій въ Россіи поселившіеся обанкрутятся, тогда заимодавцы должны будутъ просить власти магистратовъ и судовъ того мѣста назначить объ уплатѣ долговъ попечителей, которымъ и поручены будутъ пожитки, книги и бумаги сдѣлавшаго банкрутство. Взаимные Консулы или Вице-Консулы могутъ входить въ посредство по симъ дѣламъ за отсутствующихъ заимодавцовъ и должниковъ своей націи, въ ожиданіи, пока сіи не пришлютъ своихъ довѣренностей, и имъ данъ будетъ списокъ съ актовъ, кои могутъ быть нужны для подданныхъ ихъ Государя, дабы они могли сообщить имъ свѣдѣніе объ оныхъ.

Сіи заимодавцы могутъ такожъ собираться между собою для учиненія нужныхъ имъ распоряженій, касающихся до расплаты помянутыхъ долговъ. Въ сихъ собраніяхъ голосъ заимодавцовъ, имѣющихъ притязанія на двѣ

auront à prétendre aux deux tiers de la masse, sera toujours prépondérant et les autres créanciers seront obligés de s'y soumettre.

Mais quant aux sujets respectifs, qui auront été naturalisés ou auront acquis le droit de bourgeoisie dans les Etats de l'autre Puissance contractante, ils seront soumis en cas de banqueroute, comme dans toutes les autres affaires, aux lois, ordonnances et statuts du pays, où ils seront naturalisés.

трети всей суммы долговъ, будетъ имѣть всегда преимущество предъ прочими, и другіе заимодавцы обязаны повиноваться оному.

Но что касается до взаимныхъ подданныхъ, которые натурализованы, или пріобрѣли право мѣщанства въ областяхъ другой договаривающейся Державы, оные въ случаѣ банкрутства, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, подвергаются законамъ, учрежденіямъ и постановленіямъ той земли, гдѣ они натурализованы.

Article XLIII.

Les marchands français établis ou qui s'établiront en Russie pourront bâtir, acheter, vendre et louer des maisons dans toutes les villes de l'Empire, qui n'ont pas de privilèges municipaux ou droits de bourgeoisie contraires à ces acquisitions. Toutes maisons possédées et habitées par les marchands français à St.-Pétersbourg, Moscou, Archangel, Cherson, Sewastopol et Théodosie seront exemptes de tout logement aussi longtemps qu'elles leur appartiendront et qu'ils y logeront eux-mêmes; mais quant à celles, qu'ils donneront ou prendront à loyer, elles seront assujetties aux charges et logements prescrits pour ces endroits. Les marchands français pourront aussi s'établir dans les autres villes de l'Empire de Russie, mais les maisons, qu'ils y bâtiront ou acheteront ne jouiront pas des exemptions accordées seulement dans les six villes dénommées ci-dessus.

Статья XLIII.

Французскіе купцы, поселившіеся или кои поселятся въ Россіи, могутъ строить, покупать, продавать и нанимать домы во всѣхъ городахъ Имперіи, которые не имѣютъ привилегій земскихъ или правъ мѣщанскихъ, противныхъ симъ пріобрѣтеніямъ. Всѣ домы, принадлежащіе французскимъ купцамъ и ими обитаемые въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, въ городѣ Архангельскомъ, въ Херсонѣ, Севастополѣ и Ѳеодосіи, освобождаются отъ всякаго постоя до тѣхъ поръ, пока оные имъ принадлежатъ и они сами въ нихъ жить будутъ; но не увольняются отъ постоя и должностей, предписанныхъ для сихъ мѣстъ, домы, ими въ наемъ отдаваемые или ими нанимаемые. Французскіе купцы могутъ также селиться въ другихъ городахъ Имперіи Россійской; но домы, тамъ ими построенные или купленные, не будутъ пользоваться свободами, дарованными только въ шести вышеозначенныхъ городахъ.

Cependant si Sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies jugeait à propos de faire par la suite une ordon-

Однакожъ, ежели Е. В. Императрица Всероссійская заблагоразсудитъ впредь сдѣлать общее положеніе о платежѣ

nance générale pour acquitter en argent la fourniture des quartiers, les marchands français y seront assujettis comme les autres.

S. M. Très-Chrétienne s'engage réciproquement à accorder aux marchands russes établis ou qui s'établiront en France la même permission et les mêmes exemptions, qui sont stipulées par le présent Article en faveur des Français en Russie et aux mêmes conditions exprimées ci-dessus, en désignant les villes de Paris, Rouen, Bourdeaux, Marseille, Cette et Toulon pour y faire jouir les marchands russes des mêmes prérogatives accordées aux Français dans celles de St. Pétersbourg, Moscou, Archangel, Cherson, Sewastopol et Théodosie.

вмѣсто постоя деньгами, то и французскіе купцы, на ряду съ прочими, оному повиноваться имѣютъ.

Его Христіаннѣйшее Величество обязуется взаимно дозволить россійскимъ купцамъ, поселившимся или кои поселятся во Франціи, таковыя же свободы и выгоды, какія постановлены настоящею статьею въ пользу Французовъ въ Россіи, и на тѣхъ же самыхъ вышеизображенныхъ условіяхъ, назначая города: Парижъ, Руанъ, Бурдо, Марсель, Сетту и Тулонъ, дабы въ оныхъ россійскіе купцы могли пользоваться таковыми же преимуществами, какія позволены французскимъ купцамъ въ городахъ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Архангельскомъ, Херсонѣ, Севастополѣ и Ѳеодосіи.

Article XLIV.

Lorsque les sujets de l'une des Puissances contractantes voudront se retirer des Etats de l'autre Puissance contractante, ils pourront le faire librement, quand bon leur semblera, sans éprouver le moindre obstacle de la part du gouvernement, qui leur accordera avec les précautions prescrites les passeports en usage pour quitter le pays et emporter librement les biens qu'ils auront apportés ou acquis, après s'être assuré, qu'ils auront satisfait à toutes leurs dettes, ainsi qu'aux droits fixés par les lois, statuts et ordonnances du pays, qu'ils voudront quitter.

Статья XLIV.

Если подданные одной изъ договаривающихся Державъ пожелаютъ выѣхать изъ областей другой договаривающейся Державы, то сіе могутъ они дѣлать свободно, когда заблагоразсудятъ, безъ всякаго препятствія со стороны правительства, которое снабдитъ ихъ съ предписанными предосторожностями, обыкновенными паспортами для выѣзда изъ государства и свободнаго вывоза привезеннаго или пріобрѣтеннаго ими имѣнія, по удовлетвореніи съ ихъ стороны всѣхъ ихъ долговъ, и по заплатѣ пошлинъ, опредѣленныхъ законами, постановленіями и указами той земли, которую они намѣрены оставить.

Article XLV.

Afin de promouvoir d'autant mieux le commerce des deux nations, il est

Статья XLV.

А дабы наиболѣе воспоспѣшествовать торговлѣ между обоими народами, со-

convenu que dans le cas, où la guerre surviendrait entre les Hautes Parties contractantes (ce qu'à Dieu ne plaise), il sera accordé de part et d'autre au moins l'espace d'une année après la déclaration de la guerre, aux sujets commerçants respectifs, pour rassembler, transporter ou vendre leurs effets ou marchandises, pour se rendre dans cette vue par tout où ils jugeront à propos; et s'il leur était enlevé ou confisqué quelque chose sous prétexte de la guerre contre leur Souverain, ou s'il leur était fait quelqu'injure durant la susdite année dans les Etats de la Puissance ennemie, il sera donné à cet égard une pleine et entière satisfaction. Ceci doit s'entendre pareillement de ceux des sujets respectifs, qui seraient au service de la Puissance ennemie; il sera libre aux uns et aux autres de se retirer dès qu'ils auront acquitté leurs dettes et ils pourront avant leur départ disposer selon leur bon plaisir et convenance de ceux de leurs effets dont ils n'auraient pu se défaire, ainsi que des dettes, qu'ils auraient à prétendre, leurs débiteurs étant tenus de les acquitter comme s'il n'y avait pas eu de rupture.

Article XLVI.

Le présent Traité d'amitié et de commerce durera douze années et toutes les stipulations en seront religieusement observées de part et d'autre durant cet espace de temps. Mais comme les Hautes Parties contractantes ont également à coeur de perpétuer les liaisons d'amitié et de commerce, qu'elles viennent de contracter tant entr'elles qu'entre leurs sujets respectifs, elles se reservent de convenir de sa prolon-

глашено, чтобъ въ случаѣ, когда воспослѣдуетъ война между Высокими договаривающимися Сторонами (отъ чего Боже сохрани!) дать, послѣ объявленія войны съ обѣихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ годовой срокъ торгующимъ взаимнымъ подданнымъ, для собранія, перевоза или продажи ихъ пожитковъ или товаровъ, и на проѣздъ ихъ, куда они заблагоразсудятъ; а если у нихъ будетъ что-нибудь отнято или описано подъ предлогомъ войны съ ихъ Государемъ, или если имъ въ теченіи онаго года будетъ сдѣлана какая-нибудь обида во владѣніяхъ непріятельской Державы, въ таковомъ случаѣ сдѣлано имъ будетъ полное и совершенное удовольствіе. Сіе равно разумѣется и о находящихся въ службѣ непріятельской Державы взаимныхъ подданныхъ, изъ коихъ тѣмъ и другимъ позволяется выѣхать, коль скоро они заплатятъ свои долги, и предъ отъѣздомъ своимъ располагать по волѣ и удобности тѣми пожитками, коихъ они не могли бы распродать, а равно какъ и имѣющимися у нихъ на другихъ долгами, по коимъ должники обязаны будутъ удовлетворить точно такъ, какъ бы разрыва не было

Статья XLVI.

Настоящій дружбы и торговли трактатъ имѣетъ продолжаться двѣнадцать лѣтъ, и во все сіе время всѣ постановленія онаго должны быть съ обѣихъ сторонъ наблюдаемы свято. Но какъ Высокія договаривающіяся Стороны желаютъ равномѣрно продолжать и навсегда союзы дружбы и торговли, заключенные теперь, какъ между ними, такъ и взаимными подданными ихъ; то о продолженіи оныхъ или о заключеніи

gation ou d'en contracter un nouveau avant l'expiration de ce terme.

Article XLVII.

S. M. L'Impératrice de toutes les Russies et S. M. Très-Chrétienne s'engagent à ratifier le présent Traité et les ratifications en bonne et due forme en seront échangées dans l'espace de trois mois à compter du jour de la date de sa signature ou plutôt si faire se peut.

En foi de quoi etc.

Fait à St. Pétersbourg, le 31 décembre 1786 (11 janvier 1787.).

(L. S.) Comte Jean d'Osterman. (L. S.) Louis Philippe Comte de Ségur.

(L. S.) Comte Alexandre de Worontzow.

(L. S.) Alexandre Comte de Bezborodko.

(L. S.) Arcadi de Morcoff.

новаго трактата предоставляютъ себѣ согласиться до истеченія сего срока.

Статья XLVII.

Е. В. Императрица Всероссійская и Его Христіаннѣйшее Величество обязуются настоящій трактатъ ратификовать и ратификаціи въ доброй и надлежащей формѣ размѣнять въ три мѣсяца, считая со дня подписанія, а буде можно и скорѣе.

Во увѣреніе чего и т. д.

Въ Санктпетербургѣ, 31-го декабря 1786 года (11-го января 1787 г.)

(М. П.) Гр. Иванъ Остерманъ. (М. П.) Лудов. Филиппъ Гр. Сегюръ.

(М. П.) Гр. Александръ Воронцовъ.

(М. П.) Гр. Александръ Безбородко.

(М. П.) Аркадій Морковъ.

№ 487.

1801, 9 (21) mars. Convention de Paris, concernant les prisonniers de guerre russes.

La Cour de Versailles fut très satisfaite de la conclusion du traité de commerce avec la Russie. C'était l'objet de ses aspirations dès l'origine des relations diplomatiques avec ce pays au XVII siècle. Depuis cette époque reculée la France travaillait sans cesse à donner plus d'extension aux opérations commerciales avec la nation russe, et à conclure un traité sur ces matières. Ce n'est que le comte de Ségur qui réussit à résoudre ce problème séculaire, hérissé de tant de difficultés. Le gouvernement français s'empressa d'exprimer sa vive reconnaissance à son représentant, si distingué à la Cour de Russie. Catherine II l'honora également des témoignages de sa faveur et l'invita à l'accompagner pendant le célèbre voyage au midi de la Russie, qui dura depuis janvier jusqu'à juillet 1787.

№ 487.

1801 г., марта 9-го (21-го). Парижская конвенція относительно русскихъ военноплѣнныхъ.

Версальскій дворъ былъ чрезвычайно доволенъ заключеніемъ торговаго трактата съ Россіею. Съ самаго начала дипломатическихъ сношеній съ Россіей въ XVII вѣкѣ, Франція неуклонно стремилась къ развитію торговыхъ оборотовъ съ русскимъ народомъ и къ заключенію коммерческаго трактата. Только графу Сегюру удалось разрѣшить эту трудную и вѣковую задачу. Французское правительство выразило своему способному представителю при русскомъ дворѣ живѣйшую благодарность. Императрица Екатерина II также осчастливила его знаками милости и даже взяла его съ собою въ знаменитое путешествіе по южнымъ губерніямъ Россіи съ января по іюль 1787 года.

Dans ces conditions l'Impératrice croyait pouvoir compter sur le concours de la France dans le cas de nouvelles complications politiques. En assurant au commerce français, particulièrement dans les ports de la mer Noire, des privilèges spéciaux, elle espérait voir les intérêts de la France indissolublement liés au maintien de la paix sur les côtes de la mer Noire et dans le Sud-Est de l'Europe. En admettant les marchandises françaises et particulièrement les vins sur un pied de faveur, Catherine II se croyait fondée d'espérer que la France s'appliquerait à arrêter les velléités belliqueuses de la Porte à l'égard de la Russie.

L'évènement semblait confirmer ces prévisions. Lorsqu'en 1787 de nouvelles divergences surgirent entre la Russie et la Porte, la France prescrivit à son représentant à Constantinople d'appuyer les réclamations légitimes de la Russie et de détourner le sultan de toute démarche dangereuse et provoquante. Le comte de Montmorin communiqua au Simoline les instructions qu'il venait d'adresser, au nom du roi, au duc de Choiseul-Gouffier, ministre de France à Constantinople, et dans lesquelles on lui recommandait de faire de nouvelles tentatives pour amener la Turquie à des sentiments de conciliation à l'égard de la Russie. Il devait en outre déclarer catégoriquement à la Porte que si elle donnait libre cours à son hostilité et si elle s'engageait dans une guerre avec la Russie, elle ne devait d'aucune manière compter sur un appui quelconque de la France. (Rapport de Simoline du 21 septemere (2 octobre) 1787).

„Je puis ajouter", écrivait Simoline dans ce même rapport, „avec connaissance de cause, que peut-être jamais la Cour de France n'a été dans des dispositions aussi amicales pour la nôtre qu'à présent, et qu'il y a un changement total dans sa manière de voir, de sentir et d'agir. L'Impératrice verra le parti qui lui conviendra à en tirer pour ses intérêts."

Toutefois l'impuissance de la France auprès de la Porte se montra aussitôt que celle-ci déclara la guerre à la Russie. Un coup sensible fut porté au commerce français par suite de la disposition du gouvernement russe, qui fermait les ports de la mer Noire. Le comte de Ségur crut devoir protester contre cette mesure, en se référant au traité de commerce qui venait d'être conclu. Mais le Vice-Chance-

При такихъ обстоятельствахъ Императрица Екатерина II считала себя въ правѣ расчитывать на дѣйствительную помощь Франціи въ случаѣ новыхъ политическихъ осложненій. Предоставляя французской торговлѣ, въ особенности въ русскихъ портахъ на Черномъ морѣ, особенныя льготы и удобства, Императрица связала интересы Франціи съ сохраненіемъ мира на берегахъ Чернаго моря и въ юго-восточной Европѣ. Обезпечивъ за французскими товарами и, въ частности, за винами льготныя условія ввоза въ Россію, Екатерина II основательно полагала, что отнынѣ сама Франція будетъ удерживать Турцію отъ увлеченій воинственнымъ задоромъ противъ Россіи.

Этотъ расчетъ оказался вообще вѣрнымъ. Когда въ 1787 году возникли новыя разногласія между Россіей и Турціей, Версальскій дворъ предписалъ своему представителю при Портѣ поддерживать законныя требованія Россіи и останавливать султана отъ вызывающихъ и опасныхъ шаговъ. Графъ Монморэнъ сообщилъ Симолину инструкцію, данную имъ, именемъ короля, французскому посланнику въ Константинополѣ, герцогу Шуазель-Гуффье, въ которой послѣднему было предписано сдѣлать новыя попытки, чтобы привести Порту къ болѣе миролюбивымъ чувствамъ въ отношеніи Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогу Шуазелю было приказано категорически объявить Портѣ, что если она дастъ волю своей враждѣ къ Россіи и начнетъ противъ нея войну, Франція не намѣрена оказывать ей какую бы то ни было помощь. (Донесеніе Симолина отъ 21-го сентября (2-го октября) 1787 года).

„Я могу прибавить", писалъ Симолинъ въ томъ же донесеніи, „на основаніи положительнаго знанія, что, можетъ быть, никогда французскій дворъ не питалъ такихъ дружескихъ чувствъ къ нашему двору, какъ въ настоящее время. Произошла полная перемѣна въ воззрѣніяхъ, чувствахъ и въ дѣйствіяхъ. Императрица усмотритъ какую отсюда пользу можетъ она получить для своихъ интересовъ".

Однако безсиліе Франціи при Портѣ обнаружилось весьма скоро, когда Турція объявила войну Россіи. Тогда французской торговлѣ на Черномъ морѣ былъ нанесенъ весьма чувствительный ударъ вслѣдствіе закрытія черноморскихъ портовъ распоряженіемъ русскаго правительства. Графъ Сегюръ даже протестовалъ противъ такой мѣры, ссылаясь на только что заключенный коммерческій трактатъ. Но Вице-

lier n'eut pas de difficulté à refuter ces arguments en se référant à la guerre qui, par la force des choses, suspendait les opérations commerciales sur le théâtre des hostilités.

La France se montra également impuissante, lorsque Catherine II s'adressa au comte de Ségur avec la prière d'agir sur le roi de Suède, Gustave III, pour le détourner d'une agression contre la Russie. Il est vrai que d'après les rapports de Simoline, la Cour de Versailles trouvait que le roi de Suède était fou et le roi de France lui déconseillait fortement de risquer son trône par une guerre avec la Russie. Bien plus, le comte de Montmorin n'hésitait pas à reconnaître que l'Impératrice avait le droit de prescrire au roi de Suède telles conditions de paix qu'elle jugeait convenable. (Rapport de Simoline du 23 juin (4 juillet) et 21 juillet (1 août) 1788).

En attendant, Gustave III, sans attendre une réponse à l'ultimatum qu'il avait envoyé à St.-Pétersbourg, déclara la guerre à la Russie et attaqua la flotte russe sans tenir compte des bons conseils de la France. Bien plus: la cour de Versailles se vit obligée de faire l'aveu qu'aux termes du traité d'alliance avec la Suède, elle servait des subsides à celle-ci dans le cours de la guerre avec la Russie. Le Vice-Chancelier était parfaitement fondé de dire au comte de Ségur qu'il n'en voyait pas la nécessité et une fois que la Suède n'avait pas suivi les sages conseils de la France, celle-ci se trouvait dégagée de l'obligation de payer des subsides à Gustave III.

Ainsi dans les affaires de Turquie, aussi bien que dans celles de Suède, la France manifestait de l'impuissance et de la duplicité. Aussi perdait-elle aux yeux de Catherine II de plus en plus toute importance dans les questions politiques de l'Europe.

L'attitude de la cour de Versailles dans les affaires de Hollande ne fit que confirmer l'Impératrice dans ces idées. En octobre 1788, Catherine II écrivait à Simoline pour lui recommander de porter la cour de Versailles, comme de lui-même, à intervenir dans les affaires de Hollande en vue de contrecarrer les vues de l'Angleterre et de la Prusse, tendant à l'asservissement de ce pays.

„Tâchez de trouver une occasion“, écrivait-elle à Simoline, „pour décider Montmorin et d'autres personnes qui ont part aux affaires, de tenir dans la question de Hollande un langage énergique aux cours de Londres et de Berlin,

Канцлеру не трудно было опровергнуть эту аргументацію, ссылаясь на войну, которая силою вещей прекращаетъ мирные торговые обороты тамъ, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія.

Подобное же безсиліе выказала Франція, когда Императрица Екатерина II обратилась къ графу Сегюру съ просьбою остановить шведскаго короля Густава III отъ нападенія на Россію. Правда, Симолинъ доносилъ изъ Парижа, что Версальскій дворъ признаетъ шведскаго короля сумашедшимъ и что французскій король энергически отсовѣтываетъ Густаву III рисковать своимъ престоломъ, начиная войну противъ Россіи. Мало того: графъ Монморэнъ призналъ за русскою Императрицею неограниченное право предписать шведскому королю какія угодно условія мира. (Донесенія Симолина отъ 23-го іюня (4-го іюля) и 21-го іюля (1-го августа) 1788 года).

Между тѣмъ Густавъ III, не дождавшись отвѣта на посланный въ С.-Петербургъ ультиматумъ, объявилъ Россіи войну и напалъ на русскій флотъ, не обращая никакого вниманія на добрые совѣты Франціи. Мало того: Версальскій дворъ принужденъ былъ признаться, что во исполненіе союзнаго трактата съ Швеціей, онъ платилъ ей субсидіи въ войнѣ противъ Россіи. Вице-Канцлеръ имѣлъ полное основаніе сказать графу Сегюру, что о такомъ исполненіи не можетъ быть рѣчи, ибо Швеція не послушалась разумныхъ совѣтовъ Франціи и потому послѣдняя была въ правѣ ничего не платить шведскому королю.

Итакъ, какъ въ турецкомъ, такъ и въ шведскомъ вопросахъ Версальскій дворъ обнаруживалъ и безсиліе, и двуличіе. Поэтому въ глазахъ Императрицы Екатерины II Франція все болѣе и болѣе лишалась значенія въ дѣлахъ европейской политики.

Къ такому убѣжденію долженъ былъ привести Императрицу также образъ дѣйствій Версальскаго двора въ дѣлахъ Голландіи. Въ октябрѣ 1788 года Императрица писала Симолину, чтобъ онъ, какъ бы отъ себя, подвинулъ Версальскій дворъ вмѣшаться въ дѣла Голландіи съ цѣлью противодѣйствовать видамъ Англіи и Пруссіи, стремившихся къ полному порабощенію этой страны.

„Вы поэтому постарайтесь“, писала она Симолину, „воспользоваться случаями на внушеніе графу Монморэну и другимъ значущимъ и въ дѣлахъ участвующимъ людямъ, чтобы они по дѣламъ голландскимъ возвысили тонъ свой

qui en se prévalant de l'omnipotence acquise dans cette république, se garderont de faire des concessions et chercheront à l'étendre au préjudice de la cour de Versailles".

Lorsque le représentant de Russie donna de „lui-même" ce conseil au comte de Montmorin, celui-ci reconnut que le désir de l'Impératrice était parfaitement fondé et promit d'agir en conséquence. Il n'hésita pas à accuser la politique de son prédécesseur de „mollesse" et de „lâcheté", mais il ne fit rien lui-même pour réparer cette faute, et un coup sensible fut porté au prestige de la France en Hollande.

Enfin les événements, qui précédèrent la grande révolution française, manifestèrent la dissolution complète du pays et durent nécessairement compromettre le prestige de cette Puissance sur le terrain international. Les rapports de Simoline, remplis de détails sur les progrès du mouvement révolutionnaire en France, méritent l'attention particulière de tout historien de cette époque. Il est curieux de voir avec quelle insouciance les ministres français accueillirent les premiers pronostics de la révolution. Lorsque les parlements refusaient d'enrégistrer les décrets du roi, les masses populaires se ruaient sur les administrations et se livraient à des démonstrations blessantes à l'égard des membres de la famille royale et du roi lui-même, le comte de Montmorin rassurait le minstre de Russie, en affirmant que „dans ce pays-ci elles (ces émotions populaires) ne sont pas dangereuses". (Rapport de Simoline du 13 (24) août 1787).

Encore en novembre 1788, le comte de Montmorin assurait le ministre de Russie que dans quelques mois, „en été 1789" toute la nation française retrouverait le calme et reprendrait son énergie d'autrefois!

En attendant, la révolution française s'avançait à pas de géant vers son but final, savoir la dissolution de l'ancien régime et le renversement du trône. Lorsque Louis XVI s'est vu forcé de convoquer l'assemblée des notables, Catherine II fit observer à son secrétaire Chrapovitsky que c'est une entreprise qui ne réussit pas à tout le monde. Dans tous les cas, les événements qui se passèrent à l'intérieur de la France en 1787 et les années suivantes, trahissaient une

съ Дворами Лондонскимъ и Берлинскимъ, которые гордясь поверхностію своею насчетъ Франціи въ помянутой республикѣ пріобрѣтенною не уступятъ конечно и вездѣ индѣ распространятъ оную во вредъ и предосужденіе Версальскаго двора".

Когда русскій посланникъ „отъ себя" далъ французскому министру совѣтъ исполнить желаніе Императрицы, графъ Монморэнъ вполнѣ согласился съ основательностью такого желанія и обѣщалъ его исполнить. Мало того: онъ не затруднялся обвинять политику своего предшественника въ этомъ дѣлѣ въ „безхарактерности" и даже въ „трусости". Однако самъ гр. Монморэнъ ничего не сдѣлалъ, чтобъ исправить ошибки своего предшественника, и престижу Франціи былъ нанесенъ также и въ Голландіи чувствительный ударъ.

Наконецъ, событія, предшествовавшія великой французской революціи и обнаружившія полное внутреннее разложеніе Франціи, должны были роковымъ образомъ отозваться на международномъ престижѣ этой державы. Донесенія Симолина полны свѣдѣніями о постепенномъ развитіи революціоннаго движенія во Франціи и заслуживаютъ особеннаго вниманія для всякаго историка этой эпохи. Любопытно, какъ добродушно относились сперва французскіе министры къ предвѣстіямъ французской революціи. Когда королевскіе декреты стали опротестовываться парламентами, когда толпы народа стали осаждать присутственныя мѣста, когда толпа безнаказаннымъ образомъ стала оскорблять членовъ королевской семьи и даже самого короля, гр. Монморэнъ успокаивалъ русскаго посланника, увѣряя его, что „въ нашей странѣ такія событія не вызываютъ никакихъ опасеній". (Донесеніе Симолина отъ 13-го (24-го) августа 1787 г.).

Еще въ ноябрѣ 1788 года гр. Монморэнъ продолжалъ увѣрять русскаго посланника, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, „къ лѣту 1789 года". весь французскій народъ успокоится и опять воспрянетъ прежнею силою и значеніемъ!

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ французская революція исполинскими шагами двигалась впередъ къ своей конечной цѣли: къ разрушенію ancien régime и къ низверженію королевскаго престола. Когда король Людовикъ XVI принужденъ былъ созвать собраніе нотаблей, Екатерина II справедливо замѣтила своему секретарю Храповицкому, что это такое предпріятіе, которое не каждому удастся. Во всякомъ случаѣ событія внутренней госу-

complète dissolution de l'organisme politique et paralysaient toute initiative du gouvernement français dans le domaine de la politique internationale.

En prenant en considération les faits signalés plus haut, on comprend que les négociations au sujet de la conclusion d'un traité d'alliance entre la Russie et la France devaient aboutir à un échec complet. Ces négociations furent poursuivies dans le cours des années 1788 et 1789 et restèrent complètement stériles.

La cour de Versailles prit l'initiative dans cette question, en chargeant le comte de Ségur de faire des ouvertures formelles au gouvernement russe au sujet de la conclusion d'un traité. Le comte de Ségur s'occupa avec ardeur de cette affaire et espérait pouvoir compter sur un complet succès, grâce à son intimité avec le prince Potemkine.

Mais les vues secrètes que poursuivait la cour de Versailles dans cette circonstance se trahirent bientôt: elle désirait connaître les intentions de l'Impératrice au sujet de l'Empire Ottoman avec lequel elle était en guerre. Le gouvernement français était très désireux de connaître si l'Impératrice se proposait, dans le cas d'une issue heureuse de cette guerre, de réaliser son projet quant au rétablissement de l'Empire de Byzance à Constantinople avec le Grand-Duc Constantin Pavlovitch comme Empereur? La cour de Versailles supposait que, sous prétexte d'examiner les différents articles du traité d'alliance, il serait possible d'élucider les vues de l'Impératrice au sujet du démembrement de l'Empire Ottoman. En posant ainsi la question de l'alliance, la cour de Versailles ne put recevoir que des réponses évasives à ses investigations indiscrètes, et dut provoquer le refus définitif de Catherine II de conclure un traité.

Les vues du gouvernement russe à ce sujet sont clairement exposées dans les instructions adressées à M. de Simoline le 5 février 1788: „Nous voyons avec satisfaction que des deux parts on reconnait cette vérité que la France et la Russie se trouvent dans cette heureuse situation où elles peuvent se rendre plutôt utiles que dangereuses l'une à l'autre.“

дарственной жизни французскаго народа за 1787 и слѣдующіе года обнаружили полное разстройство государственнаго организма Франціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, парализовали всякую самостоятельную иниціативу французскаго правительства въ области международной политики.

Если принять въ соображеніе всѣ вышеупомянутыя обстоятельства, то совершенно понятно будетъ, почему окончились полною неудачею переговоры между Россіею и Франціею о заключеніи союзнаго между обѣими державами трактата. Эти переговоры продолжались въ продолженіи 1788 и 1789 годовъ и остались безъ всякаго результата.

Почипъ въ этомъ вопросѣ принадлежалъ Версальскому двору, приказавшему графу Сегюру сдѣлать формальное предложеніе о заключеніи франко-русскаго трактата. Графъ Сегюръ чрезвычайно горячо взялся за это дѣло и, благодаря своей близости къ князю Потемкину, имѣлъ полную надежду разсчитывать на успѣхъ.

Однако, весьма скоро выяснилась тайная цѣль, которую преслѣдовалъ Версальскій дворъ, дѣлая свое предложеніе: онъ желалъ знать, какіе виды преслѣдуетъ Императрица насчетъ Оттоманской имперіи, съ которою она воевала? Французское правительство очень интересовалъ вопросъ: намѣрена ли Императрица, послѣ удачной войны противъ Турціи, привести въ исполненіе свой планъ возстановленія въ Константинополѣ престола византійскихъ императоровъ, съ императоромъ Константиномъ Павловичемъ во главѣ? Версальскій дворъ полагалъ, что подъ предлогомъ обсужденія статей союзнаго трактата, можно будетъ выяснить настоящіе виды Императрицы Екатерины II относительно раздѣла Оттоманской имперіи. Поставивъ такимъ образомъ вопросъ о союзѣ, Версальскій дворъ могъ получить только уклончивые отвѣты на нескромные вопросы и, наконецъ, вызвать рѣшительный отказъ Екатерины II вступить въ союзъ съ Франціею.

Въ инструкціи Симолину отъ 5-го февраля 1788 г. весьма ясно выражена русская точка зрѣнія на союзъ съ Франціею. Императрица очень сочувствуетъ идеѣ такого союза и пишетъ: „Мы съ особливымъ удовольствіемъ видимъ, что провозглашеніе той истины, къ которой обѣ стороны отъ нѣкотораго времени убѣждены, что Россія и Франція взаимно въ томъ счастливомъ положеніи пребываютъ, что скорѣе другъ другу любезными, нежели одна другой какой либо вредъ или помѣшательство нанести могутъ“.

Mais si la cour de Versailles désire connaître les intentions de la Russie au sujet de la guerre et de la paix à conclure, l'Impératrice se trouve embarrassée de donner satisfaction à ce désir, vu que la guerre commencée par „les barbares et les ennemis de la chrétienneté“ n'étant pas terminée, il serait difficile de préjuger l'avenir. Si dans les années 1779 et 1783 le gouvernement Impérial s'énonçait avec franchise vis à-vis de la cour de Versailles, c'est que les circonstances du moment permettaient ce langage. Aujourd'hui, en considération de l'amitié existant entre les deux gouvernements, cette franchise serait encore plus naturelle, si elle était possible; elle est exclue par la force des choses et la situation du jour; on se trouve en présence de l'inconnu.

Selon l'avis de l'Impératrice, le roi se trouvait plutôt dans le cas d'exposer ses vues au sujet de la guerre actuelle et de ses conséquences. Toutefois le traité d'alliance ne fut pas conclu. Il se heurtait à des obstacles d'une nature secondaire et primordiale: parmi les premiers on peut signaler le désir des contractants d'associer à l'alliance l'Autriche et l'Espagne. Celle-ci refusa catégoriquement, et l'autre posa des conditions que la cour de Versailles crut devoir décliner. L'obstacle principal était nécessairement l'exigence formulée par la France de connaître les conditions de la paix future entre la Russie et la Porte. Enfin l'orage grondant de la révolution répandait au sein du gouvernement français une telle crainte pour l'avenir que l'idée d'une alliance franco-russe devait être abandonnée par la force des choses.

En mars 1789 le comte de Ségur reçut de son gouvernement les instructions définitives au sujet de la conclusion d'un traité d'alliance, dont le projet se trouvait rédigé et comprenait 14 articles *). Le comte de Montmorin fit part de ces instructions à M-r de Simoline et celui-ci ne put s'empêcher d'y reconnaître „la simplicité, la vérité, et une noble franchise sur la position intérieure de la France.“ (Rapport de Simoline du 7 (18) mars 1789).

En exécution des ordres qu'il avait reçus, le comte de Ségur se présenta chez le Vice-Chancelier comte Ostermann et lui exposa que l'Espagne „ayant décliné de s'engager dans une nouvelle alliance quelconque, en restant toutefois fidèle à son ancien système avec la France, en

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 464.

Однако, если Версальскій дворъ желаетъ впередъ знать намѣренія и виды Россіи по случаю войны и насчетъ будущаго мира, то Императрица затрудняется исполнить такое желаніе, ибо когда, начатая противъ Россіи „варварами и врагами всего христіанства“ война еще продолжается, ничего нельзя сказать о томъ, что будетъ. Если въ 1779 и 1783 годахъ Императорское правительство откровенно высказалось Версальскому двору, то это тогда возможно было по обстоятельствамъ и по времени. Теперь, при существующей между ними дружбѣ откровенность еще болѣе естественна, еслибъ была возможна. Но ни „самое существо, ни положеніе вещей“ не дозволяетъ откровенности. Все неизвѣстно.

Напротивъ, по мнѣнію Императрицы, теперь скорѣе король можетъ излагать свои виды и намѣренія насчетъ настоящей войны и ея послѣдствій. Однако, заключеніе союзнаго трактата всетаки не состоялось. Были препятствія второстепенныя и главныя. Къ первымъ нужно отнести желаніе договаривающихся державъ привлечь къ союзу Австрію и Испанію. Послѣдняя совсѣмъ отказалась, а вторая ставила условія, которыя Версальскій дворъ отвергъ. Къ главнымъ же препятствіямъ нужно было отнести, прежде всего, требованіе Франціи знать впередъ условія будущаго мира между Россіею и Турціею. Наконецъ, громовые раскаты французской революціи стали распространять въ нѣдрахъ самого французскаго правительства такой страхъ и боязнь за будущее, что идея франко-русскаго союза должна была отпасть самою силою вещей.

Наконецъ, въ мартѣ 1789 года графъ Сегюръ получилъ отъ своего правительства окончательную инструкцію относительно заключенія союзнаго трактата, проектъ котораго былъ уже готовъ и состоялъ изъ 14 статей *). Графъ Монморэнъ прочелъ Симолину эту инструкцію и послѣдній нашелъ, что въ ней содержатся „простота, правда и благородная откровенность насчетъ внутренняго состоянія Франціи“. (Донесеніе Симолина отъ 7-го (18-го) марта 1789 года).

Въ исполненіе полученныхъ приказаній, графъ Сегюръ явился къ Вице-Канцлеру, графу Остерману, и объяснилъ, что такъ какъ Испанія „уклонилась отъ вступленія въ новые какіе либо союзы, держась однакожъ старинной своей системы съ Франціей, то Его Хри-

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 464.

vue de l'impossibilité d'exécuter le projet dans sa plénitude, Sa Majesté Très-Chrétienne jugeait opportun d'ajourner la conclusion de l'alliance jusqu'au moment, où la paix serait conclue entre les deux Cours Impériales et la Porte et où la situation intérieure de la France serait réglée par l'assemblée des Etats-généraux; jusque là la France, loin de songer à contracter de nouveaux engagements, pourrait se trouver dans la difficulté de remplir, le cas échéant, ceux actuellement existants. D'ailleurs par la conclusion de cette alliance dans ce moment, elle se priverait de la possibilité d'exercer une action sur la Porte et de prêter un appui aux deux Cours Impériales."

стіаннѣйшее Величество, видя невозможность сей предметъ въ полномъ краѣ исполнить, почитаетъ за лучшее совершеніе того союза отложить, пока примиреніе между обоими императорскими дворами и Портою послѣдуетъ и его собственное внутреннее распоряженіе наилучшимъ образомъ устроится по собраніи государственныхъ чиновъ; ибо до приведенія онаго въ порядокъ, Франція не только не можетъ помышлять о выполненіи обязательствъ при вступленіи въ новый союзъ, но немалое затрудненіе повстрѣчаетъ и въ исполненіи прежнихъ, когда бы случай къ тому насталъ. Къ тому жъ заключеніемъ такого союза въ нынѣшнее время лишилась бы она всей своей инфлюенціи при Портѣ и не могла бъ обоимъ императорскимъ дворамъ способствовать".

En vue de ces considérations, la cour de Versailles proposait, par l'organe du comte de Ségur, de s'entendre préalablement sur les bases de cette alliance, pour pouvoir la conclure aussitôt que le moment opportun serait venu; c'est à cet effet que le projet rédigé par la Cour est envoyé au ministre de France avec les pleinpouvoirs nécessaires. (Procès-verbal de la conférence du 29 mars 1789).

Въ виду этихъ соображеній Версальскій дворъ, устами графа Сегюра, предложилъ только „теперь заблаговременно условиться объ основаніяхъ того союза, такъ чтобъ по настаніи удобнаго времени оставалось оной только совершить; для чего и прислалъ къ нему, посланнику, составленный дворомъ его проектъ съ полномочіемъ". (Конференціальная записка отъ 29-го марта 1789 года).

Le Vice-Cancelier ne put s'empêcher de faire observer au ministre de France que, dans le moment actuel, ce serait sans objet d'entrer en négociations au sujet des bases d'un traité d'alliance dans l'avenir.

Вице-Канцлеръ не могъ не замѣтить французскому посланнику, что въ настоящее время вступать въ переговоры объ основаніяхъ будущаго союзнаго трактата—не имѣетъ смысла.

Cette pensée sage fut exposée avec quelques développements dans une dépêche du comte Ostermann à M-r de Simoline du 17 juillet 1789. „Cependant on a jugé de notre côté superflu," écrivait le Vice-Chancelier, „toute discussion réglée des articles du projet en question, avant que l'on puisse déterminer le temps, où ils doivent être convertis en stipulations effectives. „Par conséquent, l'Impératrice attend avec impatience et intérêt" que les affaires internes de la France prennent bientôt une tournure heureuse, pour lui permettre de s'occuper efficacement de celles du dehors qui n'affectent peut-être pas moins sa considération et même son bien-être futures."

Эта разумная мысль была развита въ депешѣ графа Остермана къ И. М. Симолину отъ 17-го іюля 1789 года. „Съ нашей стороны", писалъ Вице-Канцлеръ, „признано излишнимъ вступить въ серьезное обсужденіе статей проекта союзнаго трактата раньше, чѣмъ можно опредѣлить время, когда онѣ должны будутъ превращены въ положительныя постановленія". Поэтому Императрица рѣшила ждать, чтобъ „внутреннія дѣла Франціи скорѣе приняли счастливый оборотъ и чтобъ она опять могла настоящимъ образомъ заниматься внѣшними дѣлами, которыя можетъ быть не меньше затрогиваютъ ея значеніе и даже ея благополучіе въ будущемъ".

C'est là-dessus que se terminèrent les pourparlers entre la Russie et la France au sujet de la „grande affaire" c.-a.-d. de la conclusion de l'alliance franco-russe.

На этомъ кончились переговоры между Россіею и Францією насчетъ „великаго дѣла", т. е. заключенія франко-русскаго союза.

Aussitôt que ces pourparlers eurent pris fin, tout échange d'idées entre les cours de Versailles et de St.-Pétersbourg cessa également. Le comte de Ségur quitta son poste en octobre 1789. Il

Послѣ окончанія переговоровъ о союзномъ трактатѣ, обмѣнъ мыслей по международнымъ вопросамъ между Версальскимъ и С.-Петербургскимъ дворами совершенно прекратился

ne se proposait que de faire une absence pour un congé et comptait revenir dans quelques mois. Mais l'Impératrice Catherine II, qui appréciait hautement les talents et le dévouement du ministre de France, prit congé de lui pour toujours. Elle prévoyait très bien les progrès de la révolution française et ne dissimula pas ses inquiétudes à cette audience de congé.

„Je vous vois partir avec peine", dit-elle; „vous feriez mieux de rester avec moi et de ne pas aller chercher des orages dont vous ne prévoyez peut-être pas toute l'étendue. Votre penchant pour la philosophie et pour la liberté vous portera infailliblement à soutenir la cause populaire; j'en serai fâché, car moi je resterai aristocrate. C'est mon métier" *).

L'événement confirma ces prévisions de Catherine II. Le comte de Ségur ne retourna plus à son poste à St.-Pétersbourg, et les relations diplomatiques entre la Russie et la France cessèrent complètement.

Dans ses rapports de 1789 à 1791 Simoline continuait à communiquer des détails intéressants sur la marche de la révolution française, les débats de l'assemblée nationale, la fuite et l'arrestation de Louis XVI et de Marie Antoinette etc. Ses rapports présentent des matériaux précieux pour l'histoire de la révolution française, mais traitent rarement de relations internationales. Simoline semblait très frappé „que dans l'espace de 36 heures la Monarchie française est anéantie, et son chef reduit à souscrire tout ce qu'un peuple effréné, cruel et barbare exige avec insolence et d'un ton impératif".

„Jamais", ajoutait Simoline, „mon âme n'était aussi attristée, que dans le moment actuel. Paris est devenu un repaire de tigres." (Rapports du 8 (19) et du 13 (24) juillet 1789).

A cette époque, deux corses, un lieutenant-colonel de l'armée française et un chevalier de Saint-Louis se présentèrent chez le ministre de Russie pour lui faire la communication suivante très curieuse. Le gouvernement français n'est évidemment pas en mesure de maintenir l'ordre et son pouvoir en Corse et pourrait facilement prendre la décision de céder cette île soit à l'Espagne, soit à la république de Gênes. C'est

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 478.

Графъ Сегюръ покинулъ въ октябрѣ 1789 года свой постъ. Онъ намѣренъ былъ уѣхать только въ отпускъ и думалъ вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ С.-Петербургъ. Но Императрица Екатерина II, очень цѣнившая таланты и преданность ей французскаго посланника, простилась съ нимъ навсегда. Она лучше предвидѣла развитіе французской революціи и съ грустью съ нимъ разсталась.

„Я скорблю о вашемъ отъѣздѣ. Вы бы лучше сдѣлали, еслибъ остались со мною и не шли на встрѣчу бурямъ, которыхъ полнаго значенія вы можетъ быть не предвидите. Ваша любовь къ философіи и свободѣ непреодолимымъ образомъ заставитъ васъ вступиться за благо народное. Я объ этомъ буду жалѣть, потому что я останусь аристократкою. Это мое ремесло" *).

Событія вполнѣ оправдали прозорливость Императрицы Екатерины II. Графъ Сегюръ не возвратился на свой постъ въ С.-Петербургъ, и дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею совершенно прекратились.

Симолинъ, въ своихъ донесеніяхъ за 1789 по 1791 годъ, продолжалъ сообщать весьма интересныя свѣдѣнія о ходѣ французской революціи, о преніяхъ Національнаго Собранія, о бѣгствѣ и задержаніи короля Людовика XVI и королевы Маріи Антуанеты и т. д. Его донесенія представляютъ интереснѣйшій матеріалъ для исторіи французской революціи, но весьма мало касаются дипломатическихъ сношеній. Симолинъ былъ ужасно пораженъ, что „въ продолженіи 36 часовъ французская монархія уничтожена и что ея глава принужденъ подписывать все, что необузданный, жестокій и варварскій народъ требуетъ отъ него самымъ дерзкимъ и нахальнымъ образомъ".

„Никогда", прибавилъ Симолинъ, „моя душа не была такъ опечалена, какъ въ настоящее время. Парижъ обратился въ вертепъ тигровъ". (Донесенія отъ 8-го (19-го) и 13-го (24-го) іюля 1789 года).

Въ это самое время къ русскому посланнику пришли два корсиканца—одинъ подполковникъ французской арміи, а другой кавалеръ ордена Св. Людовика, съ слѣдующимъ интереснымъ заявленіемъ. Французское правительство очевидно не въ состояніи поддерживать на островѣ Корсикѣ порядокъ и свою власть и потому можетъ придти на мысль передать островъ или Испаніи или Генуэской республикѣ.

*) Rambaud. Recueil, t. II, p. 478.

ce que les habitants ne désirent pas et ne voudront jamais admettre. Aussi, dans la seule éventualité de cette cession et en vue de la prévenir les Corses proposent cette île à la Russie!

Simoline accueillit ad referendum ces ouvertures étranges, sans énoncer son avis à ce sujet. (Rapport du 16 (27) octobre 1789).

Cet incident sert à illustrer l'état de dissolution complète des affaires intérieures et extérieures en France. Grâce au mouvement révolutionnaire on y voit surgir les projets et les combinaisons les plus étranges qui disparaissent aussitôt. Simoline ne savait plus à qui s'adresser et qui consulter. Le comte de Montmorin échappa avec peine „à la lanterne" et donna sa démission. Le ministre de Russie lui-même était menacé de mort, car on le soupçonnait d'avoir secrètement favoriser la fuite de la famille royale. Lafayette crut devoir faire mettre une triple garde devant l'hôtel du représentant de Russie.

D'ailleurs ces soupçons n'étaient pas denués de fondement: on avait trouvé un passeport russe au nom de la baronne de Korff chez une dame faisant partie de la suite de la reine, lors de la fuite de famille royale. Lorsqu'après l'arrestation du roi, le comte de Montmorin demanda à Simoline des explications à ce sujet, le ministre répondit que le passeport qu'il avait délivré „par inadvertance" tomba en des mains étrangères et qu'on en fit un usage „inconsidéré".

Pour cette réponse Simoline reçut une réprimande de son gouvernement. Eût-il donné même avec intention un passeport au roi de France ou à des personnes de sa suite, que l'Impératrice n'eut pas manqué de l'approuver. Mais le Vice-Chancelier trouva très étrange de qualifier d'illégitime et d'inconsidéré l'usage qu'auraient fait du passeport russe des personnes, qui prenaient la défense du roi de France. On lui recommandait en général de n'entretenir aucun rapport avec les personnes nommées par „la soidisante l'Assemblée Nationale" pour les pourparlers avec les membres du corps diplomatique. Si, dans ces conditions son séjour à Paris devenait embarrassant, il pouvait quitter la France en tout temps et sous le prétexte qu'il jugerai convenable (Dépêche du comte Osterman du 31 juillet 1791).

Il était évident que le séjour ultérieur de Simoline à Paris devenait dangereux et sans objet.

Catherine II désirait qu'il n'entretint de re-

Этого Корсиканцы не хотятъ и не допустятъ. Поэтому, только на случай такой передачи, Корсиканцы, желая ее предупредить, предлагаютъ островъ — Россіи!

Симолинъ принялъ такое удивительное предложеніе для донесенія своему правительству, не высказавъ никакого мнѣнія. (Донесеніе отъ 16-го (27-го) октября 1789 г.)

Этотъ случай доказываетъ полное разстройство внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Франціи. Всевозможные проекты и комбинаціи возникаютъ и исчезаютъ въ мигъ, благодаря безпрерывному теченію революціоннаго движенія. Симолинъ положительно не зналъ, съ кѣмъ имѣть дѣло и кого слушать. Графъ Монморэнъ съ трудомъ спасся отъ „фонаря" и вышелъ въ отставку. Самому русскому посланнику угрожали смертью, подозрѣвая его въ тайномъ содѣйствіи бѣгству королевской семьи. Лафайетъ долженъ былъ поставить тройную военную стражу къ дому русскаго посланника.

Впрочемъ, было нѣкоторое основаніе для такого подозрѣнія: у одной дамы, бывшей въ свитѣ королевы Маріи Антуанеты во время бѣгства, нашелся русскій паспортъ на имя баронессы Корфъ. Когда, послѣ задержанія короля и королевы, графъ Монморэнъ спросилъ у Симолина объясненія по этому поводу, посланникъ отвѣтилъ, что выданный имъ паспортъ „по легкомыслію" попалъ въ чужія руки и имъ воспользовались.

За такой отвѣтъ Симолинъ получилъ отъ своего правительства строжайшій выговоръ. Еслибъ онъ даже умышленно далъ паспортъ французскому королю или лицамъ его свиты, то Императрица удостоила бы его только одобренія. Но назвать пользованіе русскимъ паспортомъ со стороны лицъ, поддерживающихъ французскаго короля, необдуманнымъ или незаконнымъ Вице-Канцлеръ находилъ крайне страннымъ. Вообще ему предписывалось не входить ни въ какія сношенія съ лицами, назначенными „такъ называемымъ Національнымъ Собраніемъ" для переговоровъ съ чинами дипломатическаго корпуса. Если же, при такомъ условіи, дальнѣйшее пребываніе его въ Парижѣ окажется неудобнымъ, то онъ можетъ выѣхать изъ Франціи во всякое время и подъ предлогомъ, который онъ самъ выберетъ. (Депеша графа Остермана отъ 31 іюля 1791 года).

Очевидно было, что дальнѣйшее пребываніе Симолина въ Парижѣ дѣйствительно было и безцѣльно, и опасно.

Императрица Екатерина II писала, чтобъ

lations qu'avec le Ministre des affaires étrangères, nommé par le roi de France. Mais il n'y avait plus en France de fonctionnaire de cette nature depuis la chute de la monarchie.

Il n'y avait également plus de sujets russes en France qui aient eu besoin de la protection du ministre de Russie, car déjà en 1790 Simoline reçut l'ordre de dresser la liste des sujets russes, établis en France et de leur enjoindre, au nom de l'Impératrice, de quitter ce pays immédiatement.

Simoline s'empressa de s'acquitter de l'exécution de cet ordre suprême. Il n'y avait pas beaucoup de Russes établis à Paris, et ils se soumirent aussitôt à cette injonction et quittèrent cette capitale. Toutefois le ministre ne réussit pas à découvrir le comte Strogonow pour lui notifier cette disposition de l'Impératrice. Il savait que ce jeune homme avait été détourné de la bonne voie par son instituteur français, M-r Ramme, qui le conduisait au club des jacobins et à d'autres réunions révolutionnaires. Le ministre s'adressa par conséquent à son père pour l'engager d'écrire à son fils et de prendre les mesures nécessaires pour son retour en Russie.

L'Impératrice Catherine II écrivit de sa propre main la résolution suivante sur le rapport de Simoline du 16 (27) août 1790, ayant trait à cet incident: „Ayant pris lecture des rapports de Simoline de Paris, arrivés par la voie de Vienne et concernant les sujets russes, je trouve nécessaire qu'ils fussent soumis au Conseil encore aujourd'hui et que le comte Bruce fût chargé de communiquer au comte Strogonow que M-r Ramme, l'instituteur de son fils, conduit ce jeune homme au club des jacobains et l'initie à la propagande qui aspire à soulever les nations contre les pouvoirs établis; il importe que le comte Strogonow prenne les dispositions nécessaires pour le soustraire à ces influences dangereuses, car le comte Bruce ne consentirait pas à l'admettre en Russie, même à titre de *marchandise*."

D'après les dossiers des Archives on ne voit pas quelle fut l'issue de cet incident.

En décembre 1791, Simoline reçut l'ordre de se rendre à Bruxelles et de laisser à Paris, en qualité de chargé d'affaires, le secrétaire de légation Novicow. Toutefois Simoline ne devait pas présenter celui-ci au gouvernement révolutionnaire comme un représentant officiel de la Russie. Novicow était seulement chargé de gérer ad

Симолинъ имѣлъ сношенія только съ французскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, назначеннымъ французскимъ королемъ. По такого лица не было послѣ низверженія французской монархіи.

Русскихъ же подданныхъ, нуждавшихся въ покровительствѣ посланника, также не было во Франціи, ибо уже въ 1790 году Симолину было предписано составить списокъ всѣхъ русскихъ подданныхъ, находящихся во Франціи, и сообщить имъ предписаніе Императрицы немедленно покинуть французскую территорію.

Симолинъ немедленно исполнилъ Высочайшее повелѣніе. Русскихъ подданныхъ оказалось немного въ Парижѣ, и всѣ немедленно подчинились данному приказанію и выѣхали изъ Парижа. Только молодого графа Строгонова посланникъ не могъ найти и сообщить ему Высочайшее повелѣніе. Посланнику было извѣстно, что графъ Строгоновъ былъ совращенъ своимъ воспитателемъ, французомъ Рамъ, который его водилъ въ клубъ Якобинцевъ и на другія собранія революціонеровъ. По этой причинѣ посланникъ просилъ, чтобъ отецъ графъ Строгоновъ написалъ сыну и принялъ свои мѣры для возвращенія его въ отечество.

На донесеніи Симолина, отъ 16-го (27-го) августа 1790 года, объ этомъ дѣлѣ Императрица Екатерина II собственноручно написала слѣдующую русскую резолюцію: „Читая вчерашнія реляціи Симолина изъ Парижа, полученныя чрезъ Вѣну, о россійскихъ подданныхъ за нужно нахожу сказать, чтобъ оныя непремѣнно читаны были въ Совѣтѣ сего дня, и чтобъ графу Брюсу поручено было сказать графу Строгонову, что учитель его сына *Рамъ*, сего человѣка младаго ему порученнаго, вводитъ въ клубъ жакобановъ и *пропаганда* учрежденной для взбунтованія вездѣ народовъ противу власти и властей, и чтобъ онъ Строгоновъ сына своего изъ таковыхъ зловредныхъ рукъ высвободилъ, ибо онъ, графъ Брюсъ, *товарами* въ Петербургъ не впуститъ".

Изъ дѣлъ Архива не видно, какъ кончилось дѣло молодого графа Строгонова.

Въ декабрѣ 1791 года, Симолинъ получилъ предписаніе выѣхать изъ Франціи въ Брюссель и оставить въ Парижѣ секретаря миссіи, Новикова въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ. Однако, послѣдняго Симолинъ не долженъ былъ представлять французскому революціонному правительству въ качествѣ офиціальнаго предста-

interim les affaires de la légation. L'Impératrice ne voulait pas être la première à rompre les relations avec la France. Mais si le gouvernement révolutionnaire n'eut pas voulu reconnaître Novicow en cette qualité indéterminée, Simoline pouvait établir une corresponnance avec le „confident" du Ministère des affaires étrangères qui lui communiquait de temps à autre des renseignements très intéressants. Enfin le ministre reçut l'ordre de tâcher d'avoir une entrevue avec le roi et la reine avant son départ et de les assurer de l'attachement sincère de l'Impératrice de Russie.

Simoline exécuta scrupuleusement toutes ces prescriptions. Les détails sur les entrevues avec le roi et la reine méritent une attention particulière. En décembre 1791, à une soirée, la reine Marie Antoinette profita d'un moment favorable pour dire à Simoline qu'elle cherchait depuis longtemps l'occasion de lui parler, mais qu'elle n'osait pas le faire, se trouvant entourée d'espions. Elle en profite pour prier le ministre de se faire l'interprête de ses sentiments de reconnaissance pour l'intérêt que l'Impératrice témoigne à la famille royale et à toutes les personnes qui prennent la défense de la juste cause. (Rapport de Simoline du 22 décembre 1791 (2 janvier 1792).

L'entrevue qu'il eut avec la reine immédiatement avant son départ de Paris était encore plus intéressante. Je crois devoir citer presqu'en entier le compte-rendu qu'il adressa à ce sujet à l'Impératrice dans son rapport de Bruxelles, du 31 janvier (11 février) 1792.

L'entrevue eut lieu dans la chambre à coucher de la reine et se prolongea au delà de trois heures. Ce fut la reine elle-même qui reçut Simoline et ferma la porte à clef, dés qu'il fut entré. Elle le fit asseoir à côté d'elle et lui dit que l'Impératrice doit avoir connaissance de sa situation par la lettre qui lui fut remise par le baron de Breteuil. Elle lui raconta ensuite les détails de sa fuite des Tuileries, qui échoua grâce à la trahison de l'une de ses femmes de garderobe. Durant tout ce récit la reine avait les larmes aux yeux.

Le roi entra dans la chambre à coucher une heure après et dit qu'il voulait également voir le ministre avant son départ. Il le pria d'assurer

вителя Россіи. Новиковъ долженъ былъ только „на время" завѣдывать дѣлами русской миссіи. Императрица не желала бы первою разорвать сношенія съ Франціею. Но если революціонное французское правительство не пожелаетъ признать Новикова въ такомъ неопредѣленномъ званіи, то Симолинъ долженъ былъ устроить переписку съ тѣмъ довѣреннымъ лицомъ изъ французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое уже сообщало ему разныя интересныя свѣдѣнія. Наконецъ, до отъѣзда посланнику было приказано постараться видѣть короля и королеву и увѣрить ихъ въ искреннѣйшей привязанности къ нимъ русской Императрицы.

Симолинъ исполнилъ всѣ предписанія, имъ полученныя. Исключительнаго интереса заслуживаютъ его свиданія съ королемъ и королевою Франціи. Въ декабрѣ 1791 года, на вечерѣ, королева Марія Антуанетъ воспользовалась удобною минутою, чтобъ сказать Симолину, что она уже давнымъ-давно искала случая поговорить съ нимъ, но не смѣла, ибо она окружена шпіонами. Теперь она пользуется случаемъ, чтобъ просить посланника передать ея искреннюю благодарность Императрицѣ за то расположеніе, съ которымъ она относится къ королевской семьѣ и ко всѣмъ защитникамъ праваго дѣла. (Донесеніе Симолина отъ 22-го декабря 1791 г. (2-го января 1792 г.).

Гораздо интереснѣе было секретное свиданіе съ королевою Маріею Антуанетъ, которое Симолинъ имѣлъ съ нею передъ самымъ отъѣздомъ изъ Парижа. Приведу почти весь отчетъ Симолина, безъ существенныхъ сокращеній, данный Императрицѣ въ донесеніи изъ Брюсселя отъ 31-го января (11-го февраля) 1792 года.

Свиданіе имѣло мѣсто въ спальнѣ королевы и продолжалось болѣе трехъ часовъ. Сама королева приняла Симолина и заперла за нимъ дверь на ключъ. Потомъ она посадила его подлѣ себя и сказала, что Императрица знаетъ объ ея положеніи изъ письма, пересланнаго ей чрезъ барона Бретёля. Затѣмъ королева подробно разсказала Симолину о своемъ бѣгствѣ изъ Тюльерійскаго дворца, которое, къ несчастью, не удалось, благодаря измѣнѣ одной изъ ея гардеробныхъ прислужницъ. Во время этого разсказа глаза королевы постоянно наполнялись слезами.

Черезъ часъ вошелъ въ спальню король и сказалъ, что ему также хотѣлось видѣть посланника до его отъѣзда. Онъ просилъ засвидѣ-

l'Impératrice que tout son espoir ne reposait que sur elle. Il semble qu'on désire à St.-Pétersbourg et à Stockholm, dit le roi, que je quitte Paris, mais c'est impossible dans ce moment. Enfin le roi ne semble pas disposé à assumer le rôle d'un prétendant au trône.

„Il est toutefois probable," ajouta Louis XVI, „que si les Puissances marchaient toutes dans un parfait concert et sur la même ligne, elles réussiraient à faire rentrer le parti des factieux et les Républicains dans le néant, sans être réduites à en venir à des voies de fait (sic!) De l'autre côté, il est à parier, que si cet état de choses dure encore deux ans, la royauté sera éteinte et il n'y aura plus de Roi en France."

L'idée de chercher un secours à l'étranger repugne au roi et à la reine, mais malheureusement en France ils ne peuvent attendre d'aucune part de la protection et de la justice. „La noblesse et les Parlements", disaient-ils, „ont ruiné la France et une banqueroute était inévitable."

Après que le roi eut quitté la chambre, la reine énonça avec plus de franchise encore ses sentiments intimes au ministre de Russie. Elle lui dit „qu'elle était navré de la froideur et de la versatilité de son frère (Léopold II, l'Empereur d'Allemagne) qui conservait sur le trône la façon de penser d'un petit duc de Toscane, qui avait fait 17 ou 18 enfants qui l'occupaient"... Lorsque Simoline fit observer à la reine que peut-être la crainte d'exposer à un danger sa vie et celle des siens l'empêchait d'agir ouvertement, Marie-Antoinette répondit „que le roi et son fils étaient nécessaires à la nation, qu'elle ne craignait rien pour eux, et pourvu qu'ils soient sauvés, tout lui était indifférent". Quant à elle-même, elle eut préféré la mort aux humiliations continuelles auxquelles elle est exposée.

C'est ainsi que se termina cette intéressante audience de Simoline chez la malheureuse reine de France qui jusqu'au moment de son exécution se faisait toujours des illusions au sujet de sa position désespérée. Simoline reçut de la reine des lettres pour l'Empereur Léopold II et le prince de Kaunitz, qu'il remit personellement aux destinataires à son arrivée à Vienne, en février 1792. Mais ces lettres n'eurent aucun effet et furent impuissantes à sauver la reine.

Au mois de juin de la même année Novicow

тельствовать передъ Императрицею, что только на нее возлагаетъ онъ всю свою надежду. Въ С.-Петербургѣ и въ Стокгольмѣ, сказалъ король, кажется желаютъ, чтобъ я покинулъ Парижъ. Но это въ настоящее время невозможно. Наконецъ, королю не особенно нравится имѣть роль претендента на престолъ.

„Впрочемъ", прибавилъ Людовикъ XVI, „весьма вѣроятно, что еслибъ державы пошли въ полномъ согласіи и въ одномъ направленіи, то онѣ могли бы уничтожить партію бунтовщиковъ и республиканцевъ, не будучи вынуждаемы прибѣгать къ силѣ (sic!). Съ другой стороны, можно пари держать, что если настоящее положеніе вещей еще продолжится два года, королевство исчезнетъ, и во Франціи больше не будетъ короля".

По мнѣнію короля и королевы, имъ обоимъ претитъ мысль, что они должны искать помощи у иностранцевъ, но, къ несчастью, въ самой Франціи имъ неоткуда ожидать помощи и справедливости. „Дворянство и парламенты", сказалъ король, „разорили Францію, и общее банкротство неизбѣжно".

Послѣ ухода изъ комнаты короля Людовика XVI, королева Марія Антуанетъ еще болѣе откровенно высказала русскому посланнику свои сокровенныя чувства. Она сказала ему, что она „въ отчаяніи отъ холодности и двуличія своего брата, Леопольда II (римско-германскаго императора), который на престолѣ сохранилъ образъ мыслей маленькаго Тосканскаго герцога, произведшаго на свѣтъ 17 или 18 дѣтей, которыя его поглощаютъ"... Когда Симолинъ замѣтилъ королевѣ, что, можетъ быть, боязнь императора подвергнуть опасности жизнь ея и ея семьи останавливаетъ его выступить открыто, Марія Антуанетъ отвѣтила, что „король и ея сынъ нужны народу и что она ничего не боится за нихъ, и если только они будутъ спасены, ей все остальное безразлично". Она сама предпочла бы смерть ежедневнымъ униженіямъ, которымъ она подвергается.

На этомъ кончилась интересная аудіенція Симолина у несчастной французской королевы, которая до самой казни предавалась иллюзіямъ насчетъ своего истиннаго положенія. Симолинъ получилъ отъ королевы письмо къ императору Леопольду II и къ князю Кауницу, которыя онъ лично имъ передалъ, въ февралѣ 1792 года, когда онъ прибылъ въ Вѣну. Но эти письма не произвели никакого дѣйствія и не спасли королеву отъ смерти.

Въ іюнѣ того же года Новиковъ получилъ

reçut l'ordre suprême de quitter la France et d'emporter les archives de la Légation.

Dans ces conditions, on comprend que M-r Genet, accrédité à St.-Pétersbourg en qualité de chargé d'affaires de France, après le départ du comte de Ségur, n'avait plus à rester à ce poste. Son attitude personnelle fut souvent l'objet du mécontentement de l'Impératrice et du Vice-Chancelier. On put se convaincre par la perlustration de ses rapports qu'il parlait avec peu de respect de l'Impératrice et de sa politique. En outre, il ne cachait pas ses sympathies pour la révolution française et impatientait le comte Osterman en lui proposant sans cesse la médiation de la France pour la conclusion de la paix entre la Russie et la Porte. On ne tenait aucun compte de ces ouvertures.

En juillet 1791, Genet se présenta chez le Vice-Chancelier pour se justifier au sujet de sa façon de penser et de son attitude vis-à-vis de la révolution française. Le protocole de la conférence du 9 juillet fait mention de cette visite en termes suivants:

„En entrant dans le cabinet du Vice-Chancelier, M-r Génet dit qu'il craignait que sa conduite ne fût l'objet d'un blâme de la part de personnes malveillantes en vue de ce qui se passait en France, qu'il se trouve en grande perpléxité et qu'il voudrait, pour se justifier, faire en présence du Vice-Chancelier profession de ses convictions les plus intimes et lui exposer la cause de ses préoccupations".

En parlant des derniers événements et particulièrement de l'arrestation du roi, Génet „fit entendre que certaines personnes le considéraient ici comme un partisan du parti hostile au roi et le blâmaient à cause de ces sentiments, mais qu'il peut assurer le Vice-Chancelier sur son honneur qu'il ne s'est affilié à aucun des deux partis aristocratique ou démocratique et qu'il s'est borné à exécuter scrupuleusement les ordres qu'on lui adressait". Il déplorait l'anarchie qui désolait sa patrie et redoutait une intervention à main armée dans les affaires de la France, ce qui amenerait infailliblement la perte du roi.

Le comte Osterman ne répondit rien à ces épanchements du chargé d'affaires de France et se borna à lui dire qu'il en réfèrerait à Sa Majesté l'Impératrice.

Un mois après éclata la catastrophe. En apercevant le représentant de la France à sa

Высочайшее повелѣніе, вмѣстѣ съ посольскимъ архивомъ, выѣхать изъ Франціи.

При такихъ обстоятельствахъ понятно, что французскому повѣренному въ дѣлахъ, Жене, оставшемуся при С.-Петербургскомъ дворѣ послѣ отъѣзда графа Сегюра, нечего было дѣлать на своемъ посту. Личное поведеніе Жене вызывало постоянное неудовольствіе Императрицы и Вице-Канцлера. Изъ перлюстрированныхъ его донесеній видно было, что онъ весьма дерзко отзывается о самой Императрицѣ и ея политикѣ. Сверхъ того, онъ явнымъ образомъ сочувствовалъ французской революціи. Наконецъ, онъ надоѣдалъ графу Остерману постоянными предложеніями о посредничествѣ Франціи для заключенія мира между Россіею и Турціею. На эти предложенія не обращали никакого вниманія.

Въ іюлѣ 1791 года, Жене пришелъ къ Вице-Канцлеру оправдываться въ своемъ образѣ мыслей и отношеніи къ французской революціи. Въ протоколѣ конференціи отъ 9-го іюля это посѣщеніе описано слѣдующимъ образомъ.

„Г-нъ Женетъ, вошедъ въ кабинетъ къ Вице-Канцлеру, сказалъ, что онъ, опасаяся отъ недоброжелающихъ ему людей охуленія въ поведеніи своемъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ отечества его, находится въ затруднительномъ положеніи и, желая оправдать себя, намѣренъ партикулярно исповѣдать предъ нимъ, Вице-Канцлеромъ, сокровеннѣйшія мысли свои и истинную причину сокрушенія его".

Потомъ, вспомнивъ о послѣднихъ событіяхъ во Франціи и особенно объ арестованіи короля, Жене „изъяснился, что онъ вѣдаетъ, что нѣкоторые здѣсь люди, почитая его приверженнымъ противной короля партіи, весьма его осуждаютъ, но что онъ можетъ по чести своей увѣрить его, Вице-Канцлера, что онъ никогда не держался ни аристократической, ни демократической партіи, а исполнялъ насылаемыя ему повелѣнія съ должнымъ повиновеніемъ", что онъ сокрушался о безпорядкахъ въ своемъ отечествѣ и что онъ боится насильственнаго вмѣшательства въ дѣла Франціи, что было бы гибельно для короля.

Графъ Остерманъ ничего не отвѣтилъ на эти изліянія сердца французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, и только сказалъ, что обо всемъ сказанномъ донесетъ Ея Императорскому Величеству.

Черезъ мѣсяцъ наступила катастрофа. Вице-Канцлеръ, увидѣвъ у себя, на обыкновенномъ

réception habituelle du corps diplomatique, le Vice-Chancelier le prit de côté pour lui dire que son souverain se trouvant en état de captivité, il ne pouvait plus se considérer comme étant accrédité au nom du roi et qu'il ne devait plus se présenter à la Cour. Genet en fut très troublé et „répondit avec aigreur et vivacité qu'il ne comprenait pas qu'on pût lui faire une injonction, si blessante pour la dignité de son Souverain".

Il s'appliqua à démontrer que les mesures de surveillance étaient augmentées pour la sécurité du roi. Le Vice-Chancelier répliqua qu'il ne se proposait d'entrer dans aucune explication avec lui et „qu'il se borne à lui répéter au nom de l'Impératrice cette injonction et s'éloigna de lui".

Génet quitta le salon „sans attendre le diner". C'est par ces mots que se termine le compte-rendu de cet incident, consigné dans le mémoire de la conférence du 20 août 1792 *). Le 8 (19) juillet un ordre suprême fut notifié à Génet, aux termes duquel il avait à quitter St.-Pétersbourg dans le délai de huit jours; il quitta en effet cette capitale le 16 (27) juillet. Il est évident que le mémoire de la conférence fut rédigé un mois après la scène qui s'est passée entre le Vice-Chancelier et le chargé d'affaires de France.

C'est ainsi que s'opéra une rupture complète des relations diplomatiques et commerciales entre la Russie et la France. Aux termes de différents décrets **) les sujets français, désireux de rester en Russie devaient prêter aux commissariats de police un serment spécial, en vertu duquel ils répudiaient officiellement les principes de la révolution française. L'application du traité de commerce de 1787 fut suspendue et l'accès des ports russes fut interdit à tous les vaisseaux français dont les capitaines n'étaient pas en mesure de fournir la preuve, qu'ils avaient quitté les eaux françaises avant le 21 janvier 1793, date de l'exécution de Louis XVI.

Jusqu'à sa mort Catherine II resta fidèle à la politique de non-intervention dans les affaiers intérieurcs de la France, qu'elle avait jugé opportun d'adopter après mûre reflexion. Ayant sur les bras les affaires de Turquie, de Pologne et

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. II, p. 511, 536 et suiv.

**) Voir le Recueil complet des Lois №№ 17101, 17737, 17738, 18554, 18704 et autres.

пріемѣ дипломатическихъ агентовъ, Жене, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, что такъ какъ король его находится подъ стражею, то его нельзя уже считать аккредитованнымъ отъ короля и ему не слѣдуетъ являться ко двору. Жене весьма былъ встревоженъ и „съ крайнимъ огорченіемъ и жаромъ отозвался, что онъ не знаетъ, какъ можно ему дѣлать такое оскорбительное достоинству его Государя внушеніе!"

Жене сталъ доказывать, что стража дана королю для его безопасности. Вице-Канцлеръ отвѣтилъ, что далѣе ни въ какія изъясненія съ нимъ не намѣренъ вступать, „а довольствуется повторить именемъ Ея Императорскаго Величества сдѣланное ему внушеніе, а затѣмъ отъ него отошелъ".

Жене уѣхалъ „не дождавшись обѣденнаго стола" — такими словами кончается отчетъ „конференціальной записки" отъ 20-го августа 1792 года объ этомъ инцидентѣ*). Однако уже 8-го (19-го) іюля Жене было объявлено Высочайшее повелѣніе выѣхать изъ С.-Петербурга въ 8 дней, и 16-го (27-го) іюля онъ дѣйствительно покинулъ столицу. Очевидно, что конференціальная записка была составлена мѣсяцемъ позже вышеописанной сцены между Вице-Канцлеромъ и французскимъ новѣреннымъ въ дѣлахъ.

Такимъ образомъ совершился, въ 1792 году, полный разрывъ всѣхъ дипломатическихъ и и даже торговыхъ сношеній между Россіею и Франціей. Въ силу разныхъ указовъ **) французскіе подданные, желающіе оставаться въ Россіи, должны были приносить въ полицейскихъ участкахъ особенную присягу, въ которой они торжественно отрекались отъ французской революціи. Дѣйствіе коммерческаго трактата 1787 года было пріостановлено и входъ въ русскіе порты былъ воспрещенъ всѣмъ французскимъ судамъ, капитаны которыхъ не въ состояніи были доказать, что они покинули французскія воды до казни короля Людовика XVI, въ день 21-го января 1793 года.

До своей кончины Императрица Екатерина II оставалась вѣрною политикѣ невмѣшательства во внутреннія французскія дѣла, которую она приняла послѣ зрѣлаго размышленія. Имѣя на рукахъ турецкія, польскія и шведскія дѣла, она

*) Rambaud. Recueil des instructions, t. II, p. 511, 536 et suiv.

**) Срав. въ Полномъ Собр. законовъ №№ 17101, 17737, 17738, 18554, 18704 и др.

de Suède, elle ne pouvait pas admettre la pensée d'une intervention directe de la Russie dans les affaires de la France révolutionnaire.

„Je me casse la tête", disait-elle à son secrétaire d'Etat Chrapovitsky, „pour déterminer les Cours de Vienne et de Berlin à s'ingérer dans les affaires de France. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les *coudées franches*. J'ai beaucoup de choses à terminer, il faut qu'elles soient occupées et ne me gênent pas dans mon action" *)

Elle agit en conséquence. En ce qui regarde les sentiments personnels de Catherine II à l'égard de la révolution française et de ses conséquences aucun doute n'était permis à ce sujet: elle haïssait cette révolution et tous ceux qui y prenaient une part active de toutes les forces de son „âme aristocratique". Après l'exécution de Louis XVI elle continuait à considérer le comte Esterhazy, le duc de Polignac et le comte de Ségur comme „les représentants du roi de France" à la cour de Russie. Elle écrivit au comte de Provence une lettre de félicitation à l'occasion de son avènement au trône de France et le reconnut sous le titre de Louis XVIII après la mort de Louis XVII. Catherine II adressa sa lettre à Louis XVIII *manu proprio*: *„Au Roy de France"*. Simoline s'établit à Francfort s/M. où se trouvait également Louis XVIII en 1796 et se présenta officiellement chez le roi pour lui porter les félicitations de l'Impératrice de Russie.

Bien plus: Polignac fut reconnu en 1796 comme ministre de Louis XVIII en Russie et le marquis De la Ferchaimb, comme chargé d'affaires.

Toutefois, ces sentiments personnels de haine et d'irrétation n'aveuglaient nullement l'entendement politique de Catherine II. Elle ne cessa de persuader l'Autriche, la Prusse, l'Angleterre et les autres puissances d'agir avec énergie contre la révolution française, de déclarer la guerre à la France et de profiter d'une occasion favorable pour réduire le territoire et la puissance de ce pays. Des coalitions furent constituées contre la France, les armées de l'Autriche et de l'Allemagne se battaient avec les armées révolutionnaires de France, mais Catherine II se tint à l'écart et jusqu'à sa mort ne fit pas marcher de troupes russes pour combattre ces odieux révolutionnaires français.

*) Journal de Chrapovitsky. Edition de Barsoukow, pag. 386.

не могла допустить мысли о непосредственномъ вмѣшательствѣ Россіи въ дѣла революціонной Франціи.

„Je me casse la tête", сказала Императрица въ декабрѣ 1791 года своему статсъ-секретарю Храповицкому, „чтобъ подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Je veux les engager dans les affaires pour avoir *les coudées franches*. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали" *).

Согласно съ этимъ она и дѣйствовала. Относительно личныхъ чувствъ Императрицы Екатерины II къ французской революціи и къ ея послѣдствіямъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: она ненавидѣла эту революцію и ея дѣятелей всѣми силами своей „аристократической" души. Она продолжала, послѣ казни Людовика XVI, считать представителями „французскаго короля" при Россійскомъ дворѣ: графа Эстергази, дюка де Полиньяка и графа Сегюра. Она писала графу Прованскому поздравительное письмо по случаю восшествія на французскій престолъ и признала за нимъ титулъ Людовика XVIII, послѣ кончины Людовика XVII. Екатерина II собственноручно адресовала свое письмо Людовику XVIII: *„Au Roy de France"*. Симолинъ поселился во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ также находился Людовикъ XVIII въ 1796 году, и онъ офиціально явился къ французскому королю съ поздравленіемъ отъ имени русской Императрицы.

Этого мало: Полиньякъ былъ въ 1796 году признанъ посланникомъ Людовика XVIII въ Россіи, а повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ маркизъ де-ла-Фершемъ.

Однако, эти личныя чувства ненависти и раздраженія нисколько не затемняли политическій умъ Екатерины II. Она неутомимо уговариваетъ Австрію, Пруссію, Англію и другія державы энергическимъ образомъ дѣйствовать противъ французскихъ революціонеровъ, объявить войну Франціи и воспользоваться удобнымъ случаемъ для уменьшенія территоріи и могущества этой державы. Коалиціи создались противъ Франціи; австрійскія и германскія войска сражались противъ французскихъ революціонныхъ армій, но Екатерина II оставалась въ сторонѣ и до своей кончины не двинула русскихъ войскъ противъ ненавистныхъ французскихъ революціонеровъ.

*) Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 386.

Il est vrai, que quelques mois avant sa mort Catherine II se décida d'envoyer un corps auxiliaire sur les bords du Rhin car, écrivait-elle, „dans cette lutte des peuples contre les trônes, il s'agit moins de rétablir l'ordre en France que d'assurer la victoire des souverains sur ces principes dangereux dont les pays limitrophes de la France peuvent facilement devenir victimes“ *).

Le règne de Paul I de si courte durée ne modifia en rien cette situation. La rupture de tous rapports avec la France continua. Il est vrai, que par esprit de contradiction à l'égard de la politique de Catherine II, au début de son règne Paul I révoqua les préparatifs militaires, ordonnés par celle-ci et déclara qu'il ne saurait „refuser à ses sujets bien-aimés le repos tant désiré, dont ils ont besoin après les fatigues qui les ont épuisés durant tant d'années“. On pouvait supposer que la haine de ce souverain pour „les principes de sa mère, basés sur une politique de conquête“, devait le porter à un rapprochement avec la France.

Mais cet espoir s'évanouit bientôt. Paul I se persuada sans difficulté de la nécessité de mettre des bornes aux desseins „ambitieux et nuisibles“ des Français. Par les événements du jour, il était porté à considérer comme un grand danger pour l'Europe la marche ascendante de la domination française et l'influence dissolvante des idées révolutionnaires. N'ayant jamais eu de grandes sympathies pour la France, Paul I devait naturellement être indigné de voir les révolutionnaires français renverser les trônes séculaires et saper les bases de l'ordre politique. Aussi dès l'année 1797, l'Empereur prit-il la résolution „de dompter les Francais pour la sécurité générale“ **), et il fut notifié aux Puissances que „l'Empereur tout autant que sa mère défunte, reconnait la nécessité de s'opposer par tous les moyens aux débordements de la république française“.

Ce changement dans la manière de voir de Paul I amena une guerre entre la Russie et la

*) Voir le présent Recueil, t. II, pag. 192 et suiv., t. VI, pag. 163 et suiv., t. X, pag. 362 et suiv.

**) Voir le present Recueil, t. II, pag. 358 et suiv.

Правда, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ своею смертью Императрица рѣшилась отправить вспомогательный корпусъ русскихъ войскъ на Рейнъ, ибо „въ этой борьбѣ народовъ противъ престола“, писала она въ октябрѣ 1796 года, „не столько идетъ дѣло о возстановленіи во Франціи порядка, сколько о томъ, чтобъ обезпечить побѣду монарховъ надъ этими зловредными началами, жертвами которыхъ прежде всего могутъ сдѣлаться наиближайшія ко Франціи владѣнія“ *).

Кратковременное царствованіе Императора Павла I нисколько не измѣнило существующаго положенія вещей: полный разрывъ всякихъ сношеній съ Франціею продолжался. Правда, въ самомъ началѣ своего царствованія Павелъ I, изъ духа противорѣчія въ отношеніи политики Екатерины II, отмѣнилъ всѣ военныя приготовленія послѣдней и объявилъ, что онъ не хочетъ „отказать любезнымъ подданнымъ въ пренужномъ и желанномъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній“. Можно было думать, что ненависть новаго Императора къ „правиламъ своей родительницы, основаннымъ на видахъ пріобрѣтеній“, заставитъ его сблизиться съ Франціей.

Однако, весьма скоро рушилась эта надежда. Павелъ I весьма скоро убѣдился въ необходимости положить предѣлы „властолюбивымъ и вреднымъ замысламъ“ Французовъ. Онъ принужденъ былъ обстоятельствами видѣть огромную опасность для всей Европы отъ побѣдоноснаго распространенія французскаго владычества и растлѣвающаго вліянія французскихъ революціонныхъ идей. Не питавъ никогда особеннаго расположенія къ Франціи, Павелъ I еще меньше могъ сочувствовать низверженію французскими революціонерами многовѣковыхъ престоловъ и всѣхъ основъ государственнаго порядка. Поэтому уже въ 1797 году Императоръ рѣшилъ, что нужно „укрощать Французовъ для общей безопасности“ **), и иностраннымъ державамъ было объявлено, что „Государь, не менѣе, какъ покойная его родительница, чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой французской республикѣ“.

Такая перемѣна въ образѣ мыслей Павла I привела къ войнѣ между Россіей и Франціей.

*) Срав. настоящее изданіе, томъ II, стр. 192 и слѣд.; т. VI, стр. 163 и слѣд.; т. X, стр. 362 и слѣд.

**) Срав. настоящее изданіе, т. II, стр. 358 и слѣд.

France. L'Empereur accorda un asyle à Mitau au roi Louis XVIII et accueillit avec faveur un grand nombre d'émigrés français. En juillet 1798 un corps auxiliaire russe, sous les ordres du général Rosenberg, fut envoyé sur le Rhin, et au commencement de 1799, à la demande de l'Empereur d'Allemagne, le grand capitaine Souvorow fut chargé du commandement des troupes alliées dans l'Italie du Nord.

Mais l'accord entre les Puissances qui avaient formé une coalition contre la France ne fut pas de longue durée. Une rupture complète éclata entre la Russie et l'Autriche à la fin de 1799. Le seul but que Paul I se proposait d'atteindre par cette guerre avec la France, était selon son propre témoignage „de reduire ce pays à des limites convenables et en lui ôtant l'envie et les moyens d'inquiéter les autres tant par l'extension de ses conquêtes que par la contagion du mal, de garantir autant que possible la securité de ses voisins et en général la tranquillité de l'Europe."

La rupture entre la Russie et l'Autriche devait porter Napoléon à l'idée de se rapprocher avec Paul I et de le décider à une guerre avec l'Angleterre, dont il avait également à se plaindre *). Bonaparte s'empressa de mettre en œuvre tous les moyens pour gagner le cœur du Tsar. Il lui fit hommage d'une épée que le Pape Léon X avait donnée un jour à l'un des Grand-Maîtres de l'ordre de Malte. Il était disposé d'offrir au Tsar, Grand-Maître de l'ordre,—l'île de Malte, enlevée aux Anglais. Enfin Bonaparte proposa à Paul I de lui restituer 6.000 prisonniers de guerre russes, détenus en France

Par ordre du premier consul, Talleyrand s'adressa directement au Ministre des Affaires Etrangères de Russie, par une lettre du 7 (19) juillet 1800, pour lui proposer de renvoyer ces 6.000 prisonniers „sans échange et avec tous les honneurs de la guerre". De plus „ils seront habillés à neuf, réarmés, et leurs drapeaux leur seront restitués."

L'Empereur Paul I accueillit avec empressement l'idée d'un rapprochement avec la France, si celle-ci consentait à remplir ses conditions. En exécution d'un ordre suprême, le comte Rostoptchine fit part à Talleyrand des conditions

*) Voir le présent Recueil, t. X, p. 429, t. XI, pag. 5 et suiv.

Императоръ пріютилъ въ Митавѣ „короля Людовика XVIII" и оказывалъ покровительство многимъ французскимъ эмигрантамъ. Въ іюлѣ 1798 года русскій вспомогательный корпусъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Розенберга, былъ отправленъ на Рейнъ, и въ началѣ 1799 г. знаменитый русскій полководецъ Суворовъ, по просьбѣ союзника Россіи, германскаго императора, взялъ на себя командованіе союзными войсками въ сѣверной Италіи.

Но недолго продолжалось согласіе между державами, вступившими въ коалицію противъ Франціи; въ концѣ 1799 года произошелъ полный разрывъ между Россіей и Австріей. Для войны противъ Франціи Павелъ I, по его собственнымъ словамъ, единственно ту цѣль себѣ положилъ, „чтобъ привести Францію въ приличные предѣлы и, отнявъ охоту и средства безпокоить другихъ какъ распиреніемъ завоеваній, такъ и вкорененіемъ заразы, обезпечить сколь возможно какъ сосѣдей ея, такъ и вообще спокойствіе Европы".

Разрывъ между Россіей и Австріею долженъ былъ привести Наполеона Бонапарта на мысль сблизиться съ Павломъ I и подвинуть его на войну противъ Англіи, на которую Императоръ также негодовалъ *). Бонапартъ сталъ пускать въ ходъ всѣ средства, чтобъ завоевать сердце русскаго Царя. Онъ поднесъ ему шпагу, которую папа Левъ X подарилъ одному изъ магистровъ мальтійскаго ордена. Онъ готовъ былъ поднести Царю-гросмейстеру мальтійскаго ордена отвоеванный отъ Англичанъ островъ Мальту. Наконецъ, Бонапартъ предложилъ Павлу возвратить ему 6.000 русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи.

По приказанію перваго консула французской республики, Тальеранъ обратился прямо къ русскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, письмомъ отъ 7-го (19-го) іюля 1800 года, съ предложеніемъ возвратить этихъ 6.000 плѣнныхъ „безъ обмѣна и со всѣми военными почестями" Этого мало: военноплѣнные „будутъ обмундированы заново, получатъ новое оружіе и свои знамена".

Императоръ Павелъ I отнесся сочувственно къ мысли о сближеніи съ Франціею, если послѣдняя согласится исполнить его условія. Графъ Ростопчинъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, сообщилъ Тальерану условія мира,

*) См. настоящее изданіе, т. X, стр. 429 т. XI, стр. 5 и слѣд.

de paix, au nombre de cinq, proposées à la France. Elles concernaient les points suivants: la restitution de l'île de Malte à l'ordre, le rétablissement du roi de Sardaigne dans ses domaines, l'inviolabilité du roi des Deux Siciles, de l'électeur de Bavière et du duc de Wurtemberg, frère de l'Impératrice Marie Féodorovna *).

Enfin, pour les pourparlers au sujet des prisonniers de guerre russes, le général Sprengtporten fut envoyé à Paris.

Le plénipotentiaire russe fut reçu en France avec tous les honneurs: les autorités locales venaient à sa rencontre au son du canon et lui adressaient „les discours les plus flatteurs". Napoléon l'accueillit très gracieusement et l'assura de son désir sincère „de se lier avec Sa Majesté, par des sacrifices même, s'il le faut".

Immédiatement après cette réception de Sprengtporten, Napoléon écrivit à l'Empereur Paul I qu'il „désire voir promptement et irrévocablement réunies les deux plus puissantes nations du monde." „Vingt quatre heures après que Votre Majesté Impériale", poursuivit Bonaparte, „aura chargé quelqu'un, qui ait toute sa confiance et qui soit dépositaire de ses désirs, de ses spéciaux et pleins pouvoirs, le continent et les mers seront tranquilles. Car, lorsque l'Angleterre, l'Empereur d'Allemagne et toutes les autres puissances seront convaincues, que les volontés comme les bras de nos deux grandes nations tendent à un même but, les armes leur échapperont des mains et la génération actuelle bénira Votre Majesté Impériale de l'avoir arrachée aux horreurs de la guerre et aux déchirements des factions."

L'Empereur Paul I accueillit avec sympathie les ouvertures du Premier Consul et fut satisfait que Bonaparte acceptât, en principe, les cinq conditions, proposées par Sprengtporten. Toutefois, si l'on compare la lettre de Bonaparte du 9 (21) décembre 1800 avec les deux lettres du Tsar du 18 (30) décembre 1800 et du 2 (14) janvier 1801, on ne saurait s'empêcher de constater une notable différence dans le ton de celles-ci. Paul I se sent un Empereur par la grâce de Dieu et traite Bonaparte en usurpateur et en aventurier.

*) Voir Recueil de la Société Impériale historique russe, t. LXX, publié par le professeur Tratchevsky, pag. 10 et suiv.

числомъ 5, которыя предлагаются Франціи. Они были слѣдующія: возвращеніе острова Мальты Ордену, возстановленіе сардинскаго короля въ его владѣніяхъ, неприкосновенность короля Обѣихъ Сицилій, курфюрста баварскаго и герцога вюртембергскаго, брата Императрицы Маріи Ѳеодоровны *).

Наконецъ, для переговоровъ о возвращеніи русскихъ военноплѣнныхъ былъ отправленъ въ Парижъ генералъ Спренгтпортенъ.

Русскій уполномоченный былъ принятъ во Франціи съ большими почестями; его встрѣчали мѣстныя власти, при громѣ пушекъ, и расточали ему „самыя пріятныя и лестныя слова". Наполеонъ принялъ его также весьма ласково и увѣрялъ его въ искреннемъ желаніи сблизиться съ Россіею, даже, „если нужно, принеся большія жертвы".

Немедленно послѣ пріема Спренгтпортена. Наполеонъ написалъ Императору Павлу I, что онъ искренно „желаетъ видѣть скорый и неизмѣнный союзъ двухъ могущественнѣйшихъ націй въ мірѣ". „Стоитъ только Вашему Императорскому Величеству", продолжалъ Бонапартъ, „снабдить какое-нибудь лицо, пользующееся Вашимъ довѣріемъ и знающее Ваши желанія, особенными и неограниченными полномочіями,—и чрезъ двадцать четыре часа спокойствіе водворится на материкѣ и на моряхъ. Ибо, когда Англія, германскій императоръ и всѣ другія державы убѣдятся, что какъ желанія, такъ и руки нашихъ двухъ великихъ націй соединяются въ стремленіи къ одной цѣли, оружіе выпадетъ у нихъ изъ рукъ, и современное поколѣніе будетъ благословлять Ваше Императорское Величество, избавившее его отъ ужасовъ войны и раздоровъ партій".

Императоръ Павелъ I отнесся сочувственно къ предложенію перваго консула французской республики и былъ доволенъ, что Бонапартъ принялъ, въ принципѣ, 5 условій мира, предложенныхъ ему Спренгтпортеномъ. Однако, если сравнить письмо Бонапарта отъ 9-го (21-го) декабря 1800 года съ двумя письмами Царя къ Бонапарту отъ 18-го (30-го) декабря 1800 года и 2-го (14-го) января 1801 года, то нельзя не замѣтить огромной разницы въ тонѣ послѣднихъ писемъ. Павелъ I чувствуетъ себя Императоромъ Божіею милостію и смотритъ на Бонапарта, какъ на узурпатора и авантюриста.

*) См. Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LXX (изд. проф. Трачевскимъ), стр. 10 и слѣд.

„Il est du devoir de ceux à qui Dieu a remis le pouvoir de gouverner les peuples“, écrit le Tsar, „de penser et de s'occuper de leur bien-être. Je ne parle, ni veux discuter, ni des droits de l'homme, ni des principes des différents gouvernements, que chaque pays a adoptés. Cherchons à rendre le repos et le calme au monde, dont il a tant besoin et qui semble être si conforme aux lois immuables de l'Eternel. Me voici prêt à vous écouter et m'entretenir avec vous“.

L'Empereur informe en même temps le Premier Consul qu'il a donné l'ordre au Vice-Chancelier Kolytchew de se rendre à Paris et d'entrer en pourparlers avec lui au sujet de la conclusion de la paix entre la Russie et la France.

Dans une lettre du mois de janvier, l'Empereur Paul I informe Bonaparte d'une manière encore plus laconique du départ de Kolytchew, muni de toutes les instructions pouvant servir de réponse aux questions posées. „Je désire de mon côté“, écrit le Tsar, „la paix à l'Europe, que nous pouvons certes donner... Il est sûr que deux grandes puissances qui s'entendent entre elles, influeront d'une manière positive sur le reste de l'Europe. Et je suis prêt à le faire.“

Kolytchew se rendit à Paris en janvier 1801, muni d'instructions secrètes du 29 décembre 1800, en vertu desquelles il était appelé à conclure un traité de paix sur la base de conditions communiquées antérieurement à Bonaparte avec adjonction de quelques clauses nouvelles. Ainsi Paul I lui proposait d'humilier l'Autriche, de reconnaître le Rhin comme frontière entre l'Allemagne et la France, de garantir la situation de l'île de Malte après sa restitution au Grand-Maître de l'ordre, etc.

Les articles secrets de ces instructions qui devaient servir de gouverne à Kolytchew pour ses pourparlers avec Bonaparte, offraient un intérêt particulier. Il devait insister que la France reconnût Paul I en qualité de Grand-Maître de l'ordre de Malte; il devait porter Bonaparte à prendre la résolution de faire une descente sur les côtes de l'Angleterre et lui inspirer l'idée de prendre le titre royal et d'établir la succession au trône dans sa famille, enfin Bonaparte était invité à fermer les clubs révolutionnaires à Paris et particulièrement le club polonais.

Muni de ces instructions, Kolytchew se mit en route. De Mayence à Paris, sur tout le par-

„Тѣ, кому Богъ вручилъ власть управлять народами“, пишетъ Царь, „должны думать и заботиться объ ихъ благѣ... Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правахъ человѣка, ни о принципахъ различныхъ правительствъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается и которые такъ соотвѣтствуютъ непреложнымъ законамъ Предвѣчнаго. Теперь я готовъ Васъ слушать и бесѣдовать съ Вами“...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ извѣщаетъ властителя Франціи, что онъ повелѣлъ Вице-Канцлеру Колычеву отправиться въ Парижъ и вступить съ первымъ консуломъ въ переговоры о заключеніи мира между Россіею и Франціею.

Въ январскомъ письмѣ Императоръ Павелъ I еще болѣе лаконически извѣщаетъ Бонапарта объ отъѣздѣ Колычева, который снабженъ инструкціями, могущими дать отвѣты на всѣ поставленные вопросы. „Я желаю, съ своей стороны“, писалъ Царь, „мира Европѣ, который мы, конечно, можемъ дать... Несомнѣнно, что двѣ большія державы, въ согласіи между собою, будутъ имѣть положительное вліяніе на остальную Европу. Я готовъ это сдѣлать“.

Въ январѣ 1801 года Колычевъ выѣхалъ въ Парижъ, будучи снабженъ секретными инструкціями отъ 29-го декабря 1800 года. Въ силу этихъ инструкцій Колычеву было поручено заключить мирный трактатъ, на основаніи уже прежде сообщенныхъ Бонапарту условій, съ прибавленіемъ еще другихъ. Такъ, Павелъ I предлагаетъ ему унизить Австрію, признать рѣку Рейнъ границею между Франціей и Германіей, гарантировать положеніе острова Мальты послѣ возвращенія магистру мальтійскаго ордена и т. д.

Особеннаго интереса заслуживаютъ секретныя статьи инструкціи, которыми Колычевъ долженъ былъ руководствоваться при переговорахъ съ Бонапартомъ. Онъ долженъ былъ настаивать на признаніи Франціею Павла I въ званіи гросмейстера мальтійскаго ордена; онъ обязанъ былъ подвинуть Бонапарта совершить набѣгъ на англійскіе берега; онъ долженъ былъ подать первому консулу мысль принять королевскій титулъ и установить наслѣдованіе престола въ своей семьѣ, наконецъ, Бонапартъ долженъ былъ бы закрыть парижскіе революціонные клубы и, въ частности, польскій клубъ.

Снабженный этими инструкціями, Колычевъ отправился въ путь. На всемъ пути отъ

cours occupé par les troupes françaises le plénipotentiaire du Tsar fut reçu avec tous les honneurs; on faisait sonner les cloches dans les églises; les populations venaient au devant de lui hors de la ville; il y avait des bals et des feux d'artifice à l'occasion de son passage. A Paris le Premier Consul donna l'ordre de mettre l'Hôtel Caraman à sa disposition, mais il préféra occuper sa propre maison.

Le lendemain de son arrivée Kolytchew fut reçu par le Premier Consul de la manière la plus gracieuse. Mais le Vice-Chancelier ne se laissa pas éblouir par ces honneurs et ces compliments à l'instar de Sprengtporten, qui sous le charme des chansonnettes, qu'on chantait en son honneur dans les théâtres à Paris et des „applaudissements" perdit la tête au point de ne pas remarquer les embûches qu'on lui tendait. Kolytchew était un homme d'une autre trempe. „Malgré les honneurs et les assurances qu'on me prodigue", écrivait-il à son souverain, „il me semble qu'il n'y a aucune sincérité dans le rapprochement de la France avec la Russie... Le gouvernement trahit clairement son désir d'entraîner la Russie dans une guerre ruineuse, non seulement avec l'Angleterre, mais encore avec la Porte." (Rapport du 25 février (9 mars) 1801)

Dans ses entretiens avec Bonaparte et Talleyrand, Kolytchew eut l'occasion de se convaincre bientôt que ces soupçons étaient fondés. Le Premier Consul refusa péremptoirement la clause ayant trait à la restitution de l'île de Malte à Paul I. Il exigeait que la flotte russe vînt se joindre à la flotte française pour en expulser les Anglais, mais il ne consentait pas à laisser cette île entre les mains des Russes.

En attendant, Kolytchew avait ordre d'insister sur ce point.

D'autre part, Paul I exigeait la restitution de l'Egypte à la Porte. Bonaparte assurait de son côté que ce pays, conquis au prix du sang français, était absolument nécessaire à la France pour faire une invasion aux Indes. Paul I exigeait en outre que Bonaparte usât de ménagements à l'égard du roi des Deux Siciles et qu'il le rétablît dans ses anciens domaines. Bonaparte avait expulsé de Paris le ministre de ce souverain et recommandé à Murat de ne pas se gêner avec le roi et de le punir pour ses méfaits vis-à-vis de la France.

Dans ces conditions, on ne devait d'aucune manière s'attendre à une issue favorable de la

Майнца, занятаго французскими войсками, до Парижа, уполномоченнаго русскаго Царя встрѣчали съ великими почестями: колокольнымъ звономъ, торжественною встрѣчею за городомъ, балами и фейерверками. Въ Парижѣ первый консулъ приготовилъ для него Hôtel Caraman, но Колычевъ предпочелъ занять собственный домъ.

На другой же день послѣ пріѣзда Колычевъ былъ принятъ первымъ консуломъ чрезвычайно ласковымъ образомъ. Но Вице-Канцлера не увлекли эти почести и комплименты, какъ Спренгтпортена, который, подъ вліяніемъ распѣваемыхъ въ парижскихъ театрахъ въ его честь шансонетокъ и „неистовыхъ рукоплесканій", совершенно отуманился и не замѣчалъ разставленныхъ сѣтей. Колычевъ былъ другого закала человѣкъ. „Не взирая", писалъ онъ своему Государю, „на чрезвычайныя почести и словесныя увѣренія, кажется, что въ сближеніи Франціи съ Россіею ни малѣйшей нѣтъ искренности... Весьма ясно желаніе правительства вовлечь Россію въ убыточную войну не только съ Англіею, но съ самою Портою". (Донесеніе отъ 25-го февраля (9-го марта) 1801 года).

Въ справедливости своей недовѣрчивости Колычевъ весьма скоро убѣдился на конференціяхъ съ Бонапартомъ и Тальераномъ. Первый консулъ наотрѣзъ отказался подписать русскую статью о возвращеніи Павлу I острова Мальты. Онъ требовалъ, чтобъ русскій флотъ соединился съ французскимъ для изгнанія Англичанъ съ этого острова, но онъ не желалъ видѣть его въ русскихъ рукахъ.

Между тѣмъ Колычеву было предписано непремѣнно настаивать на этомъ требованіи о возвращеніи острова Россіи.

Съ другой стороны, Павелъ I требовалъ возвращенія Египта Портѣ. Между тѣмъ Бонапартъ доказывалъ, что Египетъ завоеванъ дорогою цѣною французской крови, и эта страна неотложно необходима Франціи для совершенія нападенія на англійскую Индію. Далѣе Павелъ I требовалъ, чтобъ Бонапартъ пощадилъ короля Обѣихъ Сицилій и возстановилъ его въ прежнихъ владѣніяхъ. Бонапартъ же изгналъ изъ Парижа неаполитанскаго посланника и предписалъ Мюрату не церемониться съ неаполитанскимъ королемъ и наказать его за совершенные противъ Франціи проступки.

При такихъ условіяхъ благопріятный исходъ порученныхъ Колычеву переговоровъ

mission de Kolytchew, et dès la fin de février le Vice-Chancelier suppliait le comte Rostoptchine de le rappeler de Paris, où son séjour devenait sans objet. Il reconnaissait en effet qu'il ne pourrait jamais ni se faire aux hommes politiques français, ni leur accorder sa confiance. Si Sprengtporten était si enchanté de Paris, c'est uniquement parce qu'il „n'a pas le sens commun". Il prodigua trop de flatteries au gouvernement français qui arriva à la conviction que la Russie avait besoin de la France.

„Il faut avec les gens qui gouvernent ici," écrivait Kolytchew au comte Rostopchine à la date du 25 février (9 mars) 1801, „tenir ferme et ne rien céder, encore moins entrer dans leurs vues. Il faut exiger d'eux d'égards et ne les croire que quand ils exécuteront leurs promesses, car il ne faut jamais oublier qu'ils visent à dominer partout en nous flattant et qu'ils ne veulent faire de nous qu'un instrument, afin de nous tromper et mieux parvenir au but qu'ils se proposent." „Leur intention est", conclut Kolytchew, „de nous embarasser et de subjuguer l'Europe."

En général, il faut convenir que Kolytchew a assez exactement compris la situation de la France et pénétré immédiatement les desseins secrets de Bonaparte.

„Les gens bien intentionnés," écrivait-il à son Souverain le 13 (25) mars 1801, „désirent que la France, en assurant une paix durable à l'Europe, parvint à un accord intime avec la Russie et consacrât sa liberté à étendre ses richesses par l'agriculture et le commerce. L'ambition illimitée de Bonaparte poursuit un but différent; ne conservant que le nom d'une république, la France est entièrement soumise au pouvoir du Premier Consul; la reconnaissance et le respect pour ce glorieux général et le souvenir encore vivant des horreurs de la révolution constituent les bases de ce régime."

„Mais il y a en même temps des partis qui font de l'opposition; les jacobins aspirent à l'anarchie pour s'enrichir; les républicains réclament les libertés pour lesquelles ils ont versé tant de sang; les royalistes — un roi légitime au lieu d'un étranger qui s'est emparé d'un pouvoir qu'il cherche à rendre absolu; les généraux aspirent au consulat et disposent d'un parti nombreux au sein de l'armée et parmi les officiers; le peuple, insouciant de sa nature, se passionne facilement pour tout ce qui est nouveau

былъ совершенно немыслимъ, и Вице-Канцлеръ уже съ конца февраля мѣсяца сталъ умолять графа Ростопчина отпустить его поскорѣе изъ Парижа, гдѣ его пребываніе совершенно безполезно. Онъ сознаетъ, что никогда не привыкнетъ къ французскимъ правительственнымъ дѣятелямъ и никогда имъ вѣрить не будетъ. Если Спренгпортенъ въ такомъ неописанномъ восторгѣ отъ Парижа, то это потому, что онъ „не обладаетъ здравымъ смысломъ". Онъ слишкомъ много льстилъ французскому правительству, которое пришло къ убѣжденію, что Россіи нужна Франція.

„Съ здѣшними правителями", писалъ Колычевъ графу Ростопчину 25-го февраля (9-го марта) 1801 года, „нужно быть стойкимъ и ни въ чемъ не уступать; меньше всего нужно идти имъ навстрѣчу. Нужно отъ нихъ требовать уваженія и вѣрить имъ только тогда, когда они исполняютъ свои обѣщанія, ибо никакъ не слѣдуетъ забывать, что они стараются повсюду властвовать, льстя намъ и пользуясь нами только какъ орудіемъ, съ цѣлью обмануть насъ и лучше достигнуть намѣченной цѣли". „Ихъ цѣль", заключаетъ Колычевъ, „состоитъ въ томъ, чтобъ затруднять насъ и властвовать надъ Европою".

Вообще нельзя не сказать, что Колычевъ довольно вѣрно понялъ положеніе Франціи и немедленно проникъ въ тайные планы Бонапарта.

„Благонамѣренные здѣсь люди желаютъ", писалъ онъ своему Государю 13-го (25-го) марта 1801 года, „чтобы Франція, давъ справедливый и прочный миръ Европѣ, пріобрѣла чрезъ то тѣсный союзъ съ Россіею и... обратила бы свою свободу на обогащеніе свое хлѣбопашествомъ и торговлею. Необузданное славолюбіе Бонапарта другую цѣль имѣетъ. Франція, сохраня токмо имя республики, безмолвно покорена волѣ перваго консула; благодарность и почтеніе къ славному генералу, равно какъ и близкое воспоминаніе ужасовъ революціи, суть основанія оной".

„Но со всѣмъ тѣмъ есть противныя партіи: якобинцы желаютъ для обогащенія своего анархіи; республиканцы — вольности, за которую столько пролили крови; роялисты — законнаго короля вмѣсто чужестранца, заграбившаго неограниченную скоро власть; генералы хотятъ быть консулами и имѣютъ сильныя партіи офицеровъ и арміи; легкомысленный народъ готовъ на все, желаетъ новостей и, не будучи занятъ побѣдами, скоро обратитъ вниманіе на себя".

et s'il n'est pas absorbé par les conquêtes, ne manquera pas de vouloir attirer l'attention sur lui."

„Est-il possible dans ces conditions," se demande cet éminent diplomate russe, „de conclure la paix générale et d'organiser une armée qui se trouvant dépourvue d'argent, de pain et de vêtements peut facilement servir d'instrument au premier venu qu'elle aurait avantage à acclamer comme son chef?"

Ce jugement porté par Kolytchew sur le Premier Consul et sur l'ordre de choses existant dans la république française n'était un secret ni pour Napoléon, ni pour Talleyrand. Ils savaient que „cet homme de taille moyenne, d'un extérieur vif et avenant, avec une empreinte d'esprit et de bonté", accueillait avec prudence et réserve les honneurs que lui prodiguaient les hommes qui gouvernaient la France. Dans les pourparlers avec Talleyrand, qui avaient commencé le 12 mars, celui-ci se persuada, aussitôt que ce „diplomate d'ancien régime et ce courtisan craintif" c. à. d. Kolytchew savait parfaitement sauvegarder la dignité de son Souverain et ne se méprenait pas sur les desseins secrets de Bonaparte et de son Ministre des Affaires Etrangères. Le Premier Consul ne désirait que la conclusion d'un traité de paix entre la Russie et la France, tandis que Kolytchew s'appliquait à démontrer que le but de sa mission à Paris était d'amener un apaisement général de l'Europe. Le point de départ des deux négociateurs était tout différent, et c'est pourquoi Kolytchew insistait avec persistance sur son rappel de Paris, où il ne prévoyait pas la possibilité d'amener un rapprochement entre les deux gouvernements.

La mort subite de l'Empereur Paul I eut pour conséquence de suspendre pour quelque temps ces négociations au sujet de la conclusion d'un traité de paix entre la Russie et la France.

Mais la mission, confiée au général Sprengtporten fut scrupuleusement remplie par lui. En mars 1801 fut signé à Paris l'acte ci-dessous, concernant le renvoi en Russie des prisonniers de guerre russes.

„Гдѣ же возможность", спрашиваетъ маститый русскій дипломатъ, „заключить общій миръ, ввести войско, которое безъ денегъ, безъ хлѣба и одежды, готово быть орудіемъ перваго, кому служить выгоднѣе?"...

Такая оцѣнка перваго консула и порядковъ французской республики со стороны Колычева не оставалась тайною ни для Наполеона, ни для Тальерана. Они знали, что этотъ „человѣкъ небольшого роста, съ живою и пріятною фигурою, и съ отпечаткомъ ума и доброты", весьма трезво смотритъ на любезности и почести, которыми его осыпали правители Франціи. На конференціяхъ съ Тальераномъ, начавшихся 12-го марта, послѣдній немедленно убѣдился, что „старомодный дипломатъ и трусишка-царедворецъ", т. е. Колычевъ, отлично соблюдаетъ достоинство своего Государя и весьма умѣло раскрываетъ тайные замыслы Бонапарта и его Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Первый консулъ желалъ только мирнаго трактата между Россіей и Франціей, между тѣмъ какъ Колычевъ доказывалъ, что цѣль его поѣздки въ Парижъ устроить всеобщее замиреніе Европы. Точки отправленія обѣихъ сторонъ были совершенно различныя и потому Колычевъ настойчиво требовалъ своего отозванія изъ Парижа, гдѣ онъ не предвидѣлъ возможности сближенія обоихъ правительствъ.

Внезапная кончина Императора Павла I остановила на время переговоры о заключеніи мирнаго трактата между Россіей и Франціей.

Но порученіе, возложенное на генерала Спренгтпортена, было имъ исполнено вполнѣ. Въ мартѣ 1801 года состоялось въ Парижѣ подписаніе нижеслѣдующаго акта, относящагося до возвращенія въ Россію русскихъ военноплѣнныхъ.

Convention

entre Monsieur le baron de Sprengtporten, général d'infanterie des armées de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, chargé de recevoir au nom de Sa dite Majesté Impériale les troupes russes présentement en France et d'en

Конвенція

между барономъ Спренгтпортеномъ, генераломъ отъ инфантеріи Е. В. Императора Всероссійскаго, уполномоченнымъ по Высочайшему Его реченнаго Императорскаго Величества повелѣнію къ пріему россійскихъ войскъ, находя-

diriger le retour jusqu'en Russie et le citoyen Clarke, général de division des armées de la République française et Directeur du dépôt de la guerre, chargé par le gouvernement français de remettre les dites troupes russes à l'envoyé de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies.

Les soussignés, savoir:

M. George Magnus, baron de Sprengtporten, général d'infanterie des armées de Sa Majesté Impériale de toutes les Russie, chambellan actuel, chevalier grand croix de l'ordre de St. Jean de Jérusalem et de celui de Ste Anne, chargé de recevoir, au nom de Sa Majesté Impériale, les troupes russes présentement en France et d'en diriger le retour jusqu'en Russie,

et le citoyen Henri Jacques Guillaume Clarke, général de division des armées de la République française et Directeur du dépôt de la guerre, chargé par le gouvernement français de remettre les dites troupes russes à l'envoyé de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies,

après s'être mutuellement communiqué les pouvoirs respectifs qu'ils ont reçus au sujet des troupes russes présentement en France, et en conséquence du désir que le gouvernement français a témoigné de remettre les dites troupes à Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, sans échange, et dans le dessein de donner à Sa dite Majesté un gage de l'estime et de la considération du Premier Consul pour sa personne.

sont convenus de ce qui suit:

щихся въ настоящее время во Франціи, и завѣдыванію возвращеніемъ ихъ отсюда въ Россію, и гражданиномъ Кларкомъ, дивизіоннымъ генераломъ Французской республики и директоромъ военнаго депо, уполномоченнымъ французскимъ правительствомъ къ сдачѣ сказанныхъ россійскихъ войскъ посланцу Его Императорскаго Всероссійскаго Величества.

Нижеподписавшіеся:

Георгій-Магнусъ, баронъ Спренгтпортенъ, генералъ отъ инфантеріи Е. В. Императора Всероссійскаго, дѣйств. камергеръ, кавалеръ орденовъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, большого креста, и Св. Анны, уполномоченный по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію къ пріему россійскихъ войскъ, находящихся нынѣ во Франціи, и къ завѣдыванію возвращеніемъ ихъ отсюда въ Россію,

и гражданинъ Генрихъ-Яковъ-Вильгельмъ Кларкъ, дивизіонный генералъ Французской республики и директоръ военнаго депо, уполномоченный французскимъ правительствомъ къ сдачѣ сказанныхъ россійскихъ войскъ посланцу Его Императорскаго Всероссійскаго Величества,

по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, полученныхъ ими относительно россійскихъ войскъ, находящихся въ настоящее время во Франціи, и вслѣдствіе выраженнаго французскимъ правительствомъ желанія сдать означенныя войска Его Императорскому Всероссійскому Величеству безъ обмѣна, и съ цѣлью засвидѣтельствовать почтеніе и уваженіе Перваго Консула къ Особѣ Его реченнаго Величества,

согласились въ нижеслѣдующемъ:

Article I.

Les officiers, sous-officiers et soldats russes présentement repartis dans les places de Lille, Cambray, Bouchain, Avesnes, Landrecy, Lequesnoi et Nordlibre recevront incessament des ordres pour se rassembler à Namur.

Статья I.

Россійскіе офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, распредѣленные нынѣ въ лагеряхъ въ Лиллѣ, Канбрэ, Бушенѣ, Авенѣ, Ландреси, Лекенуа и Норлибрѣ, получатъ немедленно приказы собраться въ Намюрѣ.

Article II.

Ces ordres seront donnés de telle sorte que le rassemblement total des troupes russes à Namur ait lieu, au plus tard, le 24 mars 1801 (vieux style), répondant au 15 Germinal an 9 de la République française.

Статья II.

Сіи приказы будутъ отданы такимъ образомъ, чтобы сборъ всѣхъ россійскихъ войскъ въ Намюрѣ послѣдовалъ никакъ не позже 24 марта 1801 года (стараго стиля), соотвѣтствующаго 15-му жерминаля 9-го года Французской республики.

Article III.

Il sera accordé aux troupes russes un séjour de quatre jours à Namur âfin de prendre les arrangements nécessaires pour leur organisation pendant leur marche ultérieure et pour leur division en cinq colonnes.

Статья III.

Въ Намюрѣ россійскимъ войскамъ будетъ предоставлена четырехдневная остановка, дабы сдѣлать необходимыя распоряженія къ ихъ организаціи на время дальнѣйшаго ихъ похода и къ ихъ раздѣленію на пять колоннъ.

Article IV.

Un commissaire des guerres sera désigné par le Ministre de la guerre de la République française pour liquider à Namur les dettes que les officiers russes auraient pu contracter pendant leur séjour en France.

Статья IV.

Военный министръ Французской республики назначитъ военнаго комиссара для ликвидаціи въ Намюрѣ долговъ, которые могли быть сдѣланы россійскими офицерами во время пребыванія во Франціи.

Article V.

La première colonne des troupes russes se mettra en marche le 29 mars 1801 (vieux style), 20 Germinal an 9 pour Huy;

Le 30 mars — 21 Germinal — pour Liège;

Статья V.

Первая колонна россійскихъ войскъ двинется въ путь 29 марта 1801 года (стараго стиля) или 20 жерминаля 9-го года, въ Хюи;

30-го марта — 21-го жерминаля — въ Льежъ;

Le 31 mars — 22 Germinal — pour Hervé;

Le 1 avril — 23 Germinal — pour Aix la Chapelle;

Le 2 avril — 24 Germinal — pour Juliers;

Le 3 avril — 25 Germinal — pour Bergen;

Le 4 avril — 26 Germinal — pour Cologne.

Les autres colonnes suivront successivement à un ou deux jours d'intervalle de la première colonne et à un ou deux jours d'intervalle l'une de l'autre, de telle sorte que la dernière d'entre elles arrive à Cologne au plus tard le 12 avril 1801 (vieux style) 4 Floréal an 9.

31-го марта — 22-го жерминаля — въ Эрве;

1-го апрѣля — 23-го жерминаля — въ Ахенъ;

2-го апрѣля — 24-го жерминаля — въ Жюлье;

3-го апрѣля — 25-го жерминаля — въ Бергенъ;

4-го апрѣля — 26-го жерминаля — въ Кельнъ.

Другія колонны послѣдуютъ за первою съ промежуткомъ въ одинъ или два дня, и съ такимъ же промежуткомъ одна за другою, такъ чтобы послѣдняя прибыла въ Кельнъ не позже 12-го апрѣля 1801 года (стараго стиля), или 4-го флореаля 9-го года.

Article VI.

Les troupes russes partiront de Cologne au plus tard trois jours après leur rassemblement dans cette place et sous le commandement le leurs chefs

Статья VI.

Россійскія войска выступятъ изъ Кельна не позже, какъ чрезъ 3 дня по сборѣ ихъ въ этомъ городѣ, подъ командою своихъ начальниковъ.

Article VII.

Le gouvernement français fera payer les étapes jusqu'à Cologne inclusivement.

Un compte définitif entre la Russie et la France pour la solde des troupes russes pendant leur séjour en France sera arrêté avant leur départ de Cologne par des commissaires nommés de part et d'autre pour cet objet.

Статья VII.

Французское правительство уплачиваетъ этапное содержаніе до Кельна включительно.

Окончательный между Россіей и Франціей разсчетъ по содержанію россійскихъ войскъ за время пребыванія ихъ во Франціи будетъ составленъ, до ухода ихъ изъ Кельна, назначенными для сего отъ той и другой стороны комиссарами.

Article VIII.

Un officier russe restera, s'il en est besoin, pour faire soigner les malades ou blessés qui pourraient demeurer sur le territoire de la République française

Статья VIII.

Для попеченія о больныхъ и раненыхъ, которые могли бы оказаться на территоріи Французской республики по уходѣ россійскихъ войскъ изъ Кельна,

après que les troupes russes auront quitté Cologne. Il jouira de la protection du gouvernement français et obtiendra les secours et l'assistance dont il pourrait avoir besoin.

Fait double entre les soussignés et muni de leur sceau, à Paris le 9 mars 1801 (vieux style), 30 Ventose an 9 de la République française.

(L. S.). G. M. Sprengtporten.

(L. S.). H. I. C. Clarke.

въ случаѣ надобности, останется русскій офицеръ. Онъ будетъ пользоваться покровительствомъ французскаго правительства и ему будетъ оказываема потребная помощь и содѣйствіе.

Учинена въ двухъ экземплярахъ между нижеподписавшимися за ихъ печатями, въ Парижѣ, 9-го марта 1801 года (стараго стиля), 30-го вантоза 9-го года Французской республики

(М. П.). Г. М. Спренгтпортенъ.

(М. П.). Г. Я. В. Кларкъ.

№ 488.

1801, 26 septembre (8 octobre). Traité de paix de Paris entre la Russie et la France.

№ 488.

1801 г., сентября 26-го (октября 8-го). Парижскій мирный трактатъ между Россіею и Франціею.

№ 489.

1801, 28 septembre (10 octobre). Convention secrète de Paris.

№ 489.

1801 г., сентября 28-го (октября 10-го). Парижская секретная конвенція.

№ 490.

1801, 28 septembre (10 octobre). Déclaration explicative.

Après que Sprengtporten eut quitté Paris, le Vice-Chancelier Kolytchew poursuivit seul les négociations avec Talleyrand au sujet du traité de paix entre la Russie et la France et d'une convention spéciale, concernant l'apaisement de l'Europe. Ces négociations, poursuivies dans le cours de plusieurs mois, furent terminées non par Kolytchew, mais par son successeur le comte Morkow, en septembre 1801. Après l'avénement au trône de l'Empereur Alexander I, Kolytchew insista lui-même sur son rappel de Paris et, de son côté, Napoléon faisait à Pétersbourg des démarches dans ce même sens, car il trouvait ce diplomate trop obstiné et parfois peu courtois.

№ 490.

1801 г., сентября 28-го (октября 10-го). Объяснительная декларація.

Послѣ отъѣзда изъ Парижа генерала Спренгтпортена, Вице-Канцлеръ Колычевъ одинъ продолжалъ переговоры съ Тальераномъ относительно мирнаго договора между Россіею и Франціею и особенной конвенціи касательно умиротворенія Европы. Эти переговоры продолжались нѣсколько мѣсяцевъ и окончилъ ихъ, въ сентябрѣ 1801 года, не Колычевъ, но его преемникъ, графъ Морковъ. Самъ Колычевъ, послѣ воцаренія Императора Александра I, настаивалъ на своемъ отозваніи изъ Парижа, и Наполеонъ Бонапартъ также добивался въ Петербургѣ удаленія Колычева, ибо находилъ послѣдняго слишкомъ упрямымъ и даже грубымъ,

Mais il faut rendre justice à Kolytchew qu'il se conformait strictement à ses instructions et qu'il s'appliquait à défendre avec dignité les vues de son Souverain.

Les questions suivantes constituaient les principales pierres d'achoppement dans ces pourparlers: 1) Napoléon Bonaparte insistait à négocier séparément le traité de paix avec la Russie et la convention concernant l'apaisement de l'Europe; 2) il ne désirait pas que la Russie prît la défense du roi des Deux Siciles et, finalement, 3) il n'avait pas l'intention de restituer au roi de Sardaigne les territoires occupés par les armées françaises. C'est autour de ces trois questions que se concentrait tout l'intérêt des négociations, poursuivies simultanément à Paris et à St-Pétersbourg; Napoléon y envoya dans ce but son premier aide-de-camp Duroc.

Il est vrai qu'Alexandre I prenait également à cœur les intérêts du duc de Wurtemberg auquel le rattachaient des liens de parenté, mais les trois questions susmentionnées ne jouaient pas moins un rôle dominant dans ces pourparlers et amenaient des lenteurs dans la conclusion des actes projetés.

En général, Kolytchew se défiait à un haut degré du Premier Consul et de sa politique. Il était convaincu que Napoléon voulait user de la Russie comme d'un moyen pour arriver à ses propres fins. Il cherchait, selon lui, à soulever la Russie contre l'Angleterre pour prescrire à celle-ci les conditions de la paix; il faisait des tentatives de brouiller la Russie avec la Porte pour s'emparer de l'Egypte, et enfin il tâchait d'amener la discorde entre l'Autriche et la Prusse pour forcer ces deux Puissances, avec le concours de la Russie, à se soumettre à ses combinaisons au sujet du partage des territoires allemands.

Une fois que Napoléon se fut persuadé qu'il est difficile d'éconduire Kolytchew, il dépêcha à St-Pétersbourg son habile aide-de-camp Duroc avec la mission officielle de complimenter le jeune Empereur de Russie à l'occasion de son avénement au trône. Cette mission avait au fond pour but de mener à bonne fin les négociations poursuivies à Paris *).

L'Empereur Alexandre I approuvait en général l'attitude adoptée par Kolytchew; dans les instructions détaillées du 16 (28) avril, il insistait sur l'inviolabilité du Royaume des Deux

*) Recueil de la Société Historique Impériale Russe, t. LXX, p. 114 et suiv.

Однако, нужно отдать полную справедливость Колычеву, что онъ только исполнялъ получаемыя инструкціи и съ полнымъ достоинствомъ защищалъ взгляды своего Государя.

Главными камнями преткновенія были слѣдующіе вопросы: во 1) Наполеонъ Бонапартъ настаивалъ на отдѣленіи мирнаго трактата съ Россіею отъ конвенціи объ умиротвореніи Европы; во 2) онъ не желалъ заступничества Россіи за короля Обѣихъ Сицилій и, наконецъ, въ 3) Наполеонъ не намѣренъ былъ возвращать королю сардинскому его владѣнія, занятыя французскими войсками. Около этихъ трехъ вопросовъ сосредоточивался весь интересъ дипломатическихъ переговоровъ, происходившихъ одновременно въ Парижѣ и въ С.-Петербургѣ, куда Наполеонъ отправилъ, въ апрѣлѣ 1801 года, своего перваго адъютанта, Дюрока.

Правда, Императоръ Александръ I принималъ къ сердцу также судьбу германскихъ государей, и въ особенности своего родственника, герцога Вюртембергскаго, но всетаки вышеприведенные три вопроса играли преобладающую роль и серьезно затрудняли скорѣйшее заключеніе проектированныхъ международныхъ актовъ.

Колычевъ относился, вообще говоря, крайне подозрительно къ Первому Консулу и къ его политикѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ желалъ пользоваться Россіею, какъ средствомъ для достиженія своихъ собственныхъ политическихъ цѣлей. Онъ желалъ вооружить Россію противъ Англіи, чтобъ предписать послѣдней свои условія мира; онъ старался поссорить Россію съ Турціею, дабы завладѣть Египтомъ; наконецъ, онъ старался поссорить Австрію и Пруссію, чтобъ принудить обѣ державы, съ помощью Россіи, подчиниться его желаніямъ насчетъ германскихъ владѣній.

Когда Наполеонъ убѣдился, что Колычева трудно провести, онъ командировалъ въ Петербургъ своего ловкаго адъютанта Дюрока съ офиціальнымъ порученіемъ поздравить юнаго русскаго Императора съ восшествіемъ на престолъ. Но настоящая цѣль этой командировки заключалась въ скорѣйшемъ улаженіи парижскихъ переговоровъ *).

Императоръ Александръ I вообще одобрялъ образъ дѣйствій Колычева и въ подробной инструкціи, отъ 16-го (28-го) апрѣля, особенно настаивалъ на неприкосновенности королевствъ

*) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. LXX, стр 114 и слѣд.

Siciles et de celui de Sardaigne, et n'admettait pas que le traité de paix fût négocié distinctement de l'acte concernant l'apaisement général de l'Europe. Mais l'Empereur recommandait en même temps à Kolytchew de ne pas s'écarter de ce mode d'obligeance „qui loin de nuire à l'essentiel des affaires, assure au contraire leur succès.“

En attendant Kolytchew adressa à Talleyrand, à la date du 14 (26) avril, une note dans des termes si violents que celui-ci crut devoir la renvoyer en déclarant qu'il se trouvait dans l'impossibilité de la présenter au Premier Consul. Talleyrand „l'a trouvée écrite dans un style aussi extraordinaire que de tout point inconvenable envers le gouvernement français.“

Toutefois Kolytchew ne trouvait rien d'inconvenable dans sa note et on ne saurait ne pas partager son avis; aussi s'empressa-t-il de renvoyer cette pièce à Talleyrand avec adjonction d'une note laconique dans laquelle il se bornait à demander, si le gouvernement français se proposait ou non de remplir sa promesse quant à la restitution des royaumes des Deux Siciles et de Sardaigne à leurs souverains légitimes.

Talleyrand n'aimait pas à répondre à des interpellations catégoriques, aussi se borna-t-il à déclarer que le Premier Consul avait toujours l'intention de remplir ses engagements.

En attendant Duroc écrivait de St.-Pétersbourg qu'il faisait son possible pour hâter le départ du comte Morkow. Bonaparte, de son côté, ne pouvait pas parler de sang froid avec Kolytchew. „Vous verrez“, écrivait-il à Talleyrand, „qu'il est difficile d'être aussi impertinent et bête que m-r de Kolytchew.“ L'Empereur Alexandre I assurait pour sa part Duroc qu'il aimait de tout temps la France et les Français, et „qu'il a toujours désiré“ de voir la France et la Russie unies; ce sont deux nations grandes et puissantes, qui se sont donné réciproquement des preuves d'estime et qui doivent s'entendre pour faire cesser les petites divisions du continent“.

Bien plus. En dépit des instructions données à Kolytchew, Alexandre I assurait Duroc qu'il n'avait rien contre l'occupation de l'Egypte par les Français. S'il se fait le défenseur de la cause des rois de Sardaigne et de Naples, c'est qu'il est obligé de le faire en vertu des traités et des engagements contractés; mais il n'y est pas personnellement intéressé. Il ne désire que le prompt rétablissement de la paix générale en Europe.

Обѣихъ Сицилій и Сардиніи и не допускалъ отдѣленія мирнаго трактата отъ акта общаго умиротворенія. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь поставилъ Колычеву на видъ, чтобъ въ сношеніяхъ съ Первымъ Консуломъ онъ „не уклонялся отъ того рода услужливости, которая не только не вредитъ сущности дѣла, но, напротивъ, упрочиваетъ его успѣхъ“.

Между тѣмъ Колычевъ написалъ Тальерану ноту, отъ 14-го (26-го) апрѣля, въ такихъ выраженіяхъ, что послѣдній возвратилъ ее съ заявленіемъ, что онъ не осмѣливается представить ее Первому Консулу. Тальеранъ нашелъ эту ноту написанною „слогомъ столь же необыкновеннымъ, какъ и неприличнымъ со всѣхъ точекъ зрѣнія относительно французскаго правительства“.

Колычевъ, однако, не видѣлъ ничего неприличнаго въ своей нотѣ (въ чемъ можно съ нимъ согласиться) и вернулъ ее Тальерану съ прибавкою новой лаконической ноты, въ которой онъ только спросилъ, намѣрено ли французское правительство исполнить данное обѣщаніе и возвратить Сардинію и королевство Неаполитанское ихъ законнымъ государямъ?

Тальеранъ не любилъ отвѣчать на категорическіе вопросы и потому только заявилъ о намѣреніи Перваго Консула всегда исполнять данныя обѣщанія.

Между тѣмъ Дюрокъ писалъ изъ С.-Петербурга, что онъ всячески торопитъ графа Моркова съ отъѣздомъ. Наполеонъ не могъ равнодушно разговаривать съ Колычевымъ.

„Вы увидите“, писалъ онъ Тальерану, „что трудно быть болѣе дерзкимъ и глупымъ, нежели г. Колычевъ“. Императоръ же Александръ I увѣрялъ Дюрока, что онъ всегда любилъ Францію и Французовъ, и что „онъ всегда желалъ видѣть Францію и Россію соединенными; это двѣ великія и могущественныя націи, которыя доказали взаимное уваженіе и должны сойтись, чтобъ прекратить мелкіе раздоры на материкѣ“.

Мало того, Императоръ Александръ I, вопреки даннымъ Колычеву инструкціямъ, увѣрялъ Дюрока, что онъ ничего не имѣетъ противъ занятія Французами Египта. Если же онъ заступается за королей сардинскаго и неаполитанскаго, то потому, что онъ обязанъ это сдѣлать въ силу трактатовъ и данныхъ обѣщаній. Но никакого личнаго интереса онъ не имѣетъ. Онъ только желаетъ скорѣйшаго возстановленія мира въ Европѣ.

En vue de ce désir commun des deux gouvernements russe et français d'en arriver à une entente complète, celle-ci ne devait pas tarder à se réaliser. Déjà en mai 1801 les deux parties étaient d'accord au sujet du traité de paix et il n'y avait quelque divergence qu'au sujet de la convention secrète.

Dans ses instructions au comte Morkow, du 27 juin (9 juillet) 1801, Alexandre I confirmait encore une fois ses intentions sincères de conclure la paix avec la France et d'assurer l'apaisement de l'Europe entière *).

Au commencement de septembre, le comte Morkow arriva à Paris et se persuada aussitôt que Napoléon ne songeait pas à renoncer à ses projets belliqueux au sujet des Etats italiens. „Faisons la paix d'abord," lui dit le Premier Consul, „et puis nous parlerons d'autre chose." Bonaparte se refusait de comprendre les motifs qui portait le Tsar de Russie à prendre une part si chaleureuse au sort d'un petit Souverain comme „le roitelet" de Sardaigne.

Le plénipotentiaire de Russie lui répondit à ce sujet que son Souverain s'est imposé le devoir de remplir scrupuleusement ses engagements. Si le Premier Consul ne se proposait pas de les reconnaître, tous les pourparlers seront appelés à rester stériles. Lorsque Talleyrand fit l'aveu que Bonaparte était résolu de réunir le Piémont à la France, le comte Morkow déclara que la Russie ne manquerait pas de remplir les engagements contractés.

En attendant, de nouvelles circonstances politiques portèrent le comte Morkow à signer sans retard les transactions internationales projetées. Bonaparte réussit à conclure la paix avec l'Angleterre et à convaincre le roi de Naples de la nécessité impérieuse de signer les conditions de paix qui lui étaient prescrites par la République française.

En présence de ces conjonctures, le comte Morkow consentit à signer un traité de paix entre la Russie et la France le 26 septembre (8 octobre). Comme la paix existait de fait, Morkow qualifia cet acte de „pure formalité".

Quant à la convention secrète (№ 489), appelée à établir les bases pour l'apaisement général de l'Europe, sur l'insistance expresse de Talleyrand, cet acte fut signé deux jours plus

*) Recueil de la Société Historique Impériale Russe, t. LXX, pag. 201 et suiv.

При явномъ желанiи русскаго и французскаго правительствъ придти къ полному соглашенiю, послѣднее должно было состояться. Уже въ маѣ 1801 года обѣ стороны были совершенно согласны относительно мирнаго трактата и разногласiе еще продолжалось по поводу секретной конвенцiи.

Въ инструкцiи отъ 27-го iюня (9-го iюля) 1801 года, данной графу Моркову, Императоръ Александръ I еще разъ подтверждаетъ свое искреннее желанiе заключить миръ съ Францiею и обезпечить умиротворенiе всей Европы *).

Въ началѣ сентября 1801 года графъ Морковъ прибылъ въ Парижъ и на первыхъ же порахъ убѣдился, что Наполеонъ Бонапартъ не намѣренъ былъ отказаться отъ своихъ завоевательныхъ замысловъ относительно итальянскихъ государствъ. „Заключимъ сперва миръ", сказалъ ему Первый Консулъ, „а потомъ поговоримъ о другомъ". Бонапартъ отказывался понять мотивы, заставляющiе русскаго Царя принимать такое горячее участiе въ судьбѣ какого-то маленькаго сардинскаго „королька".

На это русскiй уполномоченный отвѣтилъ, что его Государь поставилъ себѣ въ долгъ исполнять добросовѣстнымъ образомъ принятыя на себя обязательства. Если же Первый Консулъ не намѣренъ признавать этихъ обязательствъ, то всѣ переговоры навѣрное останутся безплодными Когда же Тальеранъ признался, что Бонапартъ рѣшился присоединить Пьемонтъ къ французскимъ владѣнiямъ, графъ Морковъ заявилъ, что Россiя исполнитъ принятыя обязательства.

Между тѣмъ случились обстоятельства, заставившiя графа Моркова поспѣшить подписанiемъ проектированныхъ международныхъ актовъ. Бонапарту удалось заключить миръ съ Англiею и убѣдить короля неаполитанскаго въ неотложной необходимости принять мирныя условiя, предписанныя ему именемъ Французской республики.

Въ виду этихъ обстоятельствъ графъ Морковъ согласился, 26-го сентября (8-го октября), подписать мирный между Россiею и Францiею трактатъ. Такъ какъ миръ уже въ дѣйствительности существовалъ, то этотъ актъ графъ Морковъ назвалъ „простою формальностью".

Что же касается секретной конвенцiи (№ 489), долженствовавшей установить прочныя основанiя для умиротворенiя всей Европы, то, по непремѣнному требованiю Тальерана, этотъ

*) Сборникъ И. Р. Истор. Общ. т. LXX, стр. 201 и слѣд.

tard. Par ce fait le Ministre des Affaires Etrangères de France désirait établir une distinction marquée entre le traité de paix franco-russe et la convention ayant trait à l'apaisement de l'Europe.

En se rendant un compte exact de ce document, on peut se convaincre qu'il laissait ouvertes toutes les principales questions litigieuses en Europe.

Enfin, „pour l'accélération du concert", Bonaparte insistait pour que le comte Morkow délivrât lui-même les ratifications des trois actes qui venaient d'être signés. Le comte Morkow était muni des pleinspouvoirs nécessaires et les ratifications des trois actes susmentionnées furent échangées le jour même de la signature de la convention secrète et de la déclaration explicative.

актъ былъ подписанъ двумя днями позже. Этимъ фактомъ французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ желалъ констатировать полную раздѣльность русско-французскаго мирнаго трактата и конвенціи объ умиротвореніи Европы.

Если вникнуть въ буквальный смыслъ секретной конвенціи, то не трудно убѣдиться, что она оставила открытыми всѣ главные спорные вопросы.

Наконецъ, съ цѣлью „ускоренія согласія", Бонапартъ настаивалъ, чтобы графъ Морковъ самъ далъ акты ратификаціи всѣхъ трехъ актовъ. Графъ Морковъ имѣлъ полномочіе на немедленную ихъ ратификацію, и въ самый день подписанія секретной конвенціи и объяснительной деклараціи были также размѣнены ратификаціи всѣхъ трехъ актовъ.

№ 488.

Au Nom de la très Sainte et indivisible Trinité.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et le Premier Consul de la République Française, au nom du peuple français, animés du désir de rétablir les relations de bonne intelligence qui subsistaient entre les deux gouvernements avant la guerre actuelle, et de mettre un terme aux maux dont l'Europe est affligée, ont nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies:

le sieur Arcadie comte de Morcoff, son Conseiller privé actuel, chevalier de l'ordre de St.-Alexandre Newsky et grand croix de celui de St.-Wladimir de la première classe,

et le Premier Consul de la République Française, au nom du Peuple français, le citoyen Charles Maurice Talleyrand, Ministre des relations extérieures,

lesquels, après la vérification et l'échange de leurs pleinspouvoirs, sont convenus des articles suivants.

№ 488.

Во имя пресвятой и нераздѣльной Троицы.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Первый Консулъ Французской республики отъ имени Французскаго народа, одушевляемые желаніемъ возстановить отношенія добраго согласія, которыя существовали между двумя правительствами до настоящей войны, и положить конецъ бѣдствіямъ, удручающимъ Европу, назначили для сего своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій:

графа Аркадія Моркова, своего дѣйств. тайн. совѣтника, кавалера орденовъ св. Александра Невскаго и св. Владиміра первой степени,

и Первый Консулъ Французской республики, отъ имени Французскаго народа, гражданина Карла Маврикія Тальерана, Министра внѣшнихъ сношеній,

которые, по провѣркѣ и обмѣнѣ своихъ полномочій, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ

Article I.

Il y aura dorénavant paix, amitié et bonne intelligence entre S. M. l'Empereur de toutes les Russies et la République française.

Статья I.

Между Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и Французскою республикою будетъ отнынѣ миръ, дружба и доброе согласіе.

Article II.

En conséquence, il ne sera commis aucune hostilité entre les deux Etats à compter du jour de l'échange des ratifications du présent traité, et aucune des Parties contractantes ne pourra fournir aux ennemis de l'autre, tant extérieurs qu'intérieurs, aucun secours ou contingent en hommes ni en argent sous quelque dénomination que cela soit.

Статья II.

Вслѣдствіе сего, со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата, не будетъ происходить никакихъ враждебныхъ дѣйствій между обоими государствами, и ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ оказывать ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ врагамъ другой никакой помощи войсками или деньгами, подъ какимъ бы ни было наименованіемъ.

Article III.

Les deux Parties contractantes, voulant autant qu'il est en leur pouvoir contribuer à la tranquillité des gouvernements respectifs, se promettent mutuellement de ne pas souffrir qu'aucun de leurs sujets se permette d'entretenir une correspondance quelconque soit directe, soit indirecte avec les ennemis intérieurs du gouvernement actuel des deux états, d'y propager des principes contraires à leurs constitutions respectives, ou d'y fomenter des troubles; et par une suite de ce concert tout sujet de l'une des deux puissances, qui en séjournant dans les états de l'autre, attenterait à sa sûreté sera de suite éloigné du dit pays et transporté hors des frontières sans pouvoir, en aucun cas, se reclamer de la protection de son gouvernement.

Статья III.

Обѣ договаривающіяся стороны, желая, насколько отъ нихъ зависитъ, содѣйствовать спокойствію своихъ правительствъ, взаимно обѣщаютъ не допускать, чтобы кто-либо изъ ихъ подданныхъ позволилъ себѣ поддерживать какія-либо, прямыя или косвенныя, сношенія съ внутренними врагами существующаго управленія въ обоихъ государствахъ, распространять начала, противныя ихъ государственному устройству, или возбуждать въ нихъ смуты, и въ силу сего соглашенія всякій подданный одной изъ обѣихъ державъ, который, находясь во владѣніяхъ другой, посягнулъ бы на ея безопасность, будетъ немедленно удаленъ изъ сказанной страны и высланъ за границу, не имѣя ни въ какомъ случаѣ права требовать покровительства своего правительства.

Article IV.

Il est convenu de s'en tenir quant au rétablissement des légations respectives et au cérémonial à suivre entre les deux gouvernements, à ce qui était d'usage avant la présente guerre.

Статья IV.

Что касается возстановленія обоюдныхъ миссій и соблюденія между обоими правительствами церемоніала, то положено придерживаться въ этомъ отношеніи того порядка, который существовалъ до настоящей войны.

Article V.

Les deux Parties contractantes conviennent, en attendant la confection d'un nouveau traité de commerce, de rétablir les relations commerciales entre les deux pays sur le pied où elles étaient, avant la guerre, en tant que faire se pourra, et sauf les modifications que le temps et les circonstances peuvent avoir amenées et qui ont donné lieu à de nouveaux réglements.

Статья V.

Впредь до заключенія новаго коммерческаго трактата, договаривающіяся стороны соглашаются возстановить торговыя сношенія между обѣими странами, по возможности на основаніяхъ, существовавшихъ до войны, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя могли послѣдовать въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ и которыя потребовали новыхъ уставовъ.

Article VI.

Le présent traité est déclaré commun à la République Batave.

Статья VI.

Настоящій трактатъ объявляется имѣющимъ силу и для Батавской республики.

Article VII.

Le présent traité sera ratifié et les ratifications échangées dans l'espace de cinquante jours, ou plutôt, si faire se peut.

En foi de quoi, etc.

Fait à Paris, le 26 septembre (8 octobre) 1801.

(L. S.) Le comte de Morcoff.

(L. S.) Ch. Maur: Talleyrand.

(Ratifié à Paris le 11 octobre 1801).

Статья VII.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ размѣнены въ теченіе пятидесяти дней, или и ранѣе, если это окажется возможнымъ.

Въ увѣреніе сего и т. д.

Въ Парижѣ, 26-го сентября (8-го октября) 1801 года.

(М. П.) Графъ Морковъ.

(М. П.) К. М. Тальеранъ.

(Ратификованъ въ Парижѣ 11-го октября 1801 года).

№ 489.

Article I.

Les deux Parties contractantes, considérant que lors de la paix de Teschen, l'accord qui a régné entre la Russie et la France a été du plus grand avantage pour les deux gouvernements et a amené la paix définitive, considérant d'ailleurs l'identité de leurs intérêts dans les affaires de l'Empire et désirant apporter le moins d'altération possible aux bases de la constitution germanique, s'engagent réciproquement à agir d'un commun accord relativement aux principes à suivre pour les indemnités, à se communiquer leurs vues et à former un concert parfait entre elles pour amener les parties intéressées à l'adoption de leurs plans qui auront pour principe invariable le maintien d'un juste équilibre entre les maisons d'Autriche et de Brandebourg.

Article II.

Sa Majesté Impériale de toutes les Russies et le Premier Consul de la République française établiront un concert intime et se communiqueront leurs vues respectives pour terminer à l'amiable les affaires ultérieures de l'Italie et celles du St. Siège sous le rapport politique.

Article III.

Le Premier Consul de la République française s'engage à ouvrir dès à présent une négociation à Constantinople

№ 489.

Статья I.

Обѣ договаривающіяся стороны, принимая во вниманіе, что согласіе, которое существовало между Россіею и Францiею во время Тешенскаго мира, было въ высшей степени полезно для обоихъ правительствъ и привело къ окончательному миру; принимая вмѣстѣ съ симъ во вниманіе тождественность ихъ интересовъ въ дѣлахъ Имперіи и желая какъ можно менѣе подвергать основы германскаго государственнаго устройства измѣненію, взаимно обязуются дѣйствовать съ общаго согласія относительно началъ, коимъ надлежитъ слѣдовать въ вопросѣ о вознагражденіяхъ, сообщать другъ другу свои виды и соблюдать полное между собою единодушіе, дабы приводить заинтересованныя стороны къ принятію ихъ плановъ, неизмѣннымъ основаніемъ коихъ будетъ сохраненіе справедливаго равновѣсія между домами Австрійскимъ и Бранденбургскимъ.

Статья II.

Его Императорское Всероссійское Величество и Первый Консулъ Французской республики войдутъ въ тѣсное сближеніе и будутъ сообщать другъ другу свои виды для полюбовнаго окончанія послѣдующихъ дѣлъ Италіи и Святѣйшаго Престола въ политическомъ отношеніи.

Статья III.

Первый Консулъ Французской республики обязуется приступить теперь же къ переговорамъ въ Константино-

pour le rétablissement de la paix définitive avec la Sublime Porte Ottomane, sous la médiation de S. M. l'Empereur de toutes les Russies.

полѣ для возстановленія окончательнаго мира съ Блистательною Портою Оттоманскою при посредничествѣ Е. В. Императора Всероссійскаго.

Article IV.

La République française s'engage de maintenir d'après les bases du traité de paix du 28 mars 1801, (7 Germinal dernier), l'intégrité des Etats de S. M. le roi des Deux Siciles, ami et allié de S. M. l'Empereur de toutes les Russies. Les troupes françaises qui occupent le pays de Bari et d'Otrante, et celles qui pourraient être amenées dans les états de S. M. Sicilienne pour relever les dites troupes, n'y demeureront que jusqu'à ce que le sort de l'Egypte soit décidé.

Статья IV.

Французская республика обязуется сохранить на основаніяхъ мирнаго трактата отъ 28 марта 1801 года (7-го прошлаго жерминаля) цѣлость владѣній Е. В. короля Обѣихъ Сицилій, друга и союзника Е. В. Императора Всероссійскаго. Французскія войска, занимающія земли Бари и Отранто, и тѣ, которыя могли бы быть введены во владѣнія Его Сициліанскаго Величества на смѣну первыхъ, останутся тамъ только до времени, пока не будетъ рѣшена судьба Египта.

Article V.

Il est convenu entre les Parties contractantes que le Royaume de Naples sera considéré comme Puissance neutre et jouira de tous les bénéfices de la neutralité après que le sort de l'Egypte sera décidé. En conséquence, le Premier Consul s'engage de ne point exiger alors de S. M. Sicilienne l'accomplissement de l'article trois du traité de paix du 28 mars 1801 (sept Germinal dernier), et S. M. l'Empereur de toutes les Russies s'engage d'employer ses bons offices auprès de la Grande Bretagne et de la Porte Ottomane pour leur faire reconnaître la neutralité au Royaume de Naples.

Статья V.

Между договаривающимися сторонами состоялось соглашеніе о томъ, что Неаполитанское королевство будетъ считаться нейтральною державою и будетъ пользоваться всѣми выгодами нейтралитета послѣ того, какъ послѣдуетъ рѣшеніе о судьбѣ Египта. Вслѣдствіе сего Первый Консулъ обязывается не требовать тогда отъ Его Сициліанскаго Величества исполненія 3-й статьи мирнаго трактата 28 марта 1801 года (7-го прошлаго жерминаля), а Е. В. Императоръ Всероссійскій обязывается употребить свои добрыя услуги къ тому, чтобы Великобританія и Оттоманская Порта признали нейтралитетъ Неаполитанскаго королевства.

Article VI.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et le Premier Consul de la

Статья VI.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Первый Консулъ Французской респу-

République française s'occuperont à l'amiable et de gré à gré, des intérêts de S. M. le Roi de Sardaigne, et y auront tous les égards compatibles avec l'état actuel des choses.

блики будутъ дружественно и въ добромъ согласіи имѣть попеченіе объ интересахъ Е. В. Короля Сардинскаго и при этомъ примутъ въ уваженіе все, совмѣстное съ существующимъ положеніемъ вещей.

Article VII.

La République française s'engage à unir ses soins à ceux de S. M. Impériale de toutes les Russies pour procurer à S. A. S. le duc de Wurtemberg une indemnité en Allemagne proportionnée à ses pertes et conforme à la justice.

Статья VII.

Французская республика обязывается соединить свои старанія съ таковыми же Его Императорскаго Всероссійскаго Величества, дабы предоставить Е. С. В. герцогу Вюртембергскому соотвѣтствующее его потерямъ и справедливое вознагражденіе въ Германіи.

Article VIII.

La dite République prend le même engagement en faveur de S. A. S. l'électeur de Bavière et lui garantit, de concert avec S. M. l'Empereur de Russie, l'intégrité de ses états non-cédés à la France par l'Empire; mais dans le cas où les Parties contractantes se décideraient, d'un commun accord, à faire entrer une partie de la Bavière dans la masse des indemnités et que l'électeur dût faire quelque sacrifice, il est convenu que ce Prince sera dédommagé par un équivalent à sa convenance et d'après les règles de la plus stricte justice.

Статья VIII.

Реченная Республика принимаетъ на себя такое же обязательство въ пользу Е. С. В. курфирста Баварскаго и гарантируетъ ему, сообща съ Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ, цѣлость его владѣній, не уступленныхъ Франціи Имперіей; но въ случаѣ, еслибъ договаривающіяся стороны рѣшили, съ общаго согласія, включить часть Баваріи въ составъ вознагражденій и курфирстъ долженъ былъ бы принести нѣкоторыя жертвы, то рѣшено предоставить этому Государю эквивалентное возмѣщеніе его потери, отвѣчающее его интересамъ и началамъ самой строгой справедливости.

Article IX.

Les deux Parties contractantes reconnaissent et garantissent l'indépendance et la constitution de la République des Sept Iles unies, ci-devant Venitiennes, et il est convenu, qui il n'y aura plus dans ces îles de troupes étrangères.

Статья IX.

Договаривающіяся стороны признаютъ и гарантируютъ независимость и государственное устройство Республики Семи Соединенныхъ Острововъ, бывшихъ Венеціанскихъ, и постановляютъ, что иностранныхъ войскъ на сихъ островахъ болѣе не будетъ.

Article X.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies s'engage à employer ses bons offices pour faire rendre les prisonniers français détenus à Constantinople et dans les autres parties de l'empire Ottoman.

Article XI.

Aussitôt après la signature du traité de paix et de la présente convention secrète, les deux Parties contractantes s'occuperont des moyens de consolider la paix générale sur les bases susmentionnées, de rétablir un juste équilibre dans les différentes parties du monde et d'assurer la liberté des mers, se promettant d'agir de concert dans toutes les mesures de conciliation ou de vigueur convenues entre elles pour le bien de l'humanité, le repos général et l'indépendance des gouvernements.

En foi de quoi, etc.

Fait à Paris, le 28 septembre (10 octobre) 1801.

(L. S.) Le comte de Morcoff.

(L. S.) Ch. Maur. Talleyrand.

(Ratifié à Paris le 11 octobre 1801).

Статья X.

Е. В. Императоръ Всероссійскій обязывается употребить свои добрыя услуги къ возвращенію французскихъ плѣнныхъ, задерживаемыхъ въ Константинополѣ и въ другихъ частяхъ Оттоманской имперіи.

Статья XI.

Немедленно по подписаніи мирнаго трактата и настоящей секретной конвенціи обѣ договаривающіяся стороны займутся вопросомъ о средствахъ утвердить всеобщій миръ на вышеприведенныхъ основаніяхъ, возстановить справедливое равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта и обезпечить свободу морей, обѣщая другъ другу дѣйствовать сообща во всѣхъ мѣрахъ, примирительныхъ или принудительныхъ, о коихъ онѣ условятся между собою на благо человѣчества, всеобщаго спокойствія и независимости правительствъ.

Въ увѣреніе сего и т. д.

Въ Парижѣ, 28-го сентября (10-го октября) 1801 года.

(М. П.) Графъ Morковъ.

(М. П.) К. М. Тальеранъ.

(Ратификована въ Парижѣ 11-го октября 1801 г.).

№ 490.

Déclaration.

Une convention secrète relative aux affaires d'Europe ayant été conclue et signée aujourd'hui 28 septembre (10 octobre) 1801 [dix huit Vendémiaire an dix] entre les plénipotentiaires de Russie et de France soussignés,

№ 490.

Декларація.

Въ виду заключенія и подписанія сей день, 28-го сентября (10-го октября) 1801 года (18-го вандимьера 10-го года), россійскимъ и французскимъ уполномоченными секретной конвенціи о дѣлахъ Европы,

le citoyen Charles Maurice Talleyrand, Ministre plénipotentiaire du gouvernement français a déclaré:

qu'en conséquence de l'article second de la dite convention secrète, la République française n'entendait pas qu'il pût être dérogé en rien aux Traités qui ont fixé le sort des Etats d'Italie et notamment à ceux de Tolentino, de Lunéville et de Florence et que par rapport à l'article huit le gouvernement français avait déjà pris avec l'electeur de Bavière des engagements d'après lesquels il ne pouvait consentir à aucun démembrement des Etats actuels de l'Electeur en Allemagne.

Le Ministre plénipotentiaire français a déclaré en outre que le Premier Consul pour faire une chose particulièrement agréable à S. M. l'Empereur de Russie et par estime personnelle pour le margrave de Baden était disposé à se regarder comme engagé en faveur de ce Prince de la même manière, qu'il l'est en faveur de l'electeur Palatin et du duc de Wurtemberg et comme s'il existait à cet égard une clause expresse dans la convention de ce jour.

Le comte de Morcoff, Ministre plénipotentiaire de Russie, a reconnu avoir reçu les présentes déclarations.

Fait à Paris, le 28 septembre (10 octobre) 1801.

(L. S.) Le comte de Morcoff.

(L. S.) Ch. Maur. Talleyrand.

гражданинъ Карлъ Маврикій Тальеранъ, уполномоченный министръ французскаго правительства, заявилъ:

что на основаніи второй статьи сказанной секретной конвенціи, по мнѣнію Французской республики, не можетъ быть сдѣлано никакихъ отступленій отъ трактатовъ, опредѣлившихъ судьбу Итальянскихъ государствъ, и именно: трактатовъ Толентинскаго, Люневильскаго и Флорентійскаго, и что, по содержанію восьмой статьи, французское правительство заключило уже съ курфирстомъ Баварскимъ обязательства, въ силу коихъ онъ не можетъ согласиться ни на какое расчлененіе существующихъ владѣній курфирста въ Германіи.

Французскій уполномоченный министръ объявилъ, кромѣ того, что Первый Консулъ, желая доставить Е. В. Императору Всероссійскому особливое удовольствіе, и изъ личнаго уваженія къ маркграфу Баденскому, выразилъ готовность считать себя обязаннымъ въ пользу сего Государя, такимъ же образомъ, какъ онъ обязался въ пользу курфирста Палатинскаго и герцога Вюртембергскаго и какъ бы существовала по сему предмету въ сегодняшней секретной конвенціи особая статья.

Графъ Морковъ, россійскій уполномоченный министръ, призналъ, что настоящія заявленія были имъ приняты.

Въ Парижѣ, 28-го сентября (10-го октября) 1801 года.

(М. П.) Графъ Морковъ.

(М. П.) К. М. Тальеранъ.

№ 491.

1802, 14 (26 décembre). Acte d'accession de la Russie à la Convention Austro-Française du 14 (26) décembre 1802.

La conclusion du traité de Paris et de la convention secrète (№ 488—490) avait consacré la paix et établi les bases d'une communauté d'action entre la Russie et la France dans les principales questions politiques de l'Europe Toutefois ces transactions internationales furent impuissantes à créer une confiance entière et des sympathies sincères entre les deux gouvernements. Ebloui un moment par le génie éclatant de Bonaparte, l'Empereur Alexandre I ne tarda pas à ressentir des sentiments de défiance et de suspicion, nullement dissimulés à l'endroit de la politique de cet aventurier corse.

Ce changement dans les dispositions de l'Empereur de Russie provenait de causes parfaitement légitimes: Bonaparte se moquait ouvertement de ses promesses et des engagements contractés. Ainsi il prit l'engagement de restituer ses domaines au roi de Sardaigne, mais il avoua bientôt qu'il avait l'intention de n'en rien faire. Lorsqu'il s'agissait de régler le sort de l'Allemagne, en donnant une juste satisfaction aux prétentions de l'Autriche, de la Prusse, de la Bavière et des autres gouvernements allemands, Bonaparte cachait systématiquement à l'Empereur Alexandre I ses véritables intentions.

Le plan d'indemnisation, conçu par Alexandre I, reposait sur deux principes essentiels: 1) sur la nécessité d'augmenter les ressources intérieures de l'Empire d'Allemagne et 2) sur l'accroissement des principaux Etats allemands en vue de leur donner la possibilité de résister à de nouvelles agressions éventuelles du dehors et de la France en particulier.

En attendant, Bonaparte s'appliquait d'une part à entretenir la discorde entre les Etats allemands et de l'autre à maintenir l'Empire dans un état d'impuissance politique. Ces vues étaient diamétralement contraires à celles que poursuivaient la politique russe.

L'Empereur Alexandre I se vit forcé d'écrire au comte Morkow que ses rapports résumant ses entretiens avec le Premier Consul „ne laissaient pas que de produire sur lui une pénible

№ 491.

1802 г., декабря 14-го (26-го). Актъ приступленія Россіи къ Австро-французской конвенціи отъ 14-го (26-го) декабря 1802 года.

Заключеніемъ Парижскаго мирнаго трактата и секретной конвенціи (№ 488—490) были утверждены миръ и основанія общихъ дѣйствій Россіи и Франціи въ главнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ Европы. Однако, эти международные акты не создали полнаго довѣрія и искренняго расположенія между обоими правительствами. Императоръ Александръ I отъ нѣкотораго увлеченія блестящею личностью Наполеона Бонапарта мало-по-малу перешелъ къ открытому недовѣрію и нескрываемой подозрительности въ отношеніи политики корсиканскаго выходца.

Такая перемѣна настроенія русскаго Императора имѣла свои законныя причины: Бонапартъ явно насмѣхался надъ данными обѣщаніями и принятыми обязательствами. Такъ, онъ обязался возвратить сардинскому королю его владѣнія. Но весьма скоро онъ признался, что не намѣренъ ничего возвращать. Въ вопросѣ объ устройствѣ Германіи посредствомъ правильнаго рѣшенія главныхъ претензій Австріи, Пруссіи, Баваріи и другихъ германскихъ правительствъ, Бонапартъ систематически скрывалъ отъ Императора Александра I свои настоящія намѣренія.

Планъ индемнизацій Александра I былъ основанъ на двухъ главныхъ положеніяхъ: 1) на увеличеніи внутренней силы Германской имперіи и 2) на усиленіи главнѣйшихъ германскихъ государствъ съ цѣлью сдѣлать ихъ способными къ отпору въ особенности Франціи, въ случаѣ повторенія прежнихъ нападеній.

Между тѣмъ Бонапартъ явно стремился, съ одной стороны, къ поддержанію розни между германскими государствами и, съ другой, къ сохраненію безсилія Германской имперіи. Такія цѣли шли совершенно въ разрѣзъ съ видами русской политики.

Императоръ Александръ I принужденъ былъ писать графу Моркову, что его донесенія, заключающія въ себѣ разговоры съ Первымъ Консуломъ, „не могли не произвести во

impression". „Il arrivait souvent à d'autres Cabinets de ne pas se laisser guider par des sentiments sincères", poursuivait l'Empereur dans son rescrit du 5 (17) décembre 1801, „mais du moins cherchaient-ils à observer les dehors; mais ici Bonaparte ne dissimula nullement sa mauvaise foi, tandis que je me flattais de l'espoir que ses qualités personnelles et sa position metteraient une fin aux regrettables errements que poursuivaient les differents gouvernements qui se sont succédés en France".

„Je reconnais pleinement", disait l'Empereur en terminant „que la Russie ne saurait prendre d'aucune manière des engagements directs avec la France; une décision de cette nature serait contraire à mes sentiments personnels et à ma sollicitude pour le bien de l'Etat; mais d'autre part, je sens également que la France est impuissante à nuire à la Russie sans l'intermédiaire d'une autre puissance. Aussi ai-je le sincère désir de conserver l'amitié et les bons rapports avec la France, et d'ailleurs il ne saurait en être autrement avec deux pays, si éloignés l'un de l'autre".

Le comte Morkow partageait complètement l'avis de son Souverain au sujet du gouvernement français, et des faits nombreux, surgis dans le cours de ses rapports avec Bonaparte et Talleyrand, l'attestent. Selon lui, toute la nation française se partageait entre deux partis: celui des royalistes et des philosophes. Il comprenait dans cette dernière catégorie tous les républicains et les révolutionnaires qui „ont fait Bonaparte." Mais sa gloire militaire peut devenir un grand danger pour le nouveau régime, créé par les philosophes-révolutionnaires. (Rapport secret du 13 (25 décembre) 1801).

En général, le comte Morkow n'éprouvait pas la moindre sympathie, ni pour le Premier Consul, ni pour son Ministre des Affaires Etrangères. Il ne se laissait jamais „duper" et avait soin de prévenir son gouvernement que Bonaparte aspirait à dominer partout et ne reculait pas devant le choix des moyens. D'autre part, Bonaparte et Talleyrand n'aimaient pas Morkow, qu'ils accusaient d'être hautain, avare et de manquer de savoir vivre.

Ces dispositions mutuelles suffisent à expliquer le conflit, provoqué par l'interrogatoire d'un certain Fouilhoux, folliculaire parisien, qui écrivait des pamphlets contre le Premier Consul et déclarait à l'audience qu'il le faisait sur

мнѣ прискорбнаго чувствованія". „Нерѣдко конечно случалось", продолжалъ Государь въ рескриптѣ отъ 5-го (17-го) декабря 1801 года, „что иные кабинеты не чистосердечно руководствуются; но по крайней мѣрѣ искали они всегда соблюсти какую-либо наружность; тутъ же видно ясное признаніе Бонапарта въ худой вѣрѣ тогда, какъ любилъ ласкаться я, что личныя качества и положеніе сего консула прекратятъ наконецъ превратныя правила, кои разныя послѣдовавшія правительства французскія руководствовали".

„Чувствую конечно", заключаетъ Императоръ, „въ полной мѣрѣ я, что Россія не можетъ и не должна теперь одна съ Франціей завязываться, да и вообще всякая подобная рѣшимость противна была бы расположеніямъ моимъ и попеченію о пользѣ государственной; но чувствую при томъ и то, что и Франція не можетъ вредить Россіи безпосредственно. На семъ основаніи я искренно желаю сохранить дружбу и лучшее сношеніе съ Франціею; иначе же можетъ оно между двумя столь отдаленными державами и не существовать".

Графъ Морковъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе своего Государя о французскомъ правительствѣ и подтверждалъ его многими фактами изъ своихъ сношеній съ Бонапартомъ и Тальераномъ. По его мнѣнію, весь французскій народъ раздѣлялся на двѣ партіи: роялистовъ и философовъ. Подъ послѣдними онъ разумѣлъ всѣхъ республиканцевъ и революціонеровъ, которые „сдѣлали" Бонапарта. Но военная слава его можетъ сдѣлаться великою опасностью для всего новаго режима, созданнаго философами-революціонерами. (Секретное донесеніе отъ 13-го (25-го) декабря 1801 года).

Вообще графъ Морковъ не питалъ никакого расположенія ни къ Первому Консулу французской республики, ни къ его Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ не давалъ себя „морочить" и постоянно предупреждалъ свое правительство, что Бонапартъ желаетъ властвовать повсюду и въ выборѣ средствъ ни передъ чѣмъ не остановится. Съ другой стороны, Бонапартъ и Тальеранъ не любили графа Моркова, обвиняя его въ высокомѣріи, скаредности и неумѣньѣ вести себя.

Такими взаимными отношеніями объясняется столкновеніе, вызванное полицейскимъ допросомъ нѣкоего Фулью, маленькаго парижскаго борзописца, который печаталъ пасквили противъ Перваго Консула и на допросѣ за-

commande du ministre de Russie, comte Morkow *).

A l'occasion de cet incident Talleyrand écrivait à Caulaincourt, à la date du 8 (20) février 1802, que la complicité du ministre de Russie ne faisait l'objet d'aucun doute: il a „excité, payé et dirigé" les pamphlétaires parisiens et le Premier Consul ne put s'empêcher de s'exprimer „avec quelque mocquerie" vis-à-vis de Morkow lui-même au sujet de ces menées.

Toutefois Bonaparte ne voulait pas ajouter d'importance sérieuse à ces petites intrigues et Caulaincourt était chargé de „relever (cet incident) légèrement" dans ses entretiens, avec le Vice-Chancelier — „avec mesure et finesse". Il devait également laisser „échapper quelque chose sur la vie mesquine" qu'il (Morkow) mène à Paris, qui n'a pas donné un dîner et qu'on sait à peine où il demeure".

Caulaincourt comprit parfaitement combien cette mission était délicate. Des bruits au sujet de cet incident parvinrent à St.-Pétersbourg et Alexandre I en parla à Caulaincourt dans les termes suivants: „J'ai ouï dire que certaine personne a fait des sottises; parbleu, si j'en avais la certitude, j'en ferais une justice exemplaire, je ne souffrirai pas que l'on fasse une infamie en mon nom". Le ministre de France jugea opportun de ne pas entrer dans les détails et se borna à faire une déclaration courtoise en ces termes: „Le caractère loyal et franc de Votre Majesté Impériale est trop connu pour que le gouvernement français ne démêle pas toujours dans la conduite de son ministre ce qui appartient à ses instructions et aux intentions de Votre Majesté Impériale d'avec ce qui peut tenir à ses petites vues particulières ou à un caractère d'intrigue".

Le bruit s'est répandu à St.-Pétersbourg que le comte Morkow était atteint de folie. Toutefois l'Empereur Alexandre I ne le rappela pas de son poste et ne lui adressa pas un mot de désapprobation. Au contraire, dans une lettre, adressée à Bonaparte à la date du 14 (26) mars, l'Empereur exprime ses doutes au sujet de l'exactitude des plaintes élevées contre Morkow.

„Il me reste, citoyen Premier Consul", écrit l'Empereur, „à vous parler des bulletins et autres nouvelles à la main, sur lesquels vous

*) Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. LXX, pag. 325 et suiv.

явилъ, что эти пасквили заказывалъ ему русскій посланникъ, графъ Морковъ *).

По поводу этого случая Тальеранъ писалъ Коленкуру 8-го (20-го) февраля 1802 года, что вина русскаго посланника несомнѣнна: онъ „возбуждалъ, оплачивалъ и направлялъ" парижскихъ пасквилянтовъ. Первый Консулъ не могъ удержаться, чтобъ не выразиться предъ самимъ Морковымъ „съ нѣкоторою насмѣшкою" объ его проискахъ.

Однако, Бонапартъ не желалъ придавать серьезнаго значенія этимъ интрижкамъ, и Коленкуру поручается, въ бесѣдахъ съ Вице-Канцлеромъ, только „слегка, въ мѣру, и съ тонкостью" коснуться этого случая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коленкуръ долженъ былъ „проронить словечко насчетъ скаредной жизни въ Парижѣ графа Моркова, который еще не далъ ни одного обѣда и никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ".

Коленкуръ отлично понялъ деликатность даннаго ему порученія. Но слухи объ этомъ происшествіи не замедлили дойти до Петербурга, и самъ Александръ I заговорилъ съ Коленкуромъ, сказавъ ему: „Я слышалъ, что одна особа надѣлала глупостей. Клянусь, знай я достовѣрно, она была бы примѣрно наказана; не дозволю дѣлать низости моимъ именемъ". Французскій посланникъ считалъ болѣе благоразумнымъ не входить въ подробности, но ограничился любезнымъ заявленіемъ: „Честный и искренній характеръ Вашего Императорскаго Величества слишкомъ извѣстенъ, чтобы французское правительство могло всегда различать въ поведеніи вашего министра то, что принадлежитъ наставленіямъ и намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества, отъ того, что связано съ его личною недальновидностью или съ интригантствомъ".

Въ Петербургѣ даже распространился слухъ, что графъ Морковъ впалъ въ помѣшательство. Однако, Императоръ Александръ I не отозвалъ его и ни единымъ словомъ не выразилъ ему своего неудовольствія. Этого мало: въ письмѣ Императора къ Бонапарту отъ 14-го (26-го) марта 1802 года выражено, напротивъ, полное недовѣріе къ основательности обвиненія Моркова.

„Остается сказать о бюллетеняхъ и другихъ ходячихъ новостяхъ", пишетъ Государь, „на которыя вы, гражданинъ Первый Консулъ, обра-

*) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. LXX, стр. 325 и слѣд.

appelez mon attention. J'ai toujours dédaigné ces sortes de productions, et je n'aurais pas même su à quoi pourrait se rapporter la demande que vous me faites, si je n'avais vu dans quelques gazettes un article aussi indécent que déplacé, par lequel on a impliqué le comte de Morkow dans la connaissance qu'on lui suppose de semblables pamphlets. Il vous sera aisé, je pense, de sentir combien je suis peu porté à donner la moindre attention à ce que peuvent débiter des folliculaires qui n'ont aucune attache de leur gouvernement, aussi ne me suis-je nullement arrêté aux imputations qui ont été faites au comte de Morkow".

„Ce ministre", finit sa lettre l'Empereur Alexandre I, „connait trop mes intentions de cultiver et de cimenter la meilleure harmonie avec la France, pour avoir jamais pu encourager aucune démarche, contraire a ses vues et aux intérêts de son gouvernement".

Le comte Kotschoubey confirma, pour sa part, les assurances données par l'Empereur que Morkow n'a jamais rien pu faire qui fût contraire aux intentions du Souverain. D'après le protocole de la conférence du 16 (28) mars Caulaincourt fut assez troublé par ces dernières observations et assurait que le Premier Consul n'avait pas l'intention d'élever une plainte contre le comte de Morkow. Toutefois l'Empereur Alexandre I soupçonnait que tout cet incident au sujet des relations de son ministre avec les pamphlétaires parisiens avait été l'œuvre des autorités françaises elles-mêmes. Aussi lorsqu'en avril 1802 le général d'Hédouville, nouveau ministre de France, arriva à St. Pétersbourg, le Vice-Chancelier crut-il devoir, à sa première entrevue officielle, revenir sur cette affaire et lui demander des preuves formelles de la culpabilité de Morkow. Le ministre s'efforça de rassurer le comte Kotschoubey et n'éleva aucune plainte contre Morkow. Il s'appliqua, au contraire, à démontrer que rien ne serait arrivé, si le Premier Consul n'eut pas été absent au moment où l'incident avait éclaté. Il affirma que Bonaparte en toucha un mot à Morkow pour plaisanter, que ce diplomate est très estimé à Paris, et que tout le monde rend justice à ses mérites. Hédouville ajouta finalement que Fouché, ministre de police — une tête chaude — eut la plus grande part dans cette affaire.

C'était le mot de l'énigme au sujet de cet incident. Renseigné au sujet du manque de sympathie de Bonaparte pour Morkow, Fouché

щаете мое вниманіе. Я всегда презиралъ подобнаго рода произведенія и даже не зналъ бы, къ чему относится ваша просьба, еслибъ не увидѣлъ въ нѣкоторыхъ газетахъ столь же неприличную, какъ и неумѣстную статью, которая навлекла на графа Моркова обвиненіе въ предполагаемомъ знакомствѣ съ подобными памфлетами. Надѣюсь, что вы легко поймете, какъ мало я склоненъ обращать малѣйшее вниманіе на розсказни писакъ, не знающихъ никакой привязанности къ своему правительству; понятно, что я и не задумывался надъ обвиненіями, возведенными на графа Моркова".

„Этотъ министръ", заканчиваетъ свое письмо Императоръ Александръ I, „слишкомъ хорошо знаетъ мое стремленіе развивать и укрѣплять полнѣйшее согласіе съ Франціей, чтобъ рѣшиться потворствовать чему-либо, противному ея видамъ и интересамъ своего правительства".

Графъ Кочубей также подтвердилъ Коленкуру увѣренность Государя, что никогда Морковъ „чего-либо противнаго Высочайшимъ намѣреніямъ сдѣлать могъ". Коленкуръ, по словамъ конференціальной записки отъ 16-го (28-го) марта, „довольно смущенъ былъ послѣдними замѣчаніями" и увѣралъ, что „первый консулъ не имѣлъ намѣренія принести жалобу на графа Моркова". Однако, Императоръ Александръ I подозрѣвалъ, что исторія о сношеніяхъ его посланника съ парижскимъ пасквилянтомъ подстроена самими французскими властями. Поэтому, когда, въ апрѣлѣ 1802 года, появился въ Петербургѣ новый французскій посланникъ, генералъ Гедувилль, Вице-Канцлеръ, на первомъ же совѣщаніи, возвратился къ этой исторіи и потребовалъ формальныхъ доказательствъ виновности графа Моркова. Но посланникъ всѣми силами старался успокоить графа Кочубея и никакихъ претензій противъ Моркова не предъявилъ. Напротивъ, Гедувилль сталъ доказывать, что, еслибъ первый консулъ не былъ въ отлучкѣ, когда случилась эта исторія, то ничего бы не было; что Бонапартъ только „въ шутку" упомянулъ Моркову объ этомъ происшествіи; что послѣдній пользуется въ Парижѣ должнымъ уваженіемъ и что всѣ отдаютъ полную справедливость его достоинствамъ. Наконецъ, Гедувилль прибавилъ, что „пылкая голова Министра полиціи, Фуше, наиболѣе тутъ участвовала".

Въ этихъ послѣднихъ словахъ кроется разгадка всего происшествія: знаменитый Фуше хотѣлъ выслужиться и доказать свою необхо-

voulut faire du zèle et prouver qu'on ne pouvait pas se passer de lui.

On comprend que cette histoire ténébreuse ne devait pas contribuer à augmenter les sympathies et la confiance du ministre de Russie pour le Chef de la République française. Alexandre I ne cessait de répéter, dans ses rescrits au comte Morkow, que Bonaparte voulait évidemment traîner les pourparlers en longueur par ses explications au sujet des affaires d'Allemagne et autres.

Enfin, ce n'est qu'en juin (22 mai) qu'une entente préalable est intervenue entre Morkow et Talleyrand au sujet des affaires d'Allemagne *).

Elle fut sanctionnée par Alexandre I, exclusivement par suite de son désir de mettre fin aux pourparlers interminables au sujet de l'indemnisation des Etats allemands. L'Empereur était profondément indigné de la conduite de Napoléon dans toutes les autres questions. Le comte Morkow lui mandait que lorsqu'il demanda à Bonaparte, s'il avait reçu une communication d'Hédouville au sujet des affaires du roi de Sardaigne, le Premier Consul répondit: „Oui, mais c'est un parti pris, de l'argent tant que Vous voudrez et tant qu'il voudra, et rien de plus."

On comprend que cette manière arbitraire de décider du sort du roi de Sardaigne devait indigner Alexandre I, auquel Napoléon avait promis de lui restituer ses domaines, si non intégralement, du moins pour une grande part.

L'Empereur Alexandre I fut également très indigné, lorsque Napoléon lui proposa de se porter garant de l'exécution de l'art X du traité d'Amiens concernant l'île de Malte. L'Empereur avait consenti, en son temps, de se charger du protectorat de l'île. La France et l'Angleterre ne tinrent aucun compte de ce fait et statuerent, sans consulter l'avis d'Alexandre I, que le cabinet russe se porterait garant de l'exécution de l'art. X du traité d'Amiens **).

Ainsi, en décembre 1802, une solution ne fut obtenue qu'au sujet de l'indemnisation des Etats allemands qui avait été l'objet d'un accord entre la France et l'Autriche.

*) Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. LXX, pag. 414.

**) Voir t. XI du présent Recueil, pag. 67. Recueil de la Société Imp. Historique Russe, t. LXX, pag. 557 et suiv.

димость, зная не особенно пріязненныя чувства Бонапарта къ графу Моркову.

Понятно, что эта темная исторія не могла увеличить чувства расположенія и довѣрія русскаго посланника къ главѣ французской республики. Александръ I постоянно повторялъ въ своихъ рескриптахъ графу Моркову, что Бонапартъ очевидно желаетъ „проволочить насъ" своими изъясненіями по дѣламъ германскимъ и другимъ.

Наконецъ, только въ іюнѣ (22-го мая) состоялось предварительное соглашеніе между Морковымъ и Тальераномъ по германскимъ дѣламъ *).

Но это предварительное соглашеніе было одобрено Императоромъ Александромъ I исключительно изъ желанія положить конецъ нескончаемымъ переговорамъ относительно индемнизаціи германскихъ государствъ. Государя сильно возмущало поведеніе Наполеона по всѣмъ другимъ вопросамъ. Графъ Морковъ ему доносилъ, что когда онъ спросилъ Наполеона, писалъ ли ему генералъ Гедувилль о дѣлѣ сардинскаго короля, Первый Консулъ отвѣтилъ: „Да, но это уже дѣло рѣшенное; денегъ, сколько онъ и вы пожелаете, но больше ничего!"

Естественно, что такое произвольное рѣшеніе вопроса о судьбѣ сардинскаго короля должно было возмутить Александра I, которому Наполеонъ обѣщалъ возвратить его владѣнія, если не всѣ, то бо́льшую часть.

Не менѣе возмутился Императоръ Александръ I, когда Наполеонъ предложилъ ему взять на себя гарантію въ исполненіи X статьи Амьенскаго трактата относительно острова Мальты. Государь согласился, въ свое время, принять на себя протекторатъ надъ этимъ островомъ. Объ этомъ обстоятельствѣ Франція и Англія забыли и, помимо согласія Императора Александра I, постановили, что Россія приметъ на себя гарантію исполненія X-й статьи Амьенскаго мирнаго трактата **).

Такимъ образомъ въ декабрѣ 1802 года оказался разрѣшеннымъ только одинъ вопросъ объ индемнизаціи германскихъ государствъ, относительно котораго состоялось соглашеніе между Франціею и Австріею.

*) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. LXX, стр. 414.

**) См. томъ XI настоящаго изданія, стр. 67. Сборникъ И. Р. И. Общества, т. LXX, стр. 557 и слѣд.

L'Empereur Alexandre I jugea possible d'accéder en décembre 1802 à cet accord, conforme dans ses lignes principales à l'entente préalable intervenue entre Morkow et Talleyrand.

[Le texte de l'acte de décembre au sujet de l'accession de la Russie à la convention Austro-française se trouve imprimé dans le présent Recueil, t. II, sub. № 53, pag. 378 et suiv.]

Къ этому соглашенію, совпадающему въ главныхъ чертахъ съ вышеупомянутымъ предварительнымъ соглашеніемъ, подписаннымъ графомъ Морковымъ и Тальераномъ, Императоръ Александръ I нашелъ возможнымъ приступить въ декабрѣ 1802 года.

[Текстъ декабрьскаго акта о приступленіи Россіи къ Австро-французской конвенціи отпечатанъ въ настоящемъ изданіи, томъ II, подъ № 53, стр. 378 и слѣд.]

№ 492.

1807, le 9 (21) juin. Armistice conclu entre la Russie et la France à Tilsit.

1807 г., іюня 9-го (21-го). Актъ перемирія между Россіею и Франціею, подписанный въ Тильзитѣ.

№ 493.

1807, le 25 juin (7 juillet). Traité de paix signé entre la Russie et la France à Tilsit. (Recueil des Lois № 22584).

1807 г., іюня 25-го (іюля 7-го). Мирный трактатъ между Россіею и Франціею, подписанный въ Тильзитѣ (П. С. З. № 22584).

№ 494.

1807, le 25 juin (7 juillet). Traité d'alliance offensive et défensive, conclu entre la Russie et la France, à Tilsit.

1807 г., іюня 25-го (іюля 7-го). Трактатъ наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіею и Франціею, заключенный въ Тильзитѣ.

№ 495.

1807, le 27 juin (9 juillet). Accord entre la Russie et la France au sujet des îles Ioniennes, signé à Tilsit.

1807 г., іюня 27-го (іюля 9-го). Соглашеніе между Россіею и Франціею относительно Іоническихъ острововъ, подписанное въ Тильзитѣ.

Par un rescrit Impérial du 20 janvier (1 février) 1803, le comte Morkow fut chargé d'exprimer au Premier Consul la pleine satisfaction du Tsar au sujet de la conclusion de l'acte de décembre, ci-dessus mentionné (№ 491). Mais ce sentiment de satisfaction ne fut pas de longue durée. Les nuages qui assombrissaient l'horizon politique ne tardèrent pas à couvrir tout le ciel et à éclater en une guerre européenne dans le cours de laquelle la Russie s'est vu obligée de se ranger dans le camps des ennemis de la France et du Premier Consul, si avide de pouvoir.

„La Russie", écrivait le Chancelier de l'Empire, comte Worontzow, au comte Morkow, en janvier 1803, „ne veut ni commander à personne, ni que personne lui commande". Mais d'autre part, la Russie voulait que ses droits légitimes et ses intérêts vitaux fussent respectés par les autres gouvernements. La sécurité de l'Europe, aussi bien que celle de la Russie était surtout menacée par Napoléon, dont les vues envahissantes devenaient de plus en plus manifestes.

Ces vues tendaient à renverser tout le système politique de l'Europe, tel qu'il se trouvait constitué par l'histoire. Après avoir conquis toute l'Italie, Napoléon prit pied en Allemagne et parlait ouvertement de la nécessité de prévenir la chute de l'Empire Ottoman. En attendant, le gouvernement russe trouvait que la Turquie était un voisin commode pour la Russie et qu'il n'y avait aucune nécessité d'évoquer le spectre menaçant de la question d'Orient. Napoléon, au contraire, voulait en aborder immédiatement la solution pour porter un coup mortel à l'Angleterre aux Indes, par la voie de la Porte et de l'Egypte.

L'Empereur Alexandre I recueillit comme un héritage de ses ancêtres, le partage de la Pologne, auquel il n'accordait pas toutes ses sympathies. Mais impuissant à le refaire, il résolut de l'accepter comme un fait accompli. Dans ses entretiens avec les représentants de la Russie et des autres puissances, Napoléon ne cessait de revenir à la question de la nécessité d'apporter des modifications à ce partage.

Bien plus, il se crut autorisé à faire des observations au sujet de l'importunité des réformes, dont Alexandre I se proposait de gratifier ses propres sujets. Dans ses entretiens avec le comte Morkow, Talleyrand s'est permis

Высочайшимъ рескриптомъ отъ 20-го января (1-го февраля) 1803 года графу Моркову было поручено выразить Первому Консулу полное удовольствіе русскаго Царя по поводу заключенія вышеприведеннаго декабрьскаго акта (№ 491). Но это чувство удовольствія было весьма непродолжительно. Весьма скоро тучи, уже помрачавшія политическій горизонтъ, стали сгущаться все болѣе и болѣе и, наконецъ, заволокли все небо, чтобъ разразиться всеобщею европейскою войною, въ которой Россія принуждена была стать въ лагерь враговъ Франціи и ея властолюбиваго Перваго Консула.

„Россія", писалъ въ январѣ 1803 года Государственный Канцлеръ, графъ Воронцовъ, графу Моркову, „не желаетъ никому повелѣвать и никому повиноваться". Но, съ другой стороны, Россія желала, чтобъ ея законныя права и жизненные интересы уважались другими правительствами. Наибольшія опасности несомнѣнно угрожали какъ Европѣ, такъ и Россіи отъ Наполеона, котораго завоевательные замыслы обнаруживались все съ большею очевидностью.

Эти замыслы касались всей исторически сложившейся политической системы Европы. Наполеонъ завоевалъ не только всю Италію, но твердою ногою сталъ въ Германіи и откровенно признавался о необходимости предупредить паденіе Оттоманской имперіи. Между тѣмъ русское правительство было убѣждено, что Турція очень удобный сосѣдъ Россіи и нѣтъ никакой надобности возбуждать грозный Восточный вопросъ. Наполеонъ же, напротивъ, желалъ немедленно приступить къ его разрѣшенію, съ цѣлью нанести, черезъ Турцію и Египетъ, чувствительный ударъ Англіи въ Индіи.

Императоръ Александръ I получилъ въ наслѣдство раздѣлъ Польши, которому онъ лично не особенно сочувствовалъ. Но передѣлать раздѣлъ Польши онъ былъ не въ состояніи и потому рѣшилъ покориться совершившимся фактамъ. Между тѣмъ Наполеонъ постоянно возвращался, въ своихъ бесѣдахъ съ представителями Россіи и другихъ державъ, къ вопросу о раздѣлѣ Польши и о возможности перерѣшить его.

Мало того, Наполеонъ даже признавалъ за собою право дѣлать замѣчанія о несвоевременности реформъ, которыми Александръ I пожелалъ облагодѣтельствовать свой собственный народъ. Тальеранъ, въ разговорахъ съ

de signaler le „mauvais effet“ que font en France ces „concessions“, projetées par l'Empereur au profit de sa nation.

„Vous tâcherez autant que possible“, écrivait le comte Worontzow au comte Morkow, „d'éviter des conversations de ce genre, et si elles recommençaient, vous ferez sentir que Sa Majesté Impériale ne pourrait les apprendre qu'avec beaucoup de surprise“. (Dépêche du Chancelier de l'Empire du 9 (21) février 1803).

Dans ces conditions un conflit entre la Russie et la France ne semblait pas inévitable, mais la force des choses dut fatalement amener une collision armée.

La guerre entre la France et l'Angleterre y fournit un prétexte immédiat. En mars 1803 l'Angleterre refusa d'exécuter la clause du traité d'Amiens au sujet de l'évacuation de l'île de Malte par les troupes anglaises. Ce refus mit Napoléon dans une telle fureur qu'il s'occupa aussitôt de son projet d'une descente en Angleterre. En vue de gagner du temps pour ses préparatifs militaires et d'isoler l'Angleterre, Napoléon s'adressa à l'Empereur Alexandre I avec la prière de se constituer en arbitre entre lui et le gouvernement anglais.

„Je réclame l'intervention de Votre Majesté Impériale“, écrivait le Premier Consul au Tsar à la date du 27 février (11 mars) 1803; „elle me parait nécessaire pour la continuation de la paix maritime, à laquelle elle a paru toujours s'intéresser“.

Au commencement de mars, à la réception chez la femme du Premier Consul, éclata la fameuse scène entre Napoléon et lord Whitworth, ambassadeur d'Angleterre, qui amena une rupture définitive entre les deux puissances et une guerre, qui devait durer douze ans.

Le comte Morkow en fut témoin oculaire et en donne un compte rendu détaillé dans son rapport du 4 (16) mars 1803. En apercevant l'ambassadeur d'Angleterre, Napoléon lui dit qu'à en juger d'après les informations de Londres, la France et l'Angleterre qui se sont fait la guerre pendant 15 ans, semblent destinées à la faire encore pendant 15 ans. Lord Whitworth exprime l'espoir que tel ne serait pas le cas. Le comte Morkow, qui se trouvait à côté de l'ambassadeur d'Angleterre, fit observer que ces

графомъ Морковымъ, позволилъ себѣ указывать на „дурное впечатлѣніе“, которое производятъ во Франціи эти „уступки“, проектированныя Государемъ на пользу своего народа.

„Старайтесь, по возможности“, писалъ графъ Воронцовъ графу Моркову, „избѣгать такого рода разговоровъ, а если они возобновятся, то дайте почувствовать, что Его Императорское Величество будетъ ими крайне пораженъ“. (Депеша Госуд. Канцлера отъ 9-го (21-го) февраля 1803 г.).

При такихъ условіяхъ столкновенія между Россіей и Франціей были неизбѣжны и силою обстоятельствъ должны были привести къ кровавой развязкѣ.

Непосредственнымъ поводомъ къ серьезному столкновенію между обѣими державами послужила война между Франціею и Англіею. Въ мартѣ 1803 года Англія наотрѣзъ отказалась исполнить предписаніе Амьенскаго трактата относительно очистки острова Мальты отъ англійскихъ войскъ. Этотъ отказъ привелъ Наполеона въ неописанную ярость и онъ занялся приведеніемъ въ исполненіе своего грандіознаго плана высадки французскихъ войскъ на англійскіе острова. Съ цѣлью выиграть время для своихъ военныхъ приготовленій и изолировать Англію, Наполеонъ обратился къ Императору Александру I съ предложеніемъ быть арбитромъ между нимъ и англійскимъ правительствомъ.

„Я прошу вмѣшательства Вашего Величества“, писалъ Первый Консулъ Царю 27-го февраля (11 марта) 1803 года, „которое мнѣ кажется необходимымъ для сохраненія мира на моряхъ, который, повидимому, всегда васъ интересовалъ“.

Въ началѣ марта, во время пріема у супруги Перваго Консула, разыгралась знаменитая сцена между Наполеономъ и лордомъ Витвортомъ, англійскимъ посломъ, приведшая къ полному разрыву между обѣими державами и къ двѣнадцатилѣтней войнѣ.

Графъ Морковъ былъ свидѣтелемъ этой сцены и въ донесеніи своемъ отъ 4-го (16-го) марта 1803 года даетъ подробный о ней отчетъ. Наполеонъ, увидѣвъ англійскаго посла, сказалъ ему, что, судя по полученнымъ изъ Лондона извѣстіямъ, Франція и Англія, воевавшія другъ съ другомъ уже 15 лѣтъ, кажется, должны будутъ воевать еще 15 лѣтъ. Лордъ Витвортъ выразилъ надежду, что этого не случится. Тогда графъ Морковъ, стоявшій возлѣ англійскаго посла, замѣтилъ, что уже

quinze années de guerre sanglante semblaient suffire et qu'il fallait épargner à l'humanité de nouvelles calamités.

„Je ne demande pas mieux", reprit Napoléon, „mais Malte ou la guerre". Puis il ajouta avec un geste d'indignation: „il faudrait après cela étendre un crêpe noir sur les traités et sur la statue de la bonne foi". Ensuite il fit le tour d'une cinquantaine de personnes, formant cercle au salon de m-me Bonaparte et s'arrêta encore auprès de l'ambassadeur d'Angleterre pour lui demander des nouvelles de sa famille. Puis, en élevant progressivement la voix, il lui dit subitement: „La France n'est pas faite pour intimider l'Angleterre; mais l'Angleterre n'intimidera pas non plus la France. Vous pouvez la *tuer*, mais vous ne la ferez pas plier sur les droits que lui donnent ses traités, et nous sommes prêts à les aller réclamer jusqu'à chez vous".

Enfin, au moment de quitter la salle, à la porte, Napoléon se tourna encore une fois vers l'ambassadeur d'Angleterre et cria d'une voix de stentor: „*Malte ou la guerre, et malheur à ceux qui violent les traités!*"

Cette „étrange scène" manifesta non seulement le caractère violent de Napoléon, mais fournit une nouvelle preuve de l'arrogance avec laquelle le Premier Consul traitait les représentants des puissances étrangères. Bientôt après il fit une scène analogue au comte Morkow.

Malgré l'impossibilité manifeste de reconcilier des irréconciliables c.-à-d. la France et l'Angleterre, l'Empereur Alexandre I consentit à assumer le rôle ingrat d'arbitre entre les deux puissances en litige. Dans une lettre adressée à Napoléon, en date du 10 (22) avril 1803, Alexandre I accepte cette mission, en croyant devoir prévenir qu'il serait préférable d'abandonner aux deux puissances le soin de se livrer à un échange d'idées au sujet de leurs prétentions mutuelles et de préparer ainsi le terrain à l'aplanissement de tout malentendu. L'Empereur rappelle en même temps que son consentement à garantir l'inviolabilité et la neutralité de l'île de Malte n'a été inspiré que par le désir de contribuer au maintien de la paix. „En vue de ces concessions, la Russie a lieu d'attendre de la part du gouvernement français qu'en cas de guerre, il renoncera à son projet d'occuper par ses troupes le nord de l'Allemagne et le royaume de Naples". (Rapport du Chancelier de l'Empire du 20 mai (1 juin) 1803).

первыхъ 15 лѣтъ кровавой войны достаточно было и что нужно спасти человѣчество отъ новыхъ бѣдствій.

„Я очень былъ бы радъ", сказалъ Наполеонъ, „но—Мальта или война". Затѣмъ, съ жестомъ негодованія онъ прибавилъ: „Послѣ всего этого нужно бы покрыть чернымъ крепомъ всѣ трактаты и статую честности".

Послѣ этихъ словъ Наполеонъ продолжалъ свой обходъ около 50 лицъ, бывшихъ въ салонѣ г-жи Бонапартъ, и затѣмъ опять остановился у англійскаго посла и сталъ его распрашивать о его семействѣ. Затѣмъ, постепенно возвышая голосъ, Наполеонъ вдругъ сказалъ: „Не Франціи запугать Англію, но и Англія не можетъ запугать Францію. Вы можете *убить* ее, но вы не заставите ее отступиться отъ правъ, которыя ей даютъ договоры, и мы готовы идти требовать ихъ даже въ вашу землю".

Наконецъ, въ моментъ выхода изъ зала, у дверей, Наполеонъ еще разъ обернулся къ англійскому послу и громовымъ голосомъ на все зало закричалъ: „*Мальта или война, и горе тѣмъ, которые нарушаютъ трактаты!*"

Эта „странная сцена" не только обнаружила необычайно вспыльчивый характеръ Наполеона, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужила новымъ доказательствомъ чрезвычайной надменности Перваго Консула въ сношеніяхъ съ представителями всѣхъ иностранныхъ державъ. Въ скоромъ времени онъ сдѣлалъ подобную же „странную сцену" самому графу Моркову.

Несмотря на явную невозможность примирить непримиримыхъ, т. е. Францію и Англію, Императоръ Александръ I согласился взять на себя неблагодарную роль арбитра между обѣими спорящими державами. Въ письмѣ отъ 10-го (22-го) апрѣля 1803 года къ Наполеону, Александръ I принимаетъ на себя эту роль, предупреждая, однако, что лучше всего было бы обѣимъ державамъ вступить въ откровенный обмѣнъ своихъ взглядовъ о взаимныхъ претензіяхъ и такимъ образомъ приготовить почву для полнаго улаженія всѣхъ недоразумѣній. Сверхъ того, Императоръ напоминаетъ, что его согласіе гарантировать неприкосновенность и нейтралитетъ острова Мальты исключительно было вызвано желаніемъ содѣйствовать сохраненію мира. „Во взаимство же всѣхъ угожденій" Россія должна ожидать отъ французскаго правительства, что „въ случаѣ войны отступитъ оно отъ намѣренія своего ввести войска республики въ сѣверную часть Германіи и королевство Неаполитанское". (До-

Mais ces bons offices de la Russie furent impuissants à empêcher la guerre entre l'Angleterre et la France. Lord Whitworth quitta la France au mois de mai, et dans sa colère Napoléon s'oublia au point de faire arrêter les secrétaires de l'ambassade d'Angleterre à Paris, en voie de retourner dans leur pays *).

Bien plus: publiquement, en présence du corps diplomatique, il adressa des reproches au comte Morkow de n'avoir pas usé de son influence pour retenir l'ambassadeur d'Angleterre à Paris et prévenir ainsi une rupture entre les deux pays! Il accusa le comte Worontzow, ministre de Russie à la Cour de St-James, de perfidie et d'inaction et assurait que par suite de son anglomanie, il n'exécutait pas fidélement les instructions qui lui étaient adressées par son souverain. Enfin Napoléon ajoutait que, si la Russie se proposait de „suivre un système aussi vague „vis-à-vis de la France, il n'aurait jamais dû s'adresser à elle pour demander des services".

Le comte Morkow crut de son devoir de réfuter de la manière la plus catégorique toutes ces accusations, dénuées de tout fondement. Il le fit dans des notes et des explications verbales avec Talleyrand qui l'écoutait avec une défiance manifeste et ne se faisait aucun scrupule de lui exprimer ses sentiments hostiles. Mais le ministre de Russie était impuissant à lutter contre les journaux, pleins d'insinuations malveillantes dirigées contre lui personnellement et la Russie. Des organes officieux, comme le „Moniteur", prêtaient leurs colonnes à ces attaques.

„C'est avec douleur, Sire", écrivait le comte Morkow à la date du 25 mai (6 juin) 1803, „mais avec la vérité que je dois dire à Votre Majesté Impériale, que tous les écrits et tous les procédés, qu'ont occasionné les circonstances présentes, se ressentent des temps à jamais exécrables de Robespierre et du Directoire et tendent à réveiller partout les idées de rébellion et de subversion, auxquelles on s'était flatté pendant quelque temps que ce gouvernement-ci avait totalement renoncé".

Le comte Morkow eut lieu de se convaincre bientôt de la justesse de ces appréciations, lorsque Talleyrand lui reprocha non seulement de ne pas avoir empêché l'ambassadeur d'An-

*) Voir le présent Recueil, t. XI (Traités avec l'Angleterre), p. 68 et suiv.

кладъ Госуд. Канцлера отъ 20-го мая (1-го іюня) 1803 г.).

Но эти добрыя услуги Россіи нисколько не остановили войны между Англіею и Франціею. Въ маѣ лордъ Витвортъ покинулъ Францію, и Наполеонъ, въ своемъ гнѣвѣ, забылся настолько, что приказалъ задержать возвращавшихся въ Англію секретарей англійскаго посольства въ Парижѣ *).

Этого мало: Наполеонъ пошелъ еще дальше и публично, въ присутствіи представителей иностранныхъ державъ, сталъ упрекать графа Моркова въ томъ, что онъ не удержалъ англійскаго посла въ Парижѣ и не предупредилъ такимъ образомъ разрыва между Франціей и Англіей! Наполеонъ сталъ упрекать въ нерадѣніи и вѣроломствѣ русскаго посланника при С.-Джемскомъ дворѣ, графа С. Р. Воронцова, потому что онъ изъ англоманіи не исполняетъ полученныхъ отъ своего Государя инструкцій. Наконецъ, Наполеонъ прибавилъ, что если Россія намѣрена держаться такой „двусмысленной системы" въ отношеніи Франціи, то послѣдняя никогда не обратилась бы къ ея добрымъ услугамъ.

Графъ Морковъ считалъ своимъ долгомъ опровергать самымъ категорическимъ образомъ всѣ эти ни на чемъ не основанныя обвиненія. Онъ это дѣлалъ въ личныхъ объясненіяхъ и нотахъ, поданныхъ Тальерану, который его выслушивалъ съ явнымъ недовѣріемъ и не церемонился высказывать ему свои непріязненныя чувства. Но русскій посланникъ былъ совершенно безсиленъ противъ газетныхъ статей, полныхъ инсинуацій, которыя появлялись противъ него лично и Россіи во французскихъ оффиціозныхъ органахъ печати въ родѣ: „Le Moniteur".

„Государь", писалъ графъ Морковъ 25-го мая (6-го іюня) 1803 года, „какъ мнѣ ни прискорбно, но я долженъ сказать правду, что всѣ писанія, какъ и всѣ поступки, вызванные настоящими обстоятельствами, отзываются навѣки гнусными временами Робеспьера и директоріи и стремятся пробудить всюду идеи возмущенія и разрушенія, тогда какъ нѣкоторое время всѣ льстили себя надеждою, что здѣшнее правительство совершенно отъ нихъ отказалось".

Въ основательности своего сужденія графъ Морковъ весьма скоро убѣдился, когда Тальеранъ сталъ его упрекать въ томъ, что онъ не только не останавливалъ отъѣзда англійскаго

*) Срав. настоящее „Собр. тракт.", томъ XI (трактаты съ Англіею), стр. 68 и слѣд.

gleterre de quitter Paris, mais de l'avoir engagé de précipiter son départ et de ne pas se présenter à l'audience de congé chez le Premier Consul. La fureur de Talleyrand le porta jusqu'à répéter à plusieurs reprises des menaces à l'adresse du comte Morkow par ces mots: „*je le lui revaudrai, je le lui revaudrai*“. Lorsque Napoléon se permit de formuler ces mêmes accusations absurdes à la face du ministre de Russie, celui-ci perdit patience et lui dit que le Premier Consul et son premier ministre puisent probablement dans les salons et les cafés de Paris et de Londres leurs informations au sujet des intentions des puissances étrangères et fondent là-dessus leurs actes et leurs discours.

En présence de ces relations mutuelles, le rôle d'arbitre devenait impossible pour l'Empereur Alexandre I. Napoléon assurait, il est vrai, au comte Morkow qu'il se soumettrait à la décision du Tsar, quelle qu'elle fût, et qu'il lui reservait le droit d'occuper immédiatement l'île de Malte, mais les deux puissances ennemies s'étaient trop avancées dans leurs actes d'hostilité. Un jour Napoléon retint le comte Morkow chez lui de minuit jusqu'à trois heures du matin, en causant avec lui de l'arbitrage du Tsar et de ses relations avec l'Angleterre. Avec un cynisme qui lui était propre, le Premier Consul avoua au ministre de Russie qu'il violait les engagements contractés vis-à-vis des rois de Sardaigne et de Naples et des villes hanséatiques. Mais il devait battre les Anglais partout où l'occasion se présentait.

Ainsi, lui répliqua le comte Morkow, „vous avouez donc que vous ne voulez suivre d'autre droit que celui de la convenance et de la force, et si c'est ainsi, où est la sécurité de l'Europe? Où est la confiance qu'elle peut mettre dans les traités que les Etats font avec vous?“

Napoléon ne se trouva nullement embarrassé de répondre à ces reproches. „L'Angleterre, dit-il, donne un bel exemple de ce respect pour les traités, et pourquoi est-ce que toutes les puissances ne se réunissent pas pour lui faire observer celui d'Amiens? C'est à régret que je lui fais la guerre et avec horreur que j'en prévois les suites; car parlant en Européen plutôt qu'en Français, je serai tout aussi affligé que vous, si en vous levant un beau matin vous apprenez que l'Angleterre n'existe plus. Croyez que rien n'est plus facile que d'arriver à Londres à l'aide de tant de mauvais sujets dont cette ville fourmille“.

посла изъ Парижа, но даже убѣждалъ его поскорѣе уѣхать и не присутствовать на послѣдней аудіенціи у Перваго Консула. Злоба Тальерана дошла до того, что онъ нѣсколько разъ повторялъ угрозу противъ графа Моркова словами: „Я ему отплачу, отплачу за это!“ Когда же самъ Наполеонъ позволилъ себѣ повторить подобныя же безсмысленныя обвиненія въ лицо русскому посланнику, послѣдній не вытерпѣлъ и сказалъ, что Первый Консулъ и его первый министръ очевидно черпаютъ въ салонахъ и кофейняхъ Парижа и Лондона свои свѣдѣнія о намѣреніяхъ и системѣ иностранныхъ державъ и основываютъ на нихъ свои поступки и рѣчи.

При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ роль третейскаго судьи со стороны Императора Александра I была совершенно неисполнима. Правда, Наполеонъ увѣрялъ графа Моркова, что онъ подчинится рѣшенію Царя, каково бы оно ни было, и что онъ предоставляетъ ему право немедленно занять островъ Мальту, но обѣ враждующія державы зашли уже слишкомъ далеко въ своихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ. Однажды Наполеонъ удерживалъ у себя графа Моркова съ полночи до 3-хъ часовъ утра, бесѣдуя объ арбитражѣ русскаго Царя и о своихъ отношеніяхъ къ Англіи. Первый Консулъ, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, признавался русскому посланнику, что онъ нарушаетъ принятыя имъ обязательства относительно сардинскаго и неаполитанскаго королевствъ и ганзейскихъ городовъ. Но онъ долженъ бить Англичанъ повсюду, гдѣ только можетъ.

„Итакъ“, возразилъ ему графъ Морковъ, „вы признаетесь, что руководитесь однимъ только правомъ — правомъ выгодъ и силы. Но если такъ, то гдѣ безопасность Европы? Откуда ей взять довѣрія къ договорамъ, которые государства заключаютъ съ вами?“

На эти упреки Наполеонъ не затруднился отвѣтомъ. „Англія“, сказалъ онъ, „даетъ отличный примѣръ уваженія къ трактатамъ. Почему же всѣ державы не соединятся, чтобъ заставить ее исполнить Амьенскій трактатъ? Мнѣ прискорбно воевать съ нею; меня ужасаютъ послѣдствія, которыя я предвижу отсюда. Болѣе какъ европеецъ, чѣмъ какъ французъ, я буду не меньше васъ огорченъ, если въ одно прекрасное утро вы, проснувшись, узнаете, что Англіи больше не существуетъ. Повѣрьте мнѣ, нѣтъ ничего легче, какъ пробраться въ Лондонъ, съ помощью столькихъ негодяевъ, коими кишитъ этотъ городъ“.

Ces arguments ne suffirent pas à convaincre le comte Morkow de l'intention sincère de Napoléon de maintenir la paix et il lui demanda, „comment il fallait concilier ses intentions pacifiques avec ses actes, qui devaient inmanquablement provoquer la guerre?"

„Je ne suis point sûr de la paix", répondit Napoléon, „et je dois me préparer à la guerre. Ce n'est pas par des raisons qu'on y dispose les Français; il faut les échauffer, les irriter par toutes sortes d'imputations aux adversaires qu'ils ont à combattre, en un mot, mettre en jeu leurs passions. On me croit fou, inconséquent, mais je sais ce qu'il y a à faire mieux que ceux qui me jugent."

Le ministre de Russie demanda alors au chef du gouvernement français, pourquoi la France, qui a tant de ports dans la Méditerranée, ne veut-elle pas que les Anglais en eussent un également?

„Parceque les Anglais", répondit Napoléon, „ruineraient notre commerce dans le Levant, parcequ'ils feraient des nababs de tous les pachas maritimes qui à leur instigation et dans la faiblesse actuelle du gouvernement turc feraient toutes sortes d'avances à nos commerçants et finiraient par les expulser; que cela exciterait des clameurs contre moi et que je m'exposerais à perdre ma place."

Le comte Morkow posa à Napoléon nettement la question: „Mais si l'Empereur adjuge Malte aux Anglais?"—„Je me flatte", répondit-il, „qu'il sera trop juste pour cela, mais je m'y soumettrai, puisque je lui en engage ma parole." (Rapport du comte Morkow du 2 (14) juin 1803).

Le comte Morkow s'empressa de communiquer au comte Worontzow à Londres toutes les réclamations françaises pour préparer le terrain à un racommodement des deux puissances. Mais le gouvernement anglais ne se proposait pas de retomber dans les fautes du passé et de croire aux paroles du Premier Consul. Il accueillit avec reconnaissance la proposition de l'Empereur de Russie de décider la question de Malte. Mais l'Angleterre crut devoir ajouter que l'arbitre devait se charger de résoudre non seulement ce conflit, mais encore toutes les questions litigieuses concernant les territoires envahis par la France *).

*) Voir le présent Recueil, t. XI, p. 71 et suiv.— Recueil de la Société Imp. Historique Russe, t. LXXVII, p. 228.

Эта аргументація не вполнѣ убѣдила графа Моркова въ дѣйствительномъ желаніи Наполеона поддерживать миръ, и онъ спросилъ его, „какимъ же образомъ согласовать его миролюбіе съ его поступками, неминуемо вызывающими войну?"

„Я не увѣренъ въ мирѣ", отвѣтилъ Наполеонъ, „и я долженъ готовиться къ войнѣ. Французовъ не расположишь къ ней доводами: нужно разгорячать, подстрекать ихъ всякаго рода обвиненіями, возводимыми на противника, съ которымъ они должны бороться; словомъ, нужно пустить въ ходъ ихъ страсти. Меня считаютъ безумнымъ и непослѣдовательнымъ; но я знаю, что дѣлать, лучше тѣхъ, которые судятъ обо мнѣ".

Тогда русскій посланникъ спросилъ главу французскаго правительства: почему Франція, имѣющая столько портовъ на Средиземномъ морѣ, не хочетъ, чтобъ у Англичанъ былъ бы хоть одинъ портъ?

„Оттого", отвѣчалъ Наполеонъ, „что Англичане погубили бы нашу торговлю на Востокѣ; они понадѣлали бы набабовъ изъ всѣхъ приморскихъ пашей, которые, по ихъ наущенію и при нынѣшней слабости турецкаго правительства, всячески завлекали бы нашихъ купцовъ, а потомъ повыгоняли бы ихъ; и поднялись бы жалобы на меня, и я подвергся бы опасности потерять мое мѣсто".

Тогда графъ Морковъ напрямикъ поставилъ Наполеону вопросъ: „Ну, а если Императоръ присудитъ Мальту Англичанамъ?" — „Льщу себя надеждою", отвѣтилъ онъ, „что онъ будетъ слишкомъ справедливъ, чтобъ пойти на это. Но я подчинюсь, такъ какъ даю ему въ этомъ мое слово". (Донесеніе графа Моркова отъ 2-го (14-го) іюня 1803 года).

Графъ Морковъ немедленно сообщилъ графу Воронцову въ Лондонъ всѣ французскія претензіи, съ цѣлью подготовить почву для примиренія обѣихъ державъ. Но англійское правительство не намѣрено было повторять свои прежнія ошибки и вѣрить въ слова Перваго Консула. Оно приняло съ благодарностью предложеніе русскаго Императора разрѣшить вопросъ относительно острова Мальты. Однако Англія прибавила просьбу, чтобъ третейскій судья рѣшилъ не только этотъ споръ, но всѣ другіе спорные вопросы относительно захваченныхъ Франціею владѣній *).

*) Срав. настоящее „Собр. тракт.", т. XI, стр. 71 и слѣд. — Сборникъ И. Р. И. Общ., т. LXXVII, стр. 228.

On comprend que Napoléon déclina péremptoirement ces ouvertures. L'Empereur Alexandre I proposa alors de transformer son arbitrage en médiation. L'Empereur était convaincu qu'en qualité de médiateur, il réussirait à amener les deux partis à un compromis. Il se montra disposé en même temps de garder Malte en dépôt pendant un terme de 10 ans et de couvrir les dépenses éventuelles de ce chef. (Rescrit au comte Morkow du 7 (19) juillet 1803).

Mais l'Empereur Alexandre I ne se borna pas à déclarer qu'il était disposé à assumer le rôle de médiateur et à entretenir une garnison à Malte. Il proposa également aux deux partis en litige des clauses préalables, pouvant servir de base à un accord. Ces clauses provoquèrent une profonde indignation de la part de Napoléon qui les trouva empreintes de partialité et donna l'ordre à Talleyrand d'en donner seulement un accusé de réception, dans sa réponse au comte Morkow.

„Dans le projet du cabinet russe", écrivait Talleyrand à Hédouville, à la date du 17 (29) août 1803, „on ne voit pas la trace des droits, des griefs, des intérêts de la France. Tout y est anglais.—La France, en acceptant une telle base, ne ferait qu'enhardir son ennemi à développer de nouvelles prétentions. La France ne peut se prêter à une médiation qu'autant qu'elle y verra la perspective d'une paix honorable pour elle et sûre pour l'Europe." En vertu de ces considérations, le gouvernement français déclina catégoriquement la médiation russe „comme incertaine dans son objet, illusoire dans ses résultats". L'arbitrage, selon Talleyrand, eut été simple et n'eut réclamé aucune condition préalable. Après avoir entendu les deux partis, l'Empereur aurait prononcé „dans sa conscience et dans sa justice". La médiation n'eut pas manqué d'entraîner à sa suite de „nouvelles prétentions, des reproches, des récriminations et des injures."

Ce refus de Napoléon d'accepter la médiation de la Russie avait pour but direct de justifier l'occupation du Nord de l'Allemagne par les armées de la France, et en particulier la prise de Hambourg. D'autre part les violences et les agressions toujours croissantes de Napoléon, ainsi que son manque de fidélité par rapport aux engagements contractés persuadèrent l'Empereur Alexandre I de l'impossibilité de

Понятно, что Наполеонъ наотрѣзъ отказался принять такое предложеніе. Тогда Императоръ Александръ I предложилъ перемѣнить свое третейское разбирательство на посредничество. Императоръ былъ убѣжденъ, что въ качествѣ посредника онъ скорѣе приведетъ къ миролюбивому соглашенію спорящія державы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ готовность взять островъ Мальту на храненіе на 10 лѣтъ и покрывать всѣ издержки, отсюда вытекающія. (Рескриптъ къ графу Моркову отъ 7-го (19-го) іюля 1803 года).

Но Императоръ Александръ I не ограничился только выраженіемъ готовности взять на себя роль посредника и содержать русскій гарнизонъ на островѣ Мальтѣ. Онъ представилъ также обоимъ спорящимъ правительствамъ предварительныя статьи для соглашенія. Эти статьи вызвали сильное негодованіе Наполеона, который призналъ ихъ крайне пристрастными, и сперва приказалъ Тальерану отвѣтить на нихъ графу Моркову только увѣдомленіемъ о полученіи.

„Въ проектѣ русскаго кабинета", писалъ Тальеранъ Гедувиллю 17-го (29-го) августа 1803 года, „нѣтъ и слѣда правъ, жалобъ и интересовъ Франціи. Тутъ все—англійское. Принявъ такія основанія, Франція только придала бы смѣлости своему врагу выставлять новыя притязанія. Франція только тогда можетъ пойти на посредничество, когда увидитъ въ немъ надежду на миръ, почетный для нея и надежный для Европы". На основаніи такихъ соображеній французское правительство категорически отклонило русское посредничество, въ виду полной его „неопредѣленности по своему предмету и обманчивости по своимъ послѣдствіямъ". Арбитражъ, по словамъ Тальерана, былъ простъ и не требовалъ никакихъ предварительныхъ условій. Императоръ—третейскій судья—выслушавъ обѣ стороны, произнесъ бы свое рѣшеніе „по совѣсти и справедливости". Но посредничество, навѣрно, привело бы къ „новымъ притязаніямъ, упрекамъ, обвиненіямъ и оскорбленіямъ".

Такой отказъ Наполеона отъ русскаго предложенія о посредничествѣ имѣлъ ближайшею цѣлью оправдать наводненіе французскими войсками сѣверной Германіи и, въ частности, захватъ Гамбурга. Съ другой стороны, постоянно возрастающія насилія и захваты, которые себѣ позволялъ Наполеонъ, вмѣстѣ съ открытымъ вѣроломствомъ въ отношеніи принятыхъ обязательствъ, убѣдили Императора

poursuivre l'œuvre de médiation entre l'Angleterre et la France. Bien plus, la Russie devait reconnaître toujours davantage la nécessité impérieuse de se ranger parmi les ennemis de Napoléon pour sauver l'Europe d'un asservissement définitif. Napoléon provoqua lui-même cette rupture par ses procédés blessants à l'égard du représentant de Russie, le comte Morkow.

Ce diplomate russe n'eut pas la chance d'obtenir les bonnes grâces de Napoléon et de Taleyrand; tous les deux lui vouèrent des sentiments de haine à cause de la fermeté de son caractère et de „son attitude hautaine“ qui le portait à critiquer la politique du célèbre aventurier Corse. Le scandale organisé avec le pamphlétaire parisien n'ayant pas suffi pour l'éloigner de son poste, Napoléon exigea son rappel avec une insistance particulière, à partir de l'été 1803. Par une lettre du 17 (29) juillet il adressa des plaintes à l'Empereur Alexandre au sujet de la conduite de ce diplomate qui, à ce qu'il prétendait, ne cessait d'intriguer contre lui et d'intervenir dans les affaires intérieures de la France.

Mais Napoléon se trouva dans l'impossibilité de produire des preuves quelconques à l'appui de ces accusations, sur lesquelles Talleyrand, dans sa haine pour Morkow, se faisait un plaisir de revenir sans cesse dans ses dépêches à Hédouville.

En présence de ce manque de preuves, l'Empereur Alexandre I ne songeait pas à rappeler le comte Morkow de son poste de Paris. Le Chancelier de l'Empire s'empressa de l'assurer que l'Empereur ne croyait ni „aux mensonges ridicules“, ni „aux noires calomnies“ que le gouvernement français se plaisait à répandre sur son compte. „D'ordre de Sa Majesté, je suis chargé de vous communiquer“, écrivait le Chancelier, „que votre conduite à Paris a toujours obtenu son entière approbation, et que vous n'avez cessé pendant ce temps d'acquérir de nouveaux titres à son estime et à sa bienveillance“.

„Vous jugez facilement“, poursuit le comte Worontzow, „combien un ministre de votre caractère et de vos talents nous est nécessaire à Paris, et que moins vous avez su complaire pendant votre mission au gouvernement consulaire et plus Sa Majesté Impériale désirerait vous y garder“. Mais il est probable que le comte Morkow était lui-même ennuyé de son existence à Paris, et c'est pourquoi le Chancelier l'auto-

Александра I въ совершенной невозможности продолжать свое посредничество между Англіею и Франціею. Этого мало: настоятельная необходимость для Россіи вступить въ лагерь враговъ Наполеона для спасенія Европы отъ окончательнаго порабощенія—выяснялась все болѣе и болѣе съ неотразимою силою. Самъ Наполеонъ совершилъ этотъ разрывъ, подвергая оскорбленіямъ представителя Россіи, графа Моркова.

Этотъ русскій дипломатъ не имѣлъ счастія вызвать удовольствіе и расположеніе Наполеона и Тальерана: оба стали его ненавидѣть за его неподатливость и „высокомѣріе“, т. е. за критическое отношеніе къ политикѣ великаго корсиканца. Устроивъ скандалъ съ парижскою писакою и не достигнувъ тогда отозванія графа Моркова, Наполеонъ сталъ, съ лѣта 1803 года, настойчиво требовать его отозванія. Письмомъ отъ 17-го (29-го) іюля Наполеонъ выразилъ Александру I крайнее свое неудовольствіе поведеніемъ графа Моркова, который будто бы постоянно интригуетъ противъ него и вмѣшивается во внутреннія дѣла Франціи.

Однако, Наполеонъ не привелъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе этихъ обвиненій, которыя Тальеранъ, особенно ненавидѣвшій Моркова, развивалъ въ своихъ депешахъ къ Гедувиллю.

Въ виду полной бездоказательности обвиненій противъ графа Моркова, Императоръ Александръ I не думалъ его отзывать съ парижскаго поста. Государственный Канцлеръ спѣшилъ его успокоить увѣреніемъ, что Государь не вѣритъ ни „смѣшнымъ выдумкамъ“, ни „чернымъ клеветамъ“, которыя французское правительство распространяетъ на его счетъ. Канцлеру было Высочайше повелѣно сообщить графу Моркову, что его поведеніе въ Парижѣ „всегда заслуживало его (Государя) полное одобреніе и что за это время онъ не переставалъ пріобрѣтать новыя права на его уваженіе и благоволеніе“.

„Вы легко поймете“, продолжаетъ графъ Воронцовъ, „какъ нуженъ намъ въ Парижѣ министръ съ такимъ характеромъ и съ такими талантами, какъ вы, и что чѣмъ менѣе вы съумѣли понравиться, въ теченіи вашей миссіи, консульскому правительству, тѣмъ болѣе Его Императорское Величество желалъ бы васъ тамъ удержать“. Однако, вѣроятно самому графу Моркову надоѣло оставаться въ Па-

rise à prolonger son séjour aux eaux de Barège et à demander à l'Empereur son rappel aussitôt après son retour à Paris. (Dépêche du comte Worontzow du 23 août (3 septembre) 1803).

рижѣ и потому Канцлеръ разрѣшаетъ ему продолжить свое пребываніе на водахъ въ Барежѣ и, по возвращеніи въ Парижъ, просить Государя о своемъ отозваніи. (Депеша графа Воронцова отъ 23-го августа (3-го сентабря) 1803 г.).

Mais le comte Morkow ne fut pas dans le cas de devoir chercher des prétextes plausibles pour quitter son poste. Napoléon fit au ministre de Russie une scène analogue à celle qui provoqua le départ de lord Whitworth, et le séjour ultérieur du comte Morkow à Paris devint impossible.

Но графу Моркову не было надобности отыскивать какіе-нибудь благовидные предлоги для оставленія своего поста по собственному желанію. Наполеонъ сдѣлалъ русскому посланнику такую же сцену, какъ англійскому посланнику, лорду Витворту, и дальнѣйшее пребываніе графа Моркова въ Парижѣ сдѣлалось невозможнымъ.

Napoléon était en général très irrité de la politique du gouvernement russe. Il se heurtait partout à son opposition, soit manifeste, soit occulte. Ce qui était en dernier lieu un sujet de mécontentement pour lui, c'était que l'Empereur Alexandre I prenait à son service des émigrés français et qu'il accordait sa protection à des individus que le Premier Consul considérait comme ses ennemis personnels. Dans ce nombre se trouvaient Christin, citoyen suisse, d'Antraigue, émigré français, et d'autres. Christin eut l'imprudence de se rendre à Paris, où il fut arrêté, par ordre de Napoléon. Le comte Morkow prit énergiquement sa défense, parcequ'il était au service de Russie et que son arrestation, selon l'avis du ministre, n'était justifiée par aucun motif légitime. Mais l'intercession du comte Morkow ne contribue qu'à faire déborder l'irritation de Napoléon contre lui personnellement et contre la Russie.

Наполеонъ былъ вообще крайне раздраженъ политикою русскаго правительства. Онъ повсюду встрѣчалъ съ ея стороны открытое или негласное противодѣйствіе. Въ послѣднее время его особенно сердило, что Императоръ Александръ I бралъ на свою службу французскихъ эмигрантовъ и покровительствовалъ лицамъ, которыхъ онъ считалъ своими личными врагами. Въ числѣ такихъ лицъ были швейцарецъ Кристинъ, французскій эмигрантъ д'Антрэгъ и другіе. Кристинъ имѣлъ неосторожность явиться въ Парижъ, гдѣ онъ былъ арестованъ, по распоряженію Наполеона. Графъ Морковъ энергически за него заступился, потому что онъ былъ на русской государственной службѣ и, по мнѣнію посланника, задержанъ безъ всякаго законнаго основанія. Но представленія русскаго посланника только переполнили чашу неудовольствія Наполеона противъ него лично и противъ Россіи.

C'est dans ces conditions qu'éclata la scène suivante en présence de tous les membres du corps diplomatique, qui s'étaient rendus à la réception du Premier Consul le 13 (25) septembre. Napoléon s'arrêta près du comte Morkow et lui demanda, pour quel motif l'Empereur favorisait ostensiblement d'Antraigue, connu pour écrire des pamphlets contre le gouvernement français? Le ministre n'eut pas le temps de répondre que Napoléon lui dit que la Russie n'eut pas manqué de protester contre les menées d'un sujet russe, domicilié à Paris. Le comte Morkow répondit que le susnommé d'Antraigue se trouvait depuis longtemps au service de Russie et que l'Empereur ne lui eut certainement pas permis d'écrire des pamphlets. S'il l'eut fait, l'Empereur n'eut pas manqué de lui infliger une punition. Napoléon aborda ensuite l'affaire de Christin, qu'il fit arrêter comme sujet français, ci-devant secrétaire des princes-

При такихъ обстоятельствахъ разыгралась слѣдующая сцена, въ присутствіи всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса, пришедшихъ на пріемъ Перваго Консула 13-го (25-го) сентября. Наполеонъ остановился у графа Моркова и спросилъ его, почему его Государь явнымъ образомъ покровительствуетъ д'Антрэгу, сочиняющему пасквили противъ французскаго правительства? Не успѣлъ посланникъ отвѣтить, какъ Наполеонъ сказалъ, что Россія навѣрно протестовала бы противъ происковъ русскаго подданнаго, имѣющаго жительство въ Парижѣ. На это графъ Морковъ возразилъ, что упомянутый д'Антрэгъ уже давно находится на русской службѣ, и что Государь Императоръ навѣрно не позволилъ бы ему сочинять пасквили. Еслибъ онъ ихъ писалъ, то навѣрно Государь его наказалъ бы. Тогда Наполеонъ коснулся дѣла Кристина, котораго онъ приказалъ арестовать,

émigrés. Le comte Morkow lui fit observer que Christin est de nationalité suisse et qu'il est passible d'une peine, s'il est reconnu coupable par les tribunaux français. Mais s'il n'a commis aucun crime, le comte Morkow ne peut qu'attester sa parfaite honorabilité à tout égard.

A ces explications, parfaitement respectueuses, Napoléon répondit en élevant la voix: „Nous ne sommes tellement à la quenouille que de souffrir patiemment de pareils procédés de la part de la Russie et je continuerai à faire arrêter tous ceux qui agiront contre les intérêts de la France."

Lorsque Napoléon prononça cette phrase, „tout son visage était décomposé, les lèvres tremblantes et la voix oppressée, mais élevée".—„J'ai été moi-même si vivement ému d'une scène aussi révoltante", écrivait le comte Morkow à la date du 18 (30) septembre 1803, „que j'ai été sur le point de ne pas me rendre au dîner auquel j'ai été invité ce même jour. Cependant j'ai surmonté cette répugnance; mais l'instant qu'on fut sorti de table, j'ai quitté le château sans vouloir rester au cercle qui commençait à se rassembler."

Le lendemain le comte Morkow écrivit à Talleyrand une lettre dans laquelle il lui faisait part de cet incident et réclamait qu'on lui donnât la promesse formelle que de pareilles scènes ne se renouvelassent pas dans l'avenir. Talleyrand commença par vouloir tourner en plaisanterie la plainte du ministre de Russie; mais lorsque celui-ci lui rappela qu'il était le représentant de l'Empereur et que ces plaisanteries étaient déplacées, „il eut l'impudence d'avancer", écrivait le comte Morkow, „que je devais être plus facile sur ces sortes de choses qu'un autre, parceque j'en étais dédommagé par des marques de préférence, d'estime et d'égards qu'on me prodiguait en toute occasion. Je lui ai répondu, en le regardant fixement, que ces marques étaient un secret pour moi comme pour tous les autres et que l'affront que je viens de recevoir était public."

Talleyrand, que le comte Morkow estimait „capable d'horreurs et de lâchetés", se refusa de porter à la connaissance du Premier Consul la teneur de cette lettre, qui selon lui portait atteinte à l'honneur de Napoléon. Dans une lettre, très blessante pour le comte Morkow,

какъ французскаго подданнаго, бывшаго секретаремъ французскихъ принцевъ-эмигрантовъ. На это графъ Морковъ замѣтилъ, что Кристинъ—швейцарецъ и что если онъ виновенъ предъ французскими судами, то подлежитъ заслуженному наказанію. Но онъ не совершилъ никакого преступленія и графъ Морковъ только можетъ засвидѣтельствовать о его порядочности во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ отвѣтъ на эти почтительнѣйшія объясненія, Наполеонъ, возвышая голосъ, громко закричалъ: „Мы еще не упали такъ низко, чтобъ терпѣливо сносить подобные поступки со стороны Россіи, и я намѣренъ и впредь арестовать всѣхъ, покушающихся на интересы Франціи".

Наполеонъ, произнося эту угрозу, совсѣмъ измѣнился въ лицѣ, губы у него дрожали, голосъ задыхался, но возвышался. „Я самъ былъ до того взволнованъ этою возмутительною сценою", доносилъ графъ Морковъ 18-го (30-го) сентября 1803 года, „что готовъ былъ не идти на обѣдъ, на который меня пригласили въ тотъ же день. Однако же, я преодолѣлъ свое отвращеніе; но, какъ только вышли изъ-за стола, я покинулъ дворецъ, не желая оставаться въ кружкѣ, который начиналъ собираться".

На другой день графъ Морковъ написалъ Талерану письмо, въ которомъ разсказалъ эту сцену и, въ заключеніе, требовалъ, чтобъ ему было обѣщано самымъ формальнымъ образомъ, что подобныя сцены больше не повторятся. Талеранъ сперва позволилъ себѣ обратить въ шутку жалобу русскаго посланника. Когда же послѣдній ему напомнилъ, что онъ представитель русскаго Императора и что такія шутки неумѣстны, Талеранъ „имѣлъ наглость", писалъ графъ Морковъ, „выставлять на видъ что мнѣ больше, чѣмъ кому-либо другому слѣдовало бы не обижаться на такія вещи: меня, видите ли, осыпаютъ, при каждомъ случаѣ, знаками предпочтенія, уваженія и предупредительности. Я отвѣчалъ, пристально смотря ему въ глаза, что эти знаки — тайна для меня и для всякаго другого, тогда какъ только что полученная мною обида была публична".

Талеранъ, котораго графъ Морковъ считалъ способнымъ на „всякія мерзости и подлости", отказался доложить письмо посланника Первому Консулу, находя его слишкомъ оскорбительнымъ для чести Наполеона. Въ чрезвычайно обидномъ для графа Моркова

en date du 16 (28 septembre), Talleyrand s'exprimait en ces termes: „Les contradictions de vos sentiments et de vos devoirs peuvent être pénibles pour vous, mais ce n'était pas à moi que devait en être faite la confidence". Si par sa lettre et sa conduite le ministre a cru faire acte de vengeance vis-à-vis du Premier Consul à la suite des réclamations, adressées par celui-ci à l'Empereur, il s'est abusé. Le Premier Consul est décidé d'accueillir à l'avenir avec une complète indifférence „les démarches hazardées" et „les éclats" du ministre.

Dans ces conditions le séjour ultérieur du comte Morkow devenait impossible: on ne laissait pas échapper une occasion pour l'insulter. A la fin de septembre il n'était pas encore rappelé qu'on cessa de l'inviter aux réceptions officielles, et c'était m-r d'Oubril, premier secrétaire de la Légation de Russie, qui était convié dans ces occasions.

L'Empereur Alexandre I était très indigné de cette conduite du Premier Consul à l'égard de son ministre. A une revue l'Empereur s'adressa en ces termes au ministre de France: „Pourquoi ne vous approchez-vous pas, m-r Hédouville? Je ne vous ferai pas de scène comme celle que le Premier Consul a faite à mon ministre à Paris."

Par une lettre en date du 16 (28) octobre 1803 l'Empereur Alexandre I déclara à Napoléon qu'il avait donné son consentement à la demande de rappel du comte Morkow. „Je n'ai pu apprendre qu'avec peine et étonnement", écrit l'Empereur à Napoléon, „que le comte de Morkow n'avait pas réussi d'acquérir votre confiance d'autant plus que je n'ai jamais aperçu dans ce ministre qu'une conduite conforme à ses instructions et fondée sur sa propre conviction que la Russie et la France étaient également intéressées à conserver entr' elles un lien de bonne harmonie et d'intelligence tel qu'il doit subsister entre deux pays également puissants et du reste entièrement indépendants l'un de l'autre."

En novembre le comte Morkow fit connaître à Talleyrand son désir de remettre au Premier Consul ses lettres de rappel. Il n'eut pas l'honneur d'être reçu en audience privée et remit à Napoléon ses lettres de rappel à une réception générale des membres du corps diplomatique. Bien plus, Talleyrand trouva encore un moyen d'humilier le comte Morkow, en exigeant qu'il se présentât personnellement (sic!) chez le Ministre des Affaires Etrangères pour recevoir ses passe-

письмѣ отъ 16-го (28-го) сентября, Тальеранъ ему пишетъ, что „противорѣчія между вашими чувствами и вашимъ долгомъ могутъ быть вамъ непріятны, но излишне было сообщать мнѣ объ этомъ. Если же посланникъ пожелалъ своимъ письмомъ и поведеніемъ отомстить Первому Консулу за заявленное имъ Императору требованіе объ отозваніи его, то онъ ошибся. Первый Консулъ и впредь будетъ относиться съ полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ „безтактностямъ" и „выходкамъ" посланника.

При такихъ обстоятельствахъ дальнѣйшее пребываніе графа Моркова сдѣлалось совершенно невозможнымъ: его нарочно оскорбляли на каждомъ шагу. Онъ еще не былъ отозванъ, въ концѣ сентября, но его уже перестали приглашать на офиціальные пріемы и, вмѣсто него, первый секретарь русской миссіи, Убри, получалъ приглашенія.

Императоръ Александръ I былъ очень возмущенъ поведеніемъ Перваго Консула въ отношеніи его посланника. На парадѣ Государь подозвалъ къ себѣ французскаго посланника, генерала Гедувилля, словами: „Что же вы не приблизитесь, г. Гедувилль? Я не сдѣлаю вамъ такой сцены, какую Первый Консулъ сдѣлалъ моему министру въ Парижѣ".

Въ письмѣ отъ 16-го (28-го) октября 1803 г. Императоръ Александръ I заявляетъ Наполеону о своемъ согласіи исполнить просьбу графа Моркова быть отозваннымъ отъ поста. Но „не иначе, какъ съ прискорбіемъ и изумленіемъ", пишетъ Государь Наполеону, „могъ я освѣдомиться, что графъ Морковъ не успѣлъ пріобрѣсти вашего довѣрія, тѣмъ болѣе, что я никогда не замѣчалъ въ этомъ министрѣ ничего, кромѣ поведенія, согласнаго съ данными ему наставленіями и основаннаго на его собственномъ убѣжденіи, что Россія и Франція одинаково нуждаются въ добромъ согласіи, которое должно существовать между двумя странами, равно могущественными и въ то же время совершенно независимыми".

Въ ноябрѣ графъ Морковъ заявилъ Тальерану о своемъ желаніи вручить Первому Консулу свою отзывную грамоту. Его не удостоили особенной аудіенціи: онъ долженъ былъ вручить Наполеону эту грамоту на общемъ пріемѣ членовъ дипломатическаго корпуса. Этого мало: Тальеранъ придумалъ для графа Моркова еще другое униженіе, требуя отъ него личной явки (sic!!) къ французскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ для полученія паспорта

ports. „L'usage, le devoir, la bienséance exigeaient," dit-il au comte Morkow, en prenant congé de lui, „que vous vinssiez me demander les passeports et que je ne les remisse qu'à vous-même." Le comte Morkow prit les passeports des mains de Talleyrand et se retira sans dire un mot.

Après son départ, m-r d'Oubril devint le point de mire de l'irritation de Napoléon et de Talleyrand contre la Russie. On lui infligeait des humiliations à chaque pas. Talleyrand s'empressa de lui déclarer qu'en sa qualité de chargé d'affaires il n'aurait pas de relations personnelles avec le Premier Consul.

Enfin, le meurtre du duc d'Enghien porta un coup mortel aux relations pacifiques entre la Russie et la France. L'Empereur était si indigné de ce crime, qu'il fit des dispositions pour faire prendre le deuil à la Cour Impériale; il fit en même temps adresser des protestations à la diète de Ratisbonne contre cette violation inouie du territoire badois, sur lequel le duc d'Enghien fut arrêté par un détachement français. L'Empereur sanctionna la décision portée par un Conseil de 12 hauts fonctionnaires, convoqué par Sa Majesté en vue de se prononcer au sujet de cet acte de violence des Napoléon et de l'attitude ultérieure à adopter pour la Russie *).

Napoléon ne dissimulait pas son extrême irritation en présence de cette désapprobation de l'Empereur Alexandre I au sujet de l'exécution du duc d'Enghien. Il ne se gêna pas de dire à m-r d'Oubril que son Souverain se mêlait d'affaires qui ne le regardaient pas!

„Et comme le Premier Consul", écrivait Talleyrand à m-r d'Oubril, dans une note du 4 (16) mai 1804, „ne se mêle point des partis ou des opinions qui peuvent diviser la Russie, Sa Majesté l'Empereur n'a aucun droit pour se mêler des partis et des opinions qui peuvent diviser la France." Bien plus: „on voit à Dresde et à Rome la Russie protéger, entretenir des machinateurs de complots qui cherchent à abuser du privilège de leur résidence pour agiter les pays voisins." En ce qui régarde l'exécution du duc d'Enghien, Talleyrand, avec un manque de tact absolu, posa au représentant de Russie la question suivante: „si lorsque l'Angleterre médita l'assassinat de Paul I, on eut en connais-

*) Voir le Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. LXXVII, pag. 547 et suiv.

для выѣзда изъ Франціи. „Обычай, долгъ и приличіе требуютъ", сказалъ Тальеранъ графу Моркову на прощаніи, „чтобы вы пришли просить паспорты у меня и чтобъ я вручилъ ихъ только вамъ самимъ". Графъ Морковъ взялъ изъ рукъ Тальерана паспорты и, не сказавъ въ отвѣтъ ни единаго слова, удалился.

Послѣ отъѣзда графа Моркова, мишенью неудовольствія Наполеона и Тальерана противъ Россіи сдѣлался Убри. Его унижали, гдѣ и какъ могли. Тальеранъ объявилъ ему, что, какъ повѣренный въ дѣлахъ, онъ не будетъ имѣть никакихъ личныхъ сношеній съ Первымъ Консуломъ.

Наконецъ, убійство герцога д'Ангіенскаго нанесло окончательный ударъ мирнымъ сношеніямъ между Россіею и Франціею. Императоръ Александръ I настолько былъ возмущенъ этимъ преступленіемъ, что повелѣлъ наложить по убитомъ трауръ при Высочайшемъ дворѣ и протестовать при сеймѣ въ Регенсбургѣ противъ неслыханнаго нарушенія Наполеономъ неприкосновенности Баденскаго герцогства, на территоріи котораго былъ захваченъ французскимъ отрядомъ герцогъ д'Ангіенскій. Императоръ совершенно одобрилъ постановленіе по этому дѣлу Совѣта изъ 12-ти сановниковъ, которому онъ поручилъ высказаться относительно неслыханнаго поступка Наполеона и дальнѣйшаго образа дѣйствій Россіи *).

Наполеонъ не скрывалъ своего крайняго раздраженія по поводу открытаго осужденія Императоромъ Александромъ I казни герцога д'Ангіенскаго: онъ не постѣснялся сказать Убри, что Государь вмѣшивается не въ свои дѣла!

„И такъ какъ Первый Консулъ", писалъ Тальеранъ Убри въ нотѣ отъ 4-го (16-го) мая 1804 г., „самъ не вмѣшивается въ партіи или мнѣнія, которыя могутъ раздирать Россію, то и Его Императорское Величество не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ партіи и мнѣнія, которыя могутъ раздирать Францію". Мало того: русское правительство „охраняетъ и содержитъ заправилъ заговоровъ въ Дрезденѣ и Римѣ, которые стараются злоупотреблять преимуществами своего пребыванія, чтобъ волновать сосѣднія страны". Что же касается казни герцога д'Ангіенскаго, то Тальеранъ, съ изумительною безтактностью, поставилъ представителю Россіи слѣдующій вопросъ: „еслибы

*) Срав. Сборникъ И. Р. И. Общ., т. LXXVII, стр. 547 и слѣд.

sance que les auteurs des complots se trouvaient à une lieue des frontières, on n'eût pas été empressé de les faire saisir?"

On comprend que l'Empereur Alexandre I fut indigné au plus haut degré du ton et de la teneur de la note de mai de Talleyrand et qu'il fit exprimer son mécontentement à m-r d'Oubril de ce que celui-ci l'avait acceptée. Il aurait dû la renvoyer immédiatement au Ministre des Affaires Etrangères de France. M-r Oubril reçut l'ordre de quitter aussitôt Paris avec tout le personnel de la légation de Russie. Par une note du 5 (17) mai le général Hédouville reçut également l'ordre de quitter la capitale de l'Empire dans un délai de vingt-quatre heures après la réception de cette pièce. A la fin de mai le prince Czartorisky renvoya au ministre de France ses passeports et celui-ci quitta bientôt la Russie, en laissant m-r de Rayneval en qualité de chargé d'affaires. Oubril resta à Paris jusqu'à la moitié de juillet, espérant toujours que l'éventualité d'une guerre pourrait être évitée. Talleyrand s'appliquait à exploiter habilement ces sentiments de confiance d'Oubril pour le retenir plus longtemps à Paris et donner à Napoléon le temps nécessaire pour ses préparatifs militaires.

Oubril tomba dans ce piège. Sa note à Talleyrand du 9 (21) juillet devait servir d'ultimatum qui reclamait du gouvernement français l'acception dans le plus bref délai des quatre points, formulés par Oubril. Ce n'est qu'après deux semaines qu'il reçut de Talleyrand la nouvelle que sa note fut portée à la connaissance de Napoléon. Rien de plus. Deux autres semaines s'écoulèrent encore, sans qu'il reçut une réponse quelconque de Talleyrand. Oubril écrivit encore une fois pour insister sur une réponse, et à la suite de cette seconde démarche, il reçut à la date du 16 (28) août une note annonçant qu'on lui renvoyait ses passeports pour quitter la France. Talleyrand crut devoir le prévenir qu'il n'obtiendrait la permission de sortir des frontières de France que lorsque la nouvelle aura été reçue à Paris que Rayneval a quitté le sol de la Russie.

Cette manière d'agir d'Oubril ne fit que confirmer Talleyrand dans l'opinion peu flatteuse qu'il avait des diplomates russes. „Il n'y a peut-être pas de Cour", écrivait-il aux représentants français à l'étranger à la date du 2 (14) août 1804, „aussi pauvre en hommes habiles

въ то время, когда Англія замышляла убіеніе Павла I, знали, что зачинщики заговора находятся на разстояніи одной мили отъ границы, неужели не постарались бы схватить ихъ?"

Совершенно понятно, что Императоръ Александръ I былъ возмущенъ тономъ и содержаніемъ майской ноты Талерана и повелѣлъ выразить Убри свое неудовольствіе за принятіе этой ноты. Онъ долженъ былъ ее немедленно вернуть французскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ Убри было повелѣно покинуть Парижъ со всѣми членами русской миссіи. Генералъ Гедувиль, нотою отъ 5-го (17-го) мая, получилъ также приказаніе въ 24 часа послѣ полученія этой ноты покинуть столицу Россійской Имперіи. Въ концѣ мая князь Чарторыжскій передалъ паспортъ французскому посланнику и послѣдній вскорѣ выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ Райневаля въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ. Убри остался въ Парижѣ до средины іюля мѣсяца, все еще надѣясь на возможность предупредить войну. Тальеранъ отлично воспользовался довѣрчивостью Убри и задерживалъ его въ Парижѣ, чтобъ дать Наполеону больше времени для военныхъ приготовленій.

Убри попался въ эту ловушку. Его нота къ Тальерану отъ 9-го (21-го) іюля должна была служить ультиматумомъ, въ которомъ требовалось отъ французскаго правительства въ скорѣйшемъ времени отвѣтить принятіемъ четырехъ пунктовъ, сочиненныхъ Убри. Но только черезъ двѣ недѣли онъ получилъ отъ Тальерана извѣстіе о томъ, что его іюльская нота доложена Наполеону. Больше ничего. Прошли опять двѣ недѣли, и никакого отвѣта отъ Тальерана. Убри опять пишетъ и настаиваетъ на полученіи отвѣта. Наконецъ, послѣ вторичнаго напоминанія, Убри получаетъ 16-го (28-го) августа отвѣтъ въ видѣ ноты, въ которой сказано, что ему возвращается паспортъ для выѣзда изъ Франціи. Однако Тальеранъ предупреждаетъ его, что его не выпустятъ изъ предѣловъ Франціи, пока не получено будетъ въ Парижѣ извѣстіе объ оставленіи Райневалемъ русской территоріи.

Этотъ образъ дѣйствій Убри укрѣпилъ Тальерана въ его нелестномъ мнѣніи о русскихъ дипломатахъ. „Кажется, нѣтъ", писалъ Тальеранъ представителямъ Франціи за границею отъ 2-го (14-го) августа 1804 года, „двора, болѣе бѣднаго людьми, чѣмъ русскій. Тамъ

que celle de Russie. M. de Morkow y est un aigle. Les Worontzow sont bien connus pour être tout Anglais . . . Les Worontzow ne sont plus Russes, et depuis longtemps cette faction britannique avait cherché à vendre au Cabinet de Londres les intérêts nationaux de la Russie". (sic!!)"

Oubril quitta la France en août 1804, et ce fut le signal d'une rupture définitive des relations diplomatiques entre la Russie et la France.

Cette rupture n'eut pas pour conséquence immédiate l'ouverture des hostilités entre les deux pays. L'Empereur Alexandre s'est posé comme but de sa politique „d'enchaîner" la France et d'ériger les Etats germaniques et principalement l'Autriche et la Prusse en boulevard contre elle. Il fallait à tout prix rétablir un „équilibre naturel" entre les Etats de l'Europe. Pour atteindre ce but, il importait de réunir les principaux Etats de l'Europe en une ligne invincible contre l'ennemi commun — l'Empereur Napoléon.

Dans le cours des années 1804 et 1805 tous les efforts de la politique russe furent consacrés à la solution de ce problème. L'Empereur Alexandre I réussit à conclure une alliance avec l'Autriche, l'Angleterre et la Prusse contre Napoléon I *). Toutefois Alexandre I reconnaissait parfaitement l'immense responsabilité des souverains vis-à-vis des peuples pour les calamités terribles d'une guerre internationale et ne cessait de rechercher les moyens de la prévenir. Ce n'est que par cette considération que s'explique la mission, confiée en 1805 à Novossilzoff de se rendre de Londres à Paris pour négocier un traité de paix.

L'idée d'entamer des négociations de cette nature surgit à la suite d'une lettre conciliante, adressée par Napoléon au roi d'Angleterre à Londres. Novossilzoff se trouvait précisément à cette époque dans cette ville en qualité d'ambassadeur extraordinaire de l'Empereur de Russie. Comme Napoléon avait une répulsion marquée pour les diplomates anglais, Pitt eut l'heureuse idée de profiter de la présence en

*) Voir le présent Recueil des traités, t. II (avec l'Autriche), pag. 397 et suiv.; t. VI (avec l'Allemagne), pag. 308 et suiv.; t. XI (avec l'Angleterre), pag. 49 et suiv.

графъ Морковъ — орелъ. Воронцовы, какъ хорошо извѣстно, Англичане... Воронцовы не Русскіе, и уже давно эта британская клика старалась продавать Лондонскому кабинету національные интересы Россіи" (sic!!)...

Въ концѣ августа 1804 года Убри выѣхалъ изъ Франціи и такимъ образомъ былъ констатированъ полный разрывъ всѣхъ мирныхъ и дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній не привелъ немедленно къ открытію военныхъ дѣйствій между Россіею и Франціею. Императоръ Александръ I поставилъ цѣлью своей политики „окружить цѣпью" Францію, создавъ оплотъ противъ нея изъ германскихъ государствъ и въ особенности изъ Австріи и Пруссіи. Нужно было, во что бы то ни стало, возстановить между европейскими государствами „естественное равновѣсіе". Для достиженія этой труднѣйшей цѣли требовалось создать изъ всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ непобѣдимый союзъ противъ общаго врага — Наполеона I, императора Французовъ.

Въ продолженіе 1804 и 1805 годовъ всѣ старанія русской политики были направлены къ разрѣшенію этой задачи. Императору Александру I удалось заключить союзы съ Австріею, Англіею и Пруссіею противъ Наполеона I *). Однако, вполнѣ сознавая громадную отвѣтственность предъ народами за всѣ неисчислимыя бѣдствія международной войны, Александръ I не уставалъ отыскивать всевозможныя средства, чтобъ предупредить ея возникновеніе. Только этимъ соображеніемъ объясняется порученіе, данное въ 1805 году Новосильцову—отправиться изъ Лондона въ Парижъ для переговоровъ о мирномъ трактатѣ.

Вслѣдствіе миролюбиваго письма Наполеона къ англійскому королю, въ Лондонѣ возникла мысль вступить съ нимъ въ переговоры о мирѣ. Въ это время находился въ Лондонѣ чрезвычайный посолъ русскаго Императора, Новосильцовъ. И такъ какъ Наполеонъ ненавидѣлъ англійскихъ дипломатовъ, то англійскому премьеру Питту пришла счастливая мысль воспользоваться присутствіемъ въ Англіи русскаго са-

*) Срав. настоящее „Собраніе трактатовъ", т. II (съ Австріею), стр. 397 и слѣд.; т. VI (съ Германіею), стр. 308 и слѣд.; т. XI (съ Англіею), стр. 49 и слѣд.

Angleterre d'un homme d'Etat russe, qui jouissait de l'entière confiance de son souverain, et de le charger de la mission de se rendre à Paris pour traiter de la paix. La Russie et l'Angleterre n'étaient-elles pas entièrement solidaires quant à la question d'une guerre avec Napoléon. Il est hors de doute que Novossilzoff très ambitieux ne donnât lui-même l'idée de ce voyage à Paris, où il voyait l'occasion pour lui de se mesurer avec Napoléon, pour lequel il ne professait pas de grande estime.

„Selon l'avis de Pitt", écrivait-il au prince Czartorysky à la date du 8 (20) janvier 1805, „personne ne conviendrait mieux pour ce rôle que moi. Le cas échéant, je pourrais être muni ici des pleinpouvoirs nécessaires. Que diriez vous de l'idée de proposer à l'Empereur de m'envoyer en mission chez Sa Majesté Corse? Je suis presque certain que si Bonaparte refusait d'accepter nos ouvertures, j'aurai la possibilité de lui arracher le masque et de montrer à tous ceux qui ont des yeux pour voir que c'est un monstre" *).

Toutefois les circonstances prirent une tournure si défavorable pour Novossilzoff qu'il ne réussit pas à „arracher le masque" à Sa Majesté Corse.

Le prince Czartorysky écrivit à Talleyrand en mai 1805 pour lui demander un passeport pour Novossilzoff. Celui-ci reçut ses instructions en date du 30 mai (11 juin) qui lui prescrivaient „de faire à la France des ouvertures de paix, basées sur des principes qui puissent consolider l'existence politique de chaque gouvernement". On eut soin de le munir d'un projet de traité à conclure entre la Russie de la France **). Mais Alexandre I fut si indigné d'apprendre que Gênes était occupée par les armées françaises et que Napoléon avait pris le titre de roi d'Italie, qu'il donna l'ordre à Novossilzoff qui se trouvait à Berlin, en route pour Paris, de retourner aussitôt directement à St.-Pétersbourg.

Cet ordre suprême fut un grand mécompte pour Novossilzoff qui se trouva ainsi dans l'impossibilité „d'arracher le masque" à Napoléon. Quant à Talleyrand, c'était pour lui presque un sujet de satisfaction, car selon lui „la mission de M. Novossilzoff n'était pour l'Angleterre qu'une

*) Voir le présent Recueil, t. XI, pag. 101.

**) Voir Recueil de la Société Imp. Historique Russe, t. LXXXII, pag. 63 et suiv.

новника, располагавшаго полнымъ довѣріемъ своего Государя, и поручить ему отправиться въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ. Вѣдь Россія и Англія были совершенно солидарны въ войнѣ противъ Наполеона. Нѣтъ сомнѣнія, что крайне тщеславный Новосильцовъ самъ подалъ мысль о своей поѣздкѣ въ Парижъ, гдѣ онъ могъ помѣряться силами съ Наполеономъ, котораго онъ не особенно уважалъ.

„Никто, по мнѣнію Питта", писалъ Новосильцовъ 8-го (20-го) января 1805 года князю Чарторыжскому, „не былъ болѣе подходящимъ для этой роли, чѣмъ я. Въ такомъ случаѣ здѣсь мнѣ дали бы всѣ нужныя полномочія... Что вы скажете о предложеніи Государю направить меня къ Его Корсиканскому Величеству? Я почти не сомнѣваюсь, что еслибъ Бонапарте не согласился на сдѣланныя ему предложенія, то я буду имѣть полную возможность сорвать съ него маску и показать всѣмъ желающимъ видѣть, что онъ только чудовище" *).

Однако, обстоятельства сложились столь неблагопріятнымъ для Новосильцова образомъ, что ему не удалось „сорвать маску, съ Его Корсиканскаго Величества.

Князь Чарторыжскій писалъ въ маѣ 1805 г. Тальерану и просилъ паспорта для Новосильцова. Послѣдній получилъ свою инструкцію отъ 30-го мая (11-го іюня), въ которой ему предписывалось „учинить Франціи взаимно мирныя предложенія, основанныя на началахъ, могущихъ прочно утвердить политическое бытіе каждаго правительства". Ему даже дали съ собою проектъ трактата между Россіей и Франціей **). Но когда Императоръ Александръ I узналъ о захватѣ французскими войсками Генуэзской республики и о принятіи Наполеономъ I титула „короля Италіи", онъ былъ чрезвычайно возмущенъ и немедленно повелѣлъ Новосильцову вернуться изъ Берлина, гдѣ онъ находился на пути въ Парижъ, прямо въ С.-Петербургъ.

Такое Высочайшее повелѣніе очень огорчило Новосильцова, потому что оно лишило его возможности „сорвать маску" съ Наполеона. Но Тальеранъ почти обрадовался такому распоряженію, ибо, по его словамъ, „для Англіи посольство Новосильцова было ничто

*) Настоящее „Собр. трак.", т. XI, стр. 101.

**) См. Сборникъ И. Р. И. Общ., т. LXXXII, стр. 63 и слѣд.

insulte adressée à la France et un piège tendu à la Russie“. (Dépêche de Talleyrand à Durand à Dresde en date du 11 (23) juillet 1805).

La guerre éclata avec une fureur terrible entre la Russie, l'Angleterre, l'Autriche et la Prusse, d'une part, et la France, de l'autre et fut signalée par des défaites inouies pour les alliés. La bataille d'Austerlitz consacra définitivement la gloire de Napoléon.

Des relations directes entre les gouvernements français et russe se renouvelèrent au printemps de 1806. Le consul de France, resté à St.-Pétersbourg après la déclaration de guerre, assurait le prince Czartorysky que son gouvernement désirait entrer en pourparlers avec celui de Russie. A la suite de cette déclaration l'Empereur Alexandre I prit la décision d'envoyer à Paris M-r Oubril qui y était connu, en qualité „d'agent pour les prisonniers de guerre“, et sous prétexte de soulager le sort des prisonniers russes en France. Le but de cette mission était précisé en ces termes dans les pleinpouvoirs dont-il était muni: il était chargé „d'établir une discussion franche et confidentielle sur tous les intérêts de la Russie et de la France, afin de *préparer par là les voies* à une négociation formelle pour la paix générale.“ Dans le cas où des pourparlers devaient s'engager entre la France et l'Angleterre, M. d'Oubril était autorisé „à intervenir... dans toute négociation qui s'établira entre l'Angleterre et la France et de signer *sub spe rati* avec les plénipotentiaires respectifs tout acte qu'il jugerait conforme à l'honneur et aux intérêts de la Russie.“

Au commencement de juillet 1806 d'Oubril arriva à Paris, où se trouvait déjà le plénipotentiaire anglais, lord Yarmouth, avec lequel „l'agent pour les prisonniers“ devait entretenir des relations très intimes.

Les pourparlers entre Talleyrand et lord Yarmouth furent subitement interrompus par le départ du plénipotentiaire anglais; par contre ceux, poursuivis entre Talleyrand et d'Oubril se terminèrent de la manière la plus inattendue par la signature d'un traité de paix avec la France. Personne ne pouvait s'attendre en Europe à un pareil résultat, et Oubril étonna tous ses amis et connaissances par la legéreté de sa conduite.

Talleyrand réussit à charmer le diplomate russe par son aimabilité et l'éconduire par son

иное, какъ средство для оскорбленія Франціи и ловушка, поставленная Россіи“. (Депеша Тальерана къ Дюрану въ Дрезденѣ отъ 11-го (23-го) іюля 1805 г.).

Война между Россіей, Англіей, Австріей и Пруссіей, съ одной стороны, и Франціей, съ другой, возгорѣлась съ ужасающею силою и привела къ небывалымъ пораженіямъ союзныхъ армій. Аустерлицкая битва окончательно утвердила славу военнаго генія Наполеона I.

Весною 1806 года опять возобновились непосредственныя сношенія между русскимъ и французскимъ правительствами. Бывшій французскій консулъ въ С.-Петербургѣ, оставшійся на мѣстѣ послѣ объявленія войны, увѣрялъ князя Чарторыжскаго въ желаніи французскаго правительства вступить въ переговоры съ Императорскимъ русскимъ правительствомъ. Вслѣдствіе такого заявленія, Императоръ Александръ I рѣшилъ отправить въ Парижъ уже извѣстнаго Убри, въ качествѣ „агента по дѣламъ военноплѣнныхъ“, подъ предлогомъ улучшить судьбу русскихъ военноплѣнныхъ во Франціи. Цѣль этого порученія была опредѣлена въ полномочіи, данномъ Убри, слѣдующимъ образомъ: „завязать откровенное и тайное обсужденіе всѣхъ интересовъ Россіи и Франціи, съ цѣлью *подготовить путь* къ формальнымъ переговорамъ о всеобщемъ мирѣ“. На случай возникновенія мирныхъ переговоровъ между Франціей и Англіей, Убри былъ уполномоченъ „вступать... во всякіе переговоры между Англіей и Франціей и подписывать *sub spe rati*, вмѣстѣ съ ихъ уполномоченными, всякій актъ, который покажется ему согласнымъ съ честью и интересами Россіи“.

Въ началѣ іюля 1806 года Убри прибылъ въ Парижъ, куда уже раньше прибылъ англійскій уполномоченный, лордъ Ярмутъ, съ которымъ русскій „агентъ по дѣламъ военноплѣнныхъ“ долженъ былъ поддерживать близкія сношенія.

Переговоры между Тальераномъ и лордомъ Ярмутомъ кончились весьма скоро отъѣздомъ изъ Франціи англійскаго уполномоченнаго. Переговоры же между Тальераномъ и Убри окончились самымъ неожиданнымъ образомъ— подписаніемъ Убри мирнаго трактата съ Франціей! Такого результата никто не ожидалъ въ Европѣ, и Убри удивилъ своимъ легкомысліемъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ.

Тальеранъ совершенно обворожилъ русскаго дипломата своею любезностью и провелъ

esprit et sa finesse. Il commença par établir une distinction entre les intérêts de la Russie et ceux de l'Angleterre et négocia directement avec d'Oubril sans la participation de Yarmouth. Lorsque Talleyrand s'aperçut que le plénipotentiaire anglais avait connaissance de ses entretiens avec d'Oubril, il dit à celui-ci: „Permettez moi, monsieur d'Oubril, de vous faire une question: est-ce avec le ministère britannique que je traite, en traitant avec vous?"

Oubril fut très surpris de cette question audacieuse, mais Talleyrand avait atteint son but: le représentant de Russie jugea possible d'agir avec une entière indépendance et en suivant ses propres inspirations.

Le Ministre des Affaires Etrangères de France proposa à Oubril de conclure immédiatement, dans un délai de trois jours, un armistice pour un terme de 8 à 10 ans pendant lesquels un traité de paix définitif pourrait être élaboré. Le représentant de Russie ne fut pas déconcerté par ces ouvertures inattendues et trouvait qu'elles pouvaient être adoptées! Mais il désirait expédier un courrier pour s'enquérir de l'avis de son gouvernement. Talleyrand lui répondit à cela que ce n'était pas le „moment de faire un traité par envoi de courriers; qu'il fallait terminer promptement et qu'il ne doutait pas qu'il (Oubril) n'eût des pleinspouvoirs." Il semble que d'Oubril devait pas être très certain de l'existence de ces pleinspouvoirs. Mais il n'avait pas de doute à ce sujet malgré les termes précis de ce document. Talleyrand l'a évidemment complètement séduit, en l'assurant qu'un „très beau rôle" était réservé à la Russie, si elle ne laissait pas échapper le moment actuel. Il est curieux que Talleyrand évitait soigneusement de répondre aux questions d'Oubril au sujet du sort de l'Italie, des revirements de territoire en Turquie ou en Allemagne. Il est vrai qu'il fit entrevoir l'espoir que Napoléon renoncerait généreusement à la Dalmatie et à l'Albanie, mais il ne lui donna aucune garantie quant à l'intention de Napoléon de renoncer à ses vues sur l'Empire Ottoman, très préjudiciables à la Russie. (Rapports d'Oubril du 28 juin (10 juillet) 1806).

Talleyrand rédigea lui-même le projet de traité et insista la-dessus qu'il fut immédiatement signé par Oubril. Bien que les idées de celui-ci, d'après son propre aveu fussent „encore confuses" au sujet de la partie de cet acte, il crut devoir en décliner la signature immé-

его своимъ умомъ и хитростью. Прежде всего ему удалось отдѣлить интересы Россіи отъ видовъ Англіи и повести переговоры съ Убри помимо участія лорда Ярмута. Когда Талейранъ замѣтилъ, что англійскій уполномоченный знаетъ о разговорахъ, бывшихъ у него съ Убри, онъ сказалъ послѣднему: „Позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ: договариваясь съ вами, не договариваюсь ли я съ британскимъ министерствомъ?"

Убри былъ очень пораженъ этимъ дерзкимъ вопросомъ, но Талейранъ вполнѣ достигъ своей цѣли: представитель Россіи счелъ возможнымъ дѣйствовать совершенно самостоятельно и по собственному усмотрѣнію.

Французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ предложилъ Убри немедленно, въ продолженіи 3-хъ дней, заключить трактатъ перемирія на 8 или 10 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ былъ бы выработанъ трактатъ окончательнаго мира. Представитель Россіи не былъ озадаченъ такимъ неожиданнымъ предложеніемъ, но нашелъ, что оно „можетъ быть принято"! Но онъ желалъ отправить курьера къ своему правительству и спросить его мнѣніе. На это Талейранъ отвѣтилъ, что теперь не время „заключать трактаты посредствомъ отправки курьеровъ; это нужно кончать скорѣе, и что онъ не сомнѣвается въ существованіи моихъ (Убри) полномочій". Казалось бы, что самъ Убри долженъ былъ бы усомниться въ существованіи такого полномочія. Но у него не было сомнѣній, несмотря на буквальный смыслъ полученнаго полномочія. Очевидно, Талейранъ совсѣмъ его завоевалъ, сказавъ, что на долю Россіи выпало играть „великую роль", если она не упуститъ нынѣшняго момента. Любопытно, что Талейранъ видимымъ образомъ избѣгалъ давать отвѣты на вопросы Убри относительно судьбы Италіи, турецкихъ владѣній или германскихъ государствъ. Правда, онъ подалъ надежду, что Наполеонъ великодушно откажется отъ Далмаціи и Албаніи, но онъ не далъ ему ни малѣйшаго ручательства въ томъ, что императоръ Французовъ откажется отъ своихъ опасныхъ для Россіи плановъ относительно Оттоманской имперіи. (Донесенія Убри отъ 28-го іюня (10-го іюля) 1806 года).

Талейранъ самъ написалъ проектъ мирнаго трактата и настаивалъ на немедленномъ его подписаніи со стороны Убри. Хотя мысли послѣдняго, по его собственнымъ словамъ, „были еще спутаны" относительно значенія этого трактата, но онъ всетаки отклонилъ немедленное

diate. Mais il ne constata pas moins avec satisfaction, „qu'il est sur un bon pied avec le Ministre“ et qu'il a „échappé“ à M. de Talleyrand de dire „qu'un jour la Russie et la France seraient alliées.“ Mais lorsque Oubril eut avoué que la chose était possible, Talleyrand s'empressa d'ajouter, „qu'il était probablement trop vieux pour le voir et que cela était réservé à mon âge“. En général d'Oubril était très satisfait de l'attitude de Talleyrand à son égard et se félicitait de la décision qu'il avait prise de ne „pas précipiter les choses“. (Rapport d'Oubril au prince Czartorysky en date du 29 juin (11 juillet) 1806).

Lorsque Talleyrand se fut persuadé que d'Oubril n'élévait plus aucune objection, il chargea le général Clarke de terminer cette affaire, si bien commencée. Depuis le 30 juin (12 juillet) jusqu'au 8 (20) juillet furent poursuivis entre ces deux négociateurs de laborieux pourparlers qui duraient parfois de cinq à six heures par jour; c'est avec intention, qu'on s'appliquait à amener „l'agent pour les prisonniers de guerre“ à un épuisement complet de forces; on le reveillait à 2 heures de la nuit pour le conduire chez Talleyrand qui le retenait jusqu'au matin; les conférences d'Oubril avec Clarke se prolongeaient jusqu'à des heures avancées de la nuit, et le négociateur français insistait sur la signature immédiate du traité de paix sous menace que Napoléon ne retirât ses „immenses“ concessions.

Oubril finit par se rendre et signa le 8 (20) juillet un traité de paix entre la Russie et la France sans y avoir été aucunément autorisé. Il en convenait lui-même, mais il n'agit pas moins contrairement au témoignage de sa conscience. (Rapport d'Oubril du 26 juillet (7 août) 1806).

En vertu de ce traité l'Empereur Alexandre I devait abandonner perfidement ses alliés sans obtenir de Napoléon aucune concession, ni promesse quant à la sauvegarde des intérêts de la Russie en Turquie et en Allemagne.

L'Empereur Alexandre I soumit le traité de paix, que d'Oubril lui avait remis personnellement, à l'examen du Conseil de l'Empire et déclara en même temps qu'il n'avait pas l'intention de ratifier ce pacte, conclu par l'agent russe contrairement à ses instructions et à ses pleinspouvoirs. Le Conseil de l'Empire „guidé par le sentiment unanime de la gloire nationale et de la loyauté connue de l'Empereur, a applaudi

подписаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ удовольствіемъ констатируетъ тотъ фактъ, что онъ „на хорошей ногѣ съ министромъ“, который даже ему „проболтался“, сказавъ, что „настанетъ время когда Россія и Франція будутъ союзниками“. Когда же Убри глубокомысленно согласился, что это возможно, Тальеранъ поспѣшилъ прибавить, что „онъ, пожалуй, слишкомъ старъ, чтобы увидѣть это, но что это будетъ удѣломъ возраста“ Убри. Вообще послѣдній былъ очень доволенъ отношеніемъ къ нему Тальерана и вполнѣ одобрялъ свое собственное рѣшеніе „не спѣшить“. (Донесеніе Убри къ князю Чарторыжскому отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1806 г.).

Когда Тальеранъ убѣдился, что Убри всетаки поддался во всѣхъ отношеніяхъ, генералъ Кларкъ былъ имъ назначенъ для окончанія столь удачно начатаго имъ дѣла. Съ 30-го іюня (12-го іюля) по 8-ое (20-ое) іюля происходили между Убри и генераломъ Кларкомъ утомительнѣйшіе переговоры, продолжавшіеся иногда 5—6 часовъ въ день. Русскаго „агента по дѣламъ военноплѣнныхъ“ умышленно доводили до истощенія силъ: ночью въ 2 часа его будили, чтобы привезти къ Тальерану, который его обрабатывалъ до ранняго утра; по вечерамъ до глубокой ночи происходили бесѣды между Убри и генераломъ Кларкомъ, который неотступно настаивалъ на немедленномъ заключеніи предложеннаго имъ мирнаго трактата: иначе Наполеонъ возьметъ назадъ свои „огромныя“ уступки.

Убри, наконецъ, сдался: 8-го (20-го) іюля онъ подписалъ мирный трактатъ между Россіей и Франціей, не имѣя на такой актъ никакого полномочія. Онъ самъ въ томъ сознавался, но всетаки поступилъ вопреки собственному сознанію. (Донесеніе Убри отъ 26-го іюля (7-го августа) 1806 г.).

Въ силу этого трактата Императоръ Александръ I долженъ былъ вѣроломнымъ образомъ оставить своихъ союзниковъ, не получивъ отъ Наполеона рѣшительно никакихъ уступокъ или ручательствъ въ пользу уваженія интересовъ Россіи въ Германіи или въ Турціи.

Императоръ Александръ I представилъ привезенный ему самимъ Убри мирный трактатъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявилъ о своемъ намѣреніи не давать ратификаціи на этотъ трактатъ, заключенный Убри въ нарушеніе своихъ инструкцій и полномочія. Государственный Совѣтъ, „руководимый единодушнымъ чувствомъ народной славы и общеизвѣстною честностію

à ce refus indispensable de toute ratification, et Sa Majesté Impériale s'est bornée à le faire annoncer en France en y joignant un aperçu des bases sur lesquelles uniquement des négociations de paix pourraient être renouées".

Ensuite „le Ministre des affaires étrangères a fait part officiellement de ces résolutions aux ministres étrangers résidants près de la Cour Impériale. Mr. d'Oubril, qui par une combinaison inconcevable de circonstances a si mal répondu à la confiance dont il était investi et qu'il avait justifié tout récemment dans des commissions importantes remplies avec un succès distingué à Londres, à Berlin et à Vienne, a été renvoyé sur ses terres pour y rester jusqu'à nouvel ordre".

Telle était la déclaration, promulguée à St.-Pétersbourg au commencement d'août 1806 au sujet du refus de ratifier le traité de paix, signé par Oubril. C'est dans ce même sens que le baron de Budberg, gérant du Ministère des Affaires Etrangères après le prince Czartoriysky écrivit une lettre officielle à Talleyrand, en date du 2/14 août*).

En présence des faits ci-dessus exposés le traité du 8/20 juillet, n'ayant pas été ratifié se trouve inséré sous forme d'*Annexe* au présent volume.

Après le désastre de la Prusse à Iena, l'Empereur Alexandre I se fit un devoir de réunir ses armées à celles de ce royaume pour les faire marcher contre Napoléon. Il persuadait le roi de ne pas perdre courage et de poursuivre la guerre. „Votre Majesté verra," écrivait le Tsar a son ami en détresse, „que nos ressources, bien loin d'être épuisées, sont encore très considérables tandis que selon toutes les apparences l'ennemi est aux abois. Je conviens avec vous, Sire, que pour consolider le grand ouvrage d'une paix générale et solide, il faut que non seulement Votre Majesté soit rétablie dans la pleine possession de ses Etats, mais que l'Allemagne soit affranchie du joug des Français et qu' ils soient repoussés au-delà du Rhin."

La convention d'alliance avec la Prusse, signée en avril 1907 à Bartenstein, devait sceller l'accord des deux pays pour une guerre commune avec la France. Mais il en fut autrement. Après la défaite de l'armée russe, commandée par Benigsen, à Friedland, et l'occupation totale

*) Voir Recueil de la Société Impériale Historique Russe, t. LXXXII, p. 448 et suiv.

Государя, пришелъ въ восторгъ отъ этого неизбѣжнаго отказа во всякой ратификаціи, и Его Императорское Величество ограничился извѣщеніемъ объ этомъ Франціи, прибавивъ перечень единственныхъ основъ, на которыхъ могли бы возобновиться мирные переговоры".

Затѣмъ „Министръ Иностранныхъ Дѣлъ оффиціально сообщилъ объ этомъ рѣшеніи иностраннымъ министрамъ при Императорскомъ Дворѣ. Г. Убри, въ силу непостижимыхъ обстоятельствъ такъ мало оправдавшій то довѣріе, которое еще такъ недавно онъ оправдывалъ отличнымъ исполненіемъ важныхъ порученій въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, былъ сосланъ въ свои имѣнія, чтобъ оставаться тамъ до новыхъ приказаній".

Такова была декларація, обнародованная въ С.-Петербургѣ въ началѣ августа 1806 года, по поводу неутвержденія мирнаго трактата, подписаннаго Убри. Въ этомъ самомъ смыслѣ баронъ Будбергъ, управлявшій послѣ князя Чарторыжскаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, написалъ Тальерану оффиціальное письмо отъ 2-го (14-го) августа *).

Въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ, трактатъ 8-го (20-го) іюля, будучи нератификованъ, отпечатанъ въ видѣ *Приложенія* къ этому тому.

Послѣ разгрома Пруссіи при Іенѣ, Императоръ Александръ I считалъ своимъ долгомъ соединить свои войска съ прусскими противъ Наполеона I. Онъ убѣждалъ прусскаго короля не унывать и продолжать войну. „Ваше Величество увидите", писалъ Царь своему несчастному другу, „что наши средства далеко не истощены и еще очень значительны, между тѣмъ какъ по всѣмъ признакамъ непріятель находится въ крайности. Я согласенъ съ Вашимъ Величествомъ, что для утвержденія общаго и прочнаго мира необходимо не только чтобъ Ваше Величество были бы возстановлены въ полномъ владѣніи Вашими землями, но чтобъ Германія была освобождена изъ-подъ ига Французовъ, которые должны быть изгнаны за Рейнъ".

Союзная конвенція съ Пруссіей, подписанная въ апрѣлѣ 1807 года въ Бартенштейнѣ, должна была закрѣпить общую борьбу Россіи и Пруссіи противъ Франціи. Однако, на дѣлѣ случилось иначе. Послѣ пораженія русской арміи подъ начальствомъ генерала Бенигсена

*) Срав. Сборникъ И. Р. И. Общества, т. LXXXII, стр. 448 и слѣд.

de la Prusse par les armées de la France, l'Empereur Alexandre dut songer à la paix. C'est par la force impérieuse des circonstances que le Tsar fut amené à cette extrêmité. L'armée russe se trouvait dans un tel état de dissolution que le commandant en chef crut devoir insister auprès de l'Empereur sur l'urgence d'entamer des négociations de paix avec Napoléon pour donner à celle-ci la possibilité de réparer ses pertes.

En outre, le Césarévitch Constantin Pavlovitch, témoin oculaire du désastre de Friedland, exposait également à son Auguste frère la nécessité absolue de conclure la paix.

„Sire", dit-il à l'Empereur, „si vous ne voulez pas faire la paix avec la France, eh bien, donnez un pistolet bien chargé à chacun de vos soldats et commandez leur de se brûler la cervelle; vous obtiendrez le même résultat que celui que vous offrira une nouvelle et dernière bataille qui ouvrira infailliblement les portes de votre Empire aux troupes françaises, exercées aux combats et toujours victorieuses."

Sous le coup de ces circonstances et dans l'impossibilité absolue de continuer la guerre à lui seul, contre l'empereur des Français, Alexandre I prit la résolution de faire des démarches en faveur de la paix. Dans une lettre autographe, adressée au commandant en chef de l'armée, en date du 4 juin, l'Empereur s'exprime en ces termes:

„General, en vous confiant une vaillante armée qui a fourni tant de preuves de son courage, je n'étais nullement préparé à recevoir les nouvelles que vous me mandez aujourd'hui. Si vous n'avez pas d'autre moyen de sortir des difficultés actuelles, qu'en entamant des pourparlers pour la conclusion d'un armistice, vous êtes autorisé à le faire; mais à condition de poursuivre ces pourparlers en votre nom. J'ai jugé opportun de vous envoyer le lieutenant-général, prince Lobanow-Rostowsky qui a toutes les conditions pour être chargé de la mission délicate de ces négociations. Il vous transmettra verbalement les ordres dont je l'ai muni, et après avoir conféré avec lui et le général Popow, vous aurez soin de l'envoyer chez Bonaparte. Vous devez comprendre combien il m'est pénible d'avoir recours à ce moyen".

при Фридландѣ и фактическаго завоеванія всей Пруссіи французскими войсками, Императоръ Александръ I принужденъ былъ подумать о мирѣ. На мысль о необходимости заключить миръ приведенъ былъ Царь непреодолимою силою обстоятельствъ. Русская дѣйствующая армія была настолько поражена и разстроена, что самъ главнокомандующій донесъ Императору о крайней необходимости вступить съ Наполеономъ I въ мирные переговоры съ цѣлью дать арміи возможность пополнить понесенныя потери.

Сверхъ того, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, видѣвшій собственными глазами разбитую при Фридландѣ русскую армію, убѣдительно доказывалъ своему державному брату неотложную необходимость заключить миръ.

„Государь", сказалъ Цесаревичъ Александру I, „если вы не желаете заключить мира съ Франціей, то дайте каждому вашему солдату хорошо заряженный пистолетъ и прикажите имъ выстрѣлить въ себя, въ такомъ случаѣ вы получите тотъ же результатъ, какой вамъ дало бы новое и послѣднее сраженіе, которое навѣрно открыло бы двери вашей Имперіи французскимъ войскамъ, привыкшимъ къ битвамъ и всегда побѣдоносымъ".

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и въ виду совершенной невозможности продолжать одному войну противъ побѣдоноснаго императора Французовъ, Императоръ Александръ I рѣшилъ искать мира. Въ собственноручномъ письмѣ къ главнокомандующему дѣйствующей арміи отъ 4-го іюня Императоръ высказываетъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ:

„Ввѣривъ, вамъ, генералъ, армію прекрасную, явившую столь много доказательствъ своей храбрости, я совершенно не былъ подготовленъ получить извѣстія, которыя вы мнѣ нынѣ сообщили. Если у васъ, кромѣ открытія переговоровъ о перемиріи, нѣтъ другихъ средствъ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находитесь, то разрѣшаю вамъ сіе исполнить, но съ тѣмъ, однако, чтобъ вы договаривались отъ имени вашего. Я призналъ за благо отправить къ вамъ генералъ-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго, находя его во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ получить отъ васъ порученіе для веденія этихъ щекотливыхъ переговоровъ. Онъ словесно передастъ вамъ приказанія, которыми я его снабдилъ, и посовѣтовавшись съ генераломъ Поповымъ и съ нимъ, отправьте его къ Бона-

Benigsen profita aussitôt de l'autorisation qui lui fut accordée et se mit en rapport avec le quartier général de l'armée française. Il y envoya le prince Lobanow-Rostowsky avec la mission de traiter de l'armistice. Napoléon dépécha dans le camps russe le général Duroc, chargé d'attester le désir de son souverain non seulement de conclure la paix avec la Russie, mais encore d'amener un rapprochement avec elle.

Napoléon reçut très gracieusement le prince Lobanow-Rostowsky et lui dit en fixant ses regards sur lui: „J'ai entendu dire beaucoup de bien sur votre compte et je sais gré à Alexandre du choix qu'il a fait.“ Là-dessus Napoléon se mit à exposer immédiatement ses plans politiques gigantesques au sujet du partage de l'Europe entre la Russie et la France. En montrant la Vistule sur la carte, qui se trouvait sur la table, l'empereur des Français s'écria: „Voici la frontière entre les deux Empires: d'un côté dois régner votre Souverain et moi de l'autre!“ Le prince Lobanow-Rostowsky ne se crut pas autorisé à entrer en discussion avec Napoléon au sujet du remaniement de la carte politique de l'Europe. Il écouta attentivement les combinaisons politiques que Napoléon se plaisait à ébaucher, et répondit que sa mission se bornait à la conclusion d'un armistice. Napoléon chargea le maréchal Berthier de cette négociation avec le prince Lobanow, et à la date du 10/22 juin l'armistice (№ 492) fut sanctionné par Bonaparte et bientôt après par le Tsar.

La satisfaction de Napoléon au sujet de la cessation de la guerre avec la Russie frappait tout son entourage. Au dîner, il porta la santé de l'Empereur de Russie. Lorsqu' il fut question à table de l'Impératrice Catherine II, le prince Lobanow-Rostowsky fut ému jusqu' aux larmes. Napoléon le remarqua et saisissant la main du maréchal de la cour Duroc, qui se trouvait placé à côté de lui, il lui dit: „Regardez, regardez, Duroc, comme les Russes aiment leurs Souverains“ *).

En général, Napoléon savait charmer les hommes quand il le voulait. Le prince Lobanow-Rostowsky subit également l'action de ce pouvoir

*) Recueil de la Société Imp. Historique Russe, t. LXXXIX, Introduction, p. XXIII et suiv.

парту. Вы должны чувствовать, сколь тяжко мнѣ обратиться къ сему средству“.

Бенигсенъ воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ и немедленно вступилъ въ сношенія съ главною квартирою французской арміи. Онъ послалъ князя Лобанова-Ростовскаго въ французскую главную квартиру съ порученіемъ вступить въ переговоры о перемиріи. Наполеонъ послалъ въ русскій лагерь генерала Дюрока, который засвидѣтельствовалъ желаніе своего Государя не только заключить миръ съ Россіей, но и сблизиться съ нею.

Самъ Наполеонъ принялъ князя Лобанова-Ростовскаго весьма ласково и, смотря ему прямо въ глаза, сказалъ: „Я много наслышался о васъ хорошаго и благодаренъ Александру за сдѣланный имъ выборъ“. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ немедленно сталъ излагать свои грандіозные политическіе планы о раздѣлѣ всей континентальной Европы между Россіею и Франціею. Указывая на картѣ, лежавшей на столѣ, на рѣку Вислу, императоръ Французовъ воскликнулъ: „Вотъ граница обѣихъ имперій: съ одной стороны долженъ владычествовать вашъ Государь; съ другой—я!“ Князь Лобановъ-Ростовскій не считалъ себя въ правѣ вступать съ Наполеономъ въ разговоръ о передѣлкѣ политической карты Европы. Онъ прислушивался съ полнымъ вниманіемъ къ полету политическихъ комбинацій Наполеона, но въ отвѣтъ ограничился напоминаніемъ, что ему поручено только заключить перемиріе. Наполеонъ поручилъ вести переговоры о перемиріи съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ маршалу Бертье, и 10-го (22-го) іюня перемиріе (№ 492) было уже утверждено Наполеономъ и вслѣдъ затѣмъ Царемъ.

Радость Наполеона I по случаю прекращенія войны съ Россіей бросалась въ глаза всѣмъ окружающимъ. Онъ выпилъ за обѣдомъ за здоровье русскаго Императора. Когда заговорили за столомъ объ Императрицѣ Екатеринѣ II, на глазахъ князя Лобанова-Ростовскаго навернулись слезы. Наполеонъ, замѣтивъ это, схватилъ за руку сидѣвшаго возлѣ него гофмаршала Дюрока и сказалъ: „Смотрите, смотрите, Дюрокъ, какъ Русскіе любятъ своихъ Государей“ *).

Вообще Наполеонъ умѣлъ очаровывать людей, если хотѣлъ. Князь Лобановъ-Ростовскій также поддался чарующему воздѣйствію На-

*) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. LXXXIX, Введеніе, стр. XXIII и слѣд.

séducteur et dans sa lettre à l'Empereur s'exprima en ces termes au sujet de ce dîner: „Napoléon était gai et très causant, il me répéta à plusieurs reprises qu'il a toujours été dévoué à Votre Majésté et qu'il la tenait en haute estime, que l'alliance était commandée par l'intérêt mutuel des deux puissances, qu'il n'avait jamais entretenu de vues envahissantes à l'égard de la Russie. Il dit en terminant, que la Vistule devait être la frontière véritable et naturelle de la Russie".

A Taurogen le prince Lobanow remit à Alexandre I l'acte de reconciliation qui fut pour l'Empereur un sujet de sincère satisfaction. C'est ici qu'il reçut l'ordre de retourner à Tilsit pour procéder de concert avec le prince Kourakine aux négociations d'un traité de paix. L'Empereur munit le prince Lobanow d'instructions autographes, dans lesquelles il lui recommandait d'activer ces pourparlers, afin qu'il fût possible de signer le traité de paix dans quelques jours.

„Soyez auprès de Napoléon", disait-il dans ces instructions, „l'interprète de ma reconaissance pour les communications que vous m'avez faites de sa part et assurez le de mon désir qu'une union étroite, établie entre nos deux nations efface pour toujours les calamités du passé. Dites lui que cette union entre la France et la Russie était de tout temps l'objet de mes voeux; et que selon mes convictions cette alliance est seule capable d'assurer le bonheur et la sécurité du monde. Un nouveau système doit remplacer celui qui a existé jusqu'à nos jours et j'aime à espérer que nous viendrons facilement à un accord avec l'empereur Napoléon, si nous parvenons à traiter sans intermédiaire. Une paix durable peut être conclue entre nous dans l'espace de quelques jours".

Le désir d'Alexandre I de mettre fin à l'effusion du sang répondait complétement aux intentions de Napoléon qui prit l'initiative dans cette circonstance et proposa, par l'organe de Duroc et de Berthier, de conclure non seulement la paix, mais une alliance avec la Russie. Le prince Lobanow-Rostowsky écrivit à son Souverain, à la date du 9 juin 1807, qu'il avait reçu personnellement de Berthier „de nouvelles assurances au sujet du désir sincère de Bonaparte non seulement de mettre une fin aux complications actuelles par une paix séparée, mais d'amener un rapprochement par une alliance. Il ajoutait en même temps que si les deux chefs

полеона и писалъ своему Государю послѣ описаннаго обѣда: „Наполеонъ былъ веселъ и говорливъ до безконечности, повторялъ мнѣ не одинъ разъ, что онъ всегда былъ „преданъ" и чтилъ Ваше Императорское Величество, что польза взаимная обѣихъ державъ всегда требовала союза, и что ему собственно никакихъ видовъ на Россію имѣть нельзя было. Онъ заключилъ тѣмъ, что истинная и натуральная граница россійская должна быть рѣка Висла".

Въ Таурогенѣ князь Лобановъ-Ростовскій вручилъ Александру I актъ примиренія, заключенію котораго Государь радовался самымъ искреннимъ образомъ. Тутъ же повелѣно было князю вернуться обратно въ Тильзитъ, вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ, для начатія переговоровъ о мирномъ трактатѣ. Въ собственноручно написанной инструкціи Государь поручилъ князю Лобанову-Ростовскому вести переговоры о мирѣ насколько возможно скорѣе, чтобъ черезъ нѣсколько дней мирный трактатъ былъ подписанъ.

„Вы засвидѣтельствуете императору Наполеону", было сказано въ этой инструкціи, „искреннюю мою благодарность за все, переданное вами по его порученію, и увѣреніе его въ моихъ пожеланіяхъ, чтобы тѣсный союзъ между обоими нашими народами загладилъ прошедшія бѣдствія. Скажите ему, что этотъ союзъ Франціи съ Россіею постоянно былъ предметомъ моихъ желаній, и что, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ союзъ можетъ обезпечить счастіе и спокойствіе земнаго шара. Система совершенно новая должна замѣнить ту, которая донынѣ существовала, и я льщу себя надеждою, что мы съ императоромъ Наполеономъ легко придемъ къ соглашенію, если мы только войдемъ въ переговоры безъ посредствующихъ лицъ. Прочный миръ можетъ быть заключенъ между нами въ нѣсколько дней".

Желаніе Александра I положить конецъ кровопролитію совершенно соотвѣтствовало истиннымъ намѣреніамъ Наполеона I, который взялъ на себя починъ и, черезъ Дюрока и Бертье, предлагалъ не только заключить миръ, но и союзъ съ Россіею. Князь Лобановъ-Ростовскій доносилъ своему Государю отъ 9-го іюня 1807 года, что онъ получилъ отъ Бертье лично „новыя увѣренія въ искренности желанія Бонапарта не только все привести къ концу особеннымъ миромъ, но и сблизиться союзомъ, присовокупя къ тому, что еслибъ главы обоихъ государствъ имѣли возможность объясниться, тогда бы въ самое короткое время и миръ по-

d'Etat avaient la possibilité de s'expliquer, la paix pourrait être signée dans le plus bref délai à l'avantage mutuel des deux gouvernements".

Mais en même temps le prince Lobanow-Rostowsky eut soin de prévenir Berthier, à sa première entrevue, que „malgré tout le désir de la Russie de mettre fin à l'effusion du sang, elle ne saurait accepter une paix qui fût humiliante pour sa dignité, ni tolérer une modification quelconque de ses frontières. Berthier s'empressa de répondre que cette seule supposition avait quelque chose de blessant pour lui, d'autant plus que la teneur du traité doit être connue à Sa Majesté l'Empereur par les transactions antérieures". (Rapport du prince Lobanow du 7 juin 1807).

Après l'échange des ratifications de l'armistice, le prince Lobanow fut en mesure de dire à Duroc que „les explications personnelles des Souverains pourraient considérablement contribuer à faciliter les négociations et à les mener à bonne fin". (Rapport du 12 juin 1807). Cette observation causa au général français, chargé de la négociation, une vive satisfaction, partagée entièrement par Napoléon lui-même.

Tous les obstacles à une entrevue entre l'Empereur Alexandre I et Napoléon furent écartés et le cérémonial de cette rencontre fut bientôt fixé d'un commun accord. C'est à cette même date du 12 (24) juin que Duroc se présenta à l'Empereur Alexandre I au village Pitkoupoenen pour lui proposer une entrevue avec l'empereur des Français. C'est le lendemain qu'eut lieu la fameuse entrevue entre les deux plus puissants monarques de l'époque sur un radeau au milieu du Niémen. Ces ennemis de la veille s'embrassèrent et entrèrent dans le pavillon où ils restèrent en tête-à-tête pendant plus de deux heures. Aucun témoin n'assista à cet entretien prolongé, dans le cours duquel furent probablement élucidées les bases de la paix future et de l'alliance entre la Russie et la France. Le lendemain, c'est-à-dire le 14 (26) juin, eut lieu la seconde entrevue entre les deux souverains sur le radeau du Niémen, et le même soir Alexandre I fit son entrée solennelle à Tilsit qui fut partagé en deux moitiés, l'une — russe et l'autre — française. C'est dans leurs entretiens personnels que les deux Empereurs décidaient toutes les questions litigieuses et trouvaient des „mezzo-termine" (mot dont Napoléon I usait volontiers) qui amenèrent aux transactions de Tilsit. En présence de ces faits, on comprend la pénurie incroyable des

слѣдовалъ по существеннымъ выгодамъ обѣихъ державъ".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при первой же встрѣчѣ съ Бертье, князь Лобановъ-Ростовскій предупредилъ его, что „при всемъ желаніи положить конецъ кровопролитію, Россія оскорбительнаго ея достоинству мира не приметъ, тѣмъ менѣе еще потерпитъ, чтобъ какая ни есть перемѣна коснуться могла до границъ ея. На что тотъ же Бертье отвѣтствовалъ, что онъ обижается и предположеніемъ таковымъ, тѣмъ паче что содержаніе трактата изъ прежнихъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно." (Донесеніе кн. Лобанова отъ 7-го іюня 1807 года).

Послѣ обмѣна ратификацій перемирія князь Лобановъ - Ростовскій могъ сказать Дюроку, что „взаимное объясненіе монарховъ много можетъ облегчить негоціацію и ускорить окончаніе ея". (Донесеніе отъ 12-го іюня 1807 г.). Такое замѣчаніе доставило французскому генералу-дипломату большое удовольствіе, которое вполнѣ съ нимъ раздѣлилъ самъ Наполеонъ.

Всѣ препятствія для свиданія Императора Александра I и Наполеона I были устранены и церемоніалъ ихъ встрѣчи былъ весьма скоро установленъ по взаимному соглашенію. Того же 12-го (24-го) іюня явился Дюрокъ къ Императору Александру I въ селеніе Питкупёненъ съ предложеніемъ свиданія съ императоромъ французовъ. На другой день на плоту, по срединѣ рѣки Нѣмана, состоялось знаменитое свиданіе двухъ могущественнѣйшихъ Государей тогдашняго времени. Недавніе враги облобызались и вошли въ павильонъ, въ которомъ оставались глазъ на глазъ, въ продолженіи почти двухъ часовъ. Никакихъ свидѣтелей не присутствовало при этой продолжительной бесѣдѣ, въ которой навѣрное были выяснены основанія будущаго мира и союза между Россіею и Франціею. На другой день, т. е. 14-го (26-го) іюня, было второе свиданіе обоихъ великихъ монарховъ на плоту на Нѣманѣ и въ тотъ же день, вечеромъ, Александръ I совершилъ свой торжественный въѣздъ въ городъ Тильзитъ, который былъ раздѣленъ на двѣ половины одна—русская, другая—французская. Въ постоянныхъ личныхъ бесѣдахъ между обоими Императорами разрѣшались всѣ спорные вопросы и находились тѣ „mezzo-termine" (любимое выраженіе Наполеона I), которыя привели къ Тильзитскимъ актамъ. Имѣя въ виду это обстоя-

archives en ce qui regarde les actes concernant les pourparlers de Tilsit. Il nous reste à ajouter très peu de documents à ceux que nous avons déjà signalés dans le cours de cette publication *).

Les confidences faites par les deux Empereurs à leurs intimes donnent la possibilité de réproduire en partie l'échange d'idées qui eut lieu aux entrevues et aux festivités à Tilsit.

„Je hais les Anglais autant que vous les haïssez", telles auraient été les paroles par lesquelles Alexandre I aurait commencé la conversation, „et je serai votre second dans tout ce que vous ferez contre eux."—„En ce cas tout peut s'arranger", répondit Napoléon, „et la paix est faite" **). Là-dessus l'empereur des Français éclata en un torrent d'accusations contre l'Angleterre, l'Autriche et la Prusse, s'appliquant à démontrer à Alexandre I qu'il avait tort de sauvegarder les intérêts de ces ennemis de la Russie. La France et la Russie une fois d'accord, elles pourront „maîtriser le monde."

„Nous arriverons bien plus vite à une entente", dit Napoléon au Tzar, „si nous entrons en pourparlers directs, en écartant les ministres, qui nous trompent souvent et ne nous comprennent pas toujours. A nous deux, nous ferons plus de besogne dans une heure que nos mandataires n'eussent fait dans plusieurs jours. Entre vous et moi, il ne doit y avoir personne. Je serai votre secrétaire, Sire, et vous serez le mien" ***).

Alexandre I énonça ses vues au sujet des conditions de la paix dans les instructions données au prince Kourakine et au prince Lobanow-Rostowsky et portant le titre: „Quelques idées qui pourraient trouver plan dans les instructions du négociateur russe qui sera chargé de traiter de la paix". Aux termes de cet écrit Alexandre I n'admettait pas la pensée d'une cession de territoire russe et d'ailleurs Napoléon ne s'y attendait pas de son côté. La seconde

*) Voir le présent „Recueil de traités", t. VI, pag. 420 et suiv.

**) Voir Bignon. Histoire de France, t. VI, pag. 316.—Lefèbre. Histoire des cabinets de l'Europe 1800—1815, t. IV, pag. 114.—Recueil de la Société Historique Imp. Russe, t. LXXXIX, Introduction, pag. XXX et suiv.

***) Hardenberg. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 490.

тельство, понятна будетъ изумительная скудость архивныхъ актовъ относительно Тильзитскихъ переговоровъ. Кромѣ уже прежде приведенныхъ документовъ, остается здѣсь прибавить сравнительно немного новыхъ *).

На основаніи откровенностей, сдѣланныхъ впослѣдствіи обоими Императорами близкимъ имъ людямъ, можно отчасти воспроизвести интимный обмѣнъ мыслей, происходившій между ними во время свиданій и празднествъ въ Тильзитѣ.

„Я ненавижу Англичанъ не менѣе васъ", были, будто бы, первыя слова Императора Александра I, „и готовъ васъ поддержать во всемъ, что вы предпримете противъ нихъ".—„Если такъ", отвѣтилъ Наполеонъ, „то все можетъ быть улажено и миръ упроченъ" **). Вслѣдъ затѣмъ императоръ Французовъ разразился потокомъ обвиненій противъ Англіи, Австріи и Пруссіи, стараясь доказать Александру I, что онъ напрасно оберегаетъ интересы этихъ враговъ Россіи. Если Франція и Россія въ союзѣ, то весь міръ долженъ имъ покориться".

„Мы скорѣе придемъ къ соглашенію", сказалъ Наполеонъ Царю, „если вступимъ въ непосредственные переговоры, отстранивъ министровъ, которые насъ нерѣдко обманываютъ, или же не понимаютъ. Мы вдвоемъ въ одинъ часъ болѣе подвинемъ дѣла, чѣмъ наши посредники въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Между вами и мною не должно быть никого. Я буду вашимъ секретаремъ, а вы моимъ" ***).

Императоръ Александръ I высказалъ свой взглядъ на условія мира въ инструкціи, данной имъ князю Куракину и князю Лобанову-Ростовскому, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя мысли, которыя могутъ найти мѣсто въ инструкціи для русскаго уполномоченнаго на переговоры о мирѣ". Въ силу этой инструкціи Александръ I не допускалъ мысли о какой-либо уступкѣ русской территоріи — чего и не ожидалъ Наполеонъ I. Но второе положеніе,

*) Срав. настоящее „Собр. тракт.", т. VI, стр. 420 и слѣд.

**) Срав. Bignon. Histoire de France, t. VI, стр. 316. — Lefèbre. Histoire des cabinets de l'Europe 1800 — 1815, t. IV, p. 114. — Сборникъ И. Р. И. Общества, т. LXXXIX, Введеніе, стр. XXX и слѣд.

***) Hardenberg. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 490.

proposition, concernant la restitution intégrale à la Prusse de ses possessions, se heurta à l'opposition insurmontable de l'empereur des Français. Le roi de Prusse dut céder presque la moitié de ses domaines et dans ce nombre se trouvait le territoire de Bielostok qui fut adjugé à la Russie *).

Napoléon exprima ses vues au sujet des questions à traiter dans une notice, dictée par lui et communiquée à l'Empereur Alexandre I à la date du 22 juin (4 juillet) **). Elle contenait entr'autre ce qui suit: „Une alliance est solide entre les grands Etats, lorsqu'elle est fondée sur les rapports politiques qui dérivent des relations de commerce et des relations géographiques. Les relations de commerce heureusement sont toutes à l'avantage de la Russie et de la France, de sorte que le traité existant depuis plus de vingt ans est encore celui que l'une et l'autre puissances désirent voir rétabli. Les relations géographiques dans la situation actuelle des choses sont tout aussi favorables, tellement que même en état de guerre, les deux puissances ne savent où se rencontrer pour se battre. Discussions de limites, petite guerre de douanes, discussions pour les eaux, discussions pour les subsistances et en mille et un petits sujets de querelles, qui refroidissent et précédent ordinairement les brouilleries ouvertes et sont le prélude des guerres que se font les nations, nous sont totalement étrangères, de sorte que pour chercher des raisons d'animosité et de refroidissement entre nous, il faut avoir recours aux choses les plus imaginaires".

„Au milieu de la guerre, que la Russie et la France se sont faites, l'un et l'autre souverain également éclairé sur la situation et la vraie politique de leurs empires, ont désiré le rétablissement non seulement de la paix, mais même, comme d'un commun accord et par la force de la raison et de la vérité, ont voulu former des liens et passer dans un seul instant d'une guerre ouverte aux plus intimes relations".

L'amitié et cette confiance sans bornes qu'ont inspiré à l'empereur Napoléon les hautes qualités de l'Empereur Alexandre, ont fait sceller par

относительно возвращенія Пруссіи всѣхъ ея владѣній, встрѣтило непреодолимое сопротивленіе со стороны императора французовъ. Король прусскій долженъ былъ уступить почти половину своихъ владѣній, и въ числѣ этихъ уступокъ находилась также Бѣлостокская область, которая была присоединена къ Россіи *).

Наполеонъ I выразилъ свой взглядъ на вопросы, подлежащіе обсужденію, въ запискѣ, продиктованной имъ и препровожденной 22-го іюня (4-го іюля) къ Императору Александру I**). Въ этой запискѣ было, между прочимъ, сказано: „Союзъ между государствами проченъ, если онъ основанъ на политическихъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ торговыхъ связей и географическаго положенія. Къ счастію, торговыя сношенія всецѣло соотвѣтствуютъ выгодамъ Россіи и Франціи, и возобновленіе трактата, существовавшаго болѣе двадцати лѣтъ, все еще является желательнымъ для возобновленія какъ для той, такъ и для другой державы. Географическія отношенія, при настоящемъ положеніи вещей, тоже вполнѣ благопріятны, такъ что даже въ случаѣ войны обѣ державы не знали бы, гдѣ встрѣтиться, чтобы сразиться. Споры о границахъ, малая таможенная война, препирательства о водахъ, споры по предметамъ продовольствія, и безчисленное множество другихъ ничтожныхъ поводовъ къ столкновеніямъ, охлаждающихъ и обыкновенно предшествующихъ открытому раздору и являющихся предвѣстниками войны между народами, намъ совершенно чужды; поэтому намъ пришлось бы прибѣгать къ вполнѣ отвлеченнымъ и воображаемымъ предметамъ, чтобы искать причинъ для вражды и охлажденія между нами".

„Въ разгаръ войны между Россіей и Франціей оба Государя, одинаково слѣдившіе за положеніемъ и истинною политикою своихъ имперій, пожелали не только возстановить миръ, но, какъ бы съ общаго согласія и въ силу разума и истины, пожелали заключить союзъ и сразу перейти отъ открытой войны къ самымъ дружескимъ сношеніямъ".

„Дружба и безграничное довѣріе, которыя внушили императору Наполеону высокія качества Императора Александра, скрѣпили серд-

*) Voir le présent Recueil, t. VI, pag. 421 et suiv.

**) Recueil de la Société Historique Imp. Russe, t. LXXXVIII, pag. 62 et suiv.

*) См. настоящее изданіе, т. VI, стр. 421 и сл.

**) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. LXXXVIII, стр. 62 и слѣд.

le cœur ce qu'avait déjà établi et approuvé la raison. Dans cette situation de choses, gardons-nous de rien faire qui change les rapports généraux de commerce et de géographie que la nature a établis entre les deux Etats".

„Appeler le prince Jérome au trône de Saxe et de Varsovie, c'est presque dans un seul instant bouleverser tous nos rapports. Il n'y aura pas une querelle de douane sur le Niémen, une altercation de commerce, une discussion de police qui n'aille sur le champ et directement au cœur de l'empereur Napoléon et par cette seule faute politique nous aurons déchiré le traité d'alliance et d'amitié et préparé des sujets plus réels de mésintelligence que ceux qui ont existé jusqu'ici. En réflechissant donc sur cette question, l'empereur Napoléon, est plutôt prêt à déclarer dans un article secret que ce mariage, que l'on a cru être dans sa pensée, n'est point dans sa politique et que quand il y eût été, il y aurait renoncé du moment que la conséquence immédiate serait de placer le trône de Varsovie presque entre ses mains. La politique de l'empereur Napoléon est que son influence immédiate ne dépasse point l'Elbe; et cette politique, il l'a adoptée parceque c'est la seule qui puisse se concilier avec le système d'amitié sincère et constante qu'il veut contracter avec le grand empire du Nord".

„Ainsi", poursuit Napoléon, „les pays, situés entre le Niémen et l'Elbe seront la barrière qui séparera les grands empires et amortira les coups d'épingle qui entre les nations, comme il l'a été exposé ci-dessus, précédent les coups de canon".

„La protection de l'Empereur Alexandre fera rentrer le roi de Prusse dans la possession de tous les pays qui bordent les deux Haffs, qui vont depuis les sources de l'Oder jusqu'à la mer. Une grande quantité de places-fortes, par le seul désir de lui plaire, seront remises entières au roi de Prusse".

„Mais l'Empereur Alexandre est trop juste pour vouloir exiger que le pays d'Heidelsheim, qui coupe en deux les Etats qu'on est convenu d'adjuger au roi de Westphalie, soient restitués à la Prusse qui ne les possède que depuis très peu de temps. Il reste donc trois à quatre cents mille âmes sur la rive gauche de l'Elbe qui, s'ils étaient restitués à ce prince, le mêle-

цемъ связь, уже установленную и одобренную разсудкомъ. При такомъ положеніи вещей будемъ остерегаться сдѣлать что-либо, могущее измѣнить общія торговыя и географическія отношенія, установленныя самою природою между обоими государствами".

„Возвести принца Іеронима на престолъ саксонскій и варшавскій значило бы мгновенно перепутать всѣ наши отношенія. Не будетъ ни одного таможеннаго спора на Нѣманѣ, ни одной торговой ссоры, ни одного полицейскаго недоразумѣнія, которое тотчасъ же и прямо не встревожило бы императора Наполеона. Одной этой политической ошибкой мы расторгнемъ нашъ договоръ союза и дружбы и подготовимъ поводы къ несогласіямъ, болѣе существенные, чѣмъ тѣ, которые существовали понынѣ. Обсудивъ этотъ вопросъ, императоръ Наполеонъ скорѣе склоненъ объявить въ секретной статьѣ, что этотъ бракъ, о которомъ, какъ полагали, онъ помышлялъ, не входитъ въ его политическіе виды, и если бы даже и было такъ, то онъ немедленно отказался бы отъ него, какъ только его прямымъ послѣдствіемъ было бы перемѣщеніе варшавскаго престола почти непосредственно въ его руки. Политика императора Наполеона состоитъ въ томъ, чтобы не распространять своего прямого вліянія за Эльбу; онъ принялъ эту политику, потому что она одна можетъ согласоваться съ системою искренней и постоянной дружбы, которую онъ намѣренъ заключить съ великою сѣверною имперіею".

„Такимъ образомъ", продолжаетъ Наполеонъ I, „земли, расположенныя между Нѣманомъ и Эльбою, послужатъ преградою, отдѣляющею обѣ великія державы, и ослабятъ булавочные уколы, предшествующіе, какъ выше было изложено, пушечнымъ выстрѣламъ между народами".

„Вслѣдствіе покровительства Императора Александра, прусскій король вступитъ вновь во владѣніе землями, находящимися вдоль обоихъ Гафовъ, идущихъ отъ источниковъ Одера до моря. Изъ одного желанія угодить ему, большое число крѣпостей будетъ всецѣло возвращено королю".

„Но Императоръ Александръ слишкомъ справедливъ, чтобъ потребовать возвращенія Пруссіи земли Гейдельсгейма, пересѣкающей страну, которую согласились присудить Вестфальскому королю. Этою землею Пруссія владѣетъ весьма недавно. Остается, такимъ образомъ, населеніе въ 300 — 400 тысячъ душъ на лѣвомъ берегу Эльбы, которое, будучи возвра-

raient avec les princes de la confédération du Rhin et produiraient des discussions et des désordres".

„Dans un époque aussi grande, ce qu'il importe surtout, c'est de bien fixer les rapports et les limites. Il faut se rappeler tout ce que produisent de maux les Etats entremêlés, témoin le passage sur le territoire d'Anspach. L'empereur Napoléon, pour donner une nouvelle preuve de son désir d'être agréable à l'Empereur Alexandre, consent à donner l'équivalent de ces trois cent mille âmes au roi de Prusse, en les prenant sur les Etats de la Pologne qui séparent Kœnigsberg de Berlin".

„Alors il en résulterait les articles suivants:

1) Le territoire de la Prusse irait jusqu'à l'Elbe.

2) On restituerait de la Pologne la province dite „Pomerellen", sur la rive gauche de la Vistule . . .

3) La navigation de la Vistule serait libre...

4) La Saxe céderait sur la rive droite de l'Elbe un territoire, équivalent à Memel".

Tout le programme politique de Napoléon se trouvait exposé dans cette remarquable notice, en tant qu'il concernait l'Europe centrale. Aussi s'en est-il invariablement inspiré dans tous les pourparlers à Tilsit. L'Empereur Alexandre I trouvait trop cruelles les exigences de Napoléon à l'égard de la Prusse, mais il ne réussit à les mitiger que partiellement.

En dehors du sort de la Prusse, l'échange d'idées entre les deux Empereurs portait sur les questions de *Pologne* et d'*Orient*. En ce qui regarde la Pologne, la notice ci-dessus mentionnée confirme la ferme résolution de Napoléon de ne pas en faire une pomme de discorde entre les deux empires. Il admirait le courage et l'intrépidité des Polonais, mais il ne cachait pas son mépris pour leur esprit de troubles et de sédition. Aussi le duché de Varsovie, constitué par lui, devait-il d'une part donner une certaine satisfaction aux Polonais et de l'autre, n'inspirer aucune crainte à l'Empereur Alexandre I. On avait même lieu de penser que celui-ci accueillit avec sympathie la création de ce duché.

Les entretiens de Nepoléon I avec Alexandre I sur la question *d'Orient* avaient une bien plus haute portée. L'imagination méridionale de l'empereur des Français y trouvait bien plus d'espace pour développer ses combinaisons poli-

щено этому государю, смѣшивало бы его съ государями Рейнской конфедераціи, — что производило бы распри и безпорядки".

„Въ такую великую эпоху важнѣе всего точно опредѣлить отношенія и границы. Слѣдуетъ припомнить всѣ бѣдствія, происходившія отъ чрезполосности государствъ, доказательствомъ чему служитъ Анспахская территорія. Въ новое доказательство желанія угодить Императору Александру, императоръ Наполеонъ согласенъ дать прусскому королю, въ замѣнъ этихъ 300.000 душъ, часть Польши, отдѣляющую Кенигсбергъ отъ Берлина".

„Отсюда вытекли бы слѣдующія статьи:

1) Территорія Пруссіи достигла бы до Эльбы.

2) Польшѣ возвратили бы провинцію, называемую „Помераніею", лѣвый берегъ Вислы.

3) Судоходство на Вислѣ было бы свободно.

4) Саксонія уступила бы на правомъ берегу Эльбы область, равнозначущуюся Мемелю".

Въ этой замѣчательной запискѣ изложена вся политическая программа Наполеона I, насколько она касалась центральной Европы. Онъ держался ея съ большою послѣдовательностью во всѣхъ переговорахъ въ Тильзитѣ. Императоръ Александръ I находилъ требованія Наполеона I относительно прусскаго короля слишкомъ жестокими, но ему удалось ихъ смягчить только отчасти.

Кромѣ вопроса о судьбѣ Пруссіи, предмета постояннаго обмѣна мыслей между обоими Императорами, были еще вопросы *Польскій* и *Восточный*. Что касается перваго, то вышеприведенная записка Наполеона I вполнѣ подтверждаетъ твердую рѣшимость его не дѣлать изъ Польскаго вопроса яблока раздора между обѣими имперіями. Онъ любилъ храбрость и отвагу Поляковъ, но презрительно относился къ ихъ духу вольностей и смутъ. Поэтому учрежденное имъ Варшавское герцогство должно было, съ одной стороны, дать Полякамъ нѣкоторое удовлетвореніе и, съ другой, не вызывать въ Императорѣ Александрѣ I ни малѣйшихъ опасеній. Можно даже думать, что послѣдній искренно сочувствовалъ учрежденію этого герцогства.

Несравненно многозначительнѣе были бесѣды Наполеона I съ Александромъ I относительно *Восточнаго* вопроса. Южная фантазія императора Французовъ находила въ этомъ вопросѣ гораздо больше простора для самыхъ смѣ-

tiques. Il ne cessait de répéter que les jours de l'empire Ottoman étaient comptés, qu'on devait s'attendre à sa dissolution dans un avenir très prochain et que la France et la Russie devaient s'accorder pour s'opposer aux vues envahissantes de l'Angleterre.

La première question qui fut posée à cette occasion, fut celle de Constantinople. Napoléon y répondit dans un sens qui ne dut pas causer de satisfaction à Alexandre I. Jettant un coup d'œil sur la carte de Turquie, déroulée sur la table, Napoléon posa son doigt sur l'endroit où se trouvait marquée la capitale de cet empire, et dit avec emphase: „Non, Constantinople jamais, car c'est l'empire du monde!“

Toutefois, sans admettre l'occupation de Constantinople par les armées russes, Napoléon était disposé à traiter avec la Russie du partage de la Porte et proposa en premier lieu au gouvernement russe sa médiation pour régler les conflits encore pendants. Mais il est curieux que tous ces projets grandioses, ébauchés par Napoléon dans ses entretiens avec le Tsar, ne furent pas formulés dans le traité d'alliance offensive et défensive, signé à Tilsit. Ces projets restèrent de vains mots, tandis que l'Empereur Alexandre y attribua l'importance d'engagements formels. Ce fut la source de tous les graves malentendus qui surgirent dans la suite entre les deux souverains.

Aux termes précis du traité de Tilsit les deux alliés devaient unir leurs forces de terre et de mer contre les ennemis communs. Si l'Angleterre déclinait la médiation de la Russie, celle-ci s'engageait à agir de concert avec la France contre cette puissance. Enfin la Russie devait, en commun avec les Etats Scandinaves, accéder au système continental. Le cas échéant, il fallait les contraindre à se soumettre à cette exigence.

En ce qui regarde la Suède en particulier, Napoléon se plaisait à provoquer les suspicions de l'Empereur de Russie, en assurant que la Suède est „l'ennemi géographique“ de la Russie et se trouve trop près de St.-Pétersbourg. La frontière de la Finlande doit être reculée. „Il ne faut plus“, disait Napoléon, „que les belles Russes de Saint-Pétersbourg entendent de leurs palais le canon des Suédois.“

Les traités de Tilsit furent signés le 25 juin (7 juillet) et ratifiés deux jours après.

лыхъ комбинацій. Онъ постоянно повторялъ, что дни Оттоманской имперіи сочтены, что раздѣлъ этого государства предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ и что Россія и Франція должны быть согласны между собою для противодѣйствія хищническимъ планамъ Англіи.

Но тогда возникъ первый вопросъ: кому достанется Константинополь?—Россіи?—На этотъ вопросъ Наполеонъ отвѣтилъ въ такомъ смыслѣ, который едва ли могъ удовлетворить Александра I. Поставивъ свой палецъ на то мѣсто лежавшей предъ нимъ карты Турціи, гдѣ находится Константинополь, Наполеонъ I съ паеосомъ воскликнулъ: „Константинополь—нѣтъ, никогда! Это значитъ господство надъ вселенною!“.

Однако, не желая занятія Константинополя русскими войсками, Наполеонъ всетаки готовъ былъ заняться раздѣленіемъ Турціи, вмѣстѣ съ Россіей, которой онъ предложилъ, прежде всего, свое посредничество для улаженія существовавшихъ между ними распрей. Но любопытно, что грандіозные планы, которые Наполеонъ развивалъ на словахъ, въ бесѣдахъ съ русскимъ Царемъ, совершенно не были формулированы въ подписанномъ въ Тильзитѣ трактатѣ оборонительнаго и наступательнаго союза. Эти планы остались—словами. Между тѣмъ Императоръ Александръ I придавалъ этимъ словамъ значеніе формальныхъ обязательствъ. Отсюда возникли впослѣдствіи всѣ главныя недоразумѣнія между обоими государями.

Въ силу буквальнаго смысла Тильзитскаго союзнаго трактата, оба союзника обязались соединять свои сухопутныя и морскія силы противъ общихъ враговъ. Если Англія не приметъ русскаго посредничества, то Россія обязуется дѣйствовать заодно съ Франціей противъ этой державы. Наконецъ, Россія должна была, вмѣстѣ съ Скандинавскими государствами, приступить къ континентальной системѣ. Въ случаѣ надобности, нужно принудить ихъ исполнить это требованіе.

Въ частности, въ отношеніи Швеціи, Наполеонъ I возбуждалъ подозрительность русскаго Государя, доказывая ему, что Швеція есть „географическій непріятель“ Россіи и находится слишкомъ близко къ С.-Петербургу. Финляндская граница должна быть отодвинута и „русскія красавицы въ Петербургѣ“, заключилъ Наполеонъ, „не должны болѣе слышать изъ дворцовъ своихъ грома шведскихъ пушекъ“.

Тильзитскіе трактаты были подписаны 25-го іюня (7-го іюля) и черезъ два дня послѣдовала ихъ ратификація.

Le manifeste promulguant cette paix disait entr'autres: „Par la présente paix ont été non seulement garanties et rendues inviolables les anciennes limites de la Russie, mais encore placées dans de meilleures conditions par l'adjonction d'un territoire constituant une frontière avantageuse et naturelle."

„On a restitué à notre allié bien des régions et des territoires arrachés par le sort de la guerre et conquis par les armes."

Il semblait que l'Empereur Alexandre était non seulement enchanté de la cessation de la guerre, mais subjugué par le charme personnel de Napoléon I. Tous les historiens s'accordent à affirmer que l'Empereur de Russie, faible de caractère et accessible à des entraînements, subit à Tilsit l'influence absolue de l'empereur des Français et que cette influence laissa une empreinte sur toute la politique russe après ces mémorables entretiens.

A l'heure actuelle, on a lieu de douter de l'exactitude de cette manière de voir, généralement acceptée.

On sait que l'Impératrice Marie Féodorovna, mère du Souverain, était terrifiée à la seule pensée que son Auguste fils pouvait entrer en relations d'amitié avec „Bonaparté" (c'est ainsi qu'elle orthographiait son nom). Elle se refusait de comprendre l'utilité d'une alliance et d'un rapprochement avec l'empereur des Français que le Saint-Synode avait proclamé comme Antéchrist.

L'Empereur Alexandre I crut devoir rassurer son Auguste mère et lui écrivit de Tilsit une lettre, contenant entr'autres ces paroles significatives:

„Heureusement, que Bonaparte, avec tout son génie, a un côté vulnérable: c'est la vanité et je me suis décidé de faire le sacrifice de mon amour-propre pour le salut de l'Empire."

S'inspirant de ces vues, Alexandre I se rendit en 1808 à l'entrevue d'Erfurt, en dépit des avertissements de l'Impératrice-mère, car les intérêts de la Russie le réclamaient et non les sentiments d'amitié personnelle ou d'aveugle entraînement.

En 1808 Alexandre I adressa à sa mère une longue lettre en français pour justifier sa ligne de conduite.

„Après la malheureuse lutte", écrit l'Empereur, „que nous avons soutenue contre la France, elle est restée la plus forte entre les trois puissances du continent encore existants, et telle par sa position, par ses moyens, à pouvoir triompher non seulement de chacune d'elles

Въ манифестѣ о Тильзитскомъ мирѣ было, между прочимъ, сказано: „Постановленіемъ настоящаго мира не токмо прежніе предѣлы Россіи во всей ихъ неприкосновенности обезпечены, но и приведены въ лучшее положеніе присоединеніемъ къ нимъ выгодной и естественной границы".

„Союзнику нашему возвращены многія страны и области, жребіемъ войны отторгнутыя и оружіемъ покоренныя".

Казалось, что Императоръ Александръ I не только былъ въ восторгѣ отъ окончанія кровопролитной войны, но совершенно былъ порабощенъ обаятельною личностью Наполеона I. Всѣ историки согласно утверждають, что въ Тильзитѣ увлекающійся и слабохарактерный русскій Императоръ совершенно подпалъ вліянію императора Французовъ, которое наложило печать на всю русскую политику послѣ Тильзитскихъ бесѣдъ.

Въ настоящее время нельзя не усомниться въ основательности этого господствующаго мнѣнія.

Извѣстно, что мать Императора, Императрица Марія Θеодоровна, приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что ея Августѣйшій сынъ можетъ вступить въ дружескія отношенія къ „Bonaparté" (ея правописаніе). Она не въ состояніи была понять пользы союза и дружбы съ императоромъ Французовъ, котораго Св. Синодъ объявилъ—антихристомъ!

Императоръ Александръ I считалъ своимъ долгомъ успокоить свою Августѣйшую мать и написалъ ей изъ Тильзита письмо, въ которомъ находятся слѣдующія любопытныя слова:

„Къ счастью", писалъ Александръ I, „Бонапартъ при всемъ геніи имѣетъ слабую сторону: тщеславіе; и я рѣшился принести въ жертву личное самолюбіе, чтобы спасти имперію".

Съ этой точки зрѣнія Александръ I, несмотря на отсовѣтыванія Императрицы Маріи Θеодоровны, поѣхалъ въ 1808 году на Эрфуртское свиданіе, ибо этого требовали интересы Россіи, а не чувства личной дружбы или слѣпого увлеченія.

Тогда, въ 1808 году, Александръ I написалъ своей матери длинное французское письмо въ оправданіе своей политики.

„Послѣ несчастной борьбы", писалъ Государь, „которую мы вели противъ Франціи, послѣдняя осталась наиболѣе сильною изъ трехъ еще существующихъ континентальныхъ державъ, и по своему положенію, по своимъ средствамъ, она можетъ одержать верхъ не только

séparément, mais même de toutes les deux réunies ensemble."

„N'était-il pas de l'intérêt de la Russie d'être bien avec ce colosse redoutable, avec ce seul ennemi vraiment dangereux que la Russie peut avoir?"

„Pour qu'il soit permis d'espérer raisonnablement que la France ne cherchera pas à nuire à la Russie, il faut qu'elle y trouve son intérêt; lui seul est le guide ordinaire dans la conduite politique des Etats."

„Il faut que la France puisse croire que son intérêt politique peut s'allier avec celui de la Russie; dès qu'elle n'aura plus cette croyance, elle ne verra plus dans la Russie qu'un ennemi qu'il sera de son intérêt de tâcher de détruire. Il est à présumer par contre que la France préférera toujours l'amitié de la Russie, dès qu'elle pourra être compatible avec son intérêt politique, à un état de guerre ou d'inimitié avec elle, car malgré sa supériorité de forces, elle a éprouvé déjà, combien une lutte pareille lui était onéreuse."

„Si quelque espoir de paix sur le continent était probable, n'était-ce pas par l'union entre la Russie et la France qu'on pourrait se flatter d'y atteindre?"...

Ainsi, en contractant une alliance avec la France, Alexandre I ne s'inspirait que des intérêts de la Russie. On serait complétement dans l'erreur, en supposant que Napoléon réussit par sa finesse et sa courtoisie à paralyser sa volonté. Si plus tard, dans ses entretiens avec Savary et Caulincourt il énonçait ses sentiments d'admiration pour le génie de Napoléon, ce n'étaient pour une grande part que des compliments et des flatteries qui s'expliquaient par certains traits de son caractère.

Nous pouvons signaler en terminant le fait suivant très caractéristique.

Au moment de quitter la Russie pour se rendre à l'entrevue d'Erfurt, l'Empereur écrivit à sa sœur Catherine Pavlovna une lettre (en français), dans laquelle nous trouvons ces paroles remarquables:

„Bonaparté prétend que je ne suis qu'un sot. *Rira bien qui rira le dernier*, et moi je mets tout mon espoir en Dieu!"

надъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, но даже надъ обѣими, взятыми вмѣстѣ".

„Не является ли въ интересахъ Россіи быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ этимъ страшнымъ колоссомъ, съ этимъ врагомъ, воистинѣ опаснымъ, котораго Россія можетъ встрѣтить на своемъ пути?"

„Для того, чтобы было позволено надѣяться съ достаточнымъ основаніемъ, что Франція болѣе не будетъ пытаться вредить Россіи, нужно, чтобы она была заинтересована въ этомъ; одна лишь польза является обычнымъ руководящимъ началомъ въ политической дѣятельности государствъ".

„Нужно, чтобъ Франція могла думать, что ея политическіе интересы могутъ сочетаться съ политическими интересами Россіи; съ того момента, какъ у нея не будетъ этого убѣжденія, она будетъ видѣть въ Россіи лишь врага, пытаться уничтожить котораго будетъ входить въ ея интересы. Напротивъ того, слѣдуетъ ожидать, что Франція постоянно предпочтетъ дружбу Россіи,—какъ только она будетъ являться совмѣстимой съ ея политическими интересами—войнѣ или враждебнымъ отношеніямъ съ нею, потому что, несмотря на превосходство своихъ силъ, она уже испытала, насколько подобная борьба была тягостна для нея".

„Если какая-нибудь надежда на миръ на континентѣ вѣроятна, то развѣ не путемъ единенія между Россіей и Франціей можно надѣяться осуществить ее?.."

Такимъ образомъ, только интересами Россіи руководился Императоръ Александръ I, вступивъ въ союзъ съ Наполеономъ. О порабощеніи его воли хитростью и любезностью императора Французовъ не можетъ быть рѣчи. Высказанныя имъ впослѣдствіи, въ бесѣдахъ съ Савари или Коленкуромъ, чувства удивленія къ генію Наполеона I были въ значительной степени—любезностями и комплиментами, свойственными характеру Государя.

Въ заключеніе, можно привести еще слѣдующій характерный фактъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Россіи на свиданіе съ императоромъ Наполеономъ I въ Эрфуртъ, Государь написалъ своей сестрѣ, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, письмо (на французскомъ языкѣ), въ которомъ встрѣчаются слѣдующія знаменательныя слова:

„Bonaparté думаетъ, что я больше ничего, какъ дуракъ. *Смѣется хорошо тотъ кто смѣется послѣднимъ.* Я же полагаюсь вполнѣ на Бога!"

№ 492.

S. M. l'Empereur des Français etc., et S. M. l'Empereur de Russie voulant mettre un terme à la guerre qui divise les deux nations, et conclure en attendant un armistice, ont nommés et munis de leurs pleinspouvoirs, savoir:

d'une part, le Prince de Neufchâtel, Maréchal de l'Empire, Major général de la grande armée,

Et de l'autre le Lieutenant général Prince Lobanoff de Rostow, chevalier des ordres de St. Anne, grand croix etc.

Lesquels sont convenus des dispositions suivantes:

Article I.

Il y aura armistice entre l'armée française et l'armée russe, afin de pouvoir, dans cet intervale, négocier, conclure et signer une paix qui mette fin à une éffusion de sang si contraire à l'humanité.

Article II.

L'une des deux Parties contractantes qui voudra rompre l'armistice, à ce que Dieu ne veuille, sera tenue de prévenir au quartier général de l'autre armée, et ce ne sera qu'après un mois de la date des notifications que les hostilités pourront recommencer.

Article III.

L'armée française et l'armée prussienne concluеront un armistice séparé et, à cet effet, des officiers seront nommés de part et d'autre. Pendant les quatre ou cinq jours nécessaires à la

№ 492.

Е. В. Императоръ французовъ и пр. и пр. и Е. В. Императоръ Всероссійскій, желая положить конецъ войнѣ, раздѣляющей два народа, и заключить до того времени перемиріе, назначили и снабдили своими полномочіями,

съ одной стороны, князя Невшательскаго, маршала Имперіи, генералъ-майора великой арміи,

и съ другой, генералъ-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго, кавалера орденовъ св. Анны первой степени и пр.

которые согласились о нижеслѣдующихъ постановленіяхъ.

Статья I.

Между арміею французскою и арміею россійскою будетъ перемиріе, дабы въ продолженіи онаго имѣть возможность вести переговоры, заключить и подписать миръ, который положилъ бы конецъ кровопролитію, столь противному человѣколюбію.

Статья II.

Та изъ договаривающихся сторонъ, которая пожелала бы, отъ чего Боже сохрани, нарушить перемиріе, обязывается предупредить главную квартиру другой арміи, и военныя дѣйствія могутъ возобновиться не ранѣе, какъ спустя мѣсяцъ послѣ сихъ извѣщеній.

Статья III.

Армія французская и армія прусская заключатъ отдѣльное перемиріе и для сего будутъ назначены съ той и другой стороны офицеры. Въ теченіе четырехъ или пяти дней, необходимыхъ

conclusion du dit armistice, l'armée française ne commettra aucune hostilité contre l'armée prussienne.

для заключенія сказаннаго перемирія, французская армія не учинитъ никакого враждебнаго дѣйствія противъ прусской арміи.

Article IV.

Les limites de l'armée française et de l'armée russe pendant le temps de l'armistice seront depuis le Currisch-Haff, le talvég du Niémen et en remontant la rive gauche de ce fleuve jusqu'à l'embouchure de l'Orasna à Schaine, et montant cette rivière jusqu'à l'embouchure du Bobra, suivant ce ruisseau par Bogari, Lipsk, Stabin, Dolistowo, Goniondz et Wizna jusqu'à l'embouchure du Bobra dans la Narew et de là remontant la rive gauche de la Narew par Tykoczyn, Surasz, Narew jusqu'à la frontière de la Prusse et de la Russie. La limite dans le Frisch-Nehrung sera à Nidden.

Статья IV.

Границами между арміею французскою и арміею россійскою въ продолженіи перемирія будутъ служить, начиная отъ Курришъ-Гаффа, тальвегъ Нѣмана и въ верхъ по теченію лѣвый берегъ этой рѣки, до впаденія Орасны въ Шену, и затѣмъ граница пойдетъ подымаясь по этой рѣкѣ до впаденія ея въ Боберъ, слѣдуя по этому ручью чрезъ Богари, Липскъ, Стабинъ, Долистово, Гоніондзъ и Визну до впаденія Бобра въ Наревъ, и отсюда подымаясь по лѣвому берегу Нарева, чрезъТикочинъ, Суражъ, Наревъ до границы Пруссіи и Россіи. Граница въ Фришъ-Нерунгѣ будетъ въ Ниддень.

Article V.

S. M. l'Empereur des Français et S. M. l'Empereur de Russie nommeront dans le plus court délai des plénipotentiaires munis des pouvoirs nécessaires pour négocier, conclure et signer la paix définitive entre ces deux grandes et puissantes Nations.

Статья V.

Е. В. Императоръ Французовъ и Е. В. Россійскій Императоръ назначатъ въ самомъ непродолжительномъ времени уполномоченныхъ, снабженныхъ необходимыми полномочіями для переговоровъ, заключенія и подписанія окончательнаго мира между своими обоими великими и могущественными народами.

Article VI.

Des commissaires seront nommés de part et d'autre à l'effet de procéder sur le champ à l'échange grade par grade et homme par homme des prisonniers de guerre.

Статья VI.

Съ той и другой стороны будутъ назначены комиссары для немедленнаго производства размѣна военноплѣнныхъ, рангъ за рангъ и человѣка за человѣка.

Article VII.

L'échange des ratifications du présent armistice sera fait au quartier général de l'armée russe dans quarante huit heures et plus tôt si faire se peut.

Fait à Tilsitt, le 21 juin 1807.

Le Prince de Neufchâtel
M-al Alex. Berthier.

Le Prince Lobanoff de Rostow.

Approuvé. En notre camp impérial de Tilsitt, le 22 juin 1807.

Napoléon.

Par l'Empereur
Le Ministre Secrétaire d'Etat
Hugues Maret.

Статья VII.

Обмѣнъ ратификацій настоящаго перемирія послѣдуетъ въ главной квартирѣ россійской арміи въ сорокъ восемь часовъ или и скорѣе, если будетъ возможно.

Въ Тильзитѣ, 21-го іюня 1807 года.

(М. П.) Князь Невшательскій, маршалъ
Ал. Бертье.

(М. П.) Князь Лобановъ - Ростовскій.

№ 493.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin, étant animés d'un égal désir de mettre fin aux calamités de la guerre, ont à cet effet nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russie: Mr. le Prince Alexandre Kourakin, Son Conseiller privé actuel, Membre du Conseil d'Etat, Senateur, Chancelier de tous les ordres de l'Empire, chambellan actuel, Ambassadeur extraordinaire et Ministre plénipotentiaire de S. M. l'Empereur de toutes les Russies près S. M. l'Empereur d'Autriche, et chevalier des ordres de Russie de St. André, etc.

Et Mr. le Prince Dimitry Lobanoff de Rostow, Lieutenant-général des armées de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier des ordres de Ste. Anne de la première classe, etc.

№ 493.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французскій, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза, одушевляемые равномѣрнымъ желаніемъ положить конецъ бѣдствіямъ войны, назначили для сего предмета полномочными своими:

Е. В. Императоръ Всероссійскій князя Александра Куракина, своего Дѣйств. Тайнаго Совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, сенатора, Канцлера всѣхъ Россійскихъ Императорскихъ орденовъ, Дѣйств. камергера, чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Е. В. Императорѣ Австрійскомъ и орденовъ Россійскихъ: Св. Апостола Андрея первозваннаго, и пр. кавалера;

и князя Дмитрія Лобанова-Ростовскаго, генералъ-лейтенанта, и орденовъ: Св. Анны I класса, и пр. кавалера;

Et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, protecteur de la Confédération du Rhin.

Mr. Charles Maurice Talleyrand, Prince de Bénévent, Son Grand-Chambellan et Ministre des relations extérieures, grand-cordon de la Légion d'honneur, etc.

Lesquels après avoir échangé leurs pleinpouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivants:

Article I.

Il y aura à compter du jour de l'échange des ratifications du présent Traité, paix et amitié parfaite entre S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie.

Article II.

Toutes les hostilités cesseront immédiatement de part et d'autre, sur terre et sur mer, dans tous les points où la nouvelle de la signature du présent Traité sera officiellement parvenue.

Les hautes Parties contractantes la feront porter sans délai par des couriers extraordinaires à leurs généraux et commandants respectifs.

Article III.

Tous les bâtiments de guerre ou autres appartenants à l'une des parties contractantes ou à leurs sujets respectifs qui auraient été pris postérieurement à la signature du présent Traité, seront restitués, ou en cas de vente, le prix en sera restitué.

а Е. В. Императоръ Французскій, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза

Карла Маврикія Талейрана, князя Беневентскаго, своего Оберъ-Камергера, Министра Иностранныхъ дѣлъ и орденовъ: Почетнаго Легіона большого креста, и пр. кавалера;

которые, по размѣнѣ взаимныхъ полномочій, постановили слѣдующія статьи:

Статья I.

Со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата, будетъ между Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и Е. В. Императоромъ Французскимъ, Королемъ Италійскимъ миръ и совершенная дружба.

Статья II.

Съ обѣихъ сторонъ немедленно прекратятся всѣ непріятельскія дѣйствія, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ получено будетъ официальное извѣстіе о подписаніи настоящаго трактата. Обѣ высокія договаривающіяся стороны неукоснительно отправятъ оное извѣстіе съ нарочными къ обоюднымъ своимъ генераламъ и командующимъ.

Статья III.

Всѣ суда военныя или иныя, принадлежащія одной изъ договаривающихся сторонъ или обоюднымъ ихъ подданнымъ, взятыя послѣ подписанія настоящаго мирнаго трактата, имѣютъ быть возвращены, или въ случаѣ продажи будетъ заплачено чего оныя стоили.

Article IV.

S. M. l'Empereur Napoléon, par égard pour S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et voulant donner une preuve du désir sincère qu'il a d'unir les deux nations, par les liens d'une confiance et d'une amitié inaltérables, consent à restituer à S. M. le Roi de Prusse, allié de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, tous les pays, villes, et territoires conquis, dénommés ci-après savoir:

La partie du Duché de Magdebourg située à la droite de l'Elbe.

La Marche de Prignitz, l'Ukermarck, la moyenne et la nouvelle Marche de Brandebourg, à l'exception du Kotbuser-Kreis ou Cercle de Cotbus dans la basse Lusace, lequel devra appartenir à S. M. le Roi de Saxe.

Le Duché de Poméranie.

La haute, la basse et la nouvelle Silésie avec le Comté de Glatz.

La partie du district de la Netze située au nord de la chaussée allant de Driessen à Schneidmühl et d'une ligne allant de Schneidmühl à la Vistule par Waldau, en suivant les limites du Cercle de Bromberg, la navigation par la rivière de Netze et le Canal de Bromberg, depuis Driessen jusqu'à la Vistule et réciproquement devant être libre et franche de tout péage, la Pomérélie, l'île de Nogat, les pays à la droite du Nogat et de la Vistule, à l'ouest de l'ancienne Prusse et au nord du Cercle de Culm, l'Ermeland, et enfin le Royaume de Prusse, tel qu'il était au 1 Janvier 1772, avec les places de Spandau, Stettin, Custrin, Glogau, Breslau,

Статья IV.

Е. В. Императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ Е. В. Императору Всероссійскому и во изъявленіе искренняго своего желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить Е. В. королю Прусскому, союзнику Е. В. Императора Всероссійскаго, всѣ тѣ завоеванныя страны, города и земли, кои ниже сего означены:

Часть герцогства Магдебургскаго, лежащую по правую сторону рѣки Эльбы.

Маркъ Пригницкій, Укермаркъ, средній и новый Маркъ Бранденбургскій, исключая Котбузеръ-Крейсъ, или округъ Котбускій, въ нижней Лаузаціи, который имѣетъ принадлежать Е. В. королю Саксонскому.

Герцогство Померанское.

Верхнюю, нижнюю и новую Силезію съ графствомъ Глатцкимъ.

Часть уѣзда Нетцкаго, лежащую къ сѣверу отъ большой дороги, идущей отъ Дризена къ Шнейдемилю и отъ черты, простирающейся отъ Шнейдемиля къ Вислѣ чрезъ Валдау, слѣдуя по границамъ округа Бромбергскаго; плаваніе по рѣкѣ Нетцъ и каналу Бромбергскому отъ Дризена до Вислы и обратно останется свободнымъ и неподверженнымъ никакой пошлинѣ; Померелію, островъ Ногатъ, земли, лежащія по правую сторону Ногата и Вислы, къ западу древней Пруссіи и къ сѣверу округа Кульмскаго, Ермерландъ и, наконецъ, королевство Прусское въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось 1 января 1772 года,

Schweidnitz, Neiss, Brieg, Kosel et Glatz, et généralement toutes les places, citadelles, châteaux et forts des pays ci-dessus dénommés dans l'état où les dites places, citadelles, châteaux et forts se trouvent maintenant, et en outre la ville et citadelle de Graudentz.

съ крѣпостями Спандау, Стетиномъ, Кистриномъ, Глогау, Бреславлемъ, Швейдницомъ, Нейсомъ, Бригомъ, Козеломъ и Глатцомъ и вообще всѣ крѣпости, цитадели, замки и укрѣпленія выше сего означенныхъ, въ томъ состояніи, въ каковомъ помянутыя крѣпости, цитадели, замки и укрѣпленія земель, теперь находятся и сверхъ того городъ и цитадель Грауденцъ.

Article V.

Les provinces qui au 1 Janvier 1772 faisaient partie de l'ancien Royaume de Pologne et qui ont passé depuis à diverses époques, sous la domination Prussienne, seront, à l'exception des pays qui sont nommés ou désignés au précédent Article et de ceux qui seront spécifiés en l'Article IX ci-après, possedées en toute propriété et souveraineté par S. M. le Roi de Saxe sous le titre de Duché de Varsovie, et régies par des constitutions qui, en assurant les libertés et les privilèges des peuples de ce Duché, se concilient avec la tranquillité des Etats voisins.

Статья V.

Провинціи, которыя 1-го января 1772 года составляли часть преждебывшаго королевства Польскаго и послѣ того перешли въ разныя времена во владѣніе Пруссіи, поступятъ, за исключеніемъ земель въ предыдущей статьѣ наименованныхъ или означенныхъ, и тѣхъ, которыя ниже сего въ IX-й статьѣ означены будутъ, въ полную собственность и обладаніе Е. В. короля Саксонскаго, подъ названіемъ Варшавскаго герцогства и будутъ управляемы по такимъ конституціямъ, чтобъ охраняя свободу и преимущества обитателей сего герцогства, согласны они были съ спокойствіемъ Державъ сосѣдственныхъ.

Article VI.

La ville de Dantzig avec un territoire de deux lieues de rayon autour de son enceinte, sera retablie dans son indépendance sous la protection de S. M. le Roi de Prusse et de S. M. le Roi de Saxe, et gouvernée par les lois qui la regissaient à l'époque où elle cessa de se gouverner elle-même.

Статья VI.

Городъ Данцигъ (Гданскъ) съ пространствомъ земли на двѣ мили во всѣ стороны вокругъ его, имѣетъ быть возстановленъ въ его независимости подъ покровительствомъ Ихъ Величествъ короля Прусскаго и короля Саксонскаго и будетъ управляемъ законами, подъ коими онъ состоялъ до того времени, какъ пересталъ быть подъ собственнымъ своимъ управленіемъ.

Article VII.

Pour les communications entre le Royaume de Saxe et le Duché de Varsovie, S. M. le Roi de Saxe aura le libre usage d'une route militaire à travers les possessions de S. M. le Roi de Prusse. La dite route, le nombre des troupes qui pourront y passer à la fois, et les lieux d'étapes seront déterminés par une convention spéciale faite entre Leurs dites Majestés sous la médiation de la France.

Статья VII.

Для сообщеній между королевствомъ Саксонскимъ и герцогствомъ Варшавскимъ, Е. В. король Саксонскій будетъ свободно пользоваться военнымъ путемъ чрезъ владѣнія Е. В. короля Прусскаго. Путь сей, число войскъ, которыя могутъ вдругъ проходить по оному и мѣсто для заготовленія съѣстныхъ припасовъ назначены будутъ особенною конвенціею, каковая имѣетъ быть заключена между Ихъ реченными Величествами при посредствѣ Франціи.

Article VIII.

S. M. le Roi de Prusse, S. M. le Roi de Saxe, ni la ville de Dantzig ne pourront empêcher par aucune prohibition, ni entraver par l'établissement d'aucun péage, droit ou impôt, de quelque nature qu'il puisse être, la navigation de la Vistule.

Статья VIII.

Е. В. король Прусской и Е. В. король Саксонскій и городъ Данцигъ не будутъ имѣть права никакимъ запрещеніемъ препятствовать свободному плаванію по Вислѣ, ниже затруднять оное установленіемъ какихъ бы то ни было сборовъ, налоговъ или пошлинъ.

Article IX.

Afin d'établir, autant qu'il est possible, des limites naturelles entre la Russie et le Duché de Varsovie, le territorie circonscrit par la partie des frontières russes actuelles qui s'étend depuis le Bug jusqu'à l'embouchure de la Lossosna et par une ligne partant de la dite embouchure et suivant le thalweg de cette rivière, le thalweg de la Bobra jusqu'à son embouchure, le thalweg de la Narew depuis le point susdit jusqu'à Suratz, de la Lisa jusqu'à sa source près le village de Mien, de l'affluent de la Nurseck prenant sa source près le même village, de la Nurseck jusqu'à son embouchure au-dessus

Статья IX.

Для постановленія между Россіею и герцогствомъ Варшавскимъ границъ сколь можно естественныхъ, область, окруженная частію настоящихъ границъ Россійскихъ, простирающеюся отъ Буга до устья Лоссосны, и линіею, идущею отъ помянутаго устья и слѣдующею по талвегу сей рѣки, по талвегу Бобры до ея устья, по талвегу Нарева отъ вышепомянутаго мѣста до Суратца, по талвегу Лисы до ея истока подлѣ деревни Міенъ, по талвегу протока, впадающаго въ Нурчекъ, подлѣ той же деревни выходящаго до его устья выше Нурра и, наконецъ, по талвегу Буга вверхъ до настоящихъ границъ

de Nurr et enfin le thalweg du Bug en le remontant jusqu'aux frontières russes actuelles, sera réuni à perpétuité à l'Empire de Russie.

Россійскихъ, присоединяется на вѣчныя времена къ Имперіи Россійской.

Article X.

Aucun individu de quelque classe et condition qu'il soit, ayant son domicile ou des propriétés dans le territoire spécifié en l'article précédent, ne pourra, non plus qu'aucun individu domicilié soit dans les provinces de l'ancien royaume de Pologne qui doivent être restituées à S. M. le Roi de Prusse, soit dans le Duché de Varsovie, mais ayant en Russie des biens fonds, rentes, pensions ou revenus de quelque nature qu'ils soient, être frappé dans sa personne, dans ses biens, rentes, pensions et revenus de tout genre, dans son rang et ses dignités, ni poursuivi, ni recherché en aucune façon quelconque pour aucune part ou politique ou militaire qu'il ait pû prendre aux événements de la guerre présente.

Статья X.

Никто, какого бы онъ состоянія или званія ни былъ, изъ имѣющихъ осѣдлость или собственность въ области, предыдущею статьею означенной, или въ провинціяхъ, бывшее королевство Польское составлявшихъ и возвращаемыхъ нынѣ Е. В. королю Прусскому, или же изъ людей, живущихъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, но имѣющихъ въ Россіи недвижимыя имѣнія, пенсіи или доходы, какого бы рода они ни были, не будетъ наказанъ ни лично, ни отобраніемъ отъ него имѣній движимыхъ или недвижимыхъ, пенсіоновъ и доходовъ какого-либо наименованія и не подвергнется ни лишенію чиновъ, ни достоинствъ, ниже какому-либо взысканію и слѣдствію за участіе, какое могъ онъ имѣть въ настоящую войну по дѣламъ военнымъ или политическимъ.

Article XI.

Tous les engagements et toutes les obligations de S. M. le Roi de Prusse tant envers les anciens possesseurs, soit de charges publiques, soit de bénéfices ecclésiastiques, militaires ou civils, qu'à l'égard des créanciers et des pensionnaires de l'ancien gouvernement de Pologne, restent à la charge de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et de S. M. le Roi de Saxe dans la proportion de ce que chacune de Leurs dites Majestés acquiert par les articles V et IX, et seront acquittés pleinement sans restriction, exception ni réserve aucune.

Статья XI.

Всѣ обязательства, существовавшія между Е. В. королемъ Прусскимъ и прежними владѣльцами пожизненныхъ должностей и доходовъ церковныхъ, воинскихъ и гражданскихъ, равно какъ и обязательства съ заимодавцами и пенсіонерами прежняго Польскаго правленія, пріемлются Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и Е. В. королемъ Саксонскимъ въ соразмѣрности ихъ пріобрѣтеній, на основаніи статей V и IX, и будутъ выполнены въ точности безъ всякаго ограниченія и исключенія.

Article XII.

Leurs Altesses Sérénissimes, les Ducs de Saxe-Cobourg, d'Oldenbourg et de Mecklenbourg-Schwérin seront remis chacun dans la pleine et paisible possession de ses Etats; mais les ports des Duchés d'Oldenbourg et de Mecklenbourg continueront d'être occupés par des garnisons françaises, jusqu'à l'échange des ratifications du futur Traité de paix définitive entre la France et l'Angleterre.

Статья XII.

Ихъ Свѣтлости герцоги Саксенъ-Кобургскій, Ольденбургскій и Мекленбургъ-Шверинскій возстановлены будутъ каждый въ полное и спокойное владѣніе областей, принадлежащихъ имъ; но гавани герцогства Ольденбургскаго и Мекленбургскаго по прежнему занимаемы будутъ французскими гарнизонами до размѣна ратификацій будущаго окончательнаго мирнаго трактата между Франціею и Англіею.

Article XIII.

S. M. l'Empereur Napoléon accepte la médiation de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, à l'effet de négocier et conclure un Traité de paix définitive entre la France et l'Angleterre, dans la supposition que cette médiation sera aussi acceptée par l'Angleterre un mois après l'échange des ratifications du présent Traité.

Статья XIII.

Е. В. Императоръ Наполеонъ пріемлетъ посредство Е. В. Императора Всероссійскаго для переговоровъ и заключенія окончательнаго мирнаго трактата между Франціею и Англіею въ томъ предположеніи, что посредство сіе и Англіею равномѣрно принято будетъ въ продолженіи одного мѣсяца отъ размѣна ратификацій настоящаго трактата.

Article XIV.

De son côté S. M. l'Empereur de toutes les Russies, voulant prouver combien il désire d'établir entre les deux Empires les rapports les plus intimes et les plus durables, reconnait S. M. le Roi de Naples, Joseph Napoléon et S. M. le Roi de Hollande Louis Napoléon.

Статья XIV.

Е. В. Императоръ Всероссійскій съ своей стороны, въ доказательство желанія своего къ возстановленію между обѣими Имперіями искреннихъ и прочныхъ сношеній, признаетъ Е. В. короля Неаполитанскаго Іосифа Наполеона и Е. В. короля Голландскаго Людвига Наполеона.

Article XV.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies reconnait pareillement la Confédération du Rhin, l'état actuel de possession de chacun des Souverains qui la composent et les titres donnés à plu-

Статья XV.

Е. В. Императоръ Всероссійскій равномѣрно признаетъ Рейнскій Союзъ, настоящее положеніе владѣнія каждаго изъ государей, оный Союзъ составляющихъ, и титулы, данные многимъ

sieurs d'entr'eux, soit par les l'Acte de Confédération, soit par les Traités d'accession subséquents.

Sa dite Majesté promet de reconnaître sur les notifications qui lui seront faites de la part de S. M. l'Empereur Napoléon, les Souverains qui deviendront ultérieurement membres de la Confédération, en la qualité qui leur sera donnée par les Actes qui les y feront entrer.

Article XVI.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies céde en toute propriété et souveraineté à S. M. le Roi de Hollande la Seigneurie de Jever dans l'Ost-Frise.

Article XVII.

Le présent Traité de paix et d'amitié est déclaré commun à Leurs Majestés les Rois de Naples et de Hollande et aux Souverains conféderés du Rhin alliés de Sa Majesté l'Empereur Napoléon.

Article XVIII.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies reconnait aussi Son Altesse Impériale le prince Jérôme Napoléon comme Roi de Westphalie.

Article XIX.

Le royaume de Westphalie sera composé de provinces cédées par S. M. le Roi de Prusse à la gauche de l'Elbe, et d'autres Etats actuellement possédés par S. M. l'Empereur Napoléon.

изъ нихъ какъ актомъ Союза, такъ и силою трактатовъ присоединенія, послѣ того заключенныхъ.

Е. В. Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ также, что по извѣщеніямъ, каковыя ему учинены будутъ со стороны Е. В. Императора Наполеона, государи, которые послѣ содѣлаются членами Рейнскаго Союза, признаваемы имъ будутъ въ томъ качествѣ, каковое дано имъ будетъ актами присоединенія.

Статья XVI.

Е. В. Императоръ Всероссійскій уступаетъ въ полную собственность и обладаніе Е. В. королю Голландскому Эверское княжество въ Остъ-Фризѣ.

Статья XVII.

Настоящій мирный и дружественный трактатъ признается общимъ для Ихъ Величествъ короля Неаполитанскаго и Голландскаго, и для соединенныхъ владѣтелей Рейнской Конфедераціи, союзниковъ Е. В. Императора Наполеона.

Статья XVIII.

Е. В. Императоръ Всероссійскій признаетъ равномѣрно Его Свѣтлость принца Іеронима Наполеона королемъ Вестфальскимъ.

Статья XIX.

Королевство Вестфальское составлено будетъ изъ областей, уступленныхъ Е. В. королемъ Прусскимъ по лѣвую сторону Эльбы и иныхъ, состоящихъ теперь во владѣніи Е. В. Императора Наполеона.

Article XX.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies promet de reconnaître la disposition qui, en conséquence de l'article XIX ci-dessus et des cessions de S. M. le Roi de Prusse, sera faite par S. M. l'Empereur Napoléon (laquelle devra être notifiée à S. M. l'Empereur de toutes les Russies) et l'état de possession en résultant pour les Souverains au profit desquels elle aura été faite.

Статья XX.

Е. В. Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ признать тѣ распоряженія, кои вслѣдствіе предыдущей XIX статьи и уступленій Е. В. короля Прусскаго учинены будутъ Е. В. Императоромъ Наполеономъ (распоряженія сіи должны быть сообщены Е. В. Императору Всероссійскому), и положеніе владѣнія изъ того произойти имѣющее для Государей, въ пользу коихъ оное учинено будетъ.

Article XXI.

Toutes les hostilités cesseront immédiatement sur terre et sur mer entre les forces de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et celles de Sa Hautesse dans tous les points où la nouvelle de la signature du présent Traité sera officiellement parvenue.

Les hautes Parties contractantes la feront porter sans délai par des couriers extraordinaires pour qu'elle parvienne le plus promptement possible aux généraux et commandants respectifs.

Статья XXI.

Всѣ непріятельскія дѣйствія прекратятся немедленно на сушѣ и на морѣ между войсками Е. В. Императора Всероссійскаго и войсками Его Султанова Величества во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ получено будетъ официальное извѣстіе о подписаніи настоящаго трактата.

Высокія договаривающіяся стороны немедленно отправятъ извѣстіе сіе съ нарочными, дабы оное сколько можно скорѣе получено было обоюдными генералами и командующими

Article XXII.

Les troupes russes se retireront des provinces de la Valachie et de la Moldavie, mais les dites provinces ne pourront être occupées par les troupes de Sa Hautesse jusqu'à l'échange des ratifications du futur Traité de paix définitive entre la Russie et la Porte Ottomane.

Статья XXII.

Россійскія войска выступятъ изъ княжествъ Валахскаго и Молдавскаго; но означенныя провинціи не будутъ заняты силами турецкими до размѣна ратификацій будущаго окончательнаго мирнаго трактата между Россіею и Портою Оттоманскою.

Article XXIII.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies accepte la médiation de S. M.

Статья XXIII.

Е. В. Императоръ Всероссійскій пріемлетъ посредство Е. В. Импера-

l'Empereur des Français, Roi d'Italie, à l'effet de négocier et conclure une paix avantageuse et honorable aux deux Empires.

Les plénipotentiaires respectifs se rendront dans le lieu dont les deux parties intéressées conviendront, pour y ouvrir et suivre les négociations.

тора Французскаго, короля Италійскаго для переговоровъ и заключенія мира съ выгодами и достоинствомъ обѣихъ Имперій согласнаго.

Обоюдные полномочные отправятся въ то мѣсто, которое съ обѣихъ участвущихъ сторонъ назначено будетъ для открытія и продолженія переговоровъ.

Article XXIV.

Les délais dans lesquels les hautes Parties contractantes devront retirer leurs troupes des lieux qu'elles doivent quitter en conséquence des stipulations ci-dessus, ainsi que le mode d'exécution des diverses clauses que contient le présent Traité, seront fixés par une convention spéciale.

Статья XXIV.

Срокъ, въ который высокія договаривающіяся стороны имѣютъ вывести свои войска изъ мѣстъ, которыя вслѣдствіе вышеозначенныхъ постановленій должны быть ими оставлены, равно какъ и образъ приведенія въ дѣйство различныхъ статей въ настоящемъ трактатѣ содержащихся, будутъ опредѣлены особенною конвенціею.

Article XXV.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, se garantissent mutuellement l'intégrité de leurs possessions et celles des Puissances comprises au présent Traité de paix, telles qu'elles sont maintenant ou seront en conséquence des stipulations ci-dessus.

Статья XXV.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французскій и король Италійскій взаимно ручаются за цѣлость какъ ихъ владѣній, такъ и тѣхъ Державъ, которыя участвуютъ въ настоящемъ мирномъ трактатѣ, въ томъ положеніи, въ каковомъ они теперь находятся или будутъ находиться вслѣдствіе вышеизображенныхъ постановленій.

Article XXVI.

Les prisonniers de guerre faits par les parties contractantes, ou comprises au présent Traité de paix, seront rendus rèciproquement sans échange et en masse.

Статья XXVI.

Военноплѣнные, взятые договаривающимися сторонами, или Державами, въ настоящемъ мирномъ трактатѣ участвующими, взаимно будутъ возвращены безъ размѣна и всѣ вмѣстѣ.

Article XXVII.

Les relations de commerce entre l'Empire de Russie d'une part, et d'autre

Статья XXVII.

Торговыя сношенія между Имперіею Россійскою, съ одной стороны, и, съ

part, entre l'Empire Français, le Royaume d'Italie, les Royaumes de Naples et de Hollande et les Etats conféderes du Rhin, seront rétablies sur le même pied qu'avant la guerre.

другой, между Имперіею Французскою, королевствомъ Италійскимъ, королевствами Неаполитанскимъ и Голландскимъ и владѣніями, Рейнскій Союзъ составляющими, возстановлены будутъ на томъ самомъ основаніи, на какомъ оныя прежде войны существовали.

Article XXVIII.

Le cérémonial des deux Cours de St. Pétersbourg et des Thuilleries entr' elles et à l'égard des Ambassadeurs, Ministres et Envoyés qu'elles accréditeront l'une près de l'autre, sera établi sur le principe d'une réciprocité et d'une égalité parfaites.

Статья XXVIII.

Церемоніалъ обоихъ Дворовъ С. П. Бургскаго и Тюлерійскаго какъ между ими, такъ и въ разсужденіи пословъ, министровъ и посланниковъ, которыхъ они одинъ у другого акредитуютъ, установленъ будетъ на правилахъ взаимства и совершеннаго равенства.

Article XXIX.

Le présent Traité sera ratifié par S. M. l'Empereur de toutes les Russies et par S. M. l'Empereur de Français, Roi d'Italie.

L'échange des ratifications aura lieu dans cette ville dans le délai de quatre jours.

Fait à Tilsit, le 25 juin (7 juillet) 1807.

(L. S.) Le Prince Alexandre Kourakin.
(L. S.) Le Prince Dmitri Lobanoff de Rostow.
(L. S.) Charles Maurice Talleyrand Prince de Benevent.

Статья XXIX.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и Е. В. Императоромъ Французскимъ, королемъ Италійскимъ.

Размѣнъ ратификацій имѣетъ послѣдовать въ семъ городѣ въ продолженіи 4 дней.

Заключенъ въ Тильзитѣ 25-го Іюня (7-го Іюля) 1807 года.

(М. П.) Князь Александръ Куракинъ.
(М. П.) Князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.
(М. П.) Карлъ Маврикій Талейранъ, Князь Беневентскій.

Articles séparés et secrets.

Article I.

Les troupes russes remettront aux troupes françaises le pays connu sous le nom de Cattaro.

Отдѣльныя и секретныя статьи.

Статья I.

Россійскія войска сдадутъ французскимъ войскамъ землю, извѣстную подъ именемъ Каттаро.

ARTICLE II.

Les Sept-Iles seront possédées en toute propriété et souveraineté par S. M. l'Empereur Napoléon.

СТАТЬЯ II.

Семь Островов поступятъ въ полную собственность и обладаніе Е. В. Императора Наполеона.

ARTICLE III.

Consent S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie à ne point inquiéter, ni rechercher, directement, ni indirectement, aucun sujet de la Sublime Porte et spécialement les Monténégrins, pour aucune part qu'ils aient prise ou pû prendre aux hostilités contre les troupes françaises, pourvu que désormais ils vivent paisiblement.

СТАТЬЯ III.

Е. В. Императоръ Французовъ, король Италійскій соглашается ни прямо, ни косвенно не подвергать взысканіямъ и не преслѣдовать никого изъ подданныхъ Блистательной Порты, и въ особенности Черногорцевъ, за какое бы ни было участіе, которое они принимали или могли принимать во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ французскихъ войскъ, лишь бы отнынѣ они жили мирно.

ARTICLE IV.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies s'engage à reconnaître S. M. le Roi de Naples Joseph Napoléon, comme Roi de Sicile aussitôt que le Roi Ferdinand IV aura une indemnité telle que les îles Baléares ou l'île de Candie, ou toute autre de même valeur.

СТАТЬЯ IV.

Е. В. Императоръ Всероссійскій обязуется признавать Е. В. короля Неаполитанскаго Іосифа Наполеона королемъ Сицилійскимъ, какъ только король Фердинандъ IV получитъ въ вознагражденіе острова Балеарскіе, или островъ Кандію, или другое равноцѣнное владѣніе.

ARTICLE V.

Si, lors de la paix future avec l'Angleterre, le Hanôvre vient à être réuni au Royaume de Westphalie, un territoire formé de pays cédés par S. M. le Roi de Prusse à la rive gauche de l'Elbe et ayant une population de trois à quatre cent mille âmes, cessera de faire partie de ce Royaume et sera rétrocédé à la Prusse.

СТАТЬЯ V.

Если во время будущаго мира съ Англіею Гановеръ будетъ присоединенъ къ Вестфальскому королевству, то территорія изъ земель, уступленныхъ Е. В. Прусскимъ королемъ на лѣвомъ берегу Эльбы, съ населеніемъ отъ трехъ до четырехсотъ тысячъ душъ, выдѣлится изъ состава сего королевства и будетъ возвращена Пруссіи.

ARTICLE VI.

Les Chefs actuels des maisons de Hesse-Cassel, de Brunswick-Wolfenbut-

СТАТЬЯ VI.

Нынѣшніе главы домовъ Гессенъ-Кассельскаго, Брауншвейгъ-Вольфен-

tel et de Nassau-Orange, jouiront d'un traitement annuel et viager, dont jouiront également le Princesses leurs épouses, si elles leur survivent.

Le traitement du Chef de la maison de Hesse-Cassel sera 200.000 florins d'Hollande.

Le traitement du Chef de la maison de Brunswick-Wolfenbuttel, de 100.000 florins d'Hollande.

Ces traitements seront acquittés par S. M. le Roi de Westphalie.

Le traitement du Chef de la maison de Nassau-Orange sera de 60.000 florins d'Hollande et acquitté par S. A. I. le Grand Duc de Berg.

S. A. S. Madame la Princesse douairière d'Anhalt-Zerbst, ayant dû jouir, sa vie durant, du revenu de la seigneurie de Ievers, en sera dédommagée par une pension de 60.000 florins d'Hollande qui sera acquittée par S. M. le Roi de Hollande.

бюттельскаго и Нассау-Оранскаго будутъ пользоваться ежегоднымъ пожизненнымъ содержаніемъ, коимъ будутъ пользоваться и принцессы ихъ супруги, буде онѣ ихъ переживутъ.

Содержаніе главы Гессенъ-Кассельскаго дома будетъ составлять 200.000 голландскихъ флориновъ.

Содержаніе главы Вольфенъ-Бюттельскаго дома—100.000 голл. флориновъ.

Эти суммы содержанія будутъ уплачиваться Е. В. королемъ Вестфальскимъ.

Содержаніе главы Нассау-Оранскаго дома составитъ 60.000 голл. флориновъ и будетъ уплачиваемо Е. И. Высочествомъ великимъ герцогомъ Бергскимъ.

Ея Свѣтлѣйшее Высочество вдовствующая принцесса Ангальтъ-Цербстская, какъ имѣющая право на пожизненное пользованіе доходами съ сеньёріальнаго владѣнія Іеверскаго, будетъ вознаграждена за оное пожизненною пенсіею въ 60.000 голл. флор., платимою Е. В. Голландскимъ королемъ.

Article VII.

Les articles ci-dessus, séparés et secrets auront la même force et valeur que s'ils avaient été textuellement insérés dans le traité patent de ce jour, et ils seront ratifiés en même temps.

Fait et signé à Tilsit, le 25 juin (7 juillet) 1807.

(L. S.) Le prince Alexandre Kourakin.

(L. S.) Le prince Dmitri Lobanoff de Rostoff.

(L. S.) Charles Maurice Talleyrand, Prince de Benevent.

Статья VII.

Вышеизложенныя отдѣльныя и секретныя статьи будутъ имѣть такую же силу и значеніе, какъ еслибъ онѣ отъ слова до слова были включены въ открытый трактатъ, въ сей день заключенный, и будутъ одновременно съ онымъ ратификованы.

Учинено и подписано въ Тильзитѣ 25-го іюня (7-го іюля) 1807 года.

(М. П.) Князь Александръ Куракинъ.

(М. П.) Князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

(М. П.) Карлъ Маврикій Тальеранъ, князь Беневентскій.

№ 494.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin ayant spécialement à coeur de rétablir la paix générale en Europe sur des bases solides et s'il se peut inébranlables, ont à cet effet résolu de conclure une alliance offensive et défensive et nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies,

M. le prince Alexandre Kourakin, Son Conseiller privé actuel, membre du Conseil d'Etat, Sénateur, Chancelier de tous les ordres de l'Empire, Chambellan actuel, Ambassadeur extraordinaire te Ministre plénipotentieire de S. M. l'Empereur de toutes les Russies près S. M. l'Empereur d'Autriche, et chevalier des ordres, etc.

et M. le prince Dmitri Lobanoff de Rostow, Lieutenant-Général des armées de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier des ordres, etc.;

Et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération du Rhin

M. Charles Maurice Talleyrand, Prince de Bénévent, Son Grand Chambellan et Ministre des relations extérieures, etc.

Lesquels après avoir échangé leurs pleinspouvoirs respectifs, sont convenus des articles suivants.

Article I.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français,

№ 494.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза, принимая особенно близко къ сердцу возстановленіе всеобщаго мира въ Европѣ на твердыхъ и по возможности на незыблемыхъ основаніяхъ, рѣшили для сего заключить оборонительный и наступательный союзъ и назначили своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій

князя Александра Куракина, своего дѣйств. тайн. совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, сенатора, Канцлера всѣхъ россійскихъ Императорскихъ орденовъ, дѣйств. камергера, чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра Е. В. Всероссійскаго Императора при Е. В. Императорѣ Австрійскомъ и кавалера орденовъ, и пр.

и князя Дмитрія Лобанова-Ростовскаго, генералъ-лейтенанта, кавалера орденовъ, и пр.;

и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, Протекторъ Рейнскаго Союза

Карла Маврикія Тальерана, князя Беневентскаго, своего оберъ-камергера, Министра Иностранныхъ Дѣлъ, и пр.,

которые, по размѣнѣ своихъ обоюдныхъ полномочій, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Статья I.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, Король

Roi d'Italie s'engagent à faire cause commune soit par terre, soit, par mer, soit enfin par terre et par mer dans toute guerre que la France ou la Russie serait dans la nécessité d'entreprendre ou de soutenir contre toute puissance Européenne.

Article II.

Le cas de l'alliance survenant, et chaque fois qu'il surviendra, les Hautes parties contractantes régleront, par une convention spéciale, les forces que chacune d'elles devra employer contre l'ennemi commun et les points où ces forces devront agir; mais dès à présent elles s'engagent à employer, si les circonstances l'exigent, la totalité de leurs forces de terre et de mer.

Article III.

Toutes les opérations des guerres communes seront faites de concert, et ni l'une, ni l'autre des parties contractantes ne pourra dans aucun cas traiter de la paix sans le concours ou le consentement de l'autre partie.

Article IV.

Si l'Angleterre n'accepte pas la médiation de la Russie, ou si l'ayant acceptée, elle n'a point au 1 novembre prochain, consenti à conclure la paix, en reconnaissant que les pavillons de toutes les puissances doivent jouir d'une égale et parfaite indépendance sur les mers, et en restituant les conquêtes par elle faites sur la France et ses alliés depuis 1805 où la Russie a fait

Италійскій обязуются дѣйствовать сообща какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, и одновременно на сушѣ и на морѣ, во всякой войнѣ, которую Франція или Россія была бы въ необходимости предпринять или вести противъ всякой европейской державы.

Статья II.

Когда наступитъ случай дѣйствія союза, и каждый разъ, когда оный наступитъ, Высокія договаривающіяся стороны опредѣлятъ особою конвенціею тѣ силы, которыя каждая изъ нихъ должна употребить противъ общаго врага, и тѣ пункты, гдѣ эти силы должны дѣйствовать; но онѣ обязуются отнынѣ употребить, если того потребуютъ обстоятельства, всѣ свои сухопутныя и морскія силы.

Статья III.

Всѣ общія военныя операціи будутъ исполняться по соглашенію, и ни та, ни другая договаривающаяся сторона не можетъ ни въ какомъ случаѣ вступать въ переговоры о мирѣ безъ участія или согласія другой стороны.

Статья IV.

Если Англія не приметъ посредничества Россіи, или, принявъ таковое, не согласится до 1-го будущаго ноября заключить миръ, признавъ, что флаги всѣхъ державъ должны пользоваться на моряхъ одинаковою полною независимостью, и возвративъ завоеванія, сдѣланныя ею на счетъ Франціи и ея союзниковъ съ 1805 года, когда Россія стала дѣйствовать сообща съ

cause commune avec elle, une note sera dans le courant du dit mois de novembre remise au Cabinet de St.-James par l'ambassadeur de S. M. l'Empereur de toutes les Russies. Cette note exprimant l'intérêt que Sa dite Majesté Impériale prend au repos du monde et l'intention où Elle est d'employer toutes les forces de son Empire, pour procurer à l'humanité le bienfait de la paix contiendra la déclaration positive et explicite, que sur le refus de l'Angleterre de conclure la paix aux conditions susdites, S. M. l'Empereur de toutes les Russies fera cause commune avec la France et pour le cas où le Cabinet de St.-James n'aurait pas donné au 1 décembre prochain une réponse cathégorique et satisfaisante, l'ambassadeur de Russie recevra l'ordre éventuel de demander ses passeports le dit jour et de quitter immédiatement l'Angleterre.

Article V.

Arrivant le cas prévu par l'article précédent, les Hautes parties contractantes feront de concert et au même moment sommer les trois Cours de Copenhague, de Stockholm et de Lisbonne, de fermer leurs ports aux Anglais, de rappeller de Londres leurs ambassadeurs et de déclarer la guerre à l'Angleterre. Celle des trois Cours qui s'y refusera, sera traitée comme ennemie par les deux Hautes parties contractantes, et la Suède s'y refusant, le Danemarck sera contraint de lui déclarer la guerre.

Article VI.

Les deux Hautes parties contractantes agiront pareillement de concert et

неюй, то въ теченіи сказаннаго мѣсяца ноября будетъ передана С.-Джемскому кабинету посломъ Е. В. Императора Всероссійскаго нота. Въ сей нотѣ, вмѣстѣ съ выраженіемъ значенія, которое Его реченное Императорское Величество придаетъ спокойствію міра, и его намѣренія употребить всѣ силы своей Имперіи для того, чтобы доставить человѣчеству благодѣтельный миръ, будетъ заключаться положительное и ясное объявленіе о томъ, что, въ случаѣ отказа Англіи заключить миръ на вышесказанныхъ условіяхъ, Е. В. Императоръ Всероссійскій будетъ дѣйствовать заодно съ Франціею, и если С.-Джемскій кабинетъ не дастъ къ 1-му будущему декабрю категорическаго и удовлетворительнаго отвѣта, то Россійскій посолъ получитъ повелѣніе потребовать въ означенный день свои паспорты и немедленно покинуть Англію.

Статья V.

При наступленіи предусмотрѣннаго въ предшедшей статьѣ случая Высокія договаривающіяся стороны сообща и одновременно пригласятъ три Двора: Копенгагенскій, Стокгольмскій и Лиссабонскій закрыть ихъ порты Англичанамъ, отозвать ихъ пословъ изъ Лондона и объявить Англіи войну. Съ тѣмъ изъ трехъ Дворовъ, который бы отъ сего отказался, будетъ поступлено Высокими договаривающимися сторонами, какъ съ непріятелемъ, и если откажется Швеція, то Данія будетъ принуждена объявить ей войну.

Статья VI.

Равнымъ образомъ Высокія договаривающіяся стороны будутъ дѣйствовать

insisteront avec force auprès de la Cour de Vienne pour qu'elle adopte les principes exposés dans l'article IV ci-dessus, qu'elle ferme ses ports aux Anglais, rappelle de Londres son ambassadeur et déclare la guerre à l'Angleterre.

сообща и настаивать съ силою при Вѣнскомъ дворѣ, чтобы онъ принялъ изложенныя выше, въ статьѣ IV, начала, чтобы онъ закрылъ свои порты Англичанамъ, отозвалъ своего посла изъ Лондона и объявилъ Англіи войну.

Article VII.

Si, au contraire, l'Angleterre, dans le dèlai spécifié ci-dessus, fait la paix aux conditions susdites (et S. M. l'Empereur de toutes les Russies employera toute son influence pour l'y ammener), le Hanovre sera restitué au Roi d'Angleterre en compensations des colonies Françaises, Espagnoles et Hollandaises.

Статья VII.

Если, напротивъ, Англія въ вышеозначенный срокъ заключитъ на помянутыхъ условіяхъ миръ (и Е. В. Императоръ Всероссійскій употребитъ все свое вліяніе, чтобы къ тому ее склонить), то Гановеръ будетъ возвращенъ Англійскому королю въ вознагражденіе за французскія, испанскія и голландскія колоніи.

Article VIII.

Pareillement, si par une suite des changements qui viennent de se faire à Constantinople, la Porte n'acceptait point la médiation de la France, ou si après qu'elle l'aura acceptée, il arrivait que dans le délai de trois mois après l'ouverture des négociations, elles n'eussent pas conduit à un résultat satisfaisant, la France fera cause commune avec la Russie contre la Porte Ottomane, et les deux Hautes parties contractantes s'entendront pour soustraire tous les provinces de l'Empire Ottoman en Europe, la ville de Constantinople et la Province de Roumélie exceptés, au joug et aux vexations des Turcs.

Статья VIII.

Равнымъ образомъ, если вслѣдствіе перемѣнъ, которыя произойдутъ въ Константинополѣ, Порта не приметъ посредничества Франціи, или если, послѣ принятія онаго, случилось бы, что въ трехмѣсячный срокъ по открытіи переговоровъ послѣдніе не привели къ удовлетворительному результату, то Франція будетъ дѣйствовать заодно съ Россіею противъ Оттоманской Порты и обѣ Высокія договаривающіяся стороны вступятъ въ соглашеніе о томъ, чтобы освободить изъ подъ ига и мученій Турецкихъ всѣ провинціи Оттоманской имперіи въ Европѣ, за исключеніемъ Константинополя и провинціи Румеліи.

Article IX.

Le présent Traité restera secret, et ne pourra être rendu public, ni communiqué à aucun Cabinet, parl'une des

Статья IX.

Настоящій трактатъ будетъ оставаться секретнымъ и не можетъ ни подлежать публичному оглашенію, ни

parties contractantes sans le consentement de l'autre.

Il sera ratifié et les ratifications en seront échangées à Tilsit dans le délai de quatre jours.

Fait à Tilsit, le 25 juin (7 juillet) 1807.

(L. S.) Le prince Alexandre Kourakin.

(L. S.) Le prince Dmitri Lobanoff de Roctow.

(L. S.) Charles Maurice Talleyrand, Prince de Bénévent.

быть сообщеннымъ которому-либо кабинету одною договаривающеюся стороною безъ согласія другой.

Онъ будетъ ратификованъ и ратификаціи онаго размѣнены въ четырехдневный срокъ.

Въ Тильзитѣ, 25-го іюня (7-го іюля) 1807 года.

(М. П.) Князь Александръ Куракинъ.

(М. П.) Князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

(М. П.) Карлъ Маврикій Тальеранъ, князь Беневентскій.

№ 495.

Deux officiers russes doivent être porteurs par duplicata des ordres de l'Empereur Alexandre à l'Amiral qui commande son escadre dans l'Adriatique, un de ces officiers partira avec un officier français pour se rendre à Zara par la route la plus courte et de-là à Cattaro. Du moment qu'il sera arrivé à Zara, s'il y a un bâtiment russe en croisière, il remettra au commandant la dépêche de l'Empereur, au lieu de la porter à Cattaro: s'il n'y en a pas, il continuera sa route jusqu'à Cattaro où il trouvera des frégates russes, et immédiatement une frégate russe mettra à la voile pour porter à l'Amiral les ordres de l'Empereur, en quelque lieu qu'il se trouve. Indépendamment de ce, le même officier aura des ordres de l'Empereur pour la remise de Cattaro aux troupes françaises.

№ 495.

Два россійскихъ офицера получатъ, въ двухъ экземплярахъ, приказы Императора Александра для передачи адмиралу, командующему Его эскадрою въ Адріатическомъ морѣ. Одинъ изъ сихъ офицеровъ отправится, вмѣстѣ съ французскимъ офицеромъ, въ Зару, кратчайшимъ путемъ, и оттуда въ Каттаро. Какъ только онъ прибудетъ въ Зару, и буде тамъ окажется россійское судно въ крейсерскомъ плаваніи, то онъ передастъ командиру депешу Императора, не отвозя ее въ Каттаро; если же такого судна не окажется, то онъ будетъ продолжать свой путь до Каттаро; тамъ онъ найдетъ россійскіе фрегаты, изъ коихъ одинъ немедленно станетъ подъ паруса, чтобы отвезти приказанія Императора къ адмиралу, гдѣ бы послѣдній ни находился. Независимо отъ сего, тотъ же офицеръ будетъ имѣть при себѣ приказы Императора о передачѣ Каттаро французскимъ войскамъ.

L'officier français qui accompagnera l'officier russe prendra les ordres du Major-général de l'armée française, pour que le général Marmont se concerte avec le commandant russe pour prendre possession de la forteresse de Cattaro.

Французскій офицеръ, который будетъ сопровождать россійскаго офицера, приметъ приказы отъ генералъ-майора французской арміи о томъ, чтобы генералъ Мармонъ вошелъ въ соглашеніе съ россійскимъ командующимъ о занятіи Каттарской крѣпости.

Il sera nécessaire que M-r de Budberg donne des ordres aux Agents russes qui seront près des Monténégrins pour le maintien de la bonne harmonie.

Необходимо, чтобы г. Будбергъ далъ приказанія россійскимъ агентамъ, состоящимъ при Черногорцахъ, о поддержаніи добраго согласія.

Il parait aussi convenable que l'officier russe soit porteur de dépêches au Consul russe à Trieste, pour notifier aux bâtiments russes le rétablissement de la paix et leur faire connaitre qu'ils peuvent relâcher dans les ports français, italiens et napolitains.

Представляется также полезнымъ, чтобы россійскій офицеръ отправленъ былъ съ депешами къ россійскому консулу въ Тріестѣ съ извѣщеніемъ россійскихъ судовъ о возстановленіи мира и съ сообщеніемъ, что они могутъ останавливаться въ портахъ французскихъ, итальянскихъ и неаполитанскихъ.

Il est convenu avec l'Empereur Alexandre que la garnison de Cattaro, se rendra soit par terre, soit par mer, à Venise où elle sera placée dans une ville de terre ferme et convenablement traitée: elle pourrait être très bien placée à Trévise ou à Padoue.

Съ Императоромъ Александромъ состоялось соглашеніе о томъ, чтобы Каттарскій гарнизонъ прибылъ, сухимъ путемъ или моремъ, въ Венецію, гдѣ онъ помѣстится въ одномъ изъ городовъ на сушѣ и будетъ прилично содержимъ; онъ могъ бы найти очень хорошее помѣщеніе въ Тревизѣ или въ Падуѣ.

Il est nécessaire que le Major-général donne des ordres au général Marmont et au Vice-Roi d'Italie sur la manière dont ces troupes doivent être traitées: l'intention de l'Empereur étant qu'elles le soyent comme les troupes françaises, en suivant leurs usages. On tiendra un compte particulier de l'argent qu'on leur avancera pour la solde.

Необходимо, чтобы генералъ-майоръ отдалъ приказанія генералу Мармону и Итальянскому вице-королю относительно того, какъ должны содержаться сіи войска: Императоръ желаетъ, чтобы они содержались, какъ французскія войска, согласно своимъ обычаямъ. Авансовымъ выдачамъ денегъ въ ихъ жалованье будетъ вестись особый счетъ.

Le même officier doit être porteur d'ordres pour faire recevoir les troupes françaises dans la citadelle de Corfou.

Съ тѣмъ же офицеромъ должны быть посланы приказанія о впускѣ французскихъ войскъ въ цитадель Корфу.

Les troupes russes pourront rester à

Россійскія войска могутъ оставаться

Corfou, ou selon ce qui leur paraitra préférable, se rendre par terre ou par mer à Venise et ainsi on réunirait toute la division russe de l'Adriatique. Le général César Berthier est le général qui prendra possession de Corfou: il s'embarquera à Otrante avec les troupes qui sont cantonnées à Tarente pour cet objet.

La partie des troupes russes que le général commandant à Corfou jugerait convenable de laisser encore quelque temps dans cette île y ferait le service avec les troupes françaises et la défendrait envers et contre tous.

Le Consul français à Janina sera prévenu par le général César Berthier, mais seulement quand les troupes françaises seront entrées dans la citadelle de Corfou: il sera invité à y envoyer des vivres; même recommandation sera faite au Roi de Naples et au Vice-Roi d'Italie.

Les magasins de vivres qui resteraient à Corfou seront remis sur procès-verbal aux commissaires français pour en tenir compte comme de droit; même observation pour les magasins de vivres de Cattaro.

Ce qui appartient à l'artillerie et à la Marine russe y restera en dépôt entre les mains des gardiens qu'il conviendra aux officiers russes d'y laisser.

S'il est des troupes russes de la garnison de Corfou qui préfèrent débarquer à Otrante, ou sur un point quelconque de la Dalmatie, pour éviter la mer et faire la route à pied, on leur donnera toute facilité.

въ Корфу, или, смотря потому, что они предпочтутъ, отправиться, сухимъ путемъ или моремъ, въ Венецію, гдѣ такимъ образомъ соединилась бы вся россійская Адріатическая дивизія. Занятіе Корфу возлагается на генерала Цезаря Бертье; онъ сядетъ на суда въ Отранте съ войсками, которыя расположены для сей цѣли въ Таранте.

Часть россійскихъ войскъ, которую командующій генералъ въ Корфу нашелъ бы полезнымъ оставить еще нѣкоторое время на этомъ островѣ, будетъ нести здѣсь службу совмѣстно съ французскими войсками и защищать островъ противъ кого бы ни было.

Французскій консулъ въ Янинѣ будетъ предупрежденъ генераломъ Цезаремъ Бертье, но только когда французскія войска вступятъ въ цитадель Корфу; ему будетъ предложено послать туда припасы; такое же предложеніе будетъ сдѣлано Неаполитанскому королю и вице-королю Италіи.

Провіантскіе магазины, оставшіеся въ Корфу, будутъ сданы, по составленному о семъ протоколу, французскимъ комиссарамъ для расчетовъ согласно положенію; то же относится и къ провіантскимъ магазинамъ въ Каттаро.

Все принадлежащее россійской артиллеріи и флоту останется на складѣ у хранителей, которыхъ заблагоразсудятъ оставить здѣсь россійскіе офицеры.

Еслибъ между россійскими войсками гарнизона въ Корфу оказались такія, которыя предпочли бы высадиться въ Отранте или въ какомъ-либо пунктѣ Далмаціи, чтобы избѣжать моря и совершить путь пѣшкомъ, то таковымъ будутъ предоставлены всѣ облегченія.

Le deuxième officier russe doit être expédié avec un autre officier français pour se rendre à Otrante: ils seront dirigés sur Corfou; ils seront tous deux porteurs de duplicata, afin que l'un manquant, l'autre arrive: ils seront porteurs de 3 ordres, l'un au commandant de Cattaro et l'autre au commandant de Corfou, le 3-ème relativement à l'escadre russe.

L'intention de l'Empereur Alexandre est que toute son escadre de l'Adriatique se rende à Cadix, et s'adresse à l'Amiral français qui est dans ce port: lequel a ordre de lui faire fournir *tous* les vivres dont elle aura besoin, et de ne pas l'arrêter plus de 3 jours. De là elle continuera sa route par Copenhague avec l'avertissement que s'il lui arrive des accidents, ou qu'elle manque de quelque chose, elle peut relâcher à Rochefort, à Lorient ou à Brest; les ordres ayant déjà été donnés au Ministre de la Marine de France que l'escadre russe arrivant dans l'un de ces ports, on lui donne *tous* les vivres et autres objets dont elle aura besoin, sans la retenir plus de 2 ou 3 jours.

Les vaisseaux russes qui ne pourraient pas suivre l'escadre seraient laissés à Cadix ou envoyés à Toulon pour y être réparés et remis en état. Les ordres sont déjà donnés de la part de la France pour ces deux objets.

Les vaisseaux de la Mer Noire doivent rester à Corfou, à moins que le commandant ne préfère par des raisons

Второй россійскій офицеръ имѣетъ быть отправленъ съ другимъ французскимъ офицеромъ въ Отранте; они будутъ направлены на Корфу; оба они получатъ двойные экземпляры бумагъ, такъ что если одинъ не дойдетъ, то дойдетъ другой. Они будутъ снабжены тремя приказами, изъ коихъ одинъ — къ командующему въ Каттаро, другой къ командующему въ Корфу, третій касается россійской эскадры.

Императоръ Александръ желаетъ, чтобы вся его Адріатическая эскадра отправилась въ Кадиксъ и обратилась къ французскому адмиралу, который находится въ семъ портѣ; онъ имѣетъ приказаніе доставить эскадрѣ *всѣ* припасы, въ коихъ она будетъ имѣть нужду, и не задерживать оную болѣе 3-хъ дней. Отсюда она будетъ продолжать свой путь чрезъ Копенгагенъ съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ какого-либо приключенія или въ чемъ-либо недостатка, она можетъ остановиться въ Рошфорѣ, Лоріанѣ или въ Брестѣ. Французскому Морскому Министру даны уже приказанія о томъ, чтобы, по прибытіи россійской эскадры въ одинъ изъ сихъ портовъ, оной были даны *всѣ* припасы и другіе предметы, въ которыхъ она будетъ нуждаться, безъ задержки болѣе 2-хъ или 3-хъ дней.

Россійскіе корабли, которые не могли бы слѣдовать съ эскадрой, будутъ оставлены въ Кадиксѣ или посланы въ Тулонъ для починки и приведенія въ порядокъ. Со стороны Франціи уже даны приказанія относительно сихъ двухъ предметовъ.

Черноморскіе корабли должны оставаться въ Корфу, если только командующій не предпочтетъ по особымъ

particulières, soit d'entrer à Venise, soit dans un port de Naples; ils doivent attendre là une lettre de l'ambassadeur de France à Constantinople, qui fasse connaitre si l'on a pu obtenir le passage dans la Mer Noire; dans quelque endroit que cette escadre se mette, elle doit toujours se tenir à portée des batteries de côtes et à l'abri d'une surprise de mer, soit de la part des Turcs, soit de la part des Anglais.

L'Adjudant commandant français Guilleminot accompagné d'un officier russe doit se rendre au quartier général du général Michelson; il doit être porteur de lettres du prince de Bénévent au grand visir et à l'ambassadeur de France à Constantinople, sur les ordres qui ont été donnée ce matin. Le général Michelson doit être prévenu des mêmes dispositions; toute hostilité devant cesser, si la Porte adhère au Traité et accepte la médiation de la France; le général Michelson recevra des ordres pour conclure cette suspension d'armes avec le grand visir conformément aux termes du Traité.

Si, au contraire, la Porte voulait rester en guerre avec la Russie et refusait la médiation de la France, ce qui n'est pas à présumer, le général Michelson restera maître de ses opérations.

Le général Suchet sera nommé pour conjointement avec l'officier russe que nommera le prince Lobanoff, marquer les pôteaux de limites des frontières de la Russie et de la Saxe; les pôteaux devront être placés sous huit jours, et

соображеніямъ войти въ Венецію или въ одинъ изъ Неаполитанскихъ портовъ; здѣсь они должны дожидаться письма отъ французскаго посла въ Константинополѣ, съ извѣщеніемъ, можно ли получить проходъ въ Черное море; въ какое бы мѣсто сія эскадра ни отправилась, она должна всегда держаться на разстояніи дѣйствія огня береговыхъ баттарей и въ безопасности отъ морскихъ нечаянностей, со стороны ли Турокъ, или со стороны Англичанъ.

Французскій командующій адъютантъ Гійемино, сопровождаемый россійскимъ офицеромъ, долженъ явиться въ главную квартиру генерала Михельсона съ письмами князя Беневентскаго къ великому визирю и къ французскому послу въ Константинополѣ, по даннымъ сегодня утромъ приказамъ. Генералъ Михельсонъ долженъ быть предупрежденъ о сихъ распоряженіяхъ; всѣ враждебныя дѣйствія должны прекратиться, если Порта приступитъ къ трактату и приметъ французское посредничество; генералъ Михельсонъ получитъ приказанія о заключеніи съ великимъ визиремъ соглашенія о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, согласно съ постановленіями трактата.

Если, напротивъ, Порта пожелаетъ остаться въ войнѣ съ Россіею и откажется отъ посредничества Франціи, чего нельзя предполагать, то генералъ Михельсонъ воленъ будетъ распоряжаться своими операціями.

Генералъ Сюшэ будетъ назначенъ для совмѣстнаго съ россійскимъ, назначеннымъ княземъ Лобановымъ, офицеромъ опредѣленія мѣстъ постановки пограничныхъ столбовъ на границахъ Россіи и Саксоніи; столбы должны

vingt quatre heures après les troupes russes prendront possession de la partie qui leur est cédée, de manière que le 20 juillet tout cela soit fait.

Tilsit, le 9 juillet 1807.

Les soussignés plénipotentiaires sont convenus de donner des ordres conformes aux dispositions ci-dessus, convenu entre Leurs M. M. l'Empereur de toutes les Russie et l'Empereur des Français, en foi de quoi, etc.

(L. S.) Le Prince Dmitri Lobanoff de Rostow.

(L. S.) Le Prince de Neufchâtel, Maréchal César Berthier.

быть поставлены въ теченіи 8 дней, и спустя 24 часа послѣ сего россійскія войска займутъ уступленную имъ часть, такъ чтобъ 20-го іюля все сіе было исполнено.

Въ Тильзитѣ, 9-го іюля 1807 года.

Нижеподписавшіеся уполномоченные условились объ отдачѣ приказаній, согласно съ вышеизложенными постановленіями, относительно коихъ послѣдовало соглашеніе между Ихъ Величествами Императоромъ Всероссійскимъ и Императоромъ Французовъ, въ удостовѣреніе чего и пр.

(М. П.) Князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

(М. П.) Князь Невшательскій, маршалъ Цезарь Бертье.

ANNEXE.

Traité de paix, conclu à Paris le 8 (20) juillet 1806.

S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, roi d'Italie, voulant arrêter l'éffusion du sang occasionnée par la guerre, qui a lieu entre leurs Etats et sujets respectifs, et voulant en outre contribuer mutuellement autant qu'il est en Elles à la pacification générale de l'Europe, ont résolu de conclure un traité de paix définitif et ont nommé en conséquence pour plénipotentiaires, savoir:

S. M. l'Empereur de toutes les Russies

M. Pierre d'Oubril, son Conseiller d'Etat et chevalier des ordres de St. Wladimir de la troisième classe, etc.

et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie

M. Henry Jacques Guillaume Clarke, général de division, conseiller d'Etat et secrétaire du Cabinet, grand officier de la Légion d'honneur,

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мирный трактатъ, заключенный въ Парижѣ 8-го (20-го) іюля 1806 года.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій, желая остановить кровопролитіе, учиненное войною, происходящею между ихъ государствами и подданными, и желая, кромѣ того, взаимно, насколько отъ нихъ зависитъ, содѣйствовать всеобщему умиротворенію Европы, рѣшили заключить окончательный трактатъ о мирѣ и вслѣдствіе сего назначили уполномоченными:

Е. В. Императоръ Всероссійскій

Петра Убри, своего Статск. Совѣтника и кавалера орденовъ Св. Владиміра 3-й степени, и пр.

и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Италійскій

Генриха Якова Вильгельма Кларка, дивизіоннаго генерала, статскаго совѣтника и кабинетнаго секретаря, кавалера почетнаго легіона большого офицерскаго креста,

Lesquels après avoir échangé leurs pleins pouvoirs sont convenus des articles cy-après:

ARTICLE I.

Il y aura à compter de ce jour, paix et amitié à perpétuité entre S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, leurs héritiers et successeurs, leurs Etats et sujets respectifs.

ARTICLE II.

En conséquence de l'article I, les hostilités entre les deux nations cesseront dès à présent de toutes parts, tant sur terre que sur mer.

Les ordres nécessaires pour cette cessation seront expédiés dans les vingt quatre heures qui suivront la signature du présent traité.

Tous les bâtiments de guerre ou autres appartenant à l'une des deux Puissances ou à leurs sujets respectifs et qui seront pris dans quelque partie du monde que ce soit, après la signature du présent traité définitif, seront restitués.

ARTICLE III.

Les troupes russes remettront aux troupes françaises le territoire connu sous le nom de Bouches du Cattaro qui appartient, ainsi que la Dalmatie, à S. M. l'Empereur des Français, comme Roi d'Italie, en vertu de l'article IV du Traité de Presbourg.

Les troupes russes auront toutes les facilités convenables, pour évacuer soit les Bouches du Cattaro, soit les territoires de Raguse, de Monténégro et de

которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Статья I.

Начиная отъ сего дня, будетъ на вѣчныя времена миръ и дружба между Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и Е. В. Императоромъ Французовъ и Италійскимъ королемъ, ихъ наслѣдниками и преемниками, ихъ государствами и подданными.

Статья II.

За силою статьи I, враждебныя дѣйствія между двумя націями отнынѣ повсюду прекратятся, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Необходимыя для сего повелѣнія будутъ отправлены въ теченіи 24 часовъ по подписаніи настоящаго трактата.

Всѣ военныя и другія суда, принадлежащія одной изъ двухъ державъ, или ихъ подданнымъ, и захваченныя въ какой бы ни было части свѣта послѣ подписанія настоящаго окончательнаго трактата, будутъ возвращены.

Статья III.

Россійскія войска сдадутъ французскимъ войскамъ территорію, извѣстную подъ именемъ Бокка ди Каттаро, которая принадлежитъ, какъ и Далмація, Е. В. Императору Французовъ, какъ Италійскому королю, въ силу IV статьи Пресбургскаго трактата.

Россійскимъ войскамъ будутъ предоставлены всѣ соотвѣтственныя облегченія для очищенія Бокка ди Каттаро, какъ и земель Рагузы, Черногоріи и

la Dalmatie, si les circonstances de la guerre les avaient engagées à y entrer.

Au moment même de la signification du présent traité, les commandants respectifs de terre et de mer s'entendront mutuellement, soit pour l'évacuation, soit pour la remise des pays désignés au présent traité.

D'une autre part, les troupes françaises évacueraient également le territoire Turc de Monténégro, si les circonstances de la guerre les y avaient conduites.

Далмаціи, буде военныя обстоятельства заставили ихъ туда вступить.

При подписаніи настоящаго трактата обоюдные командующіе сухопутными и морскими силами взаимно условятся какъ объ очищеніи, такъ и о сдачѣ означенныхъ въ семъ трактатѣ земель.

Съ другой стороны, французскія войска равнымъ образомъ очистятъ турецкую территорію Черногоріи, если военныя обстоятельства привели ихъ туда.

Article IV.

S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie consent, d'après la demande de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et par égard pour Elle:

1) à rendre à la République de Raguse son indépendance, afin qu'elle en jouisse comme par le passé, sous la garantie de la Porte Ottomane.

Les Français garderont la position de Stagno sur la presq'île de Jabioncello afin d'assurer leurs communications avec Cattaro.

2) à cesser toute hostilité contre les Monténégrins à compter de la date du présent traité, tant qu'ils vivront paisiblement et en sujets de la Porte.

Ils devront se retirer sans délai dans leur pays et S. M. l'Empereur Napoléon promet de ne les inquiéter, ni rechercher pour la part qu'ils peuvent avoir prise aux hostilités commises dans l'Etat de Raguse et dans les contrées adjacentes.

Статья IV.

Е. В. Императоръ Французовъ, Италійскій король, вслѣдствіе просьбы Е. В. Императора Всероссійскаго и изъ уваженія къ нему, соглашается:

1) Возвратить Рагузской республикѣ ея независимость съ тѣмъ, чтобы она пользовалась ею, какъ и въ прошлое время, подъ гарантіею Оттоманской Порты.

Французы удерживаютъ за собою позицію въ Стагно на полуостровѣ Жабіончелло для обезпеченія своихъ сообщеній съ Каттаро.

2) Прекратить всѣ непріязненныя дѣйствія противъ Черногорцевъ, со дня подписанія настоящаго трактата, насколько они будутъ жить мирно и останутся подданными Порты.

Они должны безъ промедленія удалиться въ свою страну, и Е. В. Императоръ Наполеонъ обѣщаетъ ни наказывать, ни преслѣдовать ихъ за то участіе, которое они могли принимать въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ государствѣ Рагузскомъ и въ прилегающихъ земляхъ.

Article V.

L'indépendance des Sept-Isles est reconnue par les deux Puissances.

Les troupes russes actuellement dans la Méditerranée se retireront aux Sept-Isles. S. M. l'Empereur de toutes les Russies, dans l'intention de donner de nouvelles preuves de ses voeux sincères pour la paix, n'y entretiendra pas au delà de quatre mille hommes de ses troupes qu'Elle retirera lorsqu'Elle le jugera convenable.

Статья V.

Независимость Семи Острововъ признается обѣими державами.

Россійскія войска, находящіяся въ настоящее время въ Средиземномъ морѣ, удалятся на Семь Острововъ. Е. В. Императоръ Всероссійскій, желая дать новыя доказательства своего искренняго расположенія къ миру, не будетъ тамъ содержать свыше 4.000 человѣкъ своихъ войскъ, которыя онъ удалитъ, когда признаетъ сіе удобнымъ.

Article VI.

L'indépendance de la Porte Ottomane est réciproquement promise et les deux Hautes parties contractantes s'engagent mutuellement à la maintenir ainsi que l'intégrité de son territoire.

Статья VI.

Независимость Оттоманской Порты взаимно обѣщается, и Высокія договаривающіяся стороны обоюдно обязуются сохранить оную, равно какъ и цѣлость Оттоманской территоріи.

Article VII.

Aussitôt que l'ordre pour l'évacuation des Bouches du Cattaro sera parti en conséquence du traité de paix définitif, toutes raisons de guerre ayant cessées par suite de ce traité, les troupes françaises évacueront l'Allemagne. S. M. l'Empereur Napoléon déclare que dans trois mois au plus tard à dater de la signature du présent traité, toutes ses troupes seront rentrées sur le territoire français.

Статья VII.

Тотчасъ по отправленіи приказа объ очищеніи Бокка ди Каттаро согласно окончательнаго трактата о мирѣ, и такъ какъ всѣ поводы къ войнѣ въ силу сего трактата прекращаются, то французскія войска очистятъ Германію. Е. В. Императоръ Наполеонъ объявляетъ, что не позже трехъ мѣсяцевъ по подписаніи настоящаго трактата всѣ его войска возвратятся на французскую территорію.

Article VIII.

Le deux Hautes parties contractantes s'engagent à réunir leurs bons offices pour faire cesser le plus tôt possible l'état de guerre entre la Prusse et la Suède.

Статья VIII.

Обѣ Высокія договаривающіяся стороны обязываются соединить свои добрыя услуги для возможно скорѣйшаго прекращенія войны между Пруссіею и Швеціею.

Article IX.

Les deux Hautes parties contractantes voulant faciliter autant qu'il est en Elles le retour de la paix maritime, S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, verra avec plaisir les bons offices de S. M. l'Empereur de toutes les Russies pour cet objet.

Статья IX.

Обѣ Высокія договаривающіяся стороны желаютъ, насколько отъ нихъ зависитъ, облегчить возстановленіе мира морскаго. Вслѣдствіе сего Е. В. Императоръ Французовъ, король Италійскій отнесется съ удовольствіемъ къ добрымъ по сему предмету услугамъ Е. В. Императора Всероссійскаго.

Article X.

Les relations de commerce entre les sujets des deux Empires seront rétablies dans l'état où elles étaient avant l'époque de la mésintelligence qui les a troublées et interrompues.

Статья X.

Коммерческія сношенія между подданными обѣихъ имперій возстановятся въ томъ состояніи, въ коемъ они были до времени несогласія, ихъ разстроившаго и порвавшаго.

Article XI.

Les prisonniers des deux nations seront remis en masse aux agents de leur gouvernement aussitôt après l'échange des ratifications.

Статья XI.

Военноплѣнные обѣихъ націй будутъ сданы всѣ вмѣстѣ агентамъ ихъ правительствъ тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій.

Article XII.

Le rétablissement des Légations respectives et du cérémonial entre les deux Hautes Puissances contractantes aura lieu en conformité de ce qui était d'usage avant la guerre.

Статья XII.

Возстановленіе обоюдныхъ дипломатическихъ миссій и церемоніала между двумя высокими державами послѣдуетъ согласно съ тѣмъ, что соблюдалось до войны.

Article XIII.

Les ratifications du présent traité seront échangées dans vingt cinq jours à St. Pétersbourg par des personnes dûment autorisées à cet effet de part et d'autre.

Fait et signé à Paris, le 8 (20) juillet 1806.

(L. S.) Pierre d'Oubril.

(L. S.) Clarke.

Статья XIII.

Ратификаціи настоящаго трактата будутъ размѣнены въ теченіи двадцати пяти дней, въ С.-Петербургѣ, лицами, надлежащимъ образомъ съ той и другой стороны для сего уполномоченными.

Учинено и подписано въ Парижѣ, 8-го (20-го) іюля 1806 года.

(М. П.) Петръ Убри.

(М. П.) Кларкъ.

Articles secrets.

ARTICLE I.

Si par suite des circonstances le Roi Ferdinand IV ne devait plus continuer de posséder la Sicile, S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, se réuniraient et concerteraient toutes leurs mesures pour déterminer la Cour de Madrid à céder les îles Baléares au Prince royal, fils du Roi Ferdinand IV, pour en jouir ainsi que ses héritiers et successeurs avec le titre de Roi. S. M. l'Empereur Alexandre reconnaitrait à cette époque le nouveau Roi des Deux Siciles.

En attendant cette époque, S. M. l'Empereur de toutes les Russies rétablira ses relations de commerce avec Naples et, de son côté, l'Etat de Naples entretiendra les meilleures relations commerciales avec les Sept-Isles, et avec tout le commerce russe.

La cession des îles Baléares n'aura lieu que sous la condition expresse que les ports des dites îles seront fermés pendant la présente guerre entre la France et la Grande Bretagne, aux Puissances ennemies de la France et de l'Espagne.

ARTICLE II.

Le Roi Ferdinand IV et la Reine sa femme ne pouvant résider dans les îles Baléares lorsque leur fils portera cette couronne, il sera pourvu à leur existence et à leur entretien suivant les arran-

Секретныя статьи.

СТАТЬЯ I.

Если, въ силу обстоятельствъ, король Фердинандъ IV не долженъ будетъ болѣе продолжать владѣть Сициліею, то Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, король Италійскій соединятся и согласятся между собою о всѣхъ своихъ мѣрахъ къ тому, чтобы побудить Мадридскій Дворъ уступить Балеарскіе острова королевскому принцу, сыну короля Фердинанда IV, съ тѣмъ, чтобы онъ, равно какъ и его наслѣдники и преемники, владѣли ими съ титуломъ короля. Е. В. Императоръ Александръ признáетъ тогда новаго короля обѣихъ Сицилій.

До того же времени Е. В. Императоръ Всероссійскій возстановитъ свои коммерческія сношенія съ Неаполемъ, и, съ своей стороны, Неаполитанское государство будетъ поддерживать наилучшія коммерческія сношенія съ Семью Островами и со всею россійскою коммерціею.

Уступка Балеарскихъ острововъ послѣдуетъ не иначе, какъ подъ положительнымъ условіемъ, что порты названныхъ острововъ будутъ, во время настоящей войны между Франціею и Великобританіею, закрыты для державъ непріятельскихъ по отношенію къ Франціи и Испаніи.

СТАТЬЯ II.

Принимая во вниманіе, что король Фердинандъ IV и королева его супруга не могутъ пребывать на Балеарскихъ островахъ, когда ихъ сынъ будетъ носить эту корону, существованіе и со-

gements qui pourront être pris à ce sujet. Les Hautes Puissances contractantes s'engagent à n'y mettre aucun obstacle et à les favoriser de tout leur pouvoir.

держаніе ихъ будетъ обезпечено по соглашеніямъ, которыя могутъ по сему предмету состояться. Высокія договаривающіяся державы обязуются не ставить тому никакого препятствія и всѣми своими силами оному благопріятствовать.

Article III.

S. M. l'Empereur des Français pour répondre au voeu émis dans l'article VIII du traité patent, promet d'engager la Prusse à conclure le plus tôt possible la paix avec la Suède sans enlever à cette Puissance la Poméranie Suédoise.

D'une autre part S. M. l'Empereur de toutes les Russies promet d'engager la Suède à conclure promptement la paix avec la France et la Prusse.

Les présents articles secrets auront la même force que s'ils étaient insérés dans le traité patent, et seront ratifiés en même temps.

Fait et signé à Paris, le 8 (20) juillet 1806.

(L. S.) Pierre d'Oubril.

(L. S.) G. Clarke.

Статья III.

Е. В. Императоръ Французовъ, въ отвѣтъ на пожеланіе, выраженное въ статьѣ VIII открытаго трактата, обѣщаетъ обязать Пруссію къ скорѣйшему заключенію мира съ Швеціею, не отымая отъ сей державы Шведской Помераніи.

Съ другой стороны, Е. В. Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ обязать Швецію къ скорѣйшему заключенію мира съ Франціею и съ Пруссіею.

Настоящія секретныя статьи будутъ имѣть такую же силу, какъ еслибъ онѣ были вписаны въ открытый трактатъ, и будутъ одновременно съ онымъ ратификованы.

Учинено и подписано въ Парижѣ, 8-го (20-го) іюля 1806 года.

(М. П.) Петръ Убри.

(М. П.) В. Кларкъ.

ERRATA:

Page 101, ligne 10, lisez:
le Grand-Duc Pierre Féodorowitch.

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 101, строка 10 и 11, читайте:
В. К. Петръ Θеодоровичъ.
Стр. 112, подъ № 485, читайте:
сентября 3-го (августа 24-го).
Стр. 196, строка 38, читайте:
графа Сегюра.

Другія сочиненія того же Автора:

„Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными Державами“ (съ историческими очерками):

„Трактаты съ Австріею“, тома I — IV, часть II-я; всего 5 томовъ, изданныхъ съ 1874 по 1878 годъ.

„Трактаты съ Германіею“, тома V (VI) — VIII (IX); всего 4 тома, изданныхъ съ 1880 по 1888 годъ.

„Трактаты съ Англіею“, тома X—XII; всего 3 тома, изданные съ 1892 по 1898 г.

„О правѣ частной собственности во время войны“ (1869).

„О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ“ (1873). Переведено на нѣмецкій языкъ.

„Восточная война и Брюссельская конференція 1874 — 1878“. (1878). Переведено, съ значительными дополненіями, на французскій языкъ: „La Paix et la Guerre“. Paris 1901.

„La Russie et l'Angleterre dans l'Asie centrale“. (Bruxelles 1879). Переведено на русскій, нѣмецкій и англійскій языки.

„Le conflit entre la Russie et la Chine, ses origines, son développement et sa portée universelle“. (Bruxelles 1880).

„La question Egyptienne et le droit international“. (Bruxelles 1882).

„Mémoire sur le télégraphe en Chine“. (Copenhaque 1883).

„La Conférence du Congo à Berlin et la politique coloniale des Etats modernes“. (Bruxelles 1886).

„Современное международное право цивилизованныхъ народовъ“, 2 тома; 4 изданіе 1898 — 1900 г. Переведено на нѣмецкій, французскій, испанскій, японскій, персидскій и другіе языки.
